Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

КЛАССИЧЕСКАЯ И ВИЗАНТИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ. 2014

Материалы VIII международной научной конференции

Белгород
2014

ББК 63.3 (0) 3
К 79

Печатается по решению кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения (протокол № 3 от 12.11.2014 г.) и Центра Постклассических исследований

Ответственный редактор-составитель:

д.и.н. *Николай Николаевич Болгов*

К 79 **Классическая и византийская традиция. 2014:** материалы VIII международной конференции. / Под ред. Н.Н. Болгова – Белгород: ООО «Эпицентр», 2014. – 400 с.

ISBN 978-5-9905516-8-8

В настоящее издание вошли материалы VIII международной научной конференции, проведенной кафедрой всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета 4 октября 2014 г. Среди авторов сборника – начинающие ученые, аспиранты и студенты, работающие в русле научного направления «Классическая и византийская традиция». Книга может быть полезной всем, кто изучает проблемы античной и византийской истории и культуры.

В сборник также вошли материалы научно-практического семинара «История в зеркале художественной литературы» (20 февраля 2014 г.), новые переводы источников и материалов, рецензии, хроника научных событий и другие материалы.

ББК 63.3 (0) 3

ISBN 978-5-9905516-8-8

ФОРУМ 2014

Конференция «Классическая и византийская традиция» в 2014 г. проводилась уже в восьмой раз.

За время, прошедшее с начала проекта, сделано немало. «Классическая и византийская традиция» утверждена как официальное научное направление БелГУ. В 2014 г. запущена серия «Мир поздней античности. Документы и материалы», в которой вышло уже два выпуска. Состоялся очередной сезон археологических отрядов, два из которых работали в Крыму, один на Тамани. Защищена кандидатская диссертация А.Ю. Рышковской «Традиция женского аскетизма и монашества на ранневизантийском Востоке (Египет и Палестина)» (07.11.2014). Активно ведется работа над переводами сочинений позднеантичных авторов, часть из которых предварительно представлена в настоящей книжке. Работает Центр Постклассических исследований.

Среди участников конференции 2014 г. и авторов сборника – помимо белгородцев – представители Болгарии, Украины, Республики Чад, а также Москвы, Санкт-Петербурга, Тулы и Иваново.

Конференция начиналась как студенческая. Затем она стала именоваться «для молодых ученых». Теперь мы, несмотря на принятые «форматы», не акцентируем внимание на «возрастной» или научной «категории» участника. Есть «наука» и «не наука». И если автор осмеливается представить свое сочинение на суд научной общественности, то он сам и берет на себя весь груз ответственности. Конечно, каждый год в сборник попадают и достаточно слабые тексты начинающих студентов младших курсов (а иногда и не младших). Что делать с ними? Наверное, нужно оставить в книжке, так как, как уже было сказано, суть работы сразу очевидна, а с другой строны – дать шанс молодому человеку, который, может быть, посвятит себя работе школьным учителем, музейным работником, приобретет какие-то навыки написания тезисов или статьи – это тоже небесполезно, как и апробация идей дипломной работы. Рассуждать же о судьбах и перспективах гуманитарной науки в России к исходу 2014 г. достаточно легко, но нужно ли?

В этом выпуске мы уделили большое внимание переводам. Все они носят пока предварительный характер, не сопровождаются развернутым комментарием, а ряд поэтических текстов выходит в прозаическом переводе (как это практикуется в западной, особенно англоязычной литературе). Надеемся, что это лишь первый шаг к полноценным комментированным отдельным изданиям данных произведений. Тем самым, мы выполняем нашу программу работы с позднеантичными и ранневизантийскими источниками, принятую в 2010 г.

Надеемся, что внимание к классической античности и Византии, а особенно - к поздней античности, останется в фокусе наших исследований и приведет к новым открытиям в бесконечно сложном и важном мире классической и византийской истории.

Н.Б.

АНТИЧНЫЙ МИР

ПРОБЛЕМА ПРАВДЫ И ЛЖИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЕВРИПИДА

В.А. Наумова

Статья посвящена изучению ценностей этического характера в древнегреческом обществе классического периода. Интерпретация данных трагедии Еврипида, как одного из наиболее репрезентативных источников, позволила определить характерные признаки и направления эволюции ценностного статуса изучаемых категорий, а также проследить их взаимосвязь с социально-политическими изменениями в афинском полисе классического периода.

Ключевые слова: *Древняя Греция, Еврипид, ценности, честность.*

Повышенная социативность всегда была отличительной чертой греческого темперамента[1]. Умение красноречиво изъясняться было основополагающим для древних греков[2]. Реконструкция ценностного статуса категорий правды и лжи, отражающих жизненные установки древнегреческого социума, существенно важна для понимания его духовного климата.

В историографии укоренилось представление о том, что эллины оправдывали применение обмана и хитрости в качестве средств для достижения поставленных целей, и правдивость не являлась ценностной доминантой в обществе. Однако, как правило, исследователи[3] апеллируют лишь к данным гомеровских поэм и, отчасти, к «Истории» Геродота. На наш взгляд, для более полного и точного представления о месте категорий правды и лжи в античном мировоззрении необходимо привлечение более широкого корпуса источников. Драматургия, в отличие от философии, оказывала непосредственное воздействие не только на элитарный слой населения, а на массу людей. Свобода драматургов была ограничена мнением публики, сам драматург выполнял «социальный заказ».[4]

Творчество Еврипида составляет третий этап в развитии афинской трагедии; первые два вполне обоснованно связывают с драматургией Эсхила и Софокла. Хотя Еврипид был моложе Софокла всего на 12 лет, эта разница в возрасте оказалась в значительной степени решающей для формирования его мировоззрения[5]. В сюжетах трагедий Еврипид почти не выходит из круга тем, разрабатывавшихся его предшественниками. И при всём том имеется огромная разница в осмыслении мифа, в оценке божественного вмешательства в жизнь людей, открытие самостоятельной ценности человека и его душевных переживаний

---

[1] *Harris W.V.* Ancient Literacy. Cambridge, Mass.; L., 1991. P. 36, 38; *Thomas R.* Literacy and Orality in Ancient Greece. Cambridge, 1999. P. 2.

[2] *Куле К.* СМИ в Древней Греции: сочинения, речи, разыскания, путешествия. М., 2004. С. 23.

[3] *Боннар А.* Греческая цивилизация. Ростов-на-Дону, 1994. С. 124; *Гиро П.* Частная и общественная жизнь древних греков. СПб., 1995. 468 с.; *Андреев Ю.В.* Цена свободы и гармонии. СПб., 1998. С. 128-130; *Куле К.* Указ.соч. С. 75-77; *Кахилл Т.* Греческое наследство: чем цивилизация Запада обязана эллинам? СПб.: Амфора, 2006. С. 341.

[4] *Гришин В.В.* Социально-философский анализ кризиса духовности в Древней Греции и в современной России. Нижний Новгород: ВГИПУ, 2007. С.116.

[5] *Ярхо В.Н.* Драматургия Еврипида и конец античной героической трагедии. – URL: http://philosophy.mipt.ru/textbooks/frolovintro/

в психологически достоверных нюансах. Социальный кризис афинской демократии и обусловленная им ломка традиционных понятий и взглядов наиболее полно отразились в его творчестве[1].

Драматург приблизил своих героев к действительности; в отличие от Софокла, он изображал людей такими, «каковы они есть». Еврипид не идеализирует своих героев, не боясь показывать их жестокость, порочность. Его герои живут в мире коварства и обмана.

Не стоит забывать, что одной из отличительных черт драмы, как литературного жанра, является гиперболизация, то есть, изменение пропорции в сторону наиболее важной детали, на которой должно быть сосредоточено внимание зрителя. Показанные Еврипидом в драмах противоречия и проблемные ситуации, пусть даже в преувеличенном виде, являются отражением их присутствия, ввиду всенародного характера жанра, и в жизни аудитории рассматриваемой эпохи. Таким образом, очевидно, что проблема правды и лжи была актуальна для Афин времени жизни драматурга.

Несомненным свидетельством этого является и тот факт, что Еврипид значительно реже своих предшественников использует термин δίκαιος, характеризующий честность и справедливость, как человеческие качества.

Превалирующими по частоте использования являются конструкции с дефиницией ἀλήθειαν, которые используются для констатации факта, что в данной конкретной ситуации человек говорит правду - то, что происходит или происходило в реальности. Таким образом, речь уже идёт не о постоянной черте личности человека, а лишь о ее ситуативном конкретном проявлении.

Еврипид изображает лживость и клятвопреступничество как одни из наиболее типичных черт для своих современников. Честность и справедливость для большинства персонажей трагедий теряют свою привлекательность. Найти правдивого, верного человека практически невозможно: Ифигения с иронией замечает: «Разве можно верить грекам?» (IT. 902), варварка Медея оказывается честнее эллина Ясона («Медея»).

Атмосфера лжи и коварства способствует тому, что герои Еврипида верят лишь собственным глазам. Елена с удивлением восклицает: «Кому ж, скажи, коль не глазам, и верить?» (Hel. 580). Демофонт заявляет:

Ведь если кто
Быть воеводой истинным желает,
Не вестникам тот верит, а глазам (Phoen. 390-392).

Индикатором кризиса в социуме последней трети V в. до н.э. является проникновение деструктивных элементов в политическую сферу. Лживость проявила себя как одна из характерных черт лиц, находящихся у власти. Эта проблема, как одна из наиболее острых для афинского полиса, нашла своё отражение в творчестве Еврипида.

Он называет лживость самым постыдным качеством для лиц находящихся у власти. Так Клитемнестра с презрением говорит о муже, который обманным путём вызвал её с дочерью ради жертвоприношения последней:

---

[1] *Ярхо В.Н.* Драматургия Еврипида…

«О нет, молчи...
Обманом самым гнусным,
Свой царский сан унизив...» (IA. 902-904).

Подобный обман выглядит в глазах царицы как святотатство. Она возмущена лицемерием Агамемнона.

Стремясь разобраться в причинах того, почему гибельная для всех Пелопонесская война всё никак не заканчивалась, Еврипид возлагает основную вину именно на честолюбивых, корыстных политиков. В «Финикиянках» с Этеокла совлечен всякий ореол героизма: он беспринципный и тщеславный властолюбец, готовый ради обладания троном совершить любое преступление и оправдать любой обман

Когда Неправда нам вручает Власть,
Они прекрасны обе. Добродетель
Во всём другом готов я соблюдать (524-526).

Его поведением руководит не патриотическая идея, а неограниченное честолюбие, и в образе Этеокла несомненно полемическое разоблачение крайнего индивидуализма, откровенно проявлявшегося в Афинах последних десятилетий V в до н.э.[1]

Еврипид критикует склонность афинян к красноречию, чрезмерному увлечению им. Он вкладывает в уста Федры глубокомысленное замечание, касающееся причин кризиса современного драматургу общества – «Вот что губит у людей хорошо управляемые государства и семьи – чересчур красивые речи. Между тем говорить следует не приятное для ушей, а такое, из чего возникает добрая слава» (Hipp. 486-489). Здесь также прослеживается осуждение демагогов, которые, используя лесть в речах, обращённых к народу, добивались власти, чтобы использовать ее в своих корыстных целях.

Следующая важная проблема, связанная с проникновением обмана во все сферы общественной жизни, – это нечестность священнослужителей. Необходимо отметить нападки Еврипида на жрецов, которые, восседая на пророческих престолах и, как будто возвещая волю богов, в действительности обманывают людей. Хитрости жрецов наглядно показаны в «Ионе», где герой в качестве храмового служки выведывает у пришедших к оракулу вопросы, с которыми они хотят обратиться, и в «Ифигении в Тавриде», где героиня, пользуясь своим жреческим положением, обманывает царя рассказом о мнимом чуде и, таким образом, устраивает побег.

Не меньшие опасения драматурга вызывает и проблема клятвопреступничества. Всё большее количество людей стало пренебрежительно относиться к своим клятвам. Показателен диалог между Гекубой и Одиссеем –

Гекуба:
А что сказал ты, раб мой, в те минуты?
Одиссей:
Чтобы спастись, каких не скажешь слов?
Гекуба:
Что ж? И тебе не стыдно? Сам признался (Hec. 249-251).

---

[1] *Ярхо В.Н.* Драматургия Еврипида…

Для царицы несдержанное обещание позорно, но не для хитреца Одиссея.

В отличие от предшественников, Еврипид в трагедиях открыто не провозглашает честность несомненной ценностью и важным качеством личности. В одном из ранних произведений – «Ипполите» (428 г. до н.э.) он показывает, что хотя честность и является несомненным качеством благородного героя, однако она не приносит ему счастья. Строит ли человек свое поведение с оглядкой на внешнюю оценку или соотносит его со своим внутренним нравственным долгом, ему не остается места в этом мире – таков неутешительный вывод из проблематики «Ипполита»[1].

Одним из положительных героев в «Электре» (413 г. до н.э.) является муж Электры, пахарь, зарабатывающий на свою жизнь тяжёлым трудом. Он уважаем, во многом, благодаря своим внутренним качествам. Таким образом, Еврипид акцентирует внимание на то, что выше всего надо ценить не происхождение, а нравственные свойства людей (El. 367-398). Он утверждает мысль, что внешнее положение не изменит нравственных качеств: негодный всегда остается таким; никакое несчастье не совратит благородного[2].

Таким образом, кризис героической трагедии в творчестве Еврипида отражает неустойчивость общественных отношений в годы Пелопоннесской войны, утрату веры в справедливость мироздания. Представления о роли честности в жизни социума находятся в диалектической связи с социально-политическим развитием полиса. В трагедиях Еврипида прослеживаются две тенденции – во-первых, явное снижение ценностного статуса честности и, как следствие, во-вторых, практически полное её исчезновение из устойчивых личностных качеств сограждан. Данные тенденции можно объяснить рядом взаимосвязанных обстоятельств.

Во-первых, сам Еврипид указывает, что причиной того тяжелейшего положения, в котором оказались Афины, является нахождение у власти людей недостойных, стремящихся к корыстным целям, а не к процветанию полиса. Распространялись идеи безразличия к общественным делам, аполитичности и личных интересов как высшей ценности.

Во-вторых, затянувшаяся многолетняя Пелопонесская война стала мощнейшим катализатором деструкции системы традиционных ценностей и устоев. Несомненным фактом стало катастрофическое падение нравов, которое в дальнейшем только усугублялось.

В-третьих, ориентация значительной части социума на меркантилизм, сиюминутную выгоду, способствовала распространению идей о том, что честность в данных исторических условиях не способна принести выгоду и, как следствие, счастье человеку.

Острый кризис во всех сферах жизни общества заставил Еврипида, как и многих образованных людей того времени, задуматься не только о причинах кризиса, но и путях выхода из него. Драматург предлагает обратиться к базовым ценностям, которые лежат в основе всего – правде и труду. Лишь тогда, когда человечество не только осознает важность честности, но и каждый член его перестанет отклоняться с пути истины и правды ради личной выгоды, общество ждёт благополучие.

---

[1] *Ярхо В.Н.* Драматургия Еврипида…

[2] *Боннар А.* Указ. соч. С. 431.

PROBLEM OF THE TRUTH AND LIES IN THE WORKS OF EURIPIDES

V.A. Naumova

The article is devoted to research of the problem of axiological systems of the Antiquity. The object of study are the socially significant ethical and psychological categories as part of an integrated axiological system of ancient Greeks and the attitude towards them in the studied sources. Interpretation of data of Euripides' tragedy, as one of the most representative sources of the period, has allowed defining important signs and directions of evolution of the valuable status of a studied category.

Key words: Ancient Greece, Euripides, values, honesty.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО КАК СИСТЕМА МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГРЕЦИИ V-IV ВВ. ДО Н.Э. (ПО ДАННЫМ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ)

А.А. Казначеева

В статье рассматриваются особенности гостеприимства в афинском полисе по отношению к послам, прибывшим с дипломатической миссией из Спарты и Персии. В комедиях Аристофана описаны разнообразные причины визита послов в чужое государство. Особое внимание уделяется процедуре приема высоких гостей, а также правилам поведения послов в другом полисе.

Ключевые слова: *гостеприимство, послы, мирные договоры.*

Развитие дипломатических отношений в Греции V-IV вв. до н.э. зависело от многих факторов, в том числе от уровня гостеприимства, оказываемого послам на межгосударственном уровне.[1]

В исследуемых комедиях Аристофана можно обнаружить большой массив информации относительно налаживания дипломатических связей с другими государствами. Вместе с тем, определить персональный состав дипломатической миссии по комедиям Аристофана достаточно сложно. По мнению Э.В. Рунга, несмотря на упоминание у одного из схолиастов о некоем афинском дипломате Морихе, который встречается в комедиях «Ахарняняне» (887), «Осы» (506, 1142), «Мир» (1008), нельзя с точностью утверждать, что Морих был в числе афинских послов в Персию и возглавлял это посольство.[2]

Другие «герои» аристофановского повествования, которые были им ассоциированы с дипломатической миссией в Персию, это изображенные «безбородыми евнухами» Клисфен, сын Сибиртия, и некий Стратон. Хотя эта информация также подвергается сомнению, поскольку, как это отмечается исследователями, Аристофан изобразил вполне реальных политических деятелей Афин конца V в. до н.э., которые, не могли отправиться в чужое государство с дипломатической миссией.[3]

Причины организации дипломатических миссий в комедиях Аристофана указываются разнообразные. В «Ахарнянах» афинские послы добивались от царя Персии финансовой помощи.[4] Для подтверждения достигнутых договоренно-

---

[1] *Никитюк Е.В.* Институт проксении в межполисных отношениях в классической Греции. - [эл. ресурс] - Режим доступа URL: http://centant.spbu.ru/centrum/publik/confcent/2001-03/nikituk.htm (дата обращения - 23.05.2014 г.)

[2] *Рунг Э.В.* Аристофан и афинские посольства в Персию. СПб., 2013. С. 59.

[3] Там же. С. 67.

[4] *Рунг Э.В.* Греко-персидские отношения: политика, идеология, пропаганда. Казань, 2009. С. 145.

стей о предоставлении Афинам золота послы привезли представителя царя Псевдо-Артаба.

Мы Лже-Артаба к вам сюда доставили.
Царево Око (Аристофан, «Ахарняне», 89, 90).

Вопрос о персидской финансовой помощи афинянам, согласно Аристофану становится темой обсуждения в народном собрании, что, конечно, отвечает реалиям афино-персидских отношений периода Пелопоннесской войны. Уже во время дискуссии посол заявляет об обещании царя прислать золото афинянам.[1]

Он говорит, что царь пришлет вам золото.
Скажи-ка громче и яснее: «зо-ло-то»
(Аристофан, «Ахарняне», 102, 103).

Однако Псевдо-Артаб отрицает данный факт и на ломаном греческом заявляет:

Нет злота вам, ионай рыхлозадые
(Аристофан, «Ахарняне», 104).

Аристофан показывает как позицию граждан Афин, выражающую недоверие к предполагаемым союзникам, так и пренебрежение персидского посланника. Показательно, что не всегда прибывшие послы выступали гарантом достигнутых договоренностей. Существовал риск оказаться без помощи соседнего государства, и это вызывает естественное недовольство автора и афинского общества, а также позволяет уточнить характер внешнеполитических реалий.

Еще одной из причин организации посольства, является поиск поддержки и помощи со стороны другого государства. Так, цель афинских послов, прибывших с визитом в Персию, – привлечь персидского царя на сторону афинян в войне против Спарты.[2] Это не единственное упоминание в комедии Аристофана о посольстве в другую страну.

Все же он в Фарсал с посольством
Был отправлен… (Аристофан, «Осы», 712).

Речь идет о посольстве, возглавляемом Аминием, в один из городов Фессалии, чтобы привлечь его население на сторону Афин.[3]

Послы приходили в чужой полис не только с просьбами, но и предлагали услуги от своего государства по оказанию финансовой помощи, либо для заключения мирных договоров (Аристофан, «Всадники», 256-258, 235).

В другой комедии Аристофана «Мир» Гермес выражает уверенность в том, что спартанцы сами пришлют в Афины послов для заключения мира.

Ведь Пилос – наш.
Послов пришлют опять они» (Аристофан, «Мир», 795).

Афинянам в результате Пелопоннеской войны в 425 г до н.э. удалось захватить стратегически важный город на Корифасийском мысе. Предположение Гермеса, выдвинутое в «Мире», осуществляется в комедии «Лисистрата»

---

[1] *Рунг Э.В.* Аристофан и афинские посольства… С. 59.
[2] Там же. С. 61.
[3] *Рунг Э.В.* Представление персов как варваров в греческой литературной традиции V в. до н.э. СПб., 2005. С. 127.

Пришел сюда
Из Спарты, чтоб о мире разговаривать…

(Аристофан, «Лисистрата», 571).

Посол, прибывший из спартанского полиса, стремится заключить мир с афинянами. Представителя чужого полиса должны уважать и почитать, как богов, именно поэтому в своей комедии «Птицы» Аристофан изображает Посейдона в качестве посла, прибывшего для налаживания мирных взаимоотношений.

Мы послами от богов пришли,
Чтоб говорить с тобой о перемирии

(Аристофан, «Птицы», 699, 700).

Особое внимание в комедии «Ахарняне» автор уделяет афинским послам, прибывшим из Персии. Центральное место занимает отчет послов в экклесии, с комментариями персонажа комедии Дикеополя.[1] Представителя чужого полиса расспрашивали, кто он и откуда прибыл.

Ты кто такой? Мужчина иль чудовище?

(Аристофан, «Лисистрата», 478).

В данном эпизоде афинян обращается грубо к представителю спартанского полиса, прибывшего для подписания мирного договора. Автор стремится показать превосходство Афин над спартанским полисом. По традиции, при встрече обязательно спрашивали, как идут дела в соседнем полисе.[2]

Привет мой вам, Лакедемона граждане!
Что скажете и как живете, милые?

(Аристофан, «Лисистрата», 244, 245).

Однако в данном отрывке также присутствует ирония со стороны афинских граждан по отношению к представителям спартанского полиса, судя по ответу представителей Спарты.

К чему слова, о чем еще рассказывать?
Как мы живем, сейчас вы сами видите.

(Аристофан, «Лисистрата», 246, 247).

В основном, послам оказывали радушный прием, как и полагалось высоким гостям. О персидском царе афинские послы, прибыв в родной полис, отзывались, как о хорошем хозяине и гостеприимце.[3] Центральное место в своем отчете они отводят рассказу о пире, на котором им посчастливилось присутствовать:

Пить, как гостям, случилось через силу нам
Из чаш стеклянных, золотых, серебряных
Вино несмешанное, сладкое…

(Аристофан, «Ахарняне», 85-87).

Более того, по традиции, в Афинах во время пира уважаемых гостей из чужих полисов развлекали исполнением так называемых «сколий», застольных песен, в которых каждый из сотрапезников исполнял один куплет.[4]

---

[1] *Рунг Э.В.* Аристофан и афинские посольства… С. 59.
[2] *Рунг Э.В.* Греция и Ахеменидская держава: История дипломатических отношений в VI-IV вв. до н.э. СПб., 2008. С. 25.
[3] *Рунг Э.В.* Аристофан и афинские посольства… С. 59.
[4] *Коптев А.В.* Античное гражданское общество. - [эл. ресурс] - Режим доступа URL: http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1261777086 (дата обращения - 14.04.2014 г.)

Раздался флейты звук. В гостях тут Фан, Эсхин,
Феор, Клеон, Акестор и еще другой
Из чужеземцев гость у головы его…
Подхватишь ли ты песнь застольную?

(Аристофан, «Осы», 825-827).

В комедии «Птицы» говорится о том, что почетным гостям преподносили все самое лучшее и развлекали разнообразными способами.

Ну что же, я согласен. Прокна милая,
Иди сюда и покажись гостям моим!

(Аристофан, «Птицы», 588, 589).

Также показателен и другой случай, где говорится о том, что представителей чужого полиса нужно было развлекать:

Когда должна была гостей ты потешать

(Аристофан, «Осы», 857).

Гости, в свою очередь, должны уважать традиции своих гостеприимцев и участвовать на правах почетных гостей во всех мероприятиях, которые проводятся в полисе. Однако в комедии Аристофана встречается случай, где гости не следуют правилам хорошего тона и нарушают традиции своих гостеприимцев.

Посольство наше в этот город прибыло.
Ты что ж на левое плечо накинул плащ?
На правое направь его по правилам

(Аристофан, «Птицы», 756–758).

Обычно, прибывшие из другого государства послы должны перебрасывать плащ через правое плечо. Однако это было скорее неумышленное нарушение обычая, поскольку представитель варварского государства не знал, как нужно правильно носить плащ.

Порой, послы вынуждены длительное время ожидать приезд царя, принимающего полиса, не застав его на месте. Так, афинские послы ждали достаточно долго, пока вернется персидский царь в родные земли.[1]

Но он в отхожее отправился, войско взяв,
И сидел восемь месяцев на золотых горах

(Аристофан, «Ахарняне», 81, 82).

Некоторых послов не хотели принимать в полисе, поскольку изначально об их приезде ничего не было известно. Так, Дикеополь был возмущен, что фракийцы прибыли с афинским послом.

Какие одоманты? Это что, скажи?
Зачем же так их обкорнали спереди?

(Аристофан, «Ахарняне», 154, 155).

У Аристофана во «Всадниках» также встречается информация о том, что некоторым послам были не рады. В частности приводится эпизод, где Архиптолема,

---

[1] *Рунг Э.В.* Афины и Персия: первые контакты. - [эл. ресурс] - Режим доступа URL: http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1296419520 (дата обращения – 24.02.2014 г.)

выступавшего во главе посольства от Спарты в Афинах плохо приняли, более того, Клеон выгнал посла из полиса, за что был осужден своими же гражданами.

Архиптолем к нам с миром пришел,
так его ты прогнал, да и всех, кто приносит
Договоры и мир, подзатыльника дав,
за ворота ты гонишь бесчестно (Аристофан, «Всадники», 238, 239).

Однако, на наш взгляд, по единичному эпизоду нельзя делать вывод о том, что к послам было негативное отношение, тем более, что по сюжету Аристофан высмеивает все действия Клеона.

Таким образом, установить поименно состав хотя бы одной дипломатической миссии в другое государство не представляется возможным. Несмотря на упоминание об афинском дипломате Морихе в комедиях Аристофана «Ахарняне», «Мир», «Осы», нельзя с точностью утверждать, что он возглавлял одно из посольств в Персию. Однако комедии позволяют уточнить и дополнить сведения греческих историков, поскольку представляют оценочное отношение автора и общества к различным сторонам гостеприимства.

Согласно текстам Аристофана, послов в чужое государство направляли как с просьбами, так и с предложениями. С просьбами представителей полиса отправляли в основном для достижения договоренностей по оказанию финансовой, военной помощи, либо для подписания мирных договоров. Предложения от послов касались финансовой поддержки и заключения мирных договоров. В подтверждение о налаженных связях послы могли привезти в родной полис представителя с другой стороны, с которой удалось достичь определенного консенсуса.

Отношение к послам было в целом положительным, несмотря на упоминание об изгнании представителей Спарты, пришедших с миром в афинский полис. Однако, этим сведениям не стоит доверять безоговорочно, поскольку в комедии «Всадники» Аристофан высмеивает все действия Клеона, представляя его не лучшим образом перед гражданами Афин. Прибывших послов сначала расспрашивали: кто они, откуда прибыли и с какой целью, затем устраивали в их честь пир и организовывали развлечения. Представители чужого государства должны были уважать и чтить традиции своих гостеприимцев, хотя встречается эпизод о нарушении обычая, связанный с его незнанием.

STATE HOSPITALITY, AS A SYSTEM OF INTER-STATE RELATIONS IN GREECE V - IV CENTURIES B.C. (ACCORDING TO THE LITERARY TRADITION)

A.A. Kaznacheeva

The article deals with the particularities of Athens hospitality in order to the ambassadors coming from Sparta and Persia with diplomatic missions. There are many varieties of causes visiting in other state which describes in Aristophanes’ comedies. The paper with special attention presents a procedure of high guests’ reception and the general ambassadors rules how to behavior in other police.

Key words: hospitality, ambassadors, peace treaty.

ОБРАЗ «БЛАГОРОДНОЙ» ГЕТЕРЫ В КОМЕДИЯХ МЕНАНДРА И ТЕРЕНЦИЯ

Ю.Н. Шматко

В статье рассматривается образ гетеры, выявленный на основе анализа комедий Менандра и Теренция, в которых даётся новая личностная характеристика свободной женщины. В данных комедиях гетеры приобретают наилучшие человеческие качества - доброта, искренность, мудрость, благородство, порядочность.

Ключевые слова: *Менандр, Теренций, комедия, гетера.*

В античной литературе среди немногих женских образов особенно ярко представлены образы свободных женщин – гетер. В трагедиях Еврипида, Эсхила, Софокла гетеры имеют такие личностные свойства, как хитрость, распущенность, эгоистичность, а в произведениях Плавта – вульгарность и алчность. Исключением можно считать комедии новоаттического мастера Менандра, где женщины имеют иную, положительную характеристику.

В обывательской среде часто бытует не совсем правильное представление об образе гетеры, которая воспринимается только как представительница древнейшей профессии. Обратимся к словарю-справочнику «Античный мир», в котором говорится, что «в Древней Греции гетерой считалась образованная незамужняя женщина, ведущая свободный, независимый образ жизни. Поскольку супруги греков были малообразованны и всецело заняты хозяйством и воспитанием детей, общение с гетерами, игравшими на флейте, знавшими литературу и искусство, удовлетворяло не только плотские, но и эстетические потребности. Некоторые гетеры играли значительную роль в общественной жизни. В их домах собирались многие выдающиеся древнегреческие политические деятели, поэты, скульпторы»[1].

Стоит вспомнить, что Менандр был лично знаком с образованной гетерой Гликерой, которую считал своей музой. Гликера принимала активное участие и в творческой деятельности комедиографа. Автор даже посвятил возлюбленной комедию, которая была названа в честь неё. К сожалению, эта комедия не сохранилась полностью.

Произведения Менандра были на протяжении многих веков забыты. В средние века были известны лишь цитаты и афоризмы комедиографа, которые использовали в своих произведениях другие авторы. Только благодаря найденным в XX в. папирусным текстам появилась возможность узнать подробно о комедиях Менандра, а также проанализировать их. Поиски документов продолжаются до сих пор. Последнее открытие новых строк произведений Менандра относится к 2003 г. По мнению В.Н. Ярхо, «стереотипность сюжетных ходов и традиционность действующих лиц в новой комедии оказались, вероятно, причиной того, что творения ее авторов не пережили конца древнего мира и до прошлого столетия были известны лишь в

[1] Античный мир. Словарь Античности. Мифологический словарь / URL: http://www.antmir.ru/html/g/getera.html (Дата обращения: 01.10.2014)

виде отрывков, сохраненных в разного рода компиляциях и антологиях позднеантичных авторов»[1].

Особенностью творчества Менандра является то, что он раскрыл положительные качества у таких персонажей, которые раньше аккумулировали в себе только пороки общества. Так, гетеры впервые изображены благородными и порядочными женщинами. Наиболее ярким образом такой гетеры является героиня комедии «Третейский суд» Габротонон. Подобного персонажа нет ни в средней, ни в новой комедии. Девушка берёт на себя вымышленный грех и старается примирить Харисия с женой, искренне желая счастья этой семье. Друг и сосед Харисия, восхищаясь доброй и умной девушкой, в конце говорит: «В ней благородство есть. Забудь арфистку в ней![2]». (Men., *Epitrep.*, 987). Менандр подчеркивает, что люди, занимающее низкое положение в обществе, также могут быть благородными и честными. Его гетеры имели чистое сердце, своих клиентов искренне любили и всегда в нужную минуту приходили им на помощь. Девушкам в комедиях свойственно доверие, благожелательность, взаимная выручка, дружеское участие, способность к самопожертвованию. Эти качества особенно высоко ценил Менандр в своих героях.

Идеи сюжетов комедий Менандра, художественная особенность оригиналов и эстетические взгляды комедиографа отразились и в произведениях древнеримского драматурга Публия Теренция. Во всех его шести комедиях встречаются отголоски творчества Менандра.

Такое заимствование римляне называли «комедией паллиатой» - от латинизированного греческого слова paillon – «плащ». Это было привычным явлением во II в. до н.э – «римская комедия, выступающая в греческом одеянии». Действия в комедиях происходили в Афинах или в каком-нибудь другом греческом городе, действующие лица носили греческие имена; как правило, сохранялись основные сюжетные схемы оригинала.

Для комедий Теренция характерна и преемственность образа «благородной гетеры». Из четырех встречающихся у Теренция гетер (включая эпизодическую роль Филотиды в «Свекрови») только Вакхида в «Самоистязателе» ведет себя достаточно вызывающе – опять же в рамках своего ремесла.

В комедии «Евнух» соединены две пьесы Менандра — «Евнух» и «Льстец». Здесь рассказывается о том, как хвастливый воин Фрасон дарит гетере Фаиде, в которую он влюблен, привезенную по её просьбе из Аттики в качестве служанки ее приемную сестру. В эту девушку влюбляется брат любящего Фаиду Федрия – хвастливый и глупый воин-наёмник, который по совету раба Парменона переодевается в одежду евнуха, подаренного Фаиде, для того чтобы жить под одной кровлей со своей возлюбленной. Оставшись наедине с девушкой, он совершает над ней насилие и спасается бегством. Однако его обман разоблачают, и гетера Фаида стыдит его за поступок, недостойный, с ее точки зрения, свободного человека. Только любовь может извинить в ее глазах юношу:

---

[1] *Ярхо В.Н.* Драматургия Теренция: уроки человечности. М., 1985 / URL: http://www.lib.ru/POEEAST/TERENCIJ/teren0_1.txt_with-big-pictures.html (Дата обращения: 02.10.2014)

[2] Менандр. Комедии. Фрагменты. М., 1982.

Ведь не совсем чужда я человечности,
И мне ль не знать, Херея, как сильна любовь?[1] (Ter., *Eunuch.*, 880).

Гетера Фаида с трогательной заботливостью ищет родных приёмной дочери. В этом проявляется всё великодушие гетеры: «Да разве ж не от сердца я?[2]» (Ibid., 180). В конце комедии Фаида отдаёт себя под покровительство вполне добропорядочного афинского гражданина:

Охотно верю. Никого достойней, брат,
Нет твоей Фаиды этой – быть любимой! Всей семье
Нашей друг она вернейший[3] (Ibid., 1050).

Мотив женитьбы по любви – новшество Менандра, которое взяли на заметку себе последующие комедиографы.

Брак с гетерой не всегда воспринимался положительно родственниками жениха. В самой ранней комедии Теренция, «Девушка с острова Андрос», главный герой молодой человек Памфил, который «сошелся характером» с гетерой Гликерией, уроженкой острова Андроса, хочет жениться на ней и выполнить обещание, данное ее умершей сестре. Отец, подыскавший ему другую невесту, много рассуждает о мягком и покладистом нраве сына и надеется, что сын одумается и женится на дочери Хремеса. Неожиданно приезжает с Андроса родственник умершей гетеры, и по разговорам с ним оказывается, что Гликерия – дочь Хремеса, который когда-то потерпел близ Андроса кораблекрушение и бросил там младенца. В радости, что нашлась дочь, которую он считал погибшей, Хремес соглашается отдать ее за Памфила, а другую дочь отдает за Харина, который любит ее.

В комедии «Свекровь» Теренций изображает, как юноша Памфил любит гетеру Вакхиду, которая своими душевными качествами возбудила в нём искреннюю привязанность, но по желанию родителей бросает ее и соглашается жениться на другой девушке. Гетера великодушно и добровольно отказывается от всяких притязаний:

Робею даже, чуть придет на мысль, кто я такая
И как бы мне профессия моя не повредил[4] (Ter., *Hecyra,* 730).

Она от чистого сердца желает новой семье счастья. Причём только благодаря ей в семье Памфила возрождается гармония и идиллия.

У Теренция фабула комедий довольно проста. Отличительной чертой драматурга является его человечность в обрисовке характеров. Это свойство проглядывает в том, как Теренций обрисовывает отношения молодых людей к их возлюбленным. В его комедиях они нередко всей душой любят своих гетер и являются их верными друзьями, и гетеры, в свою очередь, человечны и искренни.

Таким образом, не прибегая к устоявшимся сюжетам и стереотипам, Менандр сумел наделить своих персонажей глубоко человеческим содержанием. На сцену впервые выводится образ свободной девушки. В античное время гетеры были единственными образованными женщинами и имели уникальные способ-

[1] Теренций. Комедии. М., 1985.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

ности. Как правило, гетера находилась на содержании у богатого покровителя, который за её благосклонность платил деньги. Девушка не обязана была продавать своё тело. Она вступала в связь с мужчиной только в том случае, если это соответствовало ее собственным желаниям. Древнегреческий оратор и политический деятель Демосфен говорил, что уважающий себя грек имеет трёх женщин: жену – для продолжения рода, рабыню – для чувственных утех, и гетеру - для душевного комфорта[1]. Так в комедиях Менандра гетеры имеют наилучшие человеческие качества: доброта, искренность, мудрость, благородство. Подобный образ свободных девушек сохранился и в комедиях Теренция. Благодаря произведениям именно этих авторов в античной литературе появился уникальный образ гетеры.

IMAGE OF THE «NOBLE» HETAERA IN MENANDER'S AND TERENCE'S COMEDIES

Yu.N. Shmatko

The article deals with the image of the hetaera, which based on the comedies of Menander and Terence. These comedies provide a new personal characteristic of the free woman. The hetaera has the best human qualities in comedies such as kindness, sincerity, wisdom, nobility, decency.

Key words: Menander, Terence, comedy, hetaera.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ДЕФИНИЦИИ ВОИНОВ–НАЕМНИКОВ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

М.И. Дорохов

В статье рассматриваются профессиональные дефиниции наемных воинов эллинистической Греции. Также рассматриваются некоторые греческие термины и их значение для более глубокого восприятия темы, переводы эпиграфических источников, изучение похвальных декретов для наемных воинов.

Ключевые слова: *наемники, история, эллинизм, Греция, дефиниции.*

Профессиональные дефиниции воинов–наемников эллинистического мира являются одним из интереснейших разделов военной истории ментальности греков. Они позволяют не только проследить, какие моральные идеалы воспитывались и обретались в наемных войсках того времени, но и повседневную жизнь воинов – их уклад коллективной жизни и отношения между ними и местным населением.

Фрагменты письма, которое послал чиновник, состоящий на службе Антиоха III (вероятно, Зевксис), войску Селевкидов в Дабраунде, содержат призыв к солдатам соблюдать дисциплину.

Дисциплина (eutaxia), начиная с IV в. до н.э. постоянно восхваляется как одно из кардинальных достоинств армии. Полководцы, которые её эффективно насаждали, восхвалялись так же, как солдаты и эфебы, которые ей следовали. Одной из первых обязанностей фрурарха, направляемого Теосом в Кирбисс каждые четыре месяца, было установление дисциплины. Для этой должности

---

[1] Демосфен. Речи // Ораторы Греции: Пер. с древнегреч. / Сост. и науч. подгот. текстов М.Л. Гаспарова. М., 1985. С. 231.

требовалась определённая зрелость, поскольку назначаемый на неё должен был быть старше 30 лет.

Особое внимание уделяют дисциплине македонские царские уставы (diagrammata), касающиеся военной службы. В одном из этих текстов, найденном в Амфиполе, речь идёт о подобающем поведении солдат во время походов, а одна статья посвящена порядку при распределении военной добычи. Дисциплина предполагает повиновение командирам, уважительное отношение солдат к (иностранным) гражданам, а также справедливость и солидарность в отношениях между самими воинами.

Мотивацией для солдат (не только наёмников, но и граждан) служили награды за хорошую службу и храбрость в виде повышений в чине, назначения на командную должность, почестей, добычи и подарков. Почести нередко были связаны с материальными преимуществами. Например, соглашение между Эвменом I и его солдатами устанавливает, что те солдаты, которые получили отличие за хорошую службу, должны были получать особый хлебный паёк. Похожее установление можно видеть в македонских военных уставах из Амфиполя. В контексте после упоминания венка говорится, что некое лицо, то есть получатель знака отличия, также получит двойную долю добычи. Такие отличия предполагали пристальное наблюдение офицеров за поведением солдат. Архелай, военачальник Митридата VI, вручил за особую услугу в качестве знака отличия серебряный браслет Аполлонию, солдату, который служил в Пирее во время осады города Суллой.

Сплочением для людей служила служба в крепости или на борту одного корабля, а также общие опасности. Успешное выполнение задания побуждало солдат выразить благодарность тем, кто обеспечил их благополучное возвращение: своим командирам и богам. К эпохе эллинизма относится очень большое число почётных надписей в честь офицеров и посвящений, сделанных сослуживцами[1].

Мы располагаем, например, многочисленными почётными декретами в честь воинов афинских гарнизонов, особенно в Рамнунте, посвящениями, сделанными экипажами родосских кораблей. Сообщество критских наёмников, служивших на Кипре, например, удостоило почестей наместника Селевка за его благожелательность, а также за его благодеяния по отношению к Криту. Экипаж военного корабля из Кизика, который, вероятно, участвовал в Третьей Митридатовой войне, сделал совместное посвящение Посейдону, немало посвящений подобного рода известно на Родосе[2]. Такие акции предполагают инициативу и взаимодействие среди солдат: сбор необходимых денежных средств, обсуждение божества, которое должно получить благодарственное посвящение, определение типа посвящения, формулирование текста постановления, приглашение поэта, который сочинит почётную или посвятительную надпись, и т.д. Такие надписи служат косвенным свидетельством тесного взаимодействия между солдатами и чувства солидарности среди них[3].

---

[1] *Ханиотис А.* Война в эллинистическом мире: социальная и культурная история / пер. с англ. А.В. Махлаюка. СПб.: Нестор-история, 2013. С. 146.

[2] *Pritchett W.K.* The Greek State at War. Part IV. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1985. P. 157.

[3] *Ханиотис А.* Война в эллинистическом мире: социальная и культурная история. С. 148.

Еще один яркий пример – декрет в честь Дикеарха, командира гарнизона македонян, расположенного в Эретрии. Он дал защиту пастухам из Рамнунта и уберег их от пиратов. В тех случаях, когда город подвергался нападению со стороны врагов, почести выпадали на долю иностранных офицеров и их войск, за выполнение услуги. Так, например, македонянин Архестрат, офицер Деметрия Полиоркета и наместник Клазомен, был удостоен почестей в Эфесе за защиту кораблей, которые везли в город зерно[1]. Неоптолем, птолемеевский военачальник, был удостоен почестей в Тлосе за спасение города от нападения варваров - писидийцев, пеонов, агриан и галатов – в 270-е гг. до н.э.[2] Птолемеевский командир с Крита спас граждан Феры от набега пиратов, а Ахей, принадлежавший к династии Селевкидов, и его офицеры за свои заслуги во время войны с галатами были удостоены почестей жителями Неон Тейхоса и Киддиу Комы, которые установили их культ (ок. 267 г. до н.э.)[3].

При оказании таких благодеяний или услуг, офицеры обеспечивали популярность того царя, которому служили. Офицеры высокого ранга, выступая в качестве посредников между городом и царём, могли тем самым оказать городу немалую услугу. Большая часть многочисленных самосских декретов, принятых после возвращения самосцев из изгнания в 322 г. до н.э., в отношении тех, кто помогал им во время их изгнания и продолжал заботиться о благополучии Самоса, была посвящена офицерам, находившимся на службе Антигона Одноглазого. Некоторое время спустя македоняне Пелопс и Аристолай, офицеры другого царя, Птолемея II, удостоились почестей на Самосе как благодетели.

Довольно часто наёмники объединялись в сообщества (koina), которые состояли обычно из членов одной этнической группы (особенно в армии Птолемеев). Так, например, существовали сообщества ахеян, фракийцев, критян, киликийцев и ликийцев, служивших на Кипре, и солдат, служивших в одном месте или под началом одного офицера. В таких объединениях солдаты могли выполнять свои культурные обязательства, почитая богов своей родины или места службы, устанавливая добрые отношения с царём и его представителями (например, с помощью почётных надписей), отмечая праздники, культивируя чувство солидарности и создавая новую структуру социальной жизни в чужой стране.

---

[1] *Reger G.* A Companion to the Helleniustic World / Ed. by A. Erskine. Oxfrod, 2003. P. 220.

[2] «Неоптолем я, сын Кресса. Тлосяне здесь, у Трёх Братьев / Установили меня, славу копья моего: / Ведь ради них писидийцев я стольких, пеонов, галатов, / Также и агриан, противостав, усмирил» (под Тремя Братьями подразумевается святилище трёх божеств в Тлосе). Данная эпиграмма важна как единственное свидетельство участия балканских племён в походах галатов в Малой Азии. Другой пример подобного рода также связан с Афинами. В 229 г. до н.э. после смерти царя Деметрия II и ослабления позиций державы Антигонидов в Греции командир македонского гарнизона в Афинах Диоген, видимо, сам бывший афинским гражданином, согласился вернуть афинянам Пирей, Саламин, Мунихию и Рамнунт и распустить состоявшие под его началом части, потребовав, однако, для расчёта с воинами 150 талантов, которые тут же были уплачены. Сам Диоген получил за это почётный титул эвергета (благодетеля) афинян и разнообразные (весьма значительные) почести. В его честь были учреждены празднества, которые проводились ещё спустя более ста лет после его «избавительного подвига».

[3] *Ханиотис А.* Война в эллинистическом мире: социальная и культурная история. С. 148.

Профессионалы часто вырабатывают свой собственный язык, и солдаты не являются исключением. Так же названия, которые давались военным кораблям, отражают близкие отношения между экипажем и его судном, иногда указывая на воинскую гордость («Храбрец», «Боец», «Победа», «Спаситель города», «Воздвигающий трофеи», «Любимец Победы»), иногда - дух соперничества («Лучший», «Величайший», «Первый»), иногда - надежду («Помощник», «Благословенный»).

Источником информации о воинском словаре являются надписи, которые делали на пулях для пращи перед тем, как их использовать. Большое количество надписанных снарядов для пращи было найдено в Олинфе, городе в Халкидике, который был разрушен после осады в 348 г. до н.э., но подобный материал найден во многих эллинистических городах и крепостях. Эти надписи выступают как один из лучших наших источников о солдатском боевом юморе. Тексты адресуются потенциальным жертвам, шутливо ассоциируя снаряд с подарком: «получи!» (dexai, labe), «твое» (sou), «на сладкое!» (trogalion), «это дождик» (hyse)[1]. Противника иронически предупреждали: «Берегись!» (proseche); и с пулей мог возникать диалог: «Ступай!» (обращение к пуле, baske an). Конечно, на них можно проследить и чувство жестокости, оно было неустранимо: «кровь» (haima), «ой-ой-ой» (papai), «в пекло» ipyri)[2].

Самый интересный текст, особенно как выражение маскулинности, состоит из одного-единственного слова: «Залети!» (в данном слове подразумевается «забеременей»). Этот чёрный юмор помогал солдатам преодолеть страх перед битвой и словесно успокаивал их, внушая чувство превосходства.

Посвятительная эпиграмма, сочинённая великим эллинистическим поэтом Каллимахом критскому наёмнику, который сражался в походе Птолемея III в Киренаику (ок. 246-221 гг. до н.э.), обнаруживает это чувство превосходства:

Менит из Дикта в храме сложил свои доспехи
И молвил: «Вот, Серапис, тебе мой лук с колчаном:
Прими их в дар. А стрелы остались в Гесперитах[3]».

(Пер. Л. Блуменау).

Своеобразное хвастовство зачастую продолжалось и после смерти солдата в надгробных надписях, как в случае с Аполлонием из Тимна (ок. 250 г. до н.э.), чья надгробная эпиграмма упоминает об огромном числе врагов, сражённых им лично, и о бесчисленных копьях, которые он «крепко вонзал во вражескую плоть».

Подводя итог, можно сказать, что профессиональные идеалы воинов–наемников эллинистического времени можно калькировать на профессиональные идеалы последующих эпох. Сравнительный анализ может дать выработку универсальных профессиональных дефиниций, взявших свое начало в античной Греции и действующих и поныне в видоизмененных формах.

---

[1] *Robert J., Robert L.* Bulletin epigraphique // Revue des Etudes Grecques, 1964. T. 77. P. 127-159.

[2] *Ханиотис А.* Война в эллинистическом мире: социальная и культурная история. С. 153.

[3] То есть, далеко на Западе.

PROFESSIONAL DEFINITION OF MERCENARY SOLDIERS OF THE HELLENISTIC PERIOD

M.I. Dorohov

The article deals with the definition of a professional mercenary soldiers Hellenistic Greece. It also discusses some of the Greek terms and their importance for a deeper perception threads translations epigraphic sources, the study laudable decrees for mercenary soldiers.

Key words: Hellinism, army, Greece, history.

ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИРОДА «ЦАРСТВА ДРОМИХЕТА»

К.А. Анисимов (Тула)

В статье рассматривается вопрос этнической природы и локализации «Царства Дромихета» в трудах античных историков и географов. Отмечаются основные версии: версия Страбона, называвшего Дромихета «царем гетов», и версия Полибия, у которого Дромихет назван «царем одрисов». Также рассматривается проблема использования термина «фракийцы» в античной традиции.

Ключевые слова: *Дромихет, фракийцы, одрисы, геты.*

История эллинистических государств со времен И. Дройзена является одной из важнейших отраслей истории античности. Немаловажное место в этой отрасли занимает изучение варварских народов – фракийцев, скифов, иллирийцев, кельтов, оказавших большое влияние на политическую, экономическую и этническую историю античной цивилизации Средиземноморья. Тем не менее, приходится констатировать, что на сегодняшний день европейский Барбарикум античного времени остается малоисследованной областью исторической науки. По-прежнему основной упор делается на изучение Эллады, эллинистических монархий и Древнего Рима. Обделенными вниманием со стороны исследователей остаются варварские сообщества Балкано-Дунайского региона – фракийцы, иллирийцы, гето-даки, кельты-галаты, история и культура которых остаются предметом изучения специалистов из Болгарии, Румынии и стран, ранее входивших в Югославию. Между тем, как явно видно из дошедших до нас письменных источников, место и роль варварских народов Европы в истории непропорционально выше научного интереса к ним. Одним из недооцененных моментов в истории эллинистических государств является столкновение на Балканах македонского царя – диадоха Лисимаха и фракийского династа Дромихета, закончившееся поражением македонян и пленением самого царя. Происхождение победителей Лисимаха, достаточно могущественных и организованных для того, чтобы противостоять одному из лучших полководцев Александра Великого, загадочно. Источники позволяют предполагать, что подданные Дромихета были либо северными фракийцами (гетами), либо южными (одрисами). Определение этнической природы и локализация «Дромихетова царства» является важнейшим вопросом для изучения истории северных и южных фракийцев.

С разной степени подробностями о столкновении Дромихета и Лисимаха сообщают из дошедших до нас источников многие авторы. При этом римский географ Страбон (Strabo,VII, III, 14) писал о Дромихете, как о «царе гетов», и именно это мнение закрепилось в современной науке. Соответственно, место битвы Дромихета и Лисимаха, и ставка Дромихета, его царство или племенной

союз помещаются в местах обитания гетов, в основном в Добрудже или\и на Левобережье Дуная. «Дромихетову царству» приписываются археологические находки в современных Румынии и Молдавии. Мнение, освященное авторитетом «отца географии», не было, однако в античной историографии единственным. Юстин, Помпей Трог и Полиэн (Polyaen, VIII, 68) называют Дромихета «царем фракийцев», а Полибий вовсе «царем одрисов» (Polib., fr. 16). При этом под «фракийцами» Помпея Трога, Полиэна и прочих авторов римской эпохи уместно видеть все тех же одрисов, «фракийцев по преимуществу», согласно античной традиции (Strab., VII, fr. 47). Наличие альтернативы заставляет поновому взглянуть на вопрос об этнической идентификации «царства Дромихета», противостоявшего Лисимаху в начале III в. до н.э.

В науке твердо устоялась «гетская гипотеза», принимаемая как аксиома. Разделял ее уже Т. Дройзен. В немалой степени, этому способствовало влияние румыно-молдавской историографии, со свойственной ей «фракоманией», «дакоманией», «мятежом подлинных корней», как метко охарактеризовал это явление Мирча Элиаде[1]. Ярким примером этого явления в советской историографии является работа И.Т. Никулицэ[2]. Восстанавливая политическую историю гетских племен, ученый был склонен излишне преувеличивать и удревнять влияние гетов в регионе Юго-Восточной Европы, приписывая им все события имевшие место в «гетской пустыне». Победу над македонским полководцем Зопирионом в 332 г. до н.э., он приписывает именно гетам, с ними же он отождествляет «истрианов», с которыми вел войну скифский царь Атей десятилетием раньше, даже коней, взятых Филиппом Македонским после победы над Атеем, он объявляет гетскими. Конечно, исключать их участие и роль в указанных событиях нельзя, хотя бы уже на том основании, что они происходили в ареале проживания гетов. Однако, непредвзятый анализ источников ясно показывает, что вплоть до возвышения даков при Буребисте гетские племена вовсе не играли основной роли в политической истории региона, находясь под влиянием соседних народов – одрисов во второй половине V в. до н.э., трибаллов, скифов[3].

Само обозначение подданных Дромихета «фракийцами» заставляет отбросить идею их задунайской локализации. Весьма красноречивым фактом является и молчание источников о переправе Лисимаха через Дунай. Но не будем торопиться, ведь основным регионом проживания гетов оставалась Добруджа, и «Дромихетово царство» вполне могло находиться именно там. Этногеографическая терминология древних была довольно точной в большинстве случаев. Путаница, как правило, возникала, когда одни авторы использовали именно этнические, а другие географические определения, как например, в случае бастарнов, которых Тит Ливий называл «кельтами» (возможно в этническом смысле) (Liv., 40.57), Страбон (Strabo, VII.III.17) и Плиний Старший (Plin., NH, IV, 28) - «германцами» (как выходцев из Германии), третьи – скифами, так как они жили в

---

[1] *Элиаде, Мирча.* От Залмоксиса до Чингиз-хана // Кодры. 1991. №7. С. 9.
[2] *Никулицэ И.Т.* Геты IV-III вв. до н.э. в Днестровско-Карпатских землях. Кишинев, 1977.
[3] Описание походов Филиппа Македонского и Александра Великого заставляет именно в трибаллах видеть лидеров племенного союза истриан.

Скифии (Cass. Dio, 51.23-25). Для жителей Средиземноморья племена оставались фракийцами до тех пор, пока они жили на территории Фракии. К примеру, у Геродота, несмотря на то, что агафирсы «во всем сходны» с фракийцами, но фракийцами не являются, так как проживают за Дунаем. Аналогичная история с гетами: Геродот называет их «самыми справедливыми из фракийцев» (Herod., IV, 93), Фукидид перечисляет среди фракийских племен (Thuc., II, 95), но после переселения в Задунавье, геты никогда не смешиваются с южными родичами. Еще более показателен пример племени кораллов, совершивших переселение с берегов Геллеспонта в устье Дуная. Оказавшись за пределами Фракии, кораллы в представлении римлян превращаются в самостоятельный народ – «царь кораллов» назван в числе союзников Митридата Эвпатора наряду с «царями фракийцев», «царями гетов» и т.д. (App., Mithr., 69). На этом основании можно идентифицировать Дромихета и его «фракийцев» как одрисов, наиболее развитое и культурное фракийское племя, уже в V в. до н.э. создавшее крупное государственное объединение, либо объединение племен, некогда входивших в состав Одрисского царства.

Главным обоснованием для «гетской» гипотезы локализации «Дромихетова царства» конечно, является рассказ Страбона. Насколько авторитетным оно является на самом деле, чтобы отдавать ему предпочтение перед, скажем, более ранним Полибием? Исследование Л.И. Грацианской[1] существенно подрывает такое представление. Страбон был компилятором, который далеко не всегда хорошо разбирался в используемом материале. Особенно это касается фракийской истории. К примеру, Страбон путается в генеалогии последних фракийских царей Сапейской династии. Надо думать, что в немалой степени повлиял на Страбона, его современников и последователей образ воинственных гето-даков эпохи Буребисты, создавших крупное политическое объединение гето-фракийских, кельтских, иллирийских и м.б. сарматских племен на землях Паннонии, обеих Мёзий, современных Румынии и Молдавии вплоть до Ольвии, которое вызывало опасения даже у Юлия Цезаря. Геты были для римлян воплощением воинственности, дисциплины и строгих «спартанских» нравов. Сатирик Лукиан из Самосаты, характеризуя основные занятия народов, отмечал, что геты «постоянно воюют». Диодор Сицилийский называет нравы поданных Дромихета «гетскими». Вполне возможно, что именно это указание и заставило Страбона превратить Дромихета в «гета».

Еще одним косвенным доказательством «одрисской» гипотезы, является само имя Дромихета. Имя довольно редкое и в дальнейшем лишь раз встречается в источниках. Сохранил его для нас Полиэн, рассказывая о том, как царь Сирии Антиох Теос привлек на свою сторону жителей старой одрисской столицы Кипселы во время похода во Фракию (260-253 гг. до н.э.) (Polyaen, IV, 16). Как видим, рядом с Дромихетом здесь упоминается Тирис, в котором следует видеть Тереса (популярное имя среди одрисских династов). С другой стороны, Дроми-

[1] *Грацианская Л.И.* «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1988. С. 141-155.

хет и Терес явно выделялись своим положением среди фракийских знатных воинов Антиоха, что позволяет считать их лицами царской крови. Любопытно, что имя Терес носил один из четырех сыновей Севта III и Береники. Был ли Дромихет, соратник Тереса, тем же Дромихетом, что громил армию Лисимаха? Трудно сказать, два события разделяют около 40 лет. Фракийские аристократы сирийской армии не выглядят стариками, но как сказал Дройзен, считавший, однако, нашего героя гетом, этот второй Дромихет мог принадлежать к тому же роду. Не менее показательно, что имя соратника Дромихета, заманившего в ловушку Лисимаха, также носил характерное для одрисской знати имя «Севт» (Polyaen, VII, 25). Второй раз имя Дромихета соседствует с известным одрисским именем.

Есть ли основания уверенно утверждать о разгроме гетов кельтами в 270-х гг. до н.э.? Как ни странно, но все, что мы знаем о гетах в III в. до н.э. указывает на то, что они не пострадали от нашествия, напротив, происходит их консолидация в Добрудже и планомерное усиление. Успехи гетов можно объяснить событиями 313 г., когда Лисимах изгнал скифов за Дунай и тем самым лишил гетов главных конкурентов. С этого периода у нас появляются сведения о гетских царях, наращивающих свою мощь и влияние в Добрудже. К временам Лисимаха или к периоду вскоре после его смерти относится чеканка монет гетского царя Москона. Если Москон был современником Лисимаха, то в то время как Дромихет где-то в глубине Фракии отражает натиск македонян, гетами Добруджи правит некий Москон, сумевший предотвратить кельтское вторжение на свои земли и обеспечивший процветание своего народа на ближайшее столетие.

Компромиссную гипотезу предложил болгарский исследователь Петр Делев. Он предположил[1], что Дромихет был похоронен в гробнице в районе села Свештари, расположенной на территории, относимой к гетским землям, и высказал мысль, что Дромихет мог быть гетским правителем одрисского происхождения. Важнейшим моментом при локализации «царства Дромихета» является установление границ господства Лисимаха во Фракии. Внимательный анализ всех известий о деятельности Лисимаха на Балканах заставляет утверждать, что область македонского господства в годы правления этого диадоха во Фракии слишком преувеличена. Значительные районы Внутренней Фракии оставались вне границ царства Лисимаха и, по всей видимости, одрисы сохраняли независимость вплоть до кельтского вторжения.

Как показывает предыдущий историографический опыт, для ответа на поставленный вопрос недостаточно использовать только источники, описывающие столкновение Дромихета с Лисимахом, а потому приходится несколько расширить хронологические рамки исследования. Для понимания политической и этнографической ситуации во Фракии на момент Дромихетовой войны, необходим краткий экскурс в историю Одрисского царства накануне его завоевания македонянами. Помимо этого, расширение круга источников позволит разобраться с принятой эллинами и римлянами этнографической терминологией в отношении

---

[1] *Делев П.* Трагийският град при Свещари – еднавъзможност за историческа идентификация // Acta Associationis Internationalis. Terra antiqua Balcanica IV, c\o Jusautor. Sofia, 1990. С. 97-110.

фракийских племен. Источники и последние находки болгарских археологов позволяют с определенной долей уверенности локализовать «царство Дромихета» к югу от Дуная. Ядром этого раннегосударственного объединения служил, надо полагать, как и в случае с Астами, Сапеями и Кенами, один из уделов прежнего Одрисского царства, но входили в него помимо южнофракийских, также гетские племена, вероятнее всего кробизы.

ETHNIC NATURE OF «DROMICHAETES KINGDOM»

K. A. Anisimov (Tula)

In this article is discussed ethnic nature and localisation of «the kingdom of Dromichaetes» in the writings of ancient historians and geographers. Highlights the main versions: Strabo's version, who called Dromichaetes «King of Getae» and a Polybius's version who called Dromichaetes as «King of Odrysian» Also considered the problem of using of the term «Thracians» in the the ancient tradition.

Key words: Hellinism, ethnic, king.

НЕКОТОРЫЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРАЗДНИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДРЕВНЕРИМСКИХ АВТОРОВ

Н.А. Сергиенко

В статье рассматриваются праздники Древнего Рима, связанные с сельскохозяйственными культами. Автор исследует свидетельства некоторых римских писателей, касающиеся сельскохозяйственных праздников. Автор приходит к выводу о том, что земледельческие и скотоводческие обряды и верования принадлежали к древнейшим культам римской религии. Поскольку основным занятием большинства населения в Римской империи являлось сельское хозяйство, то и сельскохозяйственные праздники занимали значительное место в древнеримском календаре. Как правило, праздники устраивались до или после ключевого события в сельской жизни.

Ключевые слова: *Древний Рим, сельскохозяйственные праздники, обряды и верования.*

Изучение повседневной жизни античного общества представляется актуальным, поскольку современная европейская цивилизация усвоила многие элементы греческой и римской культуры, в том числе и традиции, связанные с отдыхом и разнообразными торжествами. Так, любимый всеми праздник Нового года своими корнями уходят в прошлое, и имеет непосредственную связь с посвященными италийскому богу Янусу ритуалами, проводившимися обычно 1 января.

Праздники в жизни римлян играли огромную роль, т.к. все они были связаны с культами многочисленных богов. В эпоху Империи число праздничных дней постоянно увеличивалось, в конце концов, их стало 175. В настоящей статье мы уделим внимание некоторым сельскохозяйственным праздникам, которые имели важное значение для римлян, поскольку были связаны с основным занятием большинства римлян – земледелием – и упоминаются в произведениях таких римских авторов, как Катон Старший, Варрон, Колумелла, Вергилий, Овидий, Ювенал и др.

Среди многочисленных римских праздников, справлявшихся ежегодно, преобладали древнейшие, а именно торжества в честь земледельческих богов и богинь. Очень популярны были праздники посевов и Паганалии в честь богинь земного плодородия Теллус и Цереры: одной приносили в жертву борова, дру-

гой - меру ячменя или полбы. Этот январский праздник как бы знаменовал собой завершение всех работ, связанных с урожаем прошлого года, и начало подготовки к полевым работам весной[1].

Сементины (*Sementivae*) или Паганалии[2] (лат. *Paganalia*) – древний праздник, связанный с началом посевных работ, и учрежденный еще римским царем Сервием Тулием. Овидий сообщает нам, что у данного праздника нет фиксированных дней в календаре, время определялось каждый год магистратами и понтификами, но, как правило, это были дни с 24 по 26 января. Теллус и Церера были при этом особенно почитаемыми божествами:

Пусть будет праздник в селе: очистите села, селяне
Пусть ежегодный пирог каждый очаг испечет.
Матери злаков Земле и Церере в жертву несите
Полбы муку и нутро отяжелевшей свиньи.
Общее дело ведут совместно Церера с Землею:
Та зарождает плоды, эта им место дает (Ovid. *Fast.* I, 670).

С целью узнать число населения, Сервий Туллий установил, чтобы в этот праздник каждое лицо, не исключая женщин и детей, уплачивало монету. И даже после того, как древние обычаи давно уже утратили свое значение, паганалии продолжали справляться, сохраняя при этом свой первоначальный плебейский характер[3] (Var. *De Re Rust*. I. 2; Ovid. *Fast*. I, 655-700; Cic. *Pro dom*. 28).

В феврале – месяце ритуальных очищений – справляли знаменитые Луперкалии (*Lupercalia*) – первоначально праздник пастухов в честь Фавна-Луперка, бога стад, соответствующего греческому Пану. Очистительные жертвы (в качестве таковых, как правило, использовались собаки[4]) – для того чтобы оживить плодородие земли, стад и самих людей - приносили в гроте Луперкаль у подножия Палатинского холма, где, по преданию, жила некогда волчица (*lupa*), вскормившая Ромула и его брата Рема. После жертвоприношений юные жрецы Луперка начинали свой ритуальный бег вокруг Палатинского холма, держа в руках ремни из козьих шкур и хлеща всех, кто попадется им на пути, – в этом также состоял обряд очищения. Молодые женщины охотно подвергали себя ударам в дни Луперкалии, веря, что очистительные удары ремней исцеляют от бесплодия и способствуют легким родам и вынашиванию плода (Plut. *Vit. paral. Romul*, 21. 3; *Quaes. Rom.* 68; Virgil. *Aen.* 8. 342–344; Ovid. *Fast.* II 265-470; Hor. *Od.* III, 18; Dion. Hal., *Rom. Antiq.* 1. 32. 3–5, 1.80; Iust., *Hist. Phil.* 43. 6ff; Lyd. *De Mens.* 4. 25).

Фавн, любовник Нимф, от тебя бегущих,
По межам моим и по знойным нивам
Ты пройди легко и к приплоду стада
Будь благосклонен.

---

[1] *Винничук Л.* Люди, нравы, обычаи древней Греции и Рима. М., 1988. С. 289.

[2] Это название было более распространено в сельской местности, само название происходит от пага (*pagus*) – деревни или, вернее, сельской общины.

[3] *Любкер Ф.* Реальный словарь классических древностей. В 3 томах. Т. 3. М., 2001.

[4] Плутарх пишет: «Почему луперки приносят в жертву собаку? <...> почти все греки использовали собак в качестве жертвы на церемонии очищения; и некоторые, по крайней мере, используют их даже до сего дня. Они приносят щенков для Гекаты вместе с прочими подношениями для очищения» (Plut. *Quaes. Rom.* 68).

Заклан в честь твою годовалый козлик;
Вволю для тебя, для Венеры друга,
В чашах есть вина, и алтарь старинный
Туком дымится (Hor. *Od.* III, 18).

Особенно щедрым на сельские праздники был апрель. 12-го справляли Цереалии (*Cerealia*), праздник, посвященный Церере (*Ceres*), богине плодородия. В основу легенды о Церере был положен греческий миф о Деметре и Персефоне: в этот день, как рассказывает Овидий, древний обычай повелевал деревенским жителям подносить дары богине и просить ее о милости:

Миролюбива Церера; просите и вы, поселяне,
Вечного мира для нас и миротворца вождя.
Полбой богиню почтить и крупинками надобно соли,
Ладана зерна сжигать на вековых очагах.
Если же ладана нет, зажигайте смолистые ветви:
Просит Церера себе малых, но чистых даров

(Ovid. *Fast.* 4, 390-620).

Во времена Республики организаторами Цереалий были плебейские эдилы, поскольку Церера являлась покровительницей простых людей. Фестиваль включал также цирковые игры, которые открывались скачками в Большом цирке: отправной точкой забега служил пункт, находящийся чуть ниже Авентинского храма Цереры, Либера и Либеры. После примерно 175 г. до н.э. в Цереалии были включены *ludi scaenici* - театральные постановки, проводившиеся в период с 12 по 18 апреля. Плебейскому эдилу Гаю Меммию приписывают постановку первого из *ludi scaenici*[1].

Затем, в праздник Фордицидий (лат. *Fordicidia*[2]) полагалось приносить богине Теллус в жертву стельных коров (лат. *forda*) (Var. *De ling. lat.* 6.15; *De re rust.* 2.5.6; Ovid. *Fast.* 4, 633, 641–666, 731–734; Lyd. *De Mens.* 4.49).

Согласно легенде, переданной Овидием, Фавн явился во сне римскому царю Нуме Помпилию и подсказал ему, что жертва Теллус могла бы помочь в предотвращении разного рода несчастий, преследующих людей в сельскохозяйственных работах – засухи, падеж скота и пр. Принесение в жертву двух стельных коров вполне удовлетворит богиню и обеспечит богатый урожай и приплод скота:

Смертью, о царь, двух коров умолить тебе следует Землю:
Пусть же телица одна в жертву отдаст две души

(Ovid. *Fast.* 4, 665).

21 апреля, в годовщину основания Рима, наступал еще один праздник пастухов – Парилии (*Parilia*), в честь древнеиталийского божества Палес, покровительницы стад и пастушества:

Палес благая, певца вдохнови ты пастушеских таинств,
Если могу я почтить праздник твой песней своей

(Ovid. *Fast.* 4, 720).

Богине творили жертвоприношения, не требовавшие пролития крови животных: жертвовали лепешки, молоко и другие продукты. В этот же день прово-

---

[1] *Wiseman T.P.* Remus: A Roman Myth. Cambridge, 1995. P. 137.
[2] У Варрона *Hordicalia* (Var. *De re rust.* 2. 5. 6).

дили ритуальные очищения скота и стойл, хлевов и конюшен, дабы уберечь людей и стада от заразных болезней. Стойла и скот окуривали серой, кропили водой; в жертву богине приносили ветви лаврового дерева, всякого рода кушанья, кровь коня, одержавшего когда-либо победу на скачках или в состязаниях на колесницах. По обычаю, животных прогоняли через костры, сложенные из соломы и сена, – это также имело целью отвратить от людей и скота болезни (Ovid. *Fast.* 4, 720-860; Tibull. 2, 5, 87; Prop. 4, 4, 73).

Имя Палатинского холма, на котором пастухи основали сам древний Рим, связано с Палес, поэтому одновременно праздновали день основания Города.

После Парилий наступал черед праздника Виналий (*Vinalia*) (Plin. Sec. 18, 287; Varro. *Ling. Lat.* 6. 16; Ovid. *Fast.* 4, 860-900): Юпитеру приносили в жертву вино прошлого урожая, также он был посвящен Венере.

Различают два праздника Виналий – первый - *Vinalia prima*, также известный как *Vinalia urbana* и второй - *Vinalia rustica*. Первый отмечался 23 апреля и сопровождался просьбами к богам о хорошей погоде, второй – 19 августа, непосредственно перед сбором урожая и началом производства вина. В этот праздник полагалось требовать у Венеры «красоты и успеха, шуток и вкрадчивых слов», а взамен воскуривать ладан, вить венки из мирта и мяты (Ovid. *Fast.* 4, 865)

Еще одним праздником, посвященным будущему урожаю винограда, были Робигалии (*Robigalia*), который традиционно отмечали 25 апреля. Варрон пишет, что такое название праздник получил в честь бога Робига, низшего божества, персонификации болезней сельскохозяйственных культур (Var. *De ling. lat.* 6. 16.), с ним согласен и Авл Геллий (Aul Gel. *Noct. Attic.* 5. 12, 14). Однако пол этого божества не был определенным, например, Колумелла дает нам женский вариант этого имени и говорит, что в жертву ей необходимо приносить кровь и внутренности «молочных» щенков, чтобы защитить виноградники от всякой возможной порчи: с созвездием Пса связывали судьбу будущего урожая винограда (Colum. *De re rust.* 10. 337–343).

Наконец, 28 апреля обитатели многих областей Италии чтили богиню растительности Флору. Флоралиями (*Floralia*) завершался длинный ряд весенних сельских празднеств (Ovid. *Fast.* 4, 940-950). Флоралии отмечались играми, организуемыми плебейскими эдилами.

Открывались игры театральными представлениями, продолжались различного рода соревнованиями, цирковыми зрелищами и жертвоприношениями богине. Светоний упоминает о том, что при Гальбе во время Флоралий публику развлекали слоны, ходящие по канату (Suet., *De vita Caes. Galba* 6. 1). В празднике принимали участие проститутки, которые танцевали обнаженными и устраивали шуточные гладиаторские бои (Juv., *Sat.* 6. 249f).

Летом сельских праздников почти не было: хозяйственные заботы не оставляли времени для празднеств. Лишь в июне совершали ритуальное очищение храма Весты, стремясь умилостивить богиню домашнего очага, чтобы и она помогала вырастить и собрать богатый урожай в каждом хозяйстве.

Только в конце августа деревенские жители могли вновь позволить себе веселье и торжественные обряды. 25-го справляли Опиконсивии (*Opiconsivia*) в честь богини Опс Сеятельницы (*Ops, Opis*), покровительницы урожаев и жатвы.

Сразу же за Опиконсивиями наставали Вертумналии (*Vertumnalia*) - праздник Вертумна, бога превращений и изменений, в том числе, смены времен года; от него, как считалось, также зависела судьба посевов и урожаев[1]. Изображался Вертумн преимущественно в виде садовника с садовым ножом и плодами (Ovid. *Fast*. 14, 640-685).

Дважды в год, в августе и декабре, справляли праздник Консуалий (*Consualia*) - в честь бога земледелия Конса, которого впоследствии стали отождествлять с Нептуном (Tit. Liv. I, 9). 18 августа праздник отмечали в связи с работами по сбору урожая (Plut. *Vit. paral. Romul*. 15), 15 декабря – в связи с сохранением зерна. Урожай зерна содержался в подземных хранилищах, и храм Конса также был подземным. Этот храм был покрыт землей круглый год и открывался только на один день. Во время празднования лошади, мулы и ослы освобождались от всякого труда, их украшали гирляндами и цветами и в таком виде вели по улицам.

Также в этот день проводились гонки на колесницах в цирке, в числе прочих проходила и необычная гонка, в которой принимали участие колесницы, запряженные мулами[2].

Таким образом, к числу древнейших культов римской религии принадлежали также земледельческие и скотоводческие обряды и верования. В отличие от родовых форм культа, преимущественно патрицианских и городских, эти земледельческо-скотоводческие культы были сельскими и плебейскими. Однако резкой грани между теми и другими не было, ибо самое разделение города и деревни было для Древнего Рима весьма условным.

Поскольку основным занятием подавляющего большинства населения в Римской империи являлось сельское хозяйство, то и сельскохозяйственные праздники занимали значительное место в древнеримском календаре. Как правило, праздники устраивались до или после ключевого события в сельской жизни. Это либо посевы, либо жатва. Урожай в Риме собирался дважды, что также увеличивало количество праздников.

Безусловно, в данной статье мы смогли рассмотреть далеко не все сельскохозяйственные праздники Древнего Рима, более того, за рамками нашего исследования остался один из главных римских праздников – Сатурналии, но торжества, связанные с культом Сатурна, станут темой отдельного изучения в силу масштабности предмета.

SOME AGRICULTURAL FESTIVALS IN ROMAN AUTHORS' WORKS

N.A. Sergienko

The paper considers the main festivals of ancient Rome, relating to the agricultural cults. The author examines the testimonies of Roman writers who wrote about these festivals. The author comes to the conclusion that agricultural and livestock rites and beliefs belonged to the earliest cults of the Roman religion. Inasmuch as the agriculture was the main occupation of the vast majority of the Roman population the agricultural festivals occupied an important place in the Roman calendar. As a rule, festivals were held before or after key events in rural life.

Key words: Ancient Rome, agricultural festivals, rites and beliefs.

---

[1] *Винничук Л.* Указ. соч. С. 221.

[2] *Scullard H.H.* Festivals and Ceremonies of the Roman Republic. London, 1981. P. 177-178.

ИНОЭТНИЧНАЯ КАВАЛЕРИЯ В РИМСКОЙ АРМИИ РЕСПУБЛИКАНСКОГО ВРЕМЕНИ[1]

А.А. Клейменов, И.А. Астахов (Тула)

В статье рассматривается иноэтничная кавалерия, стоявшая на службе в армии Римской республики. Определяются особенности конных подразделений народов, составлявших основу кавалерийского контингента Рима. Прежде всего, это конница италиков, нумидийцев, испанцев и галлов. Анализируются возможные причины отказа римлян от собственной «гражданской» кавалерии.

Ключевые слова: *Римская республика, кавалерия, нумидийцы, испанцы, галлы.*

Не является секретом, что римская цивилизация сумела породить одну из наиболее эффективных военных машин древнего мира. Основные черты римского военного дела были сформированы в период Республики, когда Рим сумел превратиться из незначительного периферийного государства вначале в хозяина Апеннинского полуострова, а затем и в ведущую державу Средиземноморья, сокрушив таких сильных в военном отношении противников как Карфаген, Македония, Сирия и Понт. Наиболее мощным компонентом римской армии, безусловно, являлась превосходная тяжеловооруженная пехота, однако во многих военных кампаниях одной из важных составляющих успеха была кавалерия – род войск, история которого в Риме была очень непростой.

В собственно римской армии кавалерии традиционно отводилась небольшая роль. Конечно, по мере роста могущества Рима количество всадников увеличивалось. За первые сто лет, прошедших после знаменитых реформ Сервия Туллия, число кавалеристов в римской армии возросло в 3 раза (с 600 до 1800)[2], однако этот процесс заметно уступал увеличению количества пехотинцев. В дальнейшем значительный перевес в пользу пехоты сохранялся. Из сообщения Полибия известно, что в каждом легионе было от 4200–5000 пехотинцев, на которых приходилось всего 300 всадников (Polyb., VI, 20). Именно небольшую численность следует считать главным недостатком конницы Рима[3]. Его возникновение было обусловлено характером социального устройства Республики: кавалерия изначально комплектовалась из представителей особого «всаднического» сословия, в значительном расширении которого правящая элита не была заинтересована[4].

Решить проблему нехватки кавалерии римляне стремились с помощью своих италийских союзников. Предоставляемые ими конные соединения были подготовлены и вооружены аналогично римским, однако, отличались большей

---

[1] Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-5688.2014.6 (договор от «03» февраля 2014 г. № 14.Z56.14.5688-МК).

[2] *Keppie L.* The Making of the Roman Army: From Republic to Empire. London, 1998. P. 7.

[3] *Goldsworthy A.* Roman Warfare. London, 2000. P. 42.

[4] *Sidnell P.* Warhorse: Cavalry in Ancient Warfare. London – New York, 2006. P. 151.

многочисленностью[1]. Полагают, что к III в. до н.э. всадники из числа союзников составляли около 75% от всей конницы, имевшейся в распоряжении Рима[2]. Именно посредством привлечения союзников римская армия получала кавалерию в количестве, достаточном для решения разнообразных боевых задач, сводившихся не только к разведке и преследовании отступающего противника[3]. В сражениях конница италийских союзников, как правило, размещалась на левом фланге армии, в то время как собственно римская кавалерия занимала правый[4]. Высокая боеспособность конницы союзников проявилось во время тяжелейшей войны с Ганнибалом, при описании которой Тит Ливий часто упоминает отряды италиков, подчеркивая их важность и доблесть на поле боя (Liv., XXV.14; 23; 24).

Начиная со времен во Второй Пунической войны, римская кавалерия начинает пополняться за счет неиталийских народов. Толчком к этому послужила ситуация, сложившаяся в ходе войны с Ганнибалом, обладавшим на первых порах подавляющим превосходством в коннице. Сципион Африканский, прекратив тщетные попытки расширить боевые возможности римской кавалерии, увеличил кавалерийский корпус своей армии за счет испанских и нумидийских союзников[5]. Рим поставил себе на службу выходцев из тех регионов, которые ранее предоставили кавалерию для армии карфагенского полководца. После войны римляне продолжили активно применять конницу зависимых народов – прежде всего тех, которые обладали собственными развитыми традициями разведения и боевого использования лошадей. Наиболее существенным было участие уже упомянутых нумидийцев и испанцев, а позднее и галлов.

Нумидийские всадники по праву считаются одними из лучших легких кавалеристов античного мира. Тит Ливий писал, что они «безусловно, лучшие всадники в Африке» (Liv., XXIX, 35, 8). Лошади нумидийцев были небольшими, хорошо приспособленными для быстрого передвижения на большие расстояния, а их наездники использовали в качестве основного оружия дротики (Strab., XVII, II, 7). Нумидийцы были более эффективны по сравнению с римскими и италийскими всадниками при проведении разведки, устройстве засад. Они не знали себе равных во время грабительских набегов на территорию противника, при проведении заманивающего отступления с последующей контратакой, преследовании разбитого неприятеля[6]. Нумидийская кавалерия была эффективным

---

[1] *Hoyos D.* The Age of Overseas Expansion (264–146 BC) // A Companion to the Roman Army / Edited by P. Erdkamp. Oxford, 2007. P. 70-71.

[2] *Rawlings L.* Army and Battle During the Conquest of Italy (350–264 BC) // A Companion to the Roman Army / Edited by P. Erdkamp. Oxford, 2007. P. 53; Southern P. The Roman army: a social and institutional history. Santa Barbara – Denver – Oxford, 2008. P. 93-94; *Sidnell P.* Op. cit. P. 152.

[3] *Sidnell P.* Op. cit. P. 152.

[4] *Токмаков В.Н.* Структура и построение римского войска Ранней республики // ВДИ. 1995. №4. С. 139; *Коннолли П.* Греция и Рим. Энциклопедия военной истории / Пер. с англ. С. Лопуховой, А. Хромовой. М., 2000. С.140.

[5] *Габриэль Р.* Ганнибал. Военная биография величайшего врага Рима / Пер. с англ. Г.В. Максимюк. М., 2012. С. 71.

[6] *Габриэль Р.* Указ. соч. С. 53-54.

подспорьем и во время открытых полевых сражений. Как полагают исследователи, именно переход нумидийцев на сторону Рима во многом обеспечил Сципиону успех в сражении с Ганнибалом при Заме[1].

Кавалерия испанцев также была очень подвижна, однако превосходила нумидийцев в ближнем бою. Страбон весьма высоко оценивает выносливость, скорость и силу испанских лошадей (Strab, III, 4, 13-16). Их наездники, экипированные небольшими круглыми щитами, копьями и изогнутыми мечами-фалькатами, могли эффективно сражаться даже с тяжеловооруженной пехотой[2]. Пиренейский полуостров также поставлял Риму отряды конных стрелков из племени кантабров. Кантабрийские всадники использовали луки и метательные дротики, и в бою применяли излюбленную тактику кантабрийского круга: всадники образовывали круг и, двигаясь от неприятеля вправо, непрерывно осыпая малоподвижного противника градом метательных снарядов. Как правило, племя кантабров было враждебно Риму и практически всегда было с Республикой в состоянии войны, однако считается, что кантабры участвовали в Серторианской войне 80–72 гг. до н. э. на стороне Квинта Сертория[3].

Позже важным источником пополнения кавалерии для римлян стала Галлия. В своей массе галлы, очевидно, были легковооруженными всадниками. Плутарх, описывающий битву при Каррах 53 г. до н.э., сообщает о вооружении галльских наездников как о довольно скудном и легком (Crass., 25). Лишь немногие из галльских кавалеристов были облачены в кольчугу. В бою ими использовались мечи, длинные копья или дротики[4].

Кавалерия из указанных регионов античного мира стала важной составляющей римской армии, а к началу I в. до н.э. полностью заменила собственно римскую и италийскую конницу[5]. Так, Гай Юлий Цезарь во время завоевания Галлии опирался исключительно на контингент галльских, а затем и германских союзных всадников[6]. Любопытный эпизод произошел в 58 г. до н.э., когда Цезарь был приглашен на переговоры с вождем германского племени свевов Ариовистом. Нуждаясь в кавалерийском эскорте, римский полководец, не доверявший союзнической галльской коннице, поручил передать часть ее лошадей солдатам X легиона, которые и сопроводили Цезаря (Bell. Gall., I, 42). Во время битвы при Каррах в 53 г. до н.э., в войске Красса, из четырех тысяч всадников

---

[1] *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. Т. 1. СПб., 1999. С. 271; *Разин Е.А.* История военного искусства. Т 1. СПб., 1999. С. 327; *Габриэль Р.* Указ. соч. С. 248; *Keppie L.* Op. cit. P. 17.

[2] *Габриэль Р.* Указ. соч. С. 50.

[3] *Гурин И.Г.* Римляне и варвары в Серторианском движении // Античный мир и археология. № 11. Саратов, 2002. С. 52-56.

[4] *Брюно Ж.-Л.* Галлы / Пер. с фр. А. Родионова. М., 2011. С. 157.

[5] *Rankov B.* The Late Republic and the Principate: Military forces // The Cambridge history of Greek and Roman Warfare. Vol. II / P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby. Cambridge, 2007. P. P. 33; *Cagniart P.* The Late Republican Army (146–30 BC) // A Companion to the Roman Army / Edited by P. Erdkamp. Oxford, 2007. P. 87; *Keppie L.* Op. cit. P. 56; Sidnell P. Op. cit. P. 208.

[6] *Парфенов В.Н.* Профессионализация Римской армии и Галльские войны Цезаря // Античный мир и археология. № 2. Саратов, 1974. С. 72-89.

около тысячи были галлами, при чем из описания Плутарха можно сделать вывод, что они являлись наиболее боеспособным подразделением, успешно вступившим в схватку с парфянскими катафрактами (Crass., 25). Остальная часть конного контингента армии Красса не была однородна и состояла из всадников союзных Риму государств Малой Азии, греческих городов и Армении[1].

Почему римляне республиканского времени отказались от развития собственной «гражданской» кавалерии? Представляется, что возникновение этой ситуации было результатом сложения целого ряда факторов. Прежде всего, большую роль сыграли социальные условия – к этому времени представители всаднического сословия были уже мало заинтересованы в несении военной службы в качестве рядовых кавалеристов, предпочитая, в лучшем случае, занимать какой-либо командный пост[2]. Определенным толчком, безусловно, стала Союзническая война, с началом которой италийские всадники перестали пополнять кавалерийский корпус Рима[3]. Вдобавок к исчезновению кавалерии союзников, наметилась нехватка граждан, готовых служить легионерами (особенно во времена все той же Союзнической войны), что в совокупности с наличием доступной конницы из Нумидии и Испании заставило римлян отказаться от развития собственной кавалерии и сконцентрироваться на пехоте[4]. Безусловно, были и сугубо военные предпосылки произошедшего. В конце республиканского времени римская армия периодически сталкивалась с теми же испанцами, галлами, нумидийцами, а также жителями Востока – противниками, обладавшими кавалерией, по ряду показателей значительно превосходящей те конные подразделения, которые комплектовались римлянами и италиками[5]. Привлечение «варварской» конницы, способной вести военные действия в «неримском» стиле, к службе в римской армии стало мерой, адекватной сложившейся ситуации.

Таким образом, бóльшая часть римской кавалерии республиканского периода состояла из всадников, не являвшихся собственно римлянами. До II в. до н.э. это была конница италийских союзников, по экипировке и особенностям тактики мало отличавшаяся от тех конных подразделений, которые комплектовались самим Римом. К закату республиканского периода конницу апеннинского происхождения полностью вытесняют всадники из других регионов, прежде всего – выходцы из Галлии, Испании и Нумидии. Благодаря этому римляне сумели направить свои материальные и людские ресурсы на усиление тяжеловооруженной пехоты, а также использовать в своих интересах изначально чуждые достижения в военной области.

---

[1] *Бокщанин А.Г.* Битва при Каррах // ВДИ. № 4. 1949. С. 41-50.
[2] *Sidnell P.* Op. cit. P. 207-208.
[3] *Keppie L.* Op. cit. P. 56.
[4] *Sekunda N.* The Hellenistic World and the Roman Republic: Land forces // The Cambridge history of Greek and Roman Warfare. Vol. I / P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby. Cambridge, 2007. P. 353.
[5] *Keppie L.* Op. cit. P. 56.

FOREIGN CAVALRY IN THE ROMAN REPUBLIC ARMY
A.A. Kleymenov, A.I. Astakhov (Tula)

The article discusses foreign cavalry on the service of the Roman army in the republican period. Defines the features equestrian units peoples formed the basis of a cavalry contingent of Rome. First of all, it's cavalry of Italians, Numidians, Spaniards and Gauls. We analyze the possible reasons for the refusal of the Romans their own «civil» cavalry.

Keywords: Roman Republic, the cavalry, the Numidians, Spaniards, Gauls.

СУЩНОСТЬ ИНСТИТУТА КЛИЕНТЕЛЫ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

А.Ф. Бровкина

В статье рассматривается институт клиентелы Древнего Рима, его образование, развитие, участники, основы личной и социальной зависимости. Раскрываются основные этапы развития института клиентелы, его значимость и влияние на общественные отношения в римском обществе.

Ключевые слова: *клиент, патрон, клиентела, патронат, Древний Рим.*

Проблемы, связанные с исследованием аспектов института клиентелы в Древнем Риме, весьма актуальны сегодня. Общеизвестно, что, несмотря, на открытость и демократичность большинства современных обществ, человеку «со стороны», имеющему низкий или средний социальный статус, довольно трудно чего-то добиться, не имея покровителей из числа богатых и влиятельных людей. Традиция эта зародилась в древности и, поскольку именно в Риме она являлась едва ли не стержнем общественного строя, была узаконена юридически, важно знать принципы ее функционирования и институциональное оформление. В данной статье мы остановимся на социальных категориях, представлявших обе стороны «клиент-патрон» и сущности патронатных отношений в Древнем Риме.

Институт клиентелы встречается у многих народов и везде он обязан своим происхождением тому общему древнему воззрению, в силу которого суд и право каждого народа существуют только для защиты членов данного общества; иностранец принципиально считается врагом, и потому существом бесправным. Поэтому, чтобы обеспечить себе какую-нибудь охрану внутри чужого племени, иностранец должен запастись покровительством кого-нибудь из местных; тогда личность и имя последнего защищает чужака. Такое же общее воззрение на «иностранцев» мы находим и в древнем Риме: всякий неримлянин рассматривается, как *hostis*. Если кому-нибудь из этих *hostes* оказывается необходимым прибыть в Рим, а тем более поселиться здесь на продолжительное жительство (напр., беглецы), то ему ничего другого не остается, как прибегнуть к гостеприимству и покровительству кого-нибудь из коренных и полноправных римлян (*hospitium privatum*)[1]. Этим объясняется и личная зависимость клиента от патрона, и принадлежность его к семье последнего, и особый характер отношений между ними. Вступление в клиенты представляло собой акт частной *deditio in fidem*. Вследствие этого нарушение патроном своих обязанностей к клиенту навлекает на него не светское, а религиозное наказание: «*patronus si clienti fraudem fecerit saceresto*»

[1] *Винничук Л.* Люди, нравы и обычаи в Древней Греции и Рима. М., 1988. С. 191.

(если патрон причинит ущерб клиенту, пусть будет проклят), говорится в «Законах XII таблиц». Этим же объясняется и отсутствие у клиента гражданской правоспособности: он, как чужестранец, не имел ее и раньше[1].

Факторы образования института клиентелы в Древнем Риме можно условно разделить на внешний и внутренний, поэтому и клиентела условно разделяется на внешнюю и внутреннюю.

Внешняя клиентела образовалась в результате завоеваний Рима, то есть явилась следствием внешней политики, а соответственно, в результате внешнего фактора. Покоренные народы и племена становились клиентами республики, при условии своего рода невмешательства Рима в их внутреннее устройство и политику, а клиенты в свою очередь гарантировали патрону покорность и постоянную поставку войск. Понятие внешней клиентелы масштабнее по отношению к внутренней, но суть ее образования складывается позднее внутренней клиентелы. Примером внешней клиентелы является существование дружественных царств и свободных городов[2]. Настоящее исследование посвящено изучению сущности так называемой «внутренней» клиентелы.

Внутренняя клиентела образуется в массе *populus Romanus* (римлян). Многие исследователи института клиентелы полагают, что внутренняя клиентела намного сложнее дифференцирована в римском обществе и является основой образования государственности. Когда *populus Romanus* беднел и терял родовые связи[3], он переходил в категорию зависимых людей. Именно в то время в Древнем Риме появляется система взаимоотношений клиент-патрон.

К зависимым от патрициев категориям свободного населения относились клиенты и еще более многочисленные плебеи, так сказать, его маргинальные категории. Сохраняя личную свободу, они не имели политических прав и занимались сельским хозяйством, и торговлей. Богатые и бедные плебеи были одинаково бесправны. Некоторые из них отдавали себя под покровительство патрициев и становились их «клиентами» (от лат. *cliens* - послушный). Патриций считался покровителем, патроном (лат. *patronus*, от *pater* - отец), клиента и опекал его во всех случаях жизни[4].

Чаще всего клиентами становились вольноотпущенники из обедневших плебеев или бывших рабов, которых отпускали на волю. Они составляли категорию самых неполноправных граждан, не имели права брака, не могли быть чиновниками и были ограничены в отношении голосования. Связь между патроном и клиентом называлась «клиентела» или «патронат»[5].

Древний закон обязывал клиента платить выкуп за патрона, а также вкладывать денежные средства в приданое дочери патрона[6]. Встречались случаи, когда клиент оплачивал наложенные на патрона судом штрафы. Позже земель-

---

[1] *Рошер В*. Система призрения бедных и мероприятия против бедности. Черкассы, 1895. С. 97.
[2] *Ковалев С.И*. История Рима. Курс лекций. Л., 1986.
[3] *Винничук. Л*. Указ. соч. С. 164.
[4] *Кнабе Г.С*. Древний Рим – история и повседневность. М., 1986. С. 222.
[5] *Рошер В*. Указ. соч. С. 97.
[6] Там же. С. 95.

ный участок начал переходить в наследство от отца к сыну, в случае отсутствия у клиента сына имущество переходило к патрону.

Институт клиентелы играл немаловажную роль во времена Римской республики. В этот период клиентские обязательства стали передавались по наследству. Традиционно сложилось так, что клиенты стали сопровождать своего патрона на Форуме. Они обязаны были поддерживать его на выборах и служить на войне под его началом. В свою очередь, патрон брал на себя обязательства защищать своих клиентов в случае судебных разбирательств, или выкупать членов их семей, попавших в зависимость, поддерживать их минимальные жизненные потребности. То есть клиентела стала основываться на гражданской правоспособности патрона, клиент же ее не имел.

С развитием культуры и искусства в Древнем Риме, появилась другая разновидность клиентелы – отношения между деятелями искусства и их покровителями, к примеру, поэт-сатирик Марк Валерий Марциал, который при правлении Тита получил «право трех сыновей» и соответствующие льготы. Прославляя деятельность своих патронов, клиент получал большие привилегии в обществе.

Если рассматривать институт клиентелы с этической точки зрения, то отношения между патроном и клиентом строились не на труде последнего, а на унижении. Многие римляне были вынуждены перейти в разряд клиентов, чтобы поддержать свои минимальные жизненные потребности, иные для получения своего рода привилегий, разные цели, а итог один – порождение вертикальных социальных отношений. «Ты лжешь - я верю, читаешь плохие стихи - хвалю, поешь - пою, пьешь - пью, хочешь играть в шашки – проигрываю», - пишет Марциал (Mart. XII. 40).

Однако, подобный взгляд на институт клиентелы был бы однобоким, поскольку патрон имел не меньшее число обязанностей по отношению к клиенту, а, значит, отношения эти были равноправными. Мы уже кратко упоминали выше об обязанностях патрона, кроме еще одной, повсеместно распространенной – раздачи спортулы (*sportula*) – первоначально корзинка с кушаньями, впоследствии замененная денежным подарком (Juv. I. 120; Mart. X. 70, 75). У Ювенала мы находим описание атриума влиятельного магната, переполненного иждивенцами, каждый из которых с нетерпением ожидает раба, выносящего из кухни яства, при этом каждый стремится выхватить их прямо из корзины, пока они не остыли (Juv. III. 249). В доме патрона хранился специальный свиток со списком лиц, имеющих право на получение пособия; во время раздачи имена назывались по порядку, а претенденты обязаны были присутствовать лично (Juv. I. 120-130). При этом, часто случались попытки несанкционированного получения спортулы, таких ловили и отправляли восвояси, существовала даже пословица «*sportulam furunculus captat*» (ловить воришек спортулы). Обычным временем выдачи спортулы было утро (Juv. I. 128), но иногда это делалось и в полдень (Mart. X. 70).

Обычай заменять корзинку с едой денежной раздачей распространился в эпоху Империи, и вскоре спортула стала обозначать любой подарок или денежное вознаграждение (Plin. Caec. *Epist*. II. 14, X. 118), которое раздавалось часто в

связи с какими-нибудь важными событиями в жизни патрона – день его рождения или вступление в должность.

Традиция, связанная с раздачей спортулы, сохранялась в течение всего существования Римской империи, вплоть до падения ее западной части. Так, в письмах Сидония Аполлинария (ок. 430 - ок. 486) мы также находим информацию об этом любопытном обычае (Sid. *Epist.* VIII. 6, 5).

Судя по количеству сообщений латинских авторов, в которых упоминаются патронатные отношения, они, действительно, пронизывали всю систему общественных связей Рима. Мы пришли к выводу о том, что отношения эти все же носили равноправный характер, поскольку патрон имел не меньшее число обязанностей по отношению к клиенту. Кроме того, представитель нобилитета без толпы клиентов – нонсенс для Рима, клиенты являлись престижным показателем. Клиентела сохранялась вплоть до падения Западной Римской империи и явилась основой будущей системы вассалитета в Европе. В позднеантичное время появляется новая разновидность клиентских отношений в виде интеллектуального покровительства по отношению к варварам, но данный вопрос является темой отдельного исследования.

THE ESSENCE OF THE CLIENTSHIP INSTITUTE IN ANCIENT ROME
A.F. Brovkina
The article considers clientship institute (lat. clientela) in ancient Rome, its foundation, development, participants, basis of personality and social dependence.
Also the main stages of development of clientele's institute are disclosed, the significance and influence on the social relations in Roman society.
Key words: client, patron, clientele, patronage, Ancient Rome.

LA QUESTION DES RELATIONS ECONOMIQUES, CIVILES ET POLITICO-MILITAIRES DES PREMIERS ROIS DE NUMIDES AVEC LA REPUBLIQUE ROMAINE

K. Bembaye (Toula)

L'article est consacré au problème des relations économiques, civiles et politico- militaires des premiers Rois de Numides avec la République romaine entre la défaite de Carthage à la bataille de Zama (202 av. J.-C.) et sa destruction totale en 146 avant notre ère.
Rome avait fait du royaume numide un état-client sur lequel Massinissa, créature romaine, avait régné près d'un demi-siècle. Durant cette période les relations entre la République romaine et la Numidie sont devenues multiples et même aboutis à un grave affrontement politique.
Mots-clés: *Afrique, République Romaine, Numidie, état-client.*

Selon la tradition historique, Massinissa serait l'un des premiers rois numides (203-148 av. J.-C.) à établir des relations économiques (Liv., XLIII, 6; XLV, 13), politiques et militaires avec la République romaine (Liv. XLII, 23; XLII, 3). En effet, entre la défaite de Carthage à la bataille de *Zama* (202 av. J.-C.) et sa destruction totale en 146 avant notre ère, Rome avait pratiquement fait du royaume numide un Etat «protégé» sur lequel Massinissa avait régné près d'un demi-siècle. De là, beaucoup d'historiens ont soutenu la thèse selon laquelle, Massinissa n'était qu'une création de Rome: «In Africa,

after the War [second Punic War] the Romans had to deal with constant differences between Masinissa and Carthage. Masinissa had recovered his throne and enlarged his kingdom through the help of Scipio who (we are told) addressed Masinissa as king, and who gave him the territory Rome had conquered from Syphax; and we know that the close relations between the houses of the ruler and the dynast continued. More than any other king, Masinissa was the creature of Rome, and indeed of one Roman»[1]. Un passage de Tite-Live (Liv, XLV, 13, 14-16) nous rapporte que Massinissa a envoyé à Rome en 168 son fils Masgaba (*CIL.* IV, 1917), pour féliciter les Romains de leurvictoire sur le roi Persée[2]. En effet, le texte précise d'abord le nombre des fantassins et des cavaliers ainsi que des éléphants envoyés en renfort.Il met aussi en évidence les quantités de céréales que Massinissa avait envoyées à l'armée romaine en Macédoine durant les quatre années précédentes (172-168 av. J.-C.). C'est pour cela que Masgaba fait savoir aux sénateurs que sonpère, Massinissa, est resté fidèle à Rome, et qu'il s'est placé dans ces circonstances à son service loyalement.

Suivant le récit de Tite-Live, Masgaba affirmait que deux choses avaient fait rougir son père: l'une a été que le Sénat lui avait envoyé une ambassade pour lui demander de contribuer aux besoins de la guerre, alors qu'il eût dû simplement donner ses ordres : l'autre, que le Sénat lui avait donné de l'argent en contrepartie des denrées fournies.

D'autre part, les relations entre la République romaine et les royaumes locaux reflètent souvent les luttes politiques internes à Rome. Les sources écrites nous montrent, bien que d'une manière partielle, que les Numides, ou plutôt les Africains en général, ont pris souvent une part active dans ces luttes (Liv., XXVII, 4, 5). Les soldats sont beaucoup plus préoccupés de trafiquer et de piller que de combattre. Ceci dura près de dix ans, jusqu'à l'arrivée de Marius au commandement de l'armée d'Afrique.

D'autre part, il est important de signaler que Rome ne se désintéressait en aucun cas du reste du pays. En effet, et comme nous le précise Paul-Albert Février: «S'il est une région du monde méditerranéen où l'empire de Rome pourrait bien paraître comme en expansion permanente, repoussant ses frontières pour atteindre de nouvelles terres, c'est bien l'Afrique septentrionale. Pendant trois siècles et demi, les limites du territoire contrôlé n'ont cessé de se modifier par des gains importants. Cette incessante évolution a entraîné de telles conséquences, dans un pays géographiquement déjà très divers, qu'il importe de prendre en compte l'histoire de cette marche en avant. Une histoire qui procède par à-coups (*sic*), par victoires militaires et par implantation d'hommes sur les nouvelles terres du Sud ou de l'Ouest»[3]. La création de la *Provincia Africa,* sur l'ancien territoire de l'empire carthaginois symbolise, pour nous, le premier pas vers un nouveau rapport de forces en Afrique (Sal., *B. Iug.*, XLI, Liv. LXI и LXII).

---

[1] *Badian E.* Studies in Greek and Roman History. N.Y., 1964. P. 120-125.
[2] *Weissenborn W- H., Müller J.* Edition de Tite-Live. Berlin: Weidmann, 1965. T. X. P. 43-45.
[3] *Février Paul-Albert.* Approches du Maghreb romain, pouvoirs, différences et conflits. T. I. Aix-en-Provence, Edisud, 1989. P. 93.

Ainsi, le royaume de Massylie s'est trouvé face aux possessions romaines en Afrique[1]. Cette pénétration directe dans le sol africain, à partir de l'ancienne Carthage, n'est qu'une étape de l'expansion économique de la République romaine[2] aux dépens des royaumes locaux. L'enjeu principal était la maîtrise du pouvoir dans les royaumes indigènes. Certains, comme G. De Sanctis[3], ont bien montré que la guerre menée contre le royaume de Numidie, à l'époque de Jugurtha, ne visait pas la possession de la contrée, mais plutôt l'établissement de l'hégémonie romaine en général.

C'est principalement les chevaliers qui sont intéressés par cette guerre qui leur offrait des opportunités sur les plans commercial et financier.

En effet, selon certains auteurs anciens, c'est Massinissa (Pol, XXX, 10, 10) même qui a fait appel à Scipion Emilien en vue de trouver un compromis pour la succession au trône et lui demanda de donner son avis, sur les meilleures dispositions successorales qu'il lui paraîtrait bon de recommander pour que la dévolution du trône correspondît à l'intérêt de la politique romaine[4]. Si tel était le cas, il est fort probable que Scipion ait agi de manière à réduire la puissance numide.

Il s'est vraisemblablement «inspiré d'une organisation triumvirale traditionnelle du pouvoir»[5]. Ceci n'est révélé par aucun auteur ancien, mais est attesté plus d'une fois dans les cités numides (*Thugga*, *Thuburnica*, *Maktar* et *Althiburos*) sous forme d'un pouvoir collégial de trois suffètes[6]. Cette tradition s'est même maintenue jusque sous la domination romaine (*CIL.*VIII, 1828) dans plusieurs villes de l'ancien royaume de Numidie, comme ce fut le cas à *Cirta* (*CIL.*VIII, 6950), *Rusicade* (*CIL.*VIII, 798; 6711) ou *Chullu* (*CIL.*VIII, 19917). Une nouvelle approche du «testament de Masinissa»[7] parle de l'idéal politique selon Polybe (Pol., VI, fragm. 2, éd. Buchon) qui se «résumerait à trois vertus essentielles, contenant toute les autres: courage, raison et sagesse.

L'ordre est croissant, le courage étant plutôt une vertu physique doublée de générosité morale. A ces trois vertus correspondent évidemment trois fonctions politiques sous-entendues par Polybe: le courage est la vertu de l'armée ; la raison est celle de l'appareil de justice et de lois; la sagesse est la vertu du gouvernement» (Pol., VI, fragm.3). Il n'est pas exclu que Massinissa et Scipion aient été marqués par la pensée

---

[1] La disparition de l'ancien empire de Carthage a donné naissance à une nouvelle appellation de la contrée qu'occupe l'actuel Etat de Tunisie. Les Romains la nommaient le *praedium populi Romani*, autrement dit, le sol provincial de l'ennemi étranger. Florus (I, 22, 61).

[2] *Romanelli P.* Le condizioni giuridiche del suolo in Africa. In: Atti del convegno internazionale sul tema: I diritti locali nelle province romane con particolare riguardo alle condizioni giuridiche del suolo // Roma, 26-28 ottobre 1971. P. 171.

[3] *De Sanctis G.* Problemi di storia antica. Bari, Gius. Laterza e figli, 1932. P. 187.

[4] *Gsell S.* Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Casablanca, 2005. T. II. L'Etat carthaginois, et HAAN; t. III. Histoire militaire de Carthage 475. 424 p.

[5] *Camps G.* Berbères: aux marges de l'histoire. Toulouse: Édition des Hespérides, 1980. P. 327.

[6] *Camps G.* Berbères: aux marges de l'histoire. Toulouse: Édition des Hespérides, 1980. P. 320. Archéologie, horizons neufs.

[7] *Trofimoff H.* Une préfiguration de la séparation des pouvoirs: le testament de Masinissa. T. XXXV. Bruxelles, 1988. P. 263.

grecque, sous l'influence de Polybe (Pol., XXXVI, 16, 10-12), notamment sur la «transformation d'un peuple d'éleveurs en cultivateurs».

Toutefois, il est fort utile de rappeler que les anciens Numides n'avaient pas attendu Massinissa, où même les marins Phéniciens, venant de l'Orient, pour pratiquer l'agriculture[1].

Les témoignages archéologiques ne plaident pas en faveur du récit de Polybe et encore moins en celui de Strabon qui pense que ce «fut Massinissa qui rendit les Numides sociables et en fit des agriculteurs (Strabo., XVII, 3, 15).

Bien au contraire, l'archéologie atteste l'existence de techniques et d'établissements dès l'époque protohistorique[2].

En bref, le grand affrontement avec Carthage, quia marquer un tournant dans l'histoire de Rome, commence alors, son rôle de puissance purement italique est achevé, elle va progressivement étendre sa domination sur le bassin occidental, puis sur le bassin oriental de la Méditerrannée. C'est le début de l'impérialisme romain, avec toutes les conséquences politiques, économiques, sociales, militaires et religieuses qui en découleront.

L'etude des relations économique, politiques et militaire des premiers rois de Numidie avec la Republique romaine, permettra de reconstruire la vie politique en Afrique pendant la périoderomaine les resultats peuvent être utiliser pour les recherches en politique romaine provincial et pour l'enseignement dans les disciplines de l'histoire du monde ancienne, et les cours spéciaux.

ON THE QUESTION OF ECONOMIC, POLITICALAND CIVIL-MILITARY RELATIONS FIRST NUMIDIAN

K. Bembaye (Toula)

The article is devoted to the problem of economic, civil and military-political relations of the first Numidian tsars (kings) with the Roman Republic during the period between the defeat of Carthage and the Battle of Zama in 202 BC and its fall in 146 BC. Rome created the client state from the Numidian Kingdom where the Roman protege Massinissa has ruled for almost half a century. During this time the relations between the Roman Republic and Numidia took various forms up to the serious political confrontation.

Keywords: Africa, the Roman Republic, Numidia, client state.

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ, ГРАЖДАНСКИХ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ПЕРВЫХ НУМИДИЙСКИХ ЦАРЕЙ С РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

К. Бембай (Тула)

Статья посвящена проблеме экономических, гражданских и военно-политических отношений первых нумидийских царей с Римской республикой в период между поражением Карфагена и битвой при Заме 202 г. до н.э. и его падением в 146 г. до н.э. Рим создал из Нумидийского царства государство-клиент, которым римский ставленник Массинисса правил почти полвека. За это время отношения между Римской республикой и Нумидией приобрели разносторонний характер, вплоть до серьезного политического противостояния.

Ключевые слова: Африка, Римская республика, Нумидия, государство-клиент.

---

[1] *Tixeront J.* Réflexions sur l'implantation ancienne de l'agriculture en Tunisie. Carthage, 1959. Art. cit, P. 1-50.

[2] *Bobo et J. Morel J.* Les peintures rupestres de l'abri du mouflon et la station préhistorique du Hammam Sidi Djeballa dans la Cheffia, Est Constantinois // Libyca, t, III, 1[er]semestre, 1955. P. 63-181.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ ГАЛЛОВ ПОД ВЛИЯНИЕМ РИМСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

А.А. Гречухина

В работе показан процесс и основные направления трансформации религиозной жизни галльского общества, эволюция галльских культов, происходившие под влиянием уже эллинизированной римской религии в условиях политического господства Рима.

Ключевые слова: *Рим, галлы, религия, культы, трансформация.*

Распространение влияния Рима на территорию Галлии носило эволюционный характер не только в самом обществе, но и в культуре, религии галлов. Проблемой является то, что на основании исторического факта завоевания и его непосредственных последствий, таких, как римское присутствие в Галлии, очень часто делают рискованные выводы о желании римлян прямо ассимилировать кельтские культы. Так, говорят о множестве так называемых «народных» культов, не отличая их от религии независимой Галлии. Археологическое изучение этого аспекта говорит, что на галльской территории религиозная жизнь имела свои местный колорит.

Суть исследования – какой характер носила трансформация религиозных обычаев и верований галлов. Римское присутствие привело к разрыву кельтской традиции, и галльская культура существует скорее скрыто, чем явно. Но это не означает, что она исчезла вообще, как не означает то, что она полностью романизировалась и переняла верования от римлян. Ответ следует искать в первоисточниках, прямо или косвенно упоминающих об этом.

Одним из главных источников являются «Записки о галльской войне» Юлия Цезаря, где он дает описание галльских богов, жертвоприношений и друидизма; это отрывок о галльских богах (Caes. B.G., VI, 17). В общем, его можно считать заслуживающим доверия, хотя текст не свободен от преувеличений и искажений.

Все другие свидетельства греко-римских писателей о кельтской религии менее значительны. Среди них нужно выделить только сообщение Лукана, который называет триаду галльских богов, давая им кельтские имена: Тевтатес, Езус, Таранис (Lucan. Phars., I, 444).

Исследователи нового времени относятся с осторожностью, а иногда с недоверием к тем сведениям о религиозных верованиях кельтов, которые можно извлечь из сообщений античных авторов. Но основой для выводов являются именно археологические и эпиграфические свидетельства. Этой проблеме посвящены работы целого ряда исследователей.

М.Л. Сьостед, автор работы «Боги и герои кельтов», высказывает мысль, что у кельтов не существовало развитого, правильно построенного, регулярного пантеона богов.[1]

Те исследователи, которые пытаются выявить характерные особенности кельтской религии, высказывают иногда прямо противоположные мнения. Так,

---

[1] *Sjeostedt M.L.* Dieux et Heros des Celtes. Paris, 1940.

Я. Филип считал, что кельтский партикуляризм процветал не только в политической, но и в религиозной жизни, и у каждого племени были свои местные боги и культы.[1]

Оригинальным является мнение о характере кельтской религии П. Ламбрехта, согласно которому кельты, в сущности, почитали только одного единственного великого бога, но весьма расплывчатого, и в круге его деятельности едва определимого, личность и атрибуты которого раздробились на несколько частей, благодаря контакту с политеистической религией римлян.[2]

Классик французской кельтологии К. Жюллиан выстраивал всю кельтскую религию в соответствии с греко-римскими аналогиями, считая ее целиком политеистической.[3] Такая разноголосица мнений еще более подтверждает сложность проблемы.

Римское завоевание не уничтожило культов галльских богов. Принцип многобожия, признававшийся римлянами, позволил им терпимо отнестись к религиозным верованиям галлов. Сменила веру лишь галльская знать, как и язык, стремившаяся приобщиться к религии завоевателей. Но сохранившиеся в среде простонародья прежние культы не оставались неизменными. Их преобразование определялось не столько прямым влиянием римской религии, сколько развитием самого галльского общества, на которое римское завоевание оказало воздействие, и послужило катализатором преобразований. Там, где галльская община окончательно разложились, исчезли общинные боги. Их место заняли божества – покровители семьи и дома. Часто они принимали стереотипный полуримский облик[4].

Что касается друидизма, то его быстрое искоренение вызывает изумление у историков. Отыскивая аргументы столь быстрого уничтожения друидизма, можно предположить, что основа галльских верований была опасна для Рима, что эта религия являлась подходящим ферментом для мятежного брожения, что она должна была вызвать галлов к сопротивлению римскому могуществу, и что поэтому именно Рим был принужден к необходимости ее искоренения.[5]

Но нельзя отождествлять всю галльскую религию с друидизмом (Caes. B.G., VI, 16-17). В сознании галлов жила религия, божества которой были бесчисленны, которые отличались характером почитания, обрядами и различного рода жертвоприношениями (Caes. B.G., VI, 13). Друидизм был только жречеством. Он не обладал большой распространенностью и являлся учреждением более юным, чем глубокая основа галльских верований. (Caes. B.G., VI, 13). Свое учение они держали в тайне, раскрывая его лишь выбранным лицам в специальных школах. В итоге друидизм не сливался с религией галлов, а лишь сосуществовал с ней (Plin. Hist. nat. XXX, 4,13).

---

[1] *Филип Я.* Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага. 1961.
[2] *Lambrechts P.* Contribution a 1'etude des divinites celtiques. Brugge, 1942.
[3] *Jullian C.* L'histoire de la Gaule. V. II. Paris, 1908.
[4] *Штаерман Е.М.* Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961. С. 108.
[5] *Фюстель де Куланж Н.Д.* История общественного строя древней Франции. Т. 1–6. СПб., 1901–1916. Т. 2. С. 135.

В Галлии после завоевания римлянами исчезли специально-друидические обряды, то есть колдовство, ведовство и особенно человеческие жертвоприношения. Также друиды не сохранили свои школы. Но нет доказательств того, чтобы Рим прибегал к насильственным средствам, чтобы избавить Галлию от традиционной религии.[1]

До римского завоевания галльская религия представляла собой религию первобытную, имеющую беспорядочную смесь мало сознательных верований и различных обрядовых действий. Национальная религия галлов не отличалась существенным образом от римской. Имена богов были другие, но под ними Цезарь узнавал Меркурия, Юпитера, Марса, Апполона и Минерву римской древней религии (Caes. B.G.,VI,17). Автор находил существенные свойства и атрибуты галльских богов одинаковыми с указанными римскими: «Галлы думают о богах то же, что и мы» (Caes. B.G., VI,18). Это происходило не вследствие религиозного переворота, а скорее всего, вследствие того, что ни галльская, ни римская религия не воспрещали принятие и присоединение новых богов. Галльские и римские боги объединились в религиозном сознании каждого. Часто можно заметить соединенное наименование одного и того же божества.

Галлы до завоевания римлянами имели свои священные места, культовые центры, а также позже и святыни. Подлинным священным местом, где происходили культовые церемонии и важные собрания народа общественно-религиозного характера, был центр, называемый неметон (от корня «нем» - священное), причем первоначально это слово означало «священный гай» (лес, дубрава). Со страхом и некоторым отвращением вспоминает священный гай Лукиан, подчеркивавший, что галльские друиды воздавали честь богам в глухих дубравах. И далее он описывает уничтожение войсками Цезаря священного гая под Массалией, где они увидели вырезанные на пнях изображения божеств, где приносились языческие жертвоприношения, остатки которых виднелись на алтарях, а каждое дерево было обрызгано человеческой кровью.

Другим важным местом отправления культа у кельтов выступали кладбища и могилы, особенно связанные с погребением героев, вождей и царей. С древнейших времен кладбище располагалось в центре территории племени, а культ мертвых составлял важную часть любых религиозных сезонных празднеств. Со временем произошли изменения в формировании места культа и его формы под влиянием греческого и римского культа. Самая важная перемена - появление святыни, понимаемой как жилище бога. Они появились во II в. до н.э., на территории южной Галлии, которая ранее всего попала под римское владычество и которая издавна подвергалась греческим влияниям через жителей нынешнего Марселя.

В галло-римский период строились более устойчивые каменные храмы. Тогда и появился характерный тип кельтско-римского храма. Его отличало от римских храмов наличие галерей на всех четырёх сторонах центральной целлы.

---

[1] *Фюстель де Куланж Н.Д.* История общественного строя древней Франции. Т. 1–6. СПб., 1901–1916. Т. 2. С. 140.

Божества галлов отождествлялись с римскими божествами, и многим из них возводились религиозные памятники. Например, определенные формы культа Юпитера специфичны именно для Галлии. Римский бог отождествлялся с Таранисом, галльским богом грома и колеса. В северо-восточных областях особым почтением окружали колонны, увенчанные фигурой бога-всадника, который поражает чудовище. Такого бога можно увидеть на вершине столба в Париже (Лувр) или на памятнике в Изере.

Это переосмысление образов римских богов заметно и в отношении Меркурия, изображений которого в Галлии обнаружено 600, самое знаменитое – колоссальная статуя высотой более 30 м на вершине горы Пюи-де-Дом, к сожалению, утрачено. Также этого бога можно увидеть в выраженных местных чертах в галльском торквесе (Изер), в облике охотника (Вогезы), с несколькими лицами (Бордо). Содержание культа Меркурия вышло далеко за пределы, установленные в Риме.

Та же эволюция прослеживается и для образа Аполлона, который в Гране был отождествлен с галльским богом Гранносом, в Алезии – с Моритазгом.

Археологическое изучение религиозных памятников галлов вызывает затруднения, особенно до завоевания римлян, ибо памятников как таковых не было. После колонизации памятники приобретают четкий симбиоз римских и местных традиций.

Т. Дюваль, проанализировавший памятники, разделил их на три категории: галльские боги, не подвергшиеся романизации, галло-римские боги и римские боги. Все они, независимо от принадлежности к той или иной категории, антропоморфны, и многие из них (даже римские боги) одеты и обуты по галльскому образцу. По мнению Дюваля, эта особенность галло-римского антропоморфизма объясняется тем, что кельтам в большой степени был свойствен реализм.[1] Мы имеем тысячи надписей, в которых бог называется именем римского божества, с которым был ассимилирован, и одновременно своим собственным кельтским именем - Юпитер Таранис, Аполлон Граннус (Граннос) и т.д.

Таким образом, галльская религиозная культура является симбиозом культур колонизаторов и провинции. При этом галло-римскую культуру нельзя изучать в отдельном конспекте, отрывая от исторического развития.

Изменение обрядов, верований, пантеона богов происходило не насильственным путем, а трансформацией сознания каждого человека в отдельности.

До сих пор существуют проблемы в изучении отличий в изменении религиозной составляющей галльского народа.

TRANSFORMATION OF RELIGIOUS LIFE OF GALLIA
UNDER THE INFLUENCE OF ROMAN RULE

A.A. Grechukhina

---

[1] *Duval P.-M.* Les dieux de la Gaule. P. 123.

РИМСКИЕ ИТИНЕРАРИИ КАК ПЕРВЫЕ ОБРАЗЦЫ ПУТЕВОДИТЕЛЕЙ

А.С. Тарасенко

В статье рассматриваются образцы древнеримских сочинений, относящихся к жанру путевых заметок – итинерариев. Автор показывает особенности обозначенного жанра и утверждает, что причиной его популярности выступает сложившаяся традиция путешествий, которая, в свою очередь, обеспечивалась развитой системой дорог и постоялых дворов.

Ключевые слова: *итинерарий, Древний Рим, империя, путешествия.*

Период античности известен своими достижениями и открытиями, которые навсегда изменили жизнь человечества, сделали ее более комфортной и интересной. Привычные современному путешественнику путеводители, как и многие другие необходимые вещи, тоже впервые увидели свет в античную эпоху. Описания путешествий с указателями дорог и мест отдыха в античности называли итинерариями[1]. Кроме итинерария к жанрам античной географической литературы относят перипл, парапл, анапл (иногда также периэгезу, которую обычно относят к страноведческому жанру). Все они представляют мир через описание пути – сухопутного, речного или морского. Поскольку формат данного исследования не позволяет проанализировать все вышеназванные жанры, речь в данном случае пойдет об итинерарии, как наиболее распространенном описании пути.

По своей сути итинерарий – это античная дорожная карта в форме списка городов, деревень и других мест, предназначенных для постоя путешественников, с указанием расстояний между ними. Римские «туристы» вообще не использовали карты, хотя они и существовали в некоторых библиотеках, но были сложны для копирования, вследствие чего обычно не использовались[2]. Однако для ориентации в разветвленной системе римских дорог человеку необходимо было иметь представление, куда поехать, как туда добраться, и сколько времени это займет. Эту потребность полностью удовлетворяли итинерарии.

Итинерарии были двух видов: *it. adnotata s. scripta* или *it. picta*, состоявшие из измерений и географических карт, составлявшихся в эпоху императоров. *It. scripta* представляли собой путеводители, содержавшие названия различных местностей с указанием их расстояния, но без всяких дальнейших замечаний[3].

Путешественниками были в Древнем Риме апостолы и императоры (Траян, Адриан, Марк Аврелий), полководцы и ученые. Военные походы римлян, такие как Цезаря в Галлию, Клавдия в Британию, Сципиона в Африку, привели к расширению достоверных географических знаний. Римляне строили дороги, закладывали крепости, некоторым из них со временем предстояло стать столицами европейских государств: Сингидун (Белград), Аквинк (Буда), Виндобона (Вена).

Появляется даже философия туризма. Луций Анней Сенека в «Письмах к Луцилию» обосновывает идею о том, что для туризма необходимо «выбирать места

---

[1] Итинерарий (лат. itinerarium, описание путешестви) - описание путешествий по Римской империи с указателем дорог и мест отдыха (mansiones).

[2] *Elsner J.* The Itinerarium Burdigalensis: politics and salvation in the geography of Constantine's Empire // The Journal of Roman Studies. Cambridge Univ. Press. Vol. 90, 2000. P. 181-195.

[3] *Хенниг Р.* Неведомые земли. Т. 2. М., 1961. С. 213.

здоровые не только для тела, но и для нравов». Потому что, считает Сенека, «и местность, без сомнения, не лишена способности развращать» (Sen. Epist. LVI).

Первые элементы итинерариев можно обнаружить в произведениях Горация и Овидия. Так, из путешествия Горация, сопровождавшего Мецената, одного из приближенных императора Августа, в Брундизий становится известно о существовании гостиниц:

«После того, как оставил я стены великого Рима,
С ритором Гелиодором, ученейшим мужем из греков,
В бедной гостинице вскоре Ариция нас приютила» (Horat. Sat. I. 5).

Овидий много странствовал сам, побывав в Афинах, Малой Азии, Сицилии, а также волей императора был сослан на берега Черного моря, в «дикую страну гетов и сарматов». Сведения об этом содержатся в «Скорбных элегиях» (*Tristia*).

Самым ранним римским географом, творившим около 43 г. н.э., является Помпоний Мела. Важнейшим его трудом стала «Хорография» (*De chorographia*) – первое сохранившееся на латинском языке географическое произведение. Неизвестный из других источников автор оставил географическое описание всего мира; при этом очевидно, что сам он вовсе не совершал путешествий, но широко пользовался литературными источниками.

В начале своего труда Мела дает самое общее краткое изложение географии ойкумены, описание трех материков, их границ и народов, проживающих на них. Однако основное содержание «Хорографии» составляет подробный перипл[1] всех побережий ойкумены. Начав свое повествование с Гибралтара, Мела последовательно представляет побережье Средиземного, Черного и Азовского морей (составлявших так называемое «Наше море») против часовой стрелки (Африка, средиземноморское и черноморское побережья Азии вплоть до Азовского моря, затем побережье Европы, омываемое Нашим морем), пока не возвращается к Гибралтару. После этого идет описание «внешних» побережий ойкумены – сначала Европы, начиная с Гибралтара, затем Северной, Восточной и Южной Азии, наконец, Африки. Заканчивается перипл у того же Гибралтара.

Произведение Мелы рассчитано на широкую публику и носит научно-популярный характер, в нем географическое описание в виде презентации пути, свойственное любой периплической литературе, приобретает черты виртуального путешествия, достигая, тем самым, высокой степени образности и занимательности[2].

«Естественная история», составленная в 70-е гг. I в. н.э. древнеримским писателем Плинием Старшим – единственная сохранившаяся работа автора, ко-

---

[1] Перипл (др.-греч. περίπλους, от περιπλέω, «плыть кругом (вокруг), огибать») - детальное описание побережья - мысов, заливов, полуостровов, бухт, якорных стоянок, с указанием их количества, размеров (не)доступности и (неудобства, особенностей и(или) трудностей каждого участка плавания, его длительности; в стадиях, днях или сутках, содержит сведения о примыкающих к побережью народах (нередко упоминая об их взаимоотношениях) и ландшафтах и пр.

[2] *Подосинов А.В.* Путешествие по античной ойкумене: о принципах организации географического описания в «Хорографии» Помпония Мелы. М., 2010. С. 24.

торая содержит сведения по космологии, географии, зоологии, ботанике и минералогии.

Описание стран и местностей Южной и Юго-Восточной Европы дано в книгах с третьей по шестую (Plin. HN. III–VI). Плиний рассказывает здесь о местах, где он долгое время – в сущности, в продолжение большей части своей жизни – сначала воспитывался, потом служил и путешествовал. «Третий европейский залив начинается от Акрокеравнийских гор и кончается в Геллеспонте. Если [измерить] его контур, не учитывая меньших заливов, [получается] 1925 миль. На нем [лежат] Эпир, Акарнания, Этолия...» (Plin. HN. III. I, 1)

Географические сведения Плиния кратки и не представляют особо выдающегося интереса, потому что ограничиваются большей частью одними названиями, что он объясняет состоянием географии в его время, которая представляла собой «*locorum nuda nomina*» (голые названия мест). У него много крупных географических ошибок, например Европу он считал самой большой частью света, занимающей 5/12 всей поверхности земного шара; Индия, по мнению Плиния, занимала 1/3 часть всей населенной суши и простиралась далеко на восток, приближаясь на западе к Европе[1]. Однако, все это не умаляет значения данного труда, поскольку в нем сохранено все, что средневековой Европе или, по крайней мере, основному слою ее культурного сознания, возможно было сохранить из древнего знания, в том числе знания о Земле и природе.

Следующий, интересующий нас источник – так называемый Итинерарий Антонина Августа (*Itinerarium Antonini Augusti*) – представляет собой книгу-указатель, в которой перечисляются все дорожные переходы и расстояния каждой из существовавших на тот момент римских дорог. Он был составлен во время правления Каракаллы, затем, видимо, переделан и дополнен в период тетрархии в конце III в. Существует предположение, что основная часть итинерария (It. Ant. Aug. 123-162) представляет собой отрывок изданного в Риме эдикта об объявлении маршрута путешествия Каракаллы 214 г. на Восток, а окончательная его редакция состоялась при Диоклетиане ок. 300 г.[2] В соответствии с итинерарием Антонина, длина римских дорог составляла около 85 тыс. км и соединяла между собой 372 населённых пункта.

В позднеантичное время жанр итинерария представлен трудом Рутилия Намациана «О своем возвращении» (*De reditu suo*). Клавдий Рутилий Намациан происходил из знатного галльского рода и владел в Галлии большими поместьями. Жил он в Риме и занимал высокие придворные посты. В 416 г. ему пришлось покинуть столицу и вернуться на родину, чтобы его имения не были захвачены вторгнувшимися в Галлию вестготами[3].

---

[1] *Боднарский М.С.* Античная география. М., 1953. С. 238.

[2] The Encyclopædia Britannica: A Dictionary of Arts, Sciences, Literature and General Information / Ed. H. Chisholm – Vol. 2. - Cambridge, 1910 // URL: http://books.google.ru/books?id=xnW408_9_SMC&printsec=frontcover&dq=The+Encyclopædia+Britannica+Vol+2&hl=ru&sa=X&ei=lF8dVOOeHMi7ygOh_oGoBQ&ved=0CCwQ6AEwAg#v=onepage&q=The%20Encyclop%C3%A6dia%20Britannica%20Vol%202&f=false (доступ на 20.09.14)

[3] *Грант М.* История Древнего Рима. М., 2003. С. 153.

Эта поездка была описана им в поэме в двух книгах, сохранившихся не полностью. Что же касается заглавия, то оно не было дано автором, поэтому ее также иногда называют «Путешествием» (*Itinerarium*). Дороги в Италии были в ту пору небезопасны, и Рутилию пришлось долго ехать морем на небольшом судне, с частыми остановками у берегов; это дало ему возможность ознакомиться с прибрежными местностями, и он приводит в поэме интересные зарисовки ландшафтов. Особенно сильное и тяжелое впечатление произвели на него картины разорения и запустения италийских берегов: со времени нашествия Алариха прошло только 8 лет, и Рутилий повсюду видел его следы: «...и Аврелиев путь, и этрусские пашни / гетским огнем и мечом разорены, и когда / всюду леса без жилья, и на реках мостов не осталось...» (Rut. Nam. I. 39-41). Но это не мешало ему надеяться на лучшее будущее великого города (I, 121-122). Рутилий - последний поклонник древнеримской доблести, воплощенной в республике; но главным предметом его преклонения является сам «вечный город».

Кроме того, в период поздней античности специально для христиан-паломников создавались итинерарии с подробным описанием «святых мест», например итинерарий *Burdigalense* («Бордосский» – описание пути от Бордо до Иерусалима), «Паломничество» Эгерии и итинерарий Антонина Плацентина (560-570)[1].

Обобщая сказанное, следует отметить, что популярность жанра итинерариев связана с развитием интереса к путешествиям и туризму в Древнем Риме, что, в свою очередь, обусловлено атмосферой Средиземноморского мира имперского периода. «Римский порядок» принес, как считали сами римляне, мир и справедливость покоренным народам, оставалось только активно осваивать обширные территории, укреплять границы, более широко и глубоко «романизировать» новые провинции, то есть ввести там римские законы, обычаи, организацию по римскому образцу. Это требовало от римлян энергичных усилий. Было основано много новых городов, старые поселения превращались в крупные городские центры. И всюду прокладывались великолепные дороги, без которых не могла быть установлена быстрая и безопасная связь между отдельными городами, не могло быть налажено ни управление провинцией, ни быстрое передвижение войск и торговых караванов[2]. В отличие от Древней Греции, где дороги часто были неудобны и прокладывались в неподходящей местности, в Риме дороги были произведением инженерного искусства.

Поэтому именно здесь начинают зарождаться путешествия с целью отдыха и развлечений. Часто путешествия носили либо профессиональный, либо религиозный характер. Произведения в жанре итинерариев, а именно путеводители были особенно востребованы у путешественников. Данная категория состояла в основном из представителей «праздного класса». Расширение географических границ империи придало путешествиям невиданные масштабы. По мнению некоторых исследователей, они были превзойдены лишь в XIX в. В Римской импе-

[1] Античная культура: Литература, театр, искусство, философия, наука: Словарь-справочник / Под ред. В.Н.Ярхо. М., 1995. С. 97.
[2] *Гиро П.* Быт и нравы древних римлян. Смоленск, 2001. С. 214.

рии были распространены образовательные путешествия в Грецию и Египет. На пирамидах египетских фараонов обнаружены многочисленные надписи, оставленные римскими легионерами[1].

Помимо прочего, развитию подобного времяпровождения способствовала и сеть придорожных гостиниц и постоялых дворов. О том, насколько серьезно рассматривалась в древности надежность заведения, предоставлявшего путешественникам приют, питание и ночлег, свидетельствует факт особой заинтересованности в этом государства. Так, в своде римских законов была предусмотрена ответственность такого заведения за вещи гостя[2]. Древнеримские постоялые дворы предлагали широкий спектр услуг, во главу угла ставя комфорт путешественника. Однако, данный вопрос требует более пристального рассмотрения и, в связи с этим, представляется предметом отдельного исследования.

ROMAN ITINERARIA AS THE FIRST EXAMPLES OF GUIDE-BOOKS
A.S. Tarassenko

The paper considers the examples of ancient Roman writings, relating to the genre of travel writing - itineraries. The author reveals the features of the genre and argues that the reason for its popularity is the tradition of travelling, which was provided by a developed system of roads and victualling-houses.

Key words: itinerary, Ancient Rome, Empire, travelling.

BOUNDARY CHANGES BETWEEN THE URBAN NUCLEUS AND PERIPHERY OF SERDICA, PHILIPPOPOLIS AND PAUTALIA I-III AD

Dimitrina Popova (Sofia, Bulgaria)

In this paper, the Roman town is studied from the premise that it was a constant and open process and, therefore, it was not established once and for all. It required permanent evidence of urban status that was encoded in the construction of monumental buildings, structures, streets and squares. The boundary location of nucleus and periphery is followed graphically in temporal steps of 50 years in the time frame from the first to the third centuries AD.

Key words: *roman town, Serdika, Philippopolis, Pautalia, Thrace*.

This paper, which is based on larger program of study, indicates that a detailed analysis of the boundary transitions between urban nucleus and periphery in the ancient Roman cities permits an understanding of political, economic and cultural patterns of governance. The first research task is to identify the boundary between the urban periphery and nucleus in case studies by systematization of spatial markers and the second one is to follow its changes as dynamic.

The town boundary is analyzed by 18 urban planning schemes (Fig. 1-6), which present Serdika, Philippopolis and Pautalia in 6 temporal sub-periods of 50 years between 0 and 300 AD. The method of graphical settlement reconstructions implements the building chronology identified during archeological studies of buildings, structures and urban development activities. Indicators of town boundaries are: heights, cliffs,

---

[1] *Грант М.* Указ. соч. С. 236.
[2] *Гиро П.* Указ. соч. С. 227.

river or lake; end of orthogonal street network; direction change of major provincial road; necropolis and tombs; town walls; pomerium; arches.[1]

1**. Boundaries in the years from 0 to 50 (Fig. 1)**

In 45 AD, Thrace became officially part of the Roman Empire administration. One of the objectives of Roman policy was to carry out a leveling of the social status of a wide range of population: legion veterans, newly liberated slaves and local population and, thus, to create a middle class of craftsmen and landowners. The political goal was achieved by the distribution of civil rights and farmland. For this reason, the preparation of a territory to become a province passed through the process of land division into property plots.

The selected area in Serdica where land would be divided and property plots defined was on a flat and empty terrain with an average altitude of 560 meters. A shallow river, now called River Vladayska, passed by the North and determined the north town area boundary. In the immediate vicinity there were mineral springs, whose waters were not captured and, therefore, formed lakes. Serdika was positioned in the territory of the Thracian tribe–Serdi. There is no data about an existing urban settlement from the pre-Roman period, although archaeological traces provide evidence of permanent inhabitance in clusters situated to the North from the river.

Serdica was located on the major provincial road - Via Militaris. The end of the street network, mineral lakes to the North, and the heights to East marked the urban nucleus boundary of Serdica. The urban periphery, however, was missing.

The land division of Pautalia and its hinterland was conducted on a flat ground with an average altitude of 530 meters. Its northern boundary was defined by a riverbed and its southern by a hill on whose northern slopes mineral waters sprang. An important provincial Roman road that came from Serdica and went to Stobi passed parallel to the river. This was the territory of the Thracian tribe Denteleti who inhabited this area in irregularly distributed residential clusters. The nucleus boundary was marked by the end of the street network, by mineral lakes to the East, by the riverbed to the North and a hill to the South yet the periphery was missing.

Philippopolis was an existing urban structure from the pre-Roman period. The urban settlement was the center of the Odrysian kingdom. Its residential and religious areas were located on three hills. The Romans added new urban structures on empty and flat land with an average altitude of 130 m to the south of the existing settlement. The northern urban boundary was defined by the navigable Hebros river while to the Northeast of town, a river port was constructed.

In addition to being on a waterway, Philippopolis was located on the road Via Militaris from Serdica. The division of urban property into plots and the location of the Roman Forum which area overlapped entirely within four units of network quarters are dated from the reigns of Emperor Augustus and King Odrysian Remetalk.[2] Two urban nuclei were formed: one was the existing acropolis on the Three Hills and the second one with the forum and buleuterion was located in the field. The boundaries

[1] *Goodman P.* The Roman City and its Periphery. From Rome to Gaul. New York: Routledge, 2007. P. 62.

[2] *Кесякова Ел., Райчев Д.* Филипопол. Албум. Пловдив: Хермес, 2012. P. 22.

were defined respectively: in the first nucleus by the existing wall on the Three Hills and in the second by the end of orthogonal street grid. The periphery was identified around the river port and at the lowest areas of the Three Hills.

General conditions for conducting land division were flat terrain, communicative location on major provincial road or waterway, fertile soils, hills, proximity of mineral spring and river. Hundreds of places met these conditions. The choice of which one to become the urban nucleus was a matter of time, development decisions by city authorities and recognition of the place as a town by the existing population in the area.

2. Boundaries in the years from 50 to 100 (Fig. 2)

The Serdica periphery was formed and increased northwards following the direction of the provincial road. The periphery absorbed the land around the mineral lakes and connected the Roman town with the existing Thracian cluster. Probably at this time the mineral waters were captured which initiated the urbanization of this area of Serdica.

In Pautalia, the urban nucleus retained its borders from the previous period. The periphery was formed around the mineral springs on the northern slope of the hill.

Philippopolis grew especially during in the reign of Dominitsian (81-96 AD.).[1] The forum was reorganized. The urban core on the Three Hills, which formed the acropolis following the Hellenistic urban model, did not change its borders. The second nucleus that belonged to the Roman quarters grew northward to the foot of the hill. The urban periphery was expanded around the river port in the northeast.

3. Boundaries in the years from 100 to 150 (Fig. 3)

Serdica, Philippopolis and Pautalia reached a level of development that proved their potential to play the role of urban centers. As a result of their successful development, Emperor Trajan declared them municipiums. These were settlements with city status and each of the municipiums managed a given territory. In Ulpia Serdika, the buildings of the baths (built after 100 AD), the buleuterion, the temples of Artemis and Zeus Hipsistos were dated from this period.[2] The mineral springs waters were captured and the land around them drained of swamps, which allowed construction. The urban nucleus was expanded northwards by the addition of new quarters. The new and old streets networks did not correspond to each other in orientation according to world directions. Therefore, the north quarters’ insulae were deformed in shape and the street lines curved.

Philippopolis reached its largest size in territory and population. The Roman theather is dated from the reign of Emperor Trajan (108-114), while the stadium, library and aqueduct were completed during the reign of Emperor Hadrian (117-138), probably the Baths and a triumphal arch were also constructed at that time. The urban nucleus included the acropolis and Roman town in the valley to the south. The river port remained in the periphery, but the street network in the northeast town part was attached with different orientation according to the existing network.

In Pautalia intensive construction activity took place during the reign of the emperors Trajan (97-117) and Hadrian (117-138). As it had been done in Serdika the

---

[1] *Топалилов, Иво.* Проблеми на урбанистичното развитие на Филипопол през I в. до началото на IV в. // Римски и ранновизантийски селища в България. София: Иврай, 2003.

[2] *Станчева М.* Сердика: Археологически материали и проучвания. Т. 2. София: БАН, 1989.

spring waters were captured and the lakes disappeared which created favorable conditions for the construction works of the bath building. The urban nucleus expanded eastwards, a new a street network was added with deformed insulae along with streets with different orientation according to the existing one.

4. Boundaries in the years from 150 to 200 (Fig. 4)

The urban development of Serdica, Philippopolis and Pautalia was characterized mainly by the construction of the city walls. "Marcus Aurelius Antoninus Augustus and Lucius Aurelius Commodus Augustus gave the city the walls of Serds" says an inscription from the late second century, which indicates that between 176-180 AD the town nucleus was outlined by town walls. Architect Sava Bobchev[1] claims that the town wall had been constructed over existing urban structures. The amphitheater remained outside the town walls. Residential quarters, temples and a necropolis became part of the urban periphery.

Philippopolis' town wall was built in 172 AD[2] and two - three rows of urban quarters – insulae remained outside the town walls and formed its periphery. The town wall of Pautalia was built during the reign of emperor Marcus Aurelius (161-180 AD). By 172 AD, the street network and water supply system had been constructed as well the main public buildings. Excavations show that the newly built town wall passed through older residential quarters and part of them remained in the periphery.

5. Boundaries in the years from 200 to 250 (Fig. 5)

In Philippopolis, temples including a synagogue were constructed[3] in the nucleus but not any other monumental public buildings. The periphery developed outside of the town wall, in front of the gates, where the traffic of carts slowed down and stopped. In this area, building such as workshops, stables, and inns were constructed.

In Serdica, the same phenomenon was identified. Outside the town walls, peripheral structures were developed especially to the north gate. In Pautalia the gates adjacent to areas outside the walls were turned into special points of economic activity. This initiated the spontaneous and unplanned construction of buildings that accommodated trade.

6. Boundaries in the years from 250 to 300 (Fig. 6)

The urban area of Philippopolis and Pautalia decreased into the area inside of the town walls. The periphery disappeared. In Serdica, a second town wall was constructed to the North of the existing one, which transformed peripheral urban quarters into a nucleus. The urban nucleus remained unchanged according to the previous period.

The boundaries of the nucleus and periphery in Serdica, Philippopolis and Pautalia were not static in the period from first to third centuries. A correlation is identified that when town boundaries were not very visible; i.e., the end of the street network, they were more variable and when they were visible and difficult to cross, were more stable for a long period of time.

---

[1] *Станчева М.* (ред.). София в отдавна минало време. София: Изд. Св. Климент Охридски, 1999.

[2] *Тонев Л.* Градоустройство по българските земи през античността. София: изд. «Проф. Марин Дринов», 1995.

[3] *Матеев М.* Древният Филипопол. Пловдив: изд. Жанет-45, 2012. С. 20.

The Roman urban fabrics of Serdica, Philippopolis and Pautalia had distinct nuclei and peripheries. These areas exhibited by typical urban processes: the nucleus of the settlement was planned and coordinated, while the periphery was segmented, organic and chaotic. By consciously allowing settlements to grow spontaneously outside the nucleus, the Romans solved the conflict between the local cultural urban practices of the Thracians and the unified rules of Imperial urban design.

The periphery compared to the nucleus in the studies of Serdika, Philippopolis and Pautalia, was reactive and spontaneous. In the periphery, local cultural characteristics and the potential of the local population to build are found, while the urban nucleus is a result of administrative and ideological policies of the Roman state.[1] Periphery was larger in times of flourishing economy and political stability, and it decreased even disappeared in periods of decline. The urban nucleus in these case studies, however, was more resistant to economic and political changes.

ДИНАМИКА ГРАНИЦ МЕЖДУ ГОРОДСКИМ ЦЕНТРОМ И ПЕРИФЕРИЕЙ СЕРДИКИ, ФИЛИППОПОЛЯ И ПАУТАЛИИ В I-III ВВ. Н.Э.

Димитрина Попова (София, Болгария)

В статье исследуется динамика римского города, которая рассматривается как непрерывный и открытый процесс. Исходя из этого утверждения, город не являлся раз и навсегда установившимся в том или ином виде явлением. Это подтверждается разного рода маркерами городского статуса, которые можно обнаружить в конструкциях монументальных зданий и построек, улиц и площадей. Динамика границ между центром и периферией прослеживается хронологически на протяжении шести периодов по пятьдесят лет каждый в рамках временного промежутка с I по III вв. н.э.

Ключевые слова: римский город, городские границы, Сердика, Филиппополь, Пауталия, Фракия.

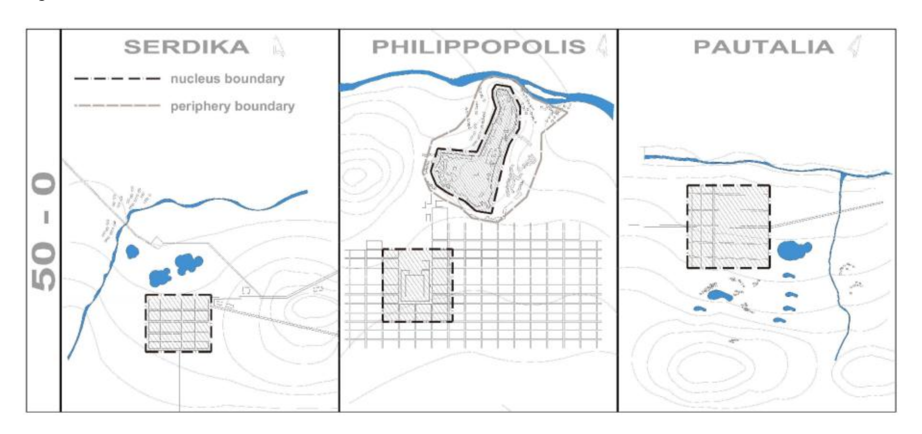

Fig.1. Urban schemes in the years from 0 to 50, author: Dimitrina Popova.

[1] *Goodman P.* The Roman City and its Periphery. From Rome to Gaul. New York: Routledge, 2007. P. 234.

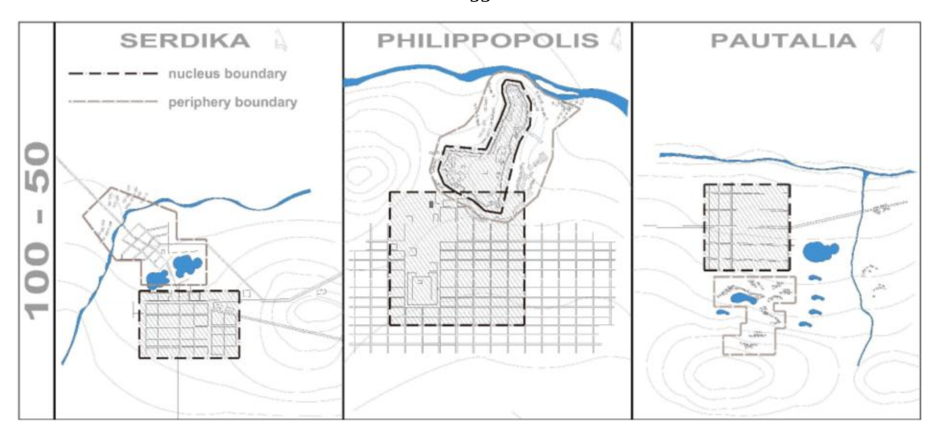

Fig.2. Urban schemes in the years from 50 to 100, author: Dimitrina Popova.

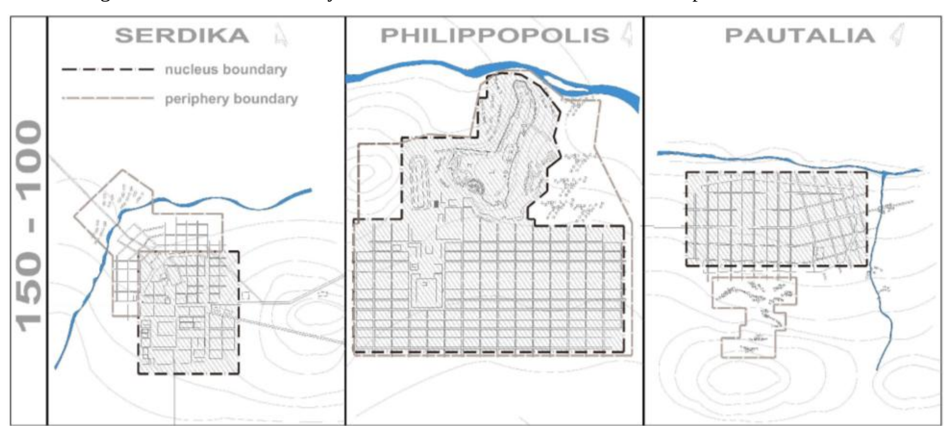

Fig.3. Urban schemes in the years from 100 to 150, author: Dimitrina Popova.

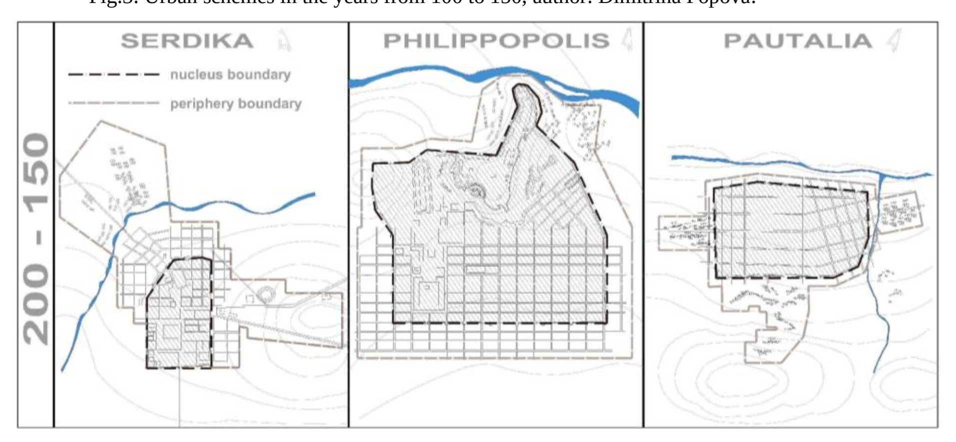

Fig.4. Urban schemes in the years from 150 to 200, author: Dimitrina Popova.

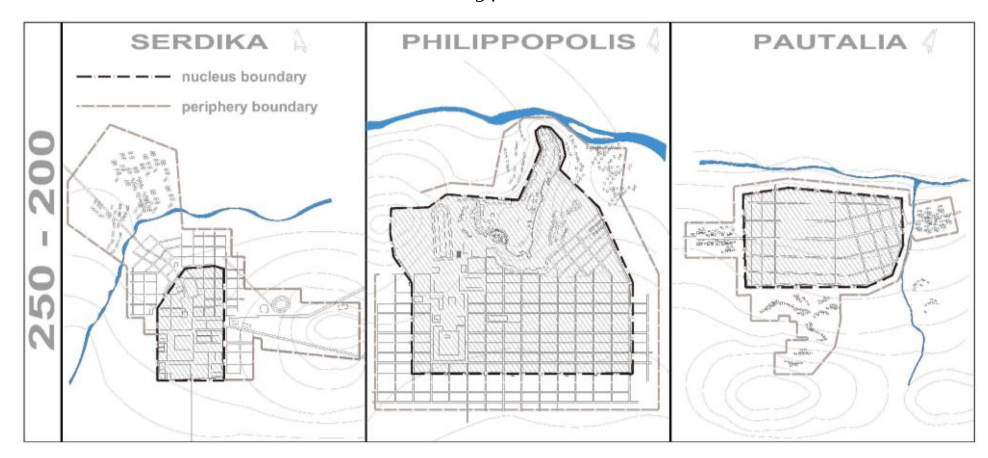

Fig.5. Urban schemes in the years from 200 to 250, author: Dimitrina Popova.

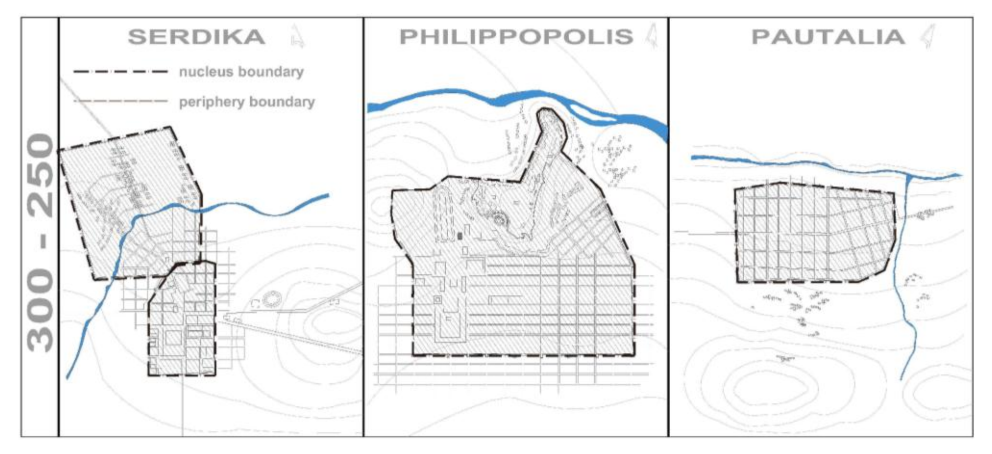

Fig.6. Urban schemes in the years from 250 to 300, author: Dimitrina Popova.

ПОЛОЖЕНИЕ ВРАЧА В РИМСКОМ ОБЩЕСТВЕ ЭПОХИ ПРИНЦИПАТА

Е.А. Моргунова

В статье рассматривается статус врача в римском обществе эпохи принципата. Автор выявляет степень доверия к врачам, особенности положения врачей в городе и деревне, анализирует деятельность врачей-рабов. Также представлен образ идеального врача в представлениях Цельса.

Ключевые слова: *врач, доверие, профессионализм, римское общество.*

Эпоху принципата в римском обществе характеризуют как время переходности. В это время определяется деление общества на устойчивые группы, каждой группе присуща своя специфика, соответственно, врачи как профессио-

нальная категория людей занимают свое место, будучи наделены определенными правами и обязанностями. Так как в специальных текстах медицинского характера исследуемая проблема рассматривается с профессиональной стороны, нарративный текст помогает выявить социокультурные аспекты врачевания и представить своеобразный срез общественного мнения.

Римские врачи обладали определенным запасом знаний, были хорошо образованными и делали выводы на основе своих размышлений. Так Цельс во вступлении к труду «О медицине» отмечает: «Они, впрочем, не отрицают, что опыты также необходимы, но утверждают, что к опытам можно подойти, только исходя из общей мысли, основанной на разуме. Ведь врачи прежних времен не пичкали больных чем попало, но обдумывали, что больше всего подходит (к данному случаю), и исследовали на опыте то, к чему раньше приходили путем некоторых общих соображений; и не имеет значения, исследована ли уже большая часть наших знаний в настоящее время на опыте, раз они возникли на почве общих соображений» [Cel., inter. «De medicina»]. Также Цельс дает наставления по поводу того, что нужно делать с болезнью, которая врачу еще неизвестна: «Ведь если случится какой-либо неизвестный вид болезни, врачу нет необходимости погружаться в размышления о скрытых явлениях, но ему, прежде всего, надо обратить внимание на то, к какой болезни ближе всего эта новая болезнь и ему следует пробовать лечебные средства, близкие к тем, которые часто помогали при болезни сходного типа и надо искать лечебное средство исходя из мысли о сходстве явлений» [Cel., inter.].

Цельс предлагает образ идеального врача как человека мыслящего и обладающего определенным багажом знаний, профессионала, знающего свое дело и постоянно стремящегося к самосовершенствованию.

Нарративные источники позволяют утверждать, что степень доверия врачам в римском обществе была тесно связана с его квалификацией. Так, в эпиграмме Марциала встречается высмеивание врача:

Недомогал я, но тут ко мне, нимало не медля,
Ты появился, Симмах, с сотней своих школяров.
Начали щупать меня сто рук, ледяных от мороза:
Без лихорадки, Симмах, был я, а вот и она [Mar., V, 9].

В данном отрывке показаны не только непрофессиональные действия врача, но и его статус. Врач явно обладает популярностью, имеет учеников, но, видимо, репутация его небезупречна.

О невежественных врачах говорит, в свою очередь, Апулей: «Всякому известно, что резкие перемены во внешности и состоянии здоровья у больных и влюбленных точно совпадают… Как невежественны врачи, не ведающие, что это значит, когда у человека учащенный пульс, цвет лица то и дело меняется, дыхание затруднено и больной постоянно ворочается с боку на бок, не находя себе места! Боги благие, зачем быть искусным доктором? Достаточно иметь хоть некоторое представление о любви, чтобы понять, что происходит с человеком, который пылает, не будучи в жару» [Apul., X, 2]. И хотя в тексте речь идет о человеческих чувствах, автор упоминает сочетание «невежественные врачи», что, как и контекст в целом, позволяет увидеть недоверие к врачам в обществе.

Следует отметить неоднозначность отношения к врачу, поскольку в том же труде Апулей пишет: «Уже сенаторам предстояло по стародавнему обычаю опустить в бронзовую урну свои решения - все одинаковые, так как каждый написал одно и то же; а раз голоса собраны, участь подсудимого решена, ничего нельзя уже изменить, и власть над его жизнью передается в руки палача. Вдруг один из старейших сенаторов, врач, человек испытанной честности, пользующийся большим влиянием, закрыл рукою отверстие урны, чтобы кто опрометчиво не подал своего мнения, и обратился к сенату с такой речью…» [Apul., Met. X, 3]. Мы видим, что врач, упоминающийся в этом отрывке, занимает высокое положение в обществе, а именно он является одним их из старейших сенаторов. Сочетание «человек испытанной чести» по отношению к врачу говорит не только о его влиянии и доверии со стороны народа, но и о безупречной профессиональной репутации.

Следует обратить внимание, что врачи занимались врачебной практикой как в городах, так и в деревнях. Т.С. Сорокина отмечает, что к I веку оплачиваемые должности врачей - архиатров (греч. archiatros – «верховный» врач, от греч. arche – начало, iatros – врач) объединялись в коллегии. Первым императорским архиатром в Риме считается Ксенофон (I в. н.э.) – личный врач императора Клавдия, которого император представлял как уроженца о. Кос и потомка легендарного Эскулапа. Объединенные в коллегию, архиатры находились под контролем городских властей и центрального правительства, которые строго следили за их выборами и назначением. Процедура выборов напоминала строгий экзамен; после него врач получал звание «Medicus a Republica probatus» («Врач, утвержденный государством»). Архиатры работали при объединениях ремесленников, в банях, театрах, цирках и т.д. Они имели постоянное жалование, но могли заниматься и частной практикой. В обязанности главы городских архиатров входило преподавание медицины в специальных школах, которые были учреждены в Риме, Афинах, Александрии, Антиохии, Берите и др. Анатомия преподавалась на животных, а иногда на раненых и больных. Практическую медицину изучали у постели больного[1]. Т.С. Сорокина отмечает также, что закон строго определял права и обязанности учащихся. Все свое время они должны были отдавать учению. Им запрещалось участвовать в пиршествах и заводить подозрительные знакомства. Наряду с государственными врачебными школами в Римской империи появилось небольшое число частных школ по подготовке врачей.

Практика лекарей деревни, а также их роль в обществе, имела другие особенности. О том, как осуществлялась деятельность врача в деревне, можно проследить у Варрона: «…центрами ремесленного производства оказываются не только города, но и деревни, и богатые имения. Можно представить себе, как такой центр организуется. В деревне оседает каменщик, кузнец, столяр, правильно рассчитывая, что услуги его неизменно понадобятся. С теми же мыслями приходят врач и валяльщик. Все они нуждаются в помощниках, товарищах и подручных: образуется маленькое ремесленное ядро, которое в зависимости от обстоятельств

---

[1] *Сорокина Т.С.* История медицины. М., 2004. С.56.

может разрастаться или сжиматься. Владельцы окрестных земель, естественно, обращаются со своими нуждами к этим специалистам: … полечить заболевшего ребенка. Чтобы обеспечить себе постоянную помощь, с мастерами заключают годовое условие: по первой же надобности, по первому требованию они должны явиться в имение со своим инструментом и выполнить сделанный заказ. Хозяин богатого имения учитывает спрос округи и доход, который он может получить, удовлетворяя этот спор: он организует в своем "благоустроенном имении" ряд мастерских, где трудятся рабы, обучившиеся данной специальности. Он достаточно богат, чтобы не бояться смерти одного какого-нибудь мастера; его заменит другой, может быть, даже ученик покойного …» [Var., De agr. I]. Среди мастеров, которые оседают в деревне, упоминаются и врачи. По-видимому, положение и деятельность врачей в деревне было устойчивым, врач имел договорные отношения с хозяином. Так, врач обязывался выполнять «заказ» хозяина, получая взамен место, где он может заниматься профессиональной деятельностью.

Отметим, что врачи были и в среде рабов. А.А. Дыдров, рассуждая о статусе врачей–рабов на основе надгробных надписей, при этом выделяя самые характерные из них, пишет, что среди обширного контингента рабов врачи зачастую занимали достойное место. Врачи, компетентные в своем деле, ценились и в среде рабов. Об этом, по мнению исследователя, косвенно свидетельствует содержание следующей надгробной надписи: «Фирий Келадиан, раб Т. Цезаря Августа, глазной врач, почтительный к родителям своим…» (8909; мраморное надгробие).[1].

У врачей-рабов наблюдается более широкий круг обязанностей. Главной обязанностью являлось лечение «покалечившихся рабов», которые поступают в лечебницы, находящиеся на земле рабовладельца. Это утверждение основывается на свидетельстве Колумеллы в работе «О сельском хозяйстве», где автор, давая подробное описание обязанностей вилика, сообщает о том, что последний должен следить и за работой валентудинария, доставляя туда покалечившихся рабов, направлять их в лечебницу на вилле, где далее ими должен заняться врач (Columel. XI, 1). В круг обязанностей врача–раба входило лечение самого господина. По утверждению Л. Винничук, раб был заинтересован делать это качественно, так как хозяину было выгодно отпускать хорошего врача на дополнительные заработки. Если заработает врач, то заработает и господин[2].

Таким образом, в римском обществе эпохи принципата, во-первых, сложился образ идеального врача, который представляет собой профессионала, стремящегося к самосовершенствованию. Во-вторых, можно проследить связь профессионализма врачей со степенью доверия к ним. Так Марциал высмеивает врача изза его непрофессиональных действий, или же, напротив, Апулей упоминает врача, достойного высокой должности сенатора. В-третьих, врачи различались кругом обязанностей и прав. Городские врачи имели постоянное жалование, занимались частной практикой, были обязаны отдавать все свое время учению. Врач деревни обязывался выполнять заказы хозяина, после чего получал место для занятия свой

[1] *Дыдров А.А.* О положении римских рабов-врачей в эпоху Империи по данным надгробных надписей. Челябинск, 2007. С. 2.
[2] *Дыдров А.А.* Ук. соч. С. 1.

профессиональной деятельностью. Врач-раб обязан был лечить покалечившихся рабов в специально отведенных лечебницах, а также лечить своего господина; делая это качественно, он получал дополнительный заработок или права (например, поддержание связи с родителями) от своего господина.

THE STATUS OF A DOCTOR IN THE ROMAN SOCIETY DURING THE PRINCIPAT ERA

E.A. Morgunova

The article is devoted to the status of the doctor in the Roman society of a principat era. The author reveals the rank of confidence to the doctors, especially the status of doctors in towns and villages, analyzes the activities of physicians who were slaves. Also, the image of an ideal physician is based on the work of Celsus.

Key words: docror, Rome, slavery, status.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОЛДАТ РИМСКИХ ЛЕГИОНОВ В ЭПОХУ ИМПЕРИИ

И.А. Рогоза

Согласно античной традиции, военная служба являлась обязанностью римского гражданина. От нее были избавлены только принадлежавшие к низшему имущественному разряду пролетарии, которые не могли вооружиться за собственный счет. В данной статье речь пойдет о социальном происхождении рядовых солдат римских легионов.

Ключевые слова: *армия, легионеры, принципат, пролетарии.*

Античная цивилизация предоставила множество образцов для подражания и готовых моделей, как в духовно-нравственном, так и в материальном плане. К сожалению, вопросы, связанные со способами ведения военных действий, военной наукой, тактикой и стратегией по-прежнему не утратили своей актуальности и, в этом смысле, опыт, накопленный цивилизацией Рима в течение десятков столетий, невозможно переоценить. Именно в Риме, в эпоху Империи, увидел свет трактат «О военном деле» (*Epitoma Rei Militaris*), первый дошедший до настоящего времени систематический труд о военном искусстве Рима, составленный Вегецием.

Военный фактор в истории Древнего Рима имеет особое значение. В силу сложившихся исторических условий формирования и развития римской civitas военные потребности и задачи влияли на весь уклад жизни древних римлян. Социальные и государственно-политические структуры Рима всегда находились в теснейшей взаимосвязи и взаимообусловленности с эволюцией его военной организации. Одним из главных инструментов формирования и поддержания мощи Римской империи была ее армия[1].

Господствующим во времена Республики формально считался принцип всеобщей воинской повинности, однако допускалось замещение добровольцами. После военной реформы Гая Мария (конец II в. до н.э.) доступ к легионной службе получили пролетарии Рима, а с окончанием Союзнической войны – и

---

[1] *Махлаюк А.В.* Традиции, ментальность и идеология римской императорской армии / Автореф. докт. дисс. Нижний Новгород, 2004. С. 3.

всей Италии, что, как полагает большинство исследователей поздней Республики, привело к пролетаризации легионов. Основополагающее значение в это время приобрел добровольческий принцип комплектования войска, который сохранил свое значение и в эпоху принципата. Вербовкой новобранцев в период Империи занимались специальные должностные лица – *acquisitores* из свиты наместника провинции, в которой размещались войска. По всей видимости, ежегодное пополнение легиона новичками происходило в связи с увольнением ветеранов и составляло 100–300 чел. Таким образом, легионы, количество которых в период от Августа до Септимия Севера увеличилось с 25 до 33, ежегодно нуждались в пополнении порядка 5–10 тыс. чел.[1]

С утверждением принципата, легионы стали пополняться, главным образом, из среды более благонадежных зажиточных горожан из северной Италии и романизированных провинций. Ориентация государства в политике комплектования основного рода войск на «средние слои», т.е., на верхушку плебса диктовалась не только политическими причинами. Императоры эпохи принципата стремились к тому, чтобы армия была небольшой, но боеспособной. Суть выработанных при Августе условий службы легионеров сводилась к тому, чтобы поменьше проливать крови и зарабатывать побольше денег. Известный французский исследователь римской императорской армии Я. Ле Боек[2], обращает внимание на то обстоятельство, что новобранцы должны были обладать уровнем образования и воспитания, достаточным для усвоения изощренного искусства обращения с оружием, боевой техникой, овладения навыками тактики и дисциплины – точного и оперативного выполнения команд офицеров и командующего. Принцип качественного комплектования требовал от новобранцев и соответствующих физических кондиций. Подробная информация о требованиях к новобранцам легионов содержится в первой книге Вегеция. Согласно его мнению, оптимальным возрастом для начала военной службы было «начало возмужалости» (Veget. I. 4). Таким возрастом, как показывают солдатские инскрипции, чаще всего являлись 18 лет. Для легионера приветствовалось иметь высокий по римским понятиям рост – от 175 до 180 см (Veget. I. 5). Вербовщики проверяли кандидатов в легионеры на физическую силу, выносливость и на храбрость.

Но не только италийцы и латиноязычные провинциалы с Запада служили в легионах. Военная служба в грекоязычных провинциях Империи и особенно явно – в Египте в силу традиции рано обрела черты наследственного занятия. Другим существенным источником пополнения легионов становятся потомки ветеранов, получивших земельные участки на Востоке (прежде всего, в Малой Азии) в конце Республики и начале Империи. Но все же, тенденцию к местному комплектованию переоценивать не следует. Уроженцы восточных провинций служили также на Дунае и в северной Африке, причем не только в I в., но и позже, когда принцип местного комплектования, как будто бы, стал основным. М. Шпейдель не исключает, что указанные выше категории населения восточ-

[1] *Ковалев С.И.* История Рима. Л., 1986. С. 361-366.
[2] *Ле Боэк Я.* Римская армия эпохи ранней империи. М., 2001. С. 56-60.

ных провинций, поставлявшие легионеров, с полным основанием могут быть отнесены к средним слоям общества[1].

Что же касается легионов, расположенных в северной Африке и Европе, то в первый век Империи они более чем наполовину состояли из уроженцев римских колоний и муниципиев северной Италии – т.н. Цизальпинской Галлии. На военную службу вербовались потомки ветеранов, получившие здесь земельные участки от Октавиана в 40-30-х гг. до н.э., а также выходцы из местных галльских общин, получивших опять же при Октавиане или еще при Цезаре права римского гражданства. Потомки ветеранов, получивших от императора большие земельные наделы, могут быть отнесены к средним слоям имперского общества (Tac. Hist. 46. 1).

Можно обратить внимание на то, что существовала некоторая разница в источниках пополнения легионов на западе и на востоке Империи. В характере комплектования расположенных в восточных провинциях легионов проявились черты, характерные для эпохи эллинизма. Размещенные в Малой Азии и на Ближнем Востоке легионы пополнялись помимо уроженцев Италии, в значительной степени, из местных авторитетных и состоятельных семейств. Верхи туземного населения на прилегающих к Италии территориях активно стремились стать «настоящими римлянами»: участвовали в организации культа Августа, занимали выборные должности в городском самоуправлении, изменяли традиционную именную систему на римский манер[2].

Система «качественного» комплектования легионов давала сбои при необходимости срочного и массового набора солдат, а также при необходимости немедленной организации новых воинских частей, т.е., во время войн и, особенно, гражданских конфликтов. В I в., в сложные для государства периоды к легионной службе привлекались перегрины – провинциалы, не обладавшие правами римского гражданства, создавались целые легионы из военных моряков, являвшихся перегринами или вольноотпущенниками.

К концу II в., как отмечают многие исследователи, под воздействием внешнеполитических и социально-экономических факторов качество добровольцев для легионной службы падает: преобладают сельские жители из провинциальной глубинки. Падение качества добровольцев проявляется в понижении боеспособности легионов, примером чему служат участившиеся поражения римской армии и нивелировка легионов по социальному составу и вооружению со вспомогательными войсками. Об ухудшении социальных источников пополнения легионов красноречиво свидетельствуют воинские эпитафии. Начиная со 2-й пол. II в., наблюдается их деградация: больше грамматических ошибок в тексте, мельче и грубее буквы, топорнее оформление могильных камней и посвятительных надписей. Уменьшается общее количество солдатских надписей в камне, что свидетельствует о прогрессирующей неграмотности среди легионеров. Упадок системы качественного комплектования легионов приводит на ру-

---

[1] *Speidel M.* Legionaries from Asia Minor // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt (ANRW). II. 7, 2. Berlin; N.Y., 1980. P. 745.

[2] *Ростовцев М.И.* Рождение империи. Петроград, 1918. С. 48-53.

беже II–III вв. к реформам Септимия Севера. Наряду с мероприятиями по улучшению имущественного и правового положения солдат и младших командиров, были установлены обязательная военная служба для детей ветеранов в пограничных провинциях и принудительная воинская повинность на тех территориях Империи, которые не могли платить налоги в денежной форме. Реформы Севера замедлили дальнейшее ухудшение качества новобранцев легионов, однако способствовали отрыву армии, сраставшейся с обществом пограничных провинций, от остальной империи. Очевидно, ситуация с комплектованием легионов, характерная именно для времени Северов, представлялась идеальной для Вегеция, который ошибочно распространял ее на всю эпоху принципата (Veget. I. 2).

Таким образом, военная служба являлась обязанностью римского гражданина, от нее были избавлены только принадлежащие к низшему имущественному слою пролетарии, которые не могли вооружиться за собственный счет. С утверждением принципата и завершением политической «революции», произошла переориентация государства в политике комплектования основного рода войск на «средние слои», то есть, на верхушку плебса. Не только италийцы и латиноязычные провинциалы с Запада служили в римских легионах, военная служба в грекоязычных провинциях Империи, Малой Азии и особенно явно – в Египте в силу традиции рано обрела черты наследственного занятия.

SOCIAL ORIGIN OF ROMAN SOLDIERS DURING THE IMPERIAL TIME

I.A. Rogosa

According to the ancient tradition, military service was the duty of a Roman citizen. Only the proletarians, lowest stratum of Roman society, who could not arm themselves on own account, were free from it. In this paper we’ll focus on the social origins of the private soldiers of the Roman legions.

Key words: army, legionary, principate, proletarian.

МОЗАИЧНОЕ ИСКУССТВО НА ПРИМЕРЕ МУЗЕЯ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ – ПОМПЕИ

С.В. Бабаян

В статье рассматривается такое понятие как античная мозаика, также дана характеристика мозаики как виду искусства. Особое внимание было уделено такому историческому памятнику мозаичного искусства на территории Древнего Рима как Помпеи, рассмотрены основные сюжеты и мотивы. Кроме того были рассмотрены сохранившиеся образцы внутреннего убранства дворов.

Ключевые слова: *история, искусство, мозаика, античность, Помпеи.*

«Кто не любит всем сердцем, всей душою живописи, тот грешит перед чувством правдивой наглядности, грешит и перед научным знанием»[1].

Данную тему считаем актуальной, так как после катастрофы в августе 79 г. Помпеи очень долгое время оставались неизвестными, не предпринимались попытки их изучения и восстановления. Город исчез, за многие столетия над ним образовались новые пласты земли. Интерес к данному памятнику был отме-

---

[1] Филострат Старший. Картины I.10.

чен в XVIII в., когда были предприняты случайные, а затем и научные раскопки города, которые помогли вернуть и восстановить прежний облик.[1]

Помпеи имеют уникальную и насыщенную историю. Она сосредотачивает в себе множество интересных мелочей бытового уклада, которые зафиксированы вещественными памятниками, социально-экономическую структуру с разнообразным характером жизни, культурную сферу, о которой можно говорить по памятникам материальной культуры. Именно она позволяет нам анализировать уровень жизни людей того времени, их повседневность, быт, род занятий, род деятельности.

Действительно, искусство занимает значительное место в культуре каждого общества, определяет уровень его развития. Благодаря сохранившимся источникам, мы можем узнать о событиях прошлого и ответить на многие вопросы. Так, одним из видов искусства, на котором мы хотели бы остановиться, является мозаика. А именно - рассмотрим памятник мозаичного искусства на территории Древнего Рима - Помпеи. Город хранит множество великолепных образов мозаичного искусства. С точки зрения художественной стилистики и сюжетов помпейские мозаики представляют собой не только историю древнего искусства, но и предвосхищают развитие искусства в течение следующих тысячелетий.[2]

Многие из наиболее интересных мозаик хранятся сейчас в Национальном Археологическом музее Неаполя.[3]

Искусство мозаики привлекало внимание многих исследователей и ученых. Это и Иоганн Иоахим Винкельман[4] – основатель истории классического искусства, и Katherine M. D. Dunbabin[5]. Из отечественных ученых: А.П. Чубова, А.П. Иванова, Г.И. Соколов («Искусство Древнего Рима»[6]), описывающий заключительный этап в развитии античного искусства.

Источниками исследования послужили труды Витрувия «Об архитектуре»[7], Плиния Старшего «Естествознание»[8], а также изобразительные источники.

Большую роль в понимании данной проблемы – изучения мозаичного искусства в конкретный период – послужила поездка в Италию, область Кампания, предназначенная для непосредственного изучения истории античных городов (2013 г.).

Во время пребывания в Помпеях можно увидеть необыкновенные картины, выложенные из цветного камня. Наиболее известная мозаика - Битва при

---

[1] *Сергеенко М.Е.* Помпеи. М-Л.: Издательство АН СССР, 1949. С. 198.
[2] *Vickers, Michael*. Pompeii // Kunst und Kultur alter Völker. Rom. Erlangen: Karl Müller Verlag, 1991. S. 59-71.
[3] MANN - Museo Archeologico Nazionale di Napoli. {Эл. ресурс} // Мозаика. – URL: http://www.marketplace.it/museo.nazionale/mosaici (дата обращения - 5.05.14)
[4] *Винкельман И.И.* История искусства древности. Малые сочинения. СПб.: Алетейя, Государственный Эрмитаж, 2000. 800 с.
[5] *Dunbabin K.M.D.* Mosaics of the Greek and Roman World. Cambridge University Press, 1999. 357 c.
[6] *Соколов Г.И.* Искусство Древнего Рима. М.: Просвещение, 1996. 224 с.
[7] Витрувий. Об архитектуре. М.: Архитектура–С, 2006. 328 с.
[8] Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве / пер. с латин. Г.А. Тароняна. М.: Научно-исследовательский центр «Ладомир», 1994. 908 с.

Иссе из Дома Фавна.[1] Это богатый дом, занимающий пространство между четырьмя улицами. На пороге главного входа в дом выложена мозаичная надпись «HAVE» (здравствуй), отсюда можно было пройти в этрусский (тосканский) атрий, сохранивший до наших дней имплювий (неглубокий бассейн для сбора дождевой воды) с богатой геометрической инкрустацией из разноцветного мрамора и статуэткой танцующего Фавна, давшей имя дому. Второй вход располагался восточнее и вёл во второй атрий, предназначенный, видимо, для гостей. Перистиля также два: малый и большой. К востоку от малого перистиля находились бытовые помещения: кладовая, кухни и небольшие частные бани. Из большого перистиля запасной выход вёл на улицу. Между перистилями находились триклинии и гостиная со знаменитой мозаикой, изображающей битву Александра Македонского с Дарием III.

Сюжет мозаики – один из ключевых моментов истории древней цивилизации. Битва армии Александра Македонского с войском персидского царя Дария открыла великому полководцу дорогу на восток, в Индию, нанесла ошеломляющий удар по Персидской империи. Предполагается, что мозаика выполнена в I в. н.э. по живописному оригиналу греческого художника Филоксена из Эретрии.[2] В мозаике ограничена цветовая гамма – используются черный, белый и желто-красные цвета. Ограничение является художественным замыслом.

В Помпеях была найдена мозаика с изображением собаки и надписью Cave Canem («берегись собаки»), которая предупреждала, что дом охраняется собакой. Обычно собаки на таких мозаиках были изображены на цепи, выложены на дороге перед домом и выдержаны в черно-белой гамме.

Мозаика в одной из вилл Помпеи, как предполагается, изображает группу философов классического периода[3]. Второй слева - Лисий, третий слева - Платон. Сама картина лаконична и почти схематична в изображении деталей. Античный храм, дерево обозначены, но не прорисованы, хотя складки на одеждах точны и реалистичны. Композиция и манера исполнения позволяют предположить, что мозаика выполнена по картине греческой школы. Но к моменту изготовления мозаики в городе царил иной стиль - к сюжетному изображению мастера мозаики добавили шикарную рамку с пышным декоративным переплетением фруктов, лент, листьев и восемью комическими масками. Каждая маска - оригинальна, они не повторяются. Материалом для мозаики послужили мраморные кубики с добавлением смальт. Сейчас мозаика находится в Неаполе, в Национальном археологическом музее.

Безусловно, также необходимо обратить внимание на сохранившиеся образцы внутреннего убранства дворов.[4] Большинство полов в домах аристократии

---

[1] Помпеи шаг за шагом. {Эл. ресурс} // Искусство, 2006. - URL: http://pompeii.ru/arte/ (дата обращения – 13.04.14)

[2] *Ласточкина Н.* Искусство мозаики. {Эл. ресурс}// Мозаики Помпеи, 2009. - URL: http://www.mosaic.su/art/mozaiki-pompei/ (дата обращения – 13.04.13)

[3] MANN - Museo Archeologico Nazionale di Napoli. {Эл. ресурс} // Мозаика. – URL: http://www.marketplace.it/museo.nazionale/mosaici (дата обращения - 5.05.14)

[4] Там же.

и богатых семейств украшали геометрические и растительные орнаменты, выложенные из черных и белых элементов, не редкость и огромные цветные напольные композиции. Старейшие мозаичные образцы римской укладки, найденные при археологических раскопках, относятся к IV в. до н.э., а в период расцвета Римской империи мозаика стала самым распространенным способом декора интерьера.[1]

Изучив пусть и малую часть древнеримского мозаичного искусства, можно сделать вывод о том, что она играла важную роль в мировоззрении римского общества. Ведь мозаика передавала культуру того времени, запечатлела основные занятия людей, их повседневность, отразила и сохранила до настоящего времени историческое прошлое, мозаика же выполняла и необходимую статусную функцию.

Таким образом, история римской мозаики далеко не исчерпывается художественными картинами, найденными в Помпеях. Однако именно засыпанный пеплом город дал представление о том, насколько масштабно применялась мозаика в искусстве внешней и внутренней отделки общественных зданий и жилых домов в древнеримском мире. Погибнув, Помпеи стали памятником себе и древней цивилизации, уделявшей столь значительное внимание красоте и эстетике своей повседневной жизни.

MOSAIC ART BY THE EXAMPLE OF THE MUSEUM IN THE OPEN-AIR – POMPEII

S.V. Babayan

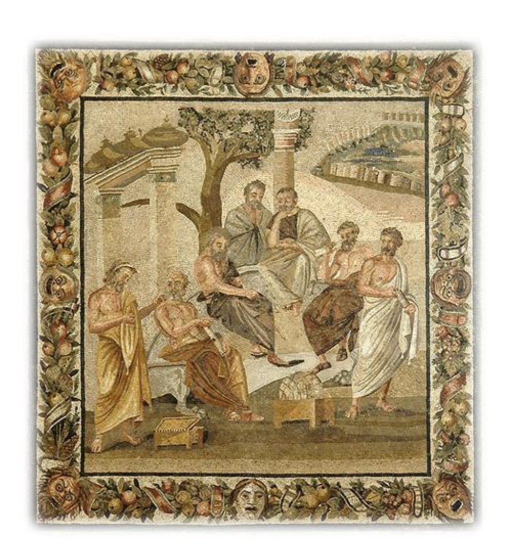
The article is devoted to the concept of «ancient mosaics»; also the characteristic of the mosaic as an art form is given. Special attention was paid to the such monument at the mosaic art in the territory of Ancient Rome as Pompeii; the main themes and motives are described. Besides the remained samples of internal furniture of the yards were considered.

Key words: Pompeii, mosaic, art.

Битва при Иссе. Мозаика из Дома Фавна в Помпеях. I в. н.э. Фото.

[1] *Соколов Г.И.* Искусство Древнего Рима. М.: Просвещение, 1966. С. 206-207.

Академия Платона. Мозаика. Помпеи (Вилла Т. Симиния Стефана). Начало I в. до н. э.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИДЕАЛЬНОМ ПРАВИТЕЛЕ В ПЕРИОД КРИЗИСА РИМСКОЙ ИМПЕРИИ III В.

К.А. Владимиров

В статье рассматривается концепция «идеального императора» в период «военной анархии» в Древнем Риме. Основное внимание уделено взглядам римской армии и сената как основным политическим силам того времени. Отмечаются качества, как традиционные для римской концепции «лучшего принцепса», так и появившиеся непосредственно в кризисный период.

Ключевые слова: *император, империя, кризис, идеальный.*

В условиях всеобщего кризиса империи III в. различные концепции «идеального правителя» оказались чрезвычайно востребованы – каждый узурпатор стремился представить себя в этом качестве. Крайняя политическая нестабильность и катастрофическая внешняя обстановка способствовали популярности образа «лучшего принцепса», который сможет «навести порядок». В текстах SHA явственно чувствуется усталость общества от бюрократизированной системы управления. Самые разные слои населения империи испытывают необходимость ощущать императорскую заботу. Правящие круги должны реагировать на эту потребность, разворачивая массированную пропаганду, в которой постоянно подчёркивается преданность правителя всем своим подданным[1].

Наиболее политические активными социальными группами в рассматриваемый период являлись армия и сенат.

Атмосфера всеобщей политической неустроенности и гражданской войны III в. стала благодатной почвой для сенатских амбиций, увидевших в ослаблении

[1] *Шкаренков П.П.* Образ идеального правителя в латинской риторической традиции II – начала V вв. // Новый исторический вестник. № 18/2008. С. 9–10.

императорской власти свой шанс. Рост политического влияния сената выразился в появлении так называемых «сенатских императоров».

Одним из основных критериев «подходящего» сенату правителя была его принадлежность к сенатскому сословию. Потомки сенатских родов имели гораздо больше шансов на положительное отношение со стороны сенаторов, а добившиеся пурпура выходцы из низов считались «выскочками». Максимин Фракиец «опасался, как бы вследствие его низкого, варварского происхождения его не стала презирать знать» (SHA. Max. duo. VIII. 9). Хотя в такое время «отцам сенаторам» приходилось мириться с незнатным происхождением многих претендентов, так как «всякий, кто только мог, выскакивал в императоры» (SHA. Tyr. trig. X. 1).

Кризис резко противопоставляет интересы армии и сената. Юлий Капитолин приводит слова Векция Сабина, сказанные во время борьбы против Максимина: «Надо избрать государей, чтобы один ведал внутренними делами, другой - военными, чтобы один оставался в Риме, другой шел с войсками навстречу разбойникам» (SHA. Max. Balb. II.4). В условиях противостояния такое разделение властей чревато неразберихой в управлении, возникает необходимость в единоначалии, однако сенат вовсе не собирался создавать своими собственными руками диктатора. Подобное разделение властей было на руку, прежде всего, сенату, который, не давая верховной власти ни одному из императоров, мог осуществлять её сам. Недолгое и трагически завершившиеся правление Максима и Бальбина Юлий Капитолин считает временем восстановления былого достоинства сената (SHA. Max. Balb. XVII.2). Царствование императора Тацита, избранного сенатом, было воспринято как «возвращение блистательному сословию права избрания государя… государство вернулось к древнему укладу, что сенат избирает государей, даже больше, – что сенат сам стал государем; у сената надо теперь просить законов, к сенату будут обращаться с мольбой варварские цари, вопросы о мире и войне должны решаться сенатом» (SHA. Tac. XII.1-2). Радость была тем более велика, что предыдущего императора, Аврелиана, сенат боялся (SHA. Aurel. L.5).

Упоение сената властью передают письма, приведённые Флавием Вописком Сиракузянином в конце жизнеописания императора Тацита. Автроний Тибериан пишет, что «авторитет блистательного сословия возрос настолько, что мы даем государей государству, которое вернулось к древнему укладу, мы избираем императоров, мы, наконец, нарекаем Августами» (SHA. Tac. XIX.1), а Клавдий Сапилиан думает, что сенаторы «получили то, чего всегда желали: сенат вернулся в свое прежнее положение. Мы избираем государей; власти - из нашего сословия. Благодарность римскому войску, подлинно римскому: оно вернуло нам власть, которой мы всегда владели» (SHA. Tac. XIX.3-4).

Однако сенату не удалось в полной мере использовать свой шанс. По мнению Ю.Б. Циркина, «попытка восстановления прежней власти сената в новых условиях оказалась утопией». «Сенатские императоры» не удовлетворяли не только легионеров, но и основную массу населения, среди которой уже глубоко

укоренились монархические идеи[1]. Стабилизация ситуации и укрепление императорской власти окончательно «похоронили» политические амбиции сенаторов.

Оценка историками кризиса III в. как периода противоборства сената и легионов, которое выразилось в смене т.н. «сенатских» и «солдатских» императоров[2], определяет необходимость изучения представлений солдат об «идеальном правителе».

Армия всегда была одной из важнейших опор Римского государства, но становление империи сделало её главным фактором могущества Рима и власти императора. На протяжении I–II вв. политическая роль легионов непрерывно росла: солдаты стали сами провозглашать императоров, что вынуждало принцепсов «задабривать» легионеров денежными подарками. Всё это закономерно привело к тому, что римская цивилизация пришла к полной зависимости от собственной военной мощи[3]. К III в. «воины уже привыкли создавать себе императоров на основании беспорядочного решения и легко сменять их» (SHA. Alex. Sev. I. 6).

Прежде всего, необходимо обратить внимание на такой аспект восприятия императора как «первого среди воинов» и идею боевого «соратничества». Идея боевого товарищества воина и полководца достаточно традиционна для римского военного дела[4]. В III в. эта традиция также активно использовалась. Максимин Фракиец так обращался к своим воинам: «Священные для меня соратники, или, скорее, товарищи, связанные со мною присягой, большинство которых действительно участвует в войне вместе со мною» (SHA. Gord. tres. XIV.1). При этом стоит сказать, что слова Максимина отчасти оправданы – ещё не будучи императором он подавал новобранцам личный пример (Herod. VI. 8.2), а в битве проявлял личное мужество (Herod. VII. 2.6). Подобное «подобострастное» отношение императора к легионерам диктовалось, прежде всего, необходимостью заручиться их поддержкой в трудный период. Но одновременно правитель становился заложником армии, её к себе отношения.

Такие черты как храбрость, доблесть в армейской среде ценились особенно. Геродиан упоминает, что во время германского похода Александра Севера воины были недовольны, так как он «попусту проводил время и не проявлял в воинских делах ни доблести, ни рвения» (Herod. VI. 7.10), а «сам же он [император] малодушен и лишен мужества в ратных делах» (Herod. VI. 8.3)[5]. Трус, бе-

---

[1] *Циркин Ю.Б.* Альтернативная тенденция в развитии Римского государства в период «военной анархии» // Восток, Европа, Америка в древности: сб. науч. тр. XVI Сергеевских чтений. М., 2010. С. 264.

[2] *Сергеев И.П.* Был ли период кризиса III века в Римской империи «веком солдатских императоров»? // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. 2003. № 594. Серія: Історія. Вип. 35. С. 52-58.

[3] *Вэрри Д.* Войны Античности: от греко-персидских войн до падения Рима. М., 2009. С. 203.

[4] *Махлаюк А.В.* Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности. Нижний Новгород, 2000. С. 102.

[5] Однако необходимо отметить, что, по мнению Карла Криста, недовольство воинов было вызвано тем, что солдаты рейнских легионов были лично заинтересованы в прочной границе с германцами т.к. обладали там собственностью – т.е. доминировал не «моральный», а «финансовый» мотив. *Крист К.* История времён римских императоров от Августа до Константина. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1997. С. 278.

жавший с поля боя или неудачливый полководец не могли рассчитывать на поддержку легионеров – если только эти недостатки не компенсировались наличием золота. В период кризиса алчность легионов вообще достигала невиданных масштабов. Авторы источников часто утверждают, что в это время жажда наживы во время грабежей и стремление добиться денежных подарков были чуть ли не основными мотивами для легионеров. Аврелий Виктор приводит следующий случай: солдаты убили соправителей Галла и Волузиана в расчёте на награду от Эмилия Эмилиана, добивавшегося императорской власти. Вообще же, по мнению автора, в это время «солдаты не знали удержу в мотовстве и распутстве и [легко] нарушали свой долг ради расположения [вождя]» (Aur. Vict. Caes. XXXI).

Требеллий Поллион упоминает, что «после убийства Галлиена произошел крупнейший мятеж среди воинов, которые в надежде на добычу и расхищение общественного достояния говорили, что у них отнят полезный, нужный, храбрый, способный вызвать зависть император» (SHA. Gall.duo. XV. 1). Таким образом, на этом примере мы видим, что правителю, дававшему воинам возможность нажиться грабежом, могли быть приписаны любые добродетели. Однако воины были упокоены «теми мерами, какие обычно умиротворяют их… было обещано и выдано по 20 золотых» (SHA. Gall.duo. XV. 3).

В вопросах дисциплины императорам в период кризиса приходилось соблюдать особенную осторожность. С одной стороны, солдаты уважали тех, кто мог проявить силу характера и усмирить бунтующую толпу – в Антиохии Александр Север приказал бунтующим легионерам разойтись и они подчинились (источники называют этот случай «изумительным делом») (SHA. LIII–LIV). Однако во время похода против германцев строгость принцепса показалась солдатам чрезмерной и это, вместе с другими причинами, стоило ему жизни (SHA. Alex. Sev. LIX. 5-6). Выполнение строительных работ, ещё недавно бывших частью повседневной жизни легионера[1], теперь воспринималось как злоупотребление властью со стороны правителя и командира. Одной из причин убийства императора Проба собственными солдатами было то, что «он никогда не позволял воину оставаться без дела: руками своих воинов он выполнил много работ, говоря при этом, что воины не должны есть свой паек даром» - легионеры были возмущены тем, что их направили на осушение болота возле города Сирмий (SHA. Prob. XX–XXI).

Прогрессирующая провинциализация и варваризация[2] армии стала причиной появления своеобразного «землячества» - солдаты начинают обращать внимание на место рождения правителя или того, кто на этот титул претендует. Так, например, восточные корни Александра Севера обеспечивали ему дополнительную популярность среди осроэнских стрелков (SHA. Max.duo. XI. 1; Herod. VII. 9),

[1] По мнению А.В. Колобова, «ни одна армия, за исключением советской, не строила столько, сколько строили римские легионеры»: *Колобов А.В.* Римские легионы вне полей сражений (эпоха ранней Империи). Пермь, 1999. С. 47.

[2] *Сергеев И.П.* Римская империя в III веке нашей эры. Проблемы социально-политической истории. Харьков, 1999. С. 48–49.

а смерть его убийцы, Максимина Фракийца, «вызвала… тяжкую печаль у варваров» (SHA. Max.duo. XXIV. 1). Геродиан также указывает, что Максимин был особенно популярен среди паннонцев, которые «первыми назвали его императором и по своей воле обещали идти на риск ради него» (Herod. VI. 8.2; VII. 8.11).

Однако нельзя не отметить и того факта, что провинциалы и поступившие на военную службу варвары также активно перенимали римские представления о добродетелях правителя. Требеллий Поллион упоминает, что «галлы, в силу своих прирожденных свойств не могут терпеть легкомысленных, выродившихся в смысле утраты римской доблести и утопающих в роскоши государей… нашли себе сочувствие и в войсках, так как последние жаловались на то, что император [Галлиен] занят только развратом» (SHA. Gall. duo. IV. 3).

Вопрос о «разврате» (как об этом пишут античные авторы), судя по всему, был единственным, где мнения сенаторов и легионеров сходились – это качество шло только во вред государству и правителю. «Особенно ожесточенные внутренние смуты» в правление Галлиена, по мнению Аврелия Виктора, были связаны «с позорной любовью к дочери царя германцев Аттала по имени Пипа» (Aur. Vict. Caes. XXXIII. 6). Насколько можно судить по данным источников, участие женщины во власти не приветствовалось вовсе. Воины Александра Севера насмехались над ним «за то, что им управляет мать, и все дела устраиваются по воле и замыслам женщины» (Herod. VI. 8.3), а сам факт того, что правительница Пальмиры Зенобия стала во главе восточных провинций повергал античных авторов в ужас (SHA. Tyr. trig. XXX. 1–2; Aur. Vict. Caes. XXXIII. 3). Эти настроения существовали, несмотря на то, что в предкризисное правление Северов роль женщин во власти чрезвычайно возросла[1].

Что касается представлений об «идеальном правителе» среди других слоёв населения – горожан, крестьян, ремесленников, то их анализ чрезвычайно затруднён. Источники описывают «масштабные» события, в большинстве своём не касаясь «обывателей». Сам термин «populus» в поздней античности употреблялся по отношению к населению крупных городов, важных в экономическом или стратегическом отношении – Рима, Александрии, Константинополя, Антиохии[2]. И.П. Сергеев также отмечает, что гражданское население не слишком активно вмешивалось в военные действия между противоборствующими группировками и не сохраняло верности неудачливому претенденту на императорский престол[3]. Аналогичного мнения придерживается и К. Крист, считающий, что III в. стал временем, когда основная масса населения была аполитична[4].

---

[1] *Крист К.* Указ. соч., С. 279.

[2] *Григорюк Т.В.* Город Антиохия и императорская власть во второй трети IV в.: взаимоотношения и взаимовлияния // Доклады международной научной конференции «Город в античности и средневековье: общеевропейский контекст». Ч. 1. Ярославль, 2009. С. 59.

[3] *Сергеев И.П.* Гражданская война 193–197 гг. и кризис III века в Римской империи: опыт сравнительной характеристики // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. 2004. № 633. Серія: Історія. Вип. 36. С. 208.

[4] *Крист К.* Указ. соч. С. 369.

Таким образом, в кризисной ситуации III в. вопрос соответствия правителей или узурпаторов образу «идеального императора» становился вопросом политическим. «Военная анархия» привела к тому, что император стал не олицетворением единого «римского мира», а представителем интересов отдельных социальных групп. Ведущими политическими силами в данный период являлись сенат и армия, и каждый из этих институтов имел своё видение, каким должен быть август.

В представлении сенаторов император должен быть выходцем из сенатского рода и избираться из их среды. Полномочия императора должны быть ограничены командованием армией, а гражданское управление сосредоточено в руках «отцов сенаторов», которые и являются основными «хранителями» традиций и могущества Римского государства.

Для солдат правитель, прежде всего, – «товарищ по оружию», соратник, делящий с ними тяготы походов, рутину лагерной жизни и опасности боёв. Большое значение также имели такие качества, как личная храбрость и полководческий талант. Увеличение влияния армии на внутреннюю жизнь империи и кризисная ситуация привели к появлению такого требования как «платёжеспособность» правителей и претендентов на пурпур – всё чаще верность легионов можно просто купить. Варваризация и провинциализация армии привели к своеобразному «землячеству» – место рождения императора становится для солдат важным критерием лояльности.

«Распутство» и зависимость от женщин осуждались как сенаторами, так и воинами.

Разница мнений солдат и сенаторов относительно личности правителя и его места в государстве углубляли их политические и экономические разногласия, что способствовало эскалации кризиса.

IDEA OF THE PERFECT RULER IN THE PERIOD OF CRISIS ROMAN EMPIRE AT 3 CENT. A.D.

K.A. Vladimirov

The article discusses the concept of «ideal emperor» in the period of the «military anarchy» in ancient Rome. The main attention is paid to the views of the Roman army and the Senate as the main political forces of the time. Notes the quality as traditional Roman concept of "best princeps" and appeared directly in the crisis period.

Keywords: emperor, empire, crisis, perfect.

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА В РАЗВИТИИ ХОРЫ ГОРОДОВ БОСПОРА VI – 1-Й ТРЕТИ III В. ДО Н.Э.

С.Н. Прокопенко

Статья посвящена анализу подходов к подсчету численности населения Боспора в VI – 1-й трети III в. до н.э. Автор рассматривает наиболее уязвимые места демографических реконструкций. В работе нашли отражены общие результаты исследования демографического роста населения Боспора и влияния данного процесса на расширение хоры городов Боспора.

Ключевые слова: *хора, Боспор, поселение, население.*

Мы абсолютно ничего не знаем о демографии античного Боспора из письменных источников. Вычислить количество населения мы можем, только полагаясь на косвенные данные и данные археологов.

Существует несколько подходов выработанных учеными к подсчету численности населения античного Боспора.

Во-первых, это расчеты, отталкивающиеся от размеров городища и сельских поселений. Взяв за основу размеры населенного пункта, возможно вычислить общее количество населения, проживавшего в нем в рассматриваемый период. Для этого можно использовать предложенную С.Д. Крыжицким[1] и переработанную М.А. Колесниковым[2] формулу - $Pt=226\times St$, где Pt – полная численность населения городища (чел.), St – общая площадь жилой застройки (га).

Во-вторых, вычисления могут строиться на основе подсчета размеров обрабатываемых земель, урожайности и количества зерна, употребляемого одним человеком в год. В этом случае погрешности результатов подсчета численности населения будут большими. Причины этого – в большом разбросе данных, как по урожайности[3], так и по количеству зерна, употребляемого человеком в год[4].

---

[1] *Крыжицкий С.Д.* К вопросу об определении количества населения в греческом эллинистическом городе // Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1982. С. 47-48.

[2] *Колесников М.А.* Метод грубой оценки динамики роста численности населения и возраста греческой колонии по полной площади городища // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2001. С. 63.

[3] См. подр.: *Блаватский В.Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 139; *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975. С. 162; *Кутайсов В.А.* Об урожайности основных зерновых культур в Северном Причерноморье // Боспорский феномен. Ч.2. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. С. 258; *Паромов Я.М.* К вопросу о хозяйственном и экономическом потенциале АзиатскогоБоспора в эллинистический период // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 60-61; *Стржелецкий С.Ф.* Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму // Херсонесский сборник. Вып.6. Симферополь, 1961. С. 83.

[4] См. подр.: *Зинько В.Н.* Хора городов европейского Боспора // Боспорские исследования. Вып. XV. Симферополь-Керчь, 2007. С. 285; *Foxhall L., Forbes H.A.* Σιτομετεία: The Role of Grain as a Staple Food in Classical Antiquity // Chiron. Band 12. München, 1982. P. 72; *Блаватский В.Д.* Указ. соч. С. 175, 177; *Кутайсов В.А.* Палеоэкономическая модель развития хоры классического полиса Северного Причерноморья (на примере Керкинитиды) // ПИФК. Вып. X. М.-Магнитогорск: Изд-во МагГУ, 2000. С. 135; *он же.* Керкинитида в античную эпоху. Киев: КОРВИН-ПРЕСС, 2004. С. 37.

В-третьих, наиболее обоснованным и точным подходом подсчета численности населения поселения являются вычисления по материалам некрополя. Если известен период существования поселения (T) и средняя продолжительность жизни (t), и известно число захоронений (N), при условии, что захоронения производились только в одном месте, то можно вычислить среднюю численность населения поселения по формуле: n=N*t/T[1]. Но, несмотря на сравнительную точность данного подхода, он в отношении Боспора, за редким исключением, не применим, т.к. на Боспоре отсутствует некрополь, относящийся к какому-либо поселению, исследованный на сто процентов.

Анализируя исследования, проведенные учеными по подсчету численности населения Боспора в рамках вышеуказанных подходов, мы можем констатировать, что все полученные ими данные неточны. Причина этого нам видится в упущении, на наш взгляд, целого ряда «второстепенных» деталей:

1. Выделяя размеры обрабатываемых древнегреческими поселенцами земель, не учитывается, что часть земель использовалась как пастбища, а также для выращивания огородных культур, и сады (виноградники).

2. Учеными упускается из внимания и не учитывается, какая часть земли используется для выращивания фуражного ячменя.

3. Не учитывается исследователями и количество зерна, оставляемого поселенцами как семенной запас на следующий год, а это, к слову, 1/5 или 1/7 часть от урожая, т.е. 14-20% от урожая.

4. Не берутся в расчет и особенности землепользования на Боспоре, а именно функционирование системы двуполья.

5. В демографических построениях учеными редко учитывается, что часть урожая зерновых не идет в пищу, а является даром на религиозные нужды (10% от урожая).

6. Особенности ландшафта Боспора в подсчете количества населения античного Боспора также не находят отражения.

7. Наконец, исследователи редко прибегают к анализу плотности населения через призму особенностей политической и социальной организации территории Боспора. Плотность населения может быть различной на «царской», городской хоре и общинно-варварских территориях, входивших в состав Боспорского государства.

8. Необходимо учитывать и хозяйственную специфику и специализацию поселения, микрозоны при подсчетах численности населения, что большинство исследователей не делает. Например, на Боспоре выделяется ряд поселений с ярко выраженной животноводческой направленностью в хозяйственной деятельности[2]. Следовательно, в районе этих поселений структура распределения

[1] См. подр.: *Отрешко В.М.* Население Нижнего Побужья в архаическое время // Ольвийские древности. Киев: Изд-во ИА НАНУ, 2009; *Масленников А.А.* Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI-I вв. до н.э.) // Боспорский сборник. Вып. 8. М., 1995; *Смекалов С.Л.* Основные результаты работ 2010 г. по проекту РФФИ «Демографическая топография античного Боспора» (Грант РФФИ №08-06-00303) [Эл. ресурс] // Археологическая карта Крыма. Режим доступа - http://www.archmap.ru/rffi2010.htm Дата доступа - 13.09.2014 г.

[2] См. напр.: *Каспаров А.К.* Скотоводческое хозяйство поселения Волна 1 // Таманская старина. Вып.3. СПб., 2002. С. 160.

сельскохозяйственных культур могла сильно отличаться от стандартных полисных владений с общепринятыми соотношениями культур.

Учитывая все вышеизложенное, мы полагаем, что подсчеты численности населения Боспора в целом, в различные исторические периоды крайне затруднительны. Более продуктивна реконструкция численности населения в отношении отдельных территорий или зон (ландшафтные микрозоны). Нечто подобное мы делали в отношении Китея и его сельской округи[1].

Анализируя опыт В.Д. Блаватского[2], В.Н. Зинько[3], А.А. Масленникова[4], В.А. Кутайсова[5], С.Л. Смекалова[6], А.В. Одрина[7], Д.О. Евдокимова[8] и других исследователей в изучении вопросов демографии античного Боспора мы можем констатировать следующее:

1. Население Боспора увеличивалось на протяжении всего исследуемого периода.

2. Увеличение численности населения Боспора по разным подсчетам было крайне существенным. Одни населенные пункты в исследуемый нами период по численности населения увеличились в десятки раз (малые города Боспора), другие в сотни раз (Пантикапей, Фанагория).

3. Показатели увеличения роста численности населения за неполных триста лет в сотни раз не могли быть достигнуты путем естественного прироста. Это стало возможным в результате включения в состав городских жителей представителей варварской культуры и новых поселенцев, прибывших извне.

4. Соотношение сельского населения, постоянно проживающего на хоре городов Боспора, приближено к показателям ½ , т.е. 50% от количества городского населения. Это соотношение характерно для периода расцвета Боспора при Спартокидах, когда хора античных городов была максимальной в размерах.

ROLE AND IMPORTANCE DEMOGRAPHIC FACTORS IN THE DEVELOPMENT OF CHORUS BOSPORUS CITIES VI - 1 ST THIRD III C. BC

S.N. Prokopenko

This article analyzes the approaches to the calculation of the population of the Bosporus in VI - 1st third of the III c. BC The author considers the most vulnerable places demographic reconstructions. In this paper we find reflected the overall results of the study of the demographic growth of the population of the Bosporus and the impact of this process on the expansion of cities choirs Bosporus.

Key words: chora, Bosporus, settlement, population.

---

[1] См. напр.: *Прокопенко С.Н.* Сельская округа Китея в кон. V – нач. III в. до н.э. // Государство и общество: взаимодействие и противостояние. Воронеж: Изд-во «ИСТОКИ», 2013. С. 291-297.

[2] *Блаватский В.Д.* Указ. соч. С. 174-178.

[3] *Зинько В.Н.* Указ. соч. С. 263-291.

[4] *Масленников А.А.* Сельские святилища Европейского Боспора. Тула: Гриф и К, 2007. С. 341-350.

[5] *Кутайсов В.А.* Керкинитида… - С. 5-51.

[6] *Смекалов С.Л.* Указ. соч.

[7] *Одрин А.В.* Земельные ресурсы и зерновое хозяйство Боспора VI-IV вв. до н.э. // Боспорский феномен. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 51-55.

[8] *Евдокимов Д.О.* Демографическое и экономическое развитие Боспорского царства в первые века нашей эры // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 22 (237). История. Вып. 46. С. 10–15.

ПРОБЛЕМА ЭКСПОРТНЫХ ПОСТАВОК БОСПОРА В VI – 1-Й ТРЕТИ III В. ДО Н.Э. В ТРУДАХ ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ

Е.В. Репина

В данной работе рассматриваются труды зарубежных авторов, в которых исследуется проблема экспорта Раннего Боспора. В результате проведенного исследования автор в зарубежной историографии выделил два основных периода развития интереса к исследованию экспорта Боспора: первый - до 90-х гг. XX века; второй - с начала 90-х гг. XX в. и до настоящего времени.

Ключевые слова: *зарубежная историография, Боспор, экспорт.*

Зарубежная историография Боспора сравнительно невелика, особенно, что касается вопросов экономики и торговых связей. В зарубежной историографии можно выделить два периода: до 90-х гг. XX в. и после.

Большинство работ, написанных до 90-х гг. XX в., связано с публикацией археологических, эпиграфических и нумизматических материалов или касается истории Боспора в связи с историей других государств античного мира.

Из работ первого периода следует отметить, прежде всего, капитальное исследование E. Minns[1]. Важное значение до сих пор имеет и немецкое издание классического труда М.И. Ростовцева «Скифия и Боспор»[2]. Наиболее полно и обстоятельно вопросы истории Боспора в зарубежной историографии были рассмотрены в трудах R. Werner[3], но автор был плохо знаком с советской историографией и зачастую игнорировал археологический материал. Рассматривая историографию изучаемой проблемы в хронологическом срезе можно отметить, что до 90-х гг. XX в. исследователей мало занимали проблемы развития экономики Боспора.

После 90-х гг. XX в. характерен рост участия зарубежных специалистов в боспорских исследованиях. На первом месте здесь следует назвать работы профессора Трирского университета H. Heinen[4], из которых для нашей темы наиболее важны статьи о Перисаде I и его сыновьях, и о греках, иранцах и римлянах в Северном Причерноморье.

Особое место в изучении истории Северного Причерноморья в настоящее время играют разработки Датского научного центра, результаты которых публикуются как в сети Internet, так и в сборниках Black Sea Studies (BSS)[5]. Стоит отметить, что в работе Центра большое участие принимают отечественные и украинские антиковеды: В.Н. Зинько, С.Ю. Сапрыкин, Т.Н. Смекалова, С.Л. Смекалов, А.В. Гаврилов и др.

Стоит выделить исследования, посвященные греко-варварским отношениям на Боспоре, профессора Лондонского университета (Экзетер) D. Braund,

---

[1] *Minns E.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
[2] *Rostowtzew M.* Scythein und der Bosporus. B., 1926. 522 S.
[3] *Werner R.* Die Dynastie der Spartokiden // Historia. 1955.
[4] *Heinen H.* Statues de Pairisades I et de ses fils erigees sur proposition de Demosthene (Dinarque, contre Demosthene 43) // Le IV-e sicle av. J.-C. Nancy, 1996; *Idem.* Greeks, Iranians and Romans on the Northern Shore of the Black Sea // North Pontic Archeology. Brill. Leiden-Boston-Koln, 2001.
[5] См. подр. Danish National Research Foundation`s Center for Black Sea Studies [Эл. ресурс]. Режим доступа - http://www.pontos.dk/ . Дата доступа – 18.09.2014 г.

работы германского исследователя J. Fornasier[1], принимающего участие и публикующего материалы раскопок Танаисской экспедиции.

Рассматривая зарубежную историографию вопроса экспорта Боспора по проблемному принципу, имеет смысл выделить три направления более узких исследований:

1. Изучение хлебного экспорта Раннего Боспора. Наиболее значимые труды по данной проблеме – это исследования D. Braund[2], в которых основательно рассмотрены различные аспекты торговли боспорской пшеницей.

2. Проблема экспорта рыбы нашла отражение в работах следующих исследователей: J. Wilkins[3], J.M Hǿjte[4], S. Markey[5], V.F. Stolba[6] и др. Так, J. Wilkins акцентировал внимание на том, что рыба как продукт питания в античном мире в рассматриваемый нами период уступала лидерство зерновым и, что более важно, мясу; к тому же рыба была продуктом не дешевым, т.е. была доступна в первую очередь зажиточным слоям населения. Но при этом она, несомненно, заняла определенную нишу в рационе питания древних греков. Поэтому спрос на данный вид продукции большим быть не мог изначально; скорее всего, на всем протяжении рассматриваемого периода он был стабилен, или, возможно, несколько увеличился в IV в. до н.э. J.M. Hǿjte в своей работе дает важные данные о сооружении для переработки рыбы: предположительно в северной части Елизаветинского поселения была обнаружена яма конца рассматриваемого нами периода, предположительно использовавшаяся для копчения рыбы.

В контексте нашей проблемы интересна находка 2003 г. недалеко от Варны обломков судна, затонувшего приблизительно в IV в. до н.э. Найдена одна синопская амфора V-IV вв. до н.э.[7] с костными останками сома, что, конечно, не дает представления обо всем грузе затонувшего судна, но наталкивает на размышления; к тому же неизвестно точное место погрузки данной рыбы на корабль – им мог быть как Боспор, так и Ольвия, и Березань.

3. N. Morley[8], C.M. Reed[1] и другие исследователи в своих работах лишь упоминают о вывозе различных товаров с Боспора. Они пишут, что из Северного

---

[1] *Fornasier J.* Das Bosporanische Reich // Das Bosporanische Reich: der Nordosten des Schwarzen Meeres in der Antike / J. Fornasier, B. Böttger (Hrsg.). Mainz am Rhein: von Zabern, 2002. S. 7-20.

[2] *Braund D.* The Bosporan Kings and Classical Athens: Imagined Breaches in a Cordial Relationship (Aisch. P.171-172; [Dem.] 34.36) // BSS. Vol.1. The Cauldron of Ariantas, Studies Presented to A.N. Sceglov on the Occasion of His 70th Birthday. Aarhus: Aarhus University Press, 2003. P. 197-208; *Idem.* Black Sea Grain for Athens? From Herodotus to Demosthenes // BSS. Vol.6. The Black Sea in Antiquity. Regional and Interregional Economic Exchanges. Aarhus: Aarhus University Press, 2007. P. 39-68.

[3] *Wilkins J.* Fish as a Source of Food in Antiquity // BSS. Vol. 2. Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region. Aarhus, 2005. P. 21-31.

[4] *Hǿjte J.M.* The Archaeological Evidence for Fish Processing in the Black Sea Region // BSS. Vol.2. Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region. Aarhus: Aarhus University Press, 2005. P. 133-160.

[5] *Markey S.* Ancient Greek Wreck Found in Black Sea [Эл. ресурс]. Режим доступа - http://news.nationalgeographic.com/news/2003/01/0110_030113_blacksea.html Дата доступа - 01.09.2014.

[6] *Stolba V.F.* Fish and Money: Numismatic Evidence for Black Sea Fishing // BSS. Vol. 2. Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region. Aarhus: Aarhus University Press, 2005. P. 115-132.

[7] *Markey S.* Ancient Greek Wreck Found in Black Sea [Эл. ресурс]. Режим доступа - http://news.nationalgeographic.com/news/2003/01/0110_030113_blacksea.html Дата доступа - 01.09.2014.

[8] *Morley N.* Trade in Classical Antiquity. Cambridge University Press, New York, 2007. 118 p.

Причерноморья экспортировались, главным образом, зерно, соленая рыба, продукты животноводства (кожи, шерсть) и рабы.

N. Morley является старшим преподавателем истории древнего мира в Бристольском университете (Англия). В своей книге он исследует природу и важность торговли в античный период, учитывая ее экологическое и культурное значение, а также ее экономические аспекты. Что касается торговли античного мира с Боспором в рассматриваемый нами период, то автор лишь приводит несколько письменных источников античных авторов (Демосфен и другие), в которых упоминается торговля Боспора с Афинами, борьба Перисада со скифами, которая способствовала отсутствию сбыта привезенных товаров. Также автор пишет о том, что, прежде всего, купцы стремились расширить знания о мире: получить информацию о маршрутах, опасностях, хороших гаванях и специализированные знания, что позволило бы кораблям из Средиземного моря торговать напрямую с другими странами. Автор, выделяет хлебную торговлю Боспора с Афинами и опять приводит в пример высказывание Демосфена (56, 8) о том, что купцы, оставшиеся в Афинах, должны информировать уехавших купцов об изменение цен на зерно.

C.M. Reed – профессор истории в Квинсе Колледж, Шарлотт, Северная Каролина. В рассмотрении экспорта Раннего Боспора его книга «Maritime Traders in the Ancient Greek World» привлекает наше внимание тем, что автор также использует свидетельства античных авторов (Демосфена, Исократа, Динарха) для описания более полной картины торговли Боспора в античный период. Особенно важна информация о том, что в IV в. до н.э. потребность греческих полисов в привозном зерне возросла. Также он пишет о торговых отношениях Боспора с Афинами. Это первая полноценная работа о торговле и политике в античном мире. Главное предположение автора – в том, что юридическое, экономическое, политическое, и неофициальное положение торговцев возможно рассмотреть правильно только в рамках полиса.

Особую группу составляют ученые – выходцы из стран СНГ, которые продолжают исследовать проблемы развития Северного Причерноморья, работая в зарубежных вузах и научных учреждениях. Это обстоятельство стимулировало интерес в зарубежной историографии в изучении различных аспектов развития Северного Причерноморья античного периода в целом и Боспора в частности.

Так следует отметить научную деятельность преподавателя Сиднейского университета Г.Р. Цецхладзе. Помимо написания большого количества (более 200) статей и двух монографий по различным проблемам истории античного Северного Причерноморья, он организовал издание целой серии сборников научных работ за рубежом, что позволило установить достаточно прочные контакты между восточноевропейской и западной наукой. Это, прежде всего, международная серия «Colloquia Pontica. Publications on the Archaelogy and the Ancient History of the Black Sea», в рамках которой вышло уже 8 томов.

Для темы нашей работы наиболее важна 6 книга серии, в которой опубликованы общие результаты историко-археологического изучения античного Северного Причерноморья в последние годы. Следует назвать также и журнал

---

[1] *Reed C.M.* Maritime Traders in the Ancient Greek World. Cambridge University Press, New York, 2005. 162 p.

Голландского археологического и исторического общества «TALANTA», один из томов которого (соиздателем которого также является Г.Р. Цецхладзе) целиком посвящен истории и археологии Северного Причерноморья.

Таким образом, рост в последние годы участия зарубежных специалистов в боспорских исследованиях способствует интеграции восточноевропейской и западной науки в сериях международных сборников.

Мы можем разделить исследования по рассматриваемому нами вопросу в зарубежной историографии на несколько групп.

В основном это работы общего характера, косвенно касающиеся экспорта Раннего Боспора.

Следующая группа – это исследования выходцев из стран СНГ, которые продолжают изучать проблемы развития Северного Причерноморья и за рубежом. Здесь следует отметить, что в работах данных исследователей выделены некоторые товары экспорта Раннего Боспора (например, хлеб, рыба и др.).

Также выделяем работы отечественных исследователей, опубликованные за рубежом.

Таким образом, несмотря на значительное количество различных зарубежных публикаций, специальных работ, посвященных затрагиваемому нами кругу проблем, на сегодняшний день нет комплексного исследования, в котором была бы предложена единая историческая интерпретация накопленного на сегодняшний день материала по развитию экспорта Раннего Боспора.

PROBLEM EXPORT SUPPLIES IN THE BOSPORUS VI – 1-ST THIRD III C. BC IN THE WORKS OF FOREIGHN AUTHORS

E.V. Repina

This paper examines the works of foreign authors that address the problem of exporting Early Bosporus. In foreign historiography on the subject the author identifies two periods of 90-ies. XX century and after.

Key words: foreign historiography, the Bosporus, the export.

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА БОСПОРЕ VI – 1-Й ТРЕТИ III В. ДО Н.Э. ПО МАТЕРИАЛАМ НАДГРОБНЫХ СТЕЛ

И.В. Моисеенко

В данной статье рассматриваются семейные отношения на Раннем Боспоре на основе анализа надгробных стел. Предпочтительно, главными информаторами являются изображения и надписи. Ввиду своей специфики этот источник позволяет не только решать частные вопросы хронологии исследуемых памятников или археологических комплексов, но и более общие исторические задачи.

Ключевые слова: надгробия, изображения, надписи, Боспор, семья.

Древние греки воспринимали смерть как неизбежность, срок которой определен судьбой. Они верили в непосредственную связь умершего с могилой, поэтому с раннего времени практиковался обычай ставить на месте захоронения надгробия. Смерть одного из членов семьи считалась как нарушение космического порядка, надгробиям же отделялась роль восполнения утраты и восстановления порядка мироздания. Вместе с этим, надгробие служило апотропеем (амулетом), который предохранял могилу от разрушения и осквернения.

Греческие надгробные рельефы и статуи создавались над могилами и для живых; они являлись знаком памяти, воздвигнутым в честь умершего родственника[1].

Самые ранние надгробия появились в конце VI в. до н.э., но они были еще редки. Для них характерны мотивы прославления умерших, встреч и разлук, тема священного брака в потустороннем мире, отражены представления о загробном мире, скорбь родных по поводу утраты любимого человека, и надежда на счастливое существование после смерти.

Наибольшей информативностью о семейных отношениях обладают лапидарные надписи. Надписи на надгробиях подробно описывали не только жизнь захороненного боспорянина, но и членов его семьи, слуг и т.д.[2] Пространное описание личных качеств усопшего/усопшей, посмертное восхваление и сравнение погребенных с мифологическими персонажами и героями нужно рассматривать скорее как выражение идеальных представлений о социуме в целом и семейных отношений в частности, чем отражение реальных фактов.

При всей немногочисленности и стереотипности надписей основными для изучения семьи и брака на Боспоре являются эпитафии. Значение этой группы источников возрастает в связи с тем, что в письменных источниках отсутствуют сведения об институте семьи и брака на Боспоре, а данные археологии, способные пролить свет на интересующие проблемы, крайне скудны.

Эпитафии содержат информацию о составе семьи и его изменении в различные периоды боспорской истории. Почти в каждой надписи мы находим сведения, прямые или косвенные, о лице, поставившем памятник умершему: при отсутствии формулировок «поставил» или «установил», в большинстве случаев патронимик рассматривается нами как указание на заказчика погребальной стелы («в царствование Перисада, сына Спартока, Леострат, сын II … за своего брата … посвятил Матери»)[3].

В античный период надписи на памятниках называли также эпиграфами. Немало эпиграмм посвящено любимым женам и счастливым родителям, почитаемым своими детьми («Прежде, чем умереть, я покоюсь здесь на резной стеле ради своей супруги Клеопатры, красота которой неповторима. В своей супруге, неподражаемой хозяйке дома, я имел одну из муз – Пиерид … Вот почему супруге своей поставил эту стелу Зил, молодой муж»)[4].

В эпиграфах звучит безутешное горе родителей, потерявших своих детей. Жестоко обошлась с ними богиня судьбы Мойра. Их жизнь оборвалась по разным причинам: в результате тяжелой болезни, гибели, из-за несчастной любви, убийства. Они нашли свой последний приют у бога подземного царства Аида[5]. («Калус, сын Диодора, прощай …»; «Мол, сын Мола, прощай»)[6].

---

[1] *Свенцицкая И.С.* «Памяти ради»: эволюция отношения греков к смерти и погребальным обрядам в эллинистическо-римское время // ВДИ. 2003. №4. С. 101-111.
[2] *Тернер В.* Символ и ритуал. М.: Наука, 2000. С.113.
[3] КБН № 24, 42, 264.
[4] Там же. С. 82, 83.
[5] Там же. С. 86.
[6] КБН № 23, 27.

Трогательные чувства почтительного отношения, уважения и заботы о родителях нашли отражение и в стихах: «В плодоносной роще отчизны похоронил родителей своих Аргоная и Ма, скончавшихся от убивающей всех по воле Мойр старости. Не могилу, а вечно памятный дар благочестивых явил он милым и благодарность. Если что-либо значат мотивы родителей из Аида, то да, получишь ты, Антипатр, такую же благодарность от детей»[1].

Со временем появляются надписи, поставленные лицами, не состоящими в близком родстве с умершими (например, воспитатели/воспитанники). «Когда мне дважды исполнилось десяток лет, я ушел в место благочестивых в Аиде… если закончил читать, да завершишь свой путь!». Эту надгробную стелу поставил воспитатель, позаботившийся о памятнике на могиле своего подопечного[2]. Таким образом, изменение состава группы лиц, участвовавших в исполнении столь важного обряда, как погребение и последующее возведение памятника, свидетельствует о серьезном изменении семейных отношений и расширении понятия «состав семьи».

Также немалую роль в исследовании семейных отношений дают изображения надгробных памятников. Начиная с конца IV в. до н.э., на надгробиях появляются скульптурные рельефы с изображением фигур покойников, представленных часто в кругу своих близких, среди детей, вместе со слугами-рабами, которые обычно изображались сбоку в виде маленьких фигур. Родственники возвеличивали умерших, уподобляя женщин Пенелопе, музе, делали образцом для подражания; а мужские надгробия восхваляли мужество усопшего и заслуги перед государством.

Все изображения можно условно разделить на несколько сюжетов, в которых прослеживаются семейные отношения. Один из них – сцена прощания. *Сцена прощания* демонстрирует прощальное рукопожатие уходящих в другой мир с семьей. На боспорских рельефах все персонажи этой сцены стояли фронтально. У женщин левая рука поднесена к лицу, правой они пожимают руку; мужчины правой рукой также обмениваются рукопожатием, левой поддерживают плащ. По краям стоят слуги[3]. Так изображение одного из умерших супругов, трогательно пожимающих руки, являлся знаком неразлучности и верности (Изображены рядом стоящие женщина и мужчина, пожимающие друг другу руки)[4].

Воины. Такой сюжет встречается только на Боспоре. У стоящего воина правая рука с копьем отставлена в сторону, а левой он прижимает к себе щит. Воин всегда стоит один в сопровождении слуги или родственников. Слуга или родные изображались позади воина[5] (на рельефе изображен воин. В правой руке

---

[1] *Матковская Т.А.* Камень, изливающий… С. 90.
[2] *Колпинский Ю.Д.* Искусство Эгейского мира и древней Греции. М.: Искусство.,1970. С. 251.
[3] *Матковская Т.А.* Камень, изливающий… С. 50.
[4] КБН № 446.
[5] *Матковская Т.А.* Камень, изливающий… С. 53.

он держит копье, в левой – большой щит, на боку – меч, за спиной – горит)[1]. Т.о., в представлениях греков был счастлив тот человек, который пал в бою за родину, и в память о нем родственники возводили надлежащий памятник.

Сцена трапезы. Для воплощения сцены трапезы применялось несколько композиционных схем. Полная композиция выглядит так: правую часть рельефа занимает возлежащий мужчина, слева изображена его супруга, сидящая в кресле, в центре – стол для трапезы, уставленный посудой и угощениями. Господам прислуживали рабы. Кроме слуг присутствовали родственники, которые стояли перед женщиной.[2] Часто в сцене трапезы изображались дети – члены семьи (в основном на втором плане[3]). Эта сцена применялась для того, чтобы показать поминальную трапезу. Главного героя всегда изображали масштабно, дабы показать величие и роль умершего в семье (Изображена загробная трапеза. На ложе возлежит мужчина, в правой руке он держит сосуд. Слева в кресле сидит женщина, одетая в хитон. Перед ложем стоит круглый пиршественный стол, на столе показаны сосуды и яства. У изголовья ложа фигурка слуги с кувшинчиком в руках)[4].

Бытовой жанр дает возможность передать особенности повседневной жизни. Эти картины можно условно разделить на действия в интерьере и на уличные сцены. В интерьере чаще всего представлены женщины в домашней обстановке за привычными занятиями: мирно беседующими, занимающимися рукоделием, восседающими в креслах среди слуг и детей, сцены пира, демонстрирующие семейную жизнь, полную достатка, покоя и согласия. Мужчины чаще всего участвуют в уличных сценах: прогуливающиеся боспоряне, господин со слугой, отец с сыном, мужчина с собакой и т.д.

Так, погребальные стелы античного Боспора стали отражением общественных представлений об идеальных типах семьи и семейных отношений, а также роли мужчины и женщины в семье и обществе.

Таким образом, группа античных надгробий является самым многочисленным и информативным источником по изучению семейной жизни древних боспорян. Главную информацию здесь несут изображения и надписи боспорских стел.

FAMILY RELATIONSHIPS ON THE BOSPORUS VI – EARLY III CENTURY B.C. ACCORDING TO THE MATERIALS TOMBSTONES

I.V. Moiseenko

This article discusses family relationships Early on the Bosporus on the basis of the analysis of tombstones. Preferably, the main informants are images and text. Due to its specificity, this source allows not only to solve private problems of chronology monuments or archaeological sites, but also more General historical tasks.

Key words: gravestone, images, inscriptions, Bosporus, family.

[1] КБН № 260.
[2] *Матковская Т.А.* Боспорские надгробия… С. 11.
[3] Там же. С. 53.
[4] КБН № 367.

ЭТНОГРАФИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ IV–I ВВ. ДО Н.Э. В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Ю.Ю. Кузнецов (Тула)

В статье рассматривается вопрос этнографии Северного Причерноморья с IV – по I век до н.э. в трудах древнегреческого историка Геродота. Отмечаются, выделенные Геродотом, три теории происхождения скифских племен. Представлена географическая локализация племен по Геродоту.

Ключевые слова: *Геродот, Северное Причерноморье, этнография, скифы.*

Одним из важнейших аспектов изучения истории Северного Причерноморья является рассмотрение вопросов этнографии и географии этого региона. Изучение этнографической истории Северного Причерноморья осложнено отсутствием местной литературной традиции, поэтому помимо археологических находок, основным источником изучения данного вопроса являются произведения античных авторов.

Произведения античных историков и географов донесли до нас краткие, но очень ценные описания племенного состава региона, территорий побережья Черного моря и прилегающих к нему районов. Здесь охарактеризованы местные племена и народы, даны общие сведения об истории освоения бассейна, указаны крупные географические объекты.

Античные источники этнографических сведений о Северном Причерноморье отличаются определенным своеобразием, и их интерпретация достаточно сложна и далеко не всегда однозначна. Рассматривая их в общем русле развития античной исторической мысли, вместе с тем, следует учитывать существенную отдаленность Северного Причерноморья от главных центров античной цивилизации, и как следствие этого – запутанность и относительную неполноту свидетельств античных авторов. Кроме того, большинство сведений об этом регионе носит фрагментарный характер и дошло до нас далеко не в полном объеме. Те же источники, которым повезло больше, как правило, представляют собой компилятивный материал, основанный на весьма разноплановых и порой противоречивых свидетельствах. Поэтому для восстановления этнографической картины региона важно учитывать все имеющиеся в нашем распоряжении данные.[1]

Скифия была объектом пристального внимания греческих писателей. Это связано с распространением экономической и культурной жизни Эллады путем греческой колонизации побережья Понта Эвксинского. Античные авторы собирали сведения о географическом положении, климате, флоре и фауне, о составе населения, о войнах, торговле, особенностях духовного мира. Несмотря на широкий спектр рассматриваемых проблем, среди дошедших до наших дней сочинений античных авторов нет ни одного, специально посвященного Северному Причерноморью; в лучшем случае этот сюжет представляет собой вставной экс-

---

[1] *Зубарев В.Г.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции: автореф. дис. д-ра ист. наук: 07.00.03. М., 2000.

курс в трудах на иную тему, а чаще всего – краткие попутные замечания. Писатели, не ставившие своей специальной целью дать описание Северного Причерноморья, и вообще с ним мало знакомые, в своих высказываниях, как правило, пользуются собирательными терминами, поэтому большинство сведений имеют обобщающий характер.

Знаменитый греческий историк и географ Геродот, прозванный «отцом истории», живший в V в. до н.э. и посетивший Северное Причерноморье, сообщает, что некогда эту страну занимали киммерийцы.[1] В дальнейшем, предположительно, киммерийцы были вытеснены из Северного Причерноморья скифами на южный берег Черного моря, а затем в Малую Азию. Современные исследователи видят в этом предположении исторический факт миграции скифских племен с востока на запад.

Происхождение этой группы населения доподлинно не известно. Геродот сообщает три легенды о появлении скифского народа. И хотя они противоречили друг другу, он записал все три, следуя своему принципу передачи того, что слышал.

Первая легенда о том, что скифы – пришлое население из Азии, которое под давлением массагетов, было вынуждено мигрировать на запад и, вытеснив киммерийцев, заселить территорию Северного Причерноморья. Данная версия сформировалась на основе описания Геродотом похода Кира против массагетов.[2]

Две другие легенды повествуют о том, что скифы ниоткуда не пришли, а извечно жили в Северном Причерноморье. Сами скифы рассказывали, что они происходят от первого человека Таргитая, у которого было три сына. Сыновьям с неба упали четыре золотых предмета - плуг, ярмо, топор и чаша. Старшие братья пытались взять эти вещи, но золото при их приближении воспламенялось, и только младший сын Колаксай смог овладеть золотыми предметами. Братья, пораженные чудом, отдали ему царскую власть.[3]

Еще одну легенду рассказывали Геродоту причерноморские греки. По этой легенде родоначальником скифов был греческий герой Геракл, который вступил в связь с полуженщиной-полузмеей, обитавшей в тогда еще пустынной Скифии. От этой связи родилось три сына: Агафирс, Гелон и Скиф. Только младший сын Скиф сумел выполнить задачу, завещанную ему отцом, – опоясаться поясом с золотой чашей на пряжке и натянуть лук Геракла, как делал это сам герой. Он и стал родоначальником скифских царей, старшие же братья удалились из страны.[4]

Две последние легенды выдвигают новую версию о местном или автохтонном происхождении скифов. По этому поводу ученые считают, что основное ядро скифов составили пришедшие в VIII в. до н.э. из Средней Азии племена, но

---

[1] *Шелов Д.Б.* Северное Причерноморье 2000 лет назад. М.: Наука, 1975. С. 12.

[2] Геродот. История в девяти книгах, кн. I / Пер. и прим. Г.А. Стратановского; под общ. ред. С.Л. Утченко. Л.: Наука, 1972. С. 76-79. § 205-214.

[3] *Смирнов А.П.* Скифы. М.: Наука, 1966. С. 7-9.

[4] Там же. С. 8-9.

скифы ассимилировали и какое-то другое население, жившее до них в Северном Причерноморье.[1]

Несмотря на это, последние две легенды мифологизированы и носят неправдоподобную информацию. Поэтому основной версией происхождения скифов является первая легенда. Сам Геродот считает ее более надежной.

Если степные племена скифов действительно являются пришлыми, возникает вопрос об их ранней локализации (до прихода в Северное Причерноморье). Сведения Геродота дают две исторических привязки – массагеты и река Аракс и соседство с племенами аримаспов и исседонов. Сложность рассмотрения данного вопроса – спорное расположение вышеупомянутых племен и реки Аракс, поэтому проблема локализации ранних скифов также не имеет однозначного решения.

Для описания местного мира Геродот делит территорию на четыре зоны и ведёт свои наблюдения над описываемой им страной всегда из какого-либо одного избранного им пункта. В данном случае таким пунктом для наблюдений, судя по всем признакам, был избран город Ольвия[2]. Греческая колония была выбрана не случайно, так как «находится в самой середине побережья всей Скифии». Стремление Геродота попасть в такой пункт связано с системой ориентации, которой пользовались его современники и большинство более поздних античных писателей. Географические описания строились на последовательном перечислении городов, стран, народов и т.п., увиденных как бы из центральной точки, где подразумевалось нахождение автора.[3]

Помимо выбранного центрального места наблюдения, основным ориентиром при локализации племен являлись крупнейшие реки Гипанис и Борисфен. Поэтому племена скифов разделяли на две группы: живущие на Гипанисе и западнее его, и живущие у Борисфена и восточнее его. По Гипанису к западу от Борисфена первыми у границ Ольвийского полиса жили каллипиды, затем алазоны, скифы-пахари и, наконец, невры. Территорию к востоку от Борисфена населяли не только скифские, но и другие племена Восточной Европы. Геродот продолжает их описание вплоть до Урала.[4]

Помимо скифского мира Геродот упоминает некоторые племена не скифского происхождения. Так к северу от «скифов-пахарей», в северной части современной Украины и в южной части Белоруссии, располагались земледельческие племена невров. Жители Ольвии, очевидно, никогда непосредственно не сталкивались и знали о них только понаслышке. Сведения об этих племенах поэтому носили весьма неопределённый и, по мнению Геродота, не заслуживающий доверия характер.[5]

---

[1] Там же. С. 9-10.
[2] *Каллистов Д.П.* Северное Причерноморье в античную эпоху. М.: Учпедгиз, 1952. С. 22.
[3] *Скржинская М.В.* Скифия глазами эллинов. СПб.: Алетейя, 2001. С. 88.
[4] Там же. С. 88-90.
[5] *Каллистов Д.П.* Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952. С. 22.

Рядом с неврами где-то в лесостепной полосе левобережного Приднепровья обитали андрофаги, дикое кочевое племя людоедов.[1] В бассейнах Десны и Сейма была распространена земледельческо-скотоводческая культура меланхленов. Восточнее, в районе Среднего Подонья Геродот помещает племена будинов. По восточному берегу Азовского моря жили племена меотов, от которых и само Азовское море получило у греков название Меотиды.[2] В степях Задонья и Заволжья кочевали племена савроматов. Горные районы Крыма населяли предполагаемые потомки древних киммерийцев - тавры.

Таким образом, сведения Геродота обширны и разнообразны. «История» является одним из самых важных письменных источников для получения этнографических сведений о регионе. Геродот в своем труде упоминает раннюю этническую историю Северного Причерноморья, начиная с периода заселения территории племенами киммерийцев. Далее происходит смена этнического состава, причины которой носят легендарный характер. К VII в. до н.э. основным местным населением становятся скифы, которые, вытеснив киммерийцев, заняли степные пространства между Доном и Дунаем. Геродот предоставляет обширные географические сведения о расположении скифских племен и племен нескифского происхождения, что является основой для составления этнографической карты региона. Геродот подробно описывает бытовые особенности и род занятий, что, в итоге, формирует общее представление о скифах как о группе родственных племен, отличавшихся друг от друга условиями жизни и формами хозяйства. Геродот, используя собирательные имена, ясно подчеркивает этническое единство всего скифского мира и отличие скифов от других племен.

Сочинения других авторов немногим дополняют картину Скифии, нарисованную Геродотом. Они содержат лишь отрывочные, обобщающие сведения и являются лишь дополнительным материалом к составлению общей этнографической картины Северного Причерноморья. Основную информацию мы получаем из трудов Геродота, которые являются основными источниками по этнографии данного региона с IV – по I вв. до н.э. Подробное описание Северного Причерноморья, основанное на собственных исследованиях, появится в следующий раз в трудах Страбона лишь в I в. до н.э.

ETHNOGRAPHY NORTHERN BLACK SEA REGION IV-I BB. BC IN ANCIENT GREEK LITERARY TRADITION

Yu.Yu. Kuznetsov (Tula)

The article discusses the ethnography with the Northern Black Sea IV - by I century BC in the writings of the ancient Greek historian Herodotus. There have been marked by Herodotus, the three theories of the origin of the Scythian tribes. The geographical localization of the tribes according to Herodotus.

Keywords: Herodotus, the Northern Black Sea Coast, ethnography, the Scythians.

---

[1] *Шелов Д.Б.* Северное Причерноморье 2000 лет назад. М.: Наука, 1975. С. 23.

[2] Там же. С. 24.

ВЛИЯНИЕ НАЛИЧИЯ И ОТСУТСТВИЯ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ НА ЕВРОПЕЙСКОМ И АЗИАТСКОМ БОСПОРЕ НА ИСТОРИЮ РЕГИОНА

Ю.В. Бузанаков

В данной статье исследуется вопрос о влиянии наличия или отсутствия водных ресурсов на территории Боспорского царства на хозяйственную деятельность колонистов и на историю государства в целом. Помимо этого рассматриваются основные способы добычи пресной воды древними боспорянами. Особенное внимание уделено археологическим данным, полученным в результате раскопок, а также данным палеогеографии.

Ключевые слова: *Боспор, колодцы, водостоки, цистерны, водные ресурсы, палеогеография.*

Палеогеографические условия играли важную, если не решающую роль в освоении древними греками территории Боспора. Они оказали влияние на расселение колонистов, развитие их поселений, а также на хозяйственную деятельность древних боспорян.

При выборе места для заселения греки старательно избирали местность для будущей колонии, при этом особое внимание уделялось наличию пресной воды.

Современный климат Керченского полуострова – засушливый, поэтому водных ресурсов тут немного. Недостаток осадков на территории сделал речную систему полуострова разветвленной системой балок. Тем не менее, по археологическим исследованиям, с античных времен эти места были плотно заселены. Следовательно, реки когда-то были полноводными. Наличие пресной воды всегда было одним из главных условий заселения новых территорий. Геоморфологические исследования показывают, что долины здешних балок были руслами рек, имеются и надпойменные террасы. Наиболее благоприятным районом полуострова в вопросе оснащения пресной водой является зона пролива.

Самые крупные реки и балки Керченского полуострова начинаются от Парпачского гребня и несут воды на север, юг и восток. Одна из наиболее разветвленных сетей расположена на севере и северо-востоке полуострова.

На современном этапе грунтовые воды сосредоточены в северной и восточной частях. Они залегают на глубине не менее 10 м[1]. Ученые предполагают, что в древности водоносный горизонт мог находиться выше, и долины в достатке имели выходы пресной воды. Об этом свидетельствует наличие античных колодцев в тех районах Керченского полуострова, которые на настоящий момент являются самыми маловодными.

Таманский полуостров обеспечен водными ресурсами лучше, чем Керченский. Кроме Кубани, здесь имелась сеть небольших проток, речек и ручьев, зависящих от нее. Практически в любой части полуострова можно было получать питьевую воду колодезным способом. Для поселений, удаленных от берегов рек, а также для расположенных на морском берегу, грунтовые воды были главным источником пресной воды. Важно отметить, что глубина залегания грунтовых вод варьируется о 0,1 до 43 м.

---

[1] *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI-IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. М.: Наука,1985. С. 39-40.

В целом Тамань была в более выигрышном положении, чем Восточный Крым. Это нашло отражение на первых этапах освоения региона, базирующегося на стремлении занять более благоприятные места для размещения поселений. На основе анализа карт Таманского полуострова, Я.М. Паромов выделил наиболее благоприятные зоны для размещения поселений. Для них свойственны, в первую очередь, наличие открытых выходов питьевой воды, или близости водоносных горизонтов, удобство устройства искусственных водоемов, наличие плодородных окружающих земель, рыболовных угодий и пастбищ, защищенности от неблагоприятных погодных воздействий, удобство сухопутных и водных сообщений и многих других, включая красоты окружающей природы[2].

Хорошая обеспеченность водными ресурсами на данной территории подтверждается наличием при поселениях искусственных прудов-водоемов одного, двух или целого каскада. Их следы в виде округлых впадин до сих пор заметны на поверхности и служат верным признаком наличия рядом остатков древнего жилья[3].

Обратимся теперь к влиянию, которое оказывало наличие или отсутствие водных ресурсов на территории Босопора. Рассмотрим конкретные примеры данного влияния. Горизонты грунтовых вод, на побережье Боспора Киммерийского залегают на сравнительно небольшой глубине, и неудивительно, что население активно добывало воду колодезным способом.

На античных сельских поселениях Каменка, Аджимушкай (Партизаны), Ак-Бурун-2 в окрестностях Пантикапея сохранились древние колодцы, используемые и в наше время[4]. В Пантикапее во время раскопок также был обнаружен колодец в нише, устроенной в стене одного из зданий[5]. К северу и северо-востоку от Пантикапея находилось загородное святилище Асклепия. До настоящего времени здесь сохранился особого устройства древний колодец, с подземной наклонной галереей, по ступеням которой можно было спускаться непосредственно к источнику, очевидно считавшемуся целебным[6].

На хоре Нимфея, в районе поселений Героевка-1 и Нижне-Чурбашское-2, также выявлены древние колодцы[7]. В Крымском Приазовье колодцы были обнаружены на поселениях Бакланья Скала, Полянка, Крутой берег, Салачик, Куль-Тепе, Золотое Восточное, а также в Ивановой и Параскиной бухте[8].

Как уже было сказано, Таманский полуостров хорошо оснащен водными ресурсами, и неудивительно, что при раскопках античного города Кепы в 1958 г.

---

[2] *Паромов Я.М.* Пространственная организация античной системы расселения на Таманском полуострове // Таманская старина. Вып.3. Греки и Варвары на Боспоре Киммерийском (VII-I вв. до н.э.). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000. С. 41.

[3] *Паромов Я.М.* Установление охранных зон археологических памятников Таманского полуострова в 1981 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 8602. 127 с.

[4] *Зинько В.Н.* Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского // Боспорские исследования. Вып. XV. Симферополь-Керчь, 2007. С. 35.

[5] *Толстиков В.П.* Раскопки Пантикапея // Археологические исследования в Крыму. 1995 г. Сб. науч. тр. Симферополь: СОНАТ, 2007. С. 151.

[6] *Гайдукевич В.Ф.* Указ. соч. С. 171.

[7] *Зинько В.Н.* Хора городов европейского побережья… С. 35.

[8] *Хохлова Е.В.* Древние колодцы Караларского побережья как тип археологического памятника [Эл. ресурс]. Режим доступа - http://lyceum-1.ru/about/group/collection/ancient_wells/ Дата доступа - 10.09.2014.

был открыт античный колодец в 8 м от современного, который существует, возможно, также с античных времен. По рассказам старожилов, в XIX в. существовали еще два старинных колодца на некотором расстоянии к западу от упомянутых. Теперь эти колодцы не существуют, они затянуты илом и покрыты наступающей водой.

На Таманском городище учеными также были обнаружены остатки древних колодцев. По данным историков таким способом добывали воду и в одном из крупных городов Азиатского Боспора Фанагории. Античный колодец был также обнаружен учеными в 1983 г. при изучении города Акра.

Рассмотрим другие виды добывания и сохранения воды в Боспорском царстве. Одним из способов добычи воды в городе было сооружение водостоков и водосборочных цистерн. При раскопках Пантикапея был обнаружен каменный водосток III в. до н.э. и округлая – в виде конуса – цистерна, плотно выложенная камнем для сбора воды[9]. В столице Боспора цистерна для сбора воды была также обнаружена в стенной нише. Цистерна представляла собой круглое в плане сооружение диаметром 2,5 м. Цистерна и колодец, возможно, представляли собой инженерно-строительный комплекс, служивший для получения, хранения и распределения воды в гарнизоне[10]. При исследовании Нимфея были найдены водостоки с колодцами-водосборниками, система отвода сточных вод. Водостоки и водосборные цистерны были выявлены в Китее. Каменный водосток с водосборной ямой-цистерной был открыт при изучении Гермонассы.

Интересной практикой является сооружение искусственных прудов, водоемов или целых каскадов на Таманском полуострове. В районе бывшей турецкой крепости Хункала находился античный водоем, облицованный каменными плитами, продолжавший использоваться в хозяйственных целях.

Следует упомянуть и о природных источниках воды, используемых греческими колонистами. В Крымском Приазовье крупные родники находятся у юго-восточного берега Чокракского озера, недалеко от одного из них были обнаружены следы античных поселений. Еще один источник расположен в урочище Сююрташ, данный источник грязевой, с водой, не пригодной для питья[11].

Наличие водных ресурсов имело важнейшее значение для хозяйственной жизни боспорян. В первую очередь, вода активно использовалась в земледелии, так как недостаточно только обеспечение активной влагой, только в сочетании с небольшой увлажненностью высокая степень прогревания почв позволит избежать неустойчивости урожаев.

В заключение хотелось бы отметить, что территория Боспорского царства в античное время обладала достаточным количеством водных ресурсов, позволявших вести хозяйство в привычном средиземноморском варианте, с учетом северопричерноморской специфики. Наличие или отсутствие водных ресурсов было одним из ключевых условий для заселения той или иной территории.

---

[9] *Марченко И.Д.* Город Пантикапей // Археологические памятники Крыма. Симферополь: Таврия, 1974. С. 45.

[10] *Толстиков В.П.* Указ. соч. С. 151.

[11] *Хохлова Е.В.* Древние колодцы Караларского побережья как тип археологического памятника [Эл. Ресурс] - http://lyceum-1.ru/about/group/collection/ancient_wells/ . (дата доступа 10.09.2014)

THE INFLUENCE OF THE PRESENCE AND ABSENCE OF WATER RESOURCES IN THE EUROPEAN AND ASIAN BOSPORUS ON THE HISTORY OF THE REGION

Yu.V. Buzanakov

This article explores the question of the effect of the presence or absence of water resources on the territory of the Bosporan Kingdom on the economic activities of the colonists and the history of the state as a whole. In addition discusses the main methods of production of freshwater ancient Bosporan. Special attention is given to archaeological data from archaeological excavations, as well as data paleogeography.

Key words: The Bosporus, wells, drains, tanks, water resources, paleogeography.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ИНОЗЕМНОЙ МОНЕТЫ В ЭКОНОМИКЕ БОСПОРА (VI – 1-Я ТРЕТЬ III В. ДО Н.Э.)

Я.А. Кочергина

Археологические раскопки на территории Боспорских поселений дали ряд Греческих монет. Этот большой нумизматический материал позволяет нам пролить свет на некоторые вопросы экономической истории Боспорского царств. Одним из наиболее интересных проблем Боспорской экономики является роль греческих монет, проникающих на Боспор.

Ключевые слова: *Боспор, иноземная монета, кизикины, статер.*

В ходе археологических раскопок на территории Боспорского царства было обнаружено большое количество монет греческих полисов. В совокупности с публикациями находок, архивными документами, музейными фондами этот накопившийся нумизматический материал позволяет расширить наши представления об экономике Боспора и, в частности, осветить роль греческих монет в его денежном обращении в VI – 1- й пол. III в. до н.э.

Большая работа в этом направлении была проделана А.Н. Зографом, который издал сводку античных монет, найденных на Кавказе, включавшую сведения о греческих монетах[1]. Также особое внимание вопросу об обращении иноземной монеты на территории Боспорского царства уделял Д.Б. Шелов[2].

По мнению Д.Б. Шелова, нет никаких данных об обращении иноземной монеты на Боспоре до возникновения собственной чеканки. Ему были известны только кизикины VI в. до н.э., найденные на Боспоре как в кладах, так и отдельно[3]. Электровые статеры г. Кизика служили международным средством обращения, особенно в районе Понта Евксинского. О распространение кизикинских статеров на Боспоре говорят, прежде всего, находки самих этих статеров на боспорской территории, как отдельными монетами, так и целыми кладами. Затем имеются прямые сведения Демосфена (Demosth. Adv. Form. XXXIV. 23)[4]. Некоторые из нашивных золотых бляшек, столь часто встречавшихся в скифских погребениях Северного Причерноморья, имеют своими прототипами изображения на монетах, в том числе, и на кизикинах V и IV вв. до н.э., а так как большинство этих бляшек изготовлялось, видимо, на Боспоре, то отсюда следует, что кизикины имели хождение в Северном Причерноморье уже в V в. до н.э.

---

[1] *Зограф А.Н.* Античные золотые монеты Кавказа // ИГАИМК. Вып. 110. 1935. С. 186.

[2] *Шелов Д.Б.* Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI-I вв. до н.э. // НЭ. V. 1965. С. 47-50.

[3] *Шелов Д.Б.* Кизикские статеры на Боспоре // ВДИ. 1949. № 2. С. 93-98;

[4] *Прокопенко С.Н.* Экономика Боспора в VI – 1-й трети III в. до н.э. Белгород, 2011. С. 23.

Однако, данные клада из Мирмекия (2003) свидетельствуют, что кизикины ранних групп обращались на Боспоре и в более позднее время. Мирмекийский клад содержит кизикины как VI в. так и V-IV вв. до н.э. Отсюда следует, что в денежном обращении одновременно участвовали кизикины всех хронологических групп. В V-IV вв. до н.э. их приток в Северное Причерноморье значительно увеличился. Исследователям известны единичные находки на Боспоре кизикинов данного периода. Так, например, статер с изображением фигуры Геи с младенцем Эрехтонием, найденный на окраине Фанагории[1], датируется 460-400 гг. до н.э. Статер с изображением головы Зевса–Аммона из раскопок Нимфея относится к 400–330 гг. до н.э.[2]

Большинство найденных на территории Боспорского царства кладов кизикинов относятся к IV в. до н.э. В 1835 г. в Керчи был найден клад, содержавший около 250 кизикинов[3], датируется он 400–330 гг. до н.э. Еще один клад был найден в 2003 г. в Мирмекии. Он содержал в себе около 99 кизикинов и датируется 1-й четв. IV в до н.э. Все остальные известные клады с кизикинами содержали также пантикапейское золото V в. до н.э.

Вне сомнения, большая часть кладов с кизикинами и пантикапейскими статерами была зарыта в 30–х или начале 20–х гг. IV до н.э. По мнению Д.Б. Шелова, превращение этих монет в клады являлось проявлением их демонетизации вследствие наполнения рынка александрийскими статерами[4].

Бесспорно, кизикины оставались единственной иностранной валютой в V и IV вв. до н.э. на Боспоре[5]. Однако в регион проникали и монеты других греческих городов: Фив, Ионии, Афин, Лесбоса и другие. Но клады боспорского серебра включали лишь монеты Кизика, Афин, Самоса.

Среди иноземных монет, найденных на территории Боспорского царства, заметную группу составляют монеты Ионии. Самыми ранними из них являются две мелкие серебряные монеты неизвестного ионийского центра, найденные на Тамани. Обе они принадлежат к одному и тому же типу: «голова льва с раскрытой пастью влево, а на обороте вдавленный квадрат» и датируются V в. до н.э. Первый экземпляр происходит из раскопок Фанагории 2005 г.; второй – территории Таманского полуострова, точное место находки не известно.

Кроме монет приморских городов Ионии на Боспоре встречаются монеты островов Хиоса и Самоса. Ранние серебряные монеты Самоса очень редки на Боспоре. П.О. Бурачков опубликовал рисунок и описание такой серебряной мо-

---

[1] *Голенко К.В.* Кизикинский статер, найденный на Таманском полуострове // История и культура античного мира. М., 1977. С. 37-40.

[2] *Терещенко А.А.* Электровый кизикин из Нимфея // Боспорский город Нимфей. Тезисы докладов конференции. СПб., 1999. С. 71-72.

[3] *Люценко Е.Е.* Описание кладов с древними монетами, найденными на Керченском и Таманском полуостровах, частью в Новороссийском крае (на юге России). Рукопись / Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 28. Д. 22. 1880. С. 6-7.

[4] *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора // НЭ. V. 1965. С. 138.

[5] Там же. С. 129.

неты, которую он принял за боспорскую[1]. Однако А.Л. Бертье–Делагард в своих «Поправках общего каталога монет П.О. Бурачкова» определил ее как монету Самоса. Точно такой же тип с изображением на лицевой стороне головы Геры, а на оборотной головы льва с раскрытой пастью, сзади ∑АМ, был издан Дж. Бэрроном, который отмечал, что эта монета имеет, несомненно, самосское происхождение, и датировал он ее V в. до н.э. Подобные монеты входили в состав Эльтигенского (Нимфейского) клада 1907-1908 гг.[2]

Другие находки самосского серебра на Боспоре нам не известны. Еще Д.Б. Шелов справедливо возражал против высказываемого в археологической литературе утверждения, что на Боспоре часто находят самосские монеты. Он утверждал, что ни самосские, ни какие-либо другие монеты, кроме кизикинов, не имели регулярного хождения на Боспоре в VI-V вв. до н.э., хотя, конечно, отдельные монеты разных городов периодически случайно попадали в Северное Причерноморье[3].

Одной из самых ранних иностранных монет на Боспоре является биллоновый лесбосский гемистатер из раскопок в Пантикапее[4]. На лицевой стороне его изображена голова теленка влево, а на оборотной стороне – quadratum incusum[5]. Эта первая ранняя монета Лесбоса, зафиксированная в Северном Причерноморье. А.И. Анисимов полагал, что данная монета не могла обращаться на денежном рынке Пантикапея и попала в боспорскую столицу случайно, в результате торговых операций, которые активно осуществлялись между ионийскими центрами и Северным Причерноморье в VI-V вв. до н.э.

Находки монет греческих городов Северного Причерноморья не столь многочисленны на Боспоре; следовательно, монеты этих центров не играли сколько–нибудь заметной роли на боспорском денежном рынке. Тем не менее, исследователям известно уже 39 находок монет указанных центров давших в целом 43 монеты, из которых на долю Херсонеса приходится 15 экземпляров, Ольвии – 23, Тиры – 5[6].

В свое время Д.Б. Шелов отмечал почти полное отсутствие монет Херсонеса на Боспоре и пришел к заключению о том, что они сюда практически не попадали. Однако, находки свидетельствуют об обратном и предполагают достаточно тесные херсонеско-боспорские связи. Ранние херсонеские монеты проникают на Боспор уже в IV в. до н.э. В Горгиппии зарегистрирована находка херсонеского типа «голова льва-звезда», датируемого сер. IV в. до н.э.

Ранние монеты Херсонеса найдены также при раскопках в Фанагории в 2008 г. Тип «квадрига – коленопреклоненный воин, CER», датируемый 350-330

---

[1] *Бурачков П.О.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней России. Ч. I. Одесса, 1884. С. 162, № 173. Табл. XXII, 171.

[2] *Зограф А.Н.* Античные монеты // МИА. № 16. 1951. С. 164.

[3] *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора в VI-II вв. до н.э. М.: Наука, 1956. С.43.

[4] *Анисимов А.И.* Монеты из раскопок Пантикапея 1977-1986 гг. // Археология и искусство Боспора. СГМИИ. Вып. 10. М., 1992. С. 329-330.

[5] Там же. С. 350.

[6] *Шелов Д.Б.* Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора… С.50.

гг. до н.э. или 339 г. до н.э., обнаружен в затопленной части Фанагории. Вторая группа монет из Фанагории датируется 350-330 гг. до н.э.[1]

Боспоро-ольвийские связи отражают находки ольвийских монет на ряде боспорских городищ. Ольвийские дельфины V в. до н.э. зарегистрированы в Фанагории, Мирмекии, Нимфее. Ольвийские «борисфены» кон. IV - 1-й пол. III вв. до н.э. найдены в Пантикапее, Нимфее и Фанагории.

Как известно, кизикины и пантикапейские статеры были вытеснены с боспорского рынка золотом Филиппа II и Александра Великого. Статеры Александра III никогда не встречались в кладах, зато их находят на городищах и в погребениях, особенно на Таманском полуострове.

Первой зафиксированной находкой был золотой статер Филиппа II, найденный в 1818 г. в гробнице в кургане рядом с Фанагорийской крепостью. В Пантикапее была случайно найдена четверть статера Филиппа II (вес - 2.12 г).

Подобно кизикинам, которые на Боспоре были сменены александровскими статерами, статеры Александра Великого постепенно уступили место золоту Лисимаха. Первые лисимаховские статеры, попавшие на Боспор, были отчеканены еще при его жизни (т.е. в самом конце IV или начале III в. до н.э.) и ходили параллельно с посмертными выпусками Александра Великого. Однако основная масса лисимаховского золота, найденного на Боспоре, принадлежит к более позднему времени. Они выпускались городами Западного Причерноморья и особенно Византием после смерти Лисимаха в III–II вв. до н.э. Статер Лисимаха был обнаружен в гробнице на Комендантской горе около Фанагории. М.И. Ростовцев упоминал статер Лисимаха, найденный в Фанагории, и статер Александра Великого, найденный среди погребального инвентаря в могиле на Зеленой горе, рядом с Фанагорией[2].

Очевидно, что только статеры Кизика, золото Македонии и статеры александрийского типа играли важную роль в денежном обращении Боспора. Все остальные греческие монеты, приникавшие на Боспор, представлены единичными находками в разных городах и лишь демонстрируют определенные связи, и, в том числе, торговые контакты, между Боспором и греческими центрами в различных областях античного мира.

THE ROLE AND VALUE OF FOREIGN COINS IN THE ECONOMY OF THE BOSPORUS (VI – EARLY CENTURY B.C.)

J.A. Kochergina

Archaeological excavations on the territory of the Bosporan settlements gave a number of Greek coins. This large numismatic material allows us to shed light on some aspects of the economic history of the Bosporan Kingdom. One of the most interesting problems of the Bosporus economy is the role of Greek coins, penetrating to the Bosporus.

Key words: Bosphorus, foreign coin, Kizik, stater.

---

[1] *Новичихин А.М.* Херсонесская монета с хоры Горгиппии // ВДИ. 2008. № 1. С. 38-41.

[2] *Зограф А.Н.* Статеры Александра Македонского и Лизимаха в керченских и таманских находках // Бюллетень Керченской конференции археологов СССР. Вып. 3. Л., 1926. С. 3-4.

СИНОПСКИЕ КЛЕЙМА КАК ИСТОЧНИК ПО ТОРГОВЫМ ОТНОШЕНИЯМ БОСПОРА (КОН. 2-Й ЧЕТВ. VI – 1-Я ПОЛ. II В. ДО Н.Э.)

Н.Е. Лукьянова

Автор статьи пытается проследить динамику поставок синопской продукции на Боспор в период с конца 2-й четв. VI по 1-ю пол. II в. до н.э. Исследование основано на археологическом материале (амфорные клейма Синопы). В статье предпринимается попытка дать описание торговых отношений между Синопой и Боспором, в рассматриваемый период.

Ключевые слова: *Синопа, Боспор, клейма, амфоры, торговля, импорт, астиномы, магистраты.*

Синопа в античное время считалась одной из ведущих колоний Древней Греции, располагавшихся в южной части побережья Чёрного моря. В античности Синопа являлась одним из основных торговых агентов Боспора. Свидетельством этого выступает большая коллекция амфорных материалов, а именно клейм тарных амфор. Изучение клейм очень важно в исследовании торговых взаимоотношений античных центров, к тому же, они обладают рядом преимуществ по сравнению с другими археологическими источниками:

– клейма являются более массовыми находками;

– датировка клейм по имени магистрата более точна, учитывая их частую смену;

– амфорные клейма никогда не подвергались вторичной переработке, как, например, монеты, поэтому попадали в культурный слой сразу, сохраняя свою историческую ценность;

– тарные амфоры редко использовались больше одного года, тем самым, позволяя более точно произвести датировку.

Приоритет амфорных клейм в датирующем материале глубоко очевиден, но все же, информативность клейм используется исследователями не полностью. Клейма Синопы к настоящему времени изучены лучше, чем оттиски другого производственного центра, в котором производилось массовое клеймение керамической тары. Подтверждением этого стало возникновение в последнее десятилетие трех новых классификационных схем синопского клеймения, созданных Н. Коновичи[1], Н.Ф. Федосеевым[2] и И. Гарланом.[3] Предложенные схемы по замыслу их создателей должны заменить ставшую классической, но устаревшую систему, разработанную в нач. XX в. Б.Н. Граковым[4].

Все авторы новых схем стремятся распределить известных им синопских астиномов в хронологической последовательности. Однако остаются суще-

---

[1] *Conovici N.* Probleme all chronologieamphorelorstampilatesinopeene.Stampilete din Grupaa IV-A (B.N. Grakov) // SCIVA. 1989. T. 40. № 1.

[2] *Федосеев Н.Ф.* Итоги и перспективы изучения синопских астиномных клейм // Греческие амфоры. Саратов, 1992.

[3] *Garlan Y.* Remarquessur les timbres amphoriques de Sinope // Academie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus d esse ancea del’anne. Avril-juin 1990. P. 490-507.

[4] *Граков Б.Н.* Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929.

ственные разночтения в определении как относительных, так и абсолютных дат большого числа магистратов.

Синопские клейма сгруппированы в различные типы и варианты, и ранжированы во времени. Входящие в состав каждой из крупной серии со временем видоизменялись, и возникает возможность с учетом определенного набора признаков выделить различные разновидности клейм. В итоге есть возможность создать единую типологическую классификацию оттисков, что дает шанс выявить общие закономерности практики клеймения в разных производственных центрах[1].

Для выделения типологии клейм учитываются три наиболее важных элемента: форма; надпись; эмблема клейм[2]. Можно выделить четыре типологические группы синопских клейм. Критерием служит расположение надписи и указание имен астинома, а также название магистратуры[3].

С учетом данных критериев существует единый список признаков характеризующих синопские клейма. Всего выделено девять признаков, каждый из которых имеет несколько вариантов: форма изображения легенды; состав легенды; написание и расположение имени магистрата; написание имени керамарха; расположение имени магистрата; эмблема[4]. Однако данное классифицирование не является безошибочным в связи с отсутствием хронологического критерия. Но оно все же выполняет основные правила типологии. В целом, выделенные признаки отражают форму написания, расположения названия магистратуры в написании легенды клейма, место написания имен, характер эмблемы, и т.д.

Таким образом, во всех анализируемых сериях клейм наблюдается определенная устойчивость формул легенды в разные периоды времени, что и позволяет начинать работу именно с создания развитой типологии оттисков. На данном этапе удается не только осуществить группировку исходного материала, но и, определив логику развития основных составляющих клейм каждой из анализируемой серий, получить предварительную информацию о хронологической последовательности отдельных вариантов и типов.

С кон. V - нач. IV в. до н.э. в отдельных средиземноморских и причерноморских центрах - крупных производителях и экспортерах винодельческой продукции - стало осуществляться массовое клеймение керамической тары. Видимо проявление этой практики было связано с желанием государства ввести надзор над производством амфор и вывозом продукции в них[5]. Начинаются первые поставки синопской продукции на Боспор. Основным экспортом Синопы на Боспор является оливковое масло, реже вино[6]. Экспорт из Синопы начался еще в V в. до н.э. Доказательством раннего экспорта служит керамический материал синопского происхождения обнаруженный в Ольвии, Херсонесе, а самое главное

---

[1] *Граков Б.Н.* Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929. С.23

[2] *Кац В.И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. Вып. XVII. Симферополь-Керчь, 2007. С. 141.

[3] Там же. С. 142.

[4] Там же. С. 156.

[5] Там же. С. 182.

[6] *Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. № 83. С. 91.

на Боспоре (Пантикапей, Нимфей). В период афинской гегемонии Синопа пользуется определенными экономическими преимуществами на Черном море, как афинская клерухия[1]. Однако своего расцвета Синопа достигает примерно в то же время, что и Боспорское царство в IV в. до н.э. В это время античные государства Северного Причерноморья становятся основными торговыми партнерами Синопы. Об этом свидетельствуют находки на территории Северного Причерноморья синопские клейма (общее количество обнаруженных к 1963 г. составляет 4926 керамических клейм)[2]. Поставки из Синопы занимают почти равное место импорту из Родоса[3].

В кон. IV – нач. III в. до н.э. Синопа продолжает развивать торговые отношения с теми же центрами, что и в предыдущий период. Объем синопских поставок заметно возрастает. Доля Боспора достигает 60% от общего экспорта Синопы. При этом надо учитывать чрезвычайную неравномерность использования синопских поставок в европейской и азиатской части. Основная часть товаров из Синопы оседала на европейской части Керченского пролива, на азиатскую часть (Таманский полуостров) проникала лишь незначительная часть. Это можно объяснить конкуренцией со стороны Родоса на восточной стороне Боспора[4]. На заметный рост товарооборота между Боспором и Синоной в кон. IV – нач. III в. до н.э., повлияла успешная деятельность боспорского царя Евмела.

В дальнейшее время вплоть до кон. III в. до н.э., экспорт товаров, поставляемых из Синопы на Боспор, достигает уже 70%. Этот период обладает самыми высокими показателями в боспоро-синопской торговле. В последующий период идет сокращение синопских поставок по всем черноморским центрам[5].

В кон. III - нач. II в. до н.э. происходит сокращение торговых отношений Синопы с Боспором и Северо-Западным Причерноморьем. 1-я пол. II в. до н.э. характеризуется последующим сокращением синопской торговли. Во 2-й пол. II в. до н.э. происходит мощный расцвет внешней синопской торговли. Основной поток товаров из Синопы снова хлынул на Боспор, где он составил больше половины от всех импортных товаров.

MARK SINOPE AS A SOURCE OF TRADE RELATIONS OF THE BOSPORUS (THE END OF THE SECOND QUARTER OF THE VI – THE FIRST HALF OF THE II CENTURY BC)

N.E. Lukyanova

The article seeks to trace the dynamics of supply Sinop products on the Bosporus in the period from the end of the second quarter of the VI - the first half of the II century B.C. This study is based on the archaeological material, namely the brands amphoras mainly of Sinope. The article gives a detailed description of trade relations between Sinop and the Bosporus, specifically in certain periods of their development.

Key words: Sinop, Bosporus, brands, amphorae, trade, import, astonomy, magistrates.

---

[1] *Брашинский И.Б.* Экономические связи Синопы в IV-II вв. до н.э. // Античный город. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 136.

[2] Там же С. 140.

[3] *Граков Б.Н.* Указ. соч. С. 32.

[4] *Шелов Д.Б.* К истории связей эллинистического Боспора с Родосом // СА. XXVIII. 1958. С. 356.

[5] *Брашинский И.Б.* Указ соч. - С. 136.

БОСПОРСКАЯ ВОЙНА 45-49 ГГ.

А.С. Татарников (Тула)

В статье рассматривается военное развитие Боспорского царства в середине I в. н.э. На основе событий римско-боспорской войны 45-49 гг. н.э. делается вывод о высоком уровне боспорской армии, усвоившей многое из достижений своих союзников и врагов.

Ключевые слова: *армия Боспора, война, вооружение, тактика.*

С конца I в. до н.э. Боспор прочно вошел в сферу влияния Римской империи, которая была заинтересована в сохранении его как вассального государства, способного контролировать военно-политическую обстановку в Северном Причерноморье и на границах ближайших к нему провинций. На протяжении последующих двух с половиной столетий единственная попытка изменить эту ситуацию и выйти из-под власти Рима была связана с правлением боспорского царя Митридата VIII (39-45 гг. н.э.), когда большая часть подвластных ему и сопредельных земель оказалась охвачена Боспорской войной 45-49 гг. Целью нашей работы является попытка осветить военное дело Боспорского царства во время войны 45-49 гг.[1] Несмотря на повышенное внимание к указанной проблеме, она явно еще недостаточно изучена.

Сборным пунктом переправленных морем в Таврику военных сил Римской империи, видимо, стал Херсонес, всегда тяготившийся зависимостью от Боспора и, скорее всего, выделивший отряд вспомогательных войск для участия в походе[2]. Переброска армии и дальнейшие военные действия должны были потребовать привлечения значительного количества не только военных, но и транспортных кораблей.

Армия А. Дидия Галла вытеснила Митридата VIII с европейской стороны Боспора, где он, судя по всему, не пользовался всеобщей поддержкой. Тогда же боспорский царь мог лишиться и флота. По крайней мере, одно морское сражение должно было состояться, ведь позднее Митридат произнес фразу о том, что его «на протяжении стольких лет на суше и на море преследуют римляне» (Tac. Ann. XII.18).

Отчетом о предпринятых в тот период военных действиях мог пользоваться Плиний Старший при написании своей «Естественной истории», поскольку он прямо указывает, что при исчислении расстояний между городами и поселениями Боспора дает «размеры, определенные в наше время, когда даже в самом Киммерийском устье велась война» (Plin. Hist. Nat. VI.3)[3].

М.В. Скржинская, анализируя приведенную им информацию, отметила достаточно высокую точность ее для европейской части, тогда как описание го-

---

[1] *Горончаровский В.А.* Боспор и Рим в правление Митридата VIII // Античное государство: политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб., 2002. С. 197-206.

[2] *Кадеев В.И.* Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981. С. 19; *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя: очерки военно-политической истории. Киев, 1994. С. 22.

[3] *Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.). СПб., 2009. С. 266.

родов азиатской стороны Боспора отличается неконкретностью и значительно меньшей определенностью[1].

В римской армии точно составленным планам тех местностей, где идет война, придавалось огромное значение (Veget. III.6). Это нужно было для того, чтобы знать путь следования от одного населенного пункта к другому и иметь представление о естественных препятствиях. Вероятно, демонстрация римлянами военной силы оказалась настолько убедительной, что города и ряд зависимых племен на другой стороне пролива поспешили выразить свою покорность.

Для поддержания спокойствия и укрепления власти нового, неопытного по молодости, царя Котиса на Боспоре были оставлены несколько когорт под командованием Гая Юлия Аквилы, а общий контроль был возложен на администрацию провинции Вифиния, которая вскоре перешла под управление императорского прокуратора[2]. К сожалению, та часть «Анналов» Тацита, где содержался рассказ о низложении Митридата и воцарении Котиса, была утрачена, и дальнейший ход войны, вплоть до ее завершающей фазы, может быть реконструирован только приблизительно.

После потери трона Митридат не собирался складывать оружие. В это время он, скорее всего, находился у своих союзников сираков. Поворотным моментом в ходе всей кампании стала осада города Успы, главного города сираков – союзников Митридата VIII, точное местонахождение которого до сих пор не известно. Потеря крепости, выход сираков из войны, а следовательно, и утрата сиракской конницы, в скором времени вынудили Митридата VIII к капитуляции, что лишний раз подчеркивает значение союзной варварской кавалерии для ведения масштабной войны близ границ Боспора. Бывший царь был вынужден прибегнуть к милосердию вождя аорсов Евнона, который стал добиваться от императора согласия не вести пленника в триумфальном шествии и сохранить ему жизнь[3].

Упомянутые события имели большие последствия не только для укрепления римского господства в Северном Причерноморье и изменения этнической ситуации в этом регионе, но и для развития военного дела Боспора. Вероятно, именно после них среди представителей зажиточной части местного общества получает распространение тяжелый пластинчатый или чешуйчатый доспех и соответствующий набор наступательного вооружения, ранее характерный только для варваров на службе боспорским царям[4].

Заимствование ряда элементов сарматского вооружения и снаряжения коня не могли не сказаться на развитии тактики, которой придерживалась армия правителей Боспора. Естественно, заимствования в этой области воспринима-

---

[1] *Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А.* Ук. соч. С. 266-267; *Скржинская М.В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977. С. 65–66.

[2] *Harris B.F.* Bithynia: Roman Sovereignty and the Survival of Hellenism // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. 1980. Bd. 7. Hf. 7. P. 878 ff.

[3] *Горончаровский В.А.* Боспор и Рим … С. 197-206; *Горончаровский В.А.* Римско-боспорский конфликт 40-х гг. I в. н.э. // ВДИ. 2003. № 3. С. 129-138.

[4] *Горончаровский В.А.* Боспор и Рим … С. 197-206.

лись не механически, а перерабатывались в соответствии с местными условиями. Учитывая структуру боспорской армии, большая роль, скорее всего, отводилась координации действий пехоты с тяжелой и легкой конницей.

Для условий Северного Причерноморья, где преобладает ровная открытая местность, в ходе боевых операций можно предполагать большую роль военного обоза, использовавшегося боспорской армией в целях снабжения и обороны полевого лагеря еще при Спартокидах (Diod.XX. 22). Повозки, поставленные кругом, легко было использовать для предотвращения внезапного нападения в ночное время и в целях эффективной обороны после неудачи в сражении. Подобное укрепление могло на время дать надежную защиту от врага, сдержать атаку его конницы, в нем хранились военное снаряжение и продовольствие

Наибольший эффект действий панцирной кавалерии достигался ее атакой на строй противника плотно сомкнутой массой всадников с пиками при надежном прикрытии флангов[1]. После прорыва линии обороны и отсутствия необходимости перестроения бой для катафрактариев[2], в том случае, если противник обладал сходным вооружением, очевидно, превращался в серию отдельных поединков. Легковооруженные всадники могли не только начинать сражение, осыпая противника стрелами, или заниматься его преследованием, но и поддерживать в наступлении катафрактариев, которые старались решить исход битвы стремительным натиском и рукопашной схваткой.

Таким образом, главная роль при столкновении с противником отводилась коннице, сопоставимой по численности и составу вооружения с сарматской, тогда как тяжелая пехота была основой боевого порядка. В случае необходимости, она могла успешно наступать или противостоять атаке вражеских всадников, встретив ее стеной щитов. Легковооруженные воины под прикрытием тяжелой пехоты, очевидно, покидали строй для метания дротиков и возвращались на свое место, или взаимодействовали с конницей при атаке.

Таким образом, мы считаем, что армия Боспора в середине I в., усвоившая военные достижения своих союзников и врагов, имела высокий для того времени уровень.

BOSPOR' WAR 45-49 AD

A.S. Tatarnikov (Tula)

In this article I examine the level of military development kingdom of Bosporus in the middle of the first century AD. On the basis of events Roman - Bosporan war 45-49 years AD I conclude on a high level Bosporan army, which has learned a lot from achievements of their allies and enemies.

Keywords:army Bosporus, war, armament, tactic.

---

[1] *Горончаровский В.А.* Стратегия и тактика боспорской армии первых веков н.э. // Материалы V Боспорских чтений. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь. 2004. С. 96-103.

[2] *Горончаровский В.А.* К вопросу о боспорских катафрактариях // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов н/Дону, 1992. С. 40-42.

КУЛЬТ БОГА ВЫСОЧАЙШЕГО В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ КАК МЕТОД КУЛЬТУРНОЙ ЭКСПАНСИИ РИМСКОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

О.И. Краюшкина (Тула)

В статье исследуется сложная тема распространения культа Бога Высочайшего в Северном Причерноморье во II–III вв. По мнению автора, в основе данного феномена лежит не только идеологический кризис античного мира первых веков н.э. Учитывая, что этот культ вобрал в себя черты и римской культуры, и ряда восточных верований, римляне целенаправленно использовали его с целью привлечения и удержания на своей стороне враждебных сармат и, в первую очередь, варварскую знать, занимавшую весомые позиции в Боспорском обществе. Очевидно, что синкретический культ Бога Высочайшего являлся не только важным элементом духовной жизни Боспорского царства, но и методом культурной экспансии, дипломатическим инструментом, с помощью которого римская власть пыталась окончательно утвердиться не только на Боспоре, но и в окружающем его сарматском мире.

Ключевые слова: *Римская империя, Боспорское царство, Бог Высочайший, сарматы, дипломатия, культурная экспансия.*

Одним из важных дискуссионных вопросов духовной культуры в Боспорском царстве является проблема сущности и генезиса культа Бога Высочайшего. Несмотря на посвященную ему обширную историографию, исследователи до сих пор не пришли к единому выводу о возникновении и природе этого культа. Вероятно, подобная ситуация связана не только с ограниченным количеством источников, но и со стремлением охарактеризовать этот религиозный культ отдельно от социально-политических условий, в которых он распространялся. Также необходимо отметить, что в отечественной историографии недостаточно подробно рассматривались некоторые важные письменные источники, как, например, сочинения Григория Нисского и Григория Богослова. Не менее интересными являются противоречия между работами отечественных и зарубежных историков, тем более, что первые нередко пытаются ограничить территорию распространения культа. Все перечисленные выше проблемы демонстрируют необходимость дальнейших исследований.

В отечественной историографии существует общепринятая точка зрения, что культ Бога Высочайшего появляется на Боспоре в начале II в. н.э.[1] Тем не менее, зарубежные исследователи склонны существенно расширять и хронологические, и территориальные рамки данного религиозного течения. Так, интересной является точка зрения, согласно которой данный культ возникает во 2-й пол. I в. н.э. и территориально охватывает не только Северное Побережье Черного моря, но и Грецию (в частности, провинцию Македония)[2], и Малую Азию (провинция Каппадокия) [3], и даже остров Крит[4]. На наш взгляд, причиной такого несоответствия являются особенности возникновения и распространения данного культа. При

[1] *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949. С.433.
[2] *Tsalampouni E.G.* The Cult of Theos Hypsistos in Thessalonica and the First Christian Community of the City. ISBL Meeting, London. P. 2.
[3] *Van der Horst P.W.* Studies in Ancient Judaism and Early Christianity. Leiden, 2014. P.155.
[4] *Collar A.* Religious Networks in the Roman Empire: The Spread of New Ideas. Cambridge, 2014. P.252.

этом, чтобы определить территориальные рамки более точно, необходимо решить вопрос о тождественности секты ипсистериан и почитателей Бога Высочайшего. Другим важным вопросом, который поможет понять, как распространялись эти верования на римской территории, является роль иных религиозных идей, существовавших на востоке империи, в формировании данного культа.

Несмотря на многообразие точек зрения в историографии, мы склонны доверять мнению о синкретическом характере данного культа[1]. В пользу этой теории говорит его широкая распространенность на территориях, имеющих существенные различия по культурным и религиозным параметрам. Тем не менее, в данном культе верховное божество имеет характерные черты сразу нескольких богов, которым поклонялись как на Востоке, так и на Западе империи – Митры[2], Зевса, Сабазия[3], Яхве. Отсюда возникает вопрос: что именно из множества религиозных культов на границах империи можно относить к почитанию Бога Высочайшего, а что, напротив, имеет территориально ограниченный характер и является чисто местным божеством. В связи с этим интерпретация многих археологических находок затрудняется[4]. В данном случае очевидно, что большая часть из них не имеет отношения к культу, т.к. типичным для него было отсутствие изображений бога, существовал только образ некоего божества фригийского происхождения – посланника Бога Высочайшего (верхом на скачущем коне с развевающимся плащом сзади)[5]. Следовательно, наиболее ранний и заслуживающий доверия источник о Боге Высочайшем – эпиграфические памятники Боспорского царства (в Танаисе, Горгиппии и Пантикапее)[6], ведь именно здесь проявляется главная особенность этого культа, ярко отражающая все религиозные тенденции, существовавшие на восточных границах Рима: отход от поклонения идолам, стремление к абстрактному восприятию божественного начала, отрицание жертвоприношений.

Однако и само значение этого культа как примера языческого монотеизма[7], также имеет первостепенную важность. То, что уже не совместное поклонение материальному воплощению бога – идолу, а участие в совершенно иной, установленной обычаем системе социальных связей между фиасотами является основным критерием принадлежности к религиозной группе, демонстрирует

---

[1] *Shurer E.* Die Juden im Bosporanishen Reische und die Genossenschaften der sebomenoi theon hypsiston ebendaselbst // Sitzungsberichte der königlich preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1897. S. 200-225; *Гайдукевич В.Ф.* Ук. соч. С. 433-434; *Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон. М., 1972. С. 278-281.

[2] *Blavatskiĭ V.D., Koshelenko G.A.* Le culte de Mithra sur la côte septentrionale de la Mer Noire. Leiden, 1966. P.7.

[3] *Шелов Д.Б.* Ук.соч. С. 279.

[4] *Болтунова А.И.* К истории Танаиса (по данным эпиграфики) // Klio. 1965. 42. С. 195-209; *Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А.* Люди и их боги: религиозное мировоззрение в Понтийском царстве // Человек и общество в античном мире. М., 1998. С.432; *Кошеленко Г.А., Гаибов В.А.* Всадник у алтаря: от Танаиса до Мерва // Древности Боспора. М., 2005. Вып. 8. С. 259-266; *Завойкина Н.В.* Гипотезы и иконография рельефа на стеле 104 г. из Танаиса (КБН 1259) // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб, 2004. С.192.

[5] *Mitchell S.* The Cult of Theos Hypstistos between Pagans, Jews and Christians // Pagan Monotheism in Late Antiquity. Oxford,1999. P.103-104, 117.

[6] КБН №№ 64, 1260, 1261, 1277-1289, 1123, 1125, 1126.

[7] *Mitchell S.* Op. cit. P. 100-101.

принципиально новый для всей ойкумены характер культа. Что касается письменных источников, в которых упоминается культ Бога Высочайшего, их число немногочисленно, а значение также неоднозначно. В частности, встает вопрос о взаимосвязи культа и секты ипсистариан. Наиболее важными доказательствами являются сочинения Григория Богослова (Orat.XVIII.5), в котором он упоминает о принадлежности своего отца, Григория Назианина старшего к ипсистарианам, труды Епифания Кипрского о сектах (важно отметить, что ипсистариане как таковые в нем не упоминаются, но общепринятой является точка зрения о соответствии им сект эвфемитов и мессалиан)[1]. В качестве второстепенных письменных источников исследователи называют работы Тертуллиана[2] (Ad nationes, I, XIII) и сатирика II в. Персия (Satire, V, 179–184). Все эти письменные источники также указывают на ряд характерных обрядовых черт культа (поклонение огню, отсутствие жертвоприношений и т.д.). При этом все данные черты были распространены практически во всей восточной части империи без особенных изменений. Таким образом, однозначно указать конкретное место происхождения этого верования не представляется возможным.

Тем не менее, мы склонны согласиться с рядом исследователей, что генезис данного культа проходил именно на территории Боспорского царства[3]. Главным доказательством является большое количество эпиграфических памятников, упоминающих Бога Высочайшего на этой территории. Если рассматривать исторический процесс, происходивший в Боспорском царстве в первые века н.э., то можно заключить, что именно здесь появился ряд значимых предпосылок для возникновения единого монотеистического культа, в котором были сильны как эллинские, так и восточные (сарматские, иудейские) элементы. При этом выгодное с точки зрения культурного и этнического взаимодействия географическое положение Боспорского царства становится одной из причин того, что из Боспора религиозные идеи распространялись дальше в Причерноморском регионе, а впоследствии и в других районах империи. Например, каппадокийская секта ипсистариан, поклонявшаяся тому же Богу Высочайшему, о которой упоминает Григорий Богослов (Orat.XVIII.5), явно заимствовала традицию фиасов – религиозных групп (их участниками могли быть только мужчины)[4], что также прямо указывает на Боспорское царство как место возникновения культа.

С другой стороны, в Боспорском царстве римское влияние было особенно сильным еще с начала I в. н.э. При этом любая идея, не вписывавшаяся в традиционные римские ценности, естественно, вызывала обеспокоенность в центре империи. Почему тогда римляне, яростно преследовавшие христиан, вполне лояльно относились к иному монотеистическому культу?

Исходя из вышеприведенных фактов о культе Бога Высочайшего, нам кажется наиболее вероятной следующая гипотеза о распространении данного фе-

---

[1] Творения святого Епифания Кипрского. Часть 5. М., 1882. С.292.

[2] *Barnes, Timothy*. Tertullian: A Historical and Literary Study, Clarendon Press, Oxford, 1971. P. 237.

[3] *Тачева-Хитова М.* О культе ΘΕΟΣ ῩΨΙΣΤΟΣ на Боспоре // ВДИ. №1. 1978. С. 133-142; *Диатроптов П.Д.* Распространение христианства в Северном Причерноморье. Автореф. канд. ист. наук. М., 1988. С. 5-6.

[4] *Завойкина Н.В.* Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М., 2013. С. 7-8.

номена на Боспоре. В середине II в. н.э. в Северное Причерноморье хлынула новая волна кочевых племен, так называемых поздних сармат, тем самым, создавая угрозу северо-восточным рубежам империи и ее влиянию в регионе. Положение усугубляла постоянно усиливавшаяся аланская угроза на Кавказе, на восточных рубежах Боспора и также в Северном Причерноморье. Со стороны римской администрации было очевидно, что в данном случае нельзя действовать чисто военными методами, как минимум, из-за недостатка вооруженных сил на территории, а также из-за ряда тяжелых для империи восточных кампаний[1]. Именно поэтому Риму, как и раньше в подобных ситуациях, пришлось прибегнуть к дипломатическим методам. При этом в своем стремлении усилить римское влияние на знать Боспора и родственные ей сарматские кланы, римляне не только апеллировали к историческому опыту боспорян (в частности, к образу дружественной Риму царицы Динамии, возводившей свою генеалогию к Ахеменидам), но и явно развивали на данной территории политику культурной экспансии[2]. По нашему мнению, именно поэтому в этот период на Боспоре, получает широкое распространение монотеистический культ Бога Высочайшего.

С одной стороны, к его генезису римляне не имели прямого отношения. С другой, синкретический по своему характеру, этот культ явно вобрал в себя черты и римской культуры, и ряда восточных верований. Поэтому подобный инструмент идеологического воздействия не мог остаться без внимания римлян. Логичным с их стороны было бы использование культа Бога Высочайшего с целью привлечения и удержания на своей стороне враждебных сармат и, в первую очередь, варварскую знать, занявшую весомые позиции в Боспорском обществе. Вот почему часть этой знати, была превращена в своеобразных посредников между римской цивилизацией и сарматским миром, когда на равных с эллинами правами она была организована в общину танаитов и расселена в Танаисе. Разумеется, эта община также являлась почитателями данного божества[3]. Не менее важным для римлян являлся и монотеистический характер культа, который, в отличие от языческих верований, распространял в рядах варваров идею о единовластии[4], устанавливал большое количество разнообразных табуированных ритуалов, также приучавших сарматский элемент к римским ценностям.

С другой стороны, этот культ был близок и понятен сарматам, так как заимствовал многие элементы из варварской культуры. Устойчивость такого симбиоза демонстрирует то, что данный культ не только распространился по всей восточной части империи, но и просуществовал вплоть до IV-V вв.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что синкретический культ Бога Высочайшего является не только важным элементом духовной жизни Боспорского царства, но и методом культурной экспансии, дипломатическим инстру-

---

[1] *Campbell B.* The Severan Dynasty // CAH. XII: The Crisis of Empire. Cambridge, 2005.

[2] *Ярцев С.В.* К вопросу о появлении общины танаитов на Боспоре во второй половине II века до н.э. // Политика и общество. 2014. №5 (113).С.500.

[3] *Ярцев С.В.* Ук. соч. С.494-500; *Завойкина Н.В.* Ταναεῖται в истории Боспорского царства // Древности Боспора. М., 2004. Вып. 7. С. 163-197.

[4] *Harland Ph.A.* Familial Dimensions of Group Identity: “Brothers” (ἀδελφοί) in Associations of the Greek East // JBL. 2005. Vol.123. N.3. P. 85-107.

ментом, с помощью которого римская власть пыталась окончательно утвердиться не только на Боспоре, но и в окружающем его сарматском мире. Данный пример показывает, насколько разнообразными были приемы, использовавшиеся в римской внешней политике, не ограничивавшейся лишь слепым применением военной силы.

THE CULT OF THEOS HYPSTISTOS (THE MOST HIGH GOD) IN THE NORTHERN BLACK SEA REGION AS A METHOD OF ROMAN DIPLOMACY CULTURAL EXPANSION

O.I. Krayushkina (Tula)

In the article the complicated topic of Theos Hypstistos cult's dissemination in the Northern Black Sea region in II-III centuries A.D. is observed. In author's opinion, this phenomenon is based not only on the ideological crisis of the Antique society of the first centuries A.D. Taking into consideration that this cult absorbed the Roman culture and Eastern beliefs' features the Romans used it purposefully in order to attract and keep the hostile Sarmatians on their own side, first of all its nobility that was on the high place in the Bosporan society. Obviously the syncretic cult of Theos Hypstistos was not only an important element of the Bosporus spiritual life, but also a method of the cultural expansion, a diplomatic instrument, which helped to spread the Roman power not only on the Bosporus but also in the Sarmatic world.

Key words: Roman empire, Bosporan kingdom, Theos Hypsistos, Sarmatians, diplomacy, cultural expansion.

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ НОВОГО САКРАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА НА ГОРОДИЩЕ «БЕЛИНСКОЕ» В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ[1]

С.В. Ярцев (Тула)

Статья посвящена сложному вопросу хронологии нового сакрального комплекса на городище «Белинское» в Восточном Крыму. Комплекс включает в себя пять каменных кругов и стационарный алтарь. Предварительно он был датирован авторами раскопок позднеантичным и хазарским временем. Новый материал, полученный в ходе исследований 2014 г., позволил уточнить предварительную датировку этого интересного памятника.

Ключевые слова: *Боспор, святилище, алтарь, христианство, амфоры.*

Городище «Белинское» расположено на западной границе Боспора и в целом датируется началом II – первой третью V в. н.э.[2] В VIII в., после появления на античных развалинах носителей салтово-маяцкой культуры, жизнь здесь вновь возобновилась.

В ходе исследований 2008-2012 гг. на раскопе «Восточный» был выявлен сакральный комплекс, включавший в себя стационарный алтарь и пять каменных кругов, сложенных из необработанных камней мелких и средних размеров, диаметром от 1,4 до 2,3 м. Очевидно, что алтарь, учитывая наличие на нем еще и жертвенника с чашеобразным углублением для возлияния вина, был связан с ранним христианством.

Каменные круги, синхронные подобным сооружениям на некрополе Илурата, также использовались для совершения культовых обрядов. Они были интерпретированы нами как место, где совершались трапезы любви – поминальные

---

[1] Работа выполнена в рамках задания Минобрнауки РФ № 2014/389 (НИР № 1799).

[2] Раскопки памятника с 1996 г. проводит Белинская археологическая экспедиция. Начальник экспедиции – д.и.н., проф. Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого В.Г. Зубарев.

агапы, популярные среди ранних христиан в первых веках н.э. На это указывают такие факты, как вырубленный христианский крест с рыбой и птицей, в центре одного из кругов на Илурате, наличие систем для пролива жидкости на обоих памятниках и связь их с погребениями.

Однако каменные круги были не характерны для ранних христиан, поэтому варварская основа данных памятников также очевидна. Здесь отчетливо прослеживается сармато-аланское, германское и даже позднескифское влияние. Изначально круги, по-видимому, играли роль святилищ, где происходила связь мира живых и мира мертвых. Обряды здесь совершались с опорой на человеческие погребения, кровавые жертвоприношения (как правило, животных) и возлияния вином. Не исключено, что именно по этим причинам, впоследствии данное место и было выбрано христианами для проведения агап. При этом круги №№ 3 и 5, скорее всего, были переложены или даже сложены заново уже в хазарское время. Вероятно, переселенцы были уверены, что эти памятники были, как-то связаны с производством вина, столь важного для них сейчас, поэтому пытались умилостивить сверхъестественные силы, которые, как они предполагали, и раньше обеспечивали божественную поддержку этому процессу[1].

Приведенные выше выводы опирались, в том числе, и на датировку указанного памятника. Так, круги №№ 1, 2, 4 и алтарь стратиграфически, как казалось, на первый взгляд, были связаны со слоем последней четверти III – середины IV в. н.э., хотя, по всей видимости, продолжали функционировать и во второй половине IV – первой трети V в. Круги №№ 3 и 5, относящиеся к позднему слою золистой супеси, были отнесены нами уже к салтовскому периоду[2].

В 2014 г., в ходе проведения дальнейших исследований на раскопе «Восточный», алтарь и каменные круги были разобраны (алтарь перенесен в безопасное место), что позволило уточнить предложенную выше датировку этого памятника.

Так, алтарная вымостка и камни кладки кругов №№ 1, 2 и 4 были сложены на слое золистой супеси 2-й пол. IV – 1-й трети V в. Под алтарем мощность данного слоя составила 0,3 м, под кругами до 0,1 м. Слой рыхлый, с большим количеством раковин мидий и виноградной улитки, кусочков древесного угля. Материал из слоя под алтарем содержал две амфорные пробки, грузило пирамидальной формы из необожженной темно-коричневой глины и небольшое количество фрагментов лепной, краснолаковой, красноглиняной и светлоглиняной керамики. Амфорный материал представлен ручкой типа «84» по И.Б. Зеест и ножкой амфоры типа «F» по Д.Б. Шелову. Розовоглиняные амфоры «84» по И.Б. Зеест имеют широкую датировку II-III – IV вв.[3] Узкогорлые светлоглиняные амфоры типа «F» по Д.Б. Шелову[4], несмотря на отсутствие единой точки зрения

---

[1] См. подр. *Зубарев В.Г., Ярцев С.В.* Новый сакральный комплекс на городище «Белинское» в Восточном Крыму // ПИФК. 2014. №1. С. 86-101.
[2] *Зубарев В.Г., Ярцев С.В.* Ук. соч. С. 86-87.
[3] *Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. С. 116. Таб. XXXV, 84; *Абрамов А.П.* Античные амфоры Периодизация и хронология // Боспорский сборник. 1993. Вып. 3. С. 48-49, тип 6.30-6.33.
[4] *Шелов Д.Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н.э. Классификация и хронология // КСИА. 1978. № 156. С. 19-20. Рис. 10; *Šelov D.B.* Les Amphores d’ Argile Claire des Premiers Siecles de Notre Ere en Mer Noire // Bulletin de Correspondance Hellenique. Supl. XIII. Recherches sur les amphores Grecques. Athenes, 1986. P. 398-399. Fig. 1F.

на точные хронологические рамки их бытования, можно датировать в целом IV в.[1]

Непосредственно под кругами №№ 1 и 2 в самом основании кладки в слое золистой супеси были выявлены фрагменты керамики, из которых отметим венчики амфор «84» и «100» по И.Б. Зеест и типа «D» по Д.Б. Шелову. Тип «100» по И.Б. Зеест традиционно датируют концом III-V вв.[2], хотя иногда сдвигают нижнюю хронологическую границу до середины III в.[3], а верхнюю вплоть до первой четверти VII в.[4] Хронология типа «D» по Д.Б. Шелову обычно не выходит за рамки последней четверти (конца) II–III в. н.э.[5]

Материал непосредственно из кладки круга № 1 представлен небольшим количеством амфорных стенок и венчиком амфоры типа «F» по Д.Б. Шелову, из кладки круга № 2, также небольшим количеством амфорных стенок, ручкой сероглиняного кувшина, венчиком амфоры типа «F» и венчиком и ручкой амфор типа «E» по Д.Б. Шелову. При этом фрагменты последней амфоры были выявлены в самой верхней части кладки.

Хронология узкогорлых светлоглиняных амфор типа «E» по Д.Б. Шелову обычно представляется 2-й половиной/концом IV – 1-й половиной V в.[6] Однако предлагалось считать время бытования подобных амфор в пределах конца III-IV

---

[1] *Зеест И.Б.* Ук. соч. С. 122; *Гей О.А.* О времени появления черняховской культуры в Северном Причерноморье // СА. 1986. 31. С. 80-81; *Щукин М.Б.* Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор // СА. 1968. №2. С. 42; *Шелов Д.Б.* Ук. соч. С. 19; *Кравченко Н.М., Корпусова В.М.* Деякі риси матеріальної культури пізньоримської Тіри // Археологія. 1975. №18. С. 31; *Крапивина В.В.* Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н.э. Киев, 1993. С. 94-95; *Сазанов А.В.* Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 19; *Šelov D.B.* Les Amphores … P. 400; *Rădulescu A.* Amfore romane si romane-bisantine din Scythia Minor // Pontica. Constanţa, 1976. Vol. IX. S. 106. VII, 1, 1a; *Scorpan C.* Contribution a la Connaissance de certains types céramiques Romano-Byzantins (IVe-VIIe siecles) dans l'espace Istro-Pontique // Dacia. Bucarest, 1977. T. 21. P. 269-270; *Abadie-Reynal C.* Les Amphores Romaines en Mer Noire (Ier – IVe s.) // Production et Commerce des Amphores Anciennes en Mer Noire. Cedex, 1999. P. 256. Fig. 1F; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 253. Таб. XII, 3; *Юрочкин В.Ю., Зубарев В.Г.* Комплекс с монетами IV века из раскопок городища Белинское // ДБ. 2001. №4. С. 465; *Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А.* Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи // ХСб. 2003. Вып. XII. С. 217.

[2] *Зеест И.Б.* Ук. соч. С. 120. Таб. XXXIX, 100; *Крапивина В.В.* Ук. соч. С. 98. Рис. 31, 4-6; *Abadie-Reynal C.* Op. cit. P. 261; *Garlan Y., Kassab Tezgör D.* Prospection d'ateliers d'amphores et de ceramiques de Sinope // Anatolia Antiqua. 1996. IV. P. 327, 331. Fig. 9; *Erten H.N., Kassab Tezgör D., Isik R., Zararsiz T., Zararsiz A.* The Typology and Trade of the Amphorae of Sinope. Archaeological Study and Scientific Analyses // Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean. Acts of the International Colloquium at Danish Institute at Athens, September 26-29, 2002. 2004. Vol. 5. P. 104. Fig. 1b; *Зубарев В.Г., Шапцев М.С.* Комплекс с амфорами типа с SNP I («Делакеу») из раскопок городища «Белинское» // Боспорские чтения. Керчь, 2014. Вып. XV. С. 190-196.

[3] *Абрамов А.П.* Ук. соч. С. 49. Рис. 60. Тип 7.1-7.2; *Sazanov A.* Les amphores de l'antiquite tardive et du Moyen Age: continuité ou rupture? Le cas de la mer Noire // La céramique médiévale en Méditerranée. Actes du Vie Congrés de L'AIECM. 1997. P. 90. Fig. 1, 12; *Шаров О.В.* О времени появления амфор типа Делакеу // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2005. С. 293.

[4] *Sazanov A.* Op. cit. P. 90. Fig. 1,2.

[5] *Шелов Д.Б.* Ук. соч. С. 18-19. Рис. 7-8; *Абрамов А.П.* Ук. соч. С. 46-47, тип 6.8-6.10; *Abadie-Reynal C.* Op. cit. P. 255-256. Fig. 1d; *Внуков С.Ю.* Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Ч. II. Петрография, хронология, проблема торговли. СПб., 2006. С. 166, тип С IVD.

[6] *Деопик Д.В., Круг О.Ю.* Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками // СА. 1972. №3. С. 102; *Шелов Д.Б.* Ук. соч. С. 19; *Šelov D.B.* Op. cit. P. 398; *Abadie-Reynal C.* Op. cit. P. 256; *Абрамов А.П.* Ук. соч. С. 50.

вв.[1] и даже, с учетом классификации на два хронологических варианта, датировать этот тип концом IV – 2-й четвертью VI в.[2]

Выявлен керамический материал и из кладки круга № 4. Он представлен ручкой красноглиняного кувшина, стенками краснолаковой и лепной посуды и нескольким десятком фрагментами различных амфор. Среди них венчики амфор типа «72» и «100» по И.Б. Зеест, и тип «F» по Д.Б. Шелову. «72» тип хорошо соответствует другому материалу, так как он обычно датируется довольно широкими временными рамками, начиная со II-III вв.[3], а также IV в.[4] и даже более поздним временем[5].

Материал из кладок кругов №№ 3 и 5 в целом подтвердил сделанные нами предварительные выводы о датировке указанных памятников хазарским временем. Так, почти полное отсутствие античного материала демонстрирует кладка круга № 3. Здесь были выявлены лишь несколько керамических (гончарных и лепных) стенок, венчик пифоса (последний вплотную примыкал к кругу с северной стороны и сам был обложен по кругу несколькими крупными необработанными камнями), венчик горшка салтовского типа и венчик амфоры, так называемого причерноморского типа, которая в целом датируется VIII-XI вв.[6] В кладке круга № 5 также были выявлены лишь несколько фрагментов гончарных и лепных стенок. Одна из них с характерным волнообразным орнаментом между двумя прямыми параллельными линиями, имеет прямое отношение к салтово-маяцкой культуре.

Таким образом, анализ приведенного выше материала, свидетельствует о возведении: кругов №№ 1,2 и 4 — в сер. – 2-й пол. IV в.; алтаря - в конце IV – начале V в.; кругов №№ 3 и 5 - в хазарское время.

TO THE QUESTION OF DATING THE NEW SACRAL COMPLEX ON BELINSKOE HILLFORT IN THE EASTERN CRIMEA

S.V. Yartsev (Tula)

The article is dedicated to the complicated question of new sacral complex on Belionskoe hillfort in Eastern Crimea chronology. The complex includes five stone circles and a stationary altar. As a preliminary the authors of excavation dated it as the periods of Late Antiquity and Khazars. The new material got as a result of 2014 researches let us to specify the preliminary dating of this interesting monument.

Key words: Bosporus, sanctuary, altar, Christianity, amphoras.

---

[1] *Зеест И.Б.* Ук. соч. С. 121-122. Табл. XLI, 104.

[2] *Сазанов А.В.* О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. №4. С. 43-44. Рис. 1,4; *Сазанов А.В.* Поздние типы … С. 20.

[3] *Зеест И.Б.* Ук. соч. С. 111-112. Таб. XXX, 72; *Шелов Д.Б.* Ук. соч. С. 74-75, 80; *Абрамов А.П.* Ук. соч. С. 47, тип 6.11-6.13; *Крапивина В.В.* Ук. соч. С. 97. Рис. 30, 1-3.

[4] *Böttger B.* Die Gefässkeramik aus dem Kastell latrus // Latrus-Krivina. Berlin, 1982. Bd. II. S. 44, 95-96. Fat. 21, 5-9; *Topoleanu F.* Ceramica romană și romano-bizantină de la Halmyris (sec. I–VII d. Ch.). Tulcea, 2000. P. 149-150, 279. Pl. XLVIII, 384-385.

[5] *Сазанов А.В.* Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV – V вв. // ПИФК. 1999. Вып. VII. С. 237-239. Рис. 7.

[6] *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. С. 32; *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев, 1990. С. 26; *Баранов И.А, Майко В.В.* Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII – первой половины X в. // Българите в Северното Причерноморие. В.Търново, 2000. Т. VII. С. 85; *Антонова О.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И.* Средневековые амфоры Херсонеса // Античная древность и средние века. Свердловск, 1971. Вып. 7. С. 89; *Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Тиритака. Раскоп XXVI. Археологические комплексы VIII-X вв. Симферополь; Керчь, 2009. С. 35-50.

КОРМУШКИ БЕЛИНСКОГО ГОРОДИЩА В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

Е.А. Демидова (Тула)

В статье проведено исследование и анализ кормушек, найденных во время раскопок Белинского городища. В ходе соотнесения полученных данных с остеологическим материалом указанного памятника, автор приходит к выводу о преобладании в первых веках нашей эры на городище кормушек универсального типа.

Ключевые слова: *кормушки, Боспорское царство, домашнее хозяйство, скот.*

Археологическое исследование городища «Белинское», расположенного на западных границах Боспорского царства, ведется с 1996 г.[1] Время существования городища определяется началом II – первой половиной V в. н.э.[2] За период раскопок здесь было найдено большое количество материала, который дает нам обширную информацию о жизни и быте обитателей городища, в том числе о ремеслах, промыслах и домашнем хозяйстве.

В числе прочих предметов, ценные сведения мы можем получить благодаря исследованию найденных на городище кормушек для животных. Кормушка – изделие прямоугольной формы с углублением (часто тоже прямоугольной формы), обычно изготавливаемое из цельного блока мягкой породы, как правило, желтого ракушечника. Использовались они в качестве вместилища корма для животных. Питаться из кормушки могли как довольно небольшие по размеру домашние животные, так и крупный рогатый скот с лошадьми.

В ходе раскопок Белинского городища кормушки, как целые, так и фрагменты, выявлялись неоднократно. Есть и несколько спорных находок. Так, можно предположить, что камень с искусственным углублением, найденный в 2003 г., также являлся кормушкой, так как его размеры и форма аналогичны подобным предметам. Это относится и к изделиям, обнаруженным в 2000 и 2003 гг., и предположительно отнесенным к тарапанам. Они также могли являться кормушками, так как в них отсутствуют характерные для тарапана отверстия или желоба, необходимые для слива сусла, если только данные резервуары не служили в качестве специальных емкостей для накопления последнего.

Не стоит забывать о размерах кормушек, так как они явно были связаны с тем или иным видом животного. Так, например, очевидно, что кормушки с низкими бортами (около 20 см) больше всего походят для небольших животных, а с высокими (примерно 40–50 см) – для наиболее крупных животных, таких как коровы и лошади[3]. В этой связи вызывает интерес, что на территории Белинского городища преобладают кормушки средних размеров.

Соотнесем полученные данные с исследованиями остеологических остатков на городище. А.К. Каспаров в своей статье «Фаунистические остатки посе-

---

[1] Начальник Белинской археологической экспедиции д.и.н., проф. Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого В.Г. Зубарев.

[2] *Зубарев В.Г.* Возможности использования амфорных инноваций при датировании слоев и комплексов поселений (из практики раскопок городища «Белинское») // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2005. Вып. X. С. 80–89.

[3] *Гуськов А.А.*О кормушках // Атлас пещерных городов Крыма. Путешествие к строителям и обитателям пещер. Харьков, 2008. С. 49.

ления Белинское в Восточном Крыму» отмечает серьезные изменения в сельском хозяйстве Боспора на рубеже нашей эры. По его мнению, в это время идет заметное сокращение мелкого рогатого скота, доминировавшего ранее, и ведущую роль начинает играть корова, причем не только в качестве источника мяса и молока, но и в качестве тяглового животного[1]. В свое время И.Т. Кругликова также утверждала о возрастании на Боспоре доли крупного рогатого скота в первых веках[2].

В целом с этими данными хорошо согласуется недавнее исследование В.Г. Зубарева. Основываясь на материале Белинского городища, ученый приходит к выводу, что поголовья мелкого и крупного рогатого скота в первых веках действительно претерпевают серьезные изменения. Однако В.Г. Зубарев относит их к середине III в., когда Белинское городище подверглось разрушению. Судя по фаунистическим остаткам, относящимся к периоду со II в. н.э. по 70-е гг. III в. н.э. (первому строительному периоду) 50% еще приходится на мелкий рогатый скот, а резкое увеличение доли крупного рогатого скота происходит лишь на втором этапе развития городища[3].

Найденные на территории Белинского городища кормушки датируются либо последней четвертью III – серединой IV в., либо IV – 1-й пол. V в н.э., следовательно, все они использовались в период преобладания крупного рогатого скота. В этой связи отметим, что кормушки Белинского городища, несмотря на то, что они являлись довольно разнообразными по своей длине, почти все имели примерно одинаковую среднюю высоту (около 20 – 30 см). По нашему мнению, это происходило из-за того, что при такой высоте они являлись практически универсальными, то есть подходили как для средних животных, так и для молодняка крупного рогатого скота. Вот почему именно кормушки таких размеров получили наиболее широкое распространение в данный период на городище. Возможно, это было связано с недостаточной кормовой базой в указанное время, из-за чего крупный рогатый скот мог забиваться еще в молодом возрасте.

Таким образом, сведения, полученные в результате изучения кормушек городища «Белинское», хорошо соотносятся с данными остеологического анализа этого памятника. Широкое распространение средних по размеру кормушек, вероятно, было связано с универсальностью их применения для различных особей.

FEEDERS OF BELINSKOE HILLFORT AT EAST CRIMEA

E.A. Demidova (Tula)

In the article I conductresearch and analysis of feeders, which have been foundon the territory of theBelinskoehillfort. I producecorrelationthe received data with the results of the study of osteological material on the territory. ThereafterI produce the correlation of the results.

Keywords: feeders, kingdom of Bosporus, household, livestock.

---

[1] *Каспаров А.К.*Фаунистические остатки поселения Белинское в Восточном Крыму // Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. СПб., 2001. Ч. II. С. 266 – 273.

[2] *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время. М., 1996. С. 127–128.

[3] *Зубарев В.Г., Жутенкова М.О.* Фаунистические остатки из раскопок городища «Белинское» (по результатам работ 1996–2012 гг.) // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрёстке: Материалы международной конференции. СПб., 2013. С. 729–732.

ЧЕРНЯХОВСКАЯ КЕРАМИКА БЕЛИНСКОГО ГОРОДИЩА

И.А. Путина (Тула)

Данная работа представляется первым целенаправленным исследованием черняховской керамики, найденной в ходе многолетних раскопок на Белинском городище в Восточном Крыму. Отмечаются ближайшие аналоги, затрагиваются вопросы происхождения данной посуды.

Ключевые слова: *Боспорское царство, Белинское городище, черняховская культура, черняховская керамика.*

Белинское городище расположено на северном участке Узунларского вала, на высоком плато в 1,5 км от с. Белинское[1]. Пограничное положение и наличие главной северной дороги, ведущей к столице Боспорского царства, придавало городищу особый статус. Время существования начало II– середина V в. Первоначально Белинское городище в качестве мощной крепости[2] служило базой для крупного боспорского военного соединения, участвовавшего в борьбе против крымских скифов. В дальнейшем этнический состав населения постоянно менялся. В конце II – 1-й пол. III в. здесь были расселены поздние скифы[3]. Со 2-й пол. III в. отмечено присутствие выходцев с Северного Кавказа, скорее всего аланов[4]. В IV в. на городище была расселена группировка варваров из районов Северного Приазовья, имеющая прямое отношение к германцам[5].

Сложная этническая ситуация на городище, безусловно, находит свое отражение и на многочисленном материале, выявляемом в ходе археологических раскопок. Стратиграфически здесь фиксируются три слоя, условно имеющих отношение к определенному строительному периоду. Первый слой, серо-коричневый суглинок, относится к началу II в. – середине – 3-й четверти III в. Второй слой, желто-коричневый суглинок, датируется последней четвертью III – серединой IV в. Третий слой золистой супеси хронологически связан с 3-й четвертью IV – 1-й пол. V в. В этой связи отметим, что помимо многочисленных

---

[1] Раскопки памятника с 1996 г. проводит Белинская археологическая экспедиция. Начальник экспедиции – д.и.н., проф. Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого В.Г. Зубарев.

[2] *Зубарев В.Г.* Городище «Белинское» в системе фортификации Европейского Боспора в I-II вв. н.э. // Боспорские чтения. Militaria. Керчь, 2008. Вып. IX. С. 116-122.

[3] *Зубарев В.Г., Ярцев С.В.* Новое культовое погребение из раскопок городища Белинское // Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011. Вып.XII. С. 144-149; *Зубарев В.Г., Ярцев С.В.* Ритуальные захоронения в сакральной практике жителей городища Белинское // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2012. Вып. XXVI. С. 275-282.

[4] *Зубарев В.Г.* К вопросу об этническом составе жителей сельских поселений Европейского Боспора в III–IV вв. н.э. (по материалам городища Белинское и его некрополя) // Боспорские чтения. Актуальные проблемы. Керчь, 2009. Вып. X. С. 175-178.

[5] *Зубарев В.Г., Ярцев С.В.* К вопросу о расселении приазовских германцев в Крыму // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. Вып. XVII. С.329-338; *Зубарев В.Г., Ярцев С.В.* К вопросу об этнической принадлежности позднеантичного населения городища «Белинское // Роль университетов в поддержке гуманитарных научных исследований: Материалы III Всерос. науч.-практ.конф.: В 5 т. Тула, 2008. Т.3. С. 17-26; *Зубарев В.Г., Ярцев С.В.* К вопросу о религиозной жизни и этнической идентификации варваров Северного Приазовья и Крыма позднеантичного периода // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2008. Вып. XIX. С.113-128; *Зубарев В.Г., Ярцев С.В.* Ритуальные захоронения … С. 282-286.

находок, типичных для того или иного античного поселения, на Белинском городище встречаются фрагменты сероглиняной и серолощеной посуды, причем довольно определенных форм, что вместе с качеством отделки заставляет обратиться к поиску аналогов. Несмотря на то, что анализ материалов отчетов экспедиции показывает равномерное распределение сероглиняной керамики по всем трем слоям, именно во 2-м и 3-м слое встречаются фрагменты сероглиняной и серолощенной керамики, сильно напоминающие черняховскую посуду как по форме, так и по качеству отделки. По большому счету, это не должно вызывать удивления, ведь именно в это время в Северном Причерноморье активно проходил процесс формирования черняховской культуры[1].

Особо следует выделить несколько десятков фрагментов лепных сероглиняных мисок очень хорошего качества, аналоги которым есть на памятниках черняховской культуры[2]. По мнению В.П. Власова, некоторые фрагменты лощенных лепных мисок с полусферическим или усечено-коническим туловом и резко загнутыми краями, отделенными от тулова четко выраженным ребром, обычно считаются имитацией аналогичных краснолаковых сосудов. Однако в тех случаях, когда на памятниках они фиксируются в слоях и комплексах после середины III в., особенно если ранее такая посуда здесь не встречалась, ее присутствие следует расценивать как проявление керамических традиций черняховской археологической культуры, привнесенных германцами.

Интерес также вызывает фрагмент миски с прямыми расходящимися кверху стенками[3], аналог которой известен в черняховской культуре, однако о происхождении этих мисок пока ничего определенного сказать нельзя[4]. Не вызывает сомнений, что формы некоторых лепных мисок с Белинского городища в точности подражают черняховской сероглиняной гончарной посуде. Так, нами было отмечено значительное сходство наших образцов с типом гончарной округлой миски со специально профилированным венчиком[5] и с типом реберчатых мисок, которые характеризуются ярко выраженным перегибом корпуса вплоть до выраженного перелома, когда сосуд имеет четко обозначенную биконическую или цилиндроконическую форму[6]. Не исключено, что лепные миски Белинского городища являлись непосредственной имитацией указанных черняховских форм. Мы не будем вдаваться в причину этого феномена, однако отметим, что и на самих памятниках черняховской культуры встречаются лепные подражания черняховским же, биконическим гончарным мискам. Укажем, например, на лепные миски с выделенным ребром из Каменки-Анчекрак и Александровки[7].

---

[1] *Щукин М.Б.* Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПБ., 2005. С. 161-162.

[2] *Зубарев В.Г.* К вопросу об этническом составе … С. 177, 181. Рис. 3.

[3] Там же.

[4] *Никитина Г.Ф.*Классификация лепной керамики черняховской культуры // СА. 1966. №4. С. 80. Рис. 3, 21; *Гудкова А.В.* I-IV вв. в Северо-Западном Причерноморье (культура оседлого населения // STRATUM plus. 1999. №4. С. 330.

[5] *Гудкова А.В.* Ук. соч. С. 331. Рис. 46, 3, 4.

[6] Там же. Рис. 47, 6, 7; 48, 3,8.

[7] *Магомедов Б.В.* Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1987. С. 49, 59. Рис. 19, 6-9.

Из гончарной посуды Белинского городища в слоях конца III – 1-й пол. V вв. отметим появление сероглиняных серолощенных сосудов[1]. Они довольно сильно напоминают округлобокий тип черняховских кувшинов, классификацию которых в свое время детально разработал Б.В. Магомедов[2]. Главной особенностью таких сосудов являлся шаровидный корпус. При этом очень часто они, как и в вариантах с Белинского городища, были без ручек и без орнамента. Кувшины этого типа получили довольно широкое распространение в черняховской культуре[3], что отчасти может объяснить появление таких форм на Белинском городище.

Однако самой интересной находкой представляется гончарный биконический сосуд с ручкой, также весьма близкий по форме черняховским аналогам[4]. Уже то, что он происходит из позднеантичного расчлененного захоронения, произведенного в центре городища, вызывает к нему неподдельный интерес. Авторы раскопок интерпретировали обряд данного захоронения как целенаправленную имитацию целого тела[5]. В этой связи, может быть, именно поэтому для погребения потребовался кувшин с достаточно резко выделенной биконической формой. Во всяком случае, полностью исключить такой вариант нельзя. По мнению В.Г. Зубарева, данный сосуд близок по форме к черняховским аналогам, хотя и не идентичен им[6]. Действительно, кувшин только на первый взгляд напоминает германские образцы. Например, форма кувшина из погребения могильника Брест-Тришин[7] почти идентична сосуду с Белинского городища. Похожа даже валикообразная поверхность верхней части тулова. Расчес кувшина (гребнем по сырой глине) с Белинского городища затронул только небольшой участок ручки, тогда как аналог из Брест-Тришина был расчесан по кругу всего биконического выступа. Но главное отличие - в наличии на крымском образце декоративных выступов, более характерных для аланской керамики[8]. Все это хорошо согласуется с находками на Белинском городище фрагментов посуды, имеющей северокавказские параллели[9]. Кувшин из погребения городища Белинское является явным подражанием исходной форме[10].

Таким образом, отметим, что на Белинском городище доминирует посуда, имитирующая исходные черняховские образцы, нежели оригинальные черняховские изделия. Это вполне соответствует выводам о расселении в позднеантичное время на городище особого контингента варваров, имеющих к населению черняховской культуры лишь опосредованное отношение.

---

[1] *Зубарев В.Г.* К вопросу об этническом составе … С. 177, 181. Рис. 4.
[2] *Магомедов Б.В.* До навчення черняхівського гончарного посуду // Археологія. 1973. Т.12. С. 80-87.
[3] *Гудкова А.В.* Ук. соч. С. 335.
[4] *Зубарев В.Г.* К вопросу об этническом составе … С. 177, 181. Рис. 4.
[5] *Зубарев В.Г., Ярцев С.В.* Ритуальные захоронения … С. 285-286.
[6] *Зубарев В.Г.* К вопросу об этническом составе … С. 177.
[7] *Гей О.А., Бажан И.А.* Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997. С. 108. Рис. 36, 11.
[8] *Абрамова М.П.* Ранние аланы Северного Кавказа III-V вв. н.э. М., 1997. С. 32-33. Рис. 17, 11;18, 12.
[9] *Зубарев В.Г.* К вопросу об этническом составе … С. 177.
[10] Там же.

CHERNYAKHOV CERAMICS ON BELINSKOE HILLFORT

I.A. Putina (Tula)

This work represents the first purposeful teaching of chernyakhivska pottery found during in the course of many years of excavations Belinsky hillfort in the Eastern Crimea. Marked the closest analogues are addressed questions of the origin of the dishes.

Keywords: kingdom of Bosporus, Belinskoye hillfort, cherniahovs'ka Culture cherniahovs'ka ceramics.

ЛАПИДАРНЫЕ НАХОДКИ ГОРОДИЩА БЕЛИНСКОЕ (СЕЗОН 2014 г.)

А.А. Секенова (Тула)

В статье каталогизируются лапидарные находки городища Белинское за 2014 год с целью их дальнейшего исследования.

Ключевые слова: *Боспор, городище «Белинское», ремесла, камнетесное дело.*

Раскопки городища Белинское ведет с 1996 г. Белинская археологическая экспедиция Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого под руководством д.и.н., проф. В.Г. Зубарева.

Городище Белинское (II-V вв.) расположено вблизи одноименного села в Восточном Крыму, в непосредственной близости от Узунларского вала. Городище занимает узловое место в системе обороны западных рубежей Европейского Боспора и одновременно находится на пересечении путей, ведущих в Центральный, и Западный Крым[1].

В 2014 г. раскопки проводились на городище и на некрополе. На городище (раскоп Восточный) были выявлены остатки большого помещения неясного предназначения и огромное количество ям, среди которых некоторые имели явно не хозяйственное предназначение. Из находок на городище можно отметить фрагменты амфор, жертвенник, жернов, курильницу, костяную иглу и много других предметов. При этом отдельно в списке находок стоит выделить большое количество обнаруженных изделий из камня.

Целью данной статьи является каталогизация и категоризация лапидарных находок для более эффективной работы с ними в будущем.

Каталог:

1. Строительный блок из желтого ракушечника с выступом-пазом (0,64х0,38х 0,15-0,12; паз - выступ 0,06; длина 0,34) (п. о. № 147). Грунт заполнения ямы №131.

2. Строительный блок прямоугольной формы из желтого ракушечника с выступом-пазом (0,54х0,35х0,15). Паз длиной 0,33; ширина 0,03. На одной из сторон прослеживается углубление прямоугольной формы (0,2х0,4) (п. о. № 156) Грунт заполнения ямы № 131.

---

[1] *Зубарев В.Г.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005. С. 284-285.

3. Строительный блок прямоугольной формы из желтого ракушечника (0,23х0,15х0,5) (п. о. №157). Грунт заполнения ямы № 131.

4. Строительный блок прямоугольной формы из желтого ракушечника (0,48х0,14х0,23). Сбоку сохранилось углубление круглой формы (d=0,07; глубина 0,01) (п. о. № 158). Грунт заполнения ямы № 131.

5. Крышка от ямы прямоугольной формы из желтого ракушечника (0,6х0,4х0,05-0,1) (п. о. № 155). Грунт заполнения ямы № 117.

6. Крышка ямы из желтого ракушечника (0,5х0,55х0,7-0,8). Грунт заполнения ямы № 122.

7. Фрагмент плоской крышки от ямы из желтого ракушечника (0,4х0,3х0,06). Грунт заполнения ямы №133.

8. Крышка от ямы овальной формы из желтого ракушечника (0,6х0,67х0,05-0,1) (п.о. №154; к. о. № 9). Грунт заполнения ямы № 117.

9. Крышка от ямы из желтого ракушечника (п. о. № 438; к. о. № 23). Грунт заполнения ямы № 136.

10. Фрагмент каменной обкладки ямы из желтого ракушечника (0,6х0,2х0,08) (п. о. № 161). Грунт заполнения ямы №132.

11. Фрагмент обкладки ямы из желтого ракушечника (0,6х0,4х0,2).

12. Фрагмент обкладки ямы из желтого ракушечника (0,34х0,32х0,1). Грунт заполнения ямы № 122.

13. Фрагмент каменной обкладки ямы из желтого ракушечника (0,6х0,23х0,14) (п. о. № 159; к. о. № 10). Грунт заполнения ямы №132.

14. Фрагмент каменной обкладки ямы из желтого ракушечника (0,75х0,23х0,14) (п. о. № 160; к. о. № 11). Грунт заполнения ямы №132.

15. Корыто (кормушка) вырубленное из цельного блока из желтого ракушечника (п.о. № 140; к.о. № 7). Грунт заполнения ямы № 126.

16. Кормушка (корыто) из желтого ракушечника (п. о. № 524; к. о. №27) (0,34х0,42-0,46х0,20). Грунт заполнения ямы № 134.

17. Жернов. Желтый ракушечник (толщина 0,035-0,025; d=0,4)88а.

18. Фрагмент тарапана из желтого ракушечника (0,4х0,15). Грунт заполнения ямы № 122.

19. Культовый тарапан (центральный камень алтарной вымостки) (п. о. №391; к. о. № 19). Слой золистой супеси прокоп под алтарной вымосткой.

20. Антропоморф из желтого ракушечника (0,32х0,32х0,07) (п. о. № 499; к. о. № 24). Грунт заполнения ямы № 122.

21. Изделие из известняка со сквозным отверстием (жертвенник) (38,5х35,0х43,0; отверстие d=0,25-0,17). Грунт заполнения ямы № 123.

22. Изделие из ракушечника, обмазанного глиной (п. о. № 437; к. о. № 22). Грунт заполнения ямы № 135.

23. Изделие из камня (п.о. № 39; к.о. № 4). Подъемный материал городища.

24. Фрагмент изделия из желтого ракушечника (п. о. № 505; к. о. №26). Грунт заполнения ямы № 138.

Проанализировав находки, можно сделать вывод, что все они имеют местное происхождение. Это согласуется с предположением В.Г. Зубарева о

присутствии на городище особой группы людей, профессионально занимающихся строительным, и в первую очередь, камнетесным делом. Причем, если вначале это были приглашенные специалисты, то позднее на городище могли появиться работники из числа местных жителей[1].

КРАТКАЯ ХРОНИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЕЗОНА 2014 Г.

О.В. Алимова, О.С. Тринева

Традиционно в летний период студенты историко–филологического факультета (научное направление «Классическая и византийская традиция») принимали участие в работах археологических экспедиций на Крымском полуострове, а новшеством в сезоне 2014 г. стали археологические раскопки в Краснодарском крае.

В необычных для себя условиях оказались участники отряда «Китей». В связи с политическими событиями работы отряда переместились в Крымское Приазовье, и вместо привычных раскопок в стенах Китейского городища работа продолжилась на территории памятника Полянка (Восточно-Крымская экспедиция ИА РАН), который представляет собой сельскую хору датируемую I в. до н.э. – I в. н.э. Руководил экспедицией и работами на данном объекте А.А. Масленников. Состав участников следующий: руководитель отряда – Н.Н. Болгов, преподаватели – А.М. Болгова, Е.С. Данилов, магистрантка Синица М., студенты 2–4-х курсов: Дорохов М., Гусева З., Третьякова Н., Руднева М., Лопатина М., Карасенко А., Тринева О., Алимова О., Бузанаков Ю., Гудов Д., студенты практиканты 1 курса Доронин Д., Алейникова А.. Кушнир А., Руднева Т., Скребцова Т., Анохина В. и участники Белан А., Польников А., Болгов Д. Полянка исследуется уже довольно давно (с 70–х гг. XX в.), и за этот период самые разнообразные находки этого памятника не только пополнили коллекцию Керченского музея, но и обогатили наши знания об организации сельской территории античного Боспора, типологии, хронологии, истории, культуре и этническом составе местного населения, экономических связях с другими территориями и т.д. В этом сезоне исследовалась территория со сплошной застройкой одного из строительных комплексов. На склоне в юго–восточной части были проведены работы на 5 квадратах общей площадью 125 кв. м. Все квадраты были вскрыты до культурного слоя, который в некоторых местах доходил до 2 м и более. Найденный материал крайне однороден и датируется в основном I в. н.э. Находки представлены в основном амфорным боем с малым количеством профильных частей и клейм. Интересной находкой стала целая миска диаметром 5 см.

На своем прежнем месте продолжали археологические раскопки участники отряда «Фратрия» в составе Восточно-Крымской Археологической экс-

---

[1] *Зубарев В.Г., Барсукова Е.Е.* К вопросу о ремеслах и промыслах на сельских поселениях Европейского Боспора (по материалам городища «Белинское») // Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 2010. Вып. XI. С. 166.

педиции (объект под руководством А.А. Супренкова). Всего отряд насчитывал 13 участников, среди которых руководитель отряда – С.Н. Прокопенко, аспирантка Репина Е., студенты 3 и 2 курсов Шумов А., Кочергина Я., студент заочного отделения Чепиков Д., 7 студентов-практикантов 1 курса: Чумакова Я., Моисеенко И., Емельянова О., Пудулис Е., Зайченко И., Заложных А., Лукьянова Н., участница Миленцова Ю. Работа продолжалась на памятнике Золотое Восточное. Который расположен на плоской вершине холма с крутыми, неприступными со стороны моря склонами, отгороженным с юга глубоким оврагом, по которому протекает ручей. С юго-запада к холму подходит цепь скалистых кряжей с высокой сопкой. По краю плато, над склоном холма проходит мощная оборонительная стена городища. В этом сезоне работы продолжались на юго–западном участке, было вскрыто 4 квадрата. Найдены многочисленные фрагметы керамики, в том числе и профильные. Было обнаружено несколько ручек с целыми клеймами мастерских и их фрагменты. Наиболее яркой находкой стала курильница.

Еще одним новшеством сезона стала работа отряда ВКАЭ в составе Таманской археологической экспедиции Государственного Исторического музея (руководитель экспедиции – к.и.н., научный сотрудник музея Г.А. Ломтадзе). Раскопки велись на античном сельском поселении близ станицы Ахтанизовская Темрюкского района Краснодарского края. Ахтанизовское сельское поселение имеет уникальные природно-климатические условия и историко-культурные объекты. Станица Ахтанизовская расположена вдоль северо-западного побережья Ахтанизовского лимана. Ее южные окраины вплотную прилегают к Ахтанизовской сопке и тянутся вдоль плавни Химки в сторону горы Борисоглебской. Состав участников: руководитель отряда Семичева Е.А., аспиранты Фирсова Л., Наумова В., Замулин В., студенты 2–4-х курсов: Клименко А., Моргунова Е., Гребенкин И., Пономарева Н., Стародубцев С., студенты практиканты 1 курса Белоусова М., Кротов А., Мишукова А., Кувика Д., Бронникова А., участники: Грохольский А., Бородкин И., Водяницкий С., Семичев К., Семичев И. Памятник представляет собой многослойный объект, его античные слои перекрывает ногайский могильник XVI-XVII вв. Оборонительные и жилые комплексы собственно греческого поселения датируются VI-I вв. до н.э. В сезоне 2014 г. велись работы по фиксации остатков земляного вала. Среди находок – многочисленные фрагменты амфор, в том числе с клеймами, и иного керамического материала, включая чернолаковую посуду, кости животных. В хозяйственных ямах найдены боспорские монеты. Также в ходе работ отряда были открыты 5 ногайских захоронений.

Участники отрядов пополнили свои знания и получили бесценный опыт работы с античными памятниками в рамках научного направления «Классическая и византийская традиция». Научные итоги сезона будут подведены на традиционной ежегодной научно–практической конференции «Археологический сезон - 2014» представителями каждого из отрядов.

ПОЗДНЯЯ АНТИЧНОСТЬ И ЛАТИНСКИЙ ЗАПАД

ПОХОД ИМПЕРАТОРА ЮЛИАНА В МЕСОПОТАМИЮ

А.С. Кушнир

После поражения Красса в I в. до н.э. установилась устойчивая геополитическая граница между Западом и Востоком. Однако, время от времени предпринимались попытки ее слома. Со стороны Запада одной из наиболее серьезных попыток такого рода (после Траяна) стал поход Юлиана.

В конце мая 363 г. состоялось крупное столкновение между римлянами и персами, произошедшее в ходе Персидского похода Юлиана Отступника на территорию Средней и Верхней Месопотамии. Сам поход был инициирован римской стороной в ответ на систематические вторжения персидских войск в римские владения в Передней Азии.

Вторжение Юлиана на территорию Персии являлось одним из звеньев в цепочке римско-персидских войн, начавшихся в первой половине III в. и ставших продолжением римско-парфянских войн I-III вв.[1]

Целью данного исследования является раскрытие роли императора Юлиана и понимание значения его деятельности в Персидском походе. Основные источники: Аммиан Марцеллин, Зосим, Евтропий, Дексипп и др.

Юлиан Отступник сразу после прихода к власти начинает активную подготовку к походу. В этом мероприятии он видит не одну задачу. Первая задача, несмотря на внешнюю агрессивность, носит оборонительный характер. Вторжение в Персию являлось превентивным ударом, призванным на определенное время обезопасить восточные границы Римской империи от разорительных персидских набегов. Таким образом, персидская экспедиция Юлиана Отступника была попыткой перехода Рима на восточном направлении от пассивной обороны к активной.

Вторая задача заключалась в том, чтобы решить внешнеэкономические вопросы: в случае удачного завершения похода империя рассчитывала взять под свой контроль трансъевразийские торговые пути на их переднеазиатском отрезке, борьба за которые вообще была одним из факторов в противостоянии Рима и его восточных соседей.

Советские историки середины XX в. считали, что Юлиан также стремился путем победоносной войны снизить накал классовой борьбы в позднеримском обществе и укрепить свои пошатнувшиеся позиции.

Главной же внешнеполитической задачей Юлиан считал борьбу с сасанидским Ираном. Можно отметить, что задачи крупного похода на Восток ставили перед собой только наиболее крупные правители Рима, осознававшие особую значимость таких дел.

---

[1] См.: *Дмитриев В.А.* «Всадники в сверкающей броне»: Военное дело сасанидского Ирана и история римско-персидских войн. СПб., 2008.

Поход в Персию (весна-лето 363 г.) поначалу складывался весьма успешно: римские легионы дошли до столицы Персии, Ктесифона, но в итоге закончился катастрофой и гибелью Юлиана Отступника.

Ход персидской экспедиции можно разделить на 4 этапа:

I этап (от выступления из Антиохии до подхода к Ктесифону),

II этап (от сражения под Ктесифоном до начала отступления),

III этап (от начала отступления до гибели Юлиана),

IV этап (от провозглашения императором Иовиана до заключения мирного договора).

В результате крайне неудачно завершившейся кампании 363 г., Римская империя не только уступила Персии ряд своих территорий, имевших важное стратегическое значение, но и, по сути дела, предала своего самого верного восточного союзника – Армению.

Во исполнение условий договора Римское государство было вынуждено уступить Персии один из ключевых (и в военном, и в экономическом отношении) пунктов Северной Месопотамии – Нисибис. Жителям Нисибиса под страхом смерти было приказано в трехдневный срок покинуть город, после чего он, несмотря на протесты горожан, был занят персами. Как сообщает Табари, по приказу Шапура в Нисибис было переселено 12000 человек из Истахра, Исфахана и других районов Персидской державы.

Таким образом, ни одна из целей, преследовавшихся Юлианом[1] при подготовке к персидскому походу, полностью не была достигнута. Позиции сасанидского Ирана в Передней Азии резко усилились. Тем не менее, положительным для Рима результатом кампании 363 г. стало подписание очередного мирного договора с Персией, обеспечившего на длительный период спокойную жизнь для восточных провинций империи. На ближайшие десятилетия ареной борьбы между Римом и Ираном за преобладание в Передней Азии стала территория Армении.

ФЕМИСТИЙ И ВЕРОТЕРПИМОСТЬ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ 2-Й ПОЛ. IV В.

Д.С. Гудов

В данной работе представлена информация, касающаяся общего наследия оратора и философа 2-й половины IV в. Фемистия, работавшего в Константинополе. Робота посвящена отношениям ритора к религии и его позиции в вероисповедании. Речи этого знаменитого оратора недостаточно изучены в отечественной историографии, хотя они заслуживают особого внимания, так как в них отражены идеи политической теории, истории образования, риторики.

Ключевые слова: *Фемистий, Поздняя античность, религия.*

Фемистий (ок. 317 – 393 гг.) – государственный деятель, оратор, философ и преподаватель Поздней античности[2].

Информации, касающейся биографии выдающегося константинопольского оратора и политического философа 2-й пол. IV в. Фемистия, довольно мало.

---

[1] О Юлиане существует большое количество исследований. Новейшее: *Дмитриев В.А.* Юлиан Отступник: человек и император // Метаморфозы истории. Альманах. Вып. 2. Псков, 2002.

[2] *Солопова М.А.* Фемистий // Античная философия. Энциклопедический словарь. М., 2008 / http://enc-dic.com/phyantich/Femisti-261/

Некоторые сведения о себе сообщает сам Фемистий, многое можно вывести из его речей. Жизненный путь ритора является ясным свидетельством того, насколько широко была распространена в IV в. греческая культура, и какую дорогу она открывала для тех, кто ею овладевал.

Наше исследование основывается именно на работах самого автора: кроме комментария ко «Второй аналитике» Аристотеля от Фемистия до нас дошли 34 речи, из которых 19 либо непосредственно обращены к императорам, либо рассматривают искони интересовавшие греков вопросы о природе власти, о способах правления, о войне и мире, о качествах идеального правителя – это общественные. Остальные речи имеют или личный характер – это частные.

Этот последний раздел с литературной точки зрения наиболее интересен. Эти труды лишь частично переведены на русский язык (М.Е. Грабарь-Пассек, А. Егунов, Т. Миллер и т.д.). Важны и переводы на английский язык (R.J. Penella) и др.

Произведения Фемистия изучены слабо, как и сама его биография. Между тем он заслуживает серьезного внимания. Не являясь крупной фигурой, менее одаренный, чем Либаний, он все же очень интересен как представитель поздней греческой культуры и поклонник серьезного рационалистического красноречия. Сам Фемистий являясь язычником, в своих произведениях не показывал вражды к христианам. Он был довольно гибок в вопросе вероисповедания, он также был защитником религиозной толерантности. В XIII в. Абу-ль-Фарадж ссылается на речь, восхвалявшую Юлиана в период его царствования, в которой Фемистий пытается убедить императора отказаться от преследования христиан. Фемистий отстаивал религиозную толерантность еще до Иовиана и предпринимал попытки предотвратить преследование никейских христиан, призывал Валента проявить милосердие после подавления мятежа Прокопия (364 г.).[1]

Если сочинения Юлиана отражали взгляды наиболее яростных критиков христианства, то в речи Фемистия, обращенной к императору Валенту, основной идеей являлась идея религиозной веротерпимости и признания равенства всех вероисповеданий. Речь Фемистия примечательна убеждением в том, что нельзя против воли и желания человека принудить его к нравственности. Так в своей речи XII «Валенту о вероисповеданиях» он говорит следующее: «Сделать человека хорошим насильно ты (император) не в состоянии: ведь добродетель есть свойство, зависящее от моей воли, и ты не можешь заставить меня испытывать по отношению к чему-нибудь такие чувства, которых я не хочу испытывать. Всем тем, что связано с работой и с применением членов нашего тела, можно повелевать и распоряжаться насильно, но движения мысли и зависящие от этого понятия и душевные свойства свободны и не стеснены... Нет никого на земле больше тебя, император, и нет никого сильнее: однако не найдется человека настолько смиренного, настолько слабосильного, чтобы ты мог приказом или пыткой заставить его полюбить тебя, – только по его собственной воле может в нем возникнуть такая любовь».[2]

---

[1] *Болгов Н.Н. Болгова А.М.* Риторика и философия в школе Фемистия в Константинополе // Ученые записки исторического факультета БелГУ. Вып. 4. Белгород, 2012. С. 23-28.

[2] Речи XII / Пер. А. Егунова // Поздняя греческая проза / Сост. С. Поляковой. М.: ГИХЛ, 1960.

Фемистий, подчеркнув, что к тому, чего невозможно добиться принуждением, относятся вся вообще область нравственности и предания и чувства, касающиеся почитания богов, оценивает политику веротерпимости как самую разумную. Те императоры, которые полагали, что возможно против воли навязать ту или иную религию, достигли лишь того, что заставили многих из страха перед наказанием скрывать свои чувства. «Люди страшились не бога - как того хотели государи, – а императорского пурпура... А впоследствии обнаружились подлинные чувства подданных: как пламя, подавленное на некоторое время, внезапно прорвавшись, вспыхивает и полыхает, так и после временного притворства люди, лишь для вида почитавшие религию императоров, стали свободно выражать свои взгляды на проявление божества. Ведь никакое притворство не может быть продолжительным, а притворно все то, что вызвано страхом и идет не от сердца»[1].

Закон о свободе вероисповедания, изданный императором Иовианом, Фемистий возводит к изначальному закону, данному богом: «Ведь бог вложил понятие о себе в умы всех людей, даже диких и варваров, и так внедрил во всех стремление к благочестию, что его нельзя уничтожить ни доводами, ни силой. Но ни способа, ни пути угодного ему богопочитания он не предписал».

Фемистий полагал, что именно сосуществование разных верований способствует укреплению веры и украшает жизнь разнообразием. Наконец, важнейшим достоинством свободы вероисповедания, как утверждал Фемистий, было прекращение жестокой внутренней борьбы. «...В прошлом... мы были страшнее для самих себя, чем любая конница или пехота внешних врагов: доносы, при помощи которых одно вероисповедание нападало на другое, приносили государству больше вреда, чем набеги всех варваров на наши области»[2].

Земледелец опоэтизирован и возведен Фемистием в образец нравственного поведения, в речи XXX «Заниматься ли землиделием» он говорит следующее: «Земледелец прост и благороден, он знает только те блага, которые старательно получает от земли, сообразуясь с временами года; он убежден, что суетность - источник неправды, и держится подальше от нее. По своей натуре он совершенно чужд несправедливости... если зародится несправедливость, там сейчас же возникают войны, раздоры, и гибнет земледелие, а где господствует справедливость и благозаконие, там и земля дает здоровый плод... Всякое человеческое уменье зависит от земледелия, да и не только уменье - от земледелия зависит и образ жизни... нет никого, кто не нуждался бы в земледелии. Когда оно налажено, оно ведет за собой благосостояние и любое дело процветает у каждого, а преуспеяние ведет к еще большему благу»[3].

Единственной и истинной любовью Фемистия была философия, в то время как язычество и христианство – лишь формами верований. Излюбленным термином Фемистия, с которым мы постоянно сталкиваемся в его речах, была «филантропия» (человеколюбие) – это делает понятной для нас его веротерпимость. В отличие от Юлиана и Либания, Фемистий воздерживался от резкой по-

---

[1] Речи XII / Пер. А. Егунова // Поздняя греческая проза / Сост. С. Поляковой. М.: ГИХЛ, 1960.
[2] Там же.
[3] Там же.

лемики с приверженцами христианства. Ему была свойственна веротерпимость; недаром при всех императорах, независимо от их вероисповедания, он занимал видные государственные должности. В речи «Валенту о вероисповеданиях» Фемистий, воздавая хвалу императору, пишет: «Мудро тобой постановлено, чтобы каждый примкнул к тому вероисповеданию, которое ему представляется убедительным, и в нем искал бы успокоения для своей души...» и далее: «Какое же безумие добиваться того, чтобы все люди, против своей воли, держались одних и тех же убеждений!» По мнению Фемистия, мудр император, предоставляя свободу выбора убеждений, «так чтобы людей не привлекали к ответственности за наименование и форму их религии».[1]

Поначалу считая, что христианство отвращает от философии, позднее Фемистий понял, что то общее, что есть у Гомера и христианства, через христианские понятия может быть выражено лучше – при сохранении старых классических (языческих) ценностей.

Фемистий, в отличие от двух других наиболее видных идеологов эллинизма своего времени - ритора Либания и императора Юлиана, - не игнорировал христианство и не боролся с ним, но старался показать, что эллинизм превосходит христианство своим культурным универсализмом и терпимостью; соответственно своим взглядам, он старался развивать свои идеи, избегая прямых конфликтов и нападок. Фемистий был знаком с текстами как Ветхого, так и Нового завета (трижды цитирует Библию как «Ассирийское писание» для подтверждения традиционно эллинской идеи о царской власти).[2]

Фемистий так и не принял христианства, но к нему, тем не менее, благоволили такие известные деятели церкви, как Григорий Назианзин, высоко его ценивший. Он даже назвал Фемистия «царем красноречия», и именно с этим эпитетом Фемистий вошел в историю Поздней античности.

THEMISTIUS AND TOLERANCE IN CONSTANTINOPLE AT 2 FLOOR OF IV CENT. A.D.
D.S. Gudov

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В ЭПОХУ ФЕОДОСИЯ ВЕЛИКОГО

В.Н. Кузнецов

В статье рассматриваются процессы социально-экономического реформирования Римской империи в эпоху императора Феодосия Великого. Отмечаются негативные стороны данной политики и ее необратимый характер. Также рассматривается роль этих реформ в процессе распада Римской империи.

Ключевые слова: *Феодосий Великий, поздняя Римская империя, социальные проблемы, экономические проблемы.*

Феодосий Великий – последний правитель единой Римской империи. После его смерти империя окончательно разделилась на западную и восточную части. Многие исследователи склонны видеть в деятельности Феодосия одну из

---

[1] *Lawrence J. Daly*. Themistius' Plea for Religious Tolerance // Bowling Green State University, 1970.
[2] *Иванов В.Г.* История этики средних веков. СПб., Лань, 2002.

причин развала империи, но любой правитель должен стремиться к консолидации, а не к уничтожению государства. Даже то, что он поделил империю между сыновьями Аркадием и Гонорием указывает на то, что он стремился сохранить ее целостность. Вполне возможно, что Феодосий не мог противостоять внутренним процессам разрушения империи, запущенным задолго до его прихода к власти, а внутриполитическая деятельность императора была направлена на их сдерживание.

Стартовавшие в конце III в. комплексные реформы Диоклетиана, завершаются Константином Великим, которому удалось частично стабилизировать империю после более 50 лет, близких к анархии. Реформы привели к внушительному увеличению государственной машины, которая пыталась мобилизовать все ресурсы империи для решения задач управления и обороны империи.[1] Все это и унаследовал Феодосий.

Диоклетиан путем увеличения армии и расширения государственного аппарата пытался пресечь опасные сепаратистские настроения в рядах региональных военачальников. Но цена за такую систему стабильности и безопасности оказалась высока. Она была оплачена налогами и хронической инфляцией.

Люди, дома, земли, скот и многое другое, были теперь прочно интегрированы в систему налогообложения. Военное производство строго контролировалось государством. Константин ввел и новые налоги в сфере городской торговли.[2]

На практике, эта справедливая и на вид рациональная система столкнулась с препятствиями, вызванными медлительностью коммуникаций и строгой верности традициям свойственной античному обществу. Но многого все-таки удалось достичь. Армия была увеличена.[3] И, несмотря, на значительно возросшие военные расходы, вызванные крупными внутренними конфликтами, власть, получив новую армию и систему оборонительных укреплений на границах, доказала, что может диктовать условия соседям империи.[4]

Обратной стороной медали стало то, что теперь значительно выросли цепи передачи ресурсов и информации между центром и периферией. Бюрократический аппарат был раздут до невероятных размеров.[5] Но, кроме того, что значительно выросло чиновников, это также привело к увеличению масштабов коррупции.[6]

Для борьбы с коррупцией император мог назначить специальных должностных лиц, но это бы еще больше раздуло бюрократическую машину и потребовало бы серьезных финансовых затрат на их содержание. Имела место и церковная бюрократия. Освобожденная от налогов церковь привлекала желающих обзавестись саном.[7]

---

[1] *Friell G., Williams S.* Theodosius. The Empire at bay. Yale university press, 1995. P. 80.
[2] *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire, 248-602: A social, economic and administrative survey. Johns Hopkins University press, 1986. P. 469.
[3] *Friell G., Williams S.* Theodosius. The Empire at bay. Yale university press, 1995. P. 81.
[4] Ibid. C. 82.
[5] *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire, 248-602: A Social, Economic and Administrative Survey. Johns Hopkins University press, 1986. P. 842.
[6] *MacMullen R.* Corruption and the decline of Rome. Yale university press, 1988. P. 122.
[7] *Williams S.* Diocletian and the Roman recovery. Psychology press, 1985. P. 106; *Jones A.H.M.* The Roman Economy: Studies in Ancient Economic and Administrative History. Rowman and Littlefield, 1974. Ch. 9.

Налоговая система Диоклетиана наткнулась на идеальную для нее систему планирования годового бюджета.[1] В первую очередь, рассчитывались общегосударственные нужды, а затем потребности отдельных провинций и городов в зависимости от взимаемых с них в различных формах налогов. Неудивительно, что последующие правительства использовали растущие «потребности» государства. Эта система, по сути, открывала доступ к неограниченным богатствам и паразитировала на экономике.

Богатые и могущественные взваливали большую часть налогового бремени на бедных и беззащитных. Мелкие собственники земли были не только зажаты сборщиками налогов, они были в долговой зависимости от крупных землевладельцев. Часто их единственным выбором было слетаться в большие неизвестные города, предлагавшие пособие по безработице,[2] или же собираться в банды промышлявшие разбоем.[3] Также они могли стать собственностью крупных владельцев земли.[4] Большинство оказалось в последней категории.[5] Несмотря на это, землевладельцы жаловались на постоянную нехватку рабочей силы на земле. Поэтому почти повсеместно предпочитали платежи вместо предоставления рекрутов для армии и давали убежище дезертирам. Военная служба была наименее привлекательным вариантом для беднейших крестьян, и ее выбирали в самом крайнем случае.[6]

В классической цивилизации почти вся земля формально принадлежала городу, а управление им сосредотачивалось в руках землевладельцев, которые образовывали управляющие советы (курии, декурии).[7] Задачами этих советов были не только поддержание порядка и взимание налогов, но и строительство зданий и дорог, уборка улиц, организация развлечений и много другое. Ранее, в более стабильное время, люди охотно принимали эти обязательства в обмен на статус члена городской курии. Об этом свидетельствует многие надписи, датированные I-II вв.[8] Но к концу III - IV вв. членство в курии становилось бременем, которого старались избегать. Диоклетиан постановил, что служить в куриях должны даже неграмотные или рабы по рождению, если они преодолевали имущественный ценз.[9]

В течение десятилетия после правления Константина, ряд законов должен был остановить процесс покидания городов. 8 из них охватывали запад импе-

---

[1] *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire, 248-602: A Social, Economic and Administrative Survey. Johns Hopkins University press, 1986. P. 90.

[2] Ibid. C. 83.

[3] *Wolfram H,* History of the Goths. Berkeley, 1988. Ch. 7–9.

[4] *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire, 248-602: A Social, Economic and Administrative Survey. Johns Hopkins University press, 1986. P. 774.

[5] *Friell G., Williams S.* Theodosius. The Empire at bay. Yale university press, 1995. P. 83.

[6] *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire, 248-602: A Social, Economic and Administrative Survey. Johns Hopkins University press, 1986.

[7] Ibid. P. 724.

[8] *Friell G., Williams S.* Theodosius. The Empire at bay. Yale university press, 1995. P. 83.

[9] *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire, 248-602: A Social, Economic and Administrative Survey. Johns Hopkins University press, 1986; *Williams S.* Diocletian and the Roman recovery. Psychology press, 1985. Ch. 10.

рии.[1] В кодексе Феодосия уже 192 закона охватывали деятельность декурий. Многие члены декурий перешли в духовенство и в редких случаях в армию, чтобы избежать своих обязанностей. О тяжелых условиях говорит и тот факт, что после 376 г. людей стали законно подвергать наказаниям, которые раньше могли быть применимы к рабам.

Состав курий и ранее не был однородным, а в IV в. расслоение значительно усилилось. Выросла огромная пропасть между мелким помещиком и провинциальным воротилой. Богатые, могущественные и влиятельные, все те, кто составлял верхушку власти, использовали свое положение, чтобы избежать гражданских повинностей или переложить их на чужие плечи. Как правило, это делалось посредством приобретения престижной государственной должности или звания, которые освобождали их от обязанностей по своей курии или декурии. А еще лучшим решением было с помощью взяток проложить себе дорогу в сенат.[2]

Социальное расслоение в провинциях иллюстрируется резко возросшим числом роскошных усадеб. Ведь доход члена сената оценивался приблизительно в 120000 солидов. Для сравнения доход рядового чиновника составлял порядка 1000 солидов, а крестьянина – 5 солидов.[3]

Подобное обогащение и возвышение не приветствовалось императорами. Так Диоклетиан, как человек низкокого социального происхождения (возможно даже рабского происхождения), стремился, чтобы богатые платили справедливые, соответствующие их доходам налоги, чем вызвал недовольство последних.[4] На Западе во многом ограниченная «верхушка» смогла сохранить свое финансовое состояние и путем династических браков только укрепила свои позиции. Ко времени правления Феодосия большая часть Италии и Галлии практически принадлежали примерно 20 крупным семьям.[5] Некоторые влиятельные семьи, представленные в сенате, считали Италию своей собственностью, которую государство обязано защитить. При этом до половины сенаторов уклонялись от уплаты налогов.[6]

В современном индустриальном обществе это бы не настолько серьезно сказалось на государственных доходах, но в поздней Римской империи, с ее аграрной экономикой и радикально иной системой распределения богатств, поместья сенаторов могли давать внушительные финансовые ресурсы в распоряжение императоров и их армий. На востоке государства ситуация была иной, так как там слой сенаторов был новым и не сформировал крупных семейных кланов в правительстве.[7] Ранее основными критериями для получения хорошей долж-

---

[1] *Friell G., Williams S.* Theodosius. The Empire at bay. Yale university press, 1995. P. 83.

[2] *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire, 248-602: A Social, Economic and Administrative Survey. Johns Hopkins University press, 1986. P. 731.

[3] *MacMullen R.* Corruption and the decline of Rome. Yale university press, 1988; *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire, 248-602: A Social, Economic and Administrative Survey. Johns Hopkins University press, 1986. P. 554.

[4] *Williams S.* Diocletian and the Roman recovery. Psychology press, 1985.

[5] *Matthews J.* Western Aristocracies and imperial court, A.D. 364-425. Clarendon press, 1975. Ch. 10.

[6] *MacMullen R.* Corruption and the decline of Rome. Yale university press, 1988. Ch. 11.

[7] *Cameron A.* The Mediterranean World in Late Antiquity, A.D. 395-600. Routledge, 1993. Ch. 4.

ности были происхождение и социальный ранг. Но со времен Константина и Диоклетиана сформировалась целая система государственной службы с квази-титулами подражавшими традиционным аристократическим титулам, где многие и стремились сделать «карьеру».[1]

К III–IV вв. жизнь в небольших провинциальных центрах становилась все менее стабильной в экономическом плане. Этому способствовали гражданские войны, регулярные набеги варваров и постой армий.[2] В IV в. многие крупные землевладельцы полностью отстранились от городской жизни и сосредоточили состояния в пределах своих вилл. Они подавляли мелкие землевладения. Города, всегда зависящие от сельской округи, в свою очередь, тоже страдали. Это явление наблюдалось в Галлии, Италии, Паннонии и в особенности в Британии.

На своих виллах они конечно не могли избавиться полностью от выплат в пользу государства, но как главы регионов они могли вести переговоры с государственными чиновниками на гораздо более выгодных условиях. При этом само правительство одобряло и всячески способствовало развитию крупных землевладений.[3]

Константин, Юлиан, Валентиниан и Грациан выступали за сокращение налогообложения, борьбу с коррупцией и злоупотреблениями.[4] Например, Валентиниан ввел бесплатную юридическую помощь для плебса. Но этого было недостаточно перед лицом коалиции чиновников и магнатов. В большинстве случаев должностные лица на всех уровнях сами были землевладельцами и всячески старались защитить свое благосостояние.[5]

Владельцы вилл сосредоточились на собственной самодостаточности, на независимости от городов и центров государственной власти. Они создавали под эффективным контролем собственное производство (металлообработка, обжиг кирпича, гончарные мастерские и др.), а если государство не могло их защитить, они строили оборонительные стены по периметру, и даже содержали наемников.[6] Они почти не занимались торговлей. Стоимость транспорта была высока даже в хорошие времена. Регулярные набеги варваров и грабежи, да и само отсутствие безопасности поездок ограничивало торговлю ближайшими населенными пунктами.

Подобная «дачная» экономика была широко распространена в поздней Римской империи. Региональные экономические различия становились все более заметными, особенно на северо-западе и в западных провинциях Дуная. Города переживают спад в торговле, которая становится все более медленной и непредсказуемой.[7]

---

[1] *Matthews J.* Western Aristocracies and imperial court, A.D. 364-425. Clarendon press, 1975. P. 253; *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire, 248-602: A Social, Economic and Administrative Survey. Johns Hopkins University press, 1986. Ch. XV.

[2] *MacMullen R.* Corruption and the decline of Rome. Yale university press, 1988.

[3] *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire, 248-602: A Social, Economic and Administrative Survey. Johns Hopkins University press, 1986. P. 799.

[4] *Friell G., Williams S.* Theodosius. The Empire at bay. Yale university press, 1995. P. 83.

[5] Ibid. C. 84.

[6] Ibid. C. 85.

[7] *MacMullen R.* Corruption and the decline of Rome. Yale university press, 1988. Ch. 11.

Разумеется, это касалось небольших провинциальных городов, в таких крупных античных мегаполисах как, например, Александрия или Антиохия, торговля была по-прежнему интенсивной. Также в стратегически важных городах государство давало мощный импульс их внутренней экономике. Начиная с Диоклетиана, императорские резиденции размещались в городах, имеющих стратегическое значение для обороны государства. Но на благо их процветания были оттянуты средства от других регионов. Если правительство устремляло свой взор в другое место, то регионы, которые были оставлены им, испытывали экономический спад. Более защищенные западные провинции пострадали от этого в большей степени, так как более уязвимый восток нуждался в безопасности. А в восточных провинциях, начиная с IV в., наблюдался рост численности населения и общего благосостояния.[1] Хотя нельзя сказать, что эта схема была однородной. Некоторые районы в Испании и Северной Африке продолжали процветать и к началу V в.[2]

К концу IV в. традиционная система, где семья и социальный статус являлись залогом успешной карьеры, была практически разрушена. Государственные и церковные должности были выставлены в свободную продажу. Такое приобретение давало возможность избавиться от многих повинностей и получить освобождение от выплаты налогов. Зосим указывает на то, что государственные должности занимали далекие от этого люди: «Менялы, ростовщики и многие другие представители самых низших профессий наполняли рынки, владея знаками отличия представителей власти, и раздавали провинции в руки покупателей» (IV.28.4).[3]

Таким образом, люди, купившие себе место, как правило, плохо справлялись со своими обязанностями, нанося непоправимый вред государству. Правительство и армия были заполнены некомпетентными людьми. На фоне ослабления традиции и обычаев происходило усиление бюрократии и коррупции.[4]

В церковной структуре наблюдались схожие явления. Константин Великий освободил церковь от налогов и общественных повинностей, а также разрешил церквям приобретать недвижимость и владеть ей. Этот особый статус церкви способствовал огромному росту числа священнослужителей, которые в большинстве происходили из низших социальных слоев. Строительство церквей и монастырей стимулировало экономику, но, в конечном счете, они были ориентированы на самодостаточность и изолированность.

Столкнувшись с этими трудностями, Феодосий попытался назначить на ключевые административные должности людей, которые получили определенный опыт на востоке империи, но при этом он во многом продолжал полагаться на западных чиновников. Он предпринял ряд изменений в сенате и среде государ-

---

[1] *Friell G., Williams S.* Theodosius. The Empire at bay. Yale university press, 1995. P. 85.
[2] *Liebeschuetz J.H.W.G.* Barbarians and Bishops: army, church, and state in the age of Arcadius and Chrysostom. Clarendon press, 1990. P. 19.
[3] Зосим. Новая история [Перевод, комментарии, указатели Н.Н. Болгова]. Белгород, 2010. С. 182.
[4] *Friell G., Williams S.* Theodosius. The Empire at bay. Yale university press, 1995. P. 85.

ственных служащих, но это привело к расширению привилегированного слоя.[1] Это подкрепляется словами Зосима: «Император в действительности был доведен до нищеты и, таким образом, предложил продать управление в провинциях всем, кто к нему обратится, невзирая на репутацию» (IV. 28.3).[2] Но вполне возможно, что Зосим, пытаясь очернить императора, искажает факт продажи должностей. На это указывает ряд источников, защищающих Феодосия в этом вопросе.[3]

Не стоит забывать, что Феодосий неизбежно столкнулся с существенными государственными расходами, вызванными последствиями готской войны (377-382).[4] Для поддержания мира до самой смерти Феодосия центральная власть вынуждена была выплачивать готам ежегодную дань.

Таким образом, реформы, которые привели к тяжелому социально-экономическому положению империи, были начаты задолго до правления Феодосия. Попытки радикально исправить ситуацию и не допустить развития губительных для государства процессов натолкнулись бы на сопротивление крупных землевладельцев, чиновников и членов сената, и так не жаловавших императора. Из этого можно заключить, что у императора были попросту связаны руки и, будучи не в силах повлиять на существующие в государстве проблемы, он всячески старался не усугубить ситуацию.

PROBLEMS OF SOCIAL AND ECONOMIC REFORMATION THE ROMAN EMPIRE IN AGE OF THEODOSIUS THE GREAT

V.N. Kuznetsov

The paper considerss the processes of social and economic reformation the Roman Empire, in age of Emperor Theodosius the Great. There have been negative aspects of this policy and its irreversible. Also discusses the role of these reforms in the process of disintegration of the Roman Empire.

Key words: Theodosius the Great, the late Roman Empire, social problems, economic problems.

ЭЛЕМЕНТЫ АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ХРИСТИАНСКОГО ПОЭТА ПАВЛИНА НОЛАНСКОГО

С.В. Алымова

В статье рассматривается биография христианского поэта, епископа из Нолы, Понтия Павлина. Проводится анализ его творчества с целью выявления античной традиции. Отмечается ряд признаков, на основе которых делается вывод о присутствии элементов классического в сознании автора.

***Ключевые слова: Павлин** Ноланский, античная традиция, христианство, поэзия.*

Произведения позднеантичных авторов являются выдающимися памятниками литературы и, что для нас более значимо, важными историческими источниками, поэтому их изучение вызывает интерес как у филологов, так и у историков. Этот период интересен тем, что, будучи переходным, он предоставил нам

---

[1] *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire, 248-602: A Social, Economic and Administrative Survey. Johns Hopkins University press, 1986. P. 162.

[2] Зосим. Новая история [Перевод, комментарии, указатели Н.Н. Болгова]. Белгород, 2010. С. 182.

[3] Paneg. 12.17; Symm. Ep. 3.81.

[4] *Friell G., Williams S.* Theodosius. The Empire at bay. Yale university press, 1995. P. 88.

образцы смены мировоззрения, трансформации одних явлений и консервации других. На сегодняшний день, когда человечество и, в частности, российское общество снова переживает подобное время, античность предоставляет нам бесценный опыт смены парадигм мировосприятия.

К V в. христианское мироощущение и образ жизни все больше проникают в сознание людей, тем самым, вытесняя античную традицию, которая сохраняет лишь свои внешние проявления. И все же, в таком виде классическая традиция надолго остается в сознании образованных и творческих людей.

В конце IV - начале V в. наряду с авторами, вольно или невольно придерживающимися традиций античной языческой поэзии (Рутилий Намациан, Сидоний Аполлинарий), выступают и одаренные поэты-христиане, творчество которых служит переходной ступенью к религиозной поэзии раннего Средневековья. Одним из представителей христианской поэзии является Павлин Ноланский.

Понтий Меропий Павлин, выдающийся латинский христианский писатель конца IV - начала V в., родился в 353 и умер в 431 г. Павлин происходил из знатной и богатой римской семьи. Благодаря высокой образованности, двадцатилетним юношей был избран в римские сенаторы, затем стал консулом и, наконец, губернатором области Кампании в Италии[1].

Родился он в городе Бурдигале (Бордо) в Аквитании, где и получил первоначальное образование, обучаясь затем риторике и поэтическому искусству под руководством знаменитого Авсония, впоследствии учителя и будущего императора Грациана (367-383 гг.). Будучи одним из любимых учеников Авсония, считавшего его исключительно даровитым поэтом, Павлин в первый период своей жизни начал блестящую светскую карьеру, но затем, женившись на богатой и усердной христианке Терасии, сделался и сам ревностным христианином[2]. Потеряв сына, умершего через несколько дней после рождения, Павлин удалился вместе с женой в Испанию, принял монашество и в конце 393 г., распродав все свое имущество и раздав деньги бедным, стал священником в Барциноне (Барселона)[3].

Решительный отказ от светской жизни и строгий аскетизм Павлина были горячо одобрены такими прославленными деятелями христианской Церкви, как Августин, Иероним, Амвросий и Мартин. По приезду Павлина в Рим, он почувствовал недоброжелательство к себе Папы и некоторых служителей Римской Церкви, переселился в Нолу (в Кампании), где и оставался в сане епископа до самой своей смерти[4].

Жизненный путь Павлина, повлиявший на его творчество, не прост. Начиная свою жизнь с блестящей светской карьеры, он вскоре становится рев-

---

[1] *Петровский Ф.А.* Павлин Ноланский // Памятники средневековой латинской литературы IV–X веков. М., 1998. С. 220.

[2] *Gillard F.D.* Senatorial Bishops in the Fourth Century // Harvard Theological Review. 1984. № 77. P. 153-175.

[3] *Буассье Г.* Падение язычества: Исследование последней религиозной борьбы на Западе в четвертом веке. М., 1892. С. 274–275.

[4] *Беликов П.П.* Житие св. Павлина Ноланского и страдания св. мучеников Феодора и Никифора / Переложение П.П. Беликова. М., 1886. С. 122-123.

ностным христианином, избравшим до конца своих лет путь епископа Нолы. Во многом на его решение повлияли жизненные обстоятельства: женитьбы на христианке Терасии, смерть сына. Своей усердной деятельностью и милосердием Павлин заслужил глубокий почет и любовь не только христиан, но и язычников.

Из произведений Павлина дошли до нас только те, которые были написаны им во второй половине его жизни, а из более ранних сохранились лишь шуточные записки со стихами о посылке некоему Гестидию птиц и устриц, да несколько строк из стихотворной перифразы утраченного сочинения Светония «О царях» (в 19-м письме Авсония Павлину). Все прочие сочинения Павлина написаны им уже после его обращения в христианство[1].

Первые поэтические опыты Павлина были отмечены сильным влиянием Авсония, который был внешне христианином, опиравшемся на античную культуру. Вскоре происходит конфликт между учителем и его любимым учеником. Христианские мотивы присутствуют в поэзии Авзония, принявшего христианство лишь номинально, рассудком, но не душой. Павлин же принимает христианство всей душой, посвящает всю свою дальнейшую жизнь служению Богу[2].

Из прозаических сочинений Павлина наибольший интерес представляют его 50 писем разным лицам, в числе которых мы находим Сульпиция Севера и Августина. В них он рассуждает о Промысле, о повреждении человеческой природы, о ходатайстве святых пред Богом, о молитве за умерших, об иконопочитании, но избегает касаться более сложных вопросов христианского богословия[3].

И все же, несмотря на явную христианскую направленность поэзии Павлина, ему не удается избежать использования риторических приемов, подражания классикам, употребления мифологических имен и сюжетов. Наример, в «Послании к Авсонию» упоминаются «всадник Пегаса» (Epist. ad Auson., 150) - Беллерофонт. Муз Павлин называет «вздорными и глухими» (Epist. ad Auson., 110)[4]. Тем не менее, при перечислении традиционных римских инсигний – курульного кресла, трабеи – чувствуется оттенок уважения и восхищения, а Рим поэтично называется «столицей латинской Квирина»:

…Мне ль горевать, что в Равран перешло авсонийское ныне
Кресло курульное, иль, что уж ветошью стала трабея,
Блеск коей все же горит в столице латинской Квирина
И среди цезарских тог, расшитых пальмами также,
Все продолжает сиять не тускнеющим золотом вечно,
Твой охраняя почет, который не может увянуть…

(Epist. ad Auson., 250).

Из классических латинских поэтов основными образцами для стихов Павлину служили Гораций и Вергилий. Особо следует отметить стихотворные

---

[1] *фон Альбрехт М.* История римской литературы / Пер. А.И. Любжина. М., 2005. С. 1448.

[2] *Аверинцев С.С.* Латинская литература IV-VII вв. Смена парадигм и устойчивость традиций // Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков. М., 1998. С. 13.

[3] *Голенищев-Кутузов И.Н.* Средневековая латинская литература Италии. М., 1972. С. 139-140.

[4] *Литовченко Е.В.* Классическая традиция в трудах позднеримских интеллектуалов (конец IV – начало VI вв.) / Дисс. канд. ист. наук. Тула, 2007. С.173.

парафразы 1, 2 и 136 псалмов. Начало первой парафразы взято прямо из начального стиха второго эпода Горация *(«Beatus ille qui procul negotiis…»)*:

Beatus ille qui procul vitam suam
Ab impiorum segregarit coetibus…
(Тот блажен, кто в жизни своей
Вдаль от блуда греха удалился)[1].

Таким образом, Понтий Павлин одним из первых заложил основы христианской поэзии, являлся представителем духовной культуры нового типа, средневековой христианской культуры, но все же элементы античной традиции занимали прочное место в сознании поэта, что ясно видно в его творчестве. Сам факт того, что, став епископом, бросив светскую карьеру, он все-таки не перестал заниматься поэзией, говорит о его связи с античностью. Его дружба с Авзонием, язычником в душе, также оказывала влияние на его мировоззрение. Говоря о живости некоторых элементов классики, нельзя не упомянуть и о том, что Павлин Ноланский в своих произведениях использовал цитаты и отрывки из произведений классиков, на страницах его работ мелькают имена языческих богов, мифологических персонажей. Античное прошлое настолько глубоко укоренилось в сознании поэта, что, пусть помимо его воли, оно продолжало жить в его произведениях.

THE ELEMENTS OF ANCIENT TRADITION IN WORKS OF CHRISTIAN POET PAULINUS OF NOLA

S.V. Alymova

The paper considers the biography of the Christian poet, bishop of Nola, Pontius Paulinus. The aim of his work analysis is to reveal the elements of classical tradition. The author is coming to the conclusion there are some signs in Paulinus' works sustaining the presence of classical elements in the author's consciousness.

Key words: Paulinus of Nola, ancient tradition, Christianity, poetry.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА «NOTITIA DIGNITATUM» И «NOTITIA URBIS CONSTANTINOPOLITANA»

А.С. Ниминская

В настоящее время источники «Notitia urbis Constantinopolitana» и «Notitia Dignitatum» не переведены на русской язык. Их переводом и анализом занимаются зарубежные историки (Otto Seeck и др. – анализ NUC и ND, John Bagnell Bury – анализ ND). Кроме того, эти источники никогда между собой не сравнивались, что представляет научную новизну нашего исследования.

Целью работы на данном этапе является сравнение между собой источников поздней античности и выявление типологии административного деления при сравнении городов в Восточно-римской империи.

«Notitia Dignitatum» (рус. «список должностей») – исторический документ эпохи поздней Римской империи (конец IV – начало V вв.), содержащий список

---

[1] *Литовченко Е.В.* Классическая традиция в трудах позднеримских интеллектуалов (конец IV – начало VI вв.) / Дисс. канд. ист. наук. Тула, 2007. С. 174.

должностей. Документ состоит из двух частей: 1 – посвящена Западной Римской империи, 2 – посвящена Восточной Римской империи. Среди историков есть предположения, что вторая часть никогда не редактировалась, а первая подвергалась значительным изменением и в период с IV-V вв., и в последующих копиях документа (данная точка зрения отражена в работах зарубежных историков Дж. Бьюри[1] и А.Х.М. Джонса[2]).

Зарубежные историки объясняют это тем, что источник, скорее всего, создавался для Валентиниана III (425–455 гг.), т.к. предположительное место издания текста – Равенна, столица Западной Римской империи.

Следует сказать, что вопросы происхождения, датировки и цели создания документа до сих пор не ясны, существует множество теорий по этим вопросам, что не являлось целью нашего исследования. Так же следует сказать, что рукописи источника дополнены различными геральдическими знаками и иллюстрациями. Исследованием этих иллюстраций занимался отечественный историк А.А. Ткаченко[3]

Notitia Urbis Constantinopolitanae – это древний список памятников Константинополя, описывающий все постройки города в V в. при императоре Феодосии II. Латинский текст NUC был опубликован немецким ученым Otto Seeck в качестве приложения к своему изданию Notitia Dignitatum (1876). В настоящее время текст существует на латинском языке. NUC описывает город Константинополь и его разделение на 14 регионов.

В ходе изложения информации автором использован метод дедукции: сначала перечисляются наиболее важные постройки в Константинополе, а затем в каждом из 14 регионов. Следует отметить, что источник указывает лишь на количественное соотношение построек.

Проанализировав статьи документов, мы выявили типологию в назначении административных чинов.

Взяв за основу введение ND и введение NUC мы обнаружили, что у каждой префектуре был свой начальник – префект Praefectus urbis Constantinopolitanae (Pars Secunda. In partibus Orientis, ст. 1 – ND, Praefatio – NUC).

Далее мы сравнивали первую главу ND «Данные в мирских, гражданских, военных чинов в восточных районах» и регион 3 Константинополя.

Проанализировав данные, мы выявили следующие особенности:

1. Сохранение партий цирка, как пережитка античного института. Данный институт сохраняется не только в Константинополе и его регионах, но и в других префектурах, таких как Иллирия, Фракия, Финикия и др.

2. Идентичная система назначения должностей: Curatorem unum, Vernaculum unum, Vicomagistros quinque. Данная система показывает наличие 3-х ветвей власти: законодательной, исполнительной, судебной. Следует сказать, что дан-

---

[1] *Bury J.B.* The Notitia Dignitatum // JRS. N 10. 1920. P 131 – 154.

[2] *Jones A.H.M.* Notitia Dignitatum // *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire, 284–602. A social, economic and administrative survey. V. 1-3. Oxf., 1964. P. 347–380.

[3] *Ткаченко А.А.* Notitia Dignitatum как источник по позднеантичной эмблематике // Научно-информационный бюллетень Центра гербоведческих и генеалогических исследований ИВИ РАН / Отв. ред. А.П. Черных. М., 2000. Вып. 2. С. 11.

ное деление присутствует как во всех регионах Константинополя, так и во всех префектурах Востока.

3. Исследовав источники, мы выяснили, что NUC является дополнением ND и источником, который раскрывает сущность административной системы на примере префектур Константинополя.

Проанализировав префектуры Иллирии, Фракии, мы выявили идентичные постройки, связанные с управлением (Дом префектов, Здание партий цирка, Здание совещательного органа и др.) Кроме того, ND дает расширенную характеристику административного аппарата.

Проанализировав 1 главу раздела Востока, мы выявили следующее: кроме законодательной, судебной, исполнительной власти, обязательной ветвью является – военная. В ND четко прописано количество руководителей военными отрядами, количество их подчиненных, типы и виды силовых отрядов, а также форма и методы организации военных отрядов. Данная информация отсутствует в NUC, т.к. подробно и хорошо расписана в ND.

Также в ND описывается система консульства, что отсутствует в NUC. Система консульства представляла собой следующее: каждая префектура имела своего проконсула, а если префектура была большой, она имела систему консульства и свое собственное место (прописывалось отдельным пунктом в каждой префектуре).

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что документы NUC и ND, являются взаимодополняющими друг друга, а по отношению друг к другу NUC – это частный пример ND.

ПОЛОЖЕНИЕ ГОНОРИЯ АВГУСТА ПРИ АЛАРИХЕ И ЕГО ПРЕЕМНИКАХ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ РИМА

Д.Е. Богданов

Захват Рима, ставший потрясением для современников, для Гонория Августа не имел принципиальной важности: император спокойно проводил дни в Равенне, бывшей столицей империи, пока Аларих, а затем и его шурин Атаульф, боролись с узурпаторами в различных частях Империи.

Итогом договорённости с императором стало состоявшееся 1 января 414 года бракосочетание Атаульфа и Галлы Плацидии в Нарбонне (Olymp., 24). Брак гота с римлянкой был из ряда вон выходящим событием. Ребёнка от этого брака назвали в честь деда-императора Феодосием. В этом Атаульф отступил от обычая давать германские имена вестготским королевичам, неукоснительно соблюдавшегося ещё в течение двух столетий. Имя Феодосий говорит о том, что этот ребёнок мог бы претендовать на императорский трон. Ввиду бездетности Гонория подобные надежды были вовсе не беспочвенны. Имя Феодосия содержит также демонстративный намек на проготскую политику Феодосия I, которого историк Иордан назвал «другом мира и готов» (Get., II, 2). Сын Атаульфа Феодосий в перспективе мог быть провозглашён королём вестготов, и встать одно-

временно во главе Римской империи и готского племени, однако, ребёнок умер спустя несколько месяцев, и этим планам не суждено было осуществиться.

Наследник Атаульфа, Валлиа, провёл первый триумф после падения «вечного города», вынудив сенат дать ему полномочия триумфатора, и посадил Гонория в экипаж рядом с собой (Olymp. 31). Это событие также подтверждается описанием наказания узурпатора Приска Аттала, который был пойман комитом Констанцием, и «проведен в триумфе Гонория» (в июне 416 г.), после чего ему отрезали два пальца и изгнали на Липари (Philost. 12.4-5; Oros. VII.42).

С каждым следующим разом всё более коротким становится маршрут триумфаторов, всё менее значимой является роль императора в проведении триумфа (если в 403 г. решение Гонория о разделении триумфа со Стилихоном подтверждало возросшее влияние «императорского регента» (Zos. V.1.1), то в триумфе 416 г. Валлиа не делил славу с императором, а лишь оставил его рядом с собой в качестве «свадебного генерала»).

Таким образом, из попытки подчеркнуть величие империи, находящейся на грани краха, поддержанием вековых традиций, триумф становится, именно в это время, часами славы в награду одному человеку, перестающему олицетворять государство. Такое отношение к триумфу сохраняется вплоть до падения Западной Римской империи…

Валлиа, однако, очутился в затруднительном положении вследствие недостатка жизненных припасов. В это время против него выступил со значительным войском римский полководец Констанций. Император Гонорий опасался, как бы Валлиа не нарушил союза, некогда заключённого с Атаульфом. Наряду с этим он хотел вызволить свою сестру Галлу Плацидию из подчинения варварам, условившись с Констанцием, что если тот войной ли, миром ли, или любым способом, как только сможет, вернет её в его государство, то он отдаст её ему в жёны. Валлиа вступил в переговоры и согласился на договор с Гонорием, поступив на римскую службу (Get., 164-165). «Он был избран готами, чтобы вести войну, но направлен божественным провидением к миру» (Idac., a, 42) Валлиа, в обмен на 600 тыс. кентинариев (то есть ок. 20 тыс. тонн) хлеба, с почётом вернул сестру императора Галлу Плацидию, дал знатных заложников и обещал императору выставлять войска на стороне Римского государства.

В годы правления Флавия Гонория Августа (395-423), часть империи, образовавшаяся со смертью «Гения Рима», так и не сумела встать на ноги[1]. Прошлое отвергалось: языческие боги изгонялись из храмов и душ людей, забывались традиции, сохранявшие память о славных страницах истории Рима, его процветании и величии. Закономерным итогом этого процесса явился захват «вечного города» варварами и крах могущественной некогда державы.

HONORIUS' ROLE DURING THE RULE OF ALARIC AND HIS SUCCESSORS AFTER THE FALLING OF ROME

D.E. Bogdanov

The paper is considering the status of the Theodosius' the Great son, Honorius August, during the rule of Alaric and his successors after the falling of Rome in 410 A.D.

[1] *Гиббон Э.* История упадка и крушения Римской империи. М., 2001. С. 368.

ПОЛИТИК В МАНТИИ: СИДОНИЙ АПОЛЛИНАРИЙ. К ВОПРОСУ О РОЛИ ЕПИСКОПОВ В «БИТВЕ ЗА КЛЕРМОН» (471-475 гг.)

Э.М. Манукян (Иваново)

В настоящей статье рассматривается роль галльских епископов в войнах с варварами на примере участия Сидония Аполлинария и его церковного окружения в вооруженном конфликте с вестготами в Оверни. Автор приходит к выводу, что на фоне ослабления светской власти епископат становится единственным сильным защитником населения от внешних угроз.

Ключевые слова: *Позднеантичная Галлия, епископат, вестготы, Сидоний Аполлинарий, «Битва за Клермон».*

V век – крах римской государственности на Западе. Засилье варваров, императоры-марионетки, повинующиеся германским вождям, упадок экономики, неспособность армии противостоять кому бы то ни было, социальные противоречия – всё это, кажется, ведёт не только к неминуемой гибели Римской империи как государственного образования, но и, что ещё трагичнее, к умиранию многовековой античной культуры. Но если государственные структуры показали всю полноту своей неспособности противостоять кризисной ситуации, то целый ряд государственных функций взяла на себя структура более способная и более перспективная, и ею оказалась христианская Церковь. Признавая, что Церковь в сей нелёгкий век являлась единственной заступницей населения и хранительницей культуры, А.А. Спасский говорил: «опираясь на свой нравственный авторитет, на своё личное влияние, представители христианской Церкви взяли под своё покровительство распадавшуюся в эпоху варварских нашествий общественную жизнь и сохранили её для последующих поколений»[1]. И действительно, спасительную роль Церкви в эпоху крушения старого мира трудно переоценить. В условиях варварского нашествия «естественными вождями», как сопротивления, так и мирного диалога становились епископы городов и общин[2]. Большинство епископов являлись представителями аристократического слоя[3], что давало им дополнительную власть, материальные ресурсы и авторитет в обществе.

Наиболее иллюстративным примером активной деятельности епископов по спасению родной земли выступает малоизвестная широкому читателю т.н. «Битва за Клермон» – оборона галло-римлянами области Овернь во время полномасштабной кампании вестготов в Галлии (471-475 гг.). Во главе обороны стоял епископ Сидоний Аполлинарий, потомственный аристократ и влиятельнейший человек своего времени, занимавший до своего посвящения в сан пост praefectus Urbi.

Английский историк О.М. Далтон так начинает свое Введение к переводу на английский язык сочинений Сидония Аполлинария: «Он видел последнюю болезнь и смерть Римской империи на Западе…, он был молодым современником Аттилы и Гейзериха…, ему было, видимо, 24 года, когда вместе с Валенти-

---

[1] *Спасский А.А.* Лекции по истории Западно-европейского Средневековья. СПб., 2009. С. 109.
[2] *Ешевский С.В.* Аполлинарий Сидоний: Эпизод из литературной и политической истории Галлии V в. // Собр. соч. в 3-х т. М. 1870. Т. 3. С. 269.
[3] *Gassman P.* Der Episcopat in Gallien im 5. Jahrhundert. Diss. Bonn, 1977. S. 64.

нианом III вымер дом Феодосиев, и вандалы захватили град цезарей. Он был еще жив, когда Ромул Августул сложил свою диадему по требованию Одоакра. Не раз его дороги пересекались с последними императорами, правившими в Италии. Как зять и высший придворный государства при Антемии, он видел Рим в завершающей стадии его имперского существования. В своей стране он общался или состоял в переписке со всеми знаменитыми личностями того времени. Он имел честь разделить трапезу с императором Майораном, он играл в кости с королем вестготов Теодорихом II. Он жил, чтобы стать первым из узников, а затем подданным лютого Эвриха, этого преемника Теодориха. Не было почти ни одного значимого имени, с которым он не имел какой-либо связи»[1]. Говоря короче, сама эпоха и обстоятельства жизни Сидония способствовали становлению его как политика и государственного мужа.

Священный сан, однако, не освободил аристократа Сидония от обязанностей выполнять те или иные военно-политические функции. Для жителей Оверни, которым грозила вестготская экспансия, было очень важно иметь в качестве епископа самого богатого и знатного землевладельца провинции, у которого, к тому же, были бы связи при дворе[2]. В общем, Сидоний был приглашен общиной, в первую очередь, для наиболее успешной реализации политических функций, поскольку являлся влиятельным человеком в государстве, имевшим огромный опыт общения с сильными мира сего.

Безусловно, прав А.А. Спасский, говоря, что «население многих городов Галлии и Италии своим спасением, целостью и вообще тем, что оно смогло перенести эпоху варварских нашествий, обязано было никому другому, как только своим епископам»[3]. Епископы христианской Церкви смогли заменить собой все: они и судьи, и правители в одном лице, и ходатаи, и заступники, и, порой, даже полководцы[4].

Не успев даже хоть сколько-то времени освоиться на епископской кафедре, на долю Сидония выпала судьба возглавить оборону Оверни от притязаний вестготского короля Эвриха, нарушившего foedus с Империей. От предыдущих вестготских правителей Эврих отличался тем, что он вел более агрессивную политику, был не только ярым ревнителем арианства, но и настоящим религиозным фанатиком[5]. Сидоний про него сказал: «Говорят, что имя кафоликов так противно его устам и душе, что не знаешь, чем он командует лучше – своим народом или своей сектой» (*Sidon. Apol.* Ep. VII.6)[6]. Данный тезис может подтвердить то, что нашествия вестготов-ариан сопровождались гонениями на православные общины, закрытием храмов и запретом на избрание новых православных клириков на место усопших[7]. Впрочем, может быть, такие действия

---

[1] *Dalton O.M.* Introduction // The Letters of Sidonius, translated, with introduction and notes by Ormonde M. Dalton, 2 vols. Oxford, 1915. P. 12.

[2] *Буяров Д. В.* Светское и христианское начала в мировоззрении Сидония Аполлинария // Религиоведение. №1. 2009. С. 42.

[3] *Спасский А.А.* Указ. соч. С. 107.

[4] Там же. С. 106.

[5] *Dalton O.M.* Op. cit. P. 38.

[6] Здесь и далее в скобках приводятся ссылки на письма Сидония Аполлинария.

[7] *Ешевский С.В.* Указ. соч. С. 282.

Эвриха были вызваны не только арианским фанатизмом, но и чем-то другим? Но об этом позже.

Свидетельствами «битвы за Клермон» (ок. 471-475 гг.), выступают, в основном, ряд писем Сидония, в которых он со всеми подробностями описывает самоотверженную борьбу овернцев во главе с ним и его шурином Экдицием[1] за свою независимость от варваров (III. 3, 4; V. 6). Также упоминание об этой обороне содержится в «Истории франков» Григория Турского. Однако оно более напоминает легенду, чем совершившийся в действительности факт[2].

Во время этой войны Сидонию пришлось привести в активное действие все свои связи и авторитет. Перенимая опыт епископа Мамерта Вьеннского, заботливый пастырь Сидоний вводит для поднятия морального духа овернцев особые коллективные моления – rogationes (V. 14).

В посланиях клирикам соседних городов, Сидоний просил помощи, как моральной, так и материальной (III. 1, 2; V.14). Сначала Сидоний хотел предотвратить войну и уладить дело с помощью дипломатии[3]. Он просит епископа Авита Вьеннского, кстати говоря, своего дальнего родственника, чтобы тот выступил посредником в переговорах между Эврихом и Клермоном: «Мы просим, чтобы Вы вместе с нами заботились как о Церкви нашей, так и, равно, о государстве, которое как некогда было, так и, особенно в это время, будет под твоим покровительством… Да удастся Вам, посреднику между ними [готами] и государством, с помощью Божьего покровительства достигнуть чего-либо более утешительного душе…» (III. 1). Но эти старания оказались тщетны, вестготы взяли город в осаду.

Сидоний умело реагирует на такой поворот событий и налаживает поставки провизии в голодный город. В письме епископу Патиенту Сидоний произнесёт хвалебное слово за помощь в поставке зерна из Лугдуна в Овернь: «…после готского истребления, после уничтожения посевов пожаром ты за свой счет отправил в дар зерно опустошенным и одинаково нищим Галлиям; ты бы оказал не меньшую услугу истощенным от голода народам [populis], даже если бы эта провизия была товаром, а не даром. Мы видим дороги, тесные от твоих плодов, мы видим на берегах Арара и Роны не один амбар, наполненный только по твоей помощи, …от имени города арвернов я выражаю тебе глубочайшую благодарность…, слава твоя разнесена по всей Аквитании» (VI. 12).

Когда в осажденном городе произошел всплеск недовольства, Сидоний призывает в Клермон пресвитера Констанция Лионского, очень влиятельного церковного деятеля и проповедника, дабы тот помог ему водворить мир в расколовшейся на несколько партий общине (III. 2).

---

[1] Брат жены Сидония и сын императора Авита (455-456); при Юлии Непоте назначен magister utriusque militiae в Галлии.

[2] *Gregorius Turonensis.* Historia Francorum. II. 24: «Многие рассказывают, что этот Экдиций был чрезвычайно ловким. А именно: сообщают, что однажды он с десятью мужами обратил в бегство большой отряд готов».

[3] *Карсавин Л.П.* Из истории духовной культуры падающей римской империи (Политические взгляды Сидония Аполлинария). СПб., 1908. С. 49.

Через своего шурина Экдиция, который по его словам проявил недюжинную удаль во время кровавых сражений под стенами Клермона (III. 3), Сидоний старался искать военной помощи у бургундов (III. 4), но, по всей вероятности, безуспешно. Помощи же от Империи, разумеется, ждать не приходилось, ее власть и возможности были слишком слабы, чтобы противостоять такой силе как вестготы.

Противостояние разрешилось дипломатическим путем. Новоиспеченный император Юлий Непот (474-475), обеспокоенный вторжениями вестготов на территории Приморских Альп[1] (Alpes Maritimae), находящихся в непосредственной близости от Италии, решается отправить посольство в столицу Эвриха Толозу во главе с епископом Епифанием Тицинским[2]. Результат миссии был успешный, однако, как можно заключить из жития Епифания, на повестке миссии стоял только вопрос о прекращении вторжений на территории приграничные с Италией, о наступлении же на провинцию Аквитания I речи не шло[3]. Ситуацию в Оверни же и, следовательно, пересмотр пунктов прежнего foedus было решено рассмотреть в следующих переговорах, которые должны были пройти в Арелате, куда от лица Непота был послан квестор Лициниан.

Сидоний осознавал, что в Арелате будет решаться вопрос об условиях передачи Оверни Эвриху на основании нового foedus. Но каковы будут условия? В послании Василию Эсскому он описывает страшные картины запустения приходов и гонений ариан на православных. Василий в составе надзорной коллегии южно-галльских епископов должен был вскоре участвовать в Арелатской миссии от Оверни[4]: «Поставьте же в основу согласия дружбы [amicitiae concordia] – заключает епископ Клермона, – чтобы было разрешено посвящение епископов [episcopali ordinatione] тем народам Галлий, которые по решению будут отрезаны готской границей [limes Gothicae], и чтобы мы владели ими по вере, если уж не можем владеть по договору [ex foedere]» (VII. 6).

Столь обеспокоенное обращение, скорее всего, было вызвано, не только (не **с**только?) религиозными чувствами, но и прагматическими соображениями. Сидоний Аполлинарий понимал, что если Овернский диоцез будет под готами, то и он и его род лишатся всех привилегий и званий; ибо есть возможность предположить, что Сидоний готовил своего сына наследовать ему епископскую кафедру Оверни. Интересно то, что в Галлии V–VI вв., многие епископы были родственниками между собой[5], возможно, это было вызвано аристократическими и клановыми обычаями, ещё не совсем угасшими среди знатных галло-римлян[6]. Основной мотив знати, вставшей на оборону Оверни, Л.П. Карсавин видит в нежелании галло-римских магнатов, одним из которых был и епископ

---

[1] *Gillett A.* Envoys and Political Communication in the Late Antique West, 411-433. Cambridge. 2003. P. 168.

[2] См.: *Эннодий.* Житие блаженнейшего мужа Епифания, епископа Тицинской церкви / пер., вступ. стат. и комм. В.М. Тюленева. СПб., 2013. § 80-94.

[3] *Gillett A.* Op. cit. P. 167-168.

[4] Также в коллегии участвовали епископы Грек Массилийский, Фауст Регийский и Леонтий Арелатский.

[5] *Ешевский С.В.* Указ. соч. С. 270.

[6] См.: *Gregorius Turonensis.* Op. cit. V. 49, где епископ Тура говорит, что только 5 из 18 его предшественников по турской кафедре не были его родственниками.

Сидоний, делить земли с варварами и подчиняться федератам, чья власть была намного крепче, чем римская[1].

Несмотря на сверхчеловеческие усилия клермонцев, Овернь сдали без всяких условий, которые были бы выгодны осажденным. Император Юлий Непот отдал Эвриху Овернь ex foedere, дабы тот возвратил некоторые части Прованса[2] и не продолжил наступление на юг. Скорее всего, официальные представители Непота оказали давление на епископов. Так овернцы стали разменной монетой в угоду имперского «блага». По словам Самуэла Дилля, имперское руководство Непота «отвергло своих последних подданных и признало окончательную немощь Империи»[3].

Узнав о случившемся, потрясенный Сидоний в спешке отправляет участвовавшему в коллегии епископу Греку Массилийскому письмо следующего содержания: «Постыдитесь вы, умоляем, постыдитесь такого договора [huius foederis], от которого нет ни пользы, ни приличия… вы мало заботитесь об общественном [благе] и, когда собираетесь на совещание, [ваши] заботы не столько о том, как предотвратить общественные опасности, сколько о ваших личных интересах… Чего бы это ни стоило, разорвите это позорное соглашение [statum concordiae turpis]. Если же необходимо, мы еще выдержим осаду, еще раз сразимся и вытерпим голод» (VII. 7).

Упреки Сидония были тщетны, и, по приказу Эвриха, его как лидера сопротивления ссылают в крепость Ливии, что на границе с Испанией (VIII. 3). Возможно, прав был Л.П. Карсавин, говоря в противовес С.В. Ешевскому, что религиозный характер войны преувеличен, и что ортодоксальная Церковь была гонима не из-за разногласий в религиозных догматах, но потому, что епископы являлись потенциальными предводителями общин[4].

В связи с упадком римской государственности к V в. усиливается процесс функциональной интеграции Церкви в сферу светской власти, старт которой был дан еще в IV в. с реформ Константина Великого. И данный эпизод из истории падения Западной Римской империи отлично показывает, насколько церковная организация в лице своих энергичных представителей была сильнее, как материально, так и морально, шатких государственных структур, которые были не способны даже пытаться защитить свои земли; которые в угоду своей выгоде и безопасности были готовы предать интересы и религиозную самостоятельность своих подданных.

SIDONIUS APOLLINARIS, THE POLITICIAN IN THE ROBE. TO THE QUESTION ABOUT THE ROLE OF BISHOPS IN THE «BATTLE FOR CLERMONT» (471-475 AD)

E.M. Manukyan (Ivanovo)

In this paper the author considers the Gallic bishops' role in warfare against the barbarians on example of Sidonius Apollinaris' participation and his ecclesiastical community in the battle against the Visigoths in Auvergne. The author concludes that against the background of the attenuation of the secular power episcopate becomes the only strong defender of the violence against the external threat.

---

[1] *Карсавин Л.П.* Указ. соч. С. 47.

[2] *Minor Ch.P.* The Gallic Aristocracy and the Roman Imperial Government in the Fifth Century A.D. A Thesis in history. Texas, 1976. P. 74.

[3] *Dill S.* Roman Society in Gaul in the Merovingian Age. London, 1926. P. 5.

[4] *Карсавин Л.П.* Указ. соч. С. 48.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВИЗАНТИЙСКОЙ АФРИКИ В VI В.

Н.Е. Третьякова

В работе представлено исследование географических особенностей Византийской Африки в VI веке. Отдельно характеризуется каждый исторический регион Провинции.

Ключевые слова: *Византийская Африка, Карфаген, Нумидия, Сетифская Мавритания, Цезарейская Мавритания, Тингитанская Мавритания, Византийская Бизацена, Триполитания, Сардиния.*

В современной российской исторической науке тема «Северная Африка в период византийского господства» обладает низкой степенью изученности и остается актуальной. Северная Африка, а после установления византийской власти в 534 году – провинция Византийская Африка – представляла собой особый феномен. Особенность провинции скрывалась в ее местных жителях – берберских или мавретанских племенах. Маврусии представляли собой разрозненное общество на стадии разложения родового строя, постоянно имеющие межплеменные конфликты и, одновременно, целостное общество с единой религиозной системой, которая к VI веку смогла синтезировать в себе языческие и христианские мотивы. Процент изученности политической, экономической и военной ситуации в регионе немного выше, нежели процент изученности этнокультуры мавретанских племен и ареал их заселения.

Вызывает интерес и изучаемый хронологический период (VI в.), который можно характеризовать и как «позднеантичный», и как «ранневизантийский».

Однако объектом данного исследования станет тема географических особенностей Византийской Африки в VI веке.

В ходе изучения данного вопроса мы пользовались трудами западноевропейских исследователей, а именно Ш. Диля[1], К. Жюлльена[2], А. Гийу[3].

Африкой в античное время называлась территория, включавшая в себя Тунис и побережье ливийского плоскогорья (Триполитания), средиземноморскую часть Атласа и кромку высоких степных равнин, а также Сеуту и ее окрестности на западе.

Горные цепи региона можно разделить на три зоны. Первая зона – это Тель-Атлас на побережье – длинный пояс из горных цепей[4]. Массив изрезан широкими водоемами и глубокими лощинами, где сосредоточилось население и сельское хозяйство, а также круглыми бухтами, открывающими доступ к маленьким прибрежным равнинам. Благоприятный климат способствовал выращиванию средиземноморских культур повсюду, где на это хватало толщины почвы[5]. Вторая зона – внутренние равнины между горами, покрытыми кустарником. В этой зоне климат достаточно сух (жаркое лето и холодная зима). Во время византийского владычества сельское хозяйство здесь играло большую роль, кочев-

---

[1] *Диль Ш.* Юстиниан и византийская цивилизация в VI в. СПб., 1906. 188 с.
[2] *Жюлльен К.* История Северной Африки. Т. 1. М.: Наука, 1950. 422 с.
[3] *Гийу А.* Византийская цивилизация. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 512 с.
[4] Гийу А. Указ. соч. С. 211.
[5] Там же С. 212.

ничество было развито меньше. Последняя зона – Сахарский Атлас на краю пустыни[1], он состоял из пригорков и коротких горных цепей. Нужно сказать, что территория была хороша орошаема. Здесь концентрировались летние пастбища. Самая высокая часть массива – Орес (2300 м)[2] – служила убежищем и была центром берберского населения.

В восточной части региона простиралась провинция Нумидия. Она была представлена высокими внутренними равнинами, не превышавшими 800–900 м. Горы здесь были покрыты лесами, урожаи зерна обильны, а города многолюдны. В Нумидии выращивали пшеницу, виноград, оливковые деревья. Нужно сказать, что по этой части региона проходили основные торговые пути, соединявшие Карфаген, Константину, Тебесту, Тамугади, Ламбезис, Бискру и пустыню. От провинции Нумидии вплоть до озера Эль-Ходна простиралась Сетифская Мавритания[3]. Ее столицей был Сетиф (в настоящее время территория северо-востока Алжира). Западнее находилась Цезарейская Мавритания (запад Алжира), которая не имела четких границ. Чуть выше располагалась Тингитанская Мавритания (север совр. Марокко). Западнее Византийская империя владела только Сеутой (северное побережье современного Марокко) - важной позицией для контроля над Гибралтарским проливом и подступами к Испании.

На северо-востоке и востоке византийской Африки располагались последние горные цепи Тель-Атласа и Сахарского Атласа, возвышающиеся над отдельными впадинами[4].

Недалеко от этой местности, на группе холмов, разделяющих залив на два бассейна, был расположен византийский Карфаген - наследник римского Карфагена, столица византийской Африки. Владея узким морским заливом, отделяющим Африку от Сицилии, являясь началом сухопутных путей, которые вели на запад и на юг и углублялись в Атласские горы, достигая земель, благоприятных для злаковых и лесоводческих культур, Карфаген пережил последний блистательный период своего долгого существования как центр цивилизации и культуры[5]. В 590 г. город станет столицей Карфагенского экзархата, а в 698 г. падет под ударами арабов.

Византийская Бизацена (юг современного Туниса) состояла из сплетения плоскогорий и горных цепей, изрезанных многочисленными впадинами и равнинами. Здесь царил средиземноморский климат, благоприятный для выращивания оливковых деревьев и зерновых культур. Несмотря на изрезанный рельеф, археологические находки указывают на то, что горы Бизацены в византийскую эпоху также были обитаемы, покинули их только в более поздний период.

Триполитания (в настоящее время северо-запад Ливии) – малоизученный регион Африки. Летом в Триполитании дуют северо-восточные пассаты, которые приносят с собой сильную жару и засуху, однако на зиму они уступают северо-западным ветрам и дождю, характерным для средиземноморского климата. Самые

---

[1] *Гийу А.* Византийская цивилизация. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. С.216.
[2] Там же. С.214.
[3] Там же. С.214.
[4] Там же. С. 216.
[5] Там же. С. 218.

обильные осадки выпадают на прибрежной полосе, которая простирается между Сабратой и Мисуратой, вдоль Джебеля между Джефреном и побережьем[1].

Византийскую Африку дополняла Сардиния, отнятая у вандалов в 534 г.

Таким образом, мы видим, что Византийская Африка – это «житница Империи», географически выгодно расположенная и плодородная территория. С приходом византийцев на эти земли, в Африке начинаются «смутные времена», одной из причин которых служит борьба за плодородные земли и «место под солнцем». В борьбе с местными племенами, растянувшейся почти на 15 лет, империя потратила немало сил и средств.

GEOGRAPHICAL FEATURES OF BYZANTINE AFRICA IN THE 6TH CENTURY

N.E. Tretyakova

In this paper presented the research of geographical features of Byzantine Africa in the 6th century. Each historical region of the Province characterized singly.

Keywords: Byzantine Africa, Carthage, Numidia, Mauritania Setifskaya, Tsezareyskaya Mauritania, Mauritania Tingitanskaya, Byzantine Bizatsena, Tripolitania, Sardinia.

ВЕРЕКУНД ЮНКСКИЙ – ЛАТИНСКИЙ ПОЭТ-БОГОСЛОВ ИЗ ВИЗАНТИЙСКОЙ АФРИКИ

К.Н. Болгов

В работе рассматривается наследие христианского латинского эпического поэта из Африки Верекунда. Делается вывод о том, что этот поэт является единственным представителем своего жанра в византийской Африке.

Ключевые слова: *Верекунд, Африка, поэзия, латинский, византийский.*

Византийская Африка с центром в Карфагене (533-698 гг.), отвоеванная империей у вандалов, стала одним из наиболее важных латиноязычных регионов Ранней Византии. Если ее история уже становилась предметом изучения (Ш. Диль и др.), то ее латинские писатели – нет (лишь в нашей диссертации исследованы место и роль Кориппа и Присциана в латинском сегменте культуры Ранней Византии)[2]. Еще одним африканским латинским эпическим поэтом был Верекунд (ум. 552 г.), епископ г. Юнка (пров. Бизацена), церковный писатель и поэт.

Византийская Бизацена – южная часть совр. Туниса - состояла из сплетения плоскогорий и горных цепей (до 1400 м над уровнем моря) с многочисленными впадинами и равнинами. Унга (Юнка) была расположена на побережье, среди других портов: Сус (Гадрумет Юстиниана), Ламта (Малый Лептис), Рас-Димес (Тапс), Салакта (Суллектум), Юстинианополь (к югу от Рас-Капудии), на юге Габес.

Верекунд застал еще в полной мере вандальскую власть, а византийская эпоха в его жизни охватывает около 20 лет. Он проявил себя в истории прежде всего как церковный деятель, ревностный противник эдикта Юстиниана «О трех главах». Вместе с папой Вигилием и епископом Гадрумета Примасием Верекунд

---

[1] *Гийу А.* Византийская цивилизация. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. С. 222.

[2] *Болгов К.Н.* Латинский сегмент культуры Ранней Византии. Автореф. канд. дисс. Белгород, 2013.

находился в Константинополе с 547 г., где продолжал протестовать против осуждения «трех глав» и представлял Бизацену на подготавливавшемся соборе.

В конце декабря 551 г. вместе с папой Вигилием Верекунд был вынужден бежать из столицы и укрыться в Халкидоне, в базилике св. Евфимия, где вскоре и скончался. Как богослов Верекунд - автор «Комментариев на церковные песнопения» (Commentarii super Cantica Ecclesiastica), где он, подражая Оригену и блж. Августину, аллегорически интерпретирует библейские песни. Но в наибольшей степени он представляет для нас интерес как эпический христианский поэт.

Верекунд известен «Песней об исполнении покаяния» (Carmen de satisfactione poenitentiae), состоящей из 212 гекзаметров и ориентированной на стиль Драконция, также африканского латинского поэта вандальского времени. Верекунд изображает страдание души, исповедующейся Господу после печального жизненного опыта, и возлагающей надежду на Его милосердие.

Верекунду также приписываются «Извлечения из деяний Халкидонского Собора» (Excerptiones de gestis Chalcedonensis Consilii), но его авторство в данном случае сомнительно.

Эпическая поэма Верекунда носит полностью богословский характер, что сближает его с такими христианскими латинскими поэтами Запада как Седулий, Ювенк, Авит и др. Таких произведений в христианской латинской поэзии Ранней Византии нет. Однако, почти 15 лет, проведенных под властью империи в Африке, а также 5 лет в столице или близ нее, позволяют рассматривать Верекунда как латинского поэта Ранней Византии. В таком случае он продолжает ряд африканских латинских поэтов поздней античности (Присциан, Корипп).

Схож и жизненный путь – приезд в Константинополь. Но есть и существенные отличия – это деятель церкви, отсюда – богословская тематика его поэмы.

Таким образом, Верекунд занимает уникальное место в латинской словесности как единственный латинский христианский богословский поэт Ранней Византии, продолжавший эпические традиции.

Впервые сочинения Верекунда были изданы кардиналом Ж. Питра в Париже в 1858 г. Критическое издание поэмы выпустил в 1943 г. в шведском Лунде Эрик Куллендорф. В 1959 г. вышел перевод поэмы на английский язык (Дж. Стеббинс, Католический университет Америки). Оригинал поэмы вместе с Commentarii super Cantica Ecclesiastica издан в 1976 г. в Corpus Christianorum: Series Latina 93 (Tunrholti, Brepols). В 1984 г. в Неаполе вышло еще одно издание поэмы (ред. Мария Грация Бьянко). Русских переводов нет.

VERECUNDUS YUNKIAN AS A LATIN THEOLOGICAL POET FROM BYZANTINE AFRICA

K.N. Bolgov

СИМВОЛИЗМ АНТИЧНЫХ ОБРАЗОВ В ПОЭЗИИ ВАГАНТОВ

М.Г. Денежкин (Иваново)

Статья посвящена феномену символизма античных образов в поэзии вагантов. Работая с изданием одного из манускриптов поэзии вагантов, можно сделать ряд интересных наблюдений. Античные образы лишаются своей художественной конкретики, на первый план выходит чувственные абстрактные категории, в центре которых – идея о нестабильности, бренности внешнего мира. Такая интерпретация античного наследия уходит корнями в культуру средневекового студенчества, возникающую на рубеже XII и XIII веков.

Ключевые слова: *поэзия вагантов, средневековое студенчество, античные образы, чувственное восприятие мирского.*

Символизм мышления – один из узловых феноменов средневековой культуры. Культура первых европейских университетов воспроизвела этот феномен в совершенно особой форме: символы и образы литературных источников отражают характерные моменты развития первых университетов и жизни студенчества. И эти характерные моменты нашли себе отражение на воспроизведении античных образов в поэзии вагантов. В данном кратком исследовании мы сосредоточимся на природе античных образов в поэзии вагантов, на их символическим содержании.

Что мы понимаем под «поэзией вагантов»? Основу поэзии вагантов составляют рукописи XII и XIII в. Двадцать рукописей хранятся во Франции - к ним следует присоединить две французские по происхождению - Вольфенбюттельскую и Хердрингенскую. Геттингенская рукопись является английской. Очень тесно связана с ними Бенедиктобуранская рукопись (Carmina Burana) с ее списками «парижских» песен и с немецкими элементами в произведениях пиршественной и любовной лирики. Рукопись была создана, судя по всему, в начале XIII в., она представляет собой огромное множество поэтических импровизаций, собранных под определенными сюжетами и темами. Важно, что поэзию вагантов мы понимаем не как творчество веселых кабацких завсегдатаев, не имеющее под собой реальной социальной основы. Средой бытования поэзии вагантов были зарождающиеся университеты, и поэзия вагантов отражает специфику студенческого самосознания. Такой исторический подход к поэзии вагантов отстаивается в работах О.А. Добиаш-Рождественской, Ч. Хэскинса, П. Дронке.[1]

На данный момент есть довольно большой пласт не переведенного на русский язык материала из «Carmina Burana». Мы рассмотрели ряд стихотворений из мюнхенского издания Бенедиктобуранского манускрипта 1979 г.[2]

Символизм в поэзии вагантов становится своего рода типом коллективного мышления. Он «впускает» в абстрактные категории отдельные черты реаль-

---

[1] *Добиаш-Рождественская О.А.* Коллизии во французском обществе XII-XIII вв. по студенческой сатире этой эпохи // Культура западноевропейского Средневековья. М., 1987. С. 115–143. *Haskins Ch.* Homer. The rise of universities. New York, 1923 / Интернет-ресурс http://www.elfinspell.com/Universities1.html / Дата обращения 10.09.2014. *Dronke P.* Profane elements in literature // Renaissance and Renewal in the Twelfth Century. Cambridge, 1982 / Интернет-ресурс http://books.google.ru / Дата обращения 10.09.2014.

[2] Carmina Burana / ed. G. Bernt, A. Hilka, O. Schumann, München. 1979 / http://www.hs-augsburg.de / Дата обращения 10.09.2014

ности. Через символ происходит попытка понять реальность. Символы Фортуны и Денег, ярко представленные в первой части «Carmina Burana» («Песни моральные и сатирические»), становятся путем для осознания качеств социальной реальности, ужасов внешнего мира. Эти символы – не просто силы, движущие миром, это модели, в которые вкладывается содержание социальной жизни. На первый план выходит отношение к современному обществу целого сословия, в котором в ходу были общие символы реальности, общее их понимание.

Своеобразный символизм можно проследить и в применении античных образов. Античные образы тесно переплетены с чувственным началом:

Зыбкость вместе с Протеем
Меняет фигуру,
Принимает поэтому
Неизвестные формы.[1]

Образ Протея связан с чувственной формой зыбкости, и ему противопоставляется «неизменность, сохраняющая внутренний облик». Античный образ здесь предстает не как самостоятельный элемент, он отвлечен от литературного своего содержания. Протей здесь оказывается визуальным выражением абстрактной категории, своего рода инструментом для выражения идеи зыбкости.

Во второй части «Carmina Burana» («Песни любовные») «античный инструментарий» для визуализации абстрактных категорий используется наиболее наглядно. Наступление весны описывается в образе хоровода, в которой вступают античные герои:

В этот хоровода круг
Наш Юпитер прибывает
со своей Юноной,
Купидон с Дионой,
Затем звездоносный Аргус
И цветоносный Нарцисс
Орфей поющий,
И рогоносный фавн.[2]

Вместе с античными божествами в этот хоровод вступают и «окрыленные собрания» весенних птиц. Такого рода параллели – наблюдений за природой, за птицами, то есть наблюдений натуралистических с именами и историями богов – делают мысль автора очень витиеватой (в восприятии современного читателя).

---

[1] Mutat cum Proteo
figuram levitas,
assumit ideo
formas incognitas; / Carmina Burana. München, 1979, verse 15 / далее - Op. cit. и номер стиха – verse.

[2] his autem conciliis
noster adest Iupiter
cum sua Iunone,
Cupido cum Dione,
post hos Argus stellifer
et Narcissus floriger
Orphëusque plectriger,
Faunus quoque corniger / Op. cit., verse 58.

Например, пение соловья – не только символ весны, но и символ мифологической истории о Терее, Филомеле и Итии:

Сердце, созвучное птиц
Звонким голосам
Приветствует Юпитера.
В них соловей
Повторяет Терея
В словах, и уже
Древнюю жестокость рока
Отменяет.
Но пока она винит судьбу
За погубленного Ития
Черный дрозд
Компанует
Песни на флейте.[1]

Использование античных образов говорит нам не столько о литературных предпочтениях автора, сколько о мифологической образности его мысли. Образности, в которой имеют место как реальные явления, так и отвлеченные категории. И в таком соотношении нет никакого противоречия – реальное и идеальное переплетены в сложном единстве. Использование античных образов – имеет своим предметом не литературное содержание античных мифов. Речь идет скорее о чувственной реальности, которая структурируется, укладывается автором в определенные рамки.

Символизм античных образов становится определенным путем для построения умственных абстракций. Античный образный ряд переносится непосредственно на социальную реальность. Интересный пример такого мы находим у Вальтера Шатильонского в стихотворении «Для Сиона я не смолчу». Автор начинает свою речь с идеи, что церковь должна быть главой общества, но на деле ее корабль терпит крушение в море мирских страстей. В визуальном море церковь примыкает то к Сцилле, то к Харибде, и эти образы наделяются совсем не мифологическим содержанием:

Собаками Сциллы могут называться
Враги истины,
Защитники курии,
Которые своим лаем
выдумывают лживое,
потопляют и
сокрушают денежное судно[1].

---

[1] excitat in gaudium cor concentus avium
voce relative Iovem salutantium.
in his Philomena Tereum reiterate
et iam fatum antiquatum querule retractat.
sed dum fatis obicit Itym perditum,
merula choraulica carmina coaptat / Op. cit., verse 58.

Социальная реальность – алчность и ложь защитников курии - видится автору сквозь призму образов и абстракций. В образе Харибды также предстает реальная канцелярия, которая также погрязла в жадности и взяточничестве. Можно сказать об общем пути построения античного образа – от визуальной чувственности – будь то весенний хоровод, море мирских страстей – мысль приходит к античным образам в поисках структуры, порядка. И этот порядок применяется как антитеза к неупорядоченной социальной реальности.

Античный образ предстает нам не столько авторской реминисценцией, сколько интеллектуальным инструментом для восприятия мира. Это уже не авторский образный ряд, но некоторый универсальный «язык образов», характерный для автора и его аудитории. В центре символизма античных образов оказывается чувство, живо воспринимающее окружающий мир.

В ходе чувственного восприятия на первый план выходит не чувство автора, а то, какое действие на осязаемую реальность оказывает умопостигаемая категория – будь то отвлеченная шаткость или более предметное корыстолюбие.

От художественной конкретики античных образов поэзия вагантов ведет к абстрактной чувственности отвлеченных категорий. Показательна цитата из эпистол Горация, которая трансформируется в рассуждение о «твердости», стабильности мирской жизни: «твердость меняет небо, но не меняет душу»[2].

Коллективное сознание студенчества, которое подхватывало античные образы, лишало эти образы аутентичного содержания. Античные образы также становились своеобразными шаблонами для осмысления внешнего по отношению к студенчеству мира.

Перед нами – очень интересная интерпретация античных образов. Они наделяются совершенно особым символическим рядом, и на первый план выходят абстрактные чувственные категории. В центре такого осмысления античного наследия – особый путь видения мира в «Carmina Burana». Во-первых, мышление автора конца XII в. еще не знает какой-либо выверенной терминологии, в рамках которой могло бы идти обсуждение социальных проблем. Сознание человека того времени еще не пережило схоластической «демифологизации» мышления, и потому осмысляет реальность внутри особых образных форм. И античные образы стали особым путем для осмысления внешнего мира, для структуризации мышления.

Есть и второй момент, не менее важный для нашего внимания. Студенческое самосознание, которое формировалось в период конца XII – начала XIII в., оказалось в совершенно особом положении. Многие студенты жили в постоянном движении от школы к школе, от профессора к профессору, и это создавало как ситуацию постоянной социальной мобильности, так и ситуацию нестабильности.

---

[1] Canes Scylle possunt dici
veritatis inimici,
advocati Curie,
qui latrando falsa fingunt,
mergunt simul et confringunt
carinam pecunie. / Op. cit., verse 41.

[2] Celum, non animum mutat stabilitas / Op. cit., verse 15.

Нестабильность вела как к тяжелым условиям быта, так и к особому восприятию мира. Перемещение из одного города в другой в поиске знаний неизбежно сопровождалось постоянной потребностью в собеседнике, с которым можно было бы поговорить обо всем. О женщинах, о Боге, о деньгах или Фортуне – главным здесь оказывался факт разговора. И адресация поэзии вагантов – не к конкретной личности и не к группе людей, а именно к человеку, который может выслушать и узреть смысл.

Так создавалась ситуация, в которой целая группа людей разного происхождения столкнулась со схожими проблемами как в быту, так и в общих взглядах на мир. А значит – конструировался особый, универсальный язык, полный образности, чувственности, но оставляющий в стороне литературную конкретику античных образов.

В таком переплетении жизненной конкретики и чувственно-абстрактных категорий осмысления мира зарождается особый символизм античных образов. В его основе коллективное восприятие мира, имеющее своей целью воплотить усилия группы людей по поиску своего места в мире. Несомненно и другое: сквозь утонченные построения образной реальности проступает вполне сознательный интерес к современному обществу, полный тревоги и недоумения мыслящего человека.

THE SYMBOLISM OF ANCIENT IMAGES IN GOLIARDIC POETRY

M.G. Denezhkin (Ivanovo)

The article is devoted to the phenomenon of the symbolism ancient images in goliardic poetry. Working with the publication of one of the manuscripts of goliardic poetry, we can make some interesting observations. Ancient images reproduced without literary concreteness, in the foreground appears sensitive abstract categories, in the center of this categories - the idea of instability of the outside world. Such interpretation of ancient heritage closely connected with the culture of medieval students, arising at the turn of the XII and XIII centuries.

Keywords: goliardic poetry, medieval students, ancient images, sensitive perception of profane.

РАННЯЯ ВИЗАНТИЯ

О ТАИНСТВЕ КРЕЩЕНИЯ В ПАМЯТНИКАХ СВЯТООТЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А.Д. Стржалковская

В статье рассматриваются сведения о таинстве крещения, содержащиеся в ранневизантийских памятниках святоотеческой литературы. Приведены отдельные наиболее значимые и известные по данной теме труды святых отцов. Полученные сведения изложены в хронологической последовательности и были выделены основные моменты в содержании самого обряда.

Ключевые слова: *обряд, таинство, крещение, святоотеческие труды.*

У многих древних церковных авторов в их произведениях имеются сведения, касающиеся Таинства Крещения его смысла, значения и проведения самого обряда.

Одним из самых ранних авторов, кто уделил внимание этому вопросу, стал Тертуллиан (155-220 гг.) церковный деятель кон. II – нач. III вв. У него есть труд, посвященный этой теме «De Baptismo» («О Крещении»).[1] В этом произведении древний автор весьма подробно и всесторонне описывает таинство, касаясь и богословского смысла, и обрядовой стороны, уделяя внимание вопросу происхождения и прообразам Крещения в христианской традиции.

Киприан Карфагенский (III в.), считающий Тертуллиана своим учителем, дополняет труд «De Baptsimo» своим произведением «Письмо к Фиду, о крещении детей»[2], где дается разъяснение о важности крещения младенцев.

Ипполит Римский (170-235 гг.), которого принято считать автором «Апостольского предания»[3], очень подробно раскрывает обрядную сторону таинства крещения.

При рассмотрении нашей темы нельзя оставить без внимания труды и более поздних авторов IV-VII вв., таких как Иоанн Златоуст, Василий Великий, Кирилл Иерусалимский, Григорий Богослов и Максим Исповедник.

На протяжении нескольких веков упомянутые выше церковные авторы были едины в том, что Таинство Крещение совершается при использовании воды. Это находит свое подтверждение у Тертуллиана: «Животворно таинство нашей воды ибо, смыв ею грехи вчерашней слепоты, мы освобождаемся для жизни вечной!.. Мы же рыбки вслед за рыбой нашей Иисусом Христом, рождаемся в воде.»[4] И далее в своем произведении даёт объяснение, почему именно вода имеет такое значение для христиан: «Но достаточно было бы остановиться на том, в чем проявляется сущность крещения, - прежде всего на том, что уже тогда предуказывало в действии Духа Божьего образ крещения: Дух с самого

---

[1] Тертуллиан. О крещении. М.: Издательская группа «Прогресс-Культура», 1994.

[2] Творения св. свщмч. Киприана, еп. Карфагенского (Серия «Библиотека творений св. отцов и учителей Церкви западных»). Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1879. Ч. 1, п. 46. С. 186-190.

[3] Ипполит Римский Апостольское предание / рус. перевод П. Бубуруз. http://azbyka.ru/otechnik/?Ippolit_Rimskij/Apostolskoe_predanie=1_21

[4] Тертуллиан. О крещении. М.: Издательская группа «Прогресс-Культура, 1994. Гл. 1-3, 1.

начала мира летал над водами, намереваясь задержаться только над водами окрещенных. Но святое, конечно, находилось над святым, и последнее получало свою святость от первого. Ибо всякое подчиненное вещество неизбежно перенимает качество от того, которое находится над ним, особенно телесное у духовного, легко проникающего и овладевающего, благодаря тонкости своей субстанции. Таким образом, природа вод, освященная святым, и сама получила способность освящать»[1].

Ипполит Римский в своем произведении «Апостольское предание», говоря о воде, даёт очень ценные и достаточно подробные инструкции о подготовки воды для обряда крещения: «Ко времени пения петуха, он (епископ) пусть молится сначала над водой. Вода должна быть проточная из источника или текущая с высоты. Пусть это совершается таким образом, если нет какой-нибудь другой необходимости. Если же есть постоянная и срочная необходимость, пользуйся водой, которая есть.»[2] И далее указывает на использование воды непосредственно в самом обряде: «Диакон тоже пусть спустится с крещаемым таким образом в воду…»[3].

Кирилл Иерусалимский в IV веке говорил о воде: «И вы исповедовали спасительное исповедание, и погружались троекратно в воду…»[4]

Св. Василий Великий (330-379 гг.) в своей «беседе» «Побудительной к принятию святого крещения»[5] упоминает: «А ты, когда надобно не на огненные восходить колесницы, но водою и Духом взойти на небо, не спешишь на призвание?»[6]

У Максима Исповедника (580-662 гг.) мы также встречаем упоминания о воде, связанной с таинством Крещения: «А если мы сознательно приготовили бы волю к принятию их, то есть воды и Духа, то тогда таинственная вода совершила бы очищение [нашей] совести через деятельное любомудрие и животворящий Дух произвел бы в нас непреложное совершенство через опытное ведение.»[7]

Переходя собственно к самому обряду, то он, по словам древних авторов, происходил обычно через троекратное погружение в воду. В III в. Ипполит Римский описывал это следующим образом: «Когда крещаемый войдет в воду, то совершающий крещение пусть возложит на него руку, говоря так: «Веруешь ли ты в Бога отца всемогущего?» И тот, кто крещается, пусть говорит: «Верую». И тотчас имеющий руку на голове его пусть погружает его один раз. И после этого пусть он говорит: «Веруешь ли ты в Иисуса Христа, сына Божия, рожденного от Духа Святаго и от Девы Марии…?» И когда он ответит: «Верую», то пусть погружает его во второй раз, и пусть снова скажет: «Веруешь ли ты в Духа Свято-

---

[1] Тертуллиан. О крещении. М.: Издательская группа «Прогресс-Культура, 1994. Гл. 1-3, 1.

[2] Ипполит Римский Апостольское предание / рус. перевод П. Бубуруз. http://azbyka.ru/otechnik/?Ippolit_Rimskij/Apostolskoe_predanie=1_21

[3] Там же.

[4] Кирилл арх. Иерусалимский. Поучения огласительные и тайноводственные (Репринтное воспроизведение издания 1822 г.). М.: Синодальная библиотека Московского Патриархата, 1991. П. 3, 4.

[5] Святитель Василий Великий. Беседы. М.: Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2001.

[6] Там же. Беседа 13.

[7] Максим Исповедник. http://apologiya.orthodoxy.ru/baptize/mi.htm

го, и во святую Церковь, и в Воскресение плоти?» И крещаемый пусть говорит: «Верую». И тогда пусть погружает его в третий раз».[1]

Обряд сохранил свои черты и в IV в., что подтверждает Кирилл Иерусалимский: «После сего вы были ведомы ко святой купели божественного крещения, каким образом Христос от креста к прилежащему гробу. И вопрошаем был всякий из вас, верует ли во имя отца, и сына, и святого духа? И вы исповедали спасительное исповедание, и погружались троекратно в воду, и паки из воды появлялись».[2]

Крещение обычно проводили священники или епископы. Тертулиан устанавливает некоторую иерархию на право совершать крещение: «Право совершения принадлежит первосвященнику, то есть епископу. Затем идут пресвитеры и диаконы, – однако, не без воли епископа, чтобы сохранялось уважение к церкви, при соблюдении которого сохраняется и мир, впрочем, это право дано также мирянам. Ибо что одинаково приемлется, то одинаково может быть и дано. Если нет епископов, или хотя бы пресвитеров и диаконов, зовут учеников. Слово Господа не должно быть сокрыто ни от кого, поэтому и крещение, такое же достояние божье, могут совершать все. Но у мирян скромность и самообладание должны быть много больше, чтобы они не присваивали себе священные обязанности епископа»[3]. Ипполит Римский в своем описании обряда упоминает епископа: «Епископ же, возлагая руку на них, пусть возглашает…»[4] Григорий Богослов также писал о тех, кто проводил обряд крещения, ссылаясь на 1 Книгу Царств: «Не говори: «меня должен крестить Епископ, притом Митрополит и Иерусалимлянин (благодать не от места, а от Духа), сверх того кто-нибудь из людей благородных; ибо опасно, чтобы благородство мое не было унижено крестителем; или хотя священник, но безбрачный, человек воздержный и ангельской жизни; ибо несносно, если осквернюсь во время очищении». Не вникай в достоверность проповедника или крестителя. У них есть другой Судия, испытующий и невидимое; потому что человек (зрит) на лице, Бог же на сердце (1 Цар. 16, 7)».[5]

Крещаемый по традиции должен был при себе ничего не иметь, кроме приношений, которые традиционно приносили в храм христиане, и одежды, в которой он и будет во время крещения. Григорий Богослов писал об этой традиции, хотя и указывал, что это не столь важно, и не стоит крещаемому на этом заострять внимание, гораздо важнее должно быть само таинство, эти сведения интересны как информация, о том, как выглядела внешняя сторона обряда: «Стыдно говорить: «где у меня приношение по Крещении? Где светлая одежда, в которой бы просветиться Крещением? Где нужное для принятия моих крести-

---

[1] Ипполит Римский Апостольское предание / рус. перевод П. Бубуруз. http://azbyka.ru/otechnik/?Ippolit_Rimskij/Apostolskoe_predanie=1_21

[2] Кирилл арх. Иерусалимский. Поучения огласительные и тайноводственные (Репринтное воспроизведение издания 1822 г.). М.: Синодальная библиотека Московского Патриархата, 1991. П. 3, 4.

[3] Тертулиан. О крещении. М.: Издательская группа «Прогресс»-«Культура», 1994. Гл. 17.

[4] Ипполит Римский Апостольское предание / рус. перевод П. Бубуруз. http://azbyka.ru/otechnik/?Ippolit_Rimskij/Apostolskoe_predanie=1_21

[5] Григорий Богослов. Творения. СПб.: Изд-во П.П. Сойкина, 1912. Т. 1. С. 544-575.

телей, чтобы и в этом не остыдить себя?»[1] Ипполит Римский также касается этого вопроса, и пишет следующее: «Облачитесь в одежды и в первую очередь крестите детей. Все те, которые могут говорить о себе, пусть говорят. За тех же, которые не могут говорить о себе, пусть говорят их родители или кто-нибудь из родственников. Затем крестите мужчин и, наконец, женщин, после того как все они расплетут свои волосы и снимут золотые и серебряные украшения, имеющиеся на них, и пусть никто не берет с собою при вхождении в воду посторонней вещи»[2].

Подводя итоги, можно сказать, что начиная со II и по VII вв. обряд Таинства Крещения носил весьма похожие черты. Так, например, все отцы Церкви описывают в своих произведениях, что крещение всегда совершалось только водой, желательно чистой и проточной. Древние авторы дают при этом достаточно подробное объяснение, почему именно ей отводится такое место, объясняют ее смысл в христианском учении: «Животворно таинство воды, ибо смыв ею грехи вчерашней слепоты, мы освобождаемся для жизни вечной! …Мы же, рыбки, и вслед за «Рыбой» нашей Иисусом Христом, рождаемся в воде»[3]. «Начало мира – вода. Где Бог вступает в завет с кем-нибудь, там и вода».[4]

Происходил обряд крещения через троекратное погружение в воду, с возложением рук крестителем на крещаемого и произнесением соответствующих молитвенных фраз. В момент крещения человек проходил очищение от всего греховного: «Сия благодать и сила Крещении не потопляет мира, как древле, но очищает грех в каждом человеке, и совершенно измывает всякую нечистоту и скверну, привнесенную повреждением.»[5] Сам крещаемый должен был быть одет в одежду, принесенную им для крещения, не надевать и не иметь при себе ничего лишнего, к этому могли относиться, например, украшения, прически и другие предметы, приносимые с собой, но это правило не относилось к церковному приношению. Крещение могли совершать священнослужители (епископы, пресвитеры или диаконы), но в особых исключительных случаях, и если не было поблизости священнослужителя, то разрешалось мирянам совершать крещение, но при определенных условиях, и если этот человек соответствовал образу благочестивого христианина.

ON THE SACRAMENT OF BAPTISM IN THE EARLY BYZANTINE MONUMENTS PATRISTIC LITERATURE

A.D. Strzhalkovskaya

The article deals with information about the sacrament of baptism, contained in early Byzantine monuments of patristic literature. Shows some of the most important and well-known works on the subject of the Holy Fathers. The findings are presented in chronological order and identified the key moments in the content of the rite itself.

---

[1] Григорий Богослов. Творения. СПб.: Изд-во П.П. Сойкина, 1912. Т. 1. С. 544-575.

[2] Ипполит Римский Апостольское предание / рус. перевод П. Бубуруз. http://azbyka.ru/otechnik/?Ippolit_Rimskij/Apostolskoe_predanie=1_21

[3] Тертулиан. О крещении. М.: Издательская группа «Прогресс-Культура, 1994. Гл. 1-3, 1.

[4] Кирилл арх. Иерусалимский. Поучения огласительные и тайноводственные (Репринтное воспроизведение издания 1822 г.). М.: Синодальная библиотека Московского Патриархата, 1991. П. 3, 4.

[5] Григорий Богослов. Творения. СПб.: Изд-во П.П. Сойкина, 1912. Т. 1. С. 544-575.

РИМЛЯНКИ НА РАННЕВИЗАНТИЙСКОМ ВОСТОКЕ: НА ПУТИ К МОНАШЕСТВУ

Ю.Ю. Чуева

В эпоху поздней античности монашеское движение развивалось не только в среде грекоязычных христиан Византии, но также привлекало множество христиан латиноязычного мира. Множество церквей, монастырей строились исключительно на пожертвования богатых и знатных римлянок[1]. Среди них особое внимание заслужили Мелания старшая, Мелания младшая, Помона, Павла, Эгерия. Например, Павла построила в Вифлееме четыре монастыря с гостиницей для паломников и школой, учителем греческого и латинского в которой был Иероним[2].

Эгерия была родом из Галисии, за всю свою жизнь посетила и Месопотамию, и Заиорданье, и Синай, и Палестину. О своих паломничествах она составила подробное описание, значение которого для современной науки трудно переоценить. Вся книга буквально пропитана особой ревностью к святым местам, которая двигала Эгерией и помогала преодолевать тысячекилометровые расстояния по пустыне. Подлинник «Паломничества» Эгерии был утерян, хотя отдельные отрывки из него были сохранены в «Книге о Святых местах» Петра Диакона, монаха из Монте-Кассино, составленной им в 1137 г. из цитат различных авторов. И только в 1884 г. итальянский археолог Г.Ф. Гамуррини нашел копию этого манускрипта в библиотеке Братства св. Марии в Ареццо (Италия), содержащую только середину книги. Гаммурини издал этот документ в 1887 г. под названием «Peregrinatio ad loca sancta» и отнес его авторство некоей Сильвии, сестре префекта Руфина из Аквитании. Но в 1903 г. был обнаружен еще один документ VII в. – письмо некоего монаха Валерия из Галисии, в котором он восхваляет блаженную Эгерию, и где из описания ее жития видно, что речь идет о той самой паломнице: «Она посетила обители Фиваиды. Она следовала в Египте путям народа избранного, она видела славные города и оставила изящное описание. Следуя всюду по стопам Израиля, она достигает наконец подошвы Синая. ...Восток познал ее, деву, вышедшую от крайнего запада, с берегов, омываемых волнами океана. Она не знала отдыха на земле, чтобы победной пальмой достигнуть вечного покоя, «царства эфирного света».

В разных списках этого манускрипта имя паломницы дается в различных вариантах: Egeria, Etheria, Aetheria, Echeria, Heteria, Eiheria; мы не знаем, какое из этих имен правильное, но большинство авторов ныне ссылается на нее под именем Эгерия.

Мелания родилась около 340 г. в знатной римской семье, она рано вышла замуж, но уже в возрасте 23-х лет потеряла своего мужа и одновременно двух старших детей[3]. У нее оставался единственный сын, но она решает покинуть и

---

[1] См.: *Рышковская А.Ю.* Традиция женского аскетизма и монашества на ранневизантийском Востоке (Египет и Палестина). Автореф. канд. дисс. Белгород, 2014. С. 18.
[2] *Диесперов А.* Блаженный Иероним и его время. М., 2002.
[3] *Booth, Alan D.* Quelques Dates Hagiographiques: Melanie l’Ancienne, Saint Martin, Melanie la Jeune // Phoenix, Vol. 37. No. 2. Summer, 1983. P. 144-151.

его, сказав при этом: «Господь сохранит его лучше меня», и тайно оставила Рим, не сказав никому, куда именно отправляется. Вся ее родня и римская знать были возмущены ее поступком, язычники, будучи еще многочисленными тогда в Риме, использовали пример Мелании как аргумент обвинения христиан в аморальности и бессердечии, а христиане еще не признавали эту женщину своей. Таким образом, никто не поддержал Меланию. Только спустя некоторое время ее поступок начали представлять как пример благочестия отцы Церкви Павлин Ноланский, Палладий Еленопольский и др. Во всяком случае, Меланию прославило не только одно лишь внутреннее духовное благочестие, хотя оно, безусловно, лежало в основе всех ее дел. Она вошла в историю, прежде всего, как активная подвижница, которая вместе с последующим участием ее внучки Мелании младшей основала первые монастыри в Иерусалиме, в том числе три женские обители на Елеонской горе в Иерусалиме.

Мелания Младшая (ок. 383-439) родилась в христианской и патрицианской семье (род Антониев), когда христианство фактически стало государственной религией Римской империи. Но жизнь ее от этого легче не стала: скорее наоборот. Ее бабушка по отцу, св. Мелания Старшая – была женщина весьма благочестивая, но столь властная, что ближним было нелегко с ней жить. Отец, Публикола, несмотря на возражения дочери, мечтавшей о монашестве, выдал её, 14-летнюю, за 17-летнего патриция Пиниана Валерия. Характером Мелания выдалась, видимо, в бабушку: не она следовала за мужем, а муж – за нею. Отец, однако, не давал ей воли. Результат был печальный. Мелания не хотела иметь детей, но родила сначала девочку, умершую в младенчестве. В 399 г. отец не разрешил ей, беременной, пойти в церковь на ночную службу, и Мелания всю ночь молилась на коленях в своей комнате. Утром она причастилась, вечером родила мальчика, на следующий день умершего. Муж был готов дать ей полную волю, но отец до самой своей смерти в 304 г. требовал, чтобы Мелания вела жизнь, приличествующую римской матроне. Умирая, он попросил у нее прощения за то, что из тщеславия испортил ей жизнь. Супруги столь щедро раздавали милостыню и освобождали своих рабов (до восьми тысяч человек), что род Валериев официально пожаловался императору Гонорию; но тот защитил Меланию. А в 410 г. варвары разграбили Рим. Супруги, спасаясь от готов, бежали из Нолы, где они жили у своего друга св. Павлина (называвшего Меланию «блаженной крошкой» и «небесной радостью»), и поселились на севере Африки в Тагасте, и здесь подружились со св. Августином (он прозвал супругов величественно: «истинные светильники Церкви»)[1]. В 417 г. Мелания и Пиниан уехали в Иерусалим и тут приняли монашество (и подружились со св. Иеронимом, автором латинского перевода Библии и знаменитым богословом). В 432 г. Валерий умер, и Мелания из последних средств основала монастырь на Елеонской горе в Иерусалиме. Она прославилась своей добротой (в обители, в частности, была устроена баня, что тогдашним монахам казалось чуть ли не развратом)[2]. Рождество 439 г. она встретила в Вифлееме и там же умерла спустя неделю, заметив перед смертью, что, хотя она и считает себя хуже других людей, но

---

[1] Analecta Bollandiana. VIII. 1889. P. 16-63; XXV. 1906. P. 401-450.
[2] Santa Melania Guinore Senatrice Romana // PG. CXVI. 1905. P. 753-794; IV. 1954. P. 646.

может сказать, что никогда в жизни не заснула, затаив в сердцу обиду на кого-либо. Её почитали (и почитают) святой на Востоке, а на Западе только после публикации в конце XIX века ее древнего жития к ней возник интерес, и в 1908 г. папа Пий X одобрил ее культ.

Таким образом, эти римлянки стали олицетворением стремления женщин латинского Запада к Святой земле и монашеству[1].

ОРГАНИЗАЦИЯ РЕМЕСЛА В ВИЗАНТИЙСКОМ ГОРОДЕ IV–V ВВ.

Е.Д. Козьякова

В работе рассматриваются основные принципы и организация ремесла в ранневизантийском городе. Автор приходит к выводу, что упадка ремесла в этот период не было.

Ключевые слова: *ремесло, город, Византия.*

Особенностью Византии в IV-V вв. был тот факт, что важнейшую роль в политической, экономической и культурной жизни играл город. М.Я. Сюзюмов считал, что византийский город был «центром... сохранения цивилизации»[2].

Важен тот факт, что в Византии делом государственной важности считались ремесло и торговля, как, например, международные отношения[3]. В Византийской империи была организована и сохранена весьма мощная и разносторонняя денежная система. В империи, расположенной на перекрестке торговых и транспортных путей[4], большую роль играл обмен товарами. Наличие крупнейшей экономической точки – Константинополя, а также наличие других крупных городов обеспечивало развитие ремесел.

Константинополь, как крупнейший город, в V в. был столицей Византийской империи. Он становится крупнейшим городом мира с населением около полумиллиона человек[5]. В Константинополе располагались важные общественные здания: помещение для сената, значительная часть императорского дворца, проведена главная улица – Меса (Средняя), построены Новый форум для общественных собраний, множество портиков, огромный ипподром, монетный двор, общественные бани и водопроводы, фонтаны и цистерны, церкви и т. п. сооружения[6].

В IV-V вв. в Константинополе располагались не только императорские и государственные мастерские, которые были готовы к обслуживанию нужд двора и администрации, но и развивалось многостороннее производство на вывоз[7].

В византийском городе IV-V вв. преобладало мелкое производство. Мелкая домашняя промышленность, где был задействован сам хозяин, нескольких

---

[1] Подробнее см.: *Рышковская А.Ю.* Традиция женского аскетизма и монашества на ранневизантийском Востоке (Египет и Палестина). Автореф. канд. дисс. Белгород, 2014.
[2] *Поляковская М.А.* Византия, византийцы, византинисты. Екатеринбург, 2003. С.196.
[3] *Райс Т.Т.* Византия. Быт, религия, культура. М.,2006. С. 128.
[4] *Каплан М.* Византия. М., 2011. С. 175.
[5] *Иванов С.А.* В поисках Константинополя. Путеводитель по византийскому Стамбулу и окрестностям. М., 2011. С. 19.
[6] Ammiani Marcellini. Rerum. XXVIII, 4, 3-26.
[7] История Византии. М., 1967. Т 1. С. 110.

помощников и учеников, была преобладающим типом производства во всех местностях. Характерным явлением следует считать связанное с домашне–ремесленным типом производства отсутствие торговца как посредника между производителем и покупателем[1].

Типичной для данного периода была мелкая мастерская, в которой трудился, как правило, сам хозяин – ремесленник. Обычно в частной мастерской помимо самого хозяина работали, члены его семьи, пара наемных работников и ученик[2]. Ученик мог приходить к учителю или жить в его доме. Работа велась по договору, хозяин взимал плату натурой, а в свою очередь обязывался обучать подмастерья в течение двух лет[3]. Мастер обязан был помимо обучения содержать и одевать ученика. Ученик же по ходу приобретения необходимых навыков, получал от мастера небольшую плату; к концу обучения подмастерья эта плата достигала платы наемного работника. Ученик, после окончания обучения обязан был на некоторое время остаться наемным работником.

Большинство ремесленников владели на правах собственности помещениями, в которых производилась работа, а также орудиями труда. Ремесленная мастерская называлась эргастирием[4]. Продажа ремесленникмаи своих изделий была весьма обычна, так что наименование «эргастирий» применялось и к месту продажи, лавке, и к месту производства изделий, предметов обмена, то есть к мастерской в целом[5]. Эргастирий, как правило, был многофункциональным местом, которое при необходимости совмещало торговое, рабочее и жилое пространство. Было выгодно иметь эргастирии, которые располагались на оживленных местах, таких как площади и улицы.

Количество лавок и мастерских в некоторых центрах обычно находилось в пределах от 200 до 1000, что количественно совпадает со средним числом профессиональных торговцев и ремесленников, которые составляют примерно 1/5 от общего числа самодеятельного городского населения[6].

В византийском городе часто собственниками мастерских были богатые землевладельцы, которые сдавали их ремесленникам в аренду. Обычно в одном помещении жили и работали несколько ремесленников различных специальностей[7]. Было распространено ремесло и в домах крупных городских собственников, динатов-землевладельцев[8].

В IV и V в. мастерские со значительным доходом принадлежали церкви. Благодаря переходу ремесленников в клир, а также их уходу в монастыри имел место рост церковно–монастырского ремесла.

---

[1] *Рудаков А.П.* Очерки византийской культуры по данным агиографии. СПб., 1997. С. 144.
[2]*.Литаврин Г.Г.* Как жили византийцы. М., 1974. С. 24.
[3] *Райс Т.Т.* Указ. соч. С. 130.
[4] История Византии. С. 118.
[5] *Сорочан С.Б.* Византия IV-IX веков. Этюды рынка. Структура механизмов обмена. Харьков, 2001. С. 116.
[6] Там же. С. 124.
[7] История Византии. С. 119.
[8] Там же. С 119.

Также в Константинополе в это время располагались наиболее крупные мастерские, которые считались государственными и императорскими.

Ремесленники и торговцы не только Константинополя, но и других крупных городов, объединялись в корпорации – производственно-торговые союзы[1]. Как правило, объединялись в корпорации по профессиям. Правительство, предоставляя право составить общество торговцам и ремесленникам, рассматривало их общества как органы, отправлявшие общественную службу, это и служило основанием для предоставления тех или иных льгот[2]. Обычно существовало минимум 15-20 корпораций, объединявших ремесленников и торговцев наиболее распространенных профессий[3]. Ремесленники были сконцентрированы в разных кварталах по специальностям: «в одном – сапожники, в другом – свечники, в третьем – слесари и кузнецы, в четвертом – медники, в пятом – парфюмеры»[4].

В корпорацию мог вступить далеко не каждый человек. Так в корпорацию не могли вступить малоимущие люди, которые не обладали имущественным обеспечением, и не могли уплатить вступительный взнос властям города, а также «женщины, еретики, евреи, сквернословы, пьяницы и вообще неблагонадежные»[5].

Корпорации имели своих выборных или назначавшихся начальников, которые контролировали их деятельность, выполнение ими повинностей, сбор государственных податей. В большинстве случаев они были обязаны обеспечивать уплату государству «златосеребряной» подати[6], введенной в 314 г., и выполнять муниципальные и государственные повинности. Византийские корпорации делились на государственные и независимые. Корпорации, объединяющие ремесленников городских мастерских, прикреплялись к своему ремеслу на всю жизнь. Так, например, закон 317 г., монетарии (чеканящие монеты) не имели права оставлять «свое звание»[7]. Во главе государственных мастерских стояли чиновники и надзиратели. Государственные ремесленники были освобождены от поборов и повинностей. Корпорации же, объединявшие независимых ремесленников вместо уплаты податей и выполнения повинностей должны были сдавать государству часть произведенной ими продукции.

В крайне тяжелых условиях находились ремесленники, не состоявшие в корпорации: они не имели права продавать свои изделия до того, как будут проданы товары корпораций, к тому же с них взимались повышенные пошлины. Некоторые виды товаров не члены корпораций не имели права производить вообще (шелка, ювелирные изделия, парфюмерию, мыло, свечи)[8].

Городские ремесленники и лица, занятые всяким физическим трудом, облагались государственным налогом. Так еще в IV в. взимание подушной подати

---

[1] *Литаврин Г.Г.* Указ. соч. С. 25.
[2] *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т.1: 395-518 годы. СПБ., 2003. С. 86.
[3] История Византии. С. 120.
[4] *Литаврин Г.Г.* Указ. соч. С. 25.
[5] Там же.
[6] История Византии. С. 121.
[7] Сборник документов по социально–экономической истории Византии / под ред. Е.А. Косминского. М., 1951. С. 15.
[8] История Византии. С. 122.

было отменено, сначала в крупнейших центрах, а затем и вообще с городского населения[1].

Так организация ремесла была долгой и многоотраслевой частью экономической политики.

ORGANIZATION OF CRAFT IN BYZANTINE CITY AT 4-5 CENT. A.D.
E.D. Kozyakova

МЯТЕЖИ ИСАВРОВ В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

М.И. Дорохов

В статье описываются самые важные моменты восстаний исавров – первые выступления, период их расцвета и окончательное подавление. Значительную роль исавры сыграли не только в изменении внутреннего уклада жизни империи, но и становления военной мощи государства. Исавры были одним из важных индикаторов социального недовольства в империи.

Ключевые слова: *исавры, Византия, восстания, император.*

С постепенным исчезновением эллинистических царств и династий в пределах Малой Азии Исаврия стала римской провинцией и составила одно целое с Ликаонией, лежавшей на север от нее. В тяжкое время разложения империи при Галлиене исавры отложились и поставили императором некоего Требеллиана, который укрепился в неприступных горных твердынях и в течение нескольких лет отстаивал свою независимость. Полководцу Галлиена Камсисолею, исавру, судя по имени, удалось выманить его на равнину и разбить. В течение некоторого времени затем непокорная и неприступная страна была окружена военным кордоном и считалась варварской землей.

Император Клавдий, победитель готов на Балканском полуострове, сделал попытку выселить исавров из их гор на равнину Киликии. Полководец Проб имел дело с исаврийскими разбойниками по пути своего похода на Восток. Разбив и предав казни знаменитого тогда разбойника Пальфруерия, он предоставил в собственность ветеранам более открытые долины в предгорьях, обязав их ставить с 18 лет своих сыновей на службу, чтобы они не превращались в разбойников. Среди пленных, которые украсили его триумф, были также и исавры.

В эпоху Диоклетиана Исаврия обрела самостоятельное административное бытие. Дикие нравы населения делали невозможным провести в отношении к этой области разделение гражданской и военной власти, и во главе управления Исаврии стоял командир войск, расположенных внутри страны в отдельных крепостях. Большая часть этой области не признавала над собой ничьей власти, и население пребывало в почти первобытной дикости. Аммиан Марцеллин сохранил подробные сведения о страшных разбоях, какие они производили в соседних провинциях. Последний из этих набегов исавров относится к 368 г.

В 403 г. шайки исавров появились сначала в Киликии, прошли оттуда в Сирию и грабили население до границ с Персией; на западе они опустошали

---

[1] Сборник документов по социально–экономической истории Византии / под ред. Е.А. Косминского. М., 1951. С. 15.

Ликию и Памфилию, на севере Писидию и Ликаонию, проникли оттуда в Каппадокию и дошли до Понта. Это бедствие захватило и те области, которые лишь недавно стали жертвой Трибигильда и его дружин. Более трех лет продолжали исавры свои разбои. Когда Иоанн Златоуст был на пути к месту изгнания, слухи о появлении исавров сопровождали его по всей Каппадокии. В Кесарии Каппадокийской сделана была остановка, так как войска были брошены для борьбы с разбойниками. В письмах к друзьям с места изгнания в 406 и 407 гг. Иоанн очень часто упоминает о тех бедствиях, какие причиняли исавры на далекой окраине империи.

Историки не сохранили упоминаний о мерах правительства в борьбе с этим бедствием. Только Зосим упомянул, что в Памфилию был послан военачальник Арбазакий Он очистил страну от исавров и загнал в ущелья, недоступные для войск. Отличаясь большим корыстолюбием, Арбазакий брал выкуп с разбойников и позволял себе различные вымогательства в отношении местного населения. Когда в Константинополе узнали об этом, Арбазакий был отозван. По словам Зосима, он избежал суда тем, что поделился награбленным с императрицей Евдоксией.[1]

Борьба с исаврами продолжалась долго. Захваченные разбойники подлежали суду правителей провинций, и количество пойманных было весьма велико. Сведение об этом дает один указ от 408 г., изданный за несколько дней до смерти Аркадия. Судьям было предписано не прекращать разбирательства по делу о разбойниках ни в дни Четыредесятницы, ни даже Пасхи.

Позднее император Лев нашел в исаврах опору против Аспара и готов. В правление Феодосия исавры сослужили большую службу империи в эпоху нашествия Аттилы. Их вождь, принявший греческое имя Зенона, был удостоен консульства в 448 г., занял пост магистра армии Востока и вошел в круг высшей знати. В составе гарнизона столицы был с тех пор корпус исавров, деливший эту службу с готами. Феодосий заподозрил Зенона в замысле государственного переворота. Поэтому он хотел послать Максимина в Исаврию с поручением захватить крепости этой страны, чтобы ослабить положение Зенона. Но этот план не был приведен в исполнение. Зенон пережил Феодосия и умер в правление Маркиана. Упоминание о его смерти у Иордана заставляет предположить, что был какой-то заговор, опасный для империи, во главе которого стоял Зенон.[2]

Когда Лев вступил на престол, исавры находились в большом числе на службе в столице. Лев сформировал из них особый дворцовый отряд, носивший имя экскувитов. Если схолы с давних пор комплектовались из германцев, то экскувитов Лев стал набирать из исавров. Вынужденный впоследствии начать борьбу против могущества Аспара и теснее сблизиться с исаврами, чтобы иметь опору против готов, император Лев выдал за одного из исаврских вождей, по

[1] О корыстолюбии царицы и обидах от нее частным лицам сохранились свидетельства в позднейших обработках жития Иоанна Златоуста, см.: *Symeon. Metaohr.* v. Job. c. 31 (P.G. 114).
[2] Jord. Rom. Зенон сопоставлен с Аттилой, как враг империи, и то обстоятельство, что оба они умерли раньше Маркиана, показано как особое благополучие последнего.

имени Тарасикодисса, отец которого носил имя Русумбладеот, свою старшую дочь Ариадну. Тарасикодисса принял имя Зенона, своего соплеменника,[1] и был удостоен консульства на 469 год. Зенон Исавр стал императором после Льва.

Еще позднее, избрание другого императора – Анастасия, на царство было делом национальной партии, желавшей низвергнуть иго исавров. Брат Зенона, Лонгин, которого он старался выдвинуть как своего преемника, занимал пост председателя сената. Другой Лонгин, из Кардал, был магистром оффиций. Исавров было по-прежнему очень много в столице. По-видимому, исавры затевали государственный переворот. На это намекает в своем панегирике Анастасию, сказанном в год 20-летия его правления, Присциан.[2] Но своевременно были приняты меры, обеспечившие спокойствие столицы. Виновниками затем возникших бесчинств были признаны исавры, и новый префект издал приказ, по которому всем исавам заспрещалось пребывание в столице, и они должны были немедлнно покинуть город, сохраняя, однако, приобретенные чины и звания, а также и имущество. Брат Зенона был удален в Фиваиду и насильно посвящен в духовный сан, в котором умер спустя 7 лет. Но Исаврия была уже охвачена восстанием. Во главе движения стал Лингинин, назначенный при Зеноне правителем этой провинции.

Для войны с исаврами была сформирована армия, командирами которой были назначены два Иоанна. Иоанн, по прозвищу Скиф, магистр армии Востока, имел опыт войны в Исаврии, во время восстания Илла. Другой командир был Иоанн по прозвищу Кирт (горбатый), назначенный магистром армии in praesenti.[3] Главной силой имперских войск были старые регулярные полки, стоявшие в Силимврии.

Исавры не ждали врага, и перешли в наступление раньше, чем прибыла имперская армия.[4] Во Фригии близ города Коттиея произошла битва в конце 492 г. Привычные сражаться в горах, исавры оказались слабее противников и потерпели жестокое поражение. В бегстве пал их вождь.

Весной в Исаврии началась горная война, которая затянулась на 6 лет. На второй год войны один из командиров, Диоген, осадил крепость Клавдиополь, лежавшую в долине между двумя хребтами Тавра. Исавры спустились в большом количестве на помощь крепости, но были разбиты. Это была вторая значительная победа византийского оружия. На третий год войны военные действия сосредоточились в южной Исаврии. Природа места и дикий характер населения представляли труднопреодолимые преграды.

---

[1] Этническое имя зятя Льва передается различно: ’Αρικμήσας у Евстафия, Ταρασικοδίρρα у Кандида Исавра, Στρακοδίσοσος у Малалы, Κωδισσεύς в Chron. Pasch., Τρασκαλισταῖος у Теофраста.

[2] Prisc. Paneg. 119-121:
Sic qui sperabant caplivas ducere matres,
Atque frui spoliis urbis sacrique Palati
Et reges iterum, infandum, se reddere nobis...
Так, те, кто надеялись пленницами увести матерей
И воспользоваться городом и Священным Палатием как военной добычей
И цари [их] снова, нет слов, сдались нам... (пер. А.Г. Грушевого).

[3] Указ на имя одного из них датирован 1 января 492 г. C*od*. Just. 12, 35, 18.

[4] Для имперских войск Иоанн Антиохийский дает цифру две тысячи, но текст в этом месте неисправен.

Лишь в 497 г. Иоанну Скифу удалось захватить главных организаторов сопротивления. Лонгин и Афинодор были казнены, и головы их были отосланы в Константинополь. В столице торжественно отпраздновали победу над исаврами. Война, однако, продолжалась в горных ущельях Исаврии, пока в 498 г. комит Приск не взял в плен Лонгина Селинунтского.

Так Анастасию удалось положить конец господству исавров в империи и превратить этот дикий народ в верноподданных. Сильно пострадавшая от шестилетней войны Исаврия потеряла свое привилегированное положение и в дальнейших судьбах империи никогда уже не имела того значения, как при Зеноне. В течение следующего столетия исавры давали храбрых солдат на службу империи.

На протяжении долгого времени исавры оставались одним из самых важных индикаторов социальной напряженности в империи, дальнейшее изучение исаврийских выступлений и персоналий может пролить свет на особенности и частные уникальные случаи социальной политики Византии.

ISAURIAN RIOTS IN EARLY BYZANTIUM

M.I. Dorohov

The article describes the most important moments Isaurian uprisings - first performances, during their heyday and final suppression. Isaurians played a significant role not only in the change of the internal lifestyle empire, but also the formation of the military power of the state. Isaurian was one of the important indicators of social discontent in the empire.

ОСАДНОЕ ДЕЛО ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ V – НАЧАЛА VI В.

Е.В. Гущин

В статье рассматривается эволюция византийского осадного дела. Отмечается количество артиллерии в войсках. Уделяется внимание тактике применения осадных орудий. Делается вывод об эволюции осадного дела.

Ключевые слова: *Византия, осадное дело.*

Осадная техника ранневизантийской армии есть органичное продолжение военного искусства осады городов и крепостей Древней Греции и Древнего Рима. Причем ранневизантийская полиоркетика находилась в состоянии своеобразной технической стагнации. Вобрав все лучшее от осадного искусства античности, собственно византийское осадное дело не создавало принципиально новых средств и приемов ведения осад. Причиной такого положения, на наш взгляд, может являться то, что в ранний период своего существования Византийская империя не вела завоевательных войн, в которых было необходимо в большом количестве захватывать укрепленные города и крепости. Армии империи не требовалось качественно совершенствовать свое осадное дело. Технической и технологической традиции античности было вполне достаточно для поддержания византийской полиоркетики на таком высоком уровне, двигаться выше которого в рассматриваемый период просто не было необходимости.

Полиоркетика как военное искусство включает в себя умение не только осаждать, но и защищать город (контрполиоркетика). Эти две стороны полиор-

кетики нельзя отделять друг от друга. Этот подход был впервые опробован во время галльских войн. Военный талант Юлия Цезаря позволил расширить рамки применения артиллерии, которую он стал использовать не только при осаде крепостей, но и в полевых сражениях, при обороне лагеря, в позициооной борьбе и при поддержке морского десанта[1].

Таким образом, артиллерия решала множество различных задач. В армии, где несколько легионов ведут боевые действия, количество осадной техники должно быть достаточно большим, что бы самостоятельно нанести поражение противнику. Вегеций писал, что каждый легион должен иметь 55 стрелометных карробалист и 10 камнеметных онагров (Veget. II, 5).

Стагнация касается и оборонительного искусства Византии. Империя ведет сдерживающие войны против многочисленных варваров: готов, гепидов, гуннов и других. Казалось бы, есть возможность для теоретического и практического совершенствования византийской контрполиоркетики. Но этого не следует, так как технический уровень осадного дела германских и тюркских варваров очень низок. Совершенствовать оборону городов и крепостей империи не нужно, достаточно древнеримского уровня фортификации. Варвары, как правило, не справляются с византийскими городами и крепостями. Стройная воинская организация, многочисленный командный состав, достаточно совершенное для своего времени вооружение, в том числе, разнообразные осадные и метательные машины, хорошо продуманная римская стратегия и тактика обеспечивали защитникам византийских городов и крепостей достаточно высокую обороноспособность от варварских набегов[2].

Византийские осадные орудия мало отличались от поздней римской осадной техники: метательные машины, тараны, «черепахи»; при войске были искусные мастера-техники по их изготовлению. Это были работники государственных мастерских по производству военного снаряжения[3]. Основную группу осадной техники составляют подступные сооружения – прикрытия, употребляемые при осаде. Самый простой вид прикрытия осаждающих – plutei – род щита, состоящего из ивовых или веревочных плетенок, которыми обвешивалась рама, установленная на трех колесах[4]. Использовались также маленькие навесы на колесах, сделанными из легкого дерева и прикрытыми плетенками. Воины ставили их один возле другого и образовывали защитную галерею (porticus) большей или меньшей величины. Во время осады галереи из навесов продвигались перпендикулярно к осаждаемой стене. Галереи играли роль современных проходов в траншеях.

«Черепаха» (testudo) представляла собою галерею, сооруженную из дерева с негорючим покрытием на колесах. При ее помощи можно было приблизиться к

[1] *Махлаюк А., Негин А.* Римские легионы в бою. М.: Эксмо: Яуза, 2012. С. 466.
[2] *Александрович С.С.* Осадное искусство Византии (IV-V вв.): первые войны империи // Российские и славянские исследования. Выпуск 5. Минск, 2010.
[3] *Дильс Г.* Античная техника. М.; Л.: Академия наук СССР, 1934. С. 84–85.
[4] *Александрович С.С.* Осадное искусство Византии (IV-V вв.): первые войны империи // Российские и славянские исследования. Выпуск 5. 2010.

стене. «Черепахой» пользовались при уравнении места, засыпании рвов, подкопах и пробивании брешей. Мускул (musculus) внешне походил на «черепаху». Его помещали перпендикулярно к стене. Сооружение служило для прикрытия воинов, которые подрывали нижнюю часть стены или делали в ней брешь. С этой целью musculus мог снабжаться тараном. В таком случае мускул мало чем отличался от «черепахи»[1]. Осадные башни, «черепахи», мускулы, винеи и другие) были покрыты на случай пожара свежими кожами, шерстяными одеялами, обмазаны глиной[2]. Земляные насыпи (agger, terrasse) устраивались перпендикулярно или параллельно городской стене, и по ним вели к стенам осадные сооружения.

Стенобитные орудия представлял таран - бревно, на один конец которого был насажен железный наконечник. Его подвешивали за середину горизонтально к деревянной раме внутри «черепахи» или к башне. Несколько человек раскачивали его и с силой ударяли о стену. Осажденные пытились всячески защититься от тарана. Так, сверху стены спускали на веревках набитые соломой или шерстью мешки и устанавливали их против того места, где бьет таран. В других случаях, накинув на таран петлю, осажденные тащили его в бок и старались опрокинуть вместе с «черепахой»[3].

Действия, производившиеся при осаде укрепленного места ранневизантийской армией, можно разделить следующим образом: 1) выбор места для нападения и расположение войска в благоприятной позиции; 2) окружение осаждаемого укрепления; 3) постепенное приближение к стенам укрепления при помощи разных вооружений, причем осажденный враг старается помешать работам и разрушить уже сделанные сооружения; 4) приступ укрепления: сделать брешь в стене, подкоп, преодолеть стены по высоте, ворваться в укрепление и захватить его; 5) в случае неудачного приступа повторение штурма до успеха; 6) блокада города или крепости, взятие укрепления измором[4].

Целью при всякой осаде было сделать брешь в стене укрепления. После этого уже брали его штурмом. Брешь пробивали при помощи тарана или подкопа под прикрытием прислоненного к подножию стены защитного сооружения на колесах, которое называлось testudo (черепаха) или musculus (мускул). Штурм без пробития бреши бывал в исключительных случаях и производился внезапно.

Был ли осаждаемый город расположен на равнинной местности или холмистой, прежде всего, необходимо было расчистить почву на всем пути следования осадных орудий. Эта работа требовала больших усилий и много времени, от нескольких дней до недель. Если город был расположен на равнине, вся работа сводилась к тому, чтобы выровнять почву так, чтобы можно было легко везти по ней машину. Пробитие бреши нуждалось в прикрытии от действий неприятеля с вершины стены. Чтобы прогнать его оттуда, использовались деревянные башни, на которых были установлены машины с метательными снарядами. Эти

---

[1] Аноним Византийский. Инструкции по полиоркетике // Вестник древней истории. 1941. № 3-4. С. 426.
[2] Там же. С. 430.
[3] Аноним Византийский. Инструкции по полиоркетике // ВДИ. 1941. № 3-4. С. 438.
[4] *Александрович С.С.* Осадное искусство Византии (IV–V вв.): первые войны империи // Российские и славянские исследования. Вып. 5. Минск, 2010. С. 218.

башни устраивались в несколько этажей так, чтобы они господствовали над оградой города[1]. Строили их на расстоянии, недоступном для неприятеля и потом их подкатывали на известное расстояние от стены. Чаще всего башни ставились около бреши с обеих сторон. Вслед за этим осаждающие продвигались до рва, который надо было засыпать, чтобы достичь подножия стены. Но так как осаждаемые могли при этом бросать в осадные сооружения более значительные тяжести, то средства защиты, которыми до сих пор пользовались для прикрытия (панцири, шлемы, щиты), оказывались недостаточными, и поэтому приходилось использовать musculus – деревянное сооружению с крепким заслоном. Воины, под прикрытием этой защиты, бросали в ров землю, плетенки из прутьев, и другие подручные метериалы. Обычно заполнить ров можно было, только вынудив осажденных покинуть стены. Все эти действия оказывались гораздо более затруднительными в том случае, когда город был расположен на неровной местности, в особенности, если крутые обрывы делали стену неприступной[2]. Тогда приходилось сооружать насыпь, которая тянулась вплоть до самой стены, так что появлялась возможность подкатить к ней машины для пробития бреши. Такая насыпь (agger) или терраса из дерева и земли, которая поддерживалась с боков особыми сооружениями из древесных стволов, положенными друг на друга крест-накрест наподобие костра или сруба[3]. Эта насыпь начиналась на расстоянии, недоступном для выстрелов противника, и была достаточно высока для того, чтобы по ней дойти до подножия стены в том месте, которое определено для приступа. Наверху насыпи устанавливалась деревянная башня. У башни было столько этажей, сколько было необходимо для возвышения над городскими стенами. Она была оборудована баллистами и другими метательными машинамии для того, чтобы можно было согнать со стены ее защитников и прикрыть работы по пробиванию бреши. Засыпанием рва завершались подготовительные работы по приближению к крепости, и начинался последний период осады – пробитие бреши. Действия при этом всегда были стандартны, независимо от условий местности. К стене подвозились различные машины, при помощи которых пробивалась брешь. Это были или башни, или «черепахи». Они были снабжены тараном (редко буравом, которым проделывали дырки в кирпичных стенах). Также под городской стеной воины рыли подкопы (cuniculi), открывавшие доступ в осажденный город либо для обрушения стены. Во время осады часть армии производила необходимые работы и вела штурм, охраняла лагерь. На работах воины заменяли друг друга. Для приступа все отряды собирались на насыпи, откуда они и устремлялись в атаку.

Искусство защиты городов и крепостей – контрполиоркетика. Застой коснулся и этого вида военного искусства, что наглядно показали вторжения варваров IV-V вв. и византийско-иранская война начала VI в. Можно говорить, что

---

[1] *Коннолли П.* Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М.: Эксмо-Пресс, 2000. С. 106.

[2] *Коннолли П.* Греция и Рим: Эволюция военного искусства на протяжении 12 веков. М.: Эксмо-Пресс, 2009. С. 208.

[3] *Александрович С.С.* Осадное искусство Византии (IV–V вв.): первые войны империи // Российские и славянские исследования. Вып. 5. Минск, 2010. С. 219.

имперская власть на протяжении конца IV-V вв. мало заботилась об обороне городов и крепостей в провинциях.

В IV-V вв. осадное дело Византии находилось в состоянии стагнации. Византийская армия заимствовала греко-римскую полиоркетику поздней Римской империи, но новых осадных машин, осадных приемов еще не создала[1]. В них и не было необходимости, так как Византия не вела завоевательных войн, а ее враги не владели искусством осады городов и крепостей. Вскоре ситуация изменится. С императором Юстинианом изменяется внешнеполитическая доктрина государства. От оборонительных войн империя переходит к завоеваниям, и осадное дело Византии продолжило развитие, однако внедрения кардинально новых машин и механизмов не последовало. Государство было занято насущными военными заботами и, прежде всего, содержало и вооружало имеющиеся войска по сложившимся, на тот, момент принципам. Старые стратегические приемы и способы ведения войны с помощью механизмов показывали свою эффективность, и новых практически не требовалось. Противники империи на Западе продолжали уступать Византии в тактическом плане, в том числе и в осадной технике.

ENGINEERING OF THE BYZANTINE EMPIRE 5 - EARLY 6 CENT.

E.V. Goushchin

The evolution of Byzantine siege of the case. There is number of artillery in the army. Attention is given to the use of the tactics of siege weapons. The conclusion about the evolution of martial affairs.

МОНАШЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ ВЛАСТИ ПАТРИАРХА В ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ АЛЕКСАНДРИИ ЕГИПЕТСКОЙ

М.А. Руднева

В статье рассматриваются особенности взаимоотношений епископов и патриархов Александрийских и монашества в период Поздней античности. Отмечены изменения в динамике взаимоотношений и факторы, влияющие на данный процесс.

Ключевые слова: *Александрия, епископ Александрийский, патриарх, монашество.*

В конце IV - начале V вв. патриарху все более приходилось бороться с новым очагом духовной власти, который вырос на окраине города. Монашество соединило в себе черты христианского аскетизма и влияния, получая достаточно привлекательный образ. Город и внутренние районы Египта взаимодействовали особым образом, не характерным для других провинций империи[2]. Взаимосвязь между патриархом и подвижниками из окружающей сельской местности, часто вторгавшимися в жизнь города, была достаточно сильной, чтобы повлиять на внутреннюю жизнь александрийской христианской общины. Эти отношения характеризуются набором ожиданий, обязательств, и сопоставимы с не менее сложными и напряжёнными отношениями между властью префекта и крестьян

---

[1] *Александрович С.С.* Осадное искусство Византии (IV–V вв.): первые войны империи // Российские и славянские исследования. Вып. 5. Минск, 2010. С. 220.

[2] *Bagnall R.* Egypt in Late Antiquity. Princeton, 1993. P. 148-180.

из сельской местности. На самом деле, легко можно утверждать, что патриарх унаследовал многое из образа префекта в хоре, и после христианизации, постепенно он во многом затмил авторитет префекта.

Успех патриарха среди пустынных подвижников был основан на нескольких факторах, которые остались неизменными в течение поздней античности. Александрийская патриарх, как лидер всей христианской общины Египта, стоял как бы на месте Христа. Этим обусловливаются пышность церемонии епископского шествия по египетской сельской местности. Так Пахомий, сообщая о шествии Афанасия Великого (ок. 328-373 гг.), описывает большую торжественность, с которой она проходила (S. Pachomii vita, bohairice scripta 201).

Этот фактор сам по себе не мог обеспечить успех епископа среди монахов. Важен фактор непосредственной связи патриарха с монашескими общинами. Хорошо известно активное взаимодействие между Афанасием Великим и св. Антонием в борьбе с арианством. В свою очередь, патриарх Кирилл в поиске поддержки у монашества, несомненно, пользовался опытом пятилетнего пребывания в Нитрии и Ските, полученным им в молодости. Учитывая особенности монашеской жизни, её отстранённость от мира, епископ должен был первым пойти на сближение, что зачастую было достаточно сложно в исполнении. Известно, что во время попытки Афанасия Великого установить контакт с монахами в 329/30 гг., Пахомий скрылся, чтобы его не видеть (Pachomii vita, bohairice scripta 28), и его примеру последовали многие отшельники (Apoph. Patr. Moses 8, Arsenius 31; Palladius Hist. Laus. 34.2-4). Этот вынужденный побег также приобретал большую актуальность, в случае розыска отшельника для рукоположения (Palladius Hist. Laus. 11 . 1-2). Естественно, что сблизиться с монашеством, пребывая всё время в городе, было практически невозможно. Этим фактором объясняется провал в этом направлении имперских назначенцев до Никейского собора, вследствие Халкидонского собора, которые предпочитали оставаться под защитой городского гарнизона. Это отсутствие связи с монашеской жизнью помогает объяснить и напряженные отношения между аскетами и епископом Феофилом (384 - 15 октября 412 гг.), а также патриархом Петром III Монгом (477-490 гг.).

Важным фактором, определяющим характер патриархо-монашеских отношений, была относительная сила каждой из двух сторон.

Во время епископата Афанасия Великого (ок. 328-373 гг.) монашеское движение было в состоянии младенчества. Пока новизна аскетического идеала набирала большую часть своей ранней популярности, количество египетских подвижников было еще сравнительно небольшим. К концу века число монахов значительно выросло и стало мощной силой, с которой вынуждены были считаться. Это увеличение мощности и влияния привело к повышению значимости патриархо-монашеских отношений.

Заметное охлаждение отношений наступает в правление Феофила (385-412 гг.), когда достаточно прямолинейная политика епископа ожесточила пустынников. Патриарху Кириллу (17 октября 412 - 27 июня 444 гг.) удалось вновь наладить отношения, соизмеримые уровню правления Афанасия.

И все же вопрос о епископской власти в сельской местности стал спорным

на поздних стадиях византийского периода Александрии, когда высочайше назначенный патриарх проживал в городе, а монофизитский патриарх прежде обитал в пригородном монастыре Enaton, а в конце VI века - в пустыне в монастыре св. Макария.

Хотя различные черты христианского аскетизма можно найти в Александрии, большинство из подвижников Александрии не останавливались в самом городе, а чаще в ближайших кельях пригорода. Хотя отшельники не были неизвестными в пригороде непосредственно к востоку от города, значительная концентрация монахов находилась в 20 км, недалеко от роскошных пригородов Canopus. В Canopus Феофил переселил монахов из Иерусалима, а позднее пригласил и монахов из обители Пахомия. Новый монастырь назывался Metanoia («покаяние»), и в него были перенесены мощи мучеников Кира и Иоанна (Apoph. Patr. Systematic Coil. 237).

К западу от Александрии, вдоль узкой полосы известняка, отделяющей Средиземное море от Мареотидского озера, в конце IV - начале V вв. возникало большое количество монастырей. Эти монастыри, процветавшие до арабского завоевания, получили свое название по расстоянию, занимаемому относительно города, таким образом, Pempton (пятый), Enaton (девятый), и Oktokaidekaton (восемнадцатый). Самым влиятельным был Enaton, который славился несколькими известными игуменами в течение IV-V вв. Enaton стал настолько большим, что в конечном итоге, объединил под своей властью и несколько церквей, также продолжительное время он являлся центром монофизитской оппозиции и на некоторое время местом пребывания коптского патриарха.

Хотя Афанасий часто изображается как друг и покровитель аскетов, он делал однозначное различие между (в его понимании) православными и еретическими монахами. О благожелательном отношении Афанасия к монахам ярко свидетельствует знаменитый визит св. Антония 338 г. в Александрию, организованный Афанасием для поддержки движения против арианства. В то же время, епископ осознавал потенциальные опасности неограниченного доступа монахов в город. В связи с этим, монахам и монахиням были запрещены частые посещения Александрии, особенно мест развлечений и отдыха. Кроме того, представители духовенства, посещавшие Александрию, должны были посещать церковь каждый день (Athan. v. Ant. 69-71), несомненно, с целью мониторинга их деятельности.

Этот вопрос стал еще острее к концу IV в. Число монахов значительно выросло, и они выражали большую склонность приходить в массовом порядке в Александрию и озвучивать свои требования.

Феофил (385-412 гг.) был достаточно благосклонным к аскетам в начале своего епископского правления. Он не только искал поддержки известных подвижников, но даже пытался использовать группы сельских монахов в своих целях. К концу десятилетия, однако, Феофил обратился против некоторых из своих аскетических соратников, в том числе, так называемых Длинных братьев и Исидора из Нитрии. Ранее он ставил Исидора на такое высокое место, что доверял ему важные дипломатические миссии за рубежом и даже настаивал на его кандидатуре на престол в Константинополе. Причины конфликта некоторые ис-

следователи видели не столько в спорах, связанных с оригенизмом, но скорее в конфликте между эллинизированной сложностью Александрии и простотой благочестия коптской сельской местности.

В конце 398 или начале 399 гг. произошёл конфликт между епископом и монахами, в основе которого стоял вопрос антропоморфности Бога. Конфликт вылился в открытое столкновение, и даже создал наиболее опасную ситуацию за всё правление Феофила (Soc. HE VI,7). Последующий этап ссоры, как правило, умалчивается, поскольку осужденные монахи искали защиты от епископа Константинополя - Иоанна Златоуста, тем самым, открывая совершенно новый этап в споре.

Локально Феофил добился своей цели, разделив и ослабив пустынных монахов, которые больше не представляли серьезной угрозы для его епископской власти. Несмотря на то, что, Иоанн Златоуст был противником Феофила, он также осознавал опасность открытого появления монахов в городе, чем навлёк на себя гнев последних. Кажется ясным, что организованные группы сельских подвижников были проблемой во многих городах конца империи, что повлекло за собой ряд имперских актов, нацеленных на ограничение подвижности монахов и монахинь. Эти законы варьировались от короткого указа Феодосия 390 г. до пространного рескрипта Юстиниана 519 г., которым он стремился изгнать монахов из сельских областей империи. Типичным из этих выражений имперской недовольства является указ Маркиана (396–457 гг.), который постановил, что монахи каждого города и района должны быть подчинены епископу, вести тихую жизнь, наполненную постом и молитвами, монахи не должны касаться церковных и государственных дел (Soz. HE VIII,9). Нет сомнений, каких монахов имел в виду Маркиан, когда пытался пресечь монашеские беззакония. Несмотря на то, что нет никаких существенных доказательств, чтобы подтвердить часто повторяющееся утверждение, что буйные монахи были ответственны за уничтожение Александрийского Серапеума в 391 г. или за жестокое убийство философа Гипатии в 415 г., у Маркиана были основания для порицания аскетов Египта. В 414/15 г., на улицах Александрии группа из пяти сотен монахов из Нитрии забросала камнями префекта Ореста, и он чуть не лишился жизни. В этом инциденте патриарх Кирилл, несмотря на тщательно отточенные навыки политического управления, плохо контролировал толпу аскетов. Поэтому неудивительно, что Маркиан в письме 452 г., адресованном монахам в Александрии, предупреждал их, что в дополнение к потере души они должны подвергнуться правовому наказанию (Soc. HE VI,14). Тщетность увещеваний Маркиана проявилась, когда в течение трех лет, он послал другой рескрипт, с целью запретить еретические собрания в пригородных монастырях Александрии.

Можно сказать, что монастыри играли важную роль в церковной политике в период поздней античности, особенно в период между началом монофизитско-халкидонского спора и арабским завоеванием. На протяжении этого времени пригородные монастыри служили главным очагом сопротивления имперской религиозной политике.

Монахи Александрии обладали достаточно большой властью и влиянием, чтобы склонить чашу весов в конфликтах городской христианской общины, од-

нако, сами по себе, они редко были достаточно сильны, чтобы вести самостоятельную политику. Значительная роль монашества в религиозной политике Александрии приходилась лишь на периоды наиболее острых конфликтов, когда монашество объединялось с той или иной политической силой.

MONASTIC OPPOSITION TO THE AUTHORITIES PATRIARCH IN LATE ANTIQUE ALEXANDRIA, EGYPT

M.A. Rudneva

The peculiarities of the relationship of bishops and patriarchs of Alexandria and monasticism in the period of late antiquity. Marked changes in the dynamics of the relationship and the factors influencing this process.

Keywords: Alexander, Bishop of Alexandria, Patriarch, monk.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ВНУТРЕННИХ ОБЛАСТЕЙ РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ПАЛЕСТИНЫ

С.В. Скачко

В статье рассматриваются особенности хозяйственной жизни внутренних областей Палестины. Получить информацию по данному вопросу можно у Иосифа Флавия, Страбона и Плиния Старшего. Источники, к сожалению, не позволяют до конца разграничить для Палестины рассматриваемого времени смешанную обработку земли и монокультурное сельское хозяйство, построенное по принципу «одно поле (один участок) - одна культура».

Ключевые слова: *хозяйственная жизнь, Палестина, Иосиф Флавий, Страбон, Плиний Старший.*

Об особенностях хозяйственной жизни Палестины как первых веков н.э., так и ранневизантийского времени, нужно говорить отдельно для каждого ее региона, так как условия для хозяйственной деятельности человека в приморской, центральной и полупустынной экономических зонах этой территории были весьма различными вследствие различий в климатических условиях и неравномерности распределения в них водных ресурсов. Исторические и археологические источники изобилуют подробностями касательно одних регионов и весьма скудны в отношении других.

Прежде чем перейти к рассмотрению вопросов, касающихся хозяйственной жизни внутренних областей Палестины, отметим, что по экономическим характеристикам на первом месте во все века и во всех отношениях были Галилея и Иудея. Именно здесь были сосредоточены основные водные источники Палестины, что обеспечивало почти идеальные условия для ведения сельского хозяйства. В Самарии, и особенно в Негеве, эти условия были значительно хуже[1]. Также следует отметить, что в отличие от приморской зоны сведения о хозяйственной жизни центральных и засушливых районов Палестины весьма скудны. Центральная и аридная зона были своего рода большими «огородами» и «садами», обеспечивавшими внутреннее потребление и экспорт в другие области продуктов регионального сельского хозяйства.

---

[1] О реках Палестины см.: *Abel F.-M.* Geographie de la Palestine. T. 1. P., 1938. P. 462-503.

Папирусы, дающие подробную информацию о хозяйственной жизни того поселения, где были обнаружены, являются редкостью. Античные авторы о внутренних областях Палестины и их жизни знали мало; информацию же Талмуда по экономике (она весьма обстоятельна), в силу специфики подачи материала невозможно «привязать» к какому-либо конкретному поселению или к проблемам конкретного человека, работающего на земле. В этом ее принципиальное отличие от информации такого рода, содержащейся в папирусах. В первом случае есть конкретный факт, конкретная проблема земледельца определенного поселения, во втором – абстрактные схемы с рекомендациями, как следует или не следует поступать человеку, работающему на земле.

Информация по вопросу о хозяйственной жизни Палестины относится преимущественно к первым векам н.э. и имеется у Иосифа Флавия, Страбона и Плиния Старшего. К сожалению, сообщаемые ими сведения весьма скудны. У Плиния есть детальное описание бальзамовых деревьев и благовонных растений, финиковых пальм и разных экзотических растений, произраставших в Палестине[1]. В более краткой форме те же сведения встречаются у Страбона[2]. Страбон пишет о том, что Иордан орошает землю, благоденствующую и во всех отношениях плодородную[3].

Важную информацию содержит также другой отрывок из Страбона. В начале XVI, 2[4] со ссылкой на неизвестных нам авторов Страбон пишет, что особыми народами, частично занимающимися земледелием, частично торговлей, являются иудеи, идумеи[5], жители Газы и жители Ашдода.

Исключение представляют несколько отрывков из Иосифа Флавия. Историк в своих характеристиках отдельных регионов не ограничился чисто географическим их описанием или описанием отдельных достопримечательностей. Он делает акцент на характеристике хозяйственной жизни той или иной области. Несмотря на преувеличения в отдельных случаях, эти характеристики важны и интересны. Первая из них (Fl. Jos., Bel. Jud. III, 42-43) относится к Галилее: ...«ибо земля там настолько плодородна и богата пастбищами и засеяна всякого рода деревьями, что – вследствие легкости – привлекается к земле даже наименее любящий трудиться. Действительно, вся земля там обработана местными жителями, и нет ни одной необработанной меры. И городов там много, и повсеместно множество многолюдных – вследствие достатка – деревень, среди которых даже самая маленькая насчитывает до 15 тысяч жителей»[6]. Последние слова

---

[1] Plin, HN., 111-124; XIII, 24-49; XXIV, 85; XXVII, 15.

[2] Strabo, XVI, 2, 16. В целом информация Страбона и Плиния Старшего отражает уровень знаний I в. до н.э. - I в. н.э., а в некоторых случаях даже II в. до н.э.

[3] В основном сведения и Плиния, и Страбона носят либо чисто географический характер, либо познавательный: авторы дают подробные описания природы.

[4] Strabo, XVI, 2, 2.

[5] Упоминание об идумеях, как об особом народе, позволяет определить, что сообщаемые Страбоном сведения относятся ко времени до 20-х гг. II в. до н.э.

[6] В одном исследовании по экономике Палестины (*Sperber D.* Roman Palestine, 200-400. The Land. Crisis and change in agrarian society as reflected in rabbinic sources. Ramat-Gan, 1978. P. 3) этот отрывок, несмотря на ясное указание Иосифа Флавия на то, что речь идет о Галилее, рассматривается как характеристика Палестины в целом. Ср. также: *Kreissig H.* Die sozialen Zusammenhänge des jüdäisches Krieges. Klassen und Klassenkampf im Palästina des 1. Jahrhunderts v. U. Z. Berlin, 1970. S. 18.

этого отрывка - явное преувеличение. Несколько ниже историк дает характеристики Переи, Самарии и Иудеи (Fl. Jos., Bel. Jud., III, 44-45): «И вообще, если Галилея и уступает по размерам Перее, то ей, Галилее, следует отдать предпочтение по природным ресурсам[1]. Перея же, будучи гораздо больше, в основной своей части пустынна, камениста и слишком дика для вызревания возделываемых человеком плодов. Имеющиеся там участки пригодной к обработке и во всех отношениях плодородной земли культивируются. Там имеются долины, покрытые всевозможными деревьями, в основном оливами, виноградником и финиками. Перея орошается потоками с гор и непересыхающими источниками, достаточными и тогда, когда в зной [потоки с гор] пересыхают».

Самарию Иосиф Флавий описывает так (Fl. Jos., Bel. Jud., III, 48-50): «Область Самария располагается между Галилеей и Иудеей. Начинаясь от деревни, именуемой Гинея[2], расположенной на Великой равнине, она кончается у границ топархии Акрабатены. По своему характеру и природе Самария ничем не отличается от Галилеи. В обеих областях чередуются холмы и равнины. Почвы для сельского хозяйства легкие и плодородные. Земля там полна лесов и изобилует плодами, как дикими, так и культивируемыми. Галилея и Самария сходны также и тем, что они совершенно не испытывают нужды во влаге, ибо орошаются дождем они в основном хорошо. Все источники имеют удивительно сладкий вкус воды, и благодаря обилию прекрасной травы скот дает молока больше, чем в других областях. Основным же свидетельством добродетели и процветания обеих областей является значительная численность их населения».

Что касается пустыни, т.е. Негева и районов, прилегающих к Мертвому морю, то о хозяйственной жизни этих областей нам известно из различных папирусных собраний и отчасти по археологическим данным. Возделывание основной части Негева относится к IV-VI вв. и характеризовалось как в римское, так и в ранневизантийское время смешанной обработкой земли. Под смешанной обработкой земли в данном случае понимается такое сельскохозяйственное производство, при котором на одном поле выращивались и зерновые, и плодовые культуры (например, ячмень и финиковая пальма). Источники, к сожалению, не позволяют до конца разграничить для Палестины рассматриваемого времени смешанную обработку земли и монокультурное сельское хозяйство, построенное по принципу «одно поле (один участок) – одна культура». Представление о хозяйственной жизни в условиях пустыни дают папирусы из деревни Маоза, расположенной на южной оконечности Мертвого моря.

Важнейшее различие между центральной экономической зоной и пустыней заключалось в климате, определившем жесткую хозяйственную специализацию последней. У Мертвого моря основной культурой была финиковая пальма.

По проблемам экономической жизни отдельных областей Палестины достаточно много информации содержится в Талмуде. В трактатах первого седера упоминается множество сельскохозяйственных культур, но не всегда можно

---

[1] Буквально: «по силе».
[2] Касаясь в другом месте и по другому поводу описания границы между Самарией и Галилеей, Иосиф Флавий (Bel. Jud., II, 32) называет эту деревню Гема (Γήμα).

определить, идет ли речь о выращиваемой культуре или о привозной. Также не вполне понятно, о каких именно областях Палестины идет речь в каждом конкретном случае при упоминании той или иной культуры. Эти трактаты писались не с целью дать сведения по экономической географии Палестины, а для регламентации тех или иных правоотношений. Но во многом они отражают реалии Галилеи.

В целом в ранневизантийский период хозяйство отдельных областей Палестины принципиально не отличалось от хозяйства римского периода, поэтому сведения письменной традиции в принципе можно использовать и для этого времени. Дополнением же служат сведения папирусов и Талмуда.

THE ECONOMIC LIFE OF THE INNER REGIONS OF PALESTINE AT EARLY BYZANTIUM

S.V. Skachko

The article considers the features of economic life of the inland regions of Palestine. Information about this question can be found in Josephus Flavius, Strabon and Pliny the Elder. Unfortunately the sources do not allow for Palestine that time to ditinguish mixed-land and monoculture agriculture, built on the principle of "one field (one portion) - one culture".

К ИСТОРИИ ГОРОДОВ ДЕКАПОЛИСА В РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ ПЕРИОД

О.В. Алимова

Декаполис - группа из десяти античных городов восточнее Иорданской долины, с юго-западного плато Голанских высот до современного Аммана. Города эти не образовывали союз и не были политическим объединением, но являлись одной группой на базе языка, культуры, расположения и политического статуса. Данный термин выходит из использования после того, как император Траян присоединяет провинцию Каменистая Аравия к Римской империи во II в. н.э. Однако историки и археологи часто называют «города Декаполиса» и «регион Декаполиса», даже имея в виду более поздние периоды. Это связано с тем, что Декаполис оставался важным культурным регионом на востоке империи, даже после выхода термина из прямого употребления.

Римский и византийский Декаполис со временем стал христианским. Некоторые города оказались более восприимчивыми к новой религии, чем другие. Пелла, например, была базой для некоторых ранних церковных лидеров. В других городах язычество продолжало существовать в ранневизантийскую эпоху. В конечном счете, однако, регион становится почти полностью христианским, и почти во всех городах образовались епископства.

В Декаполисе располагалось множество городов античного происхождения, к данному региону относятся такие города как Скифополь, Гиппос, Гадара, Абила, Пелла, Филадельфия и Гераса - на которых мы остановимся более подробно.

Одним из важнейших городов провинции Палестина II данного времени был Скифополь, расположенный на стыке долины реки Иордан и Израильской долины, тем самым контролируя доступ к побережью и путь из Иерусалима в

Галилею. Скифополь являлся административным и епископским центром провинции Палестины II, созданной не позднее 409 г. Город процветал, о чем говорят археологические раскопки 1921–1923 гг., проведенные музеем университета Пенсильвании. В IV-VI вв. здесь была построена торговая площадь Сигма, несколько церквей, город был окружен стенами. В городе преобладали христиане, о чем свидетельствует большие количество церквей, но также существовали общины евреев и самаритян. В 361 г. город был подвергнут волне христианских гонений. Скифополь представлял собой культурный и религиозный симбиоз. Языческий храм в центре города был разрушен, но нимфейон и римские бани были восстановлены. В Скифополе сохранились многие красочные мозаики, например мозаичные полы в монастыре девы Марии, на которых изображены знаки зодиака[1]. Разнообразные украшения были найдены во многих роскошных виллах. Гробницы этого периода состояли из небольших скальных залов. В них были найдены терракотовые статуэтки, возможно, изображающие Богоматерь с младенцем, многие терракотовые лампы, стеклянные зеркала, колокольчики, инструменты, ножи, кольца, стеклянные бусины, кости, шпильки и др.[2] В VI в. город достиг максимального размера и распространился за пределы городских стен. В 634 г., византийские войска потерпели поражение от мусульманской армии арабов, и город был переименован в Бейсан. 18 января 749 г. город, во многом сохранивший свой ранневизантийский облик, был разрушен в результате землетрясения.

Еще одним важным городом античного происхождения был Гиппос**.** Четырёхугольный холм с плоской вершиной, на котором располагался Гиппос, находится в 2 км к юго-востоку от Тивериадского озера. Вершина холма возвышается на 350 метров над уровнем озера. В 63 году до н.э. римский полководец Помпей завоевал Сирию, в том числе Иудею, образовав Римскую провинцию Сирию. В числе городов Декаполиса Гиппос упоминается в частности в «Естественной истории» Плиния Старшего. Город оставался центром эллинистической культуры и при римлянах, и в период нахождения в составе государства Ирода Великого (которому подарил его Октавиан Август). В византийский период, после имперской реструктуризации при императоре Диоклетиане, Гиппос стал одним из городов провинции Палестина II, охватившей Галилею и Голаны. После официального признания христианства в Римской империи, Палестина стала местом имперских субсидий для церквей и монастырей, христианские паломники приносили дополнительную прибыль. Промышленность города была расширена и большее количество предметов роскоши стали доступны простым людям. Христианство в городе распространялось довольно медленно. Нет никаких доказательств какого-либо христианского присутствия до IV в. В Гиппосе уже в византийский период, вне городских стен, была найдена языческая могила человека по имени Гермес, что свидетельствует о сравнительно поздно присутствии язычества здесь. Постепенно, однако, город христианизирован, он становится рези-

[1] *Грушевой А.Г.* Иудеи и иудаизм в истории Римской республики и Римской империи. СПб., 2008. С. 293.
[2] *Mazar, Amihai.* The Excavations at Tel Beth-Shean // Eretz-Israel. 21. 1990. P.197–211; цит. по: *Грушевой, А.Г.* Иудеи и иудаизм в истории Римской республики и Римской империи. СПб., 2008. С. 293.

денцией епископа с 359 г. В сохранившихся записях церковных соборов 359 и 362 гг. указан один из епископов по имени Петр[1]. Улицы города были уставлены сотнями колонн из красного гранита, импортируемых из Египта. Колоссальные затраты, необходимые для перевозки этих столбцов в Палестину и в гору является доказательством богатства города. В городе появился театр, Одеон, базилики и новые городские стены. К византийскому периоду относится базилика в северо–западной части города, занимающая площадь около 277 кв. м, полы которой были вымощены полихромной мозаикой, украшенной схематическими цветочными мотивами, геометрическими узорами и двумя короткими греческими надписями. Южное крыло строения представляет собой длинный зал, разделенный на три комнаты, которые послужили складом для сельскохозяйственной продукции для потребления священниками и монахами[2]. Эта область оказалась чрезвычайно богата находками. Примерно в 50 м к востоку от Северо-Западной церкви находится другая церковь, похожая в плане, но меньше по размеру.

Гадара является одним из городов региона, одновременно входит в состав провинции Палестина II. Город расположен на крайнем северо-западе, где сейчас сходятся границы Иордании, Израиля и Сирии. Город имел важное культурное значение уже к III в. до н.э. Этот город был родиной сатирика Мениппа, раба, который стал философом, высмеивал безумства человечества в смеси прозы и стихов. Кроме него в конце II в. в Гадаре родился лирический поэт Мелеагр. Его короткие элегические стихи были очень популярны, и более ста из них были сохранены в Греческой Антологии. Гадара была важным городом в Восточной Римской империи, и стала местом христианского епископа. План города прямоугольный, и его продольные точки оси находятся в направлении с востока на запад. На западной окраине города находится акрополь, естественный холм, на котором были возведены два театра и другие общественные здания, которые еще не идентифицированы. Главная улица города тянется на запад от акрополя, она окружена колоннадой и занимает около 800 м.

Абила – один из городов Десятиградия. Находится в 25 км к востоку от Галилейского моря и в 4 км к югу от реки Вади Ярмук. Остатки города можно видеть на поверхности, расположенной на двух холмах: северном (Тель Абиль) и южном холме. Они соединены между собой. Остатки римской дороги позволяют легко узнать главную улицу города. Городской центр распространяется вдоль южного склона северного холма, и еще до раскопок остатки многих структур были видны. В седловине между северными и южными холмами можно различить остатки театра, раскопки которого начались недавно.

Пелла является одним из древних городов на северо–западе Иордании. Расположен в долине реки Иордан в 130 км к северу от Аммана. Университет Сид-

[1] *Segal, Arthur; Eisenberg, Michael*. Unearthing Sussita // Popular Archaeology. 2012. Vol.6.[Электронный ресурс]. – URL.: http://popular-archaeology.com/issue/march-2012/article/unearthing-sussita (дата обращения 13.04.2014)

[2] *Segal, Arthur; Eisenberg, Michael*. Unearthing Sussita // Popular Archaeology. 2012. Vol.6.[Электронный ресурс]. – URL.: http://popular-archaeology.com/issue/march-2012/article/unearthing-sussita (дата обращения 13.04.2014)

нея и иорданский Департамент древностей проводят раскопки в Пелле с 1979 г. Мало что осталось от города римско–византийского периода. Единственным общественным зданием, что был раскопан в последние годы, был театр, который был датирован концом I в. н.э. Город был местом одного из самых ранних храмов христианства. По версии Евсевия Кесарийского, город был убежищем для иерусалимских христиан в I в., которые бежали от еврейско-римских войн. [Euseb., Hist. Eccl., III.5.3]. Город также местом битвы между византийскими войсками и мусульманами в 635 г. в битве при Фахле. Собственно город был разрушен в результате Голанских землетрясений 749 г.[1]

Филадельфия (Амман) – самый южный город в регионе Декаполиса. Амман расположен в холмистой местности на северо-западе Иордании. Был основан Птолемеем II Филадельфом (285-246 до н.э.). Остатки города, который хорошо сохранялся до конца XIX в., были серьезно повреждены, когда строился современный город Амман[2]. Городской план Филадельфии был относительно простой. Две улицы с колоннами пересекали город: одна шла к югу от акрополя, более или менее вдоль русла реки, а другая шла к западу от акрополя. Эти две улицы были единственными магистралями города. Город был разрушен несколькими землетрясениями и стихийными бедствиями.

Гераса – один из крупнейших городов в регионе. Он стоял на международном торговом пути с севера на юг, примерно посередине между Мёртвым и Галилейским морями, в 30 км от р. Иордан. Это прекрасно сохранившийся образец процветающего города византийской провинции на Ближнем Востоке. Остатки колоннадных улиц, языческих храмов, христианских церквей в XVIII-XIX вв., служили точкой притяжения многих экспедиций, изучавших Палестину и Иорданию. Герасу открыл У.Я. Зеетцен в 1806 г., затем ее осмотрели Я.К. Буркхардт (1812), Бакингем (1816) и многие другие; первое научное описание принадлежит Г. Шумахеру (1902). В византийскую эпоху церковная жизнь Герасы отмечена присутствием ее епископов на Соборах в Селевкии (359) и Халкидоне (451). Памятники первых веков христианства или места почитания, которые были бы связаны с описанным в Евангелии чудом исцеления, в Герасе неизвестны. В византийский период в Герасе было построено не менее 13 храмов, которые погибли в VIII-IX вв. при арабах и более не восстанавливались.[3] Благодаря высокой степени сохранности руин и их изученности Гераса стала одним из первых мест, где удалось проследить трансформацию античного полиса в христианский город. Уже в 350-375 гг. (или в 400-х) возвели огромный (длиной 45-50 м) собор. При этом строители собора использовали храм Артемиды как каменоломни. Главными заказчиками церковного строительства были епископы. К VI в. формирова-

---

[1] *Makaronas Ch. J.* Pella: Capital of Ancient Macedonia // Scientific American. Special Issue. Ancient Cities. 1994. P. 60.

[2] Philadelphia. II. An ancient town of Palestine // The American Cyclopædia. 1879.[Электронный ресурс]. URL.:http://en.wikisource.org/wiki/The_American_Cyclop%C3%A6dia_%281879%29/Philadelphia_%28ancient%29 (дата обращения 03.03.2014)

[3] *Browning I.* Jerash and the Decapolis. London, 1982. P. 92-93.

ние христианства в Герасе было завершено; этим веком датируются: церковь построенная при епископе Павле неким офицером по имени Прокопий[1].

Таким образом, города Декаполиса в ранневизантийский период оставались важными центрами языческой и христианской культур и составляли основу муниципальной жизни провинции Палестина II.

ХРИСТИАНЕ И ИУДЕИ В ГАЛИЛЕЕ В IV–VI ВВ.

О.В. Алимова

В данной статье рассматриваются взаимоотношения христиан и иудеев в Ранневизантийской Галилее. Дается краткая характеристика истории контактов иудеев с Византийским государством. Особое внимание уделено археологическим данным городов, в частности, еврейским синагогам и христианским храмам. Описывается соотношение евреев и христиан на протяжении поздней античности, а также политика государства в области религии.

Ключевые слова: *Галилея, христиане, иудеи, синагога.*

Актуальность данного исследования состоит, в том, что ранневизантийская Палестина, в частности, такая ее часть как Галилея, представляет собой один из наиболее важных регионов, в котором на протяжении IV–VI вв. происходит процесс оформления целостного синагогального искусства и одновременный с ним - первый расцвет христианского искусства. Это период характеризуется наиболее активными человеческими и художественными контактами между христианами и иудеями. Отношение между христианами и иудеями, сложившееся в IV-VI вв., во многом определило последующий характер взаимоотношений адептов двух мировых религий вплоть до наших дней.

Целью нашего исследования является рассмотрение контактов христиан и иудеев в IV–VI вв. на основе археологических данных о христианских храмах и синагогах в данном регионе.

Основными источниками по данной проблеме являются данные археологии городов Галилеи, кроме того, косвенные сведения можно найти в сочинениях Иосифа Флавия, Евсевия Кесарийского, Епифания Кипрского,

Галилея – историческая область на севере Израиля, которая в ранневизантийский период была составной частью провинции Палестина II. Ограничена Средиземным морем на западе, Изреельской долиной на юге и Иорданской долиной на востоке. В IV–VI вв. Галилея была довольно развитой областью Средиземноморья. Через нее проходил главный караванный торговый путь из Египта, поэтому эта область страны открыта для самых разнообразных влияний как с Востока, так и Запада. Это место было как бы мостом между Африкой, Малой Азией и Европой. Именно в этом регионе евреи в позднеримский и ранневизантийский период образуют компактную среду проживания, в то время как в соседней Иудее и в Иерусалиме были наложены ограничения не только на их проживание, но и на посещение. В то же время, легализация христианства в Римской империи принесла изменения в провинциальную жизнь Палестины. Она

---

[1] *Kraeling C.H.* Gerasa: City of the Decapolis. New Haven, 1938. P. 365.

становится родиной нового Бога империи и попадает под особое покровительство властей. В Галилее, где сосредоточено множество мест, связанных с земной жизнью Иисуса Христа, появляются христианские церкви. Расцветает монашество, Палестина и особенно Галилея становится центром христианского паломничества. В связи с победой христианства к иудеям начинают проявляться новые отношения. Многократно повторяющиеся у отцов церкви рассуждения о вине иудеев за богоубийство и за то, что в Иисусе они не увидели мессию, создали новую идею, которая объединила все негативные отношения к иудеям. Таким образом, именно в данный период появляется база для развития антисемизма.

Все эти обстоятельства превращают Галилею в место пересечения различных культур и традиций. Мы становимся свидетелями уникальной ситуации – на одной из частей византийской провинции происходит экономический и социальный бум, оформляются две религии, одна из которых впоследствии полностью покоряет империю, делая свою родину важнейшим центром притяжения практически на две тысячи лет. Евреи и христиане начинают жить в одних городах, их контакты в данный период становятся тем фоном, на котором в VI в. возникает расцвет христианского искусства и зрелое синагогальное искусство.

Как известно, еще до христианизации империи иудеи контактировали с римским государством на протяжении длительного времени, и уже к IV в. можно выделить определенные этапы этих взаимоотношений. Например, А.Г. Грушевой в своей монографии «Иудеи и иудаизм в истории Римской республики и Римской империи» выделяет три периода во взаимоотношениях римского государства и иудеев: 1) до поражения восстания Бар Кохбы; 2) до воцарения императора Константина; 3) до арабского завоевания[1].

Первый этап этих отношений начинается ориентировочно от первых контактов Рима и иудеев и заканчивается поражением восстания Бар Кохбы (полным и окончательным включением Палестины в состав римского государства в качестве провинции Syria Palaestina)[2]. Этот период отношений отличался крайней нестабильностью, антиримскими восстаниями, которые закончились поражением восставших.

После восстания Бар Кохбы во взаимоотношениях империи и иудеев наступает некоторое улучшение. В этот период при династии Северов были приняты два важных в этом отношении закона[3]. Второй из них был адресован непосредственно иудеям. Согласно первому закону, который был принят в 212 г., римское гражданство предоставлялось всем подданным, за исключением тех, кто был захвачен в плен с оружием в руках. Этот закон уравнял иудеев в правах со всеми остальными подданными. Второй закон, касающийся иудеев и относящийся к началу III в., сохранился в Дигестах. Согласно этому закону исполнение иудеем любой магистратуры не должно нанести вред их вере и должно соответствовать предписаниям их вер. Таким образом, положение иудеев стало

---

[1] *Грушевой А.Г.* Иудеи и иудаизм в истории Римской республики и Римской империи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. С. 5.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 6.

достаточно стабильным, однако оно стало кардинально меняться с приходом к власти императора Константина.

С IV в. начинается третий период взаимоотношений империи и иудеев, который является наиболее интересным для нас. Он продлился до завоевания Ближнего Востока арабами. Для него было характерно ухудшение положения иудеев в связи усилением позиций христианства, которое было враждебно к иудаизму. Однако, несмотря на усиление позиций христианства, в Галилее процветает иудейское искусство, которое многие исследователи связывают с христианским влиянием.

Насколько однородным и эллинизированным было население Галилеи к IV в.? Иосиф Флавий по этому поводу писал, что Галилея в его время была полностью еврейским регионом. При этом социальная картина региона была необычайно сложной. Соотношение евреев и римлян менялось на протяжении всей поздней античности. Население в IV-VI вв. представляло собой смесь евреев, греков, сирийцев и римлян. Многие из них были мигрантами[1]. Еврейское население, сильно пострадавшее во время двух войн, начинает восстанавливаться в Галилее. При этом увеличивается количество людей с римским гражданством. Кроме того, еще вполне активны языческие культы и традиции.

Археологическая картина Галилеи начала IV в. представляет множество синагог и незначительное количество языческих артефактов. Данная ситуация, вероятнее всего, сохранялась в течение всего IV в., после принятия империей христианства. По крайней мере, Евсевий Кесарийский упоминает галилейские деревни только как еврейские[2]. У Епифания Кипрского сохранилось интересное повествование: при императоре Константине и по его повелению Иосиф из Тивериады, обратившийся в христианство состоятельный еврей, безуспешно пытался добиться строительства церквей в Сепфорисе, Тивериаде, Назарете и Капернауме[3].

К середине V в. положение меняется, в это время в Сепфорисе уже был свой епископ, который представлял свою епархию на Халкидонском соборе. В V в. группа местных христиан во главе с епископом Евтропием построила церковь. Епископ хотел, чтобы у верующего возникало особое чувство уже тогда, когда он подходил к ней, поэтому улица по его заказу была специально украшена мозаикой[4]. В нескольких сотнях метров оттуда верующие иудеи молились в синагоге, так же заботливо украсив ее великолепным мозаичным полом. Между церковью и синагогой находилось общественное здание, где евреи и христиане сов-

---

[1] *Belayche N.* ‘Languages’ and Religion in Second to Fourth Century Palestine: in Search of the Impact of Rome // From Hellenism to Islam. Cultural and Linguistic Change in the Roman Near East / Ed. by H.M. Cotton, R.G. Hoyland, J.J. Price, D.J. Wasserstein. Cambridge, 2009. P. 177–203. P. 178. Цит. по: *Чаковская Л.С.* Воплощенная память о храме. М.: Индрик, 2011. С. 87.

[2] См.: Евсевия Памфилова, епископа Кесарии Палестинской о названиях местностей, встречающихся в Священном Писании около 320 г. / Пер. И. Помяловского. СПб., 1894.

[3] Епифаний Кипрский. Панарион (Отрывки). Пер. Р. Хазарова [Эл. Ресурс] - http:/khazarzar.skeptik.net/bookstepiph/panarium/index.htm. (дата доступа 18.09.14)

[4] *Чаковская Л.С.* Воплощенная память о храме. М.: Индрик, 2011. С. 91.

местно регулировали свою жизнедеятельность[1]. Именно о такой жизни в Сепфорисе можно говорить согласно последним данным археологии.

В Капернауме строится церковь над так называемым домиком апостола Петра, а в Назарете – базилика Благовещения. К VI в. население Галилеи становится на две трети христианским. Крупные церкви закладываются уже в каждом крупном городе. Известно о почитаемых христианских святынях в Назарете, Капернауме и Вифании. Христианство в это время трансформируется из местной религии в общеимперскую. С этого времени начинает разрушаться представление о мирном сосуществовании двух религий. Начинает проводиться христианская политика в масштабах империи. Складывается представление о том, что христианский император должен христианизировать население любым доступным способом.

Однако мы не можем сказать, что эти эпохальные события отражаются на жизни иудеев в Галилее. Археология Верхней Галилеи демонстрирует нам особую «еврейскую землю» внутри Святой Земли. Здесь строятся богатые еврейские дома в Мироне, роскошные синагоги создаются архитекторами евреями (синагога в Бар'аме, в Гуш Халаве); синагоги продолжают строиться все время вплоть до арабского завоевания. Катакомбы в Бет-Шеариме служат для захоронения евреев диаспоры. Также перестраиваются и строятся синагоги, украшаются роскошными мозаиками. Поскольку активное использование изобразительного искусства в синагогах приходится как раз на период IV–VI вв., то возникает естественное подозрение: не объясняется ли появление искусства христианским влиянием.

Таким образом, одновременное развитие еврейской и христианской жизни определяется не императорской политикой, которая может быть любой, антихристианской или христианской, а реалиями местной жизни Галилеи. Именно данный регион, несмотря на политику государства в области религии, сохраняет ошеломляющее разнообразие и динамичность еврейской и христианской жизни.

CHRISTIANS AND JEWS IN THE GALILEE IN 4-6 CENT. A.D.

O.V. Alimova

This article explores the relationship between Christians and Jews in the early Byzantine Galilee. A brief description of the history of the Jews of contacts with the Roman and Byzantine state. Particular attention is given to archaeological data of cities, in particular the Jewish synagogues and Christian churches. Describes the relationship between Jews and Christians throughout late antiquity, as well as state policy in the field of religion.

Keywords: Galilee, Christians, Jews, synagogue.

---

[1] Archaeology and the Galilee, Texts and Contexts in the Graeco-Roman and Byzantine Periods / Ed. by R.E. Edwards, C.T. McCollough. Atlanta; Georgia, 1997. Цит. по: *Чаковская Л.С.* Воплощенная память о храме. М.: Индрик, 2011. С. 102.

РИТОРИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПАНЕГИРИКОВ ПРОКОПИЯ ГАЗСКОГО И ПРИСЦИАНА

А.М. Болгова, Ю.Н. Агаркова

В начале VI в., при императоре Анастасии, были созданы два панегирика в честь этого правителя – латинский стихотворный (его автор – Присциан Грамматик из Африки) и прозаический греческий (автор – ритор Прокопий Газский). Благодаря этому счастливому обстоятельству, мы можем сравнить эти тексты как содержательно, так и с точки зрения канонов риторики (Менандр Ритор).

Наблюдения, сделанные в отношении этих сочинений, показывают, что традиции классической риторики были еще в полной мере живы в Восточной Римской империи в первой половине VI столетия и играли важную роль в школьной традиции, учитывая, что Прокопий был главой Газской христианской риторической школы, а Присциан создал обобщающий труд по грамматике латинского языка.

	Менандр Ритор	**Прокопий Газский**	**Присциан**
1. Введение			
	1. Императорский панегирик представляет только положительные стороны субъекта (368.1-8)		
			1. Поэт будет говорить только об истине (Praef. 1-10)
	2. Величие субъекта таково, что задача оратора трудна (368.9-15)	1. Город Газа возвратил утраченное благосостояние благодаря дарам императора (1)	2. Поэт не в состоянии восхвалить все деяния императора; он скажет, что его силы и способности позволят это (Praef. 11-18)
		2. Город получает образ своего благодетеля и радуется этим зрелищем (1)	
			3. С Божьей помощью поэт воздаст хвалу императору (Praef. 18-22)
	3. Необходимо сказать похвалу императорам в обмен на полученные благодеяния (368.15-21)	3. Город, представляемый оратором, приходит в движение, чтобы преподнести заслуженные похвалы императору (1)	

			4. Поэт призывает императора послушать его песнь с милостивым сердцем (1-3)
		4. Величие деяний императора придает легкость оратору и поднимает его речь к возвышенному (1)	
	4. Оратор должен усилить свой субъект примерами (369.1-7)	5. Преодолевая избыток материала, оратор подобен человеку на лугу, где всё прекрасно так, что он не знает, что выбрать.	5. Поэт предлагает императору песню, так как он привык это делать Богу (4-7)
	5. Во втором вступлении оратор может добавить, что Гомер и Орфей нуждались в похвале императору, каковой он заслуживает (369.13-17)		
	6. Оратор должен обеспечить переход к главной речи (369.13-17)	6. Оратор попытается решить задачу, превосходящую его силы, но надеется, что реальность извинит его смелость (1)	6. Поэт смело воздаст хвалы императору (8-9)
2. Родной город или страна (народность)			
	Оратор должен дать краткие сведения о родном городе императора, если он достаточно известен (369.17-27). Если город недостаточно знаменит, он должен связать императора с выдающимися доблестями его племени или народности в целом, давая исторические примеры, насколько возможно (369.28 – 370.8)	Фортуна, как подобает, дает Анастасию родину, превосходящую прочие в процветании. Эпидамн расположен на море и совмещает блага как суши, так и моря. Эпидамн дает городу свое название. Афиняне, коринфяне и спартанцы способствовали росту города и украсили его своими доблестями и родословной, восходящей к богам (2)	

3. Семья			
	Оратор должен похвалить семью императора, если это дополнительно укрепляет его престиж. Если же он не начинает с самого императора, возможно провозгласить родословную императора (370.8 – 371.3)		Анастасий происходит от Помпея Великого, чьи военные успехи он превосходит, завоёвывая исавров (10-18)
4. Рождение			
	Оратор должен напомнить все чудесные случаи или знамения, которые сопровождали рождение императора. Если возможно сделать их убедительными, он должен включить такие знаки, начиная с тех пор, как слушатели стали внимать его словам (371.3-17)		
5. Воспитание и образование			
	Оратор должен указать, родился ли император в пурпуре, или стал императором волей судьбы. Он должен восхвалить его образование и обозначить его отличия в исторических сравнениях, включив это подобно рассказу об Ахилле и Хироне (371.17 – 372.2)	Таким человеком (народ Эпидамна с его доблестями и божественной родословной) Анастасий родился и воспитывался как подобает одному из тех, кто превосходит всех великих во всех делах (3)	

6. Достижения			
	Оратор может включить доблести и качества, присущие императору в юности, которые показывают его характер и дополняют сравнения с историческими и мифологическими фигурами (372.2-13)	Анастасий считал, что благочестие – естественное основание для доброй жизни и создавал возможности для проявления благочестия как свою цель. Он был в этом настолько успешен, что его благочестие привело его к священству (3). Однако, хотя священство было почетным соответствием его доблести, Анастасий сохранил высший почет и служил всем людям. Анастасий жаждал благочестия, так как все прочие доблести проистекали из него. И действительно, он был великодушным, мудрым и умеренным (4)	
7. Деяния на войне			
	1. Каждая важная часть панегирика должна иметь отдельное введение, и каждая часть должна включать сравнение (372.14-25)	1. Когда Анастасий начал править, условия жизни в империи изменились к лучшему. Он избавил мир от жадности и предательства (6). Анастасий был избран императором народом, сенатом и императрицей за его доблести, но не по рождению (6)	1. Когда исавры были у власти, народ тяжко страдал от их злодеяний и нарушений справедливости, и от их жестокости, которая была так велика, что богатые и бедные страдали в равной мере (19-37). Бог избавил мир от страданий, когда Он даровал ему императора Анастасия. Анастасий овладел и превзошел все императорские доблести предшествующих императоров (38-49)

	2. Оратор должен первым условием деяний, которые освещают мужество императора в войне, показать его мудрость в ведении войны. При произнесении данной темы оратор может включить в нее описания мест, битв, вооружения и поединков императора, а также вставить речи, которые снимают напряжение (372.25 – 374.20)	2. Анастасий изгоняет всех иноземцев и варваров из империи. Он разбивает арабов-кочевников, которые грабили города восточных провинций. Император. Он строит городские стены, ремонтирует и восстанавливает укрепления. Он демонстрирует варварам крепкую власть и сильное войско (7). Анастасий также очищает империю от восставших, чтобы восстановить порядок и гармонию (8). Исавры опрометчиво увеличиваются и надменно убеждают империю в необходимости гнева (9)	2. Анастасий удаляет исавров из Константинополя, но не намерен причинить им никакого вреда. Бог уничтожает их безумие и побуждает их к войне, чтобы покарать их за их преступления. Исавры разбиты храбростью и верностью императорской армии (50-67). Анастасий сравнивается со львом (67-76). Анастасий сравнивается с Беллерофонтом и Сервилием Исавриком (80-86). Несмотря на свои огромные ресурсы, исавры повергнуты к голоду и смерти (87-97). Бог насылает шторм, чтобы разгромить флот исавров (98-111). Реки становятся красными от крови и переполняются трупами (112-118). Исаврийские города разрушены, и выжившие в этих бедствиях знают, что Бог наказал их справедливо (119-129).
	3. Оратор должен восславить человечность императора в его способе ведения войны и разгроме врага (374.20 – 375.6)	3. Анастасий первым завоевывает исавров, благодаря своему мужеству и умениям полководца. Затем он побеждает их своим милосердием. Подобно отцу, он учит их умеренности и строит им город. Так Анастасий превосходит Александра в царском духе (10)	3. Анастасий оказывает милость исаврам. Он восстанавливает веру и процветание империи в целом (130-139).
8. Деяния в мире			
	Похвала деяниям мирного времени должна быть выделена в соответствии с общими доблестями.	Введение. Есть два времени года – когда люди воюют, и когда пребывают в мире, и доблести Анастасия восхищают как во время мира, так и во время войны (11)	Введение. Анастасиевы достижения столь велики и так славны, что поэт может лишь дать основные моменты (140-148)

а. Справедливость			
	Оратор должен восславить милосердие императора и его доступность для подданных. Император назначает всех губернаторов и командиров гвардии по закону, которые уважают справедливость, а не просто накапливают богатства	Анастасий правит так, что жадность не искажает справедливости. Богатый человек – не тот, у кого много золота, а тот, кто справедлив. Анастасий более велик, чем Лисандр Спартанский (12)	
	Император обеспокоен облегчением финансового бремени своих подданных. Он дарует справедливые законы и ликвидирует те, что нечестны (375.0 – 376.2)	Анастасий отменяет хрисаргир и сжигает записи, как его прародитель Геракл сотворил с головами Гидры (13). Убрав эти налоги полностью, Анастасий превосходит деяния Аристида и Писистрата (14)	Анастасий отменяет хрисаргир и сжигает налоговые записи (149-170). Анастасий празднует триумф над захваченными в плен исаврийскими вождями. Он сравнивается с Эмилием Павлом (171-179)
		Анастасий отменяет поединки людей с животными на арене (venationes) (15) и пантомимы. Теперь города империи в безопасности (16)	
		Анастасий демонстрирует щедрость к отдельным городам, как и ко всей империи в целом (17). Он строит акведуки (18), гавань Кесарии (19), ремонтирует маяк Фарос в Александрии (20), и строит Длинные Стены во Фракии (21). Анастасий милостив и прислушивается к прошениям. Он снаряжает граждан против варваров и преступников. В своей доброте он дарует справедливость своим подданным и	Справедливость возвращается в мир в правление Анастасия. Он восстанавливает города, стены и гавани (180-192). Анастасий предотвращает вымогательства части чиновников и помогает земледельцам. Он есть образ небесного судии. Он не склонен к жестокости. При нем армия сильна (193-208).

		учреждает надлежащие законы. Его подданные, в своем праведном страхе перед императором, заключают справедливые сделки, их браки целомудренны, их дети законны (22)	
b. Умеренность			
	Умеренность – одеяние справедливости. Поэтому его подданные берут жизнь императора за свой образец, браки целомудренны, дети законнорожденные, а празднества и зрелища проводятся с великолепием, но также и с умеренностью.		Словно Иосиф, Анастасий распоряжается запасами зерна с предусмотрительностью и проверяет расточительные привычки горожан (206-217). Он избавился от гражданских распрей и отменил поединки людей с животными на арене (venationes) (218-227). Он щедр даже к не заслуживающим того (228-238)
	Если императрица – достойная дама, то оратор должен упомянуть ее в отдельном пункте. Император любит и восхищается только ею (376.2-13)	Жизнь Анастасия – живой пример умеренности для его подданных. У него одна жена, его спутница в жизни и мыслях, и он не восхищается более ни одной женщиной (23)	
c. Мудрость			
	Похвала императорской мудрости должна начаться с соответствующего введения. Эти доблести позволяют императору успешно поглотить его прочие заслуги (376.13-23)	Анастасий превосходит всех выдающихся людей древности и соединяет в себе их отдельные доблести (24)	Анастасий мудро заключает ученых людей как своих соратников в правительство и награждает их многочисленными дарами (239-253)

9. Удача			
	Удача императора делает успешными все его дела.		Бог покровительствует доблестям Анастасия и защищает империю от врагов (254-269). Бог хранит императора от смерти на оре, как Он спасал благочестивых людей в прежние времена (270-289). Поэт восхваляет брата Анастасия – Павла, и его племянника Ипатия (290-300). Поэт восхваляет императрицу Ариадну (301-308).
10. Полное сравнение			
	Оратор должен сделать сравнение правления императора с предшествующими царствованиями, отметив величие прошлого, но предпочитая настоящее (376.31 – 377.10)	Анастасий сравнивается с Киром, который уменьшил рабство среди своих подданных. Анастасий освободил своих подданных от податей и дал им свободу от всех обязанности повиноваться его великодушным указам (25). Анастасий сравнивается со спартанским царем Агесилаем. Как Агесилай, Анастасий научил варваров умеренности и тем снял болезнь восстаний со своей земли (26). Анастасий подобен Александру в своей справедливости, щедрости и умеренности (27).	
11. Выводы			
	Оратор должен упомянуть о процветании городов, их рынков и праздников. Мореплавание осуществляется безопасно. И варвары, и другие враги пребывают в	Так как при Анастасии города процветают, мир есть причина их благоденствия. Война и подстрекательства к мятежу искоренены. Торговцы безопасно торгуют. Шлемы, мечи и копья перекованы на плуги (28).	

	страхе. Вся безопасность и изобилие проистекают из справедливого правления императора. В обмен на это все города и народы чтят его в песнях, восхваляют его образы.	Все вещи осуществляются в соответствии с природой. Бог добр и чтит благочестивые деяния. Города украшены статуями, прославляющими императора. Речи прославляют статуи (29).	
	Панегирик должен заканчиваться молитвой за то, чтобы правление императора было долгим, и его трон должен перейти к его потомкам (377.10-30)	Анастасий всегда может править империей. Города и их добрая удача тесно переплетены, им посвящают таблицы и восхваляют в песнях в его честь (30).	Бог может сохранить дары Анастасия империи, и может завоевать варваров (309-312)

ГАЗСКИЕ СОФИСТЫ И МОНАХИ В VI ВЕКЕ (НА ПРИМЕРЕ «ПЕРЕПИСКИ ВАРСАНУФИЯ И ИОАННА ГАЗСКИХ»)

А.В. Курбанов (Санкт-Петербург / Белгород)

В статье рассматриваются взаимные влияния христианского и интеллектуального мира в Газе VI в. на примере такого источника как «Переписка Варсануфия и Иоанна Газских». Автор описывает расцвет риторических школ, взаимоотношения между монастырями и риторическими школами. В итоге, автор приходит к выводу о том, что монахи воспринимали профессиональную деятельность учёных софистов как обычную городскую профессию, не связанную с её языческим началом.

Ключевые слова: *Варсануфий и Иоанн, Газа, Палестина, софист, ритор.*

Расцвет газской риторической школы[1] начался при императоре Зеноне (474–491) и продолжался вплоть до конца царствования императора Юстиниана (527–565). Плеяда выдающихся риторов 2-й пол. V – нач. VI вв. сделала Газу одним из наиболее известных образовательных центров. Также в это же время в городе и его окрестностях христианство одержало долгожданную победу над язычеством. Несмотря на приход новой идеологии, сама методика образования в

[1] В целом о газской риторической школе писали: *Downey, Glanville*. Gaza in the early sixth century. Norman: University of Oklahoma Press, 1963. P. 106–116; *Seitz, Kilian*. Die Schule von Gaza: Eine literargeschichtliche Untersuchung. Heidelberg, 1892; *Russos D.* Die drei Gazäer. Diss. Leipzig; Constantinople, 1893.

риторических школах мало изменилась[1]. Преподавание в них, как и прежде, основывалось на языческих образцах, впрочем, все представители этой школы считали себя христианами и писали, как на мифологические, так и на христианские темы. Наиболее известными газскими риторами были Эней Газский, Захарий Схоластик, Прокопий Газский и Хорикий.

Среди этих знаменитых риторов Эней Газский (430–518) был наиболее погружён в философские проблемы своего времени. Ему принадлежит диалог «Теофраст» (ок. 484 г.), направленный на защиту христианского учения от языческих представлений. Существует предположение, что Эней одно время был газским епископом[2], как и его племянник Маркиан, который, совмещал руководство риторической школой с епископским служением[3].

Самым прославленным газским ритором является Прокопий Газский (ок. 475 - ок. 528 гг.), автор сборников толкований почти на все книги Ветхого Завета, так называемых катен. Другим представителем газской учёности этого же времени был Захарий, епископ Митиленский[4], он же Захарий Схоластик или Ритор (умер после 553 г.), ставший известным более всего благодаря своей «Истории»[5].

Несколько позднее остальных жил ученик и наследник Прокопия Газского, Хорикий Газский (ок. 500 - ок. 590 гг.), оставивший после себя большое литературное наследство, которое показывает нам, как легко Церковь влилась в жизнь Газы. Он прославляет роль епископа как главы города (Chor. Orat. I, II), а также подробнейшим образом описывает построенные в Газе при епископе Маркиане церкви св. Сергия и первомученика Стефана (Chor. Orat. II.27). Существует дискуссия о том, был ли христианином Хорикий. Патриарх Фотий, оче-

---

[1] *Downey G.A.* The Christian schools of Palestine: a chapter in literary history // Harvard Library Bulletin 12. 1958. P. 297.

[2] Так считают следующие исследователи: *Krüger G.* Zacharias Scholastikos // Realencyklopädie für Protestantische Theologie und Kirche 21 Leipzig, 3rd edn. 1908. P. 593–598; здесь p. 593. Также: *Honigmann, Ernest*. Zacharias of Mitylene (536 A.D) // Patristic Studies, Studi e testi 173. Vatican, 1953. P. 195, 199 и 201–204, который подтверждает эту гипотезу. *Rist, Josef*. Zachariah Scholastikos // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon 14 (1998). P. 303–307; здесь p. 303; *Bruns, Peter*. Procopius of Gaza // DECL (2000). P. 501–502; здесь p. 501.

[3] Предположение строится на отрывке из речи Хорикия: Ὁ δὲ [Προκόπιος] τὴν [ναῦν] ἐνεγκοῦσαν [ἑαυτου] ἀφῆκεν εἰς ἀσφαλῆ τε καὶ μέγαν ὁρμιζομένην λιμένα τὸν ἱερέα [Μαρκιανόν] (Choric. Orat. 7 [VIII]. 50). Здесь корабль - это метафора, обозначающая школу Прокопия Газского. Многие исследователи видят в этих словах указание на то, что после смерти Прокопия, его школу возглавил епископ Маркиан: *Litsas F.K.* Choricius of Gaza, An Approach to His Work: Introduction, Translation, Commentary. PhD dissertation, University of Chicago, 1980. P. 68; P. 308, n. 66, 69; *Ashkenazi, Yakov*. Sophists and Priests in Late Antique Gaza According to Choricius the Rhetor // Christian Gaza in Late Antiquity / eds. B. Bitton-Ashkelony and A. Kofsky. Leiden, 2004. P. 196. В ином случае, это может означать, что епископ Маркиан просто высоко ценил риторическое образование: *Penella, Robert*. Introduction // Rhetorical exercises from Late Antiquity. A Translation of Choricius of Gaza / ed., introd., by Robert J. Penella. Cambridge, 2009. P. 6: «The passage in question probably means only that the bishop’s good general leadership provided an ideal environment for the transfer of the school from Procopius to Choricius».

[4] *Honigmann, Ernest*. Zacharias of Mitylene (536 A.D) // Patristic Studies (=Studi e testi 173). Vatican, 1953. P. 199.

[5] Она не дошла до нас, но её использовал Евагрий Схоластик: *Allen P*. Zachariah Scholasticus and the Historia Ecclesiastica of Evagrius Scholasticus // Journal of Theological Studies 31 (1980). P. 471–488.

видно, причислял его к христианам (Phot. Bibl. cod. 160). В настоящее время одни исследователи отвергают его христианство[1], другие считают его агностиком[2]. Христианские взгляды Хорикия подтверждает одна из его речей, посвящённая Богородице (Orat. 3 [III].67). Как нам кажется, частое использование Хорикием мифологических сюжетов следует скорее рассматривать как традиционный риторический приём.

Яков Ашкенази, а вслед за ним и А.М. Болгова, исследовавшие отношение риторов к христианству, пришли к выводу о том, что Газская школа теснейшим образом взаимодействовала с христианской Церковью и, возможно, даже управлялась ею[3].

Такое сотрудничество риторической школы и Церкви было совсем нехарактерным для других регионов Византии того времени. Глэнвилль Дауни полагает, что причину невероятного подъёма газской школы надо искать именно в её связях с Церковью[4]. В других образовательных центрах империи в начале VI столетия отношения между софистами и клиром, наоборот, стали весьма напряжёнными[5]. Это было время, когда государство начало борьбу против последнего оплота язычества – знаменитых философских школ. Так, в 529 г. император Юстиниан упразднил Афинскую Академию, которая была привержена старой языческой традиции[6].

В этом регионе исключительными были отношения не только между риторами и христианской Церковью, но также и между риторами и газским монашеством. Сотрудничество епископов с риторами не является столь удивительным явлением. Мы знаем, что многие великие отцы Церкви того времени получали языческое образование и использовали его в своих пастырских целях. Риторы, епископы и священнослужители жили в городском мире, где риторика традиционно занимала важное место. Монахи жили в другом мире, где мирское

---

[1] *Barnes T.D.* Christians and the Theater // Roman Theater and Society: E. Togo Salmon Papers I / Ed. W. J. Slater. Ann Arbor, Michigan, 1996. P. 161–180.

[2] *Malineau V.* L’apport de l’Apologie de mimes de Chorikios de Gaza à la connaissance du théâtre du VIe siècle // Gaza dans l'Antiquite Tardive. Archeologie, rhetorique et histoire / Ed. Catherine Saliou. Salerno: Helios, 2005. P. 149–169; *Kirsten C.* Quaestiones Choricianae. Breslau, 1894.

[3] *Ashkenazi, Yakov*. Sophists and Priests in Late Antique Gaza According to Choricius the Rhetor // Christian Gaza in Late Antiquity / eds. B. Bitton-Ashkelony and A. Kofsky. Leiden, 2004. P. 201; *Болгова А.М.* Софисты и епископы в риторической школе ранневизантийской Газы // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 15. Вып. 12. Белгород, 2009. С. 43-47.

[4] *Downey, Glanville.* Gaza in the early sixth century. Norman: University of Oklahoma Press, 1963. P. 112-116.

[5] *Kennedy G.* Greek Rhetoric under Christian Emperors. Princeton, 1983. P. 177-179. Zacharias Scholasticus. Vita Severi / Ed. M.A. Kugener. (=Patrologia Orientalis 2/1). Paris, 1903. P. 66-69. Об отношениях софистов и клира в Константинополе см.: John Malalas. Chronographia / Ed. L. Dindorf. (=Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae 15). Bonn, 1831. P. 449. См. также: *Constantelos, Demetrios J.* Paganism and the State in the Age of Justinian // The Catholic Historical Review 50 (1964). P. 375. В Афинах см.: John Malalas. Chronographia / Ed L. Dindorf. (=Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae 15). Bonn, 1831. P. 451; *Downey G.* Justinian’s View of Christianity and Greek Classics // Anglican Theological Review. 11. 1958. P. 12-13.

[6] Об этом см.: *Watts E.J.* City and School in Late Antique Athens and Alexandria (=Transformation of the Classical Heritage 41). Berkeley, 2006. P. 111-142.

образование было не столь необходимым. Многие великие отцы-основатели монашества: Антоний Великий, Пахомий Великий, Макарий Великий, Аммоний Нитрийский – даже нигде не учились и не владели грамотой. Риторика же представлялась им языческой учёностью.

Ещё Дервас Читти заметил один удивительный факт[1], содержащийся в «Житии Исайи Газского», написанного Захарием Ритором. В этом источнике есть сведения о том, что Эней Газский советовался с аввой Исайей по поводу понимания некоторых мест из Платона, Аристотеля и Плотина (Zacharias Scholasticus, Vita Isaiae Monachi, 12). На основании этого свидетельства Лоренцо Перроне предположил, что между образованными монашескими кругами и школой Газы существовали тесные связи. Это замечание позволило ему говорить об «открытости» монашеских общин в конце V и начале VI в. в регионе Газы[2].

По мнению Арье Кофского и Брурии Биттон-Ашкелони, эта «открытость» усилилась в следующем поколении с приходом учеников Петра Иберийца, закончивших школу права в Бейруте. В последующем поколении эти исследователи усмотрели уже антиинтеллектуальную тенденцию, прослеживающуюся в письмах Варсануфия и Иоанна. Начиная с аввы Дорофея, по их мнению, в газской школе снова изменилось отношение к светскому знанию в сторону большей «открытости». Также эти авторы пишут о том, что «открытость» аввы Исайи к философии не стоит преувеличивать, ибо в его сочинениях можно заметить антиинтеллектуальную тенденцию[3].

Такие выводы представляются недостаточно убедительными, так как сложно судить о поколении по единственному высказыванию только одного представителя этого поколения. К тому же, Люсьен Реньо отмечал, что имеющиеся в нашем распоряжении источники о жизни палестинских монастырей той эпохи показывают, что, в целом, они не были так отделены от внешнего мира как в Египте[4], где общение даже с ближайшими родственниками воспринималась как грубое нарушение монашеского устава. Таким примером палестинской «открытости» может служить «Переписка Варсануфия и Иоанна», содержащая множество писем, адресованных мирянам. Естественно, что газские старцы интересовались, прежде всего, духовной жизнью монахов, бывших под их руко-

---

[1] *Chitty D.J.* The Desert a City: an Introduction to the Study of Egyptian and Palestinian Monasticism under the Christian Empire. Oxford, 1966. P. 105 (В русском переводе: *Читти, Дервас*. Град пустыня: Введение в изучение египетского и палестинского монашества в христианской империи. СПб., 2007. С. 130).

[2] *Perrone L.* Monasticism as a Factor of Religious Interaction in the Holy Land during the Byzantine Period // Sharing the Sacred: Religious Contacts and Conflicts in the Holy Land, First-Fifteenth Centuries C.E / eds. A. Kofsky, G.G. Stroumsa. Jerusalem, 1998. P. 67-96.

[3] *Bitton-Ashkelony B., Kofsky A.* Gazan Monasticism in the Fourth-Sixth Centuries. P. 32, note. 88. Более подробно см: *Bitton-Ashkelony, Brouria and Kofsky, Aryeh.* The Monastic School of Gaza (=Supplements to Vigiliae Christianae. Texts and Studies of Early Christian Life and Language 78). Leiden–Boston: Brill, 2006. P. 21-22.

[4] *Regnault, Lucien*. Moines et laïcs dans la région de Gaza au VIe siècle // Christian Gaza in Late Antiquity / eds. B. Bitton-Ashkelony and A. Kofsky. Leiden, 2004. P. 169. Об этом же статья: *Perrone, Lorenzo*. Aus Gehorsam zum Vater: Mönche und Laien in den Briefen von Barsanuphius und Johannes von Gaza // Foundations of Power and Conflicts of Authority in Late-Antique Monasticism. Leuven, 2007. P. 217-243.

водством, но они также проявляли большое внимание и к повседневной жизни людей, приходивших в монастырь за советом. По этой причине они без смущения просили у них помощи в решении порой совсем земных вопросов.

Эти факты взаимодействия риторов и монахов весьма интригуют исследователей. Здесь можно упомянуть недавние работы Эдварда Воттса[1] и Майкла Че́мпиона[2]. Попробуем и мы со своей стороны разобраться в этом вопросе.

Сведения об этом сотрудничестве находятся и в «Переписке» Варсануфия и Иоанна. Епископ Маркиан, желая возвести в сан новых пресвитеров и диаконов, передал Иоанну список лиц, из которых нужно было выбрать самых достойных. Старец избрал будущих клириков, руководствуясь не принципом их успешности в риторике и философии, а нравственными качествами претендентов. Этот выбор было сложно принять образованному епископу и его газской общине (QS 808-811). Из других писем мы понимаем, что до этого в Газе важнейшим критерием при рукоположении новых клириков были именно успехи в обучении (QS 813).

К газским старцам приходили люди разных профессий, в том числе и риторы. В это время монастыри в Палестине берут на себя общественное служение миру и открывают двери для всех нуждающихся в исповеди и совете, духовном и телесном исцелении. За советом к старцам обращались и риторы. До нас дошли несколько писем, адресатом которых был «христолюбивый учитель мирской мудрости» (Φιλόχριστος παιδευτὴς τῆς κόσμου σοφίας). Когда его сыновья были близки к смерти, он пришёл к старцу Иоанну (QS 778). В отношении первого сына, авва Иоанн сказал, что тот будет жить; в отношении второго он выразился туманно. Затем, истолковывая свою фразу, он привёл пример из риторской учительской практики. Судя по этому примеру, профессия ритора была для Иоанна обычной городской профессией, как и многие другие занятия, которые не входили в противоречие с христианским мировоззрением.

Знания, по мнению газских старцев, могут как приводить к Богу, так и служить источником тщеславия, которое уводит от Бога. Так, другому «христолюбивому учителю мирской мудрости», желавшему получить более славное звание (λαμπροτέραν ἀξίαν) (QS 664-665), они оба посоветовали стараться не быть о себе высокого мнения (ὑψηλοψρονέω), чтобы приобрести славу у Бога и людей.

Также и Дорофей, получивший блестящее образование (Instr. X, 105), однажды, опасаясь тщеславия, спросил у Варсануфия, нужно ли ему получать новые медицинские знания, в то время как другие их не имеют, старец ему ответил: «Читая врачебные книги или спрашивая о них кого-либо, не забывай, что без Бога никто не получает исцеления. Итак, кто посвящает себя врачебному искусству, тот должен предавать себя имени Божию, и Бог подаст ему помощь. Врачебное искусство не препятствует человеку быть благочестивым, но занимайся им как рукоделием для пользы братии» (QS 327).

---

[1] *Watts, Edward*. Creating the ascetic and sophistic mélange: Zacharias Scholasticus and the intellectual influence of Aeneas of Gaza and John Rufus // Aram Periodical. 2006-2007. Vol. 18-19. P. 153-164.

[2] *Champion, Michael W*. Explaining the Cosmos: Creation and Cultural Interaction in Late-Antique Gaza. Oxford; New York, 2014.

Также и Иоанн советовал епископу Маркиану, выбиравшему достойных к рукоположению: «Ты не должен обращать внимания на имя схоластика или на одну только мирскую премудрость, ибо если человек не имеет данной свыше духовной премудрости, то бесполезна ему первая; если же имеет ту и другую, - то таковой блажен» (QS 813).

Таким образом, в представлении Варсануфия и Иоанна схоластики были обычными мирянами, чья профессия нисколько не отличала их среди других.

Принятые сокращения:

QS - Barsanuphe et Jean de Gaza. Correspondance / Introd., texte crit., notes Neyt F., Angelis-Noah P. de, trad. Regnault L. T. I-III (=Sources Chrétiennes 426, 427, 450, 451, 468). Paris, 1997–2002.

THE GAZAN SOPHISTS AND THE MONKS IN THE VI CENTURY
(A STUDY BASED ON THE LETTERS OF BARSANUPHIUS AND JOHN OF GAZA)

A.V. Kurbanov

The article contributes a deal to an understanding of the confluence of Christian and non-Christian thought worlds in Byzantine Gaza in the VI century, particularly in «Correspondence of Barsanuphe and John of Gaza». The author sketches the prominence of rhetorical schools, interaction between Gazan monasteries and schools of rhetoric. According to the article, the monks instructed learned pagan sophists like the ordinary layman.

Keywords: Barsanuphius and John of Gaza, Gaza, Palestine, sophist, rhetor.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ РАННЕВИЗАНТИЙСКИХ ВЫСШИХ БОГОСЛОВСКИХ ШКОЛ В МОНАШЕСКОЙ ШКОЛЕ ГАЗЫ

Я.В. Манохин

В статье рассматривается система христианского богословского образования в ранней Византии, основанная на принципах монашеской жизни, в частности, на примере монашеской школы в Газе. Отмечается, что данный тип богословского образования в истории появляется впервые. Также приводятся факты в пользу того, что данный тип школ является продолжателем образовательных традиций трех крупных ранневизантийских школ: Александрийской, Антиохийской и Эдессо-Нисибинской.

Ключевые слова: *Газа, Византия, высшие богословские школы, монашество.*

Термин «высшие богословские школы» вводит А.П. Дьяконов[1]. Этот термин также используют в своих работах как светские историки З.В. Удальцова[2] и З.Р. Самодурова,[3] так и церковные – А.П. Лебедев[4], митрополит Иларион (Алфеев), игумен Кирилл (Илюхин) и многие другие говорят об этих школах, как о просто богословских или церковных. Однако, все они под этим термином пони-

---

[1] *Дьяконов А.П.* Типы высшей богословской школы в древней церкви III-VI вв. Речь на годичном акте Санкт-Петербургской Духовной Академии 17 февр. 1913 г. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1913. С. 2.

[2] *Удальцова З.В.* Основные направления развития византийской культуры IV - первой половины VII в. // Культура Византии. IV – первая половина VII в. М.: Наука, 1984. С. 678.

[3] *Самодурова З.Р.* Школы и образование // Культура Византии. IV – первая половина VII вв. М.: Наука, 1984. С. 502.

[4] *Лебедев А.П.* Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до половины XV в. СПб: Алетейя, 1998. С. 12.

мают крупные центры христианского богословского высшего образования, расположенные в следующих городах: Александрии, Антиохии и Эдессе (затем в Нисибине), которые оформились как полноценные образовательные и научно-просветительские центры в IV в.

Основными направлениями деятельности данных школ были следующие: катехизаторское, образовательное и научное. Данные направления развивались под влиянием различных факторов. Преимущественно, это были национальные особенности того региона, в котором находилась та или иная школа. Однако, основным принципом, согласно которому строилась система образования, являлась античная образовательная традиция, соединенная с христианским вероучением. Христианские богословские школы IV–V вв. и их известные представители принимали активное участие в жизни Церкви данного периода, которое запечатлено в различных богословских и догматических спорах и в решениях Вселенских соборов. Кроме пользы для Церкви, данные школы приносили и много вреда в форме различных ересей, что порой приводило к кровопролитию. По этой причине, а также по причине политической нестабильности в Византии данные школы вскоре были закрыты.

Несмотря на очевидный упадок системы школьного христианского образования, духовное просвещение не прекращается совсем. В это время появляется новая категория школ в связи с распространением монашества. Монахи-отшельники были центром притяжения для многих людей поздней античности, желавших постичь истину и обрести смысл жизни. Многие отправлялись к ним в пустыню с намерением обучиться, и некоторые монахи откликались на эту потребность[1]. Теперь, продолжателями образовательных традиций становятся монашеские школы. Наиболее ярким примером такой школы может служить интеллектуальный монашеский центр в Газе, образованный в IV в. и просуществовавший до VII в.[2].

В историографии данного региона можно выделить следующую закономерность: ученые до середины XX в. считали эту территорию не интересной для исследования, так как на ней проживало лишь безграмотное крестьянское население[3], но уже с середины XX в. и до нашего времени начал активно проявляться научный интерес к изучению исторического прошлого Газы. Данная территория палестинской пустыни теперь рассматривается, как интеллектуальный центр, деятельность которого влияла на развитие образования и науки на рубеже античности и средних веков[4]. Некоторых ученые очень высоко оценивают культурно-историческое значение данной школы в Византии, говоря, что «данный

---

[1] *Удальцова З.В.* Указ. соч. С. 679.

[2] *Bitton-Ashkelony, Brouria;Kofsky, Aryeh.* The Monastic School of Gaza (Supplements to Vigiliae Christianae. Texts and Studies of Early Christian Life and Language, 78). Leiden–Boston, 2006. P. 1.

[3] Наиболее ярко данная позиция выражена у следующих авторов: *Heussi K.* Der Ursprung des Mönchtums. Tübingen, 1936; *Dörries H.* Die Vita Antonii als Geschichtsquelle. Göttingen, 1949.

[4] *Rubenson S.* Letters of St. Antony: Monasticism and the Making of a Saint. Minneapolis, 1995. P. 120-122.

интеллектуальный центр способствовал перенесению античной классической культуры в средние века»[1].

Газа является одним из древнейших городов мира. Благодаря своему географическому положению, большую часть своей истории она находилась под сильным египетским влиянием. Многие античные философы из Александрии прибывали в город и занимались учительством. Их трудами была организована риторская античная школа. Из Египта через купцов-виноторговцев сюда пришло и христианство. Однако, большинство жителей Газы и её окрестностей долгое время оставалось языческим. В начале V в. в городе была проведена насильственная христианизация, не достигшая в полной мере своей цели. Сельское население при этом осталось не охваченным этим процессом[2].

Наиболее продуктивным в деле распространения христианства в данном регионе является распространение монашества. Само это движение в христианстве впервые появляется на рубеже IV-V вв. в пустынях Египта и связано с именами знаменитых монахов-отшельников Антония, Макария и Пахомия Великих и многих других подвижников. Представители раннего монашества избегали соседства с городами и часто посещаемыми святыми местами Палестины, стремясь, наоборот, поселиться в спокойных местах вдали от городских центров. Такой первоначальный вид монашества является отшельническим. Особенность такого монашества заключается в уединении. Первоначально человек селился в пустынном месте, избегая всякого общения с людьми. Впоследствии стали возле них собираться общины из людей, которые хотели подражать аскетическому примеру отшельника[3]. Таким образом стали формироваться монастыри. Однако принципом таких монастырей все же оставалось отшельничество. Члены общины, проживая вместе, старались как можно реже общаться друг с другом, чтобы не отвлекаться от молитвы. В данных монастырях подвижники встречались только на общих богослужениях и трапезах, все остальное время посвящали молитве и чтению Священного Писания или другой богословской литературы. Однако в Газе распространение получили монастыри общежительные[4] и образованные, как правило, в самом городе.

В VI в. язычество окончательно уступает свои позиции христианству. Однако риторское искусство и система классического образования продолжает развиваться уже в монашеской школе. Не сохранилось более точных сведений о монашеской школе, как об образовательном учреждении. Однако факт существования такой школы подтверждает ряд косвенных письменных свидетельств[5], а также археологических, которые свидетельствуют о нахождении при монастырях библиотек и аудиторий[6]. На основании данных фактов можно предполо-

---

[1] *Martin A.* L'église et la khora égyptienne au IVe siècle // Revue des Études Augustiniennes 25. 1979. P. 3-26; *Wipszycka E.* Le monachisme égyptienne et les villes // Travaux et mémoires 12. 1994. P. 1–44.

[2] *Krawiec R.* Shenoute and the Women of the White Monastery: Egyptian Monasticism in Late Antiquity. Oxford, 2002. P. 48.

[3] Ibid. P. 50.

[4] Ibid. P. 55.

[5] *Seitz K.* Die Schule von Gaza: eine litterargeschichtliche Untersuchung. Heidelberg: C. Winter. 1892. P. 4.

[6] *Hirschfeld Y.* The Monasteries of Gaza: An Archaeological Survey // Christian Gaza in Late Antiquity / Ed. B. Bitton-Ashkelony, A. Kofsky. Leiden, 2004. P. 61–88.

жить, что христианская школа в Газе существовала в двух формах – и как направление богословской мысли, и как образовательное учреждение.

Непосредственная близость Газы к Египту способствовала египетскому - не только христианскому, но и софистическому философскому влиянию. Многие из известных христианских риторов и учителей газской школы были неоплатониками. Наиболее ярким примером является личность Энея Газского. Следуя примеру Климента Александрийского и Оригена, для которых «главной задачей своего служения было соединение веры со знанием, или возведение христианского учения на степень знания»[1], Эней использовал принципы и методы классического античного образования и философии в деле христианского просвещения. Смену же своих религиозных убеждений (он был неоплатоником, а стал христианином) он мотивировал тем, что «сам Платон советует держаться известного учения до тех пор, пока не найдется лучшее; лучше же христианского богооткровенного учения ничего быть не может»[2]. Другим и известным носителем классической античной культуры был Прокопий Газский, который осуждал языческую религию, но в своих произведениях часто использовал софистические приемы[3]. Все это сближает данную школу со школой Александрийской, для которой на первом месте было рациональное постижение христианского вероучения.

Однако, монашеская школа в Газе являлась продолжателем образовательных традиций и школы Эдессо-Нисибинской, для которой на первом месте было духовное чувственное постижение христианского богословия[4]. Основным определяющим вектором в системе образования газской школы являлось монашество. Его основные принципы служили основой просветительской деятельности. Основным компонентом аскетической монашеской жизни, по учению газских учителей является молитва. В богатом корпусе творений авторов Газы тема частной молитвы рассмотрена наиболее подробно и, скорее всего, была главным методом в деле духовного изменения человека. Роль духовной школы Газы в церковной истории заключается не в формулировке новой литургии или создании новых инструкций по составлению распорядка дня и содержанию молитв. Ее крупный вклад в развитие христианского богословия отражен в отдельном направлении, а именно в аскетической практике творения умной молитвы. Основными компонентами такой молитвенной практики является следующие добродетели: непрерывная молитва, чистая молитва и память о Боге[5]. Хотя такие типы молитвы не были новы для христиан в V-VI вв., в Газе они получили новое значение, формулировку и функцию. Они стали самым радикальным методом для личного спасения, собственного преобразования, достижения совершенства. Примером для такого вывода могут служить слова основоположника исихазма и

---

[1] *Дмитриевский В.Н.* Александрийская школа: Очерк из истории духовного просвещения от I до начала V века по Р. Хр. Казань, 1884. С. 83.

[2] *Введенский Д.* Эней Газский и его сочинение: «Феофраст или о бессмертии души и воскресении» // Православный Собеседник. Казань: Типография императорского университета, 1902. С. 23.

[3] *Seitz K.* Ibid. P. 7.

[4] *Дьяконов А.П.* Указ. соч. С.34.

[5] *Downey G.* The Christian School of Palestine: A Chapter of Literary History // Harvard Library Bulettin. 12. 1958. P. 299.

представителя газской школы Евагрия Понтийского: «Кто правильно молится, тот и богослов»[1].

Из всего этого следует, что монашеская школа в Газе являлась продолжателем и развитием образовательных традиций ранневизантийских христианских богословских школ. От Александрии она унаследовала любовь к риторике и философии, а от сирийских школ – позитивное аналитическое мышление, основанное на аскетической практике.

THE CONTINUITY OF THE EDUCATIONAL TRADITIONS OF THE EARLY BYZANTINE HIGHER THEOLOGICAL SCHOOLS IN THE MONASTIC SCHOOL OF GAZA

Y.V. Manokhin

The article considers the system of Christian theological education in early Byzantium, based on the principles of monastic life, in particular, on the example of the monastic school of Gaza. It is noted that this type of theological education in the history appears for the first time. Just provide the facts in favor of the fact that this type of schools is the successor of the educational traditions of the three major early Byzantine schools: Alexandria, Antioch, Edessa-Nisibin.

ХОРИКИЙ: ИСКУССТВО СЛОВА

О.С. Грудинина

В статье рассматривается личность позднеантичного оратора и профессора риторики Хорикия Газского, ученика Прокопия Газского. Отмечается высокая популярность работ Хорикия на протяжении многих столетий, подчеркивается историко-культурное значение его произведений. Рассматриваются оценка другими историками текстов Хорикия и их влияние в Византии.

Ключевые слова: *риторика, Византия, Хорикий, искусство.*

Не вызывает дискуссий тот факт, что искусство слова играет важную роль как в педагогике, так и в ораторском искусстве. Но вот вопрос о том, как же постичь все тайны этого искусства, является актуальным во все времена, и наш XXI век тому не исключение. Но для того, чтобы достичь максимального результата, необходимо обратить взор на опыт педагогов прошлого, которые накопили бесценный багаж знаний, а наша задача теперь – попытаться спроецировать их в современном мире.

Для нас примером может служить византийская школа, и один из профессоров риторики позднеантичной эпохи – Хорикий из Газы, живший в VI в. В это время Газская школа была одним важнейших из культурных и образовательных центров империи. В отличие от известных нам позднеантичных историков, он никогда не упоминал в своих работах о своем успехе как оратора или профессора риторики, и не давал нам никакой информации о распространении своих работ, что затрудняет процесс восстановления и изучения его работ современниками. Но его важную роль в ораторском искусстве доказывает тот факт, что Хорикий был любимым учеником Прокопия Газского, а после смерти последнего сменил его на посту главы школы.

Его известность доказывают и имена людей, на которых были направлены его общественные усилия: Епископ Маркиан; военный предводитель и архонт

---

[1] Ibid. P. 304.

Стефан; Мария, сестра Энея, епископа Газского и мать Маркиана; император Юстиниан.[1]

Роберт Пенелла предполагает, что привлекательность обучения у Хорикия заключалась в его образованности, и он вскоре был признан лучшим мастером риторики, что позволило ему найти последователей среди учеников в своем классе, и возможно, даже некоторые из его литературных и академических коллег оказались под его влиянием.[2]

Но исследования работ Хорикия стали возможными только в средневизантийский период, после времен иконоборческих конфликтов. Работы Хорикия имели большую популярность и использовались преподавателями риторики в качестве образца.

И дошли до нас его работы, как и работы многих других риторов позднеантичного времени, не потому, что им осознанно обеспечивали сохранность, а лишь потому, что работы активно использовались в обучении, и имелось огромное количество копий.

Большое количество изречений Хорикия находятся в языческом собрании флорегилий Маркиана X-XI вв. И тот факт, что спустя пять веков его изречения пользуются большой популярностью, доказывает ценность его работ.[3]

Как отмечает Паоло Одорико, из 505 изречений кодекса 92 принадлежат именно Хорикию. Для того, чтобы наглядно увидеть ценность изречений Хорикия, достаточно привести такие данные, что кодекс содержит 74 изречения Василия Кесарийского, 70 - Григория Богослова. По предположениям, одним из возможных пользователей этого кодекса мог быть патриарх Константинопольский Фотий, испытывавший большой интерес к работам и изречениям Хорикия.[4]

Что же касается религиозного содержания текстов Хорикия, то, они носят христианский характер, т.к. кодекс Маркиана имеет только христианскую основу, и в нем нет места языческой литературе.

Но более полное представление о его работах нам может дать единственная сохранившаяся рукопись Национальной Мадридской Библиотеки. В ней собраны почти все работы Хорикия, кроме 24 и 25 Вступительных Речей. В Константинополе, скорее всего, рукописи работ появились в первой половине IX столетия. Предпосылкой этого послужило усиление движения гуманистического обучения в литературе и филологии, связанное с именами Иоанна VII, Императора Льва VI, и упомянутого выше патриарха Фотия.

Но нельзя говорить о том, что до IX в. работы Хорикия были неизвестны, недоступны и неизучены. Хорикий принадлежит к числу уникальных античных авторов, не переживших литературное забвение на заре Средневековья, когда античная цивилизация пришла в упадок, не говоря уже о том, что его работы всегда были доступны читателям, за исключением времени правления Иоанна

---

[1] Preliminary talks and declamations of Choricius of Gaza / edited by Robert J. Penella. 2009.

[2] *Болгова А.М.* Грамматисты высших школ Ранней Византии (IV–VI вв.) // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VIII Международной научной конференции. Харьков, 2012.

[3] Preliminary talks and declamations of Choricius of Gaza. 2009.

[4] Ibid. P. 280.

VII, несколько веков спустя, когда только Папа Римский и его ближайшее окружение имели доступ к рукописям Хорикия.

И мы должны учитывать, что даже в так называемые «темные века» некоторая часть классической литературы продолжала составлять основу византийского образования.

Это подтверждается чтением старинной рукописи № 160 из Библиотеки Фотия (изд. 2, с. 121-123 Анри) - это самые древние очевидные доказательства того, что рукописи и речи Хорикия читались.

Что касается стиля языка Хорикия, то патриарх Фотий отмечает его ясность и чистоту, уместные описания и пояснения, не перегруженность текстов излишней информацией, и особо подчеркивает его умение проникать в поэтическое искусство. В его обращении находится много видов письменных работ: панегириков, погребальных песен, свадебных песен, политических опровержений и других подобных текстов. Анализ, проведенный не так давно Жаком Шампом, говорит о том, что нет оснований не доверять источникам Фотия, которые он использовал для написания своей работы.

И совершенно очевидно, что Фотий имел доступ к собранию писем Хорикия, и все его суждения об ораторском стиле последнего опираются на непосредственную работу с подлинниками. Сообщив о наличии различных композиций Хорикия, он подтверждает, что ему знакомы и другие виды речей (панегирики, выступления, опровержения и т.д.).

Конечно, у Хорикия не было той привычной славы и богатства, присущих для других софистов античности. Немалую роль во время небольшого угасания интереса к его работам сыграла тень повсеместной и всеохватывающей известности Либания, работы которого были бесспорным образцом риторики в Византии.

Тем не менее, на его собственном счету такие заслуги как высокая нравоучительность его стиля, его способность аргументировано вести споры, жизненный опыт, который он сам передает с помощью своей риторики, или скрываясь под маской Либания. И он смог обеспечить себе положение уважаемого человека в культурном обществе Византии.

Его достижение в том, что он смог добраться до книжных полок частных и монашеских византийских библиотек, и выйти на уровень самого Либания, Цеца, Отцов Каппадокийцев.

Таким образом, его работа находилась как в прямом, так и в косвенном обращении, что типично для текстов его вида. Мы должны быть благодарны за оставленное Хорикием нам наследство, значение которого полностью подтверждается большим количеством его византийских читателей.

CHORICIUS: ABILITY OF A WORD

O.S. Grudinina

The paper considered the questions about late ancient Choricius from Gaza, who was orator, professor of rhetoric and the best pupil of Prokopius. It’s underlined elevated popular the Choricius’s work over the course of centuries, accented historical and cultural meaning his works. It’s considered opinions of other historians, who could work with the Choriciu’s texts and work’s impact in Byzantium.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ В ИЗОБРАЖЕНИИ ИОАННА ЛИДА: СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ I КНИГИ «О МАГИСТРАТАХ»

М.М. Синица

В работе предлагается комплексный анализ антикварной традиции Ранней Византии, которая в I книге сочинения Иоанна Лида «О магистратах» достигла наиболее полного выражения, создав образ раннего Рима и его политической организации, представшей в свете ранневизантийского искажения реальной исторической традиции.

Ключевые слова: *Иоанн Лид, Рим, Византия, антикварная традиция, древняя история, структура, состав.*

«О магистратах римского государства» – историко-литературное произведение, написанное образованным чиновником (впоследствии учителем латинской словесности в Константинопольском университете) VI в. Иоанном Лидом[1] на смеси аттического языка и обычного греческого койнэ[2]. Оно посвящено истории и эволюции римских государственных учреждений от времени их возникновения до современной автору эпохи. Оно является наиболее поздним (написано примерно в середине 550-х гг.) и значительным из всего творческого наследия Иоанна Лида. Считается историческим сочинением, но построенным в оригинальной форме, представляя собой «историю глазами чиновника», акцентируя внимание не на событийном ряде, как в классическом варианте истории, а на изменениях в структуре государственных учреждений, которые как бы определяют вектор развития Римского государства.

Работа состоит из трех частей: 1-я часть охватывает период от становления Римского государства до эпохи принципата, 2-я – эпоху империи, 3-я посвящена одному из главнейших государственных учреждений в VI в. – Восточной Префектуре Претория, затрагивая также и современные автору проблемы внутри общества[3].

В начале трактата писатель дает введение, где определяет цель работы – изучить эволюцию власти в Римском государстве с течением времени: «остается рассказать о гражданских властях, и почему от жреческого устройства к гражданскому переросла форма»[4].

С целью связано и название работы, правда, в нем существуют разночтения: заглавие работы - περί ̓ἐξουσιῶν (de potestatibus, о властях), название 1-ой книги – περί ̓αρχῶν τῆς ̔ρωμαίων πολιτείας (de magistratibus rei publicae romanorum, о магистратах государства римлян)[5], а у патриарха Фотия в «Мириобиблионе» – περί ̓αρχῶν πολιτικῶν[6] (о гражданских властях).

---

[1] The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II (A.D. 395–527). Cambridge University Press, 1980. P. 612–615.
[2] *Treadgold W.* The Early Byzantine Historians. Palgrave Macmillan, UK, 2010. P. 263.
[3] *Удальцова З.В.* Из византийской хронографии VII в. // ВВ. 1984. Т.45 (70). С. 54-65.
[4] Ioan. Lyd. De Mag. Praefacio.
[5] *Bandy A.C.* Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State. Lewiston; New York: The Edwin Mellen Press, 2013.
[6] Φώτιος· Μυροβίβλιον·180.

Первая книга вышеуказанного сочинения представляется наиболее интересной, так как связана с антикварными изысканиями Иоанна Лида.

Иоанн Лид, как и многие интеллектуалы, воспитанный на античной культуре, остро и крайне болезненно воспринимал упадок античной цивилизации, имевший место в VI в. и связанный с необратимой трансформацией и перестройкой общества, сопровождавшейся разрушением традиционных систем. Античная, языческая в своей основе, культура вытеснялась на периферию общественного сознания набравшим силу христианством, подвергаясь забвению, заменяясь новой моделью, основанной на библейской традиции. В результате происходил дисконтуитет с античной древностью[1]. Антикварианизм Иоанна Лида связан с попытками предотвратить эти процессы, в своих произведениях он стремится подчеркнуть связь и преемственность современного ему общества с античным, фиксируя реалии древности, дабы спасти их от забвения[2]. Ту же цель имеет трактат «О магистратах» в целом. Показывая возникновение и трансформацию институтов власти, писатель непосредственно выводит современные ее формы из древних[3].

Древность является для писателя как бы образцом, идеалом, к которому надо стремиться[4]. Он тщательно собирает материал о первых магистратах у римлян, глубоко исследуя их корни. Во введении он подчеркивает сакральную основу возникновения магистратов, а также их лидийско-этрусское происхождение[5].

В начале I книги дано оглавление. Книга включает 51 главу, каждая из которых описывает определенное явление или объект, связанные с магистратом или инсигнией. Главы 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, по мнению A. Bandy, следует перегруппировать по сравнению с греческим текстом по смыслу в соответствии с содержанием: гл. 45 переходит в гл. 35, гл. 35 – в гл. 36, гл. 36 - в гл. 37, гл. 37 - в гл. 38, гл. 38 – в гл. 39, гл. 39 – в гл. 40, гл. 43 – в гл. 41, гл. 40 – в гл. 42, гл. 41 – в гл. 43, гл. 42 – в гл. 44, гл. 44 – в гл. 45[6].

Промежуток времени, который охватывает I книга, включает время от прибытия в Италию Энея до начала правления первого Кесаря: время существования и функционирования магистратов до радикального изменения государственного строя, когда «Кесарь же, единовластвующий, прекратил все магистраты, всей силой властей препоясавшийся единственный»[7].

Всего книга по замыслу автора состоит из 14 частей (глав), каждая касается определенного магистрата или его инсигний; всего описывается 9 магистратов: должность магистра конницы, патрициат, квестура, децемвират, диктатура, цензура, народный трибунат, претура (там же о префекте города), должность ночного префекта; кроме того дается характеристика царской власти (там же и об импера-

---

[1] *Maas M.* John Lydus and the Roman past: antiquarianism and politics in the age of Justinian. London; New York, 1992. P. 4-5.

[2] Ibid. P. 6-7.

[3] Ibid. P. 46.

[4] *Treadgold W.* The Early Byzantine… P. 290.

[5] Ioan. Lyd. De Mag. Praefacio.

[6] *Bandy A.C.* Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies… P. 25.

[7] Ioan. Lyd. De Mag. I. 51.

торской власти), рассказывается об устройстве римского войска и его командирах, о консульской власти, описываются должности эдилов и понтификов[1].

Текст книги сохранился не полностью. В книге потеряно 2 листа, где описывалась должность преторов, раздел о преторах дошел во фрагментах[2]. Разделы расположены в зависимости от времени возникновения каждой власти (в том числе военной) в хронологической последовательности их возникновения.

Каждая часть представляет собой как бы отдельный рассказ, единство между ними практически отсутствует, они связаны только по общей цели работы. Описывая определенный магистрат, писатель прослеживает его эволюцию на всем промежутке времени, который охватывает первая книга; переходя к следующему, он снова возвращается к древним временам, поэтому хронологическая связь внутри текста получается нарушенной. Отсутствие четкой хронологической связи между отдельными частями делает текст дискретным, прерывистым, прошлое высвечивается отдельными несвязными кусками, показывая периоды образования или изменения какого-либо магистрата, автор совершенно опускает время их стабильного существования. Кроме того, он часто делает обширные этимологические отступления с экскурсами в прошлое или в позднейшие времена. Касаясь происхождения каких-либо объектов, он сопоставляет их с аналогичными в других странах в различные эпохи или отвлекается от предмета без должного логического перехода, что еще более усиливает бессвязность и неоднородность содержания текста. Кроме того, часто по ходу текста вставляются цитаты и отрывки из сочинений различных писателей, в основном, юристов. Зачастую также писатель повторяет одну и ту же информацию по нескольку раз[3].

Первая глава содержит указание на начальную точку отсчета римской истории – прибытие Энея и троянцев в Италию[4]. Там же автор дает периодизацию истории Римского государства, чем доказывается, что Иоанн Лид писал историческое сочинение. Основным критерием периодизации является изменение формы государственного устройства и связанное с этим изменение значения и функций отдельных магистратов. Автор делит историю на 5 периодов: первый период – отсутствие суверенного государственного образования; второй период – формирование римского государства, основанного на монархической форме власти; третий период – римское государство с формой власти, при которой во главе стоят консулы (республика); четвертый период – римское государство с формой власти, при которой во главе стоят цезари (принципат); пятый период – во главе римского государства стоят императоры, тип государственной власти, современный автору (переход от принципата к доминату и неограниченной монархии). Для каждого периода он дает строгие хронологические рамки:

1) от прибытия в Италию Энея до основания Города – 439 (417) лет,

2) от основания Города до изгнания царей – 243 года,

3) от консулов до первого Цезаря – 465 (466) лет,

---

[1] Ibid. Libri primi capita.

[2] *Bandy A.C.* Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies… P. 25.

[3] Ioan. Lyd. De Mag. I.

[4] Ibid. I.1.

4) от Цезаря до Константина – 375 лет,

5) от Константина до смерти Анастасия – 224 года и 7 месяцев; внутри выделяется подпериод: от основания Константинополя – 215 лет и 7 месяцев[1].

Первые три периода охватываются I книгой. В отличие от новейшего времени, датировка и хронологические рамки этих периодов тщательно выверены по различным источникам, как древним языческим, так и более современным христианским, и обладают высокой степенью точности[2]. Хотя основное внимание I книги сосредоточенно на 2-ом и 3-ем периодах (продолжительность которых Иоанн Лид указывает в 706 лет), автор часто перескакивает как на более раннее время, так и к позднейшим эпохам.

В следующих 13 главах дается характеристика каждому магистрату по определенному плану (наиболее полный вариант): название магистрата и его этимология, история происхождения и обстоятельства возникновения данного магистрата, основные инсигнии (платье, знаки власти; дается их внешнее описание, раскрывается значение и символика), обряды, которыми почитается его власть, его дальнейшая судьба и эволюция данного магистрата[3].

I период – догосударственный (мифический): глава 1. В начале 1-й главы говорится об Энее, его божественном происхождении, отсюда автор начинает римскую историю[4].

II период – царская власть: главы 2–8[5]. 2, 3 и 4 главы[6] исследуют самую древнюю и главную власть – царскую. Автор говорит о временах Ромула, исследуя истоки его власти, рассуждает о ее тираническом характере. Здесь же следует отступление, где автор изучает сущность монархической власти, сравнивая «правильную» монархическую власть с тиранией, а также с институтом императорской власти. Для легимитизации монархии Иоанн Лид использует иррациональное начало (что делает ее легитимность спорной). Затем он показыват эллинское (эолийское) происхождение латинского языка, поэтому выводит название Квирина – божества римской общины, из греческого языка: «Квирин наречен как если бы κύριος (имеющий силу, власть, властелин, господин, хозяин)». После этого Иоанн Лид описывает инсигнии царской власти: венок, жезл с орлом на вершине, тога с пурпурными полосами и трабея, котурны, трон solium; в конце описывает обряды для почитания царской власти: предшествование царю 12 секир, к которым с течением времени добавлены юбы - длинные копья с султанами на гребне и огненно-красные знамена фламуллы.

Затем следуют древнейшие государственные институты, созданные в течение царского периода.

Пятая часть[7] посвящена образованию армии – второго по древности государственного института. Здесь описывается создание войска Ромулом, его

---

[1] Ibid. I.2.
[2] *Bandy A.C.* Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies… P. 26.
[3] Ioan. Lyd. De Mag. I.
[4] Ibid. I.1.
[5] Ibid. I.1-29.
[6] Ibid. I.1-8.
[7] Ibid. I.9-13.

устройство: всего оно состояло из 3000 пехотинцев, разделенных на 30 манипул (по числу курий), возглавляемых центурионом, и 300 всадников, разделенных на 3 отряда, возглавляемых магистром конницы; из войска выделялось 300 скутариев для охраны царя. Затем об инсигниях войска - о вооружении и снаряжении: подробно исследуются отличия 3 видов щитов: scutum, clipeus, ancile; также о форме солдат, ее происхождении, внешнем виде, особенностях, эволюции, в контексте чего говорится об экскувиторах – стражах Палатиума, единственных сохранивших древнюю форму в новейшее время. Также говорится о царской службе attentio.

Шестая часть[1] рассматривает первый по древности магистрат – должность магистра конницы. Говорится о ее значении и могуществе в древности, прослеживается ее трансформация в префектуру претория.

Седьмая часть[2] посвящена исследованию возникновения патрициата, который связан с созданием Сената (первоначально 100 старцев из всех курий). Рассматривая патрициат как должность, Иоанн Лид переносит в древность реалии VI в., когда титул патрикия являлся высшим званием, даруемым императорам[3], хотя в древности это обозначало знатность и не являлось должностью. Автор затем рассматривает происхождение титула patres conscripti (отцы приписанные) – в результате объединения римлян и сабинян и приписывания сабинской знати к Сенату, а также аналогично увеличение вдвое войска (6000 пехотинцев, 600 всадников). Затем он описывает инсигнии патрициев: хламиды с пурпурной полосой-латиклавием и золотой застежкой, хитоны-парагауды с пурпурной каймой и белыми рукавами, сандалии-кампаги; также обряды, которыми они почитались – они выезжали на колеснице из коринфской меди, украшенной рельефами, запряженной быками или мулами. Далее автор рассуждает о происхождении знатных фамилий (рассказывая о происхождении тройного имени римлян), о возникновении клиентеллы, дает расшифровку фамилий наиболее известных родов.

В восьмой части[4] исследуется квестура. Иоанн Лид рассказывает об этимологии слова, происхождении и функциях института квесторов, отличие их от квезиторов, изменении их функций с течением времени (судебная и финансовая сторона), делая отступление, говорит о кандидатах, также о quaestores parricidii (квесторы убийства). В 243 году консулов (267–266 гг. до н.э.) во время войны с союзниками Пирра Эпирота были учреждены 12 (или 2, по данному вопросу разночтения[5]) quaestores classici (квесторы морские).

II период – республика: главы 9 - 14[6].

Далее автор переходит ко второму периоду своей истории – времени республики и власти консулов[1]. Он рассказывает о происхождении и сущности

---

[1] Ibid. I.14-15.
[2] Ibid. I.16-23.
[3] *Чекалова А.А*. Патрикиат в ранней Византии // ВВ. 1997. Т. 57 (82). С. 32-44.
[4] Ioan. Lyd. De Mag. I.24-28.
[5] *Bandy A.C.* Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies… P. 101.
[6] Ioan. Lyd. De Mag. I.29-51.

должности консула (от consilia – тайное совещание), о первых консулах – Юнии Бруте и Публии Валерии Публиколе, об инсигниях консульской власти: одежда – фелони и туники-колобы с пурпурными полосами, белая обувь-алута, белые льняные платки (маппы и фациолы); об обрядах: предшествовании им мужей с пучками, перевязанными пурпурными ремешками, и секирами, перенесение консулов, восседающих на троне из слоновой кости, на длинных жердях; функциях консулов (законодательство, ведение войн, управление).

Девятая глава[2] посвящена децемвирату – объясняются обстоятельства возникновения, их функции, автор рассказывает о возникновении должности префекта города, – им назначен первый из децемвиров, на нем лежала функция защиты города от врагов. Далее об инсигниях и обрядах почитания децемвиров: префекту города предшествовали 12 ликторов с пучками, остальным – только 1; они содержались богатыми собственниками – глебами. После того, как власть децемвиров перешла в тиранию, народ изгнал их. Сроки правления децемвиров: 3 года, на 60-м году консулов (449 г. до н.э.) их власть прекратилась.

Далее рассказывается о периодах общественного замешательства: 50-летнем периоде интеррексов и военных трибунов (449–399 гг. до н.э.) и 5-летнем периоде анархии (в другой главе Иоанн Лид указывает этот промежуток: с 136-го года консулов (373 г. до н.э.) до начала 103-й Олимпиады (368 г. до н.э.)). Затем - о реформах общественного управления, связанных с общественными смутами: об изменениях порядка избрания должностных лиц, о появлении новых должностей, о введении должности претора (в 263 году консулов (247 г. до н.э.) - избрание второго претора – для управления чужеземцами); об изменении обязанностей консулов; о происхождении должности эдилов; о смутах и правлении триумвиров.

Говоря о смутах в государстве, Иоанн Лид плавно подходит к характеристике диктатуры, которая призвана была эти смуты пресечь, хотя первые диктаторы появились в Риме значительно раньше, чем децемвиры. В десятой главе[3] автор объясняет происхождение магистрата, его название, полномочия (чрезвычайная временная монархия сроком на 6 месяцев, вводимая для того, чтобы «выпрямлялось бы то, что неуравновешено»[4]). Далее говорится об инсигниях диктатора – это все царские инсигнии за исключением царского венца. Говорится о значении магистра конницы в период диктатуры (где сопоставление: диктатор / магистр конницы = император / префект претория), его инсигнии и обряды почитания и (ему предшествовали ликторы с пучками (фасциями) без грив), их эволюция (в новейшее время за магистром конницы несет пучки один копьеносец). Затем рассматривается история диктатуры, события в это время, там же перечисляются все, бывшие диктаторами (в порядке изложения у Иоанна Лида):

---

[1] Ibid. I.29-33.
[2] Ibid. I.34-36.
[3] Ibid. I.37-39.
[4] Ibid. I.37.

– 1-й диктатор Тит Марций (Ларций) – консулы стали избираться на 1 год, магистром конницы назначен Спурий Кассий, консулы – Тит и Валерий, но они отказались от должности;

– 17-й год консулов (492 г. до н.э.) – народное возмущение, введение должности народного трибуна и избрание 2 народных трибунов (Гай Ликиний, Луций Альбин);

– 23-й год консулов (487 г. до н.э.) – разделение власти на 3 части: консулов, городского префекта (здесь о нем же), народа;

– 28-й год консулов (482 г. до н.э.) – диктатура Авла Семпрония – общественные смуты, назначение консулами Гая Юлия и Квинта Фабия;

– 48-й год консулов (461 г. до н.э.) – диктатура Гая Мамерка;

народное волнение, назначение 3 военных трибунов, диктатура Тита Квинтия;

– 74-й год консулов (435 г. до н.э.) – война с тирренами, диктатура Марка Эмилия;

– диктатура Публия (16 дней);

– назначение военных трибунов, вражда народа с Сенатом, диктатура Квинта (8 дней);

– диктатура Публия Корнелия Косса;

– диктатура Квинтия;

– 136 год консулов – начало 103 Олимпиады (373–368 гг. до н.э.) – пятилетняя анархия;

– восстановление власти консулов: избрание 4 эдилов, 2 квесторов, 1 претора, легатов (помощников командующего), 12 военных трибунов;

(угроза вторжения Александра Македонского);

– назначение диктатором Папирия Курсора, назначение авгуров и понтификов;

– 263-й год консулов (246 г. до н.э.) – назначен второй претор – praetor urbanus peregrinus (после деления народа на 4 класса и 35 триб назначены еще 3 претора);

– 290-й год консулов (219 г. до н.э.) – вторжение Ганнибала - назначение диктатора и заместителя диктатора, магистра конницы и заместителя магистра конницы;

– диктатура Гая Юлия Цезаря, магистр конницы - Лепид.

Здесь можно наблюдать некоторые несоответствия. Тит Ливий не упоминает диктаторов в 28-й год консулов[1], в 48-й год было избрано 2 консула - Публий Волумний и Сервий Сульпиций, а не диктатор[2], Мамерка Эмилия избрали диктатором в 72-м году консулов, а не в 74-м[3], 5-летний период анархии длился с 375 по 370 гг. до н.э., а в 370-м и 369-м гг. до н.э. были избраны военные трибуны, в 368-м г. до н.э. Марк Фурий Камилл избран диктатором[4].

---

[1] Тит Ливий. История Рима от основания Города. II.34. Т.I. М.: Наука, 1989.
[2] Там же. III.10. (5).
[3] Там же. IV.16. (7).
[4] Там же. VI.35-38.

Одиннадцатая глава[1] посвящена должности цензоров. Указываются обстоятельства ее возникновения, функции (оценивать имущество, судить нравы граждан, наказывать распутников). Здесь Иоанн Лид делает отступление и рассказывает о происхождении римского театра, о видах театральных представлений, подробно о комедиях и трагедиях, об истории римской комедии. Подробно исследуется этимология слова nepos (1. потомок; 2. распутник).

Двенадцатая глава[2] рассказывает об учреждении должности народного трибуна: при каких обстоятельствах появилась, какими инсигниями и функциями обладали трибуны (издавать постановления, судить в народном собрании). Рассказывается о возникновении так называемого capita (общественные расходы на фураж) – в 365 году от основания Города, в консульство Луция Генуция и Квинта Сервилия, во время войны с Вейями. Далее Иоанн Лид повествует о составе и устройстве всенародного войска римлян (так как народные трибуны распоряжались возможностью набора в войско): основное войско из 6000 легионеров-пехотинцев, турмы из 500 конных лучников, илы из 600 всадников, также вспомогательное войско, вексилларии из 500 всадников, когорты из 300 щитоносцев; далее таблица с перечислением видов войск и подразделений у римлян, подробнее о адораторах, ветеранах, а также тиронах (самое непрестижное подразделение солдат самого низкого звания, вспомогательные войска), о военной повинности различных классов граждан, о военных званиях и должностях… (Далее текст утерян).

Тринадцатая глава[3], рассказывающая о преторах и префекте города практически вся утеряна, за исключением нескольких фрагментов, где подводятся итоги о судебных полномочиях магистратов Рима: 10 народных трибунов, 2 консула, 18 преторов, 6 эдилов исполняли судебную власть. Также подводя итоги развития этих магистратов, доводит их неизменное функционирование до времени правления императора Тита (не касаясь реформ Домициана и Каракаллы по этическим соображениям).

Четырнадцатая глава[4] завершает I книгу, она посвящена должности ночного префекта, автор не считает ее полноценным магистратом. Он рассказывает о ночном нападении галлов (начало IV в. до н.э.), послужившим причиной ее учреждения, также об обязанностях префекта и особенностях функционирования (защита от скрытых ночных нападений, поддержание внутреннего порядка и помощь при пожарах), об аналогичных функциях народных трибунов и эдилов. Первая книга завершается эпохой Гая Юлия Цезаря.

Иоанн Лид был серьезным и старательным писателем, усердно собирающим и изучающим материал о древности, пытающимся докопаться до истоков того или иного явления. В своей работе «О магистратах» он показывает себя очень прилежным и эрудированным знатоком древности, хотя и не очень талантливым автором[5]. Он достаточно слаб и поверхностен как историк, не доис-

---

[1] Ioan. Lyd. De Mag. I.40-44.
[2] Ibid. I.45-48.
[3] Ibid. I.48-49.
[4] Ibid. I.50-51.
[5] *Treadgold W.* The Early Byzantine… P. 263-264, 290.

кивается до истинных причин того или иного явления, его труд в основном представляет собой несколько бессвязное компилятивное изложение фактов, взятое из произведений более древних авторов, не подвергаясь критическому осмыслению со стороны писателя[1], но это очень прилежная компиляция. Ценность его работы заключается как раз в том, что он с тщательностью и прилежанием собирает материал о древности (как греческих, так и римских писателей), с точностью его воспроизводя[2], приводя по каждому вопросу точки зрения разных авторов, тщательно отбирая наиболее подходящий, интересный и истинный на его взгляд, и в результате как из конструктора собирая свое произведение, добавляя к нему различные занимательные факты.

Несмотря на то, что он слепо следует источникам и зависит от них, из-за чего текст приобретает сильную неоднородность, его произведение нельзя назвать чистой компиляцией: о самостоятельном характере его произведения свидетельствует наличие достаточно большого числа ссылок на себя («я сказал», «мы исследовали», «нами записано» и т.д.) – в I книге 28 ссылок! [3] Кроме того, он проделывает большую работу и перерабатывает огромное количество материала, чтобы транслировать латинские политические и юридические понятия в греческие термины, переводя и приспосабливая древнеримскую государственную систему к греческим историческим реалиям.

Первая книга опирается на огромнейший пласт источников, прежде всего сочинения антикваров, грамматиков и законоведов. Будучи сам очень компетентным чиновником и юристом - считается, что он участвовал в составлении Дигест (и в перечне составителей в Дигестах есть указание на некоего защитника в суде Центральной Префектуры Претория Иоанна[4]), Иоанн Лид активно привлекает и использует законодательные памятники и труды теоретиков политики, что ставит его работу в гораздо более выгодное положение по сравнению с его современниками-антикварами[5].

Литературный стиль его достаточно приятен, по мнению Фотия, его сочинение «содержит информацию, которая не лишена изящества, более того этот автор доставляет насыщение богато украшенными отрывками, несмотря на излишнюю холодность в некоторых местах, пишет в должной и очаровательной манере», также отмечая, что в некоторых местах писатель поднимается до аттического слога, в других же – пишет небрежным и вульгарным языком (койнэ), хотя интеллектуал IX века критикует его за неравномерность произведения, небрежность в обращении с историческими фактами, идею и композицию произведения «О магистратах»[6]. Современные исследователи также упрекают Лида

---

[1] *Maas M.* John Lydus and the Roman past… P. 7.
[2] Ibid. P. 46.
[3] Ioan. Lyd. De Mag. Praefacio, I. 1, 2, 8, 14, 15, 19, 20, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 37, 43, 44, 47, 48, 49, 50.
[4] Дигесты Юстиниана. О составлении Дигест. III. 9 / Т. I. Отв. ред. Л.Л. Кофанов. М.: Статут, 2002.
[5] *Болгов Н.Н.* Иоанн Лид и его сочинение «О магистратах римского народа» // Иресиона. Античный мир и его наследие. Белгород, 2002. С. 118-120.
[6] Phot. Bibl. 180.

за многочисленные исторические ошибки, особенно в первой части этого произведения, достаточно низко оценивая его труд[1].

Список источников, которые он использует для I книги «О магистратах», обширен и многообразен. Их можно разделить на группы:

1) законодательные памятники, сочинения законоведов и юристов.

Упоминаются римские авторы и их сочинения: Юний Гракхан «О властях»[2], Аврелий Аркадий Харисий (Лид называет его Аврелием[3]), Ульпиан «О должности квестора»[4], «Протрибуналии»[5], Гай «К законам 12 Таблиц»[6], Павел[7], Помпоний[8], Требатий[9], Фенестелла[10]. Также упоминается закон «О распутниках»[11].

Цитируются отрывки: Юний Гракхан «О властях» – отрывок о появлении квесторов в эпоху царя Туллия; отрывок о функциях квесторов в позднейшее время; Аврелий Аркадий Харисий – отрывок (из «Об обязанностях Префекта Претория») о возникновении должности префекта претория из древней должности магистра конницы и рассуждения о ее могуществе; Ульпиан «О должности квестора» – отрывок о квесторах Палатия, их функциях (повтор Гракхана); Гай «К законам 12 Таблиц» – отрывок о причинах возникновения квестуры, видах квесторов; отрывок о причинах и обстоятельствах появления децемвиров; Павел – отрывок о создании коллегии против пожара; Помпоний – отрывок о судебной власти в Риме. Считается, что эти отрывки писатель взял из «Дигест», на что он сам указывает во введении, так как некоторые работы не дошли до его времени[12].

2) военные сочинения.

Упоминаемые римские авторы и их сочинения: Цельс[13], Паттерн «Тактики»[14], Катилина[15], Фронтин «О военных должностях»[16], Вегеций Ренат (Лид называет его Ренат[17]). Греческие авторы и их сочинения: Элиан[18], Арриан «Об Александре»[19], Эней[20], Онасандр[21], Патрон[22], Аполлодор «Полиоркетики»[1]. Ци-

---

[1] *Maas M.* John Lydus and the Roman past… P. 7.
[2] Ioan. Lyd. De Mag. Praefacio, I.24.
[3] Ibid. I.14.
[4] Ibid. I.24, 28.
[5] Ibid. I.48.
[6] Ibid. I.26, 34.
[7] Ibid. I.50.
[8] Ibid. I.48.
[9] Ibid. I.24.
[10] Ibid. I.24.
[11] Ibid. I.44.
[12] Ibid. Praefacio.
[13] Ibid. I.47.
[14] Ibid. I. 9, 47.
[15] Ibid. I.47.
[16] Ibid. I.47.
[17] Ibid. I.47.
[18] Ibid. I.47.
[19] Ibid. I.47.
[20] Ibid. I.47.
[21] Ibid. I.47.
[22] Ibid. I.47.

тируется отрывок из I книги «Тактик» Паттерна – об устройстве римского войска во времена Ромула.

3) сочинения поэтов.

Упоминаемые римские поэты и их сочинения: Вергилий «Энеида»[2], Персий[3], Ювенал[4]. Греческие поэты и их произведения: Софокл[5], Аристофан[6], Филоксен[7], Клавдиан Пафлагонский «Энкомий Стилихону»[8].

Цитаты: «Аякс» Софокла: ««имеет свой престол на находящемся близ моря Саламине»[9]; «Ахарнянки» Аристофана: «утоптанные старики, сражавшиеся при Марафоне, дубовые»[10]; неподписанная цитата из «Илиады» Гомера[11]: «не благо многовластье»[12].

4) Антикварные сочинения историков, грамматиков и схолиастов:

Упоминаемые римские авторы и их сочинения: Катон Старший «Римские древности»[13], Варрон[14], его сочинения «Помпеион»[15] и «Статуи»[16], Саллюстий «Первоначальная история»[17], Светоний «Об Августе» (Лид называет его Транквилл[18]), Фонтей[19], Капитон[20], грамматик Аспр[21], Лепид «О жрецах»[22], судебная речь Цицерона «На Верреса»[23]. Греческие авторы: Кастор[24], грамматик Диогениан Лексикограф[25], Дион Кассий (Лид называет его Коккейан[26]), Дексипп (Лид называет его Геренний[27]), Диодор «Библиотеки»[28]. Кроме того несколько раз ссылается на собственное антикварное сочинение «О месяцах»[29].

---

[1] Ibid. I.47.
[2] Ibid. I. 7, 12, 25, 50.
[3] Ibid. I. 19, 32.
[4] Ibid. I.20.
[5] Ibid. I.3.
[6] Ibid. I.10.
[7] Ibid. I.44.
[8] Ibid. I.47.
[9] Ibid. I.3.
[10] Ibid. I.10.
[11] Homerus. Ilias. II.204.
[12] Ioan. Lyd. De Mag. I.37.
[13] Ibid. I. 2, 5, 47.
[14] Ibid. Praefacio, I. 2, 5, 12.
[15] Ibid. I.5.
[16] Ibid. I.12.
[17] Ibid. Praefacio.
[18] Ibid. I.12, 34.
[19] Ibid. Praefacio.
[20] Ibid. Praefacio.
[21] Ibid. I.7.
[22] Ibid. I.17.
[23] Ibid. I.13.
[24] Ibid. I.2.
[25] Ibid. I. 5, 17.
[26] Ibid. I.7.
[27] Ibid. I.12.
[28] Ibid. I.47.
[29] Ibid. Praefacio, I. 8, 9.

Цитируется: отрывок неизвестного автора – о цензуре Аппия Клавдия и обязанностях цензора[1].

Кроме того, многие источники Иоанн Лид использует из вторых рук. Исследователи отмечают влияние собраний схолиастов Аристофана Византийского, Афинея и др.[2] Исследователи подчеркивают и влияние латинских комментаторов, особенно Вергилия, на «Энеиду» которого наиболее часто ссылается писатель[3]. В разных местах I книга «О магистратах» коррелирует с энциклопедиями древностей – «Римскими древностями» Дионисия Галикарнасского (рассказы о временах правления первых царей[4]), «Историей от основания Города» Тита Ливия (рассказы о начальной эпохе республики, первый консулах, децемвирах, общественных смутах[5]), «Естественной историей» Плиния Старшего (рассказ о поведении скорпионов зимой[6]), «Иудейскими древностями» Иосифа Флавия (рассказ о происхождении титула фараона[7]). Кроме того, прослеживается влияние работ современников автора: Петра Патрикия, первого написавшего бюрократическую историю о магистре офиициий[8], Гесихия Милетского, который составил биографический словарь языческих ученых и писателей, Стефана Византийского, составившего географический словарь[9]. Также исследователи находят много параллелей в «О магистратах» с «Новой историей» Зосима[10], в частности, первая книга «О магистратах» является «археологией» для более обширной 3-й части, посвященной Восточной Префектуре Претория в эпоху империи, равно и первая книга Зосима является как бы «археологией» - кратко охватывая период греческой и римской истории от Троянской войны до 192 г. н.э. – конца царствования императора Коммода[11]. Но наибольшее влияние на Иоанна Лида оказали работы Марка Теренция Варрона. Собирая древний материал, писатель продолжает традиции своего великого предшественника[12]. Подражая Варрону, Лид стремится создать многостороннюю энциклопедию, так же, как и древний писатель, проявляя интерес не только к древностям, но и грамматике, истории латинского и греческого языка, юриспруденции, государственному устройству, культуре, в частности, театру[13]. Кроме упоминаемых работ Варрона Иоанн Лид также использует информацию из его сочинений, особенно «О латинском языке»: тот же тематический принцип, по которому расположены римские термины, также слово анализируется по глагольным формам, рассматриваются его значе-

---

[1] Ibid. I.41.
[2] *Maas M.* John Lydus and the Roman past… P. 46.
[3] *Болгов Н.Н.* Иоанн Лид…
[4] Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. XXVI-XXX, XXXI, LIX; II. III, VI, VII, XII, XLVI, XLVI. Т.I / Отв. ред. И.Л. Маяк. М.: Рубежи XXI, 2005.
[5] Тит Ливий. История Рима от основания Города. I-X.
[6] Plinius, Naturalis Historia VII.17.
[7] Иосиф Флавий. Иудейские древности. VIII.6.2. Т.I. М.: Ладомир, 2002.
[8] *Treadgold W.* The Early Byzantine… P. 268.
[9] *Maas M.* John Lydus and the Roman past… P. 46-47.
[10] *Kaldellis A.* The Religion of Ioannes Lydos // Phoenix, Vol. 57, No. 3/4 (Autumn - Winter, 2003). P. 300-316.
[11] *Treadgold W.* The Early Byzantine… P. 111-112.
[12] *Болгов Н.Н.* Иоанн Лид…
[13] *Альбрехт М. фон.* История римской литературы. Т.I. М., 2002. С. 649-655.

ния в разных языках[1]; также «Древности дел человеческих и божественных», «О происхождении римского народа», «О жизни римского народа», где этот писатель-энциклопедист описывая культурно-историческое развитие, подвергает критике настоящее и поучает[2], что вслед за ним воспроизводит Лид, усваивая также симпатии к древности и республике[3]. Также необходимо сказать о работе «О месяцах», являющейся источником для I книги «О магистратах», которая, как и последняя, основана на работах греческих и римских антикваров, языческих философов-пифагорейцев, Платона и Аристотеля, сочинениях философов-неоплатоников, космологических и астрологических сочинениях александрийских ученых, в том числе иудейских и христианских, в частности, Филона Александрийского[4].

5) христианские сочинения.

Упоминаются авторы: Секст Юлий Африкан (Лид называет его кан[5]), Евсевий Кесарийский (Лид называет его Памфил[6]) – используются их хроники, пророк Даниил[7] (по «Септуагинте»[8]), Аристей[9] (по сочинению «Письмо к Филократу»[10]).

Использование христианских источников Иоанном Лидом представляется достаточно интересным. Религиозная принадлежность Иоанна Лида вызывает много споров среди ученых, начинающихся со времен патриарха Фотия, который не мог определить, какую религию исповедует писатель[11]. Одни считают его христианским писателем[12], другие отмечают языческую тенденцию его работ, пренебрежение к трудам христиан[13]. Поэтому возникает проблема использования христианских источников в I книге, посвященной римской старине, являются ли они первичными. С одной стороны, Иоанн Лид указывает на христианских писателей Юлия Африкана и Евсевия только в главе, посвященной периодизации, очевидно, используя лишь их хроники, а пересказ событий о пророке Данииле и письмо Аристея содержится в работе Иосифа Флавия «Иудейские древности»[14], с которой автор очевидно знаком (см. выше). Но все же следует полагать глубокое знакомство Лида с «Септуагинтой», так как он рассуждает о том, что в книге пророка Даниила в «Септуагинте» употребляется слово ὕπατος[15]

---

[1] *Альбрехт М. фон.* История римской литературы. Т.I. М., 2002. С. 649-655. С. 650.
[2] Там же. С. 646-670.
[3] *Kaldellis A.* Identifying Dissident Circles in Six-Century Byzantium: The Friendship of Prokopios and Ioannes Lydos // Floriregium. 21. 2004.
[4] *Maas M.* John Lydus and the Roman past… P. 48-54.
[5] Ioan. Lyd. De Mag. I.2.
[6] Ibid. I.2.
[7] Ibid. I.31.
[8] LXX Septuaginta, Daniel III.2.
[9] Ioan. Lyd. De Mag. I.31.
[10] Epistula Ad Philocratem.
[11] Phot. Bibl. 180.
[12] *Maas M.* John Lydus and the Roman past… P. 3.
[13] *Kaldellis A.* The Religion…
[14] Иосиф Флавий. Иудейские древности. XII. 2.
[15] ΔΑΝΙΗΛ III.2 // Septuagint version of the Old Testamen, with an English translation. London: Samuel Bagster and sons, 1879.

для обозначения знатных лиц, а у Иосифа Флавия в аналогичном месте – ὁι πρῶτοι[1]. То есть Иоанн Лид должен был изучать «Септуагинту» и достаточно глубоко, или же быть знакомым с сочинениями ее христианских комментаторов, – это свидетельствует как минимум о его интересе к христианству и достаточном знакомстве с христианскими произведениями, а также позволяет положительно ответить на вопрос об использовании им христианских источников.

В контексте «О магистратах» как антикварной истории[2] также интересны этимологические изыскания Иоанна Лида. Он (в греческой транскрипции) объясняет происхождение следующих латинских терминов: princeps (принцепс), imperator (император), toga (тога), solium (трон), tufa (султан на шлеме – варвар искаж. «juba» – грива), celerii (название конницы в древности), scutum (прямоугольный щит), clipeus (круглый щит – греч. происх.), ancille (овальный щит - греч. происх.), ancilla (рабыня, служанка), servus (раб, слуга), famulus (прислужник), gluba (конец одежды из шкур), attentio (царская повинность транспортировки тяжестей), patricius (патриций), legio (легион – греч. происх.) atrabatica (патрицианские тоги с латиклавием), campagus (патрицианские сандалии с ременными застежками), burrichalia (торжественный выезд патриция), titulus (титул), cliens (клиент), pecunia (деньги), quaestor (квестор), quaesitor (квезитор), quaestio (наказание), quaestionarius (палач), questus (жалоба, судебная жалоба), parricida (убийца), candidatus (кандидат), consul (консул), aluta (белая обувь консулов), faciola (повязка консулов), nenia (погребальная жалобная песнь – греч. происх.), glebae (снабжавшие должностных лиц собственники), aedilis (эдил), dictatorus (диктатор), nepos (1. потомок – греч. происх., 2. распутник, расточитель – греко-лат. происх.), nepa (скорпион), nepeta (каламинт, «кошачья мята»), capita (расходы казны на содержание лошадей), cuspus (деревянные оковы), clibanarii (закованные в железо воины), adorator (адоратор, отличившийся воин, уже не принимавший участия в боях) adorea (слава, награда), tiro (неопытный, малоквалифицированный солдат низкого звания, новобранец – греч. происх.), tribus (триба); также этимология греческого слова ἔπαρχος (эпарх, префект претория в Восточной Римской империи);

а также показывает этимологию латинских имен собственных: Quirinus (Квирин, божество римской общины – греч. происх. «господин»), Varro (Варрон – кельт. происх. «мужественный»; финикийское происх. «иудей), Titus (Тит – сабин. происх., от имени Тита Тация), Silvius (Сильвий – «лесной»), Publicola (Публикола -«заботяйщийся о народе»), Proculus (Прокл – «далеко»), Postumus (Постум – «после»), Vopiscus (Вописк – «оставшийся в живых близнец»), Caesar (Цезарь – «разрезанный»), Flaccus (Флакк – «вислоухий»), Naevius – (Невий – «с пятном»), Lucius (Луций – «свет»), Licinius (Лициний –

[1] Flavius Josephus. The Judean Antiquities. X.10.5. // Project of Ancient and Cultural Engagement. Texts and Commentaries. [эл. рес.] http://pace-ancient.mcmaster.ca/york/york/showText?book=10&chapter=10&textChunk=whistonSection&chunkId=4&up.x=13&up.y=5&up=up&text=anti&version=&direction=up&tab=&layout=split
[2] Ioan. Lyd. De Mag. I.

«кудрявый»), Crassus (Красс – «тучный»), Pinarius (Пинарий – греч. происх. «голодный»), Statius (Стаций – «совершеннолетний»), Faustus (Фавст - «счастливый»), Gaius (Гай – «радостный»), Tiberius (Тиберий – «Тибр»), Appius (Аппий – «у Аппиевой дороги живущий»), Servius (Сервий – «спасенный»), Nero (Нерон – сабин. происх. «сильный»), Naso (Назон – «нос»), Tucca (Тукка – «мясной»), Zicca (Зикка – искаж. «Тукка»), Varus (Вар – «кривоногий», Blaesus (Блез – у Лида «кривоногий», хотя, вероятно, должно быть «шепелявый»), Serranus (Серран – посеянный), Augustus (Август – «священный», Vittelius (Виттелий – «яичный желток»), Brutus – (Брут – «глупый»). Еще ряд терминов переводится на греческий язык без объяснения этимологии.

Также рассказывая о римских обычаях и истории, Иоанн Лид собрал сведения о других народах, оказавших влияние на римлян. Упоминаемые этнонимы: переселившиеся из Лидии тиррены, этруски, сиканы, галлы, латины, египтяне, аркадцы, сабины, эллины, амазонки, кельты, иудеи, финикийцы, сарацины, персы, савроматы, италийцы, троянцы, евреи, ассирийцы, коринфяне, трибаллы, бессы, тревиры, галаты, афиняне; Агатоклей Сицилийский, Эвандр Тегеец, Минос Критский, Пирр Эпирот, Александр Македонский; о Ганнибале (карфагеняне), о войне с Вейями (этруски), о городе Сигамбры (галаты), о приходе Энея из Ливии (ливийцы).

Следует рассмотреть хронологические обозначения. Используются:

1) эры – от прибытия Энея, от основания Города (Рима), от основания Константинополя, от начала консульской власти;

2) датировки: по времени консульской власти (243-й год, 17-й год, 23-й год, 28-й год, 48-й год, 74-й год, 136-й год, 263-й год, 290-й год), по именам консулов, по Олимпиадам (начало 103-й Олимпиады), по времени существования Города (365 год Города), по времени войны с кем-либо, по правящему рексу / императору;

3) временн**ы**е индикаторы: сезоны – лето, зима, перемещение солнца в созвездие Льва; месяц – январь, сентябрь; день – сентябрьские календы.

Сюжеты: как Ромул убил Рема; как ему явилось 12 коршунов; как Август (или Тиберий) распустил собрание, когда льстецы его назвали деспотом; как Приск Тарквиний победил в войне сабинов и тусков; похищение сабинянок; объединение римлян и сабинян; как Август рассердился, увидев римлян в варварской одежде; как патриции оказывали благодеяния другим людям и посылали родственников в Остию, чтобы пригласить к себе чужестранцев; как жил род Сильвиев; как сенатор Цетег одевал тогу на голое тело; морская экспедиция римлян против союзников Пирра Эпирота; праздник консуалий; как Брут вопрошал оракул в Афинах; в каком виде диктатор Серран пришел в Рим; как Спурий Постумий, Авл Марций, Публий Сульпиций были отправлены в Афины за законами при децемвирах; возведение Августом базилики, где казна и канцелярия; 50-летнее смятение общественных дел римлян; 5-летняя анархия; как римляне под угрозой вторжения Александра Македонского назначили диктатором Папирия Курсора; нападение Ганнибала на Италию; гражданская война Цезаря и

Помпея; как живут скорпионы зимой; война с Вейями в 365-й год города, консульство Луция Генуция и Квинта Сервилия; как Солон по египетским законам установил деление афинских граждан; как тревиры вторглись в Италию, проникли в Рим по канализационным трубам, а гуси Город спасли, разбудив полководца Манлия; праздник почитания гусей; прекращение Цезарем правильного функционирования магистратов. Отдельно следует выделить два наиболее информативных и интересных отрывка: о видах театральных представлений в Риме, история римской комедии; историография военных сочинений древних и современных римских и греческих авторов.

Таким образом, исследуя I книгу трактата «О магистратах» образованного чиновника и преподавателя VI в. Иоанна Лида, можно сделать следующие выводы: по своей сути эта книга является «археологией» к дальнейшему повествованию, охватывая период от мифических времен прибытия в Италию Энея до единоличного правления Гая Юлия Цезаря. Она построена в виде ряда рассказов, хотя достаточно бессвязных и запутанных, обо всех возникших в древности магистратах, которые построены по определенному плану: магистрат, его инсигнии, история, - расположены в порядке возникновения каждого из них. Данные отрывки достаточно слабо связаны между собой, книга рассыпается на отдельные эпизоды. Кроме этого книга высвечивает ряд событий из древней истории Рима, в основном касающихся возникновения или изменения какого-либо магистрата, представляя собой «взгляд чиновника на историю», хотя и содержит множество исторических ошибок и неточностей. По содержанию книга носит антикварный и компилятивный характер: здесь автор тщательно собрал огромный материал из разнообразных источников, греческих и римских, как древних, так и современных, являясь наследником энциклопедической традиции Варрона, хотя и часто используя вторичные источники. Он уделяет особое внимание юридическим сочинениям и схолиям. Кроме классической, автор воспринимает и христианскую традицию. Ценность работы заключается в том, что книга сохранила множество отрывков из ныне утерянных авторов. Литературный стиль Иоанна Лида достаточно изящен, сама книга насыщена интересными фактами. Особое внимание привлекают лингвистические изыскания. Книга ярко выражает антикварную традицию, существовавшую в Византии VI в.

ANCIENT HISTORY' PICTURE IN STRUCTURE AND CONTENT OF I BOOK OF *ON THE MAGISTRATES* BY JOHN LIDUS

M.M. Sinitsa

In this paper a comprehensive analysis of antique traditions early Byzantium in the book of I book of John Lidus essay "On the magistrates' reached its fullest expression, co-providing image of early Rome and its political organization, appears in the light of the early Byzantine distorting real historical tradition.

Keywords: John the Lydian, Rome, Byzantium, antique tradition, ancient history, structure, travel, composition.

ИОАНН ЛИД
И ЕГО НЕСОХРАНИВШАЯСЯ «ИСТОРИЯ ВОЙНЫ С ПЕРСАМИ»

М.М. Синица

Работа посвящена попытке реконструкции содержания и задач несохранившегося труда Иоанна Лида «История войн с персами», о которой он сам упоминает в других своих сочинениях.
Ключевые слова: *Иоанн Лид, персы, история.*

Тема данной работы связана с недошедшим до настоящего времени сочинением ранневизантийского писателя VI в. Иоанна Лида, посвященным римско-персидской войне (530-532)[1]. Данная тема представляется интересной в контексте изучения творческого наследия Иоанна Лида.

Следует сказать несколько слов о самом авторе: Иоанн Лаврентий Филадельфий Лид (последние два имени являются этнонимами) являлся достаточно талантливым писателем эпохи правления императора Юстиниана I, он происходил из провинции Лидия, родился примерно в 490 г. Он был очень образованным чиновником среднего уровня в Восточной префектуре претория, затем получил место преподавателя в Константинопольском университете, кроме того, ученым, активно занимавшимся научными изысканиями преимущественно антикварного характера, а также литературной деятельностью[2]. До нас дошло его три произведения: «О месяцах», посвященное языческой римской календарной системе; «О знамениях», содержавшее собрание астрологических фактов, приуроченных к тому или иному событию, «О магистратах» - это наиболее позднее и значительное произведение, посвященное истории римской администрации и бюрократии, описывающее эволюцию внутренней структуры римского государства в промежутке от мифических времен Троянской войны до современного автору времени, включая правление императора Юстиниана I[3]. В этом произведении и сосредоточена вся информация об авторе, отсюда можно узнать и об «утраченной» истории новейшей римско-персидской войны[4].

Первая проблема, которая возникает по этому поводу, а была ли вообще написана эта история? В сочинении «О магистратах» по поводу этого произведения содержится следующая информация. В одной из глав, посвященной своей автобиографии, Иоанн Лид повествует о том, что, узнав о его ученых (литературных) занятиях, император Юстиниан поручил ему произнести панегирик в его честь в присутствии послов из Рима. После этого император побудил писателя описать историю новейшей римско-персидской войны, благоприятно законченной императором (532 г. – заключение «вечного мира»), связанной с нападениями персов на город-крепость Дара, которая была построена императо-

---

[1] The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II (A.D. 395–527). Cambridge University Press, 1980. P. 613.
[2] *Maas M.* John Lydus and the Roman past: antiquarianism and politics in the age of Justinian. London, New York, 1992. P. 1.
[3] Ibid. P. 7-8.
[4] The Prosopography of the Later… P. 612–615.

ром Анастасием[1]. Более Иоанн Лид не упоминает об этом своем сочинении, никогда на него не ссылается (в отличие от «О месяцах» и «О знамениях»). Он не указывает также, было ли оно опубликовано. Не говорит ни слова о нем также ни одна средневековая энциклопедия: «Суда» называет лишь две его работы «О месяцах» и «О знамениях»[2], в «Мириобиблионе» же патриарха Фотия упоминаются три произведения: «О знамениях», «О месяцах», «О магистратах», хотя о других сочинениях Лида ничего не сказано, – Фотий только отмечает, что прочитал такие-то и такие работы Лида и дает их краткую характеристику, не говоря о том, были ли еще какие-нибудь работы у этого писателя[3], (скорее всего интеллектуал IX века имел только три данных сочинения в одном кодексе, аналогичном тому, который дошел и до нашего времени). Исследователи связывают это с низким качеством «Истории» Иоанна Лида, которое автор и сам понимал, предпочитая умалчивать о ней[4].

Дословно об «Истории римско-персидской войны» у Лида говорится следующее:

ὑσ῀ γενομένου, καί συγγράψαι με τόν πρός Πέρσας ἀισίμως ἀυτῷ χερισθέντα πόλεμον παρακελεύσατο ὁτε Δάραν, τήν πόλιν ἡν ὁ πόλυς Ἀναστάσιος ταῖς φάρυγξι τῶν πολεμίων ἐπιτέθεικεν, ἐνοχλοῦντες ἐκεῖθεν ὀυ μετά μικρᾶς ζημίας ὑπενόστησαν, οὐκ ἐπ αὐτοῦ πάλιν προελθόντες[5] – «когда я сделал (панегирик), также, чтобы я написал историю относительно персов счастливо им управляемой войны, когда побудил, Дару, город, который многосильный Анастасий у горла врагов полагал, (персы) беспокоящие, оттуда с немалым ущербом возвратились, не продвигаясь на него снова»[6].

Об обязательности совершить действие (воля императора) вроде бы свидетельствует глагол παρακελεύσατο, который употреблен в аористе. Но он не носит обязательного характера. Необходимо уточнить его значение: это аористная форма 3 л. ед. ч. от глагола παρακελεύομαι – увещевать, побуждать, ободрять; советовать, приказывать. Если подставить значение «советовать», то получится следующее: «…чтобы я написал историю относительно персов счастливо им управляемой войны, ***посоветовал***…». С другой стороны глагол συγγράψαι также в аористе – говорит о завершенности действия. Это инфинитив аориста глагола συγγράφω – записывать, письменно излагать, сочинять, составлять, писать историю чего-либо, описывать. Он стоит в придаточном предложении, нося вспомогательное условное значение должного произойти в будущем действия[7]. Если подставить значение «письменно излагать», то получится следующее: «…чтобы я ***письменно изложил*** относительно персов счастливо им управляемой войны, ***посоветовал***…». Таким образом, получается, что предполагаемое

[1] Ioan. Lyd. De Mag. III. 28.
[2] Suid. I, 465.
[3] Phot. Bibl. 180.
[4] *Treadgold W.* The Early Byzantine Historians. Palgrave Macmillan, UK, 2010. P. 261.
[5] Ioan. Lyd. III.28. / Ed. by A. Bandy. Lewiston, 2013.
[6] Греческо-русский словарь / Сост. А.Д. Вейсман. СПб., 1899.
[7] *Славятинская М.Н.* Учебник древнегреческого языка. М., 2003. С. 157-162.

написание истории не носит ни обязательный, ни реально завершенный характер. Данное предложение императора, скорее всего, было связано с панегириком, где Иоанн Лид устно изложил события недавно благоприятно оконченной войны в контексте восхваления императора, что последнему так понравилось, что он предложил талантливому писателю зафиксировать это письменно. Это подтверждается тем, что автор указывает содержанием для своей «Истории» события именно ***благоприятно*** завершенной войны, а также тем, что далее Иоанн приводит письмо императора, очевидно относящееся к панегирику, – в нем василевс отмечает его красноречие, (дословно ̓ευγλωττίαν)[1], – это нелогично, если бы «История римско-персидской войны» была бы написана, письмо следовало привести перед ссылкой на нее.

Таким образом, нет никаких прямых свидетельств о том, что Иоанн Лид написал «Историю римско-персидской войны». Но нельзя утверждать, что он ее не писал. В сочинении «О магистратах» автор никогда не ставит цель перечислить все свои написанные произведения. Например, он часто ссылается на «О месяцах», но ни разу не упоминает «О знамениях», которое, по мнению исследователей, написано раньше «О магистратах». Указание на написание каких-либо сочинений автор делает только в контексте своего продвижения по службе, как в случае с панегириками Зотику[2] и императору Юстиниану[3]. Но при этом Иоанн Лид говорит о том, что с приходом Иоанна Каппадокийца после того, как образованные чиновники перестали быть востребованы в администрации, он возненавидел службу и полностью отдал себя самого книгам, и это случилось до того[4], как он написал панегирик Юстиниану и был назначен преподавателем в Константинопольском университете. Также говоря о префектуре Каппадокийца он часто говорит о резком сокращении жалования чиновников, саркастически замечая, что оно было похоже скорее на милостыню, и его не хватало даже для того, чтобы покрыть ежедневные расходы[5]. То есть, по крайней мере в промежутке примерно от назначения префектом Иоанна Каппадокийского и до назначения преподавателем обеспечивал свое существование исключительно научной и литературной деятельностью, (которая как раз и была замечена императором, почему василевс и поручил составить ему панегирик). Следовательно, Иоанн Лид должен был что-то писать, но об этих произведениях ничего неизвестно.

Скорее всего, Иоанн Лид собирался написать такую историю (о римско-персидских войнах), так как он не мог пренебречь просьбой императора, но, возможно, не успел ее издать до того, как военные действия на Востоке снова возобновились, и история несколько утратила свою актуальность. Возможно также, что Иоанн Лид, педантичный ученый-антиквар, тщательно собирая материал об этой римско-персидской войне, решил выйти за первоначально заданные хронологические рамки и создать наиболее полную историю войн римлян с пер-

[1] Ioan. Lyd. III.28, 29.
[2] Ibid. III.27.
[3] Ibid. III.28, 29.
[4] Ibid. III.28.
[5] Ibid. III.25, 66, 67.

сами, причем издание ее должно было включить все события современной римско-персидской войны по ее окончании. То, что Иоанн Лид действительно работал над «Историей римско-персидских войн», доказывает большое количество материала по этому вопросу, собранное в «О магистратах», а также активное использование военных сочинений. Особенно привлекает внимание очень полная подборка военных сочинений римских и греческих авторов в конце первой части данной работы Лида[1]. Представляется возможным утверждать, что «О магистратах» содержит в себе не компилляцию из «Истории римско-персидской войны», а будущий материал для исследования по этой теме; так как время смерти писателя неизвестно, возможно, написав ее позже, чем «О магистратах» Иоанн Лид планировал ее издать, но не успел. Написание этой истории, подбор материала мог осуществляться в продолжение длительного времени, так как есть основания предполагать что Иоанн Лид также в течение нескольких лет писал свое произведение «О магистратах»: в частности, он указывает, что должность корникулярия существует около 1300 лет от основания Рима[2], то есть, к 548 г. н.э., в периодизации же дает промежуток от основания Рима до смерти Анастасия[3] (ошибочно), по которому она наступила бы в 554 г. н.э. (но если посчитать промежуток от основания Константинополя до смерти царя – она наступает в 545 г.!), указывает период своей службы в префектуре в течение 40 лет[4], то есть, отставка в 551 г.

Тогда возникает вопрос, какое содержание «Истории римско-персидской войны» предполагалось автором. По эксцептам из сочинения «О магистратах» можно попытаться восстановить основную фабулу. Иоанн Лид дает следующую информацию, связанную с персами:

– о персидском платье парагауда[5];

– об обычае персов передавать монархическую власть по наследству[6];

– о тактике в войне против персов[7];

– о составе и подготовке персидского войска[8];

– о выгодном стратегическом положении территорий Колхии (затем Лазики)[9];

– об удачных войнах с персами римского военачальника Корбулона в царствование Нерона[10];

– о правлении Арриана в восточном регионе при императоре Траяне (ошибка, должно быть Адриане)[11];

[1] Ibid. I.47.
[2] Ibid. III.22.
[3] Ibid. I.2.
[4] Ibid. III.30, 67.
[5] Ibid. I.17, II.13.
[6] Ibid. II.3.
[7] Ibid. III.33.
[8] Ibid. III.34.
[9] Ibid. III.34.
[10] Ibid. III.34.
[11] Ibid. III.53.

– о посольстве Палладия (будущий магистр оффиций при императоре Константине) к персам и заключении с ними мира при Галерии Максимиане[1];

– о назначении префекта претория Востока для отражения персидской угрозы при императоре Константине[2];

– о покупках мира у врагов при императоре Зеноне[3];

– о строительстве города Дара при императоре Анастасии над Евфратом и его выгодном стратегическом положении[4];

– о том, что такое Каспийские ворота, о переговорах между префектом Саллютием и персидским начальником Издигердом после смерти императора Юлиана о совместном строительстве флота для охраны Каспийских ворот от вторжений, о потерях римлян в царствование Иовиана, о персидской крепости Вирапарах для защиты Каспийских ворот[5];

– о посольстве Споракия при Феодосии Старшем с первой выплатой за охрану Каспийских ворот для заключения мирного договора[6];

– о затратах на римско-персидские войны из-за требования персами выплат на охрану Каспийских ворот при императоре Анастасии[7];

– о войне с Кавадом Старшим при императоре Анастасии из-за выплат, поражениях римлян при военачальниках Ареобинде, Патрикии и Гипатии, о капитуляции Амиды и ее освобождении римлянами, о мирных переговорах с персами в Вирапарахе тогдашнего магистра оффиций Келера[8];

– о нападении персов на Дару в царствование Юстиниана и их поражениях[9];

– о разрушении Антиохии Селевкии в результате землетрясения, а впоследствии ее захвате и сожжении Хосроем в результате его вторжения в Сирию через Аравию, о разграблении им Сирии[10].

В целом, материал достаточно глубокий и интересный. Автор заостряет внимание не на непосредственно военных действиях, а на дипломатических переговорах в ходе войн с персами и достигнутых в ходе них соглашениях, на должностных лицах заключавших эти договоры – это, скорее всего, связано со спецификой трактата «О магистратах». Автор делает попытку дать краткий обзор римско-персидских отношений на протяжении истории, с географическими экскурсами, попутно рассказывая о римских и персидских пограничных городах, их названиях, также повествуя об обычаях и традициях персов и их влиянии на римлян; стиль изложения свободный, хронологический принцип уступает место тематическому, акцентируется внимание на эпохе Анастасия. Для наилучшего освещения данных вопросов Лид прибегает к многочисленным компетентным источникам о римско-персидских войнах, глубоко прорабатывая военные сочи-

---

[1] Ibid. II.25.
[2] Ibid. III.33.
[3] Ibid. III.45.
[4] Ibid. III.47.
[5] Ibid. III.52.
[6] Ibid. III.53.
[7] Ibid. III.51.
[8] Ibid. III.53.
[9] Ibid. III.28.
[10] Ibid. III.54.

нения римских писателей. Непосредственно упоминаются сочинения и авторы: римский тактик Цельс; Арриан «История аланов», «Парфянские войны»; Петр (Патрикий) «Магистериум» («Магистр оффиций»).

Также на протяжении всего трактата еще упоминаются следующие военные авторы и сочинения, посвященные войнам и искусству ведения войны: Цельс; Паттерн «Тактики»; Катилина; Фронтин «О военных должностях»; Ренат; Элиан; Арриан «Об Александре»; Эней; Онасандр; Патрон; Аполлодор «Полиоркетики»; император Юлиан «Механики»; Цезарь «Галльский дневник»; Лукан «Междуусобные войны»; Виктор «История междуусобных войн»; Саммоник; Критон; Корнелий Непот; Клавдиан Пафлагонский «Энкомий Стилихону».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что «История римско-персидской войны» Иоанна Лида не была написана автором раньше трактата «О магистратах», но при этом такое сочинение, судя по всему, тщательно планировалось и готовилось автором. Скорее всего, писатель планировал его издать после завершения работы «О магистратах», но, вероятнее всего, не успел. Кажется правильным считать, что части этого произведения сохранились в сочинении «О магистратах».

Судя по этим отрывкам, можно восстановить первоначальный план этого сочинения: оно должно было охватывать всю историю римско-персидских взаимоотношений, наиболее подробно освещая современную автору эпоху, акцентируя внимание на дипломатической стороне больше, чем на боевых действиях, давая информацию о причинах и результатах войн, об устройстве и тактике римского и персидского войск, скорее всего, как и «О магистратах» построенное в свободном стиле, без строгого следования хронологии, содержа в себе массу информации занимательного характера о географии конфликтной зоны и обычаях воюющих сторон, а также этимологические обзоры, перемежающиеся с отрывками из сочинений военных теоретиков и текстов мирных договоров.

Учитывая скрупулезность Иоанна Лида, его интерес к древности и тщательность собирания материала, а также лингвистические исследования, остается только сожалеть, что данная «История» не дошла до нашего времени.

JOHN LYDUS AND UNKEPT «HISTORY OF THE WAR WITH PERSIANS»

M.M. Sinitsa

Work is devoted to an attempt of reconstruction of content and objectives of the work of John Lydus unpreserved «History wars with the Persians», of which he mentions in his other writings.

Keywords: John the Lydian, Persian history.

МАЛАЛА И ЛИД О ПРАЗДНИКЕ БРУМАЛИЙ

А.В. Кобзева

Древних учреждений или обычаев древних римлян, которые Малала и Иоанн Лид намеревались описать и объяснить, на самом деле мало. Наиболее заметное сближение между ними имеет место относительно ритуалов древнего

ипподрома[1] и трех фестивалей, происхождение которых Малала возводит к основанию Рима и первому периоду республики: это Брумалии[2], Консилии и Февруарии.

Вопрос о Брумалиях является сложным и заслуживает того, чтобы быть заново рассмотренным, потому что имеющиеся работы по этому вопросу устарели, а достигнутые выводы часто противоречивы[3]. Если существование этого фестиваля в византийские времена несомненно, то вопрос о его происхождении и эволюции остается спорным. Не будет излишним возобновить дискуссию о происхождении праздника, которая связана со взглядами Малалы и Иоанна Лида, эволюцией рукописной традиции и их различиями.

Для своего времени хронист и антиквар делают сходные заключения: ритуал существует, он характеризуется как очень древний, и надо понять смысл того, что было потеряно. Два сообщения, данные в аналогичных условиях, описывают, что обычай до сих пор существует: «Обычай Брумалий остался в римском государстве до сих пор», – сказал Малала своей обычной формулой. Иоанн Лид вторит ему: «Эта традиция сохраняется и сегодня».

Хотя очерки Лида были предназначены объяснить ритуал своего времени, это замечание идет не в начале, но после описания церемоний. Вопрос о происхождении обычаев описан несовершенно, отмечено лишь то, что обычай Брумалий входит в ход циклического повторения. Церемонии, на самом деле, происходят каждый год в зимний период, когда прерывается трудовая деятельность. Оба автора дают одно и то же свидетельство: Брумалии связаны с зимними каникулами. Но не упоминается, ни тем, ни другим автором, точная дата праздника. По Малале, фестиваль проходит «на момент зимы, когда перемирие борется». Лид, после упоминания традиционных видов деятельности римлян, добавляет: «Зимний сезон приносит завершение этим мероприятиям».

Связь между фестивалем и прекращением деятельности в плохой сезон подтверждается Хорикием Газским, который утверждает, в начале речи о Брумалиях Юстиниана, что «римляне не пропускают изречение Геродота, они знают, что мужчины не должны вести дела все время». Далее Хорикий даже предположил, что римляне позаимствовали этот праздник от скифов, которые знали «времена перемирия и приговоров».

Термином Брума обозначалось зимнее солнцестояние (24 декабря, в соответствии с календарем Евдокса, или 25 декабря, в соответствии с юлианским календарем). Поэтому заслуживает внимания предположение, что праздник Брума предшествовал на один месяц солнцестоянию, что соответствует мнению Теодора Моммзена, который считал Брумой промежуток между 24 ноября и зимним солнцестоянием.

---

[1] Jean Malalas, VII 4-5; Jean Lydos, *De mensibus* I 12, IV. 30.

[2] Jean Malalas, VII 7; Jean Lydos, *De mensibus,* IV. 158.

[3] *Crawford J.R.* De Bruma et Brumalibus festis // BZ. 23. 1-2. 1914 (1920). P. 365-396; *Ельницкий Л.А.* Византийский праздник брумалий и римские сатурналии // Античность и Византия. М., 1975. С. 340-350; *Bernardi A.-M.* Regards croises sur les origines de Rome la fete des Brumalia chez Jean Malalas et Jean Lydos // Recherches sur la chronique de Jean Malalas. II. P., 2006. P. 53-67.

На этих точках, поэтому, свидетельства двух наших авторов, подтвержденные также и Хорикием, сходятся: древние обряды Брумалий по-прежнему живы в эпоху Юстиниана, связанные с зимним перерывом в деятельности. Но это - единственные пункты согласия: когда же дело доходит до объяснения происхождения фестиваля, то возникают отличия в понимании его развития.

В 692 г. Брумалии были запрещены Трулльским собором, канон 62 которого определяет, что: «Церемония, называемая «Calendes», что значит "võta", и Брумалия - то же, что и праздник первого дня марта, должны полностью исчезнуть из образа жизни верующих». Однако, были по-прежнему живы еще и в X веке, но мы видим их, но, вероятно, под разными названиями.

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ ХРОНИКИ (МАРЦЕЛЛИН КОМИТ, ИОАНН МАЛАЛА, ПАСХАЛЬНАЯ ХРОНИКА): ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ОБЗОР

Н.О. Кривко

В статье рассматриваются три ранневизантийские хроники: хроника Марцеллина Комита, Иоанна Малалы и Пасхальная хроника. Дается краткое описание жизни известных их авторов и описываются главные особенности каждой из хроник. Также проведен сравнительный анализ хроник по ряду критериев.

Ключевые слова: *хроника, Марцеллин Комит, Иоанн Малала, Пасхальная хроника.*

В последнее время ранневизантийские источники привлекают внимание своими ценными сведениями, поэтому их подробное изучение становится особенно актуальным в контексте возросшего интереса к данному периоду.

Труд Иоанна Малалы - всемирная хроника, начало которой в единственной сохранившейся рукописи отсутствует, и которая доводит описание событий до 565 г. «Хроника» Иоанна Малалы является первой из дошедших до нас всемирной хроникой, созданной в Византии. Полный греческий текст (за исключением начального фрагмента) сохранился в списке XII в., хранящемся в Оксфорде. «Хроника» была переведена на старославянский язык (предположительно в X в.) с более раннего списка, чем оксфордский, и известна по извлечениям в составе различных русских средневековых хронографических компиляций.

Структура «Хроники» хронологически разбита на 18 книг[1]. В книгах 1, 2 и 4 излагается древнейшая история, в основном - это пересказы греческих мифов (о борьбе богов с гигантами, о Зевсе и Кроне, о Семеле, о Ио, о Персее, Эдипе и др.)[2]. В 3-й книге излагается библейская история, в 5-й - история Троянской войны, в которой Малала следует средневековой версии Диктиса Критского (автора I-II вв., произведение которого «Описание Троянской войны» в средневековье считалось дневником участника осады Трои)[3]. Затем в 10 кн. повествуется о пер-

---

[1] The Chronicle of John Malalas: A Translation by Elizabeth Jeffreys, Michael Jeffreys, Roger Scott et al. / Byzantina Australiensia 4. Melbourne: Australian Association for Byzantine Studies, 1986. 371 p.
[2] Там же.
[3] Там же.

сидских царях, лидийском царе Крезе, о македонских царях и начале Рима (кн. 6), о Ромуле и Реме и первых римских царях до Тарквиния (кн. 7), о преемниках Александра Македонского – Птолемеях и Селевкидах (кн. 8), последующие книги (кн. 9-12) излагают историю Юлия Цезаря и римских императоров от Октавиана Августа до Констанция Хлора, а затем – римских и византийских императоров от Константина Великого до Юстиниана (кн. 13-18)[1].

Иоанн писал не на классическом древнегреческом языке, а использует раннесредневековое простонародное греческое наречие с разговорными элементами речи, также хроника пестрит вперемешку латинскими и греческими терминами, такими, как архонт, магистр, эпарх преториев, экзарх, квестор, синклитик, иллюстрий.

Стиль хроники позволяет отнести её не столько к историческому сочинению, сколько к занимательному изложению истории в доступном для понимания простых людей виде, что позволило Иоанну передать античную историографию и языческую мифологию с позиций христианского мировоззрения[2].

Иногда содержание первоисточников искажается, мифические герои смешиваются с историческими персонами, занимательные факты изложены в ущерб описанию исторических событий.

Хроника основана на множестве самых разных источников, включая произведения античных авторов, но хронист пользуется ими по более поздним компиляциям римского и византийского времени[3]. Некритичный подход к источникам и их вольный пересказ в соединении с недостаточной образованностью автора (по сравнению с его современниками Прокопием и Агафием) привели к тому, что христианско-византийское сочинение Иоанна Малалы (особенно в первых 15 книгах) содержит абсурдные ошибки и анахронизмы. Но, тем не менее, в отличие от Прокопия, стремившегося к красочности, картинности изображения, у Иоанна совсем иные заботы: он старается тщательно скрупулезно изложить известные ему факты.

Марцеллин Комит – византийский историк, составивший хронику, которая охватывает период от вступления на престол императора Феодосия I (379 г.) до первых лет царствования императора Юстиниана I (534 г.). Преобладающие мотивы хроники – отношение Марцеллина к событиям в его родной местности - Иллирике, и в Константинополе, городе, где он жил и писал свою летопись. Марцеллин в значительной мере является образцом ярко выраженного позднеантичного имперского сознания, подпитанного успехами юстиниановской реставрации. В центре внимания Хроники находится Константинополь. Это императорская резиденция, центр управления империей. Это августейший[4], цар-

---

[1] The Chronicle of John Malalas: A Translation by Elizabeth Jeffreys, Michael Jeffreys, Roger Scott et al. / Byzantina Australiensia 4. Melbourne: Australian Association for Byzantine Studies, 1986. 371 p.

[2] *Самуткина Л.А.* Концепция истории в «Хронографии» Иоанна Малалы. Иваново, 2001. 143 с.

[3] Там же.

[4] Марцеллин Комит. Хроника (фрагменты) // Евагрий Схоластик. Церковная история. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2006. С. 381, 435, 436, 438, 501. Полный перевод (и оригинал): Марцеллин Комит. Хроника. Белгород, 2010.

ственный[1], священный[2] город. Фиксируются факты построек важных общественных сооружений – цистерн и терм[3], форума Феодосия в Гелианах[4], св. Софии[5], городских стен[6], портиков и башен[7], императорских статуй[8] и др. Информации о строительстве в других городах практически нет, если не считать Дары[9], но это место, возможно, является интерполяцией. О епископах Востока говорится достаточно много: об Иоанне Златоусте[10]; о Нестории[11]; о Евфимии и Македонии[12]; о епископах провинций[13]. Выделяется тематический подраздел о теологических сочинениях тех или иных авторов Востока и Запада[14]. Весьма подробен рассказ об ортодоксальных епископах родного Марцеллину Иллирика в борьбе с монофизитским императором Анастасием[15]. Специфический тематический ряд образуют рассказы о землетрясениях – их в хронике 15. Характерно, что все они четко относятся к городам. Такие специфические городские бедствия, как пожары, фиксируются в хронике 14 раз. Хроника Марцеллина – важный источник информации для изучения вторжений в империю варваров – гуннов[16], остготов[17] и болгар[18]. Именно Марцеллин обратил внимание на расширение Западной империи на восток. Ему же принадлежит знаменитое впоследствии утверждение о падении Западной Римской империи в 476 г. вместе со свержением Ромула Августула. Марцеллин не демонстрирует симпатий к сенаторам и знати вообще. Отмечается скорее настороженность по отношению к высшим слоям как гражданской, так и военной знати. К плебсу он совершенно равнодушен. Отношение Марцеллина к церкви - официально-государственное.

Хроника Марцеллина Комита – одна из наиболее информативных и связанных с имперской политической традицией. Вместе с тем, она является частью интересного и достаточно редкого культурного феномена - латинской позднеантичной исторической традиции на почве Ранней Византии, Константинополя.

Пасхальная хроника – анонимная византийская хроника, охватывающая всемирную историю от сотворения мира до правления императора Ираклия.

---

[1] Марцеллин Комит. Хроника (фрагменты) // Евагрий Схоластик. Церковная история. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2006. С. 381, 435, 436, 438, 501. Полный перевод (и оригинал): Марцеллин Комит. Хроника. Белгород, 2010. С. 433, 446, 480, 488, 527, 528.
[2] Там же. С. 509, 511.
[3] Там же. С.427, 443.
[4] Там же. С.435.
[5] Там же. С. 537.
[6] Там же. С. 447.
[7] Там же. С.448.
[8] Там же. С. 390, 403, 421.
[9] Там же. С. 518.
[10] Там же. С. 398, 403, 438.
[11] Там же. С. 428 – 430.
[12] Там же. С. 494, 495, 511.
[13] Там же. С. 512, 513, 516.
[14] Там же. С. 398, 416, 456, 459, 463, 466, 470, 478, 486.
[15] Там же. С. 516.
[16] Там же. С. 422, 441, 442, 447, 452.
[17] Там же. С. 478, 480.
[18] Там же. С. 499, 502, 517.

Общепринятое название хроники дано Дюканжем по пасхальным таблицам, изображённым на оборотной стороне двух листов рукописи. Наряду с этим, существуют и другие названия хроники. Хроника сохранилась в единственной рукописи XI в. и обрывается на описании восшествия на престол шаха Кавада (8 апреля 628 г.). Об авторе хроники не известно практически ничего. Можно предположить, что он был духовным лицом и состоял в свите патриарха Сергия I[1]. Помимо общеисторической задачи – представления процесса всемирной истории в рамках библейской хронологии, автор хроники ставил перед собой задачу по созданию руководства для единообразного исчисления пасхалий.

В качестве исходного пункта для определения пасхального цикла хронист избрал 21 марта 5507 года, что является первым известным примером использования византийской эры. Изложение событий, основанное на библейских событиях и компиляции из большого количества источников, построено по строго хронологическому принципу. Хроника ценна тем, что её автору были доступны многие исторические труды, которые либо не дошли до нашего времени, либо сохранились в чрезвычайно неполном виде. Для древнейшего периода основным источником служил труд христианского историка Секста Юлия Африкана. Для исчисления пасхалий автор пользовался сочинениями Евсевия Кесарийского. Среди других источников – полная версия «Хронографии» Иоанна Малалы, консульские фасты при описании событий времён Римской республики, жития святых, «Христианская топография» Козьмы Индикоплова и многие другие.

Особый интерес представляет изложение событий, относящихся к восстанию Ника[2]; оно изображено с массой подробностей, и на фоне необычайно бедного, нередко состоящего лишь из консульских фаст изложения эпохи Юстиниана: это особенно бросается в глаза. Начиная со второго для восстания (14 января) изложение становится таким подробным и насыщенным фактическим материалом, как ни одно другое сочинение, касающееся восстания[3]. Джон Бьюри высказал мнение, что эти подробности были взяты из не дошедшей до нас полной версии «Хронографии» Малалы, однако эта точка зрения вызывает возражения[4]. Из событий VI в. такого же внимания удостоился только Эдикт об истинной вере Юстиниана, приведённый целиком. В остальном, события до конца правления Маврикия состоят практически из консульских фаст. Только последняя часть, охватывающая конец царствования Маврикия, правление Фоки и описание первых 17 лет царствования Ираклия производят впечатление написанных современником событий.

Длительное время «Пасхальная хроника» оценивалась довольно низко, как с научной, так и с литературной точек зрения. Популярностью хроника, равно как и труд Малалы, была обязана тем, что удовлетворяла потребность простых византийцев в исторической информации[5]. Однако в последнее время, в

---

[1] История Византии. Т. 1. М.: Наука, 1967.
[2] *Чекалова А.А.* Константинополь в VI веке. Восстание Ника. СПб.: Алетейя, 1997. 332 с.
[3] Там же.
[4] *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches. München, 1891.
[5] Там же.

связи с возрастанием в научной литературе интереса к проблеме исторического времени, произошла переоценка византийской хронографии в целом и «Пасхальной хроники» в частности.

Каждая из хроник представляет собой особенный, обладающий только ей присущими качествами, памятник. И сравнивать их довольно сложно. Поэтому мы определили для себя несколько критериев, по которым провели сравнительный анализ:

1) время создания;
2) цель создания;
3) полнота содержания;
4) достоверность.

Исследование данных и других источников крайне важно для изучения истории данного периода.

EARLY BIZANTINE CHRONICLES (MARCELLINUS KOMITUS, JHON MALALA, EASTER CHRONICLE): SOURCE STUDY

N.O. Krivko

The paper considers the early Bizantine chronicles: Chronicle Marcellinus Comit, Jhon Malala, Easter Chronicle. A brief description of the life authors and the main features of each of the chronicles. Also, a comparative analysis based on several criteria.

ПОРТРЕТНЫЕ ОПИСАНИЯ ВНЕШНОСТИ ТРОЯНСКИХ ГЕРОЕВ В «ХРОНОГРАФИИ» МАЛАЛЫ

Н.О. Кривко

Ранневизантийская эпоха стала, пожалуй, первой, которая сформировала четко выраженный христианский изобразительный канон человека. Он имел существенные отличия от классического античного. Изучением данной проблематики в аспекте сакральной живописи занимались Н.П. Кондаков, Н.В. Покровский, в отношении соматических репрезентаций Мирто Хатцаки. Однако, описания внешности героев встречаются и в исторических сочинениях и хрониках этого периода, что не было предметом специального исследования. Источниковой базой для нашей работы стала «Хронография» Иоанна Малалы (VI в.), а точнее ее V книга, в которой автор описывает внешний вид троянских героев. Методы исследования: теоретические (изучение методической литературы по проблеме исследования) и эмпирические (изучение и обобщение исследований, произведенных по данной теме).

Описание греков охватывает V, 13-28. Всего их 16. Агамемнон описывается как крупный телом, светлокожий, с хорошим носом, густой бородой, черными волосами и большими глазами; хорошо образован, великодушен и благороден. Менелай – короткотелый, мощный, с румяной кожей, хорошим носом, густой бородой, темно-красными глазами, смелый и сильный боец. Ахилл – светлокожий, имел большое, массивное тело, вьющиеся и густые волосы, тонкую бороду и длинный нос, винного цвета глаза, он быстр, мастер в прыжках,

хорошо сложен и великодушен, приятен в общении, но жесток в бою. Патрокл - толстый, мощный, среднего роста, с румяной кожей и хорошей бородой, благородный и сильный боец. Аякс – крупный, хорошо сложенный, очень сильный, с большими глазами, вьющимися волосами, хорошей бородой, темной кожей, красивым носом, густыми бровями, великодушный человек, очень мощный воин. Одиссей – среднего роста, светлокожий и светловолосый, прямой, с седеющими волосами, хорошей бородой, серыми глазами, длинным носом, спокойным лицом и большим животом, мудрый и красноречивый собеседник. По такой же схеме стоится описание и прочих греческих вождей (Диомед, Протесилай, Паламед, Мерион, Идоменей, Филоктет, Локрийский Аякс, Пирр Неоптолем, Калхант). Троянцы описываются в V, 29-36. Их 8 – Приам, Гектор, Деифоб, Гелен, Троил, Парис Александр, Эней, Антенор.

Не менее точно и схематично автор описывает женщин (троянских) (V, 37-40). Гекуба была с кожей медового цвета, красивая, щедрая, миролюбивая и умела интересно вести беседу. Андромаха была среднего роста, стройная, с хорошей грудью, красивыми глазами и носом, у нее были вьющиеся волосы, зачесанные назад, длинная шея. Она была очаровательной девушкой с ямочками на щеках. Кассандра – невысокая, круглолицая, светлокожая, с тяжелой грудью и маленькими ногами. Она была миролюбива, девственна и умела точно предсказывать будущее. Поликсена – высокая, изысканная, с очень светлой кожей, длинными черными волосами. У нее был маленький, вздернутый нос, красные губы, пухлые щеки. Она была девственна и весьма обаятельна.

Итак, мы видим очень лаконичные и схематичные описания. Автор делает акцент на внешность и основные человеческие качества. Во внешности наиболее важны, в соответствии с изобразительным каноном, пропорции тела, лицо и его части, особенно глаза (фронтальность), волосы, цвет кожи. Далее важны основные функциональные качества – для мужчин это общая маскулинность, воинские и интеллектуальные, для женщин подчеркивается такой фактор как девственность, некоторые гендерные признаки, а также черты характера и умение общаться. Описания не по-гомеровски краткие, но четкие и контрастные, по ним византийцу было можно очень хорошо представить себе образ того или иного героя. Характерна контрастная цветовая система – светлое-темное (тело, лицо, волосы), но в отношении цвета глаз автор проявляет большее разнообразие.

«Хронография» Иоанна Малалы дает нам много информации о физиогномических характеристиках ее персонажей различных эпох, но именно отрывок о троянских героях самый емкий и представительный. Поэтому мы можем утверждать, что сочинение Малалы – важнейший письменный источник по данной теме, в целом соответствующий изобразительным канонам Ранней Византии.

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО РОМАНА СЛАДКОПЕВЦА

В.Е. Анохина

В статье рассматривается жизнь св. Романа Сладкопевца – человека, имеющего огромное значение для церковной поэзии Византии раннего периода. В этой связи обращается внимание на его творческую деятельность, а именно создание кондаков. Также несомненно важна тематика этих кондаков, которая и раскрывается в данной статье.

Ключевые слова: *Роман Сладкопевец, гимнография, поэзия, Византия.*

Песнетворчество ранних церковных авторов дало чрезвычайное богатство богослужебного гимнографического материала, как в смысле его обширности, так и разнообразия форм. Византийская гимнография, отличавшаяся абстрактностью, итеративностью и рационализмом, последовала в основном по пути Андрея Критского. Однако в VI в. возникает и совсем иная, своеобразная поэзия.

Народная по духу литургическая поэзия после экспериментов и поисков IV-V вв. достаточно внезапно обретает всю полноту зрелости в творчестве Романа, прозванного Сладкопевцем.[1]

Роман Сладкопевец – один из величайших гимнографов византийского мира. Немецкий исследователь Г. Гельцер называл его Данте средневековых греков.[2] Сведения о нем сохранились, прежде всего, в синаксарях, самый ранний из которых, Менологий Василия II, относится к концу X в. Из других синаксарей следует упомянуть Берлинский, Иерусалимский и Патмосский, которые, возможно, связаны с не дошедшим до нас житием св. Романа.

Патмосский кодекс дает следующие сведения: «В тот же день – память Романа, творца кондаков. Он происходил из Сирии, из града Эмесса. Стал дьяконом в Бейруте, в святой Божией Церкви, так называемой церкви Воскресения, переехал же в Константинополь во времена царя Анастасия и остался служить в храме пресвятой Богородицы в Кирах, в которой и приобрел благодать составления кондаков, когда явилась ему во сне пресвятая Богородица в вечер Рождества Христова, и свиток пергаменный дала и повелела съесть его. После его поглощения Роман немедленно проснулся и, взойдя на амвон, начал воглашать и весьма благозвучно петь: «Дева днесь пресущественнаго раждает».[3] В приливе вдохновения он тут же составил свой знаменитый кондак праздника Рождества Христова.

Роман стал учителем пения в Константинополе и высоко поднял благолепие православных богослужений. За свой поэтический дар он занял почетное место среди церковных песнописцев. Ему приписывают более тысячи молитв и гимнов на различные праздники. В особенности славится акафист Благовещению Божией Матери, который поется в пятую субботу Великого поста. Безусловно, такое количество является преувеличением. Кондак - прежде всего произведение литургическое, рассчитанное на соборное богослужение - торжественное бдение, которое совершалось не каждый день, а в значимые праздники. Если принять цифру 1000 кондаков буквально, то это означало бы, что Роману

[1] История Византии. Т. 1. М.: Наука, 1967. С. 426.
[2] Роман Сладкопевец. Кондак Иосифу Праведному / пер. В.В. Василик // ВДИ. 2008. №4. С. 260.
[3] Там же. С. 260-261.

пришлось бы писать примерно по три кондака на каждый день года, и каждый день в Константинополе должно было бы совершаться соборное бдение. В настоящий момент выявлено 88 кондаков, приписываемых Роману Сладкопевцу.[1] Некоторые из которых до сих пор используются в богослужении Православной Церкви (например, «Дева днесь Пресущественнаго Раждает»; «Душе́ моя, душе́ моя, восстани»). Православная церковь причислила Романа Сладкопевца к лику святых (память 1 (14) октября).

В греческом подлиннике гимны Романа имели особый стихотворный размер, называемый тоническим, распространителем которого он считается. Немецкий византинист Карл Крумбахер, издавший полное собрание гимнов Романа, признаёт, что по поэтическому дарованию, одушевлению, глубине чувства и возвышенности языка он превосходит всех других греческих песнопевцев.

Сирийские стиховые и музыкальные навыки помогли ему отрешиться от догм школьной просодии и перейти на тонику. Роман, собственно, и создал форму кондака – литургической поэмы, состоящей из вступления, которое должно эмоционально подготовить слушателя, и не менее чем 24 строф.[2] В современном значении кондак – это краткое песнопение в честь праздника или святого. Но кондаки св. Романа были не похожи на их современный прообраз. Это были многострофные произведения. В начале такого произведения полагался так называемый кукулион, или проимион, – своего рода предисловие, вводящее слушателей в содержание данного произведения. Заканчивался кукулион рефреном – краткой фразой, которая в дальнейшем служила окончанием для всех строф.[3] В некоторых кондаках имеется не один, а два и даже три кукулиона. Количество строф в кондаке могло быть различно – в среднем от 18 до 24. В отдельных случаях встречается количество строф более 24. Начальные буквы строф составляли акростих, в котором указывалось имя автора –Роман.

Метр стихосложения кондаков св. Романа сложный и своеобразный. Как известно, в античной греческой поэзии употреблялись количественные размеры: ямб, хорей, дактиль и др., в основу которых полагалось различное звучание долгих и кратких гласных. Новая система стихосложения, которой пользовался не один св. Роман, но и другие песнописцы того времени и далее, заключалась в том, что все строфы произведения во всех строках стихосложения должны были иметь одинаковое количество слогов, и акцентация сильных слогов должна была быть во всех строфах на том же месте. Исполнялся кондак таким образом, что кукулион и все строфы пел солист – сам св. Роман, а рефрен после кукулиона и каждой строфы – все слушатели. [4]

Тематика произведений Романа Сладкопевца была заимствована им главным образом из Евангелия и частично из других книг Священного Писания, а также из сказаний о мученичествах и из житий святых. Касаясь вопросов вероуче-

---

[1] Роман Сладкопевец. Кондак Иосифу Праведному / пер. В.В. Василик // ВДИ. 2008. №4. С. 261.
[2] *Орлов А.С.* Византийская литература // Литературная энциклопедия. 1929. Т.2. С.158.
[3] *Успенский Н.Д.* Кондаки св. Романа Сладкопевца // Богословские труды. М.: Издательство Московской Патриархии, 1968. №4. С. 191.
[4] *Успенский Н.Д.* Ук. соч. С. 191.

ния и христианской нравственности, он использовал творения отцов Церкви - Василия Великого, Григория Нисского и др.[1] С богатством языка форм Роман соединяет народную цельность эмоции, наивность и искренность нравственных оценок.

Как это ни неожиданно, но чисто религиозная по своей тематике поэзия Романа гораздо больше говорит о реальной жизни своего времени, чем слишком академичная светская лирика эпохи Юстиниана. В кондаке «На усопших» с большой внутренней закономерностью возникают образы той действительности, которая волновала плебейских слушателей Романа:

...Над убогим богач надругается,
Пожирает сирых и немощных;
Земледельца труд – прибыль господская,
Одним пот, а другим – роскошества,
И бедняк в трудах надрывается,
Чтобы все отнялось и развеялось!..

В творчестве Романа собраны мотивы и образы, которые наиболее адекватно выражали эмоциональный мир человека Ранней Византии с его уже медиевализированным сознанием. Поэтому мы находим у него прообразы не только многих произведений позднейшей византийской гимнографии (например, «Великого канона» Андрея Критского), но и знаменитейших гимнов западного средневековья.[2]

LIFE AND WORKS OF ROMANOS THE MELODIST
V.E. Anokhina

The article discusses the life of Romanos the Melodist - man, of great importance for the Church poetry of the early Byzantine period. In this regard, attention is drawn to his creative activity, namely the creation of kontakion. As undoubtedly important themes of these kontakion, which is revealed in this article.

ЯЗЫЧНИКИ ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В VI В.

М.А. Ведешкин (Москва)

В работе рассматривается история финальной фазы существования сколько-нибудь крупной страты традиционных язычников («эллинов») в Ранней Византии. Освещается судьба «последних язычников» и их окончательная ликвидация как конфессиональной группы.

Ключевые слова: *язычники, империя, Юстиниан, школа, гонения.*

Политика жесткой централизации и бюрократизации государства, проводимая правительством Восточной Римской империи в IV–V вв., привела к активизации оппозиционных настроений внутри части господствующего слоя. Более всего эти настроения были распространены среди муниципальной аристократии[3], опиравшейся на постепенно отмиравшие полисные социо-экономические

[1] *Успенский Н.Д.* Ук. соч. С. 192.
[2] История Византии. Т. 1 / отв. ред. С.Д. Сказкин. М.: Наука, 1967. С. 429.
[3] К концу V в. многие представители куриального сословия обеднели, а общая численность курий сократилась, однако, полисная знать ряда регионов сохраняла относительное благосостояние. Так, Иоанн Лид, автор написанного около 560 г. (*Maas M.* John Lydus and the Roman Past. Antiquarianism and Politics in the age of Justinian. London; New York: Routledge, 1992. P. 8) труда «О должностях римского народа», упоминает, что еще и на его памяти курии продолжали управлять городами (John. Lyd. De Mag. III.47).

структуры. Идеологической основой этой оппозиции была верность язычеству, находившемуся с 391 г. под формальным запретом (Cod. Theod. XVI.10.10-12). Приверженность языческим культам являлась выражением верности гражданской традиции муниципальной жизни, сформировавшейся еще в классический период. Борясь за сохранение язычества с его многочисленными местными культами, оппозиция отстаивала известную политическую, экономическую и культурную автономию полисов во главе с курией.

Несмотря на жесткую антиязыческую риторику государственного законодательства[1], императоры «сквозь пальцы» смотрели на сохранение, и даже доминирование древних культов во многих регионах империи[2]. В некоторых крупных городах империи язычники составляли абсолютное большинство населения и полностью контролировали городские курии[3]. Сохранение симпатий к тради-

[1] См. CTh. XVI.10.25: CJ. I.11.7; I.4.15; P. Oxy. 1814.

[2] Лучше всего отношение императорской власти к язычеству в V в. характеризует сообщение Марка Дьякона о реакции императора Аркадия на известия о жертвоприношениях в городе Газе: «Я знаю, что этот город привержен идолопоклонству, но он относится благодушно к взносу податей, платя очень много. Если же мы внезапно их испугаем, то они обратятся в бегство, и мы потеряем столь значительный доход» (Marc. V. Porph. 41).

[3] Так, одним из крупнейших культовых центров язычества Сирийского диоцеза в позднеантичную эпоху оставался город Карры-Харран. Паломница Эгерия, посетившая Карры на рубеже IV и V вв., писала: «В самом же городе, кроме немногих клириков и святых отшельников, живущих в городе, я не нашла ни одного христианина, но все язычников» (Egeria. Itin. 21). Феодорит называет Карры «городом пустынным, заросшим эллинскими терниями» (Theod. HE. IV.18). Прокопий Кесарийский говорит, что большинство жителей Карр «не христиане, а придерживались древней веры» (Procop. B.P. II.13.7). Оплотом язычества в Финикии Ливанской был Гелиополис-Баальбек. Еще и во второй половине VI в. Иоанн Эфесский писал: «Язычники Баальбека, также называемого Гелиополисом, неизменно пребывая в богатстве и знатности, … всюду выискивали возможность уничтожить в том городе саму память о христианах, кои были немногочисленны и бедны» (John Eph. HE. III.3.27). Согласно данным «Жития Александра Акимита», в начале V в. в Халкиде Сирийской большая часть населения придерживалась местных языческих культов, язычниками были и все члены курии, в том числе и ее глава – «отец города» (V. Alex. Akoim. 9). По свидетельству автора «Жития Барсаумы», язычники были «хозяевами земель и городов области», расположенной на пути из Иерусалима на Синай (V. Bars. 26 (p. 382). Не менее важным языческим центром были Афины. На протяжении IV–V вв. жители города ревностно охраняли свои религиозные традиции и обычаи. Согласно свидетельству Астерия Амасийского, в конце IV в. большинство жителей города и значительная часть членов городского совета почитали Диониса, Деметру и Кору (Ast. X.9). Ученики афинских школ «воздавали подобающую честь и почитание богам, входя в храм великой богини Афины, припадая к ней и прося у нее умудрить разум для принятия знаний» (Georg. V. John. Chrys. p. 260). Еще и во второй половине V в. в Афинах отправлялись празднества в честь богини – покровительницы города (*Trombley F. R.* Hellenic religion and Christianization, c. 370-529., Boston; Leiden: Brill, 2001. T. I. P. 290), а языческие храмы оставались открытыми (Marin. V. Procl. XXIX) и принимали подношения от верующих (Marin. V. Procl. I). Высокое общественное положение языческих культов города сохранялось, в значительной степени, благодаря деятельной поддержке членов афинской курии. Еще и в семидесятых годах V в. мы находим язычника Феагена главою афинского ареопага. О нем см. PLRE II Theagenes. Ср. PLRE II Rufinus 10). Язычество была широко распространено и среди муниципальной знати малоазийских провинций. Лидийскую Филадельфию за приверженность ее жителей «священным обрядам идолов» называли в конце V – начале VI в. «малыми Афинами» (John. Lyd. De Mens. IV.40). Значительное количество приверженцев традиционных культов сохранялось и в формально христианизированных поселениях: Афродизии Карийском (*Chaniotis A.* The conversion of the temple of Aphrodite at Aphrodisias in context... P. 244–275; *Hebert L.* Pagans and Christians in Late Antique Aphrodisias // Conversion to Christianity from Late Antiquity to the Modern Age: Considering the Process in Europe, Asia, and the Americas. Minnesota Studies in Early Modern History. I. Minneapolis: Center for Early Modern History, 2009. P. 85–114; *Trombley F.R.* Hellenic religion and Christianization, c.

ционным культам среди значительной части восточноримской аристократии делало невозможным отторжение язычников от политической и культурной жизни империи. Даже после указа, запрещавшего язычникам занимать административные и военные должности (Cod. Theod. XVI.10.21), многие язычники сохраняли высшие посты в государственном аппарате империи и армии[1], составляли интеллектуальную элиту восточноримского общества[2].

Положение куриальной аристократии резко ухудшилось в начале VI столетия вследствие фискальной реформы императора Анастасия I (491–518 гг.). Муниципальные советы были отстранены от сбора податей с жителей гражданской общины, городские финансы были почти полностью выведены из ведения курий. Таким образом, члены курий оказались лишены одного из основных источников дохода и возможности влиять на внутренние дела общины[3]. По сути, муниципальные советы были лишены всякого самоуправления и окончательно превращены в придаток чиновно-бюрократического аппарата империи[4]. Последовавший упадок городских советов и сословия куриалов продолжался в течение всего VI в. и закончился его полным разложением. В конце VI в. Евагрий Схола-

370-529. T. II. P. 52–73), Эдессе (*Segal J.B.* Edessa: The Blessed City. Piscataway: Gorgias Pr. Llc, 2005. P. 105–107), Панополе Фиваидском (*Cameron Al.* Wandering Poets: A Literary Movement in Byzantine Egypt // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 14. 1965. P. 472). Язычники оставались заметным меньшинством даже в Антиохии – одном из крупнейших центров средиземноморского христианства. Так, в середине V в. пост главы антиохийской курии занимал язычник Иларий (Dam. V. Isid. 90). Язычником был и один из крупнейших антиохийских землевладельцев второй половины V в. – квестор Исокасий (Malal. XIV.48). Множество последователей традиционных культов проживало в Антиохии еще и в конце VI в. (См. John. Eph. HE. III.3.27).

[1] В середине V в. язычник Севериан (PLRE II Severianus 3) занимал пост управителя одной из восточных провинций, язычник Марцеллин - должность магистра армий и фактического правителя Далмации (PLRE II Marcellinus 6), в 482 г. язычник Пампрепий - пост квестора и патриция (PLRE II Pamprepious), в начале VI в. язычник Фока находился в должности префекта претория Востока (PLRE II Phocas 5).

[2] Так, традиционных культов придерживалась большая часть известных нам александрийских преподавателей 2-й пол. V в.: философы-мистики Асклепиад (Dam. V. Isid. 72A-D), Гиераский (ibid. 72; 76E), Гораполлон (ibid. 120), Асклепиодот Александрийский (ibid. 80-83), Аммоний (ibid. 57B-C) и Исидор (ibid. 9ff). Не менее видным центром языческой культуры были Афины. Уже в 20-е гг. V в. Афинская Академия по праву почиталась первым из образовательных центров империи. Своего наивысшего расцвета Академия достигла в 50–80 гг. V в., в период управления ею Прокла Диадоха, зачастую признаваемого последним великим философом античности (см. напр. *Асмус В.Ф.* Античная философия. М.: Высшая школа, 1976. С. 531). На протяжении своей долгой преподавательской карьеры Прокл приобрел не только статус наиболее почитаемого философа своей эпохи, но и стал безусловным духовным лидером языческой интеллигенции. Прокл обладал огромным авторитетом и играл видную роль в местной политике (См. Marin. V. Proc. XIV-XV) и, через своих учеников, зачастую занимавших виднейшие места на гражданской и военной службе, в общеимперских делах (*O'Meara D.J.* Platonopolis: Platonic political philosophy in late antiquity. Oxford; New York: Clarendon Press; Oxford University Press, 2003. P. 21). О языческой интеллигенции в V–I вв. см. 135. *Ведешкин М.А.* Языческая интеллектуальная элита Восточной Римской империи в V-VI вв. // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. Вып. 2 / Под ред. М.С. Петровой. М.: Аквилон, 2014. С. 153–191.

[3] *Лебедева Г.Е.* Социальная структура ранневизантийского общества... С. 144–145; *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire... P. 760–761; *Liebeschuetz J.* The decline and fall of the Roman city… P. 107–109.

[4] *Серов В.В.* К вопросу о месте курий в ранневизантийском государстве: финансовый аспект // ВВ. 60(85). 2001. С. 48–50; *Коптев А.В.* От прав гражданства к праву колоната. Формирование крепостного права в поздней Римской империи. Вологда: Ардвисура, 1995. С. 87–88.

стик писал о существовании курий и благоденствии «городских патрикиев», как о временах давно прошедших[1].

Новое отношение государственной власти к язычникам в высших слоях общества в полной мере проявилось в период правления императора Юстиниана I. Еще будучи соправителем своего дяди Юстина I, Юстиниан подтвердил все изданные ранее законодательные ограничения, наложенные на язычников и языческие культы (CJ. I.5.12; CJ. I.11.9). Вскоре после обретения Юстинианом единоличной власти было оглашено сразу несколько антиязыческих эдиктов. В 529 г. язычники были лишены всех гражданских прав: им было запрещено делать завещания, наследовать имущество, служить на гражданской и военной службе, преподавать (CJ. I.5.18), владеть рабами-христианами (CJ. I.10.2). Выпушенный в том же году закон предписывал всем язычникам принять крещение под страхом конфискации имущества и изгнания. В том случае, если новообращенные продолжали отправлять языческие ритуалы, они предавались смерти (CJ. I.11.10). Контроль за исполнением антиязыческих законов был возложен на местных епископов, которые в случае недонесения гражданским властям о фактах нарушения императорских распоряжений могли лишиться своего поста (CJ. I.5.18). В юридическом отношении большинство данных законов не представляли собой принципиально нового этапа правового регулирования религиозной жизни язычников – схожие по содержанию эдикты издавались христианскими императорами на протяжении всего V в.[2] Однако, именно при Юстиниане правительство впервые начало следить за приведением их в исполнение, ранее разрозненное законодательство превратилось в государственную политику.

Уже в 529 г. прошла чистка имперской администрации от последователей традиционных культов. Как сообщает Прокопий Кесарийский: «…начал он (Юстиниан) преследовать так называемых эллинов, подвергая тела их пыткам и отнимая их достояние» (Procop. HA. XI.31). По результатам проведенного в столице расследования множество язычников было выявлено даже среди высшего чиновничества. Иоанн Малала и Феофан Исповедник сообщали, что многие последователи традиционных культов предпочли смерть вероотступничеству (Malal. XVIII.42; Theoph. Chron. 6022). В том же году Юстиниан разогнал афинскую Академию, на протяжении всего V в. являвшуюся крупнейшим культурным и образовательным центром восточноримского язычества (Malal. XVIII.47)[3]. Последний схоларх Академии Дамаский вместе с прочими преподавателями вынужден был искать убежища в Персии у шахиншаха Хосрова I Ануширвана (Agath. II.30)[4].

---

[1] См. Evagr. III.42.

[2] См. CTh. XVI.10.25: CJ. I.11.7; I.4.15; P. Oxy. 1814.

[3] См. *Watts E.* Justinian, Malalas, and the End of Athenian Philosophical Teaching in A.D. 529 // The Journal of Roman Studies. 94. 2004. P. 168–182.

[4] О дальнейшей судьбе Дамаския и его товарищей см.: *Athanassiadi P.* Persecution and Response in Late Paganism: The Evidence of Damascius // The Journal of Hellenic Studies. 113. 1993. P. 24–26; *Watts E.* Where to Live the Philosophical Life in the Sixth Century? Damascius, Simplicius, and the Return from Persia // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 45. 2005. P. 285–315.

В 546 г.[1] в столице прошла вторая волна репрессий. Основным обстоятельством, вызвавшим ее, явилась римско-персидская война, разразившаяся в 540 г. Во время боевых действий на римской территории шахиншах Хосров I всячески выказывал свое расположение языческому населению оккупированных персами провинций. Так, Хосров распорядился принести жертвы нимфам в захваченной персами Антиохии (Procop. BP. II.11.6), милостиво отказался от преподнесенной ему жителями Харрана – Карр дани, на том основании, что жители города были «не христиане, а придерживались древней веры» (Ibid. II.13.7). Можно согласиться с предположением А.А. Чекаловой, эти и подобные акции Хосрова I имели своей целью подогреть внутреннюю оппозицию в римском государстве и таким образом осложнить ситуацию в империи[2]. Очевидно, после заключения пятилетнего перемирия между персами и римлянами в 545 г. проживавшие в империи язычники могли быть обвинены в преступном сотрудничестве с интервентами, что в итоге и привело к новым репрессиям[3].

Еще одной причиной гонения являлось стремление нуждающегося в средствах императора пополнить казну, исчерпанную военными кампаниями и строительной деятельностью, за счет имуществ потенциально нелояльных по отношению к христианскому государству представителей правящего слоя. Согласно свидетельству страстного обличителя императора Юстиниана Прокопия Кесарийского, император обвинял своих подданных в «многобожии» именно для того, чтобы заполучить их состояние (Procop. HA. XIX.11)[4]. По сведениям Прокопия, формальной причиной для начала гонения стало продолжавшееся отправление церемоний языческого культа лицами, формально принявшими христианство (Procop. HA. XI.31). Антиязыческий процесс в столице возглавил фанатичный епископ-монофизит Иоанн Эфесский. В ходе проведенного расследования большое количество представителей высшей аристократии и образованного слоя было под пыткой изобличено в приверженности идолопоклонству. Как свидетельствовал сам Иоанн Эфесский: «в столице нашли людей известных и знатных, с прочими грамматиками, софистами, схоластиками и врачами[5]» (Ps. Dionys. Chron. III. p. 71)[6]. Язычников заключали в темницу, бичевали, заставляли под пытками указывать на своих единоверцев, после чего отсылали в церкви «обучаться вере христианской» (ibid.).

---

[1] О дате см. *Bury J.* History of the Later Roman Empire, from the death of Theodosius I to the death of Justinian. T. 2. New York: Dover publications, 1958. P. 368 n. 3.

[2] *Прокопий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., ст., комм. А.А. Чекаловой. СПб.: Алетейя, 1998. С. 492.

[3] Очевидно, гостеприимство, оказанное шахиншахом преподавателям афинской академии следует рассматривать в том же ряду его поступков.

[4] Ср. Procop. HA. XI.31.

[5] Интересное объяснение причин гонения на язычников в 546 г. выдвинул Л.К. Литтл. По его мнению, гонение было вызвано разразившейся эпидемией чумы и стремлением правительства возложить вину за бедствие на беззащитное религиозное меньшинство (*Little L.K.* Plague and the end of antiquity: the pandemic of 541-750. New York: Cambridge University Press, 2007. P. 113. Ср. *Maas M.* John Lydus and the Roman Past... P. 64.). В этом отношении интересно отметить, что жертвами гонения стали, в том числе, и врачи-язычники.

[6] Цит. по *Пигулевская Н.В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л., 1941. С. 17.

Преследования язычников не ограничились столицей. На протяжении всего царствования Юстиниана правительственные войска при поддержке монашества активно занимались «обращением» провинциалов и разрушением сохранившихся объектов традиционных культов. Так, около 535 г.[1] по повелению императора военачальник Нарсес разрушил храмовый комплекс в египетских Филах (Procop. BP. I.19.37). По сообщению Прокопия, языческие культы были истреблены в пентаполитанском городе Агиле (Procop. Aed. VI.2.15). Под руководством Иоанна Эфесского проводилась масштабная кампания против язычников во Фригии, Вифинии и Лидии, в ходе которой было разрушено множество храмов и принуждено к крещению до 80 тыс. язычников[2]. Примечательно, что организация расследования было возложена именно на монофизита – еретика, с точки зрения государственной власти. Еще в V в. официальная Церковь прочно вросла в местную систему управления, представители высшего клира, зачастую являвшиеся выходцами из муниципальной знати, имели тесные личные и деловые связи с традиционными элитами, в том числе, и с представителями родовой аристократии, сохранившими приверженность язычеству[3]. Укрепление связей между Церковью и высшими слоями восточноримского общества, усиление административно-фискального гнета со стороны центральной власти, опиравшейся, в том числе, и на церковную организацию, привело к тому, что для широких народных масс восточных провинций приверженность официальному православию перестала служить идеологическим выражением недовольства своим положением. По этой причине значительная часть автохтонного населения Сирии и Египта начала поддерживать монофизитство – учение, признанное еретическим на IV Вселенском соборе в 451 г. Фактически, упорное неприятие жителями Сирии и Египта Халкидонского православия стало формой социального протеста угнетенных низших слоев восточных провинций, выступавших как против усиления имперского гнета, так и против сохранения политического и социально-экономического господства грекоязычных элит и, как следствие, доминирования греческой культуры, неотъемлемой частью которой было «эллинство» (язычество)[4]. По этой причине с момента зарождения монофизитства приверженцы этой ереси стали наиболее активными и последовательными противниками язычества[5].

Кульминация антиязыческих акций Юстиниана пришлась на последние годы правления императора. Иоанн Малала сообщает, что в Константинополь

---

[1] *Dijkstra J.* Religious encounters on the southern Egyptian frontier in Late Antiquity (AD 298-642). Groningen, 2005. P. 82.

[2] *Foss C.* Ephesus after Antiquity: A late antique, Byzantine and Turkish City. Cambridge; New York, Melbourne: Cambridge University Press, 1980. P. 32.

[3] Так, Феодорит Кирский вел активную переписку с представителями языческой интеллигенции Сирии (Theod. Ep. 203(23); 220(40)). Благодаря ходатайству влиятельного представителя языческой знати – квестора Исокасия - на епископскую кафедру Антиохии был возведен сторонник Халкидонского православия Домн (C. Eph. II.6). На II Эфесском (Разбойном) соборе за «принятие подарков от эллинов, попадающихся на грехе жертвоприношения», и освобождение их от обвинения был осужден епископ Даниил Каррский (C. Chalc. X.73.17).

[4] *Левченко М.В.* История Византии. Краткий очерк. М.; Л.: ОГИЗ, 1940. С. 37–38.

[5] Так, в V в. масштабную антиязыческую кампанию вел лидер сирийского монофизитского монашества – Барсаума (*Gaddis M.* There is no crime for those who have Christ : religious violence in the Christian Roman Empire. Berkeley: University of California Press, 2005. P. 188–190).

были свезены языческие жрецы, которые подвергаясь издевательствам, были проведены по городу. Вместе с ними в столицу были привезены многие объекты языческого культа и «языческие» книги. Все это было прилюдно уничтожено (Malal. XVIII. 136).

Гонения на язычников продолжились и даже усилились при преемниках Юстиниана. В 579 г. ко двору императора Тиберия II поступил донос о конфликте язычников и христиан в сирийском городе Гелиополисе – Баальбеке. В город был направлен военачальник Феофил, который «получив царский указ, арестовал многих язычников, воздав им по заслугам за их дерзость, смиряя их распятием и поражая их мечом. И под пыткой требовал назвать имена тех, кто был, подобно им, повинен в (исповедании) язычества. Они (язычники) назвали множество людей в каждой области, и городе в своей земле, и почти в каждом городе на Востоке…» (John. Eph. HE. III.3.27). Множество изобличенных подобным образом язычников, прежде всего, жителей Эдессы и Антиохии, были преданы смерти (ibid. 27-30).

Во время правления императора Маврикия, проводившего, по мнению Иоанна Эфесского, излишне мягкую политику по отношению к последователям традиционных культов[1], было проведено гонение на язычников Харрана. По данным анонимной сирийской хроники, по приказу императора местный епископ, видимо, при поддержке войска, выступил против городских язычников «…и многие стали христианами; те же, которые сопротивлялись, были изрублены мечом, а части их [тел] развесили на площадях Харрана» (Syr. Chron. 1234. 79).

Таким образом, общий упадок куриального сословия привел к ужесточению государственной политики в отношении языческих культов и их последователей. Гонения VI в. положили конец существованию языческой оппозиции в Восточной Римской империи. Путем насильственного крещения и физического истребления представителей правящего класса, сохранивших веру в древних богов, государственная власть добилась видимого искоренения язычества в высших слоях восточноримского общества. Не вызывает сомнений, что некоторое количество представителей имперской аристократии продолжало втайне отправлять обряды и церемонии в честь древних богов[2], однако, любое открытое проявление симпатий к языческим культам стало невозможно.

GENTILES IN THE EASTERN ROMAN EMPIRE AT VI CENT. A.D.

M.A. Vedeshkin (Moscow)

The paper discusses the history of the final phase of the existence of any major strata traditional Gentile («Greeks») in early Byzantium. Illuminates the fate of «the last of the Gentiles» and their final liquidation as a religious group.

Keywords: pagans, Empire, Justinian, the school, the persecution.

[1] См. John. Eph. HE. III.5.15.

[2] Так, Иоанн Эфесский сообщает нам о нескольких криптоязычниках заседавших в константинопольском сенате в период правления императора Маврикия (John. Eph. HE. III.5.15).

«ПОХВАЛА ЮСТИНУ МЛАДШЕМУ» КОРИППА КАК ИСТОЧНИК О ВИЗАНТИЙСКОМ ДВОРЦОВОМ ЦЕРЕМОНИАЛЕ

А.Н. Алейникова

В работе исследуется такой исторический источник, как «Похвала Юстину Младшему» Кориппа, с целью рассмотрения основных аспектов, касающихся области византийского дворцового церемониала. Также идет речь об авторе источника. Предложено конкретное рассмотрение некоторых выдержек.

Панегирик – похвальная публичная речь, берет начало своей традиции в самом конце IV в. и завершается в конце VI в. в Константинополе. Завершительным императорским панегириком принято считать латинский эпос, написанный Кресконием Кориппом. Он родился в Африке в начале VI в., в селении недалеко от Карфагена. По всей видимости, он был учителем из небольшого городка в провинции Африка, когда сочинял свою эпическую поэму в 8 книгах о подвигах полководца Иоанна, вскоре после прекращения военных действий в 548 г., как ясно следует из введения и особенно из Ioh.I.9ff.

Корипп оставил две важные поэмы с промежутком приблизительно в 20 лет между ними. «Иоаннида» в VIII книгах рассказывает о подавлении восстаний племен в Византийской Африке вскоре после ее аннексии империей. «Панегирик Юстину Младшему», написанный в Константинополе, состоит из IV книг, и в нем рассказывается о погребении Юстиниана и воцарении Юстина Младшего. Дошло это произведение до нас в единственной рукописи, которая называется «Книга, изданная в похвалу Юстину Августу младшему».

Особенностью данного произведения является сочетание панегирика и эпоса в данном произведении. Если разбирать его подробнее, то в книгах I-III предметом является воцарение Юстина, в книге IV затрагивается его инаугурация как консула.

Поэма написана определенно в Константинополе и предназначенна для публичного произнесения при дворе перед слушателями, которые должны были понимать все тонкости императорских церемоний и политические нюансы, связанные с воцарением Юстина.

Весьма примечательно, что достаточно крупная латинская поэма говорит о самой закрытой, узкой части грекоязычной придворной жизни (IV.154f). Вряд ли поэма могла быть предназначена для более узкой западной аудитории; латинские панегирики представлялись более престижными, а адресаты этого труда рассматривались Кориппом не иначе как сама императорская чета, а также квестор Анастасий[1].

На протяжении всей поэмы, особенно ее I книги, Корипп стремится создать впечатление, что коронация Юстина должна пройти гладко, и ее осуществление неизбежно. Корипп верно сообщает о необычных делах при инаугу-

---

[1] *Болгов К.Н., Болгов Н.Н.* Корипп и латинский эпос Ранней Византии // София Киевская: Византия-Русь-Украина. Вып. 2. Киев, 2012. С. 165-169.

рации и коронации Юстина – на него должен был быть возложен торквес, он был поднят на щит и увенчан диадемой; все это происходило внутри дворца, в присутствии многочисленных сенаторов. Вместо этих церемоний действо было совершенно в Кафизме, и Юстин сам предстал сразу аккламациям народа и войска.

Вся тема поэмы пропитана идеей данности власти Юстина от Бога. Это мы видим в многочисленных выдержках из произведения, где следует идея императоров, провозглашенных Божественными (I.33f), о молитве императора (II.1f;10f;50f) и многое другое.

В результате можно сделать вывод о большом значении произведения, как источника по византийскому дворцовому церемониалу. «Похвала Юстину младшему» – также важный материал для изучения ранневизантийского эпоса.

***LAUDATIO IUSTINI MINORIS* AS A SOURSE ABOUT OF BYZANTIAN COURT RITUALS**
A.N. Aleynikova

К ИСТОРИИ АНТИОХИИ В VI В.

Д.И. Доронин

Уже в течение 2-й половины IV в. Антиохия приобрела роль крупнейшего культурного и интеллектуального центра римско-византийского Востока. В городе существовала интенсивная муниципальная жизнь, конкурировали местные «партии цирка», продолжали устраиваться конские ристания и другие зрелища.

Здесь были воздвигнуты величественные христианские храмы, в том числе «Великая церковь, а также храм св. Феклы, мартирий мученика Вавилы и др. В пригородном районе Дафны были построены многочисленные виллы богатых горожан, украшенные великолепными мозаиками. Преобладало грекоязычное население, имевшее муниципальную организацию, но в городе проживали также и сирийцы.

В ранневизантийское время в городе часто случались разрушительные природные стихийные бедствия (528 г. и др.). Пострадавший от сильного землетрясения город в VI веке был на короткое время завоёван и разрушен иранским шахом Хосровом I Ануширваном. Юстиниан I восстановил Антиохию.

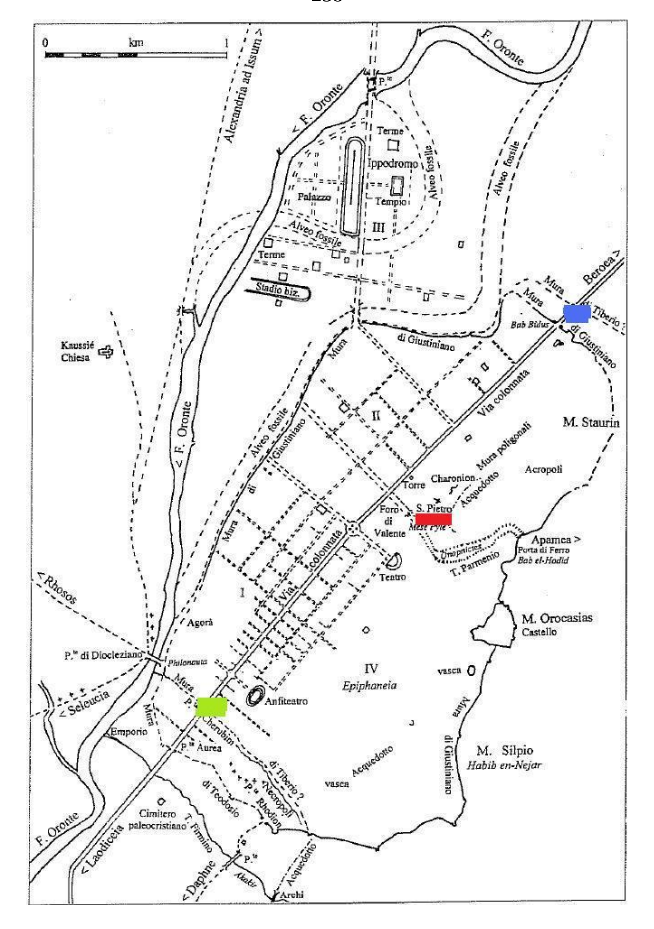
История Антиохии в VI в. известна значительно меньше, чем предыдущее время. Начиная с 540-х гг., количество источников по истории Антиохии значительно сокращается. В 542 г., год эпидемии чумы, в Антиохии состоялся поместный собор, на котором были преданы анафеме последователи Оригена, распространившиеся в то время в Палестине (Кирилл Скифопольский. Житие св. Савы, 85-86). В 545 г. умер патриарх Ефремий, и его место занял Домнин, бывший до этого главой приюта для бедных во фракийском Лихниде. Житие св. Симеона Стилита Младшего называет Домнина очень благочестивым человеком.

В июле 551 г. на Антиохию обрушилось разрушительное землетрясение. Значительная часть городских стен была разрушена как в этом году, так и в 557 г., так что когда позднее персы напали на город (573 г.), то его фортификация практически не существовала[1]. Землетрясение 557 г. ощущалось на обширных пространствах ранневизантийского Востока.

В 562 г. Юстиниан осудил одну из последних групп языческих жрецов. Двое из них происходили из Антиохии. Языческие жертвы приносились в Дафне еще в 578 г. После смерти патриарха Домнина в 559 г. ему наследовал Анастасий. В 565 г. Анастасий председательствовал на крупном соборе в Антиохии. Лишь смерть императора спасла патриарха от репрессий за несогласие с отдельными элементами религиозной политики Юстиниана. Заключительные десятилетия ранневизантийской истории города плохо обеспечены источниками. В 570 г. умер патриарх Анастасий. Его сменил Григорий (570-593 гг.), бывший до этого игуменом монастыря Фаран на Синае. Около 570 г. пилигрим Антонин посетил Антиохию и оставил о ней краткие упоминания. Персидское нашествие 573 г. при поддержке арабской конницы привело к сожжению пригородов, но сама Антиохия в основном уцелела. В 577 г. произошло еще одно землетрясение, практические разрушифшее Дафны. В 578 г. мы снова слышим о язычниках в Антиохии, возможно, связанных с Гелиополем – последним центром распространения язычества в то время. В 580 г. Аниохию поселил арабский вождь Мундир, монофизит-христианин. В 593 г. мы вновь слышим об иудейской общине Антиохии.

В канун VII в. Антиохия становится важным объектом внешней политики персов, что приведет вскоре к разрушительным персидским нашествиям. В целом Антиохия VI в., несмотря на катастрофические стихийные бедствия, сохраняла роль столицы Востока, важнейшего религиозного и культурно-административного центра.

[1] *Downey G.* A history of Antioch in Syria: from Seleucus to the Arab conquest. L., 1961. P. 558.

ЛИЧНОСТЬ ЭЛИИ СОФИИ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ИМПЕРАТОРА ЮСТИНА II

О.С. Тринёва

Элия София родилась ок. 530 г. и умерла приблизительно после 601 г. Она была византийской императрицей, супругой императора Юстина II.

Согласно Иоанну Эфесскому, Элия София приходилась племянницей знаменитой императрице Феодоре, супруге императора Юстиниана Великого[1].

По утверждению академика Ф.И. Успенского, «она унаследовала до известной степени черты властного характера тетки своей»[1]. И кроме этого в судь-

[1] Иоанн Эфесский. Церковная история // История Африки в древних и средневековых источниках. М., 1990. С. 250.

бах двух этих женщин, великих императриц, можно проследить схожие события. По крайней мере, их влияние на собственных мужей проявлялось не только в межличностных отношениях и семейных распрях, но и в политике данных императоров.

Помимо Иоанна Эфесского важными источниками по теме являются «История после Юстиниана» Агафия Миринейского и «Панегирик Юстину Младшему» Крескония Кориппа.

Отношения между императором Юстином II и императрицей Софией были дружественными и взаимно уважительными. После своего воцарения на престол Юстин II венчал Элию Софию как августу[2]. Это является подтверждением его благосклонности и почитания. Еще одним примером особого почитания императрицы и оказанием ею влияния на императора, явилось то, что Юстин II по просьбе Софии усыновил и сделал своим соправителем Тиверия – одного из прославленных полководцев.

Следующим подтверждением огромного влияния императрицы Софии явилась отправка в отставку полководца Нарсеса в 568 г., не смотря на то, что он был очень влиятельным при Юстиниане. Императрица сделала это в связи с тем, что посчитала Нарсеса слишком пожилым для руководства войсками, за что впоследствии полководец постарался отомстить ей и императору[3].

Самым главным подтверждение доверия и любви императора и безграничного влияния императрицы стала болезнь императора и последовавшее за этим восшествие к власти самой Элии Софии в качестве регента при императоре. Вступив в новые обязанности, она также смогла показать свой ум, силу духа и умение принимать правильные решения. Во время своего регентства она смогла добиться перемирия с иранским царём Хосровом I[4].

В заключение отметим, что влияние Элии Софии на императора Юстина II было несомненным; было ли это связано с сильными чувствами супругов к друг другу, или же действительно являлось итогом некого давления на императора в силу твердости характера императрицы и своих собственных политических взглядов еще остается выяснить.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИН В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

О.С. Тринёва

От византийских юристов до нас дошло некоторое количество юридических рукописей со всевозможными нормативными актами, кодексами, судебными решениями, которые все равно не могут дать более или менее целостного

---

[1] *Успенский Ф.И.* История Византийской империи в 3-х т. М., 1996 .Т. I.
[2] *Бибиков М.В.* Историческая литература Византии. СПб., 1998.
[3] *Cameron A.* The Artistic Patronage of Justin II. L., 1980. P. 70.
[4] Иоанн Эфесский. Церковная история // История Африки в древних и средневековых источниках. М., 1990. С. 250.

представления о правовой действительности Византии. В этом многообразии юридических документов практически отсутствует информация об отношении обычных людей к праву и еще меньше информации – о правосознании женщин. В отечественной науке данная тема не была предметом специального исследования. Лишь старая работа Д. Азаревича рассматривала правовую культуру Византии в целом. Лишь статья В.Э. Барминой отчасти восполняет данный пробел. В мировой же науке отдельных аспектов рассматриваемого круга проблем касались Х. Вольф, О. Робинсон, Дж. Эванс Груббс, А. Диас Батиста.

Филип Шафф – немецко-американский протестантский историк церкви и богослов – полагает, что христианское императорское законодательство в целом значительно подняло роль женщины. И это подтверждается следующими фактами: в 321 г. Константин Великий даровал женщинам равное право с мужчинами на владение собственностью. Но это не является подтверждением их особого возвышения, так как даже при владении собственностью женщина не могла продать участок земли. Также женщина не имела права выступать в суде, или еще каким-либо образом высказывать свое мнение публично. В 390 г. Феодосий Великий впервые даровал некоторое право опекунства матерям над своими детьми, до этого этим правом пользовались только мужчины. Этот жест можно охарактеризовать положительно в правовой культуре относительно женщин, но ужасает тот факт, что до этого времени женщины фактически по закону не имели права на своих детей и использовались лишь в функции деторождения.

Торговля женщинами в контексте проституции продолжалась до 439 г., и государство имело с этого огромные доходы. Лишь с этого времени не только церковь, но и государство обратили свой взор на бесчинства, которые происходили с женщинами, в контексте их бесправности и незащищенности.

Церковь же и ранее защищала женщин, но только тех женщин, которые решили посвятить себя монашеству и церковной службе. Это были преимущественно девушки и вдовы. В защиту обычных мирянок и церковь не предпринимала никаких карательных действий по отношению к их обидчикам.

Еще несколько слов об имущественных правах женщины. В случае расторжения брака муж не имел права посягать на имущество женщины, то есть её приданное. И если супруг оставался некредитоспособным, то есть не мог самостоятельно уплатить свои долги, то при взыскании долга посредством изъятия имущества, приданое жены изъятию не подлежало.

Вследствие всего выше упомянутого, мы можем сделать вывод, что правовая культура Ранней Византии достаточно активно развивалась в гендерном аспекте. Действительно, положение женщины в правовом отношении было более или менее стабильным, и её законодательные права оценивались намного выше, чем ранее. И даже обычная женщина теперь могла рассчитывать на законную защиту своих прав.

ИРАКЛИЙ: ОТ ЭКЗАРХА АФРИКИ ДО ИМПЕРАТОРА

Т.А. Руднева

В статье рассматривается период политической борьбы в начале VII века за власть в Византийской империи. Изложены ключевые события, сопровождавшие политический переворот. Отмечены объективные факторы, позволившие Ираклию взойти на императорский престол.

Ключевые слова: *Ираклий, Фока, димы.*

Период, в котором жил и правил Ираклий, был переломным для Византии: смута, религиозная борьба монофизитов против официальной церкви, война с персами. Оценка и интерпретация этих событий, несомненно, важна для византиноведения в целом.

Начало правления Ираклия было тяжёлым испытанием для империи. В империи был экономический и политический кризис. Но все же Ираклию удалось закрепиться на престоле и оставить после себя династию, правившую больше столетия[1].

К сожалению, время с 610 по 717 год считается самой темной эпохой за все время существования империи. Однако источники касающееся нашей темы все же есть: Сочинения Епископа Себеоса «История императора Иракла»[2], три произведения диакона св. Софии Георгия Писиды «Об экспедиции императора Ираклия против персов», «О нападении авар на Константинополь в 626 г. и их поражении в результате вмешательства Богородицы» и «Ираклиада»[3]. Среди хронистов стоит отметить Иоанна Антиохийского и анонимного автора Пасхальной Хроники[4].

В ходе военного переворота после низвержения Маврикия в 601 г. к власти пришел Фока[5]. Он принял консульство на первый год правления и справил консульский выезд не ближайшего 1 января, а в день Рождества Христова, как сделал это в свое время Маврикий. С самого начала окружение было настроено негативно к новоявленному императору. Политика Фоки рождала недовольство и, как следствие, заговоры. Здесь следует отметить восстание Нарзеса и заговор, который группировался возле царицы Константины (жены Маврикия). Фока повсюду видел измену и предательство, чем и отверг от себя партию прасинов. Престиж императора падал все ниже. Военные силы империи были в полном расстройстве. Часть старых полков из Фракии была переведена Фокой на восток, где и подверглась разгрому в битвах с персами. Утрата территорий отразилась негативно на состоянии государственного бюджета, а расстройство торговли с Востоком, являвшееся неизбежным последствием войны, подрывало ресурсы государственной казны[6].

---

[1] *Дашков С.Б.* Императоры Византии. М.: Красная площадь, 2004. С. 65.
[2] Из сочинения епископа Себоса. История императора Иракла. СПб., 1862. С. 24.
[3] *Шляпкин И.А.* Шестоднев. Георгия Пизида в славяно-русском переводе 1385 года. СПб.: Типография А. Траншеля, 1882. С. 121.
[4] История Византии. Т.1. М.: Наука, 1967. С. 452.
[5] Из сочинения епископа Себоса. С. 71.
[6] *Brooks E.W.B.* Who was Constantine Pogonatus? // Byzantinische Zeitschrift. Bd. XVII, 1908. P. 460-462.

Фока пытался стабилизировать свое положение за счет родства с заслуженным полководцем Приском[1]. Он выдал за него замуж свою единственную дочь Доменцию. Поскольку у Фоки не было наследника, Приск становился следующим в списке на престол. В столице эту новость восприняли как избрание Приска приемником Фоки. Однако эти события обернулись плачевно. Димы, радостно воспринявшие эту новость, увенчали лаврами статую Приска, за что были потом казнены. Зять принял эти события как личное оскорбление. Возможно, именно поэтому в дальнейшем Приск окажет тайное содействие Ираклию, который свергнет Фоку с престола.

Фока настроил все окружение против себя. Только новая знать поддерживала его. Конец этим событиям положил бунт Ираклия. На пост экзарха Африки Ираклий, земляк императора Маврикия, был назначен в 598 г. В течение нескольких лет Ираклий доставлял в столицу подати с населения Африки хлебом и деньгами, и лишь в 608 г. не отправил в столицу флота с хлебом. По-видимому, решение Ираклия восстать созревало постепенно под воздействием жалоб на бесчинства Фоки[2] и, быть может, прямых обращений к нему от членов столичной знати. Мятежное настроение Ираклия было известно Приску уже в 607 г., когда он обратился к нему с призывом низвергнуть тирана. Когда измена Ираклия выяснилась, Фока стал искать его соучастников в столице и казнил много знатных лиц; но причастность Приска к заговору не открылась до самого конца.

Для осуществления своих замыслов Ираклию потребовались союзники. В Египте он заручился поддержкой некоего Феодора, сына Мины, бывшего при Маврикии августалом Египта[3]. Также он заручился поддержкой варварских племен в Триполитане, где был сформирован отряд в три тысячи человек во главе с вождем Бонакисом и Никитой - племянником Ираклия, сыном магистра армии Григория. Также изменил Фоке префект Мареотиды, Леонтий, приславший Никите подкрепление.

Августал Египта Иоанн предупредил Фоку о мятежных замыслах Ираклия. Фока, узнав о мятеже, послал военные подкрепления начальникам крепостей Менуфа и Атриба, приказал магистру армии Востока Коттоне направиться с войсками в Египет, и для общего руководства военными действиями послал в Александрию префекта столицы Воноза. Но Никита одерживал одну победу за дугой, быстро продвигаясь в сторону столицы. Патриарх Иоанн и начальник финансового управления, искали спасения в храмах, но они пали жертвой народной ярости[4]. Как только Никита и Бонакис захватили Александрию, то соседние города сразу же примкнули к Ираклию. Вскоре вся западная часть дельты Нила оказалась под его властью. Но с восточной стороны дельты сохраняли верность Фоке[5]. Воноз, командовавший армией Фоки попытался взять Александрию. Но Никита решил сделать вылазку и напасть на осаждающих. Войска Во-

---

[1] *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. СПб.,1914. Т. 1. С. 684.
[2] Из сочинения епископа Себоса. С. 79.
[3] *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т.3. СПб.: Алетейя, 2003. С. 53.
[4] Пасхальная хроника. СПб.: Алетейя, 2004. С. 175.
[5] *Кулаковский Ю.А*. Указ соч. С. 59.

ноза понесли тяжкое поражение. Он отступил, покинул Египет и вернулся в Палестину, откуда переехал в столицу (609 - начало 610 гг.)[1]

Таким образом, весь Египет оказался под властью Никиты. Иоанн Никиуский, сообщает, что Никите удалось подавить произвол и насилие, водворить всеобщий мир и спокойствие, чему содействовало и то, что он освободил население от податей на три года. После захвата Египта Никита не принимал активного участия в политической жизни империи. И главная роль стала принадлежать Ираклию.

Морская экспедиция против столицы была организована в Карфагене. Ираклий медленно продвигался на север. Местные власти никакого противодействия не оказывали, а даже наоборот, зачастую помогали Ираклию, снабжая его продовольствием и оказывая торжественный приемы. Здесь Фока допустил тактическую ошибку: ожидая нападения с суши, он отправил свое войско на защиту Долгой стены. Здесь сотрудничество с Приском сыграло свою роль. Притворившись больным, он пригласил Фоку во Влахернский храм, где его ожидала личная охрана Приска. Воспользовавшись отсутствием Фоки, Ираклий захватил остров Проти близ столицы.

К гавани Софианы были стянуты все силы Фоки. Преимущество было на стороне Ираклия. Его корабли вошли в гавань и прекратили возможность сопротивления. Фока бежал и скрылся в храме Архангела Михаила. О казни Фоки рассказывает множество источников. В основном говорится, что его четвертовали живым.

В тот же день, 5 октября 610 г. патриарх Сергий совершил венчание Ираклия на царство. Церемония состоялась внутри дворца в храме св. Стефана[2]. Одновременно патриарх совершил бракосочетание императора с Фабией, дочерью синклитика Рога Афра. Она приняла имя Евдокия, была увенчана царским венцом и приняла титул августы. Событие завершилось играми на ипподроме, на которых было сожжены остатки Фоки, его статуя, голова Леонтия – начальника императорской казны и знамя венетов, которые являлись партией Фоки[3].

По мнению Г. Острогорского, правление Ираклия стало временем завершения трансформации позднеантичной империи в средневековую вследствие перестройки военной организации, перехода на греческий язык, а также из-за потери ряда важнейших территорий в ходе арабского нашествия.

HERAKLIUS: FROM AFRICAN EXARCH TO EMPEROR

T.A. Rudneva

The article deals with the period of political struggle in the beginning of VII century the power of the Byzantine Empire. Set out the key events surrounding the political upheaval. Marked by objective factors, Irakli allowed to ascend the imperial throne.

Keywords: Irakli, Foca, Dima.

---

[1] Там же. С. 46.

[2] *Французов С.А.* Хроника Иоанна Никиусского: некоторые особенности языка и содержания // Вестник ПСТГУ. III: Филология. 2010. Вып. 4. С. 77–86.

[3] Там же.

ХРАМ СВ. ИРИНЫ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Е.С. Минаев

Церковь св. Ирины (тур. Aya İrini, греч. Αγία Ειρήνη) - одна из самых ранних церквей в Константинополе. Церковь является классической базиликой в форме креста. Притвор церкви выложен мозаикой времен Юстиниана. В церкви находится саркофаг, в котором, по преданию, покоятся останки Константина. До св. Софии она была главным храмом города и служила резиденцией Константинопольского патриарха. При восстании Ника (532 г.), церковь сильно пострадала от пожара, но вскоре ее восстановили. Разрушенное, в результате землетрясения в VIII в. здание еще раз перестроили, и уже в таком виде оно сохранилась до наших дней.

Церковь св. Ирины представляет собой двукупольную базилику (110 м х 32 м) с тремя нефами, в которой над более широким средним нефом возвышается огромный купол (диаметр 15 м, высота 35 м), с 20-ю окнами в барабане. К западу от него располагается второй купол, несколько меньшего размера. Оба опираются на массивные кирпичные столбы. В полукруглой апсиде (алтарном выступе, ориентированном на восток) пять рядов сидений для духовенства во время литургии. Свод над ними украшает мозаичный крест на золотистом фоне. Во внутреннем дворе в задней части церкви помещали порфировые саркофаги усопших византийских императоров.[1]

Хронисты и патрографы обычно приписывают ее постройку Константину. Об этом говорит уже Сократ, наиболее близкий к событию автор, который уточняет, что император дал ей имя Мира. Однако этот историк в другом месте намекает, что храм существовал до этого государя; согласно ему, она была маленькой; император ее расширил и украсил.[2] Одно из житий Павла Исповедника, частично воспроизведенное Фотием в его Библиотеке, говорит, что храм был расширен Констанцием. Возможно, что церковь была соборной во время строительства св. Софии. Епископ Александр молился там о торжестве православия в то время, когда Арий был официально принят в св. Софии (336 г). Именно там был рукоположен в епископа Константинопольского преемник Александра Павел Исповедник (осенью 337 г.). Храм св. Ирины играл ведущую роль вплоть до освящения первого храма св. Софии в 360 г. Обе церкви, впрочем, считались как бы одним святилищем и находились в одной ограде, как уточняет Сократ.

Согласно Житию св. Стефана Нового, в св. Ирине состоялся первый вселенский Константинопольский собор в 381 г. Рассказ о постройке св. Софии утверждает, что в 381 г. ариане бросили огонь на крышу св. Софии, и что епископ Нектарий перенес из-за этого свою епископию в св. Ирину. Восстановительные работы были сделаны только двумя годами позже. Иоанн Златоуст произнес в св. Ирине в 398 г. проповедь о пении псалмов.[3] Церковь, вероятно, служила в каче-

---

[1] *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Становление. М.: Астрель, 2011. 608 с.

[2] *Эссад Д.* Константинополь от Византии до Стамбула. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1919. 336 с.

[3] *Janin R.* Le siège de Constantinople et le Patriarcat Oecuménique. Les églises et les monastères / Géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin. Paris, 1969. P. 103–106.

стве соборной еще в течение около десятка лет в начале V в., после пожара св. Софии в сентябре 404 г., во время второго изгнания Иоанна Златоуста, до своего окончательного восстановления в 415 г. Согласно одной легенде, которую передает Малала, во время сильных землетрясений при Феодосии II и епископе Прокле (434–446 гг.) некий ребенок был внезапно поднят на воздух и услышал ангелов, певших Трисвятое; он спустился обратно без всякого вреда, рассказал о том, что услышал, и тут же умер; его похоронили в св. Ирине. В январе 438 г. мощи св. Иоанна Златоуста, принесенные из Малой Азии, были сначала положены в св. Ирине, перед тем как быть перенесенными в храм св. Апостолов.[1]

Патриграфы утверждают, что узурпатор Василиск, низложенный Зеноном, укрылся в св. Ирине со своей женой и детьми в сентябре 477 г. Однако Пасхальная Хроника сообщает, что это было в крестильне св. Софии. Церковь стала жертвой пламени во время восстания Ника. Юстиниан вновь отстроил ее, достаточно обширную, чтобы Прокопий мог сказать, что в Константинополе не было таких же больших церквей, за исключением св. Софии.[2] В декабре 564 г. новый пожар, опустошивший квартал, разрушил атриум и часть нартекса св. Ирины. Она снова была восстановлена. Vita s. Gregorii Agrigentini утверждает, что там в 588 г. состоялся собор. Далее в течение более полутора столетий ни один документ не упоминает о святилище. 26 октября 738 г. оно было серьезно повреждено сильным землетрясением, опустошившим Фракию. Невозможно сказать с уверенностью, когда храм был восстановлен, но это должно было произойти не при Льве III, так как умер 18 июня 740 г. и, по-видимому, должен был восстанавливать, в первую очередь, стены Города, которым был нанесен значительный ущерб. Вероятно, храм св. Ирины был вновь отстроен при его сыне Константине V (740–775). В 859 г. патриарх Игнатий провел там собор, который произнес низложение на его соперника Фотия.[3]

Мы не находим больше никаких следов св. Ирины в византийских документах позднее X в., кроме сочинений патриографов. Однако Пахимер упоминает, что в 1283 г. там был рукоположен Герман, назначенный митрополитом Ираклии Фракийской. Русские паломники говорят о храме лишь бегло. Можно сказать с достаточной уверенностью, что в церкви совершались богослужения до самого взятия Константинополя в 1453 г. Патрографы называют ее πατριαρχεῖον - вероятно, потому, что патриарх служил там, когда не было больших церемоний, проводившихся в св. Софии или в других храмах, так что можно считать св. Ирину как бы патриаршей часовней. Писатели называют ее древней, чтобы отличать ее от построенной в Пераме Маркианом в V в.[4]

В храме св. Ирины отмечалось несколько особых празднеств. 23 января праздновалась память св. Климента Анкирского. Освящение храма праздновалось 27 или 28 апреля, согласно синаксарям. В Великую Пятницу патриарх про-

---

[1] *Эссад Д.* Константинополь от Византии до Стамбула. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1919.

[2] *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Становление. М.: Астрель, 2011.

[3] *Janin R.* Le siège de Constantinople et le Patriarcat Oecuménique. Les églises et les monastères / Géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin. Paris, 1969.

[4] *Эссад Д.* Константинополь от Византии до Стамбула. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1919.

износил там огласительное поучение, и патрикии должны были собираться туда к концу этого наставления. Когда праздник Благовещения выпадал на Великую Паятницу, патриарх совершал там литургию. В ту же Великую Пятницу Святое Копие приносилось из императорского Дворца и полагалось на престол св. Ирины, куда патриарх приходил поклониться ему и покадить его, после чего его возвращали во Дворец. Наконец, во время процессии, когда читался томос или декрет единения 920 г., положивший конец спору о четверобрачии, император и патриарх отправлялись в храм св. Ирины, где совершалось богослужение.

Храм св. Ирины никогда не превращали в мечеть, вероятно, потому, что он находился в ограде Сераля. Поскольку храм находился рядом с казармой янычар, он в течение нескольких столетий служил оружейным складом. С 1846 по 1874 г. в нем находился Музей древностей, затем он стал Военным музеем. В 1946 г. ее освободили от всех коллекций, чтобы можно было провести археологические исследования, которые были очень продуктивными.[1]

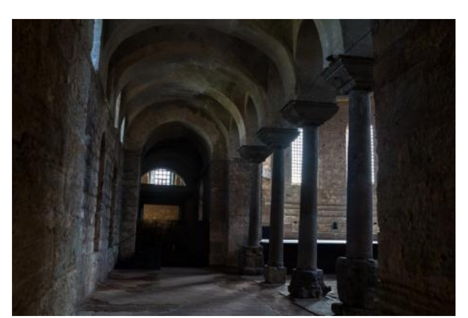
В целом этот памятник, в том виде, как он сохранился на сегодняшний день, относится к эпохе Юстиниана. Это купольная базилика, что-то вроде перехода между потолочной базиликой и византийским крестовым храмом, увенчанным одним или несколькими куполами. Собственно здание имеет длину 57.50 м снаружи и 46.25 м внутри. Неф шириной 18 м насчитывает 40 м до апсиды. Боковые нефы, отделенные от центрального двойным рядом колонн и четырьмя мощными опорами, имеют ширину 5 метров. Атриум, находящийся перед нартексом, был сильно перестроен турками. В целом он относится к VIII веку. Он имеет форму параллелепипеда размером от 45-ти и 41.25 м на 33.75 м. Внутренняя галерея целиком турецкая; турецкие также и постройки, окружающие входную дверь на севере и окаймляющие апсиду снаружи.[2] Церковь увенчана двумя куполами. Один, чей внутренний диаметр составляет 16 м, полукруглый, покоится на четырех мощных опорах и покрывает б**о**льшую часть нефа; другой, низкий, эллиптической формы, находится между первым и нартексом. Нартекс увенчан тремя сводами. Полукруглая апсида имеет по своей окружности проход, который позволял переходить из одного конца в другой, не пересекая алтарь. Полагают, что он восходит к VIII в. На капителях находятся монограммы Юстиниана или Феодоры. Вся резьба относится к эпохе этого василевса. Мозаики - более или менее поврежденные или покрытые живописью. Особенно хорошо они видны на триумфальной арке и в куполе апсиды. В последней возвышается большой крест, стоящий на пьедестале из четырех ступенек. В арке есть две мозаичных надписи, обе VI века, поскольку они имеют те же характерные черты, что и надписи в храме Святых Сергия и Вакха. В помещении, находящемся в конце правой галереи на стене видна фреска, представляющая двух святых, чьи лики изуродованы.

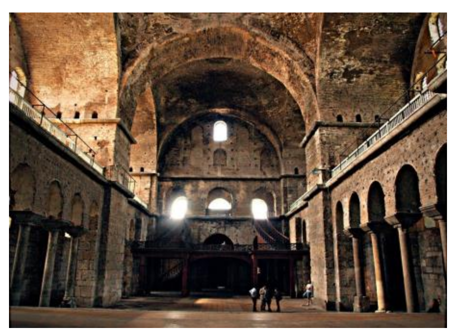
С 1935 г. церковь св. Ирины называется музеем Айа Ирини (Aya İrini Müzesi). В последние годы здание церкви в основном используют как концерт-

[1] *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Становление. М.: Астрель, 2011.

[2] *Janin R.* Le siège de Constantinople et le Patriarcat Oecuménique. Les églises et les monastères // Géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin. Paris, 1969. P. 103.

ный зал с превосходной акустикой или как помещение для организации выставок, красочных шоу и демонстрации мод, что вызывает протесты со стороны Константинопольского Патриарха. Музей Айа Ирини, организационно входящий в состав музея Айя-София, открыт ежедневно кроме понедельника (билет 5.00 TL), но только для организованных групп.

ИОАНН НИКИУССКИЙ И ЕГО «ИСТОРИЯ»

Н.А. Скульская

В ранневизантийской историографии всемирная история, составленная Иоанном, епископом города Никиу в Египте в конце VII в., занимает особое место, поскольку это единственный источник, относящийся к арабскому завоеванию, в котором события излагаются с точки зрения побежденных.

С текстологической точки зрения, история данной хроники достаточно сложна. Оригинал ее был написан на греческом языке, а не на коптском, но до нас текст хроники дошел только в переводе на классический эфиопский (геэз), выполненном в 1601 г. В эфиопском тексте сохранилось множество следов промежуточной арабской версии. Текст частично повреждён, в частности, часть, относящаяся к периоду между 610 и 640 годами, утрачена.

Хроника проникнута сильными промонофизитскими настроениями: природные катаклизмы, а также военные и политические беспорядки, происходившие в царствование тех правителей, которые одобряли решения Халкидонского

собора, рассматриваются как Божья кара. Хроника охватывает период от Адама до конца арабского завоевания Египта.

О ее авторе, епископе Верхнего Египта Иоанне Никиусском, сохранились крайне отрывочные и скудные сведения. Известно, что родился он во времена арабского завоевания Египта и жил в провинции уже входившей в Халифат. Новая мусульманская администрация сохранила коптскую церковную инфраструктуру Египта, а Иоанн впоследствии стал епископом города Пшати[1]. Иоанн присутствовал при смерти патриарха ИоаннаIII[2]. Иоанн, слывший известным аскетом, принимал участие в хиротонии патриарха Александрии. Неизвестно, когда именно он был рукоположен в архиереи и занял кафедру в городе Никиу, остатки которого, как предполагают, частично перекрыты современным поселением, расположенным к северу от города, в юго-западной части Нильской дельты. В 686 г. он занимал пост апотрита (руководителя или, скорее, контролера) епископов Верхнего Египта. Около 694 г. коптский александрийский патриарх Симеон I назначил Иоанна Никиусского управителем египетских монастырей, но вскоре по несколько надуманному обвинению в превышении власти его сняли с этой должности и лишили архиерейского сана. Дата его кончины неизвестна: предположительно он умер после 700 г[3]. Освещая более ранние времена, Иоанн Никиусский в качестве основного источника использовал «Всемирную хронику» сирийца Иоанна Малалы (VI в.)

Известны три рукописи Хроники на староэфиопском языке (геэз):

I. Лондон, Британская библиотека[4]. Указана в каталоге Эфиопских рукописей В. Райта (Wright's Catalogue[5]). Она написана на пергаменте размером 14 7/8 на 13 дюймов и составляет 191 лист. В каждой странице 3 колонки по 36 строк. Рукопись датируется первой половиной XVIII в. Труд Иоанна Никиусского начинается на листе 48[a] и заканчивается на листе 102[b]. В последней колонке рукописи указано, что она переведена с арабского текста в 1601 г. Габриелем Египтянином, по приказу абиссинского полководца Афанасия и Марьям Сены, жены Якуба, Малак Сагада младшего (1597–1603)[6], вдовы царя Сарца Денгеля (1563–1597)[7].

II. Париж, Национальная библиотека Франции[8]. Указана в каталоге эфиопских манускриптов Х. Зотенберга[1]. Написана на пергамене шириной ок. 368 на

---

[1] Город Пшати (Никиу) возможно находился западнее современных Minuf и Shibin El Kom между городами Sais (Sa el Hagar) и Terenuthis (Kom Abu Billu), развалины которых сохранились, и по одной из версий перекрыт поселением Zawiyat Razin.

[2] Severus of Al'Ashmunein (Hermopolis). History of the Patriarchs of the Coptic church of Alexandria / Ed. B. Evetts (Patrologia Orientalis, 5). Paris: Firmin-Didot et C, 1910. Part 3. P. 20.

[3] *Weninger St.* John of Nikiu // Encyclopedia Aethiopica. Vol.3: He – N / ed. by S. Uhlig. Wiesbaden, 2007. P. 298-299; *Французов С.А.* Иоанн Никиусский // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010. С. 371-372.

[4] London. British Library. Orient. 818.

[5] Catalogue of the ethiopic manuscripts in the British Museum acquired since the year 1847 by W. Wright. London – Berlin: Gilbert and Hivington, 1877. P. 297–314.

[6] The Chronicle of John, Bishop of Nikiu. Trans. by R. H. Charles. London: Williams & Norgate, 1916. P. 202.

[7] *Французов С.А.* Хроника Иоанна Никиуского: некоторые особенности языка и содержания // Вестник ПСТГУ. 2010. Вып. 4 (22). С. 77–86.

[8] Paris. Bibliotheque nationale de France éth. 123. Fols. 62–138.

296 мм. Каждая страница содержит 3 колонки по 32 строки. Рукопись датирована Х. Зотенбергом XVII веком и содержит Хронику Иоанна Никиусского на страницах 62–138.

III. Париж, Национальная библиотека Франции[2]. Эта рукопись была указана в Каталоге Антуана д'Аббади[3] и получена Национальной библиотекой только в 1902, после его смерти, наступившей в 1897 г.

Нужно отметить, остается спорным вопрос о том, на каком языке (или языках) был написан оригинал хроники Иоанна Никиуского. Г. Зотенберг считал, что в нем чередовались части, составленные на греческом и на коптском; Теодор Нёльдеке и Вальтер Крам склонялись к тому, что таким языком был только коптский; кроме того, высказывалось предположение о том, что с греческого хроника была переведена на коптский, а уже с него - на арабский. Однако во всей коптской литературе неизвестно ни одного памятника историографии: это направление в ней вообще не сложилось. О том, как и когда был осуществлен перевод хроники на геэз, в колофоне к ней рассказано в деталях. Над ним трудились коптский диакон Гавриил из Египта и эфиопский священник Махерка Денгель, духовник царя Иакова (1597–1603, 1605–1607) и автор первой части «Истории Сисинния, царя эфиопского», на протяжении трех месяцев: с 1 августа густа по 29 октября 1601 г. по новому стилю. Однако по некоторым косвенным данным представляется возможным установить, когда приблизительно он появился. Об этом подробнее можно прочитать в работе С.А. Французова.

Среди многочисленных переводных произведений классической эфиопской литературы всемирная история Иоанна Никиусского неизменно привлекает внимание арабистов. Однако их интерес ограничивается ее заключительными главами, посвященными покорению Египта мусульманским войском под предводительством Амра ибн Аль-Аса. Их уникальность состоит в том, что нам неизвестно другого источника, в котором завоевание арабами какой-либо страны описывалось бы с точки зрения побежденных, а не победителей.

Наиболее ценны разделы «Хроники», описывающие события начала VII в. Иоанн раскрывает подробности мятежа фракийских армий в 602 г., за которым последовало свержение императора Маврикия узурпатором Фокой. Его свидетельство существенно улучшает наше понимание этого периода и, в частности то, как начался в Карфагене успешный мятеж Ираклия.

Другой важный раздел «Хроники» касается вторжения в Египет мусульманской армии под предводительством Амра ибн Аль-Аса. Вероятно, Иоанн не был его очевидцем, и вторжение произошло поколением раньше. Иоанн описывает главные события кампании Амра, такие как взятие крепости Вавилон и захват Александрии.

Иоанн благодарен мусульманам за то, что они не разрушили христианские святыни, однако, вместе с тем, отмечает их многочисленные злодеяния

[1] *Zotenberg H.* Catalogue des manuscrits éthiopiens (ge'ez et amharique) de la Bibliothèque nationale. Paris, 1877. P. 222 et suiv.

[2] Paris Bibliotheque nationale de France. Abb. 31 (= 209 CR). Fols. 104–165.

[3] *D'Abbadie.* Catalogue raisonné de manuscrits éthiopiens. Paris, 1859. P. 37–40. № 31; *Chaine M.* Catalogue de manuscrits éthiopiens de la collection Antoine d'Abbadie. Paris: E. Leroix, 1912. P. 19–20. № 31.

против египетского населения. В некоторых случаях налоги были столь обременительны, что семьи были вынуждены продавать в рабство своих детей. Иоанн не забывает суровыми словами упомянуть многочисленных египтян, перешедших в ислам.

Рассматривая события с монофизитской точки зрения и не принимая решения Халкидонского собора 451 г., Иоанн описывает исламское вторжение на свою родину как божественное наказание за халкидонскую ересь, распространившуюся в империи. В заключение он рассказывает об отчаянии, охватившем жителей завоёванной Александрии: «Никому не сосчитать скорбь и плач этого города… И некому помочь им, и Бог разрушил их надежды и отдал христиан в руки врагов их».

Внимательное знакомство с хроникой разрушает сложившийся стереотип, согласно которому покорение мусульманами Сирии и Египта не сопровождалось сколько-нибудь серьезными эксцессами в отношении мирного населения. В хронике Иоанна Никиуского зафиксирован уникальный пример существования в Египте христианской исторической традиции.

ПАТРИАРХ ФОТИЙ И ВИЗАНТИЙСКОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ

А.А. Костюкович

В статье рассматривается становление форм богослужения, их характеристика, формирование, развитие и их потребность в с IV века до времени патриарха Фотия. Внимание уделяется богослужению при Фотии: его отношение к предыдущим формам богослужения, какие изменения произошли при патриархе.

Ключевые слова: *богослужение, гимнография, патриарх Фотий.*

Самой выдающейся и влиятельной из сторон византийской культуры было богослужение. Немалую роль в его эволюции сыграл Патриарх Фотий. Первая форма богослужения того времени – словесно-музыкальная. Вторая форма - это действия и жесты. Третья – форма вещественных символов.

Первоначально вся литургия состояла из чтения Священного Писания, как Ветхого, так и Нового Завета, поучения и живой проповеди. Поучали сначала епископов, а затем пресвитеров.

Первоначально богослужение не имело определенной установленной формы. Иоанн Златоуст принял и установил такую форму. Два главных элемента богослужения при Златоусте – дидактический и поэтический.

К концу VIII - началу IX вв. мы видим обилие богослужебного дидактизма. Здесь важно свидетельство Игнатия о патриархе Тарасии, который был дедом Фотию. Игнатий был учеником Тарасия. К началу IX в. проповедь занимала особое место, и этот элемент весьма развивался.

История поэтического элемента в византийском богослужении имеет достаточно много любопытных фактов. В начале VI в. Роман Сладкопевец[1], родом

[1] Христианский святой V-VI вв. известный как автор песнопений, называемых кондаками.

из Сирии, был диаконом при одной из Константинопольских церквей. Роман написал значительное множество кондаков[1]. Кондакари Романа долгое время в византийском богослужении были связующим элементом. Но со временем, они были вытеснены новыми песнопениями. В 1-й половине VII в. при патриархе Сергеи вошли в песнопения, подражавшие кондакарям Романа - акафиста[2]. Особое развитие византийской гимнографии приходится на VIII век. В ней начинают появляться так называемые каноны, которые станут господствующими в византийской гимнографии.

Ко времени Фотия византийская гимнография достигла своего апогея. Использовались тысячи, а может быть, и десятки тысяч песнопений. Составлялись громадные гимнологические сборники: тропологии, кондакари, ирмологии, триоды, минеи и др.

Отношение Фотия к богослужению было несколько затенено его деятельностью в других сферах. Тем не менее, его высокое образование, талант, его желание распространения христианской веры сделали его активным участником в развитии этой формы богослужения. До нас дошло его 20 бесед, которые по своему содержанию говорят, что Фотий был незаурядным оратором[3]. Богослужения проводились в основном без записей. Записи обычно вели стенографы или скорописцы, но они имелись не всегда. Фотий проповедовал очень часто, в одной из проповедей он говорит: «…часто увещевал я вас и говорил вам даже грозно…, часто я вопиял, часто поражал вас…, часто внушал вам»[4] и т.п.

Фотий не был поэтом, он был администратором, ученым, мыслителем, юристом. Но он обладал горячо развитыми религиозными чувствами. Ему была знакома техника стихосложения, которую мог передавать и другим. Император Лев, его ученик, благодаря Фотию, научился этой технике и написал несколько церковных гимнов. Поэтому неудивительно, что такой человек, как Фотий, мог быть знаком с богослужебной поэзией. Нам известны только две его стихиры в честь патриарха Мефодия в службе на 14 июня. Известны также некоторые каноны Фотия, написанные в честь пресвятой Богородицы. Можно сделать вывод, что Фотий не был равнодушным к гимнографии. Свое внимание он к этому литургическому элементу он оказывал через покровительство гимнографам: Георгию, архиепископу Никомодийскому, и особенно Иосифу песнописцу. Георгий был другом Фотия. Им составлены большое количество канонов и тропарей, которые были введены в церковное употребление. Фотий поощрял его деятельность.

Из этих фактов, можно увидеть, что патриарх Фотий хорошо понимал богослужение и участвовал в его развитии.

Фотий, как никто другой, ощущал необходимость установления славянского богослужения и, несомненно, первым благословил славян среди всех народов[5].

---

[1] Длинные стихотворения, состоящие обычно из одного заглавного куплета.
[2] Особые хвалебные песнопения в честь Спасителя, Божьей Матери или других святых.
[3] *Архимандрит Порфирий*. Четыре беседы Фотия. СПб., 1864. С. 7
[4] Там же. С.6.
[5] *Красносельцева Н.О.* Патриарх Фотий и византийское богослужение. Одесса. Тип. Штаба Одесского военного округа, 1892. С. 17-19.

PATRIARCH PHOTIOS AND BYZANTINE LITURGY
A.A. Kostykovich
The article discusses the emergence of forms of worship, their characteristics, formation, development, and their need for the IV century before the time of Photius. Focuses on worship when Photios: its relation to the previous forms of worship, what changes have occurred under Patriarch.
Keywords: Liturgy, hymnography Patriarch Photios.

АНДРЕ ГРАБАР И ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ИКОНОГРАФИИ

А.А. Тельной

В статье рассматривается фундаментальный труд Андре Грабара, посвященный путям формирования христианской иконографии. Особое внимание уделено исследованию знаков образов в иконографии христианского искусства Византии и изучению сакральности пространства христианских помещений.
Ключевые слова: *Андре Грабар, иконография, христианство, искусство, знаки-образы.*

Андре Грабар, является крупнейшим представителем современного искусствознания, автором книг по византийской и средневековой иконографии. Среди его исследований, существенное влияние на подход к изучению античного и средневекового христианского искусства оказал труд[1], посвящённый путям формирования христианской иконографии, который вышел в свет в 1979 г. После смерти автора книга переиздавалась в 1994 и 2009 гг.

Делу видения целой истории формирования предмета христианской иконографии в течение тысячи лет посвящена его интерпретация религиозных сюжетов изображений в Античности и Средние века, то есть эпохе где происходит трансформация по мере того как больше разрабатывается и устанавливается в жизни общества церковь и вера.

В своей работе Андре Грабар последовательно рассматривает иконографию, обращая внимание на передачу мыслей и чувств. Разъясняя психологические приёмы и техники, которые действовали в создании христианских изображений, как в Античности, эпохе более древней, фигурирующей в христианстве, или в Средние века, автор приводит к выводу, что христианская иконография была средством выражения веры, средством, к которому постоянно прибегали, и которое участвовало, часто значительно, в жизни населения. Не следует, однако преувеличивать, говоря, что, в конце Античности и во времена Средних веков, религиозность и набожность сделали из иконографии аудиовизуальность. Слово, конечно, преобладает, но доля формы значительно уравнивается. Связь между обоими меняется постоянно от региона к региону.

С точки зрения формы, по мнению А. Грабара, мы имеем дело с иконографическим языком схематических образов или знаков-образов. Содержательная сторона этих знаков-образов определяется тем обстоятельством, что они –

---

[1] См.: *Grabar, André*. Les voies de la création en iconographie chrétienne Antiquite et Moyen Age. Paris, 2009. 443 p.

часть христианского искусства и репрезентируют спасение или освобождение того или иного верующего, которого Бог избавил от страха смерти. Одновременно они напоминают о том, что верующий был крещен и участвовал в Евхаристии. Это не образы чего-либо, способные представлять, репрезентировать что-либо, а своего рода приглашение, адресованное информированному зрителю, чтобы он все отдельные черты того или иного подразумеваемого объекта, события, лица собрал воедино самостоятельно, дабы произошла индикация предмета обозначения.

Для рассмотрения истории формирования иконографических сцен, Андре Грабар изучил целый пласт древнейших исторических источников: миниатюры древних рукописей, фрески с катакомб, саркофагов, баптистерий, церквей синагог и т.д.

Катакомбы и баптистерии – это только пока лишь образ сакрального пространства, требующего своего дальнейшей, уже храмовой реализации. Синагога – это уже не храмовое пространство, это пространство, заменяющее утраченный Храм. Но это еще невнятный, плохо артикулированный язык архитектурного пространства, который не обладает при этом еще даже полноценным языковым носителем. Таковыми пока остаются стены внутреннего пространства катакомб и внешние стенки объемов саркофагов. Это еще не архитектура, но ее обещание и предчувствие, выраженное средствами смежных искусств.

Анализируя пространство катакомб и баптистериев – мест не вполне полноценных, не совсем законченных с литургической точки зрения, автор выяснил что, в самом сердце всех этих иконографий лежит образность другого порядка: образность пространственная, храмовая, литургическая и прямо не доступная. Но это и другой механизм смыслопорождения, связанный с опытом непосредственного участия в происходящем, соучастия в совершаемых действиях, и в смыслах, этими действиями являемых.

Исследуя ранневизантийские памятники истории, Андре Грабар наблюдает императорское вторжение в христианское искусство, очевидное иконографическое обогащение которого связано не только с расширением тематики, но и с тем обстоятельством, что теперь воспроизводятся реальные церемонии императорского дворца, которые художники могли непосредственно наблюдать.

Изучая катакомбы, составлявшие вполне определенный смысловой контекст, затем саркофаги, баптистерии, синагоги и церковь, автор обнаруживает, что, всякая перемена в изобразительном строе искусства оказывается связанной с определенном местом, которое, так сказать, хранит смысл по той причине, что в этом месте присутствует, наличествует человек. Каждое из этих пространств характеризуется конкретными обрядами, ритуалами, совершавшимися в нем с участием человека и составлявшими непосредственное их содержание, буквальное их наполнение, символически-прагматическое по своей сути. И самое главное, что это движение смысла приводит нас к самым исконным, первичным уровням человеческого бытия, символизм которого питает все последующие образные структуры. И потому не случайно, что самые непосредственные образцы переноса этой иконографии на иконографию сакральную связаны с пространством помещения.

Пространство в древнехристианских памятниках, расписанное сакральными изображениями, всегда остается истинным семантическим полем, вбирающим в себя все иконографические процессы, которые происходят на уровне той же живописи. Все частные смысловые контексты, присутствующие в иконографии, объединяются такими фундаментальными темами, как жизнь и смерть, земное благополучие и вечное спасение, то есть, сугубо экзистенциальными категориями.

Значение той научной традиции, которую продолжил и развил Андре Грабар, подтверждается в наши дни. Исследование теоретических проблем христианского искусства в различные исторические периоды позволило проследить особенности изменения теологической основы на протяжении истории и выявить структуру этих изменений. В византинистике огромное значение приобретает не только и не столько изучение стиля, сколько исследование сюжета, содержания, иконографии, с опорой на глубокий анализ текстов, нашедших отражение в искусстве.

ANDRE GRABAR AND WAYS OF FORMING CHRISTIAN ICONOGRAPHY

A.A. Telnoy

The article deals with the fundamental work of Andre Grabar, on ways the formation of Christian iconography. Particular attention is paid to the study of images of characters in the iconography of the Christian Byzantine art and the study of the sacred space of the Christian premises.

Keywords: Andre Grabar, iconography, Christianity, art, images.

ЕВА ВИПШИЦКА – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО МОНАШЕСТВА

А.Ю. Рышковская, М.Ю. Лопатина

Ева Мария Випшицка-Браво (р. 1933) – историк античности, почетный профессор Варшавского университета (Польша), один из крупнейших исследователей позднеантичного (ранневизантийского) периодов.

Уже более полувека исследователь плодотворно трудится на ниве ранневизантийской истории.

Академический путь ее выглядит следующим образом. В 1955 г. она получила степень магистра в Варшавском университете, там же защитила кандидатскую и докторскую диссертации в 1962 и 1972 гг. В 1994 году получила от президента Л. Валенсы ученую степень профессора. В 1972-1990 гг. работала в филиале Варшавского университета (ВУ) в Белостоке, где в 1975-1977 гг. являлась руководителем исследований на гуманитарном факультете. Кроме того, в 1978 г. Е. Випшицка была заместителем декана гуманитарного факультета в Белостоке (филиал ВУ), и деканом в 1979-1981 гг. В 1972-1974 гг. она являлась руководителем исследований по истории в Историческом институте (ВУ), а в период 1989-1990 гг. была заместителем директора Исторического института (ВУ). В 1993-1996 гг. Е. Випшицка являлась заместителем председателя центра Межиндивидуальных исследований. В настоящее время работает на кафедре папирологии Института археологии в Варшавском университете.

Специализируется на истории Египта позднеантичного времени и позднеантичном христианстве. Она является автором и соавтором многочисленных научных публикаций, академических и школьных учебников, статей и популярных книг.

Ева Мария Випшицка-Браво принимала участие в многочисленных научно-исследовательских проектах и археологических раскопках, в том числе, в Александрии, Наклуа и Птолемаиде. 12 сентября 2003 г. награждена Орденом Возрождения Польши.

В 2012 г. она выиграла грант Фонда польской науки в области гуманитарных и социальных наук для "комплексной реконструкции функционирования монашеских общин в позднеантичном Египте".

Избранные публикации:

1) **Moines et communautés monastiques en Égypte: (IVe - VIIIe Siècles).** Последние несколько десятилетий Ева Випшицка работает над историей монашеских общин в позднеантичном Египте, в особенности над их институциональными, социальными и культурными аспектами. В этой обобщающей книге представлены результаты ее многолетних исследований по данной теме. Книга состоит из отдельных глав: Источники. Монашеская география. Враги из пустыни. Антоний Отшельник и «Житие Антония» Афанасия. Монашеская терминология. Учреждения монашеских общин. Священники монашеских общин. Число монахов в монашеских общинах. Экономика монашеских общин и их экономический менталитет. Женский аскетизм.

2) **Storia della Chiesa nella tarda antichità.** В данной работе рассматриваются ключевые вопросы по истории христианства в III-V вв. Эта книга отражает совсем иные взгляды на историю позднеантичной Церкви, нежели апологетика. Ева Випшицка показывает образование церкви и её учение как сложный процесс, наполненный драматизмом и противоречиями, а не как ликующее убеждение апологетов.

3) **Kościół w świecie późnego antyku.** Книга посвящена истории Церкви в позднеантичном мире и предназначена для широкого круга читателей. Профессор Випшицка пытается упорядочить лекционные знания важнейших событий, личностей, доктринальных течений позднеантичной Церкви, сделать их более интересными и детализированными. Автор помогает читателю понять историю Церкви, которая крайне эмоционально интерпретирована древними и современными историками.

В целом, взгляд Е. Випшицкой на историю ранневизантийского монашества является взвешенным, учитывающим новые методологические подходы, но не злоупотребляющим ими. Так, в полемике о женском монашестве с Сьюзан Эльм, Випшицка предостерегает от слишком активного внедрения гендерного подхода в исследование истории женского монашества.

Таким образом, Еву Випшицку можно считать одним из важнейших современных историков, изучающих период Ранней Византии и, в частности, ранневизантийское монашество.

РАННЕВИЗАНТИЙСКОЕ МОНАШЕСТВО ПАЛЕСТИНЫ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

М.Ю. Лопатина

Статья посвящена изучению возникновения монашества в Палестине в работах зарубежных авторов последних лет. Рассматриваются формы отшельнической жизни, приводятся имена «отцов палестинского монашества», а также некоторые имена первых женщин-аскетов, участвовавших в основании монастырей на Святой Земле.

Ключевые слова: *Ранневизантийская Палестина, монашество, Дорон Бар, Хагит Сиван, Леа Ди Сеньи.*

В последние годы наблюдается рост интереса к истории и археологии Палестины в ранневизантийский период. **Дорон Бар[1] (**преподаватель в Открытом университете Израиля), занимаясь изучением географии позднеантичной Палестины, попытался ответить на ключевой вопрос, поднимающийся в его работе «Frontier and Periphery in Late Antique Palestine». А именно, почему Палестина стала тем местом в позднеантичное время, где наблюдался исключительный рост населения, его кульминация, и каковы были исторические и социальные обстоятельства, которые привели к внешнему завоеванию этой области. Прежде всего, конечно, изменения произошли в численности населения региона. Рост жителей был обусловлен комфортными условиями: отсутствием военной напряженности, наличием торговых путей. В отличие от других эпох в истории Палестины, жители страны – язычники, христиане, иудеи и самаритяне - наслаждались длительным периодом освобождения, жили в относительной безопасности и пользовались плодами Римского мира. Отсутствие войн, эпидемий и крупных землетрясений также способствовало росту народонаселения, что, тем самым, привело к его переизбытку[2].

Многие ученые связывают увеличение численности населения с религиозными переменами в IV в. Принятие христианства в качестве господствующей религии империи радикально изменило статус Палестины. Она уже являлась не просто крошечной провинцией, она превратилась в Святую Землю, где процветала строительная деятельность, наблюдался активный приток капитала из государственных и частных источников, рост числа паломников[3].

Специалист в области римской истории и поздней античности **Хагит Сиван[4],** работающая сейчас в США, подчёркивает в Палестине ранневизантийского периода полиэтническое, культурное, религиозное, топографическое и архитектурное многообразие. Наибольший интерес представляет её книга «Palestine in

---

[1] Dr. Doron Bar. [Эл. ресурс]. URL: http://www.schechter.edu/StaffMember.aspx?ID=38&SM=1a&Dept=SIJS. (Дата доступа 15.09.2014).

[2] *Bar D.* Frontier and Peripheryin Late Antique Palestine. [Эл. ресурс]. URL: https://www.academia.edu/4818070/Frontier_and_periphery_in_Late_Antique_Palestine. (Дата доступа 13.09.2014).

[3] *Bar D.* Population, settlement and economy in Late Roman and Byzantine Palestine (70–641 AD) // School of Oriental and African Studies. Bulletin. 2004. Vol. LXVII. № 3. P. 307-320.

[4] Hagith Sivan. [Эл. ресурс]. URL: http://www.helsinki.fi/worldcultures/fsla/papers.html. (Дата доступа 14.09.2014).

Late Antiquity»[1]. В период с 300 по 650 гг. судьбы Востока и Запада были тесно связаны. Тысячи западных жителей под видом паломников, благочестивых монахов, солдат и гражданских лиц стекались к месту, которое стало для христиан Святым. Эта эпоха явилась свидетельницей трансформации Иерусалима из «сонного римского города», построенного на руинах Иродом, в международный центр христианства и, в конечном счете, центр исламского вероисповедания. Это был период беспрецедентного процветания приграничных зон, и время активной интерпретации Библии религиозными знатоками.

Леа Ди Сеньи[2], преподаватель кафедры археологии в Еврейском университете в Иерусалиме, занимается разработкой проблем византийского монашества. К тому же в сферу её научных интересов входит археология Ближнего Востока и историческая география. Леа Ди Сеньи связывает расцвет палестинского монашества с большим притоком паломников к святым местам. Они не только давали подаяние или основывали фонды, но постоянно привносили новый импульс в монастыри и новую внутреннюю силу, а многие пилигримы становились монахами.

Существовали разные формы монашеской жизни в византийской Палестине: отшельники, жившие в пустыне в одиночку или со своими учениками; отшельники в городах или деревнях; отшельники, которые жили в лаврах или киновиях. Первые две позиции являются самыми известными моделями монашества в Палестине. Киновия (Koinobium) - монастырь, где монахи живут вместе, молятся и работают. Он представляет собой комплекс построек, окруженный стеной, с церковью, трапезной, кухней, мастерской, зданием для проживания, больницей и другими необходимыми сооружениями. Палестинские Koinobien по результатам археологических и исторических исследований охватывали площадь от 500 до 9000 м^2.

Лавра представляет собой сообщество отшельников, где каждый живет один в своей келье, молится и работает в одиночку. Только лишь в субботу вечером и в воскресенье они собирались вместе для совершения мессы и трапезы, куда приносили свои недельные рабочие продукты и принимали пищу таким образом, чтобы оставались припасы на следующую неделю. Палестинская Лавра состояла из разбросанных келий, которые были связаны тропами (от греч. laura = "путь, аллея") с центром. Здесь размещались церковь, пекарня, склады и еще несколько строений. Некоторые Лавры имели Koinobium, подготовленные для проживания молодых монахов, потому что только опытным и старым монахам разрешалось жить в отдалённых кельях. Территория Лавры не была огорожена стеной, однако, имелись башни, низкие заборы и каменные столбы. Небольшая палестинская Лавра имела 12 келий, большая - 40 и более. Участок, на котором были разбросаны кельи, мог варьироваться от 1,5 до 60 га. Среднее расстояние между отдельными кельями колебалось между 30 и 65 м.

[1] См.: *Sivan H.* Palestine in Late Antiquity. Oxford University Press, 2008. 400 p.

[2] Dr. Leah (Campagnano) Di Segni. [Эл. ресурс]. URL: http://archaeology.huji.ac.il/depart/classical/leahds/leahds.asp. (Дата доступа 14.09.2014).

Отцами палестинского монашества по праву считают Илариона Великого и Харитона Исповедника. Иларион из Тавафы, близ Газы, в возрасте 15 лет основал на пустынном морском берегу вблизи своей родной деревни хижину из пальмовых листьев. После 22-летней уединенной жизни вокруг него собралась группа учеников (около 330 чел.), которые жили как отшельники на небольших фермах и работали, чтобы прокормить себя. Второй фигурой, который заслуживает звания «отец палестинского монашества», является Харитон. Он основал Фаранскую лавру, Иерихонскую лавру (совр. монастырь Искушения) и Суккийскую лавру в Иудейской пустыне[1]. Таким образом, Иларионом Великим и Харитоном Исповедником были заложены два географических центра палестинского монашества: Газа и Иудейская пустыня[2].

Также история знает имена и первых женщин-аскетов, которые образовали монастыри в Иерусалиме и Вифлееме. Мелания Старшая (род. около 350 г. – 410 г.) основала монастырь на горе Елеонской, а её внучка Мелания Младшая (род. в 383 г. – 440 г.) вместе с мужем построила два монастыря в Иерусалиме – мужской и женский. Как и бабушка, она принимала участие в теологических спорах своего времени (в частности, с Петром Иберийским, лидером монофизитов в Палестине). Немаловажен тот факт, что Мелания была другом императрицы Евдокии, жены Феодосия II, который под их влиянием проявил большой интерес к монашеству. Примеру Мелании последовали другие благородные дамы в Иерусалиме, которые приняли аскетический образ жизни. Все они жили, скрываясь от посторонних глаз. Некоторые носили мужскую одежду, так что принадлежность к женскому полу была обнаружена только после их смерти, как, например, Пелагия Иерусалимская; жительница Koinobium "монах" Матрона, или известный из источников анонимный отшельник Иудейской пустыни. О сотне или более женщин, которые проживали в монастырях Палестины, ничего больше практически не известно[3].

Мусульманское завоевание и последующие войны сократили поток паломников. Местное монашество постепенно затихает. Многие обители были заброшены. Жизнь деревенских монастырей стала полностью зависеть от поддержки местных жителей. Хотя монахи и монастыри продолжали существовать, их связь с христианскими странами Востока и Запада почти прекратилась. Однако традиции монашества, сформированные в Святой Земле, успели к тому времени обогатить собой общехристианскую сокровищницу и обрести своих последователей в других частях христианского мира.

Новейшие исследования привносят значительный вклад в изучение палестинского монашества Ранней Византии.

---

[1] *Leah Di Segni.* Wie das Mönchtum in Palästina begann. Die Wüste bevölkert sich // Welt und Umwelt der Bibel. 2011. №2. P. 34-41.

[2] *Юзефовский Б.* Византийское монашество и монастыри Газы // Иерусалимский православный семинар. Выпуск 4. М.: Индрик, 2013. С. 25-34.

[3] *Leah Di Segni.* Wie das Mönchtum in Palästina begann. Die Wüste bevölkert sich // Welt und Umwelt der Bibel. 2011. №2. P. 41.

EARLY BYZANTINE MONASTICISM PALESTINE IN FOREIGN HISTORIOGRAPHY RECENT

M.Yu. Lopatina

The paper studies the emergence of monasticism in Palestine. Considered forms of solitary life, are the names of the «fathers of the Palestinian monasticism», as well as some of the names of the first female ascetics who participated in the founding of the monastery of the Holy Land.

Keywords: Early Byzantine Palestine, monasticism, Doron Bar, Hagit Sivan, Leah Di Segni.

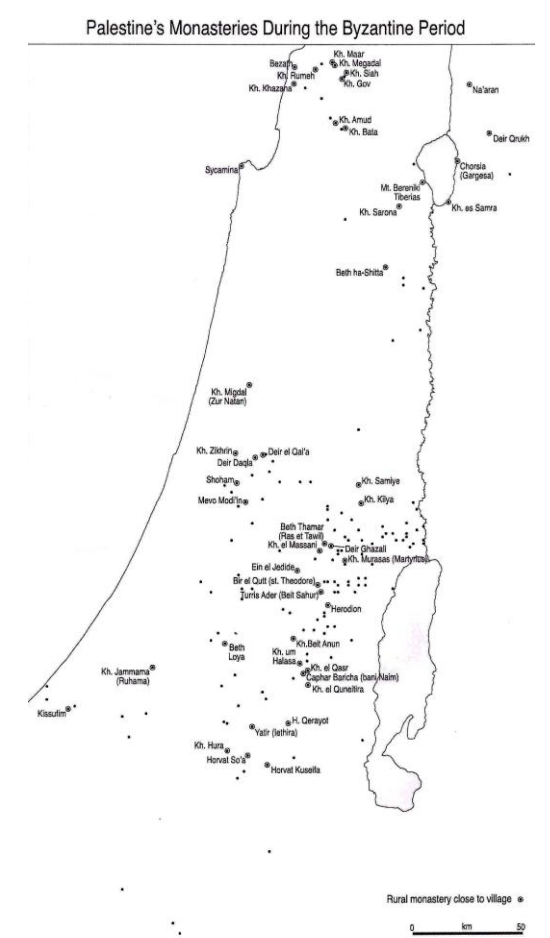

Рис. Палестинские монастыри византийского периода

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ В РОМАНЕ СЕРГЕЯ АЛЕКСЕЕВА «ИЗГОЙ ВЕЛИКИЙ»

О.В. Алимова

В современной художественной литературе эпоха античности представлена достаточно широко и разнообразно. Одним из удивительных произведений переносящих читателя в эту эпоху является роман С. Алексеева «Изгой великий».

Сергей Трофимович Алексеев свою писательскую карьеру начал в 1976 г. с написания небольших рассказов, а далее выпустил романы «Слово», «Сокровища Валькирии», «Волчья хватка» и пр. В 1985 г. за роман «Слово» получил премию Ленинского Комсомола, а в 1987-м премию ВЦСПС и Союза Писателей СССР за роман «Рой». Позже, в 1995 г. удостоен премии имени М.А. Шолохова за роман «Возвращение Каина», и совсем недавно, весной 2009 г. стал лауреатом премии Кузбасса за роман-эссе "Россия: Мы и мир".

Роман «Изгой великий» был написан в 2013 г. и разошелся тиражом 10000 экз. Произведение погружает читателя во времена Александра Македонского. Автор в своем произведении ставит множество вопросов, на которые пытается найти ответы, например: почему дерзкая попытка великого полководца соединить два мира, затеявшего поход на Восток, чтобы победить варварство Персии, Великий Скуфи, Индии и утвердить не только свою власть в мире, но и просвещенность Эллады, закончилась его возвращением в бочке с медом, который использовали тогда для бальзамирования? Почему его учитель, великий философ Аристотель, вынудил своего ученика сжечь священный список Авесты и обрек на огонь также индийские Веды и прочие древние знания? И в чьих руках завоеватели мира и освобождавшие духовное пространство человечества для утверждения своей философии были лишь игрушками? В дальнейшем, на протяжении романа, автор дает свои ответы на эти вопросы.

Как известно, каких только «македонских» не повидала литература! Например, злобного тирана из произведений советского прозаика и историка Василия Яна или, скажем, просвещенного монарха из трилогии англичанки Мэри Рено. Это естественно связано с тем, что художники в широком смысле слова вольны изображать любого человека таким, каким они его видят, но читателю не стоит забывать, что с помощью созданного «портрета» автор отражает еще и собственное отношение к «натурщику». Каким же предстает Александр Македонский в этом романе?

Как ни странно, но для Сергея Алексеева Александр - всего лишь марионетка в руках философа Аристотеля, который был учителем царя и умело использовал честолюбие и юношеский максимализм своего ученика. Произведение, как это свойственно стилю С. Алексеева, насыщено тонкими гранями между выбором того или иного пути, которым искушаются главные персонажи. Роман оставляет читателю яркий и запоминающийся образ.

Произведение читается на одном дыхании, язык доступный и легкий. Сергей Алексеев очень умело и ненавязчиво использует термины античной эпохи, что позволяет воспринимать текст произведения даже неподготовленному читателю.

Не все исторические детали в романе достоверны. Сергей Алексеев весьма вольно интерпретирует поступки своего героя, не особенно оглядываясь на мнения историков, но автор имеет на это право. Когда идейная и эстетическая задача требует переосмысления исторических реалий, он должен подключать воображение и использовать художественный вымысел. Тем не менее, роман динамичен, захватывает напряжением и действиями, содержит массу интересных эпизодов. Рекомендуется к чтению.

УСЛОВИЯ РАБСТВА ВО ВРЕМЕНА ГРАКХОВ ПО РОМАНУ Е. САНИНА «КОЛЕСНИЦА ГЕЛИОСА»

О.С. Грудинина

Я хотела бы поделиться впечатлениями о прочитанной мною книге «Колесница Гелиоса» русского писателя Е. Санина. Евгений Георгиевич Санин по профессии – военный журналист. Автор более 100 книг и брошюр, в том числе: исторических повестей и романов: романа-дилогии «Колесница Гелиоса», романа для юношества «Тайна рубинового креста», повестей: «Три дня в Спарте», «Первый Рубикон» и др. 10 октября 2009 г. принял монашеский постриг в малую схиму с именем Варнава, в честь преподобного старца Варнавы Гефсиманского Чудотворца.

Действие исторического романа Евгения Санина «Колесница Гелиоса» разворачивается на территории древнего Рима, Греции, Пергама, Сицилии. В интересной, увлекательной манере автор повествует о судьбе грека Эвбулида, оказавшегося на чужбине и перенесшего все ужасы рабства. Сам роман иллюстритрует нам три сюжетных линии: это судьба одного из знатных людей Рима, который стремится попасть в сенаторы, и готов выполнить для этого любые действия. И поэтому, во время подготовки Рима для завовевания Пергама он получает задание составить завещание о передаче этой территории после смерти ее правителя Риму любыми способами, в том числе и убийством Аттала. По мнению Рима, это был единственный путь завоевания Пергама, т.к. он славился армией и флотом.

Следующая линия ведется от имени матери братьев Гракхов, которая мечтает услышать на улицах фразу не «Теща Сципиона» в свой адрес, а «мать Гракхов». Она пишет своей дочери о планах ее сыновей изменить положение дел в государстве, о том, как они возмущены недостатком земли для простых крестьян, которые вынуждены выходить на улицы для протеста, а не заниматься своей работой. Здесь же она размышляет и о правильности выбора мужа, допускает мысль о том, что зря отказала Птолемею в свое время. И для достижения своей цели, зная правила предлжения законопроектов, Тиберий заявляет о намерении занять государственную должность.

И третья, основная сюжетная линия рассказывает о нелегкой судьбе обычного гражданина Эвбулида, который попадает в рабство и испытывает на себе все его тяготы. Изначально он был свободным гражданином, имел семью, но жил в бедности. Но случайная встреча с бывшим военным товарищем Квинтом меняет его судьбу коренным образом. В благодарность за спасение жизни, Квинт дарит Эвбулиду мельницу и дает стартовые деньги под небольшой процент. Эвбулид, не веря своему счастью, покупает лучших рабов, устраивает теплый и богатый прием своему другу, покупает лучшие подарки жене и детям. Но в разговоре с Квинтом узнает, что, покупая рабов у одного торговца, совершил ошибку, результаты которой не заставили себя ждать - в тот же вечер рабы сбежали. И Эвбулид отправляется за ними в море. Но, по иронии судьбы, их небольшая лодка встречает на пути пиратов, и они сами попадают в рабство. Попытка выкупа была неудачной, и ему самому, бывшему свободному гражданину, пришлось на себе испытать все тяготы рабства, все унижения, издевательства, круглосуточную изнуряющую работу. Семья же его попала в долговую зависимость от Квинта, т.к. его тоже постигла неудача, и он был вынужден поднять проценты. В это время Луций, которому было поручено задание достать завещание, вынужден в самом начале пути идти на убийство после того, как по пьяни проболтался о своем задании.

Благодаря автору этой книги, мы можем представить реальную картину жизни раба, посмотреть «изнутри» на все тонкости и нюансы пути к власти и подготовки государственных реформ, а также позакомиться с большинством римских традиций, мифов и верований. Само название романа взято по мотиву одного из мифов, который был рассказан гостем в доме Эвбулида в тот самый роковой момент, когда решалась его судьба - когда он узнал о сбежавших рабах. К тому же, автор очень популярно дает объяснение историческим терминам, именам, названиям.

Раб Эвбулида, отправившись за сбором выкупа в город для четверых пленников, принеся деньги пиратам, говорит, что это выкуп только за его хозяина, и тоже получает долгожданную свободу. Но Эвбулид отказывается от свободы и отдает деньги другим.

АНТУАНЕТТА МЭЙ. «ЖЕНА ПИЛАТА, ИЛИ ТАЙНА ПРОКУРАТОРА»

Д.С. Гудов

Немного об авторе. Антуанетта Мэй закончила Стенфордский университет по отделению древней истории. Ее книга «Жена Пилата, или Тайна прокуратора» написана грамотным и профессиональным языком, а понимание исторических событий и личностей отличается от традиционной христианской религии. Например, в книге Иисус – просто юноша, не знающий о своем божественном происхождении.

В основу романа «Жена Пилата, или Тайна прокуратора» легли исследования исторических материалов, которыми автор занималась около 6 лет. Ко-

нечно, приключенческие и исторические романы всегда воспринимаются с интересом, но данная книга особенна – она читается легко.

Сюжет книги повествует о Клавдии Прокуле, супруге прокуратора Иудеи Понтия Пилата. Женщина, подлинная история жизни которой обросла множеством легенд, переживших века. Жена человека, некогда решившего судьбу Иисуса из Назарета... Ясновидящая, чьи предсказания неизменно сбывались... Свидетельница, рассказавшая о драматических событиях, которые стали основой Нового Завета.

Хоть книга и называется «Жена Пилата», я, начинал чтение, питая надежду, что повествование по большей части поведется о самом прокураторе, а не о его благоверной. И, к сожалению, ошибся. Ну что ж, рассказ о первого лица – лица Клавдии – тоже не так уж плох. Начинается повествование с детства Клавдии, автор, попутно, рисует множество интереснейших деталей жизни из Римской империи. Тут быт богачей, и военный поход в Германию, и восстания. Яркие проявления магических способностей у юной Клавдии меня, правда, насторожили и удивили – автор ведь историк, заявленная тема книги не просто историческая – это сама история, так о какой магии мы вообще говорим? Однако буквально 20 страниц спустя магия, до этого буквально хлеставшая со страниц книги неудержимым потоком, внезапно исчезает. Вот только Клавдия чуть ли не каждый день видела будущее, ориентировалась в жизни по этим видениям, потом внезапно повествование о видениях прекратилось, все исчезло, речи о предсказаниях в книге практически не заходит. Ладно, спишем на забывчивость автора, увлекшегося написанием. Тем более, что Клавдия, неожиданно для меня, становится прислужницей Исиды – вдруг этот факт как-то повлиял на исчезновение магии, а автор просто забыла об этом упомянуть. О самом Пилате говорится следующее: *На вид ему лет двадцать семь, то есть он старше меня на добрый десяток лет. Широкоплечий, красивый и стройный, как молодой леопард, не лишен изящества.*

И несколькими строками ниже еще одна характеристика: *Говорят, он - охотник за приданым и большой любитель женщин.*

Все. Больше о Пилате мы не узнаем ничего за всю книгу. Нет, он будет где-то на периферии истории, но о его деятельности и жизни мы не узнаем ничего, кроме его измен, желании иметь ребенка и редких разъездов (или переводов) в другие города. Потому что дальше начинается сплошной любовный роман с Клавдией в главной роли. Сначала она страдает по Понтию, потом просто страдает, затем влюбляется в гладиатора Голтана и страдает, а затем казнят Иисуса, и книга заканчивается. Сама главная героиня постоянно находится на острие ножа. То рискует своей жизнью ради близких, то поддается искушениям, забывая обо всем. За юношескую любовь и легкомысленность она расплачивается всю жизнь, теряя родных и друзей.

Сложно сравнить Булгаковского Понтия Пилата с этим. Здесь он совершенно иной. Молодой красавец, женский любимчик, карьерист, муж и отец, ему совсем не свойственны философства и глубокие размышления. При расцвете патриархата в то время, он не только закрывает глаза на измену жены, но и прощает её.

Суд над Иисусом показан тоже совсем иначе, чем у Булгакова. Никаких длинных бесед. Все довольно быстро. Вопреки собственным желаниям, но по законам Рима.

Несмотря на серьезность избранной темы и действующих лиц, роман Антуанетты Мэй, несомненно, относится к разряду легкого чтения, такой вполне себе «дамский роман» со всеми его атрибутами – дотошным описанием нарядов, косметики, интерьеров, с россыпью тогдашней «светской хроники» и т.д. В этом отношении очень характерно выглядит описание романа Клавдии Прокулы с гладиатором Голтаном из Дакии, выглядящего как весьма современный адюльтер супруги какого-нибудь американского конгрессмена с румынским нелегалом, подрабатывающим «боями без правил» в ожидании вида на жительство. Думается, однако, что роман «Жена Пилата» будет интересен не только поклонникам «женской серии», но и всем тем, кто, ничего не зная о Риме и Иудее первого столетия нашей эры, хотел бы, особо не напрягаясь, что-нибудь узнать. В книге эти сведения поданы простенько, но, в целом, «со вкусом». Хотя, конечно, жестких сторонников христианских канонов кое-что может слегка покоробить.

ЭЛЛИНИЗМ И ЧЕЛОВЕК В РОМАНЕ «ЭЛЛИНСКИЕ НАЕМНИКИ» РАШИТА ГАБДЕЛЬВАЛЕЕВА

М.И. Дорохов

В статье дается оценка значения эллинизма и завоевательных походов Александра Македонского для отдельной личности. Переломное время стало важной отправной точкой для возникновения новых научных и религиозных идей. Книга отлично описывает эпоху эллинизма и ее особенности, в части реконструкции повседневной жизни наемных воинов.

Ключевые слова: *эллинизм, наемники, Рашит Габдельвалеев.*

В 338 г. до н.э. в битве при Херонее монархическая Македония разгромила войска греков, защищавших независимость своих маленьких городов-государств (полисов). После этого в городе Коринфе македонский царь Филипп II собрал представителей от множества греческих полисов и провозгласил «вечный мир» между греками и союз ради победоносной войны против дряхлеющей Персидской державы Ахеменидов. Так было положено начало новой эпохе истории, которая, с легкой руки немецкого ученого - антиковеда И.Г. Дройзена, получила название «эллинизм».

Самому Филиппу II не довелось осуществить честолюбивые замыслы; он погиб в результате заговора. Великий поход на Восток возглавил его сын, Александр, покоривший не только громадную Персидскую державу, но и часть Средней Азии и Индии. Александр мечтал о мировом господстве, о завоевании Италии, Северной Африки, Испании... Но было много противников этих грандиозных идей. Александр умер летом 323 г. до н.э., возможно, был убит заговорщиками. После его смерти гигантская империя, созданная его усилиями, стала разваливаться на глазах. Преемники Александра сражались друг с другом не одно десятилетие за ее передел, пока не образовалась весьма сложная, но достаточно

стабильная система эллинистических государств. Осью ее были три соперничавшие между собой монархии: Македония во главе с царями из династии Антигонидов; Египет, где правили цари династии Птолемеев; Азиатская держава с центром в Сирии, возглавляемая династией Селевкидов. Кроме того, было много незначительных монархий в Малой Азии, а также большое количество независимых и зависимых греческих полисов и союзов. Отношения между этими государствами были чрезвычайно сложны и запутаны; фактически, почти в течение всего III в. до н.э. между ними шла непрерывная война, лишь иногда прерываемая кратковременным миром.

Истощенные взаимными распрями, эллинистические государства в самом печальном виде предстали перед более молодыми и сильными соперниками на Востоке и Западе – Парфянской империей и Римской республикой. Итог известен: Парфия с Востока и Рим с Запада, двигаясь навстречу друг другу, поглощали одно эллинистическое государство за другим, пока не исчезла последняя из эллинистических монархий - Птолемеевский Египет (30 г. до н.э.). Этим событием в науке принято завершать историю эллинизма, – историю сложную, трудную, длившуюся целых три столетия и во многом определявшую судьбы древней цивилизации.

Действительно, что же дал эллинизм миру, его культуре, будущим поколениям?

Чтобы правильно понять ответ на этот вопрос, а также многие моменты в содержании этой книги, следует иметь в виду, что эллинизм был явлением синтетическим. Он объединил в себе черты общества, государства и культуры завоевателей – греков и македонян, с чертами цивилизации и культуры завоеванных народов Ближнего Востока. И это отлично показано в данном произведении.

Тысячи греков и македонян, после (и даже во время) восточных походов Александра хлынули на Восток, создали там огромные города, всюду неся восточным народам уже сложившиеся мировоззренческие идеи, традиции искусства и быта. Но шел и обратный процесс: поселившиеся на Ближнем Востоке, в Иране, Средней Азии греки сами испытали мощное воздействие не менее древних культур, поэтому восточные культурные ценности стали проникать в Грецию, понемногу преобразуя сознание народа-завоевателя. Особенно это относилось к влиянию восточных религиозных идей; переплетаясь с традициями философии Платона, а также вновь возникшей в III в. до н.э. философии стоиков, восточные религиозные системы давали иной раз такие результаты, которые открывали прямую дорогу к будущему христианству. Оно, кстати, и появилось как результат сложного синтеза философских идей греков, религиозных установлений древних евреев, зороастрийских персидских религиозных представлений и т.д.

Эллинистическая культура была очень богата. Она дала образцы мышления, которое мы в отдельных случаях вправе назвать научным. Имена Евклида – основоположника геометрии, Архимеда – открывателя важных физических законов известны каждому школьнику. А ведь были и многие другие: Эратосфен – человек, первым измеривший размеры Земного шара, Феофраст – автор большого сочинения о ботанике, Страбон – творец обширной книги под названием «Геогра-

фия». Не говорим уже об Аристотеле – великом философе и универсальном ученом, влияние которого на умы Востока и Запада сказывалось еще и через две тысячи лет после его смерти.

Эллинизм дал миру оригинальные образцы поэзии и искусства. В эллинистические времена появилась сентиментальная бытовая драма – тот театральный жанр, на котором держится европейское театральное искусство уже не одно столетие. Гигантски расширились в эллинистическую эпоху масштабы известного человеку мира. Из гражданина маленькой городской общины, из подданного деспотической восточной монархии человек неожиданно превратился в гражданина Космоса – этого огромного (как утверждал философ Зенон) замкнутого вращающегося шара, который из божественного огня возникает и в божественный огонь, в конце концов, возвращается. Необозримые горизонты Вселенной, которые созерцал эллинистический человек, возвеличивали его душу, приобщали к ранее неведомым мыслям и чувствам.

Но все ли было так благополучно и возвышенно в сердцах и умах людей того времени? Да, передвигаясь на огромные расстояния из страны в страну, знакомясь с новыми обычаями и взглядами ранее чужих людей, эллинистический человек освобождался от многих предрассудков, становился свободнее и шире. Однако не следует забывать, что человек жил в мире, где полной свободы быть не могло, где тысячи рабов стонали под бичом надсмотрщиков, где сохранились миллионы опасностей, которым подвергался человек в огромном, новом для него мире.

Он мог быть захвачен в рабство, мог попасть в плен к пиратам или варварам – кочевникам, мог быть ранен или убит в бою, сражаясь, иной раз, не за близкие ему интересы, а за деньги и богатство. И тут уже не помогали ни философские размышления, ни самоутешение, а блага нищей, но праведной жизни.

Одиночество, «заброшенность в мир» человека, о котором так ярко писали философы – экзистенциалисты в XX веке, чувствовали и осознавали уже тысячи лет назад, во времена эллинизма. Страдали душевно даже философы, защищенные от страдания величием своих идей. Но вдвойне безрадостным было существование простых людей: воинов, крестьян, ремесленников – подверженных всем случайностям долгой и зачастую неустроенной жизни. Гонимые суетными, нередко пустыми желаниями, эти люди шли по жизни от одного события к другому, пока не приходили к естественному и непонятному концу – смерти.

В книге, автор в художественно острой и яркой форме показывает именно такую судьбу. Юноша Ликий, выходец из Ольвии, вынужденный покинуть родной город, попадает в водоворот событий, связанных с войнами Александра Македонского на Востоке. В перемещениях Ликия, казалось бы, нет никакого смысла. Это – настоящее «броуновское движение» личной судьбы; но даже и смерти не может подарить своему герою автор книги.

Это было бы слишком легко и просто: совершить цепь бессмысленных, иногда жестоких, преступных деяний и умереть в награду за страдание. Ликий остается жить, но свою страдальческую судьбу передает в наследство сыну – и это еще больше усугубляет греховность отца. И наконец, у читателя не может не

проснуться жалость к этому человеку, к таким же, как он, «молекулам» эллинистического Космополиса. И тогда лучше начинаешь понимать, как в душах этих людей родилось христианское чувство, а потом и христианская идея. Все это – «за кадром» книги, но этим книга и интересна: она – не нравоучение, а цельное художественное полотно, которое с интересом прочтет как юный читатель, так и человек, умудренный жизнью. Ибо многое из того, что в книге сказано о людях эллинистической древности, вполне можно повторить о каждом из нас.

HELLENISM AND THE MAN IN THE NOVEL «HELLENIC MERCENARIES» BY RAŞHIT GABDELVALEEV

M.I. Dorohov

The article assesses the value of Hellenism and the conquests of Alexander the Great to the individual. Crucial time was an important starting point for the emergence of new scientific and religious ideas. The book perfectly describes the Hellenistic period and especially in the reconstruction of the everyday life of hired soldiers.

РИМСКАЯ АРМИЯ В ЦИКЛЕ РОМАНОВ САЙМОНА СКЭРРОУ «РИМСКИЙ ОРЕЛ»

А.С. Кадира

Саймон Скэрроу родился в Нигерии в 1962 г. Брат известного писателя Алекса Скэрроу. Закончил исторический факультет в университете Восточной Англии и в течение ряда лет работал преподавателем истории. Сам Скэрроу отмечает, что писать начал под влиянием книг Сесила Скотта Форестера и Бернарда Корнуэлла – признанных британских мастеров исторического романа.

Автор.

В настоящий момент из-под пера Саймона Скэрроу вышел целый ряд произведений в жанре остросюжетной исторической прозы. Это и написанный в качестве дани уважения к кумирам цикл «Революция» о противостоянии Наполеона и Веллингтона, внецикловый роман «Меч и ятаган», повествующий об обороне Мальты от турок в 1572 г., но наиболее известными произведениями Скэрроу являются «Гладиатор» - приключенческий цикл для подростков, повествующий о молодом гладиаторе Марке, который оказывается сыном самого Спартака, и, конечно же, цикл «Римский орел», повествующий о приключениях центуриона Макрона и его однополчанина Квинта Лициния Катона.

В настоящий момент на русский язык переведено 11 книг из цикла, совсем скоро на русском языке выйдет 12-я книга, которая называется «Кровавые вороны», кроме того, автор работает над 13-й книгой цикла.

Первая книга цикла «Римский орел» знакомит нас с героями, проходящими службу в рядах II легиона сначала в Германии, затем в Британии. Макрон – старый служака, дослужившийся до центуриона солдат до мозга костей, в центурию которого с новым пополнением прибывает долговязый нескладный юноша Квинт Лициний Катон, сын императорского вольноотпущенника. Для Катона служба в армии – шанс занять достойное место в жизни. Однако для сослуживцев новобранец – «белая ворона», и выскочка из столицы. В кровавых стычках с племенами германцев Катон завоевывает уважение товарищей, и прежде всего центуриона Макрона, в распоряжение которого Катон поступает в качестве опциона (помощника центуриона). Вместе им предстоит воевать в Британии, в песках Сирии, бороться с иллирийскими пиратами, подавлять восстание гладиаторов, отражать вторжение нубийцев в Египет и даже инкогнито вступить в преторианскую гвардию, чтобы предотвратить заговор против императора Клавдия.

Во время этих приключений Катон и Макрон переживут немало опасностей, примут участие в огромном количестве битв с различными врагами империи – от германцев и бриттов до иллирийских пиратов и восставших рабов, а Катон пройдет трудным путем от опциона до временно исполняющего обязанности легата одного из легионов Рима, и даже встретит свою любовь.

«Катон» и «Макрон». Фото со съемок промо-ролика книги «Кровавые вороны».

По характеру Макрон и Катон полностью противоположны – если Макрон - это старый служака, готовый к быстрому действию. Катон более рассудительный, задумчивый, предпочитающий сначала думать, а потом действовать. Своими характерами они прекрасно дополняют друг друга.

В книгах помимо вымышленных персонажей действуют и реальные исторические личности – это и будущий римский император, а тогда командующий II легионом Тит Флавий Веспасиан, показанный в романах настоящим отцом-командиром, которого как нельзя более точно характеризуют слова М.Ю. Лермонтова «слуга царю, отец солдатам». Полной противоположностью ему являет-

ся трибун легиона Авл Вителлий, тайный заговорщик, метящий в императоры Рима, скользкий и коварный, не гнушающийся никаких средств ради заветного пурпура. Фигурируют в романах и вождь бриттов Каратак, отчаянно сопротивляющийся римскому завоеванию его родного острова, персонажами третьей книги «Орел нападает» являются вождь икенов Прасутаг и его невеста Боудикка, которые помогают Катону и Макрону спасти из плена семью римского командующего Авла Плавта. Историчен и римский император Клавдий, его супруга Агриппина, его пасынок Нерон и сын от Мессалины Британик. Историчны и временщики Нарцисс и Паллас, выбившиеся из вольноотпущенников в далеко не последние люди империи.

Касаемо недостатков романов, следует отметить, прежде всего, огрехи перевода, в результате которых в римской армии при броске пилумов и стрельбе из луков дается команда, которая в переводе на русский звучит как «пли», римских полководцев нередко именуют в книгах генералами. Кроме того, следует указать такой ляп уже автора – возлюбленную Катона, дочь сенатора Семпрония зовут Юлией. Хотя известно, что дочерей в Риме называли родовым именем отца в женском роде, иногда добавляя преномен, образованный, главным образом, от числительных. Однако эти ляпы никак не влияют на художественные достоинства книг.

В целом, романы Саймона Скэрроу понравятся тем, кто любит историю Древнего Рима, историю его военного дела и головокружительные приключения в эпоху меча и сандалий.

СТИВЕН СЭЙЛОР. «РИМСКАЯ КРОВЬ»

М.Ю. Лопатина

Стивен Сэйлор – американский автор исторических романов. Окончил Техасский университет в Остине по специальности «классическая история». Писатель является специалистом по истории Древнего Рима, и в своих произведениях реалистично воссоздает эпоху. Увлечение историей древнего Рима началось у него еще в детстве, когда Стивен увидел спектакли передвижного театра: «Спартак» и «Клеопатра». Оно оказалось настолько устойчивым, что Сейлор поступил в Университет Остина (штат Техас) для изучения римской истории и классической литературы. После окончания учебы он работал редактором газеты, литературным агентом, участвовал в составлении автобиографических антологий.

С. Сейлор – автор исторической детективной хроники «Roma Sub Rosa», действие романов которой разворачивается во времена Юлия Цезаря. Первый роман серии «Римская кровь» (Roman Blood) вышел в 1991 г. Основной сюжет закручен очень хитро, и даже в то время, когда всё кажется уже понятным, внезапно открывается что-то новое. Автор любит эту эпоху и уважает действующих лиц, поэтому старается выписывать их такими, какими о них вспоминают их современники и историки, и какими они видятся из многочисленных трудов.

Описываемый период**:** 83-80 гг. до н.э. Данное произведение важно тем, что исторические события относятся ко времени диктатуры императора Суллы и носят реальный характер. Действующие лица романа по большому счёту - подлинные исторические личности. Это Цицерон (адвокат), император Сулла, Красс, Хрисогон, Секст Росций. Но главный герой - Гордиан, который получил прозвище «Сыщик», является вымышленным персонажем Стивена Сейлора. Его основная задача – помочь начинающему адвокату Марку Туллию Цицерону расследовать дело об убийстве (точнее отцеубийстве) и оправдать Секста Росция младшего.

Суть романа такова. Секст Росций старший - богатый житель города Америи в Умбрии был убит при неясных обстоятельствах в сентябре 81 г. до н.э. на улице Рима у Паллацинских бань. Всё имущество Росция было внесено в проскрибированный список (хотя проскрипции завершились ещё к 1 июня). Секст-Росций младший был изгнан из Америи и нашел приют у знатной римлянки Цециллии Метелле, которая хорошо знала его отца. Его поддерживали и америйские старейшины, поэтому было отправлено посольство к Сулле, чтобы во всём разобраться. Но произошли совсем нежданные события. Его обвинили в отцеубийстве. И, следует сказать, Стивен Сейлор в подробностях описывает, какое наказание ждёт Росция, если его признают виновным, т.к. отцеубийство - большая редкость среди римлян. Для примера можно привести слова Цицерона: «Насколько я понимаю, последний отцеубийца был осужден, когда мой дед был еще молод».

Имущество покойного, убитого Секста Росция, которое при естественном течении событий должно было стать имуществом его сына и наследника, включает в себя усадьбы и владения, чья стоимость превышает шесть миллионов сестерциев. И вот все это состояние было приобретено неким молодым человеком, по всей видимости, на публичном аукционе, за смехотворную цену в две тысячи сестерциев. Рачительного молодого покупателя зовут Луцием Корнелием Хрисогоном (вольноотпущенник Суллы, пользовался у диктатора доверием, которое привело его к самым гнусным злоупотреблениям). Автор приводит его описание: «…легендарные золотистые кудри, высокий, как у Александра, лоб, сильная, широкая челюсть, прорезанная жесткой, угрюмой складкой… это довольно могущественный человек».

Повествование заканчивается судебным разбирательством. Речь со стороны обвинения произнес Гай Эруций, председателем суда был претор Марк Фанний. Это было первое выступление Цицерона (на тот момент ему шел 28 год) в уголовном суде. Цицерон обвинил публично Хрисогона в захвате имущества невиновного человека без каких бы то ни было законных оснований. Он описал обстоятельства жизни старшего Секста Росция, его связи в Риме и давнюю вражду со своими двоюродными братьями Магном и Капитоном. Он не обошел молчанием их пресловутые нравы: Капитона он сравнил с израненным и поседелым гладиатором, а Магна – с учеником престарелого бойца, далеко превзошедшим наставника в злокозненности. Он подробно остановился на незаконном внесении Секста Росция в проскрипционные списки после его смерти и офици-

ального окончания проскрипций, на безрезультатном протесте городского совета Америи, на приобретении имущества покойного Хрисогоном, Магном и Капитоном, на их попытках уничтожить Секста Росция-младшего и его бегстве в Рим к Цецилии Метелле.

Суд оправдал Секста Росция. Подавляющее большинство из 75 судей, в том числе и претор Марк Фанний, признали его невиновным. Цицерон получил славу, все только и говорили о его речи.

Но самые интересные события разворачиваются после суда. Дом Цицерона посещает сам диктатор. И наконец-то раскрывается истина, кто же на самом деле совершил убийство. Оказывается, Секст Росций в сговоре с братьями Магном и Капитоном решил убить отца, так как узнал, что последний собирается лишить его имущества в пользу ещё нерожденного ребёнка от девицы из публичного дома (Елены). Оказалось, что он причастен и к смерти своего младшего брата – Гая. Но это не было доказано, так как сочли, что он просто отравился грибами. Таким образом, троица вступила в сговор. Секст должен был унаследовать поместья отца и расплатиться со своими соучастниками позднее. После убийства Секст Росций попытался одурачить родственников. Он стал единственным владельцем поместий по праву наследования.

Но что оставалось делать соучастникам, ведь документ, подписанный всеми, одинаково обличал каждого? Проделка с незаконной проскрипцией первому пришла в голову Капитону, а Магн был знаком с Хрисогоном. Поместья были проскрибированы и отошли к государству. Хрисогон скупил их все и по достигнутой ранее договоренности поделился с Капитоном и Магном. Секста Росция вышвырнули на улицу. К тому времени разум Росция настолько помутился, что они надеялись довести его до самоубийства или до признания собственной вины.

Таким образом, Секст Росций оказался не только отцеубийцей, но и братоубийцей. А благодаря Цицерону, он превратился в страдающего героя.

Произведение заканчивается тем, что в дом Цицерона прибегает мальчик по имени Руф (из дома Цециллии Метеллы) и говорит, что Секст Росций мёртв. Оказывается, Цецилия случайно подслушала Росция, где он сам себя называл убийцей, и недолго думая, столкнула его с балкона. Свою вину она не стала скрывать от Гордиана.

«HOMO SUM» ГЕОРГА ЭБЕРСА

М.А. Руднева

Георг Мориц Эберс (1837-1898 гг.) немецкий учёный-египтолог, оставил заметный след не только в науке, но и на литературном поприще. Его наследие в виде романов достаточно обширно и в большинстве своём касается истории Египта от древности до завоевания арабами в VII в. Сочетание научных знаний и литературного таланта позволили писателю создать произведения, которые в полной мере позволяют читателю окунуться в мир повседневной жизни людей далёкого прошлого, реконструируемый автором с большой точностью.

Роман «Homo sum», что дословно означает «Ведь я человек», переносит читателя в 1-ю пол. IV в., где монахи-анахореты в поисках пути к спасению уединились от мирской суеты в пещерах на Синайской горе. Христианство только начинало обретать силу мировой религии и ещё не овладело возможностью всецело определять материальную и духовную сферы человеческой жизни. Эта двойственность прослеживается на протяжении всего романа, в некоторые моменты она обретает характер борьбы между бывшей языческой стороной персонажей и новой – христианской.

Основных сюжетных линий две. Одна из них проводится «на глазах» у читателя, вторая же рассказывается в повествовании героев о своём прошлом. Постепенно «линия прошлого» получает развитие, и они всё более переплетаются; в кульминационный момент они сливаются настолько, что старая линия получает своё логическое завершение в настоящей.

Как обычно и бывает в романах, в завязке обеих сюжетных линий лежит несчастная любовь к женщине.

Стефан, бывший военачальник римской армии, уходит от мира после того, как его жена изменила ему с сослуживцем и сбежала, оставив его вместе с маленьким сыном. К моменту начала повествования его сыну уже около двадцати лет, а сам бывший военачальник – седой старик, находящийся практически при смерти. В дальнейшем он узнает о судьбе своей жены от анахорета Павла, который рассказывает ему о своей несчастной любви.

Будучи в молодости сыном богача, Павел, тогда его ещё звали Менандром, любил роскошь, пиры и борьбу, однако не мог найти в этом душевного покоя. Однажды он сильно пострадал в схватке с врагами и был на грани смерти, его подобрали и выходили христиане. После этого он заинтересовался этой религией и претерпел множество пыток и гонений в борьбе за право исповедовать новозаветное учение.

Однажды, в тюрьме он встретил женщину, которая попала в тюрьму по обвинению в воровстве, после того, как любовник, с которым она бежала в Александрию, промотал все деньги. Она очень раскаивалась в том, что бросила мужа и сына и, чтобы заглушить боль страданий, приняла христианство прямо в тюрьме и добровольно отправилась на пытку, где и окончила свой путь.

Сын Стефана Ермий выбрал долю анахорета не по своей воле, а вырос в монашеском послушании, после того, как его отец, знатный воин, вскоре после измены и побега жены перешёл в лоно новой веры и удалился от мира. Ермий однажды побывал в Александрии Египетской, и, увидев блеск большого города, бани, упражнения в палестре, засомневался в своём предназначении уединённо служить Богу. Его отец был ранен и нуждался в заботе, что не давало возможности покинуть Ермию эти места и поискать свой путь в жизни.

Вторая история завязывается после того, как Ермий идёт за лекарством в небольшой оазис Фарана, к хозяину каменоломни Петру. Пётр также принял христианство, но имеет своё дело, у него есть большая дружная семья. Его сыновья уже повзрослели, они получили хорошее образование в Александрии, Антоний стал художником, а Поликарп настолько преуспел в скульптуре, что должен был выполнить крупный заказ для Александрийского Цезариума. Однако,

после заказ отменили, так как церковные служители посчитали, что скульптурные композиции превозносят языческое искусство.

Сравнивая жизнь анахоретов и праведную семейную жизнь христианина, автор проводит мысль о том, что у каждого – свой путь в поиске вечной жизни. Борьба с искушением происходит внутри человека, и даже если он сбежит в самое уединённое место, то сбежать от себя не сможет. Главный грех человека – гордыня заключён в самом человеческом естестве.

Так, ведя праведную жизнь, Стефан уже на смертном одре по воле судьбы встречает своего врага Фебиция, который соблазнил его жену, и уже после покаяния не может простить своего врага, и они оба погибают. Так, достаточно одной слабости, чтобы перечеркнуть все предыдущие старания.

Автор раскрывает внутренний мир ранних христиан, полный противоречий между языческим прошлым и новой реальностью. Пожалуй, главный герой этого романа – это Павел. Автор не зря выбрал имя апостола для своего персонажа. Прослеживается параллель с евангельской историей, разграничивающей жизнь апостола до крещения, когда его ещё звали Савл, и он с особым усердием пытался искоренить христианство, и жизнь после крещения, полная любви к Богу.

Но если в жизни апостола эти две сущности чётко разграничены, то у героя Эберса прошлая жизнь в лице языческого юноши Менандра и новая жизнь монаха-анахорета Павла продолжают сталкиваться. Сквозь стремление праведника беззаветно и самоотверженно служить людям и обрести вечное спасение прорывается гордыня Менандра.

Искушение таилось в самом неожиданном месте, когда Павел помогал бедной девушке, бежавшей от гонений, он увлёкся и из благих намерений и случайно ранил её возлюбленного.

Автор показывает, насколько тонкая грань может отделять благо от вреда, если человек позволяет одержать верх своей гордыне, сравнивает путь к спасению с лестницей в небо, которую строит человек, и насколько она ни была крепка, человек слаб, и один грех может сломить всю её конструкцию.

ДЖИЛЛИАН БРЭДШОУ: «НАСЛЕДНИК КЛЕОПАТРЫ»

Н.Е. Третьякова

Джиллиан Брэдшоу – американская писательница, автор исторических романов, романов фэнтези, научно-фантастической и детской литературы. Ее основательные исторические романы посвящены классической древности - Древнему Египту, Древней Греции, Византийской империи, Персии, Римской империи. Язык изложения писательницы прост, выразителен и интересен.

Джиллиан Брэдшоу в книге «Наследник Клеопатры» погружает нас в события, происходящие в Римской империи во 2-й пол. I в. до н.э. Яркими личностями в этот хронологический период, а затем и во всей истории, станут Юлий Цезарь, Клеопатра, Марк Антоний, Октавиан Август, и конечно же, Цезарион.

Центральная фигура книги – 18-летний Цезарион, сын Цезаря и Клеопатры, который страдает «постыдной болезнью» - эпилепсией. Октавиан Август – преемник Юлия Цезаря, настроен на борьбу с Марком Антонием и Клеопатрой. Союз последних потерпит поражение, Египет станет провинцией Римской империи, а все силы Августа будут направлены на поиск Цезариона. Незадолго до взятия Александрии царица-мать отправляет сына с большим богатством на юг страны, откуда он должен был отплыть в Индию. Один из учителей Цезариона – Родон - предает его, организовывает нападение на лагерь и сам наносит смертельную рану царю, как казалось бы. По счастливым обстоятельствам главный герой выживает. Обезвоженным и раненым его находит караванщик Арни, который будет находиться рядом с Цезарионом на протяжении всей книги и станет ему близким другом, а дочь Арни – Мелантэ, той девушкой, которая поселится в сердце юного царя. На протяжении всей книги Цезарион скрывает свое имя, а себя нарекает Арионом, подданным царского двора. Цезарион путешествует вместе с караваном, познавая вкус простой жизни, новые чувства и эмоции, которые были неведомы до этого последнему из Птолемеев.

Последняя глава книги, пожалуй, самая эмоциональная и яркая. В ней описывается прибытие Цезариона вместе со своими друзьями в Александрию, где его ожидает встреча с Августом. Октавиан берет под стражу друзей Цезариона, караванщика Арни и Мелантэ, которых ожидает казнь. Цезарион рассказывает Октавиану, что же случилось на самом деле, просит освободить его друзей и заявляет, что не претендует на власть; что его прежняя жизнь не стоит и таланта золота. Он благодарит судьбу за то, что приобрел друзей, которых не было у героя при дворе, за то, что Арни раскрыл для него неизведанные чувства, рассказал о том, что такое совесть, честь, любовь, а не похоть. Октавиан выпускает пленников через потайной ход и прощается навсегда с Арионом. Да-да, с Арионом. Цезарион отказался от богатсв, сокровищ, власти, выбрав другие «богатства», которым действительно нет цены: любовь и истинную дружбу.

После, Октавиан Август будет править Римской империей еще в течение 44 лет. Его правление будет отмечено гуманностью и милосердием и станет известно позже как Золотой век.

Что же касается степени историчности, то вряд ли можно дать однозначный ответ на этот вопрос. Цезарион действительно существовал, хотя вопрос о том, был ли Юлий Цезарь его отцом, горячо обсуждался как в древности, так и в наши дни. Реально живший Цезарион, скорее всего, был убит в 30 г. до н.э. по приказу Октавиана. Болезнь Цезариона эпилепсией – исключительно выдумка автора. Хотя всем известен тот факт, что сам Юлий Цезарь страдал эпилепсией.

В этой поразительной истории, которая соединила в себе вымысел и исторические факты, Джиллиан Брэдшоу показывает, как могли бы развиваться исторические события, если бы Цезарион избежал неминуемой смерти.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В ТРАГЕДИИ УИЛЬЯМА ШЕКСПИРА «ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ»

Д.Е. Богданов

Впервые трагедия была опубликована спустя несколько лет после смерти Шекспира, несмотря на то, что завершена она была ещё в 1599 г.

Трагедия названа именем Гая Юлия Цезаря, что вполне традиционно для Шекспира, тем не менее, Цезаря нельзя назвать главным героем произведения, хотя всё развитие сюжета строится вокруг его фигуры. И даже после его смерти, описываемой в третьем акте, его слава и его имя постоянно обсуждаются римскими мужами, а его тело остаётся в центре сюжета.

К несомненным достоинствам трагедии относится тот факт, что в качестве основы сюжета автор решил использовать «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, незадолго до этого переведённые на английский язык, и это придаёт пьесе определённую историчность. Однако по целому ряду причин: начиная от ошибок переводчиков исторического источника, взятого за основу трагедии, и заканчивая элементами художественного вымысла – пьеса изобилует анахронизмами при описании предметов быта и одежды, неточностями в описании характеров и поведения основных действующих персонажей. Именно Шекспир вкладывает в уста умирающему Цезарю последние слова «И ты, Брут!» и создаёт великолепные речи Октавиана Августа и Марка Антония, дополняя их образы и делая их легко узнаваемыми для широкого круга читателей.

Безусловно, желая придать действию динамику, Шекспир объединил множество исторических событий, отделённых друг от друга временем и пространством, не стремясь следовать точной хронологии и подробно описывать события римской истории. Кроме того, автор стремился описать, в первую очередь, не будни полководцев и политиков, а дни граждан Рима, подверженных обычным человеческим эмоциям и страстям, суеверным, физически несовершенных, но великих.

Цезарь немолод и кажется уставшим от длительной череды сражений и политических интриг, что никоим образом не отталкивает его от желания получить неограниченную власть. Антоний три раза подаёт ему корону, но Цезарь демонстративно отказывается, словно профессиональный лицедей и политикан, хотя перед входом в Сенат он демонстрирует бесстрашие и чувство обреченности.

После его смерти в центре внимания оказывается новое поколение – второй триумвират – деятели которого начинают борьбу за власть, продолжающуюся на страницах другой шекспировской трагедии «Антоний и Клеопатра».

Необычное впечатление оставляют и мотивы, побуждающие выступить против Цезаря группу заговорщиков – защита свободы римского народа и веление чести гражданина, что в очередной раз подчеркивает желание Шекспира показать эпизод жизни человека, а не исторического деятеля.

Построенная на идее противопоставления и трансформации образов персонажей, один из которых окутан славой и величием, а второй – носит клеймо одного из величайших преступников в истории, пьеса «Юлий Цезарь» является бесценным вкладом Уильяма Шекспира в сокровищницу мировой литературы.

РЕЦЕНЗИИ

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ГАЗЫ (Champion M. Explaining the Cosmos. Creation and Cultural Interaction in Late-Antique Gaza. Oxford, 2014)

М.Ю. Лопатина

Статья посвящена анализу монографии австралийского историка Майкла Чемпиона «Explaining the Cosmos. Creation and Cultural Interaction in Late-Antique Gaza». В данной работе рассмотрена структура книга и общая характеристика глав.

Ключевые слова: *Эней Газский, Прокопий Газский, Захарий, Газа, неоплатонизм, раннее христианство, поздняя античность.*

20 января 2014 г. вышла в свет книга «Explaining the Cosmos. Creation and Cultural Interaction in Late-Antique Gaza». Автором данного проекта является Michael W. Champion – преподаватель классической истории в университете Западной Австралии. Монография опубликована на английском языке и включает 256 страниц. Издание данного труда принадлежит Оксфордскому университету.

В целом книга «Explaining the Cosmos. Creation and Cultural Interaction in Late-Antique Gaza» анализирует труды трех мыслителей, связанных с Газой: Энея, Захария и Прокопия. Они предлагают стандартный подход для понимания адаптации и трансформации классической философии в поздней античности, а также для культурных преобразований в Газе. Каждый из них принимал участие в дискуссии о создании и вечности мира, что разожгло в рамках неоплатонизма споры между Филопоном, Симпликием и Проклом. В монографии исследуется культурная динамика школ и монастырей в Газе и широкая культурная история города. Жители Газы стремятся адаптировать и трансформировать аспекты классической и неоплатонической культуры, отвергая неоплатонические религиозные претензии. Творческий обмен так же важен, как и конфликт культурных взаимодействий в школах, и в Газе отображается открытость к идеям других позднеантичных городов, в том числе Александрии и Кесарии. Идея истории культуры и располагающая интеллектуальная история в более широких культурных течениях является ключевой задачей. Так исследование фокусируется на интеллектуальном вкладе жителей Газы, установив его в контексте неоплатонизма и раннего христианства. Газа представляет собой набор культур в переходный период, взаимно переплетающихся и преобразовывающих друг друга через обмен, адаптацию, конфликты и сотрудничество.

Структура. Книга включает в себя 7 глав, предисловие, список сокращений, библиографию.

Введение знакомит читателей с выдающимися личностями Газы – Энеем, Прокопием, Захарием и их работами. В главе рассматриваются письма Энея и его диалог с *Теофрастом*; история, полемические произведения Захария и его *Ammonius*; библейские и философские интересы Прокопия. Вводится понятие «локальная культура».

Во второй главе «Late-Antique Gaza» описываются и объясняются значительные культурные контуры Газы и описываются источники для изучения позднеантичного города. Источники включают в себя аспекты материальной культуры, монастырские тексты, письма, историографию, агиографию, философские и богословские труды. Сравнительный материал из других городов поздней античности, в том числе классных комнат в Александрии, используется для выявления отличительных особенностей Газы. Образование занимает центральное место в процветании города. Газа при этом характеризуется открытостью к различным культурным и интеллектуальным группам через свое уникальное положение между центрами образования в Александрии, Кесарии и Афинах, и через культурные пересечения между ее школами и монастырями.

В главе третьей «Gazan Culture Performed and Transformed by Aeneas, Zacharias, and Procopius» отображены стратегии Энея, Захария и Прокопия, используемые при создании своих местных культур в Газе и за ее пределами, опираясь на письма Энея и другие работы. Они подкрепляют социальную силу школ против нарастающего антагонизма по отношению к классическим выпускникам и противопоставляют неоплатонические религиозные практики и потенциальную политическую власть. У жителей Газы возникает необходимость адаптировать и трансформировать классические жанры диалога и комментарии. Они входят в контакт с классически образованной аудиторией, а также с членами местных монастырей; стремятся сделать полезное дело для продолжения общественного классического образования, что в то же время подрывает неоплатонические религиозные требования и дискурсы, через которые они могут получить социальную власть.

Четвертая глава «Christian and Neoplatonic Creations» определяет пути, по которым жители Газы взаимодействуют с долгой историей платонизма. Отмечены и средства передачи идей в Газу из философских школ в Афинах и Александрии. К основным интеллектуалам того времени, подвергающим изменениям сознание, относят: Прокла, Иерокла, Аммония. Также мыслителями анализируются и ранние апологеты – Ориген, Иоанн Златоуст, Евсевий, Василий, Григорий Богослов и Григорий Нисский.

В пятой главе «Procopius on Creation and Eternity» интерпретируется вопрос создания и вечности мира. Прокопием Газским представлен целостный и привлекательный христианский образ создания мира на основе повествования божественного плана спасения. Здесь также приведена идея о том, как Прокопий меняет взгляд на аргументы Платона по поводу божественного плана и придает единство его взгляду. Он считает центральными аргументы по созданию и свободе материи, причинности и теодицеи. Его неоплатонические аргументы, в частности, о создании формы из ничего, и то, как создан Бог, были развиты далее Филопоном.

Глава шестая «Aeneas and Zacharias on Creation and Eternity» посвящена анализу философско-богословских диалогов Энея и Захария. Они высмеивают неоплатонические идеи и стремятся показать знание в спорных вопросах неоплатонизма, например, интерпретация *Тимея*. Рассказы божественного плана

спасения перемещают их, чтобы оправдать возможность того, что Бог может привести космос к концу, и превратить его в бессмертие. Они выступают за будущее конечности космоса, изменяя неоплатонический акцент на происхождение и перемещение их к физике, этике и сотериологии. Учение о Троице обеспечивает порождающую грамматику для идей о создании из ничего, вечности мира и предсуществовании души. А оригенизм обеспечивает контекст для дебатов, в особенности для Энея.

В заключительной главе обозначены направления, по которым определяется, каким образом вклад жителей Газы пересекается с более поздними дискуссиями между Филопоном, Симплицием и Козьмой Индикопловом. В главе формулируются основные выводы исследования, выявление культурной специфики различных групп, которые вместе составляли позднеантичное общество Газы. Изучение трудов Энея, Захария и Прокопия свидетельствует о том, что в конце поздней античности Газа характеризовалась как общество переходного периода, где личность отдельного человека локальной культуры была неоднородной, а новые элементы просвещенности образовались в результате взаимодействия, творческого обмена, конкуренции и конфликта.

Таким образом, монография Michael W. Champion «Explaining the Cosmos: Creation and Cultural Interaction in Late-Antique Gaza» направлена на улучшение нашего понимания позднеантичного мира Газы, особенно, её интеллектуальной и культурной истории. Также она даёт принципиально новые знания о христианском вкладе в позднюю античную философию и предлагает оригинальный синтез последних исследований материальной культуры и экономического процветания Газы.

NEW STUDY EARLY BYZANTINE CULTURE GAZA
(Champion M. Explaining the Cosmos. Creation and Cultural Interaction in Late-Antique Gaza. Oxford, 2014)

(M.Yu. Lopatina)

This article analyzes the monograph M. Champion «Explaining the Cosmos. Creation and Cultural Interaction in Late-Antique Gaza ». In this paper we consider the structure of the book and the general characteristics of the chapters.

Keywords: Aeneas of Gaza, Procopius of Gaza, Zacharias of Mitylene, Gaza, Neoplatonism, early Christianity, Proclus, Philoponus, late antiquity.

ПЕРЕВОДЫ ИСТОЧНИКОВ

ПРИСЦИАН. ПАНЕГИРИК АНАСТАСИЮ

Прозаический перевод **Н.Н. Болгова**

Вступление

Чувства, которые величайшие поэты привыкли выражать в своих стихах, составленных в честь императоров – такие, когда они нечестиво следуют путем, противным природе, и молятся небу и звездам – неугодны тебе из-за твоего выдающегося благочестия. Зная это, я не скажу ничего кощунственного, ничего не соответствующего действительности. Поэт, который дарует божественные атрибуты смертным людям, осуждается, по мнению всех мудрецов. И если он возглашает что-то правдивое, ему не поверят, потому что он выбрал ложное начало для своей поэмы. Поэтому я прошу тебя с удовольствием послушать рассказ о твоих поступках. Я не смогу провозгласить их все, если мне не дана тысяча языков, и если у меня нет способности, как фонтан изливать новую песню. Но, в соответствии с моими силами и способностями, я избрал какую-то часть твоих достижений, чтобы привнести великолепие в мою песню. И замечательно, что в стихах, как правило, добавляют блеск к делам, а не извлекают его из дел. С Божьей помощью я сейчас беру на себя бремя похвалы, бремя освещения безмятежного лика, который всем очевиден, как и чувства, приоткрывающие тайны нашего самого кроткого Принцепса.

1-9

Прими римскую песнь с добрым сердцем. Прими то, что я привык воздавать Небесному Царю в обмен на дар жизни и прекрасный свет солнца. Ибо ты знаешь, о самый великий Принцепс, правый сердцем, что Бог, Которому ты следуешь, и чья власть настолько велика, чтобы усмирить песней – Бог даровал тебе власть, и кому единственно ты обязан всем счастьем, которое ты обрел как в войнах, так и в мире. Ведь с дерзостью я посмел воздать тебе хвалы, которые воспевают небеса, и которые облетают всю землю.

10-18

И не удивительно, что такой человек возник из могучего рода Помпея, которого Рим вознес на свою высочайшую вершину. Кто может счесть триумфы Помпея, так справедливо выигранные, которого видело Солнце, когда оно заходило, и вновь рыскало в глубоком море, и из-за которого, на своем пути, оно остановилось, пораженное в середине Олимпа? Но все же, о Помпей, уступи знаменитому потомку. Из-за племени[1], которое ты, завоеватель всего мира, оставил неукрощенным на высоких холмах Тавра, человек, который победил, совершенно вырвав семена войны.

[1] Речь идет о племени исавров.

19-37

Племя, не так давно вставшее на высокий гребень удачи, и верившее, что не будет конца их фортуне, преследовавшее домохозяев с жестокостью грабежей и насилия, и так воздвигшее на Земле нечестивые памятники горя. В то время, когда они [исавры] считали, что все люди так должны страдать, ни самые суровые наказания, ни звание, ни возраст не могли защитить никого, потому что законы - надежная защита порядка, были низвергнуты, и одна лишь сила держала власть в стране. Лишь злые люди тогда получали удовольствие в захвате плодов своих преступлений, когда суды правосудия принуждались присуждать только к чрезмерным наказаниям. Из-за законов, теряющих свою власть, сохраняется лишь пустое имя, и справедливость остается лишь тенью в этом мире.

Крайняя нищета, которая в царствование алчных царей обычно обеспечивает [им] защиту, бессильна кому-то помочь. Ибо люди вместе страдали от таких трудностей, которые они не могли терпеть в их нынешних обстоятельствах, и он [император] был поражен тем, что ему грозили более серьезные потери, чем у богатого человека с огромными ресурсами и ценными металлами. Ибо если им не представлялось возможности для грабежа, они [исавры] связывали тела своих жертв цепями и избивали их жестко дубинками.

38-49

Наконец, Царь небесный освободил мир от этих страданий, когда Он сделал Анастасия нашим господином, хотя я могу лучше сказать, нашим отцом, Анастасия, который силен своим благочестием, и в чьей жизни мы видим все добродетели. Он прост, мудр, целомудрен, храбр и благочестив; он милостив, тверд, умерен, наш родной, и уважаем. Позвольте мне кратко выразить то, что я чувствую в глубине моей души. Анастасий обладает каждым качеством, вызывавшим восхищение у любого из древних: его благочестие превосходит Антония; его мудрость – Марка, а его самое милосердное сердце – язычника Нерву. Тит не так заслуживал похвалы [как он] по причине своей доброты. Слава доблестного Траяна уступает его [славе].

50-66

Ибо кто в одной войне захватил так много тиранов, которых Исаврия породила от своих скалистых вершин, хотя судьба была против нее? В своей милосердной благости, наш господин приказал им отойти от стен города, и у него не было никакого желания причинить им вред вообще, хотя они должны были миру [выплатить] долг наказания. Но Отец [небесный], держа все в деснице Своей, взвесив вес правосудия на весах справедливости, не дал согласия злому племени жить безнаказанным. Безумие нашло на них, безумие подвигло их к мысли о нечестивой войне и подстрекало их в своей слепоте опустошить цитадель Рима, с тем, что они страдают заслуженным наказанием, что они погибают и оставляют свет. Ибо, когда они хотели учинить еще раз более жестокие страдания, и когда они угрожали еще страшнее опустошить Латинские области, торжествующая армия непокоренного Принцепса и его командиров, мощная в своей справедливости, а также в их мужестве, принесла им смерть и разгром со всеобщей

разрухой, вместе с предводителями восстания, как раз когда они шли под безбожными знаменами.

67-79

Так же, как лев, который правит, и является хозяином на возвышенности лесов по всем рощам Ливии, не поднимает оружия, не призывает свои силы, ударяя своим хвостом, пока благородная ярость не разбудила его - все же, если некоторый шум или толпа окружающих людей провоцирует его, он яростно ревет, открывает широкие челюсти, и закатывает, сгорая от кроваво-красного пламени, свои глаза. Он врезается в гущу массы слабых людей и оружия; никакая сила не может выдержать его гнев. Его нападение разрывает некоторых на куски; других он поражает и бьет когтями. Некоторые лежат мертвыми, растерзанные его ожесточенными зубами; страх обездвиживает других, и они погибают, хотя и без ран. Таким же образом император своей мощью ударил по его диким врагам, несмотря на их ярость, для неописуемых подвигов, и поверг их непрерывным рядом различных катастроф.

80-86

Теперь Греция молчит, Греция, которая могла похвастаться мне Беллерофонтом, который завоевал Солимы [Иерусалим] так, что они в очередной раз пошли на войну. С другой стороны, раз и навсегда наш господин с триумфальной армией захватил этих людей для того, чтобы, в дальнейшем они никогда не могли быть в состоянии бунтовать. Даже Сервилий, один из самых выдающихся командиров, которому, как заслуженную награду, было даровано имя Исаврик за его кампанию, не смог совершить такой подвиг для римлян.

87-97

Ни золото, ни сила, ни поставки оружия, ни действительные оплоты высоко на крутых скалах, ни такие великие города, укрепленные сильными стенами, которые прежде завоеватели никогда не брали, не сохранят их от справедливого разрушения и гнева Принцепса. И те, кто, обманутые непостоянной надеждой, сделали все от них зависящее, и не насытились, когда они вели войну, влачили жизнь заключенных среди ограничивающих их скал: они страдали от голода, и их судьба была хуже, чем жестокость смерти. После того, как они были завоеваны, голод убил их, а не любой другой вид смерти, и [они] хотели пожирать людей, жадные до всего мира.

98-111

Кто мог удержаться от упоминания стрел, которые разили, чтобы защитить нашего принцепса? Огненная рука верховного Отца, представляющая Его власть, и борьбу с несправедливостью, поражала тех людей, над которыми ни мощь Марса не была властна, чтобы уничтожить, ни стены, осажденные со всех сторон вала огромным числом командиров. Как памятны достойные благочестия, чтобы их вспоминали во все времена! В поддержку этого благочестия ветры и штормовые тучи выступают как союзники в их сражениях; вспышки мол-

ний вооружены к войне разящим огнем, и гремящий гром с треском поражает горы. Почему я, малый [мира сего], упоминаю бури, возникшие в море, и разбившие вражеский флот на берегу Лидии? Тогда волны взяли на себя задачу римских солдат, и скипетр знаменосца восторжествовал, потому что море боролось за него. Так, мужество привлекло всё для спасения.

112-118

Кто мог вспомнить так часто происходившие бои и резни, башни с их высокими защитными (сооружениями), сровненные с землей, когда реки, изменившись от потоков крови, стали горячими, и их устья чуть не забились трупами, прибитыми (течением) вниз, потому что побежденные войска пали повсеместно? Потом море сверкало красным, окрашенное кровью, которая смешавшись с его водой, и так насытило рыбу, что она [уже] отвергала такое множество тел.

119-129

Таким образом, те, кто надеялся привести домой пленных матрон и наслаждаться добычей из города и священного дворца и – о невыразимая мысль! – вернуться к нам снова, как цари были лишены не только света неба, но и захоронения в земле. Оставшиеся в живых, лишенные своих детей и траурных дорогих обещаний любви, [были вынуждены] отказаться от города своих предков и своих домов. Они разрушали все стены, которые огонь пощадил, и в поражении они поняли, что они страдают справедливо, неся наказание за презрение небесного Бога грома в течение тысячи лет. После их поражения, они признают, что Бог сеет месть, и что они знают, что они стали причиной своей собственной гибели.

130-139

Но еще милость императора простирается надо всем. Он поднимает [из праха] побежденных, чью гордость он покорил в войне, и награждает врагов мира дарами мира. Он радуется, что теперь обеспечил знатным уверенность, что они будут жить, и что его правление сделает их жизнь процветающей. Никто сегодня не боится грозного предательства и ядовитых языков, которые вызвали много смертей по ложным обвинениям. Более того, наш Господь в чудной Своей мудрости восстановил благосостояние народа, которое были разрушено во время невзгод, и он твердо восстановил империю, ослабленную, когда он сменил [предшественника] на посту правителя.

140-148

В запутанном порядке мыслей толпы многое [звучит] вместе и одновременно, на мой взгляд, и они оттягивают все виды чувств от сердца, справляясь со своей задачей. Так же, как когда в Дельфах жрица Аполлона, полная божественного вдохновения, видит все вещи, которые есть, и которые должны быть, и, несмотря на ее желание, предотвращается их выход на свет, так и я, о принцепс, хотя и постоянно [нахожусь] в курсе бесчисленных дел, за которые ты несешь ответственность в различных частях мира, не могу составить словами,

что созрело в моем уме; поэтому я вспоминаю только самые высокие пики твоих славных достижений.

149-161

Теперь наступает самый процветающий век для рода человеческого. После того, как нечестивые указы [привели к] обнищанию людей и заставили многих бежать из домов своих предков, эти законы отец и повелитель земли уничтожил навсегда, и освободил мир от бремени серебра и золота. Подготовив себе навечно высшие награды, которые дарует небо, он презрел богатство и, из-за этого, один человек приносит пользу всем людям. Те, кто был едва в состоянии получить еду, необходимую для жизни, вынужден был плакать в своей убогости, после того как сдал налоги казначейству, дань, которая была собрана в сопровождении их скорбных стонов и слез. Конечно, эта ситуация давала возможность насильственных действий людям, замышлявшим как добро, так и зло, которые упоминали ранее многие поэты, воспевавшие тебе хвалы в латинских или греческих песнях.

162-171

И в том месте, где правитель Олимпа дал тебе твой скипетр, и где Он Сам первым короновал [твою] главу диадемой, здесь Он увидел посвященные Себе груды списков о разорениях, письменные записи горя. Он предал эти вечные подарки благословенному пламени, к которому Он подошел более снисходительно, чем любой алтарь. Солнце, с его золотыми лучами, осмотрело твое пламя и свет, которые нарушили день с приятным ему дымом, свет, который ты, спокойный и сияющий посредством твоего чистого разума, разжег.

171-179

Это место очень по праву отображает трофеи, [принесенные] тебе, и предлагает посмотреть на побежденных тиранов в оковах, которые были сбиты с ног в середине циркового представления. Ранее таким же образом, как наблюдал латинский народ, Эмилий Павел, самый смелый из мужей, верхом своей на колеснице вытащил царя персов к Тарпейской скале и успокоил Юпитера, Господа храмов Капитолийских. Но все это всемогущий Бог увидел и от тебя в цитадели небес, как и ты успокоил божественное величие Того, Кто правит небесными храмами.

180-192

Радуйся приметам, благоприятным для двора, о принцепс. Бог - создатель всего - доверил тебе восстановление мира. Он повелевает справедливости спуститься снова с неба, и Он настроил свой слух, чтобы услышать молитвы народов. Ты восстановил основания их разрушенных городов, построил гавани, стены и высокие акведуки. Теперь парусам снова безопасно в закрытых гаванях. Когда некогда они держали курс к родным берегам, они страдали хуже, чем от опасности, которую они испытали на предательских водах открытого моря, и их

якоря [находились] под угрозой кораблекрушения из-за их утомленных вёсел. Барьеры, которыми море было оковано, были разорваны на куски. Но теперь, за своё спасение, они изливают молитвы к Богу всем сердцем, благодаря Его за благочестие, которое заставляет тебя заботиться обо всех вещах.

193-205

Так как тебе было жаль крестьян, ты облегчил их тяжелые расходы. На каждые курии [было возложено] воздерживаться от злых и неправедных дел, не разрешается презирать законы по своему обыкновению. Теперь всадники, которые несут приказы, боятся чиновников, не ради прибыли они сочетают в себе священное и мирское.

Ты сам, отражение небесного судьи, судишь, и ты своими собственными устами даешь святые слова для людей. Ты не уклонялся ни от кого, кроме тех, кто просил за то, что было не просто. Тебе не нужно использовать золото, которое правившие до тебя привыкли давать, чтобы предотвратить интриги и заговоры твоих коллег. По твоему примеру ты учишь людей презирать неприятные насилия. Новобранцы теперь наполняют армию в одном ряду с сильными солдатами, и их храбрость, а не взяточничество, являют их истинные знамена.

206-217

Что еще я могу сказать? Ты распределяешь поставки зерна, дар жизни, и, заботясь о будущем, ты проверяешь расточительность городов. Если когда-нибудь дожди принесут наводнения, люди не почувствуют себя в бедности из-за неба, поставки продовольствия не провалятся, а мы много раз будем в целости и сохранности от твоей отцовской мудрости. Так и Иосиф сохранил Египет в течение семи лет. Это тот, кто заслуживает вечную славу, потому что в славе своего целомудрия, в своей мудрости, он объяснил странные сны царя Мемфиса, и так успокоил божественный гнев. Для Иосифа первым делом было построить житницы на берегу Нила, и он смог преодолеть голод с помощью своего божественно вдохновленного провидения.

218-227

Благодаря твоей власти, гражданская рознь, которая влечет за собой невинные жертвы, когда солнце садится под землю, в настоящее время полностью устранены из городов. В пределах городских стен, под воздействием вина, бунтовщики, хлопая в ладоши и радуясь трофеям мира, который они получили на ночь, использовали его, чтобы поставить своих сограждан к мечу. Ты также запретил злые игры, что влекло осуждение душ. Ты предотвратил кровопролитие как источник удовольствия, и тем самым, спас людей от потери своих жизней, чтобы прокормить свое тело, и человеческие конечности от раздирания зубов, которые вооружали смертельную ярость диких зверей.

228-238

Ты превзошел всех своей невиданной щедростью духа, и смог предоставить льготы всем, потому что ты лишен алчности. Хотя ты даешь бесчисленные подарки, восстанавливая [в правах] свободнорожденных, даровав свои подарки тайно; для себя же ты хочешь лишь быть увиденным глазами Бога; ни гордости не сохранило твое сердце, ни счастье вообще не изменило своего благожелательного расположения [к тебе]. Тот, кто обидел тебя, прежде чем ты мог бы его назвать, чтобы взять скипетр, и был опозорен обвинительным приговором, в настоящее время пользуется процветанием твоего благоприятного правления, и шокирован тем, что он получает награды вместо ожидаемых наказаний.

239-253

Но, о принцепс, твой мудрый план выбрать лояльных стражей императорского двора, чтобы увеличить через них власть Рима, и щедрая поддержка тех, кто приехал из старого Рима, одаривая их во всех мыслимых отношениях, превосходит все твои похвальные поступки. Ты с удовольствием продвигаешь их по служебной лестнице [вплоть до] выдающихся назначений, так что они не могут чувствовать боль в связи с гибелью своей родины. Поэтому они обязаны тебе своим процветанием и безопасностью, и они возносят молитвы о тебе день и ночь. Могучий принцепс, ты также можешь выбирать своих коллег в правительстве, что отличаются своим красноречием, которые украшены силой обучения и сотворения поэзии, те, чья мудрость защищает римские законы. Ты один за дары для ученых людей заслуживаешь награды за свои труды, наделяя их подарками и поддерживая их с щедрым сердцем.

254-260

По этим причинам всемогущий властелин высоких небес уклонил от твоих твердынь опасных врагов, которые бурлили несправедливой яростью, так как это было у них [в обычае], [у тех], кто нарушал договоры, и кто внезапно и жестоко разразился бандитизмом возле могучих потоков обширного Евфрата. Но Бог отвел их к собственной своей погибели, и из-за своих планов они понесли потери, которые они заслужили.

261-269

Та же участь будет ждать всех, кто угрожает войной возвышению и миру твоего правления так, чтобы солнце, когда оно поднимается из океана вместе со своей свитой и возвращает их нам, да увидят имя Анастасия процветающим во всех местах. Оба Рима, я надеюсь, теперь могут слушаться только тебя с помощью всемогущего Отца, который видит все вещи, и кого ты с неизменным пиететом задабриваешь во всем мире, всегда строя и восстанавливая сверкающие храмы Богу, и используешь золото лишь в целях настоящего усиления [государства].

270-279

Таким образом, о император, не так давно мы все испытали, каким мощным является наличие Небесного Царя, который сохраняет жизнь и устраняет опасности Своей добротой. Ибо, когда ветры и коварные паруса, трепещущие над твоим кораблем, шатались над ним из-за его объема, и безопасность твоей драгоценной жизни висела на волоске, - жизни, с помощью которой латинские законы поддерживают всё, Сам Бог прибыл и вырвал тебя из глубины, доказывая в момент опасности, как Он проявляет Себя в Своем могуществе, ради тебя. Ни в каких других обстоятельствах он не привык [прямо] показывать Свою высшую милость.

280-289

Священные писания свидетельствуют о благочестивых людях для вечности. В них бесчисленное множество историй, так как это связано с хорошими людьми, чьи добродетели воссияли всем векам, потому что рука Божья хранила их от опасности. Также их благочестие воссияло, пока они не были защищены безопасностью, которую неожиданно дал им Бог Олимпа. Таким образом, всемогущий царь показал Свою милость тебе, Тот, Кто сотворил мир, который защищает все Своим светом, которому ты всегда поклоняешься, отражая Его в своем сердце, потому что ты был удостоен родственников, достойных твоей благородной крови.

290-300

Что я могу сказать о самом милосердном сердце Павла? Его честность, оплот его репутации, а не просто священные узы почтенного родства, объединяют его с тобой. Он преследует скромные привычки с чистотой сердца. С чьим голосом я должен праздновать венец твоего великого благочестия, щедрого духа, с которым ты обнимаешь сыновей твоего брата, лелея их не только как дядя, но и как отец? Ты стоишь в их тылу как у детей, достойных превосходных качеств и благородного происхождения их родителей. Должен ли я упомянуть о наиболее бесстрашных делах твоего Ипатия, кто согнал скифские племена с берегов Истра? Парфянин увидел, что он силен, и знает, что он сделал, чтобы его боялись.

301-312

[Ради] какой заслуженной похвалы я мог говорить об Августе, которая была автором и причиной таких великих и добрых дел, в то время как она защищала империю своих предков с помощью такого мощного принцепса, и поручает этому человеку опеку над миром, и самой собой? От каждого важного желания ее сердце было защищено, и судьба ее благочестия распространяется за пределами каждого берега. Она добилась более, чем ее пол позволял ей сделать, когда ее предвидение так [принесло] большую пользу римскому миру. Пусть Бог, который видит небо, и землю, и море, всегда сохраняет эти дары для римских областей, и сможет победить диких варваров, и по-настоящему подвести их под ярмо, и сможет удовлетворить мольбы людей и священного сената.

ΠΕΡΙ ΑΡΧΩΝ ΤΗΣ ΡΩΜΑΙΩΝ ΠΟΛΙΤΕΙΑΣ

ИОАНН ЛАВРЕНТИЙ ЛИД
О ДОЛЖНОСТЯХ[1] РИМСКОГО ГОСУДАРСТВА
КНИГА I

Перевод **М.М. Синицы** под ред. **Н.Н. Болгова**

ВВЕДЕНИЕ

1. Жрецами были прежде те, кто после [стали] правителями государства римского, и это ни для кого не оставалось в неведении. Тиррены, которые из Лидии переселились на Запад, научили тех, кого тогда называли этрусками (это был народ сиканов) – мистическим обрядам лидийцев. Это по названию их прорицания [thuoskopia] [2] этруски, должно быть, сменили имя на «туски».

Так как ранее мы писали [об этом] в первой книге нашего трактата «О месяцах» [3], мы широко используем сведения оттуда.

2. Ведь инсигнии правителей[4], перенятые от тусков, в государстве ввел царь Нума, словно обретя [непобедимое] оружие против галлов.

3. И свидетельствуют об этом – и Капитон, и Фонтей; и ученейший из них Варрон, все римляне; после них Саллюстий – этот историк в «Первоначальной истории»[5] ясно научает[6].

4. Так что остается рассказать о гражданских властях, и почему от жреческого устройства к гражданскому переросла форма [правления].

Итак, да не осудит кто-либо [установленных] нами отличий от древних, кроме, как если не случится несозвучие логике, не подлежащее сомнению, и неподвластные зависти [ученые] пусть исправят [у нас] даже достойное похвалы.

Потому же и из Гракхана, который в старину об этом же писал, мы извлекли у законодателей[7] [следующую мысль]: нигде никем [однажды] написанное, вероятно, не переносится [в будущее] само по себе – всё, что рождено определенным временем, вместе с ним и скрывается [в веках].

Оглавление Книги I

---

[1] О магистратах; оригинальное название дается по-разному: περί ἐξουσιῶν (de potestatibus, о властях) – заглавие в начале работы, περί ἀρχῶν τῆς ῥωμαίων πολιτείας (de magistratibus rei publicae romanorum, о магистратах государства римлян) – заглавие в начале первой книги; περί ἀρχῶν πολιτικῶν (о гражданских властях) – название работы в «Библиотеке» патриарха Фотия (Phot. Bibl. 180).
[2] Гадание по внутренностям животных, гаруспиции.
[3] Περί μηνῶν.
[4] Магистратов.
[5] Πρώτη ἱστορία.
[6] Fr. 11 (ed. B. Maurenbrecher Sallustii Crispi Historiarum Reliquiae).
[7] Ulpianus Digesta I.13.1.

β΄ Каково различие царя, тиранна и василевса[1]; и Кесаря, и автократора достоинства. Что обозначает имя Квиринов (2). I.3-5

γ΄ Почему Ромул и те, кто с ним, говорили по-эолийски. Почему не следует римских василевсов называть деспотами. Об инсигниях царя. Что есть тога и трабея. Почему римляне называют сидение василевса σόλιον[2] (3). I.5-7

δ΄ Почему некоторые называют гривы τούφας[3] (4). I.8

ε΄ Почему римляне называют щиты – σκοῦτα[4], и κλίπεα[5], и πάρμας[6], и каково их различие. Что от Энея перенимало римское войско, таким образом снаряжаясь, как еще и ныне называемые ἐκσκουβίτωρες[7]. Почему царскую[8] гужевую повинность подъяремного скота называют αττηνσίωνα[9] (5). I.9-13

ς΄ Первая высокая должность, ἵππαχος[10], и что на место его выдвинут префект претория (6). I.14-15

ζ΄ Вторая высокая должность, πατρίκιοι[11], и почему их древность называла πάτρης κονσκρίπτους[12]. Какой вид хитона так называемая παραγαύδης[13], где и о так называемых καμπαγίων[14]. Что обозначают так называемые τίτλοι[15], и что щедрыми были в древности сенаторы. Откуда двойные и тройные имена древние приобретали (7). I.16-23

η΄ Третья высокая должность, κυαίστωρες[16], и что один из двух κυαίστωρ, другой же – κυαίσιτωρ[17]. О консульстве[18] и его инсигниях (8). I.24-33

θ΄ Четвертая высокая должность, называемая «власть десяти мужей»[19] (9). I.34-36

ι΄ Пятая высокая должность, так называемая δικτατοῦρα[20], и что обозначает имя, и сколько произошло всех диктаторов, и кем они были (10). I.37-39

ια΄ Шестая высокая должность, так называемая κηνσοῦρα[21], где и о комедиях и трагедиях, и когда римлянами они были узнаны. Почему римляне развратных кутил, а также и потомков, одноименно называют по-отечески νέπωτας[22] (11). I.40-44

ιβ΄ Седьмая высокая должность, демархия[1]. Когда давалась воинам так называемая καπιτά[2], и почему καπιτά так называется. О войсках как о строе, так и об именах, и степенях, и так называемых τιρώνων[3] (12). I.45-48

---

[1] Государя.
[2] Solium – (лат.) престол, трон, кресло.
[3] Tufa – (лат.) султан на шлеме.
[4] Scutum – (лат.) большой щит в форме выгнутого прямоугольника прибл. 120x80 см.
[5] Clipeus – (лат.) круглый щит из бронзы.
[6] Parma – (лат.) небольшой круглый щит.
[7] Excubitor – (лат.) караульный часовой, страж.
[8] Βασιλικήν.
[9] Attentio – (лат.) напряжение, напряженность.
[10] Magister equitum – (лат.) начальник конницы.
[11] Patricius – (лат.) патриций, принадлежавший к родовой римской знати.
[12] Patres conscripti – (лат.) отцы-сенаторы (patres – «отцы» патрицианских родов, conscripti – «приписанные» к основному составу сената из всаднического сословия).
[13] Paragauda – (лат.) кайма, обшивка.
[14] Campagus – (лат.) полуоткрытая обувь с ременной шнуровкой.
[15] Titulus – (лат.) почетное звание, славное имя, надпись, заголовок.
[16] Quaestor – (лат.) – квестор (в эпоху царей следователь или судья по уголовным делам, в эпоху республики и цезарей – высший финансовый чиновник, казначей).
[17] Quaesitor – (лат.) следователь, ведущий следствие.
[18] Ὑπατεία – (др.-греч.) – консульство; ὕπατος – консул.
[19] Decemvir - (лат.) децемвир, член центрального административного или законодательного органа из 10 человек; член коллегии десяти.
[20] Dictatura – (лат.) диктатура.
[21] Censura – (лат.) должность цензора.
[22] Nepos – (лат.) внук, праправнук, племянник, потомок, росток, побег, кутила, мот, расточитель.

ιγ΄ Восьмая высокая должность, преторы, и что у нас префект города был в древности один из преторов, принимающий титул защитника города (13). I.48-49

ιδ΄ Девятая высокая должность, νυκτῶν ὕπαρχος[4] (14). I.50-51

Государственные институты римлян

(1) 1.[5] Мне, пытающемуся раздумывать о властях римского государства, достойно поставить [в начале] вступление – и передать словом всё от самого старейшего и почетнейшего. Эней же был тот, кто через красоту и силу, как души, так и тела, могущественнее, чем от [смертных] людей происходящий сын, считался.

(2) 1. Итак, совершаются от прибытия[6] Энея в Италию до основания города Рима[7] 439 лет по Катону Старшему и Варрону[8], римлянам; по Африкану же и Кастору и Памфилу - 417 лет[9].

2. От основания города же до изгнания царей[10] пробежало 243 года.

3. Такие же от консулов до первого Кесаря[11] годы: 465 (или по некоторым 466) лет.

4. От Кесаря до Константина проходило 375 лет [12]; от него же до Анастасия царя кончины[13] 224 года, сверх того 7 месяцев. Из них если бы кто 9 вычел лет на священный Рим[14], случилось царствование Константина.

5. Собирается же от основания счастливого города этого 215 лет, и сверх того 7 месяцев.

6. Собрал бы итак кто-либо от Энея до доброй кончины Анастасия всех лет – 1746 лет[15], сверх того 7 месяцев[16], что эллинами предполагается, на всяком из двух языков авторами.

---

[1] Tribunatus – (лат.) трибунат, звание народного трибуна.
[2] Capitum – (лат.) корм для скота, фураж.
[3] Tiro – (лат.) молодой солдат, новобранец, новичок, необученный, неопытный.
[4] Praefectus vigilum – (лат.) ночной префект.
[5] Нумерация внутри глав дана по французскому изданию: Lydi De magistratibus / CUF. M. Dubuisson – J. Schamp. P., 1996.
[6] 1192/1170 г. до н.э.
[7] 753 г. до н.э.
[8] Cato Maior, Origines fr. 17 (ed. H. Peter Historicorum Romanorum Reliquiae, 14); Varro De Origine Linguae Latinae V.143-144, De Re Rustica II.4.18.
[9] Sextus Julius Africanus, Chronographia I. 222; Eusebius, Chronica.
[10] 510 г. до н.э.
[11] 44/43 г. до н.э.
[12] 375 лет.
[13] В издании А. Бэнди принимается, что здесь лакуна, часть текста утеряна, и следует сделать вставку: «…188 лет прошло, но от Константина до написания этого…»: *Bandy A.C.* Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State. Edwin Mellen Press, 2013.
[14] Константинополь.
[15] 1746 лет.
[16] Древние даты совпадают с общепринятыми – они взяты Иоанном Лидом (что он указывает) из других источников. Далее хронология нарушена: правление Константина в 330 г., основание Константинополя – в 339 г., смерть Анастасия – в 554 г.! Если даты, связанные с Константином и Константинополем, могут быть спорными (рождение Константина – начало правления – единоличное правление, основание Константинополя – освящение города), то дата смерти Анастасия точно известна - 518 г. Здесь Иоанн Лид делает собственные вычисления, поэтому вызывает удивление его ошибка, тем более, что он высчитывает дату смерти Анастасия с точностью до 7 месяцев, так как являлся современником этого события.

7. Это, итак, нами с истиной расположено – и надлежащее время есть о властях, как сказано, нашего рассуждать государства.

(3) 1. Ромул итак восьми к десяти годам[1] делающийся, с братом Ремом мать государства - Рому[2] воздвиг.

2. Имя же власти его италийцы называют ῥήγιον[3], что тиранническое: вовсе ведь царству[4] римскому не закон есть указатель, как некоторые принимают, царства [давая] название – откуда уже, после изгнания ῥηγῶν[5], у римлян хотя [находящихся] под царской властью, [оно] не употреблялось.

3. Одно ведь – у государства, [основанного] на законах, и другое – у тираннии, и иное – у автократии достоинство. И каким образом, - через короткое [время] скажу.

4. Государь[6] есть самого себя подвластный главный камешком для подачи голосов[7] выбранный, на престоле кому, словно и вершине [от] судьбы быть более выдающимся [по могуществу] над другими определена участь, как Софокл об Эанте говорил, что «имеет свой престол на находящемся близ моря Саламине»[8].

5. Особенность же государя есть, что никто совершенно государства законов не колеблет, но крепко вид своей государственной формы государство сохраняет, и ничего же по самоволию вне законов не совершается, это же лучшим [людям] государственного устройства было угодно, постановлениями[9] собственными будучи запечатленным, отца вместе и вождя духовная любовь о подвластных проявляется, какого нам бог и надлежащего времени разумность охотно дарили.

6. Но не таким образом тиранн, влекущий тех, кто ему подвластен, сделает же без позволения делать что-либо неразумно, если что и захочет, ни законов не почитая достойных, ни записывая принятые вместе с сенатом, этими собственными устремлениями увлекаясь. Если ведь государя же направление закон, тиранна же закон – направление[10].

(4) 1. Это ведь Кесарей, или вернее αὐτοκρατόρων[11] прозвание - и не государственных[12], но и не тираннических есть обозначение, самовластие же более и своеволие в управлении ослабляющих от общественного замешательства к более прекрасному, и приказывающих войску, как если бы должно бы сражаться с врагами:

---

[1] 18 лет.
[2] Рим.
[3] Regnum – (лат.) царское достоинство, царская власть, царство.
[4] Ῥήγιον.
[5] Rex – (лат.) царь.
[6] Βασιλεύς.
[7] Ψήφῳ.
[8] Aiax, 135.
[9] Ψήφοις.
[10] Ср. Synesius De Regno. IV.
[11] Αὐτοκράτωρ – (др.-греч.) автократор, самодержец, независимый неограниченный правитель.
[12] Βασιλείας.

2. imperare ведь «приказывать»[1] по-италийски говорится, откуда – ἰμπεράτωρ[2].

3. Почему же государственного - не есть обозначение автократора, Кесаря по названию, ясно прямо и тем, что консулы и после вышеуказанных Кесарей так называемых императоров достоинство прозвищем берут.

4. И ведь не инсигниями тиранническими проявляется взятая «взаймы» Кесарей власть, пурпуровым платьем же единственным в римлян Сенат восходящая, и в вооруженном войске могуществом автократически, как говорили, управляющая.

5. Поэтому и πρίνκιπας[3] его звали римляне, как если бы первую голову всего государства[4].

6. Ведь Кесаря имя род есть показывающее от первого Цезаря, словно Фабиев и Корнелиев и Флавиев и Аникиев, что прежде у варваров найдено:

7. египтяне же ведь от первого Фараона своих василевсов называли Φαραῶνας, и Птолемеев от первого.

8. Охраняемо было таким образом у римлян таковое Кесарей благоустройство до Диоклетиана, кто первый венком из драгоценного камня почетным составленным голову окружавший, как и платье и стопы мелкими камешками, к царскому, или осмелимся сказать, тиранническому повернулся, и снова померена была суша и налогами отягощена.

(5) 1. Подобно тому, как тиранном был Ромул, сперва же брата уничтоживший и старшего, и сделавший [это] неожиданным нападением.

2. Поэтому и Квирин наречен, как если бы κύριος[5], а если по Диогениану лексикографу иное мнение; и ведь не знал Ромул, или те, кто с ним, что появляется с того времени элладская речь, эолидская говорю, как подтверждает и Катон в «Римских древностях»[6], и Варрон многоученейший во вступлении к «Помпеиону»[7] им написанному, [от] Эвандра и других аркадцев, в Италию пришедших, когда и эолийская речь распространялась варварам.

3. Ведь грамматиками вопреки этой приведена этимология, с извинением, принужденная:

4. от Κύρεως[8] ведь, местечка сабинов, таким образом, это заимствовать [имя] желают, хотя [Ромул] не был двигающийся оттуда, у Палатинского же холма и появившийся возле высоких берегов Тибра, и вскормленный там.

5. Κυρίους[9] ведь себя и δεσπότας[10], но не βασιλέας[1] тиранны любят называть.

---

[1] Ἐπιτάττειν.
[2] Imperator – (лат.) император, повелитель, полководец, главнокомандующий, победитель.
[3] Princeps – (лат.) первый, главный, лучший.
[4] Πολιτείας.
[5] Κύριος - (др.-греч.) имеющий силу, власть, властелин, господин, хозяин.
[6] Περί Ῥωμαϊκῆς ἀρχαιότητος.
[7] Πομπήϊον.
[8] Киры, Куры - сабинское поселение в древней Италии.
[9] Имеющий силу, власть, законную власть, господин, хозяин.
[10] Господин по отношению к рабам, владелец, неограниченный повелитель, царь.

(6) 1. Могущественнее же царской власти Кесаря достоинство, так как и дать государей издавна народу право [он] имел.

2. Ненавистное ведь, и римской свободы чуждое деспотов, но не государей властвующих название, так как деспотов имя общее есть им, и одного беглого раба приобретшим себе, это же [имя] государей - их и только.

3. И ясно прямо, что римлянам обычай - называть сделавшихся неограниченными правителями dominos[2], как, конечно, Суллу и Мария, и владычество тираннии. Каковым образом ниспровергают величие государей испорченные льстецы, из невежества выводящие, что [среди] рабов они первенствуют.

4. Что же истинно, позволено и от них брать. Август когда, или скоро Тиберий, кто после него, одинаково льстецами δεσπότης[3] названные, встав, распустил [народное] собрание, считая недостойным, как [он] сказал, с рабами разговаривать. Но уже раннее [это название] словно в честь надменности введенное и удручающее, возвышает собой наикротчайшего государя нашего гуманность, хотя над всеми еще когда-нибудь царствовавшими [более] умеренный, и δεσπότης как отец добрый называемый, чему не радуется, но краской стыда больше тех, которые полагают почитание, выражает, что не допустимо [такое].

Инсигнии царей

(7) 1. И перед Ромулом инсигния государства латинов – трон огороженный и парадное платье, называемое у них τραβαία[4]: какого же рода какое было, скажу немного позже.

2. Откуда римлян поэт, в книге седьмой «Энеиды»[5] описывающий царство Латина [6], упоминает трон и трабею.

3. Ромулу же даже и венок был [дан], и жезл, орла имеющий близ вершины, и φαιλόνης[7] белая доходящая до ног, от плеч впереди до ступней пурпуровыми тканями исполосованная (имя же фелони – τόγα[8] как если бы покрывало, от τέγερε[9] по соответствию – таким образом ведь покрывание[10] римляне называют), и обувь[11] пурпуровая – κόθορνος[12] имя ее, по Коккейяну[13].

---

[1] Государями.

[2] Dominus – (лат.) господин, хозяин, владелец, повелитель.

[3] Δεσπότης - (др.-греч.) господин, хозяин, владелец, неограниченный повелитель.

[4] Trabea – (лат.) трабея, парадная одежда – белый плащ с пурпурными полосами, который надевали римские цари, консулы, а в торжественных случаях также всадники и авгуры; при императорах он был пурпурный.

[5] Αἰνηΐς.

[6] VII. 168-169,187-189.

[7] Paenula – (лат.) фелонь, пенула, теплый плащ с капюшоном.

[8] Toga – (лат.) тога, римская верхняя гражданская одежда.

[9] Tegere – (лат.) крыть, покрывать, скрывать, окутывать.

[10] Τό σκέπειν.

[11] Ὑπόδημα – (др.-греч.) обувь, сандалий, подошва, подвязываемая под ноги.

[12] Cothurnus – (лат.) – высокая греческая обувь на толстой подошве, котурн.

[13] Dio Cassius, fr.6 (ed. U.P. Boissevain Cassii Dioni Historiarum Romanorum quae supersunt I).

4. И общий был этот вот наружный образ так называемой тоги для самого ρηγί [царя], и для подданных в мирное время; однако τραβαία одного только царя делалась παρατοῦρα[1], как если бы платье-инсигния:

5. хитон же был покрывалом, имевшим форму полукруга, что первый Агатоклей сицилийский тиранн изобрел это слово. Трон же σόλιον[2] туземцами назван вместо σελλίον[3] по соответствию, как говорит римлянин Аспр. Или и по-другому σόλιον вместо σόλιδον[4] назвали, как если бы [было нечто] целое.

6. Ведь вполне выросший пень выкапывавшие [его] приводили к форме сосуда и сидения как возвышение царское, чтобы, словно в какой-либо шкатулке укрепить тело царя, как со спины, так и от боков каждого из двух, ни одного соединения или приложенного дерева связывающего сиденье [не было], сразу вполне совершенным и целым найденное [было оно].

7. Поэтому σόλιον царский трон называли.

(8) 1. К этому [в дополнение] предшествовали Ромулу двенадцать секир, по числу коршунов, которых видел он, начиная полагать основание городу [Риму].

2. [От] Приска же Тарквиния царя более позднего, тусков и сабинов в войне победившего, добавлены были царской власти признаками копья длинные, точно таким же числом двенадцать, верхушкой острия мечей же не имеющие, а развевавшиеся же гривы [имевшие]; зовут же их римляне ἰούβας[5], варвары же – τούφας[6], что есть небольшое искажение речи; βηξίλλα[7] кроме них, как если бы копья большие, из подвешенных тканей: φλάμμουλα[8] их от огненного цвета краски называют: об этом в сочинении «О месяцах» нами достаточно приведено. Такие вот [были] инсигнии того времени у царской власти.

(9) 1. О вооруженных войсках Паттерн римлянин в первой [книге] «Тактик»[9] этими речами с объяснением так говорит: «Ромул же курионов, о священном заботящихся, во главе ставил их, и центурионов τῶν πεζικῶν ταγμάτων[10] назвавший.

2. Трех тысяч ведь бывших пеших щитоносцев, каждой сотни предводителя назначил, кого эллины же ἑκατοντάρχον[11], римляне же κεντουρίωνα[12] называют, что есть всех центурионов тридцать. И столько же манипул, как если бы знаменосных. Из войск же триста σκουτάτους[13], как римляне говорят вместо

---

[1] Paratura – (лат.) – снаряжение, приобретение, достояние.
[2] Solium – (лат.) престол, трон, царская власть, царство, кресло.
[3] Sella – (лат.) стул, кресло, престол, трон, кафедра.
[4] Solidum – (лат.) плотное, целое, полная сумма.
[5] Juba – (лат.) грива, гребень.
[6] Tufa – (лат.) султан (на шлеме).
[7] Vexillum – (лат.) знамя.
[8] Flammula – (лат.) небольшое пламя, огонек.
[9] Τακτικῶν.
[10] Pedestrium ordinum – (лат.) пеший строй (легион).
[11] Сотник, предводитель сотни.
[12] Centurio – (лат.) командир центурии, центурион.
[13] Scutatus – (лат.) скутарий, щитоносец, вооруженный scutum.

«щитоносцы»[1], к охране собственной определил» (и немного после будет сказано, какой же есть κλιπεάτος[2], какой же σκουτάτος воин).

3. «Прибавил же и триста всадников мощью, Келера, кто так назывался, заботе передавая:

4. так синекдотично[3] тогда [было] наименовано все войско κελέριοι[4]. В трех же сотнях собираемую конную силу, тремя именами ее разделил – Рамнитов и Титиев поставивший, и Лукеров». Причины этих наименований мы представили в составленном нами [сочинении] «О месяцах», как уже говорилось.

(10) 1. Сказать [теперь] надлежащее время, что отличает скутум от клипеуса.

2. Скутум итак римляне зовут крепкое, вместе с тем и тонкое, какое именно эллины στιπτός[5] называют, или крепкое, как Аристофан в «Ахарнянках»[6]: «*утоптанные («убитые»)* старики, сражавшиеся при Марафоне, дубовые»[7].

3. Таким образом, σκουτλάτα[8] и тонкую, и непроницаемую, и легкую одежду зовут римляне.

4. Точно так щита же устройство: нетяжелое есть как тонкое, прочнейшее же и ударам нелегко уступает.

5. Клипеусом же римляне продолговатый щит зовут, от κλέπτειν[9], и καλύπτειν[10] носящего его.

6. Эллинам ведь свойственно и единственным щитами очень круглыми в войне пользоваться, варварам же – продолговатыми: ведь при побуждении к сражению ворота взламывают [они], и как прикрытие их привыкли использовать.

(11) 1. Есть же и другой вид щита, более короткого, какой, не будучи способными сражаться пешими, те скифы, кто по ту сторону Истра живет, на лошадях возят (πάρμαν[11] их италийцы называют), как пелты[12],

2. ἀγκίλιον[13], кроме того, в древности появился (нет же ведь его ныне) - небольшой дисковидный щит, от него и ἀγκίλας[1] приобретенных копьем в плен женщин называли:

---

[1] Ἀσπιδιώτας.

[2] Clipeatus – (лат.) клипеарий, щитоносец, вооруженный clypeus.

[3] Синекдоха – оборот речи, основанный на перенесении значения с одного явления на другое по признаку количественного отношения между ними.

[4] Celerus (Келер) - имя начальника; хотя также celer – (лат.) скорый, быстрый.

[5] Στιπτός, στειπτός – (др.-греч.) утоптанный, сбитый, крепкий.

[6] Αχαρνεῦσι.

[7] 180-181.

[8] Scutulatus – (лат.) разделенный на прямоугольники, или ромбы, клетчатый.

[9] Κλέπτω – (др.-греч.) похищать, воровать, скрывать, утаивать.

[10] Καλύπτω – (др.-греч.) покрывать.

[11] Parma – (лат.) парма, небольшой круглый щит.

[12] Πέλτη – (др.-греч.) легкий полукруглый щит, деревянный или плетенный, обтянутый кожей, без металлического ободка, бывший в употреблении у варваров.

[13] Ancile – (лат.) священный щит (с выемками по бокам, по преданию, упавший с неба в царствование Нумы Помпилия и хранившийся — вместе с 11 его копьями — в Риме как святыня); небольшой овальный щит.

3. ведь понравившуюся ему случайно женщину солдат прикрывал щитом анкилием во время нападения, чтобы не был нанесен вред от кого-либо той, которая охранялась спасшим ее.

4. Так и σέρβους[2], от «быть спасенным из войны»[3], италийцы зовут рабов; кто же не копьем приобретены, но свободные по доле, из-за нужды ставшие рабами, – φαμούλους[4], потому что φάμης[5] голод именуют.

5. ἀγκίλια же от эллинского, эолийского, говорю, обозначения называется, как если бы ἀμφίλεια[6]: ведь пелтарии[7] у амазонок такие.

(12) 1. Платье же тогда всего римского войска одно: медный[8] шлем; и кольцевидный панцирь; и широкий, усеченный, меч подвешиваемый у благоназываемого[9] бедра; и два дротика на правой стороне, острия широкие имеющие; и тканные черные наголенники; и сандалии для ног, какие эллины арбуламі[10], римляне же γάρβουλα и κρηπῖδας[11] называют, – не поверхностно, как и не без здравого смысла. Ведь в «Статуях»[12] Теренций, по прозвищу[13] Варрон (Варрона же прозвание [означает] «мужественный»[14] на наречии кельтов, у финикийцев же обозначает иудея, как говорит Геренний), что Эней, таким образом одетый, в Италию пришел, некогда записал, видевший его статую, как сказано, из белого камня вытесанную, у источника в Альбе.

2. И очень правдиво получается: ведь и римлян поэт в первой книге «Энеиды» так одетого его и скитавшегося вместе с Ахатом в Ливии показывал[15].

3. А сарацины же в мирное время одежды из шкур диких зверей, от плеч сверху к голеням свешивавшиеся, носили, украшая их так называемыми подеонами[16] и γλούβας ими называемыми, как если бы [это была] содранная шкура, ведь γλουβᾶρε[17] сдирание кожи у римлян обычай звать.

4. И не одним солдатам таким образом быть одетыми, которые носят оружие, закон предписывает, но и автократорам[18].

---

[1] Ancilla – (лат.) служанка, прислужница, рабыня.
[2] Servus – (лат.) раб, невольник, слуга.
[3] Servo – (лат.) наблюдать, сторожить, охранять, оберегать, спасать, сохранять.
[4] Famulus – (лат.) прислуживающий, подвластный, покорный, слуга, служитель, прислужник.
[5] Fames – (лат.) голод, крайняя нужда, бедность, скудность, ненасытность, страстное желание, жажда, жадность.
[6] Ἀμφί – (др.-греч.) с обеих сторон, кругом, со всех сторон.
[7] Πελτάριον – (др.-греч.) уменьш. от πέλτη – небольшой легкий круглый щит.
[8] Бронзовый.
[9] Левого (эвфем.).
[10] Ἀρβύλη – (др.-греч.) башмак, покрывающий всю ногу, сапог.
[11] Κρηπίς - (др.-греч.) башмак, полусапог; crepida (лат.) - сандалия, обувь (прикрывавшая почти одну только подошву и прикреплявшаяся широким ремнем.
[12] Ταῖς Εἰκόσι.
[13] Cognomen.
[14] Ἀνδρεῖον.
[15] I. 312-313.
[16] Ποδεών – (др.-греч.) кончик, концы шкуры, ноги, хвост шкуры.
[17] Glubare – (лат.) снимать кожу, обдирать.
[18] Командирам.

5. Сейчас же среди солдат, варварам подражающих, из вышеупомянутых же этих, у единственных стражей Палатия (называются же у римлян ἐκσκουβίτορες[1], как если бы стражи неусыпные[2], их первый после Ромула Тиберий Кесарь изобрел) такой же передан наружный облик от Ромула, как сказано, от Энея начало имеющий:

6. не позволено ведь римлянам варварское платье надевать. И это Транквилл в [сочинении] «Об Августе»[3] упоминает[4].

7. Что увидевший, ведь говорит, Август на скачках некоторых из римлян, одетых в варварское, был так раздосадован, что в короткое время осужденные, сбросившие варварское, едва были признаны Кесарем. Такое же, итак, Ромула войско было.

(13) 1. И, что называемые же ἀττησίωνας[5] для служения царям придуманы, предполагаю, для поднятия и перенесения необходимого, совершенно как νοκτούρνους[6] для движимого имущества и другого, которое для спящего полезно.

2. Цицерон ведь многоизвестный в [сочинении] «На Верреса»[7] упоминает такие наименования[8]; ἀττέντους[9] домашних прислужников царей называли от пребывания в напряжении и повиновения им: αττένδερε[10] ведь римляне страстное рвение в чем-либо называют.

Первый ранг: начальник конницы

(14) 1. Итак, как сказано мною, сражающиеся в пешем строю военные силы – гекатонтархам[11], конницу – Келеру, прежде целым войском предводительствовавшему, [Ромул] передал, чтобы всеми военными силами и судьбой, и управлением он владел, побужденный; каким образом другой никто - или только венок, что царская власть от начальника[12] удерживает, – [как] прерогативу, не имеющую господина сама по себе.

2. Такую власть и цари, и диктаторы имели все, и наконец Кесари, эпархом гиппарха переназвавшие: и свидетель Аврелий[13], сведущий в законах, этими словами при объяснении того сказавший: «Вкратце сказать полезно, откуда начало преторианский префект[14] имеет.

---

[1] Excubitor – (лат.) караульный, часовой, страж.
[2] Cubito – (лат.) часто лежать, полеживать; cubitor – (лат.) склонный ложиться, любящий валяться.
[3] Περί Αὐγούστου.
[4] Suetonius Augustus 40.5.
[5] Attentio – (лат.) напряжение, напряженность.
[6] Nocturnus – (лат.) ночной.
[7] Κατά Βέρρου.
[8] In Verrem act. sec. I.71, II.69, 74, III.154,157 (accensus), 139 (accensio).
[9] Attentus – (лат.) напряженный, внимательный, сосредоточенный.
[10] Attendere – (лат.) напрягать, насторожить, внимательно следить, заботиться.
[11] Центурионам.
[12] Гиппарха; разночтения в первой букве: ἔπαρχος / ἱππάρχος.
[13] De Officio Praefecti Pretorio, in Digesta I, tit. XI.I.
[14] Πραιτωρίων ὕπαρχος.

3. От гиппарха[1], скорее всего: на место упомянутого, ведь говорят, что эпарх[2] подготавливался. Древним [диктаторам] временно вся власть в делах вверяема была.

4. Выбирали [диктаторы] самим себе предводителя всадников каждый раз сообщником как в магистратуре, так и в управлении делами.

5. Когда же власть позже на автократоров перелегла, по подобию от гиппарха преторианский выдвигался эпарх. И передавалась ему бóльшая, чем вышеупомянутому, сила и в управлении делами, и в учреждении и упражнении войск, и в исправлении всего вместе к настолько большому превосходству выдвигался, что никому нельзя было прибегнуть к апелляции или полностью обжаловать его решение».

(15) 1. И тогда же законодатель [сказал, что] потому же, что даже если бы случайно старше и больше всех магистратов преторианской эпархии быть дано, – необходимо было, и в то же время, соответствующе посредством [описания] всего ее устройства и могущества вывести [эту] мысль;

2. но, конечно, после того, как не сначала, – от Августа же – вместо гиппарха, как я говорил, [префект претория] был учрежден, будет достаточным до тех пор о древности говорить, и откуда эпархия имеет рождение;

3. потом после рассказа о более древних магистратах, [существовавших] в преддверии царствования Августа, от которого, как я сказал, и имел магистрат начала, – по порядку все, и у скольких [как] все в мельчайших [деталях] разделено; потом же и о той, которая совершалась под ней, – величайшей, что истинно, должности, в которой и мне довелось служить, я остроумно буду рассказывать (ибо знаю не по слухам, но их делам содействуя своей деятельностью),

4. благодарность, как будто приношение дружественное эфорам магистрата вознося, пристально наблюдавшим и, вместе с тем, благопристойно нас, и после Бога – всего Господина, –и награды трудов, и конец отличный, и долю лучшую доставивших.

Второе достоинство: патриции

(16) 1. Ясно прямо, что сто числом старцев из всех κουριῶν[3] (вместо «филы[4]») выбрал себе Ромул для рассмотрения общественных дел, кого он отцами[5], италийцы же πατρικίους[6] назвали вместо «эвпатриды[7]».

2. После же похищения сабинянок conscriptos[8] их наименовал, как если бы приписанных, откуда титул patres conscripti[1] римлян магистраты еще и ныне

---

[1] Ἱππάρχος – (др.-греч.) магистер конницы.
[2] Ἔπαρχος – (др.-греч.) начальник, правитель.
[3] Curia - (лат.) курия, каждая из 30 категорий (общин) патрициата (по 10 в каждой трибе), состоявшая из 10 родов.
[4] Φῦλον – (др.-греч.) поколение, племя.
[5] Πατήρ – (др.-греч.) отец.
[6] Patricius – (лат.) патриций, принадлежащий к родовой римской знати; patricus – (лат.) отцовский.
[7] Ἐυπατρίδης – (др.-греч.) имеющий благородного отца, благородный, знатный.
[8] Conscriptus – (лат.) приписанный, внесенный в список.

принимают, – но также других тридцать курий, и такое же число гекатонтархов, и триста других всадников из сабинского народа к римскому присчитал войску, каковым образом стало всего сражающихся пешими же шесть тысяч, а всадников – шестьсот.

3. И такое число Марий позже сохранил, называемое λεγιῶνας[2] как если бы [это было] отборное[3] формирование. И Лев же василевс, первый так называемых экскувиторов на пороге дворца охраной впереди выставивший, три сотни только на службе учредил в соответствии с древностью.

(17) 1. Инсигниями же отцов, или патрициев, были двойные плащи, или же хламиды, которые от плеч до голеней простирались, золотыми застежками стягиваемые, [темно-красного] цвета сухих виноградных листьев, пурпуровой краской посередине отмеченные (λατικλαβίας[4] ее называли, хламиды же – ἀτραβαττικάς из-за цветов, потому что темный [цвет] у них ἄτρον[5] называется),

2. и παραγῶδαι, хитоны, снабженные острием с пурпурной каймой, полностью белые, рукава имеющие (μάνικας[6] их вышеупомянутые называют, такие хитоны παραγαύδας[7] множество людей приучились именовать; в древности, однако, хитон παραγαύδης – признак персов и савроматов, как рассказывает Диогениан лексикограф)

3. и околоножные [тканые] покрытия белые, все бедро и голень до ступни покрывающие, и обувь черная, ὑποσάνδαλον[8]: на всем протяжении [ступня] обнажена, с некоторым незначительным возвышением пятки, а на конце пальцы стопы стягиваются шнуровкой, из ремешков, с обеих сторон на костях лодыжки, под низом стопы протянувшись к икрам, взаимовстречающих друг друга и плотно связывающих ногу, так что очень маленькой как от пальцев спереди, так и сзади показывается сандалия, вся ступня же около голени просвечивается.

4. κάμπαγον[9] их называют от «на κάμπον[10]» как если бы «на равнине[11]», употребляемое еще и ныне: ведь на равнину являлись, чтобы высшие должности магистратам назначить, римляне – туда в такой отправлялись обуви.

5. Что такие кампаги от тусков произошли сначала, говорит Лепид в [книге] «О жрецах»[1].

---

[1] Patres conscripti – (лат.) отцы приписанные; отцы сенаторы, законодатели. В древнем Риме - почетный титул сенаторов: первоначально - patres et conscripti, две различные группы: patres – «отцы» патрицианских родов, conscripti – «приписанные» к основному составу сената из всаднического сословия.

[2] Legio – (лат.) легион, римское воинское соединение.

[3] Λογάς – (др.-греч.) избранный, отборный; λέγω – (др.-греч.) собирать, выбирать, избирать, считать.

[4] Laticlavia – (лат.) – латиклавия, тога с широкой пурпурной каймой; laticlavium – (лат.) латиклавий, широкая пупурная полоса на тунике.

[5] Ater , atra, atrum – (лат.) темный, черный, цвета сажи.

[6] Manica – (лат.) длинный рукав туники.

[7] Paragauda – (лат.) кайма, платье с обшивкой.

[8] Σανδάλιον – (др.-греч.) сандалий, род башмака, состоящий из одной только подошвы, деревянной или кожаной, прикрепляемый к ноге посредством ремешков; лат.: sandalium – сандалия.

[9] Campagus – (лат.) полуоткрытая обувь с ременной шнуровкой.

[10] Campus – (лат.) открытое поле, равнина, степь.

[11] Τό πεδίον – (др.-греч.).

(18) 1. Выступление патрициев на ногах никогда же [не совершалось], но даже не верхом на лошади (общим ведь кажется), – но на колесницах в качестве отличительного признака, на возвышенном сидении поверх они восседали, четыре мула влекли повозку, из коринфской меди с множеством вырезанных изображений и рельефов, древность показывающих.

2. Никому ведь не позволено коней запрягать в колесницу, кроме как одним только царям: триумфальный ведь с лошадьми в колеснице выход. βουριχάλλια[2] же повозка от быков называется – без них, когда тяжесть не лежит, мулам вверяют ярмо.

Почему римляне, чтобы описать титулы, использовали официальные названия их достоинств

(19) 1. Тит Таций, вождь сабинов, как я раньше сказал, объединился с римлянами, таким образом, соединив два народа, так что больше не два, но одно и единственное возносится римлян государство.

2. Так как Τίτος Τάτιος именем вышеупомянутый имел, ласкательно τίτυλον[3] от первого Тита объявление благородства назвали, и благородных Титов [род] от предков, как римлянин Персий[4] говорит. Нечто таковое же о достоинствах [можно сказать].

(20) 1. Всякой же чести предпочитали патриции Рима хорошую славу от оказываемых милостей, и насколько больше имели делающимися близкими людей, настолько бо́льшей славу против тех, у кого меньше, полагали.

2. И свидетель [здесь] - римлянин Ювенал[5], говорящий, [что] и консульств, и триумфов, и в сражениях подвигов превосходнее в древности возникшая от благодеяний слава.

3. Делающихся близкими они κλιέντης[6] вместо κολιέντης[7] в соответствии с родным языком называют, как если бы почитающих и любящих их, со всей честью и скромностью с помощью даров делающих приятное, подобно тому как щедрость друзей уважение выражает.

4. Никто же, сделавшийся другом эвпатрида, не нуждался в другом на будущее, на всю жизнь утешение [получивший] – позор от оставляемых одних и собственной фортуной оставление, если где-нибудь кто-то из его друзей к другому направится с нуждой.

5. И слабый след этого до нашего времени у римлян сохранялся.

6. Ведь близ Остии (город же, у устья Тибра лежащий) [патриции] посылали из Рима избранных самых близких родственников, чтобы как добычу прекрасную, прибывающих чужестранцев принимая, вели к ним - со всей щедро-

---

[1] Περί ἱερέων.

[2] Burrichus – (лат.) лошадь малорослой породы.

[3] Titulus – (лат.) надпись, почетное звание, славное имя.

[4] Saturae I.20.

[5] Saturae V.110-111.

[6] Cliens – (лат.) подчиненный, зависимый.

[7] Colens – (лат.) чтущий, почитающий, приверженец.

стью добровольными приношениями открывших всякому дворовые ворота и дома бóльшую часть: никакой страж или привратник не препятствовал входу нуждающихся, – тем эвпатридам, с женами и детьми являющимся чужестранцам и удостаивающим доверия тех, кого они никогда не видели.

7. Пришло, однако, и до нашего времени в Рим таковое человеколюбие, а после не установилось [из-за] знатных, только себе самим показывающих превосходство судьбы.

Как получается, что римляне имеют два, три или более имен

(21) 1. И даже перед Ромулом мог бы найти кто-либо Сильвиев - царей [этой] земли, наименованных от Сильвия Энея, от первого Энея [происходящего].

2. В лесах[1] ведь жилища имея сначала и пастушескую почитая жизнь, Сильвиями себя величественно именовали, ничто эти цари не презирали, пася стада и деньги собирая от них: откуда и πεκουνίαν[2] от них деньги называют.

3. Также древность знала[3], что и Эвандра Тегейца когда-то собаки[4] сопровождали.

4. И не на одних только мужей Сильвиев прозвище[5], но и на женщин налагали, как Рее Сильвии и Илии Сильвии.

5. После рождения Рима и похищения сабинянок царь Нума первый двойное имя принял, Помпилий Нума прозванный, кого от римлян и сабинян прозвище было: никто ведь перед ним не находится, Ромул или кто-то вообще перед присоединением сабинян к римлянам, кто кроме существующего своего собственного имя приобретал.

(22) 1. И тогда же усердие и красота стали вышеупомянутыми от каждого из двух народов возвеличиваться именем. Отправляющееся вперед время вводило новые прозвища, именно же: от троянского благородного происхождения; от так называемых аборигинов и коренных жителей страны (ибо знаем, что Цетег от вышеупомянутых родов тянет происхождение, считающий достойным быть не защищенным одеждой, единственную шершавую тогу вокруг груди полагая, на форуме появлявшийся, хотя сенаторскими возвеличен инсигниями); после же и от характера или образа мыслей, как Публий Валерий Пупликола, у кого же два имени от римлян, как я сказал, и сабинян указывают славу, а третье же - от того, что любви к народу[6] показывал образ мыслей.

2. И необходимо быстро вместо многих умеренное количество упомянуть из обилия [имен], подобных этому: не живу ведь в досуге, чтобы праздно тра-

---

[1] Silva – (лат.) лес.

[2] Pecunia – (лат.) деньги, имущество, состояние, собственность.

[3] Vergilius, Aeneis VIII.462.

[4] Κύων, κυνός – (др.-греч.) собака; ср. pecunia (собака в роли символа пастушеской жизни).

[5] Cognomen.

[6] Publicola – «друг народа»: populus – (лат.) народ, народность, простой народ, плебс, народная масса, толпа; colo – (лат.) обрабатывать, возделывать, усердно заниматься, иметь попечение, заботиться, окружать вниманием.

тить время около этих изысканий, которые одни сами по себе способны занять обширнейшие книги.

(23) 1. Проклом, итак, находящемуся вне своего отечества[1] рожденного отцу, а Постумом – скончавшемуся [отцу рожденного, после его смерти][2], и Вописком – спасенного близнеца из двойни, когда другой погиб[3], и Кесарем – разрезыванием из умершей матери чрева спасенного[4] называли, и Флакком – уши большие [при рождении] имеющего[5], и Невием – пятна[6], и Лукием Ликинием Крассом, кого же первое – на восходе солнца рождение[7], второе - кудрявые кончики волос[8], третье – мясистое и крепкое тело[9] обозначают:

2. κράσσος ведь плотное[10] тело по природе италийцами в древности обозначалось. Пинарий же – голодный[11], Статес - хорошего возраста[12], Фавст – счастливый[13], и Фабий – благоволящий[14], Гай (как если бы γαύδιος) – приятный[15], и Тиберий – у реки Тибра[16] рожденный, и Тит от Тация сабинов [вождя][17], и Аппий – возле Аппии обитающий (дорога[18] же есть знаменитая), и Сервий – от умершей беременной им матери спасенный[19], и Нерон – «сильный»[20] на сабинян наречии, Назон – с хорошим носом[21], и Тукка – кто ест мясо[22], кого невежды ζικκάν назвали в наше время, и Вар и Блес – кривоногий[23], и Серран – земледельческий от «сеять»[24], и Август – благопредзнаменованный[25], и Вителлий –

[1] Procul – (лат.) вдали, поодаль, далеко, вне.
[2] Post – (лат.) затем, потом, после.
[3] Vopiscus – (лат.) оставшийся в живых близнец (при преждевременном рождении и смерти второго).
[4] Caedo – (лат.) сечь, рубить, разбивать.
[5] Flaccus – (лат.) вялый, обвислый, вислоухий.
[6] Naevius – (лат.) с родимым пятном на теле.
[7] Lucus – (лат.) свет, день.
[8] Cincinnus – (лат.) кудрявые волосы.
[9] Crassus – (лат.) толстый, плотный, жирный, тучный, крепкий, сильный.
[10] Παχύς – (др.-греч.) толстый, тучный, плотный, крепкий, объемистый, густой.
[11] Πεινάω – (др.-греч.) быть голодным, голодать, хотеть есть.
[12] Status – (лат.) совершеннолетие мужчины, 25-летний возраст.
[13] Faustus – (лат.) счастливый, благоприятный.
[14] Faveo – (лат.) благоприятствовать, благоволить, покровительствовать.
[15] Gaudeo – (лат.) радоваться, любить, наслаждаться, находить удовольствие.
[16] Лат.: Tiberis.
[17] См. 19.2.
[18] Appia – (лат.) Аппиева дорога (первая стратегическая дорога римлян, проложенная в 312 г. до н.э. по инициативе Аппип Клавдия Слепого; она доходила сначала до Капуи, а при Траяне была доведена до Брундизия).
[19] Servo – (лат.) охранять, оберегать, спасать, выручать.
[20] Nervus – (лат.) сила, крепость, мощь.
[21] Nasus – (лат.) нос.
[22] Tuccetum – (лат.) колбасный рулет.
[23] Varus – (лат.) кривоногий, хотя blaesus – (лат.) пришептывающий, шепелявый, запинающийся, с заплетающимся языком.
[24] Sero – (лат.) сеять, сажать, засевать, рождать, порождать, производить на свет.
[25] Augustus – (лат.) возвышенный, священный, величественный, почтенный.

шафранно-желтый видом, так как βιτέλλον римляне желток яйца[1] называют, и Варрон, согласно финикийцам «иудей», кельтам же - «мужественный»[2].

3. И многое такое кто-либо собрал бы на досуге, если случайно ему, не имея чем заняться, беззаботно бы удалось проживать, и о таких, каких я, хотя бесчисленными заботами оплетен, глупых забавах радеть.

Третье достоинство: квесторы

(24) 1. Доверие писателям древних дает свидетельства.

2. Юний, итак, Гракхан, в чьей [книге] «О властях»[3] этими словами о называемом у римлян κυαίστωρος[4] [сказано]: «назначался выбором[5] народа.

3. Туллий, царь[6], после тех [правивший], по необходимости квестора магистрат отделил, как большинство историков ему эту должность приписали, и единственному.

4. Что таким образом это называется от отыскивания[7], Юний и Требатий, и Фенестела сказали». И затем другое: «позднее избирались только κανδιδάτοι[8] государя квесторами, которые только чтению царских записей посвящали досуг: они же и решения совета Сената зачитывали о к почету продвигавшихся». Такое же Юний говорит, законовед Ульпиан в «De officio quaestoris[9]» (вместо «О квесторов должности»[10]) о квесторах достаточно рассуждает.

(25) 1. Найти, что заслуживающее упоминания есть, полагаю, что же есть κυαίστωρ, а что – κυαισίτωρ[11], и что обозначает через двоезвучие записываемое, а что – [через] единственный [звук].

2. κυαίστωρ, итак, «искатель»[12], от quaerere[13], одинаковому «разыскивать»[14], – они же у эллинов ἐρευνάδες, у римлян κυαίστωρες называются.

3. κυαισίτωρ же «страж чести»[15] (ведь первое у римлян двусложное[16], а следующее – трехсложное[17]):

---

[1] Vitellus – (лат.) яичный желток.
[2] См. 12.1.
[3] Περί ἐξουσιῶν.
[4] Quaestor – (лат.) квестор.
[5] Ψήφῳ.
[6] Rex.
[7] Quaestio – (лат.) поиски, разыскивание.
[8] Candidatus – (лат.) кандидат, одетый в белое платье, домогающийся должности, претендент на пост (в этом случае надевалась белая тога).
[9] О должности квесторов.
[10] Περί τῆς τοῦ κυαίστωρος τάξεως.
[11] Quaesitor – (лат.) квезитор, ведущий следствие, следователь.
[12] Ζητητής.
[13] Искать, разыскивать (лат.).
[14] Ἐρευνάω – (др.-греч.) разыскивать, отыскивать, исследовать.
[15] Τιμωρός – (др.-греч.) охраняющий чью-либо честь, помогающий обиженному, мстящий, карающий, заступник, мститель, каратель.
[16] Quaes-tor, κυαίσ-τωρ.
[17] Quae-si-tor, κυαι-σί-τωρ.

4. ведь только для Миноса Критского, который являлся [подобным] стражем душ в Аиде согласно мифам, квезитора имя поэт римлян в шестой [книге] «Энеиды»[1] налагает.

5. Откуда и κυαιστίωνας[2] справедливое наказание и κυαιστιοναρίους[3] служителей, ответственных за наказание, римляне знали называть.

6. Ведь квестор – искатель есть денег, а при растягивании и добавлении слога – обвинитель: каждый из двух же через дифтонг записывался, если даже казначея обозначая, так как κυαίστους[4] средство к выгоде [от приобретения доходов] у римлян зовется.

7. Когда же не было дифтонга ἦ[5] в начале слога, но просто писался[6], - ни то, ни другое из исследованного не обозначал, – жалобу и хулу через письмо показывая, так как queror[7] – «жаловаться»[8], общим словом страдание, вместе с тем, и деятельность указывая: говорят, и κυεριμονίας[9], и κυερήλας[10] – жалующиеся.

(26) 1. Что не случайно жалкие мелочи хитросплетений представляем, мудрствуя, – у занимавшихся этими вещами узнаем.

2. Гай[11], итак, законовед, в записанном им Ad Legem XII Tabularum[12] (как если бы «К законам двенадцати таблиц»[13]) этими словами с объяснениями такое говорит:

«Как же государственная казна народа к умножению шла, стали назначаться квесторы для попечения над ней, из-за сохранения и охраны денег так названные.

3. После того же, как о наказании головы не позволено магистратами против римского гражданина голосовать[14], стали назначаться κυαίστωρες παρρικίδιοι», которые бы могли разбирать [дела] и судить убийц[15] граждан.

4. παρρικίδας же римляне одноименно и убийцам родителей, и граждан города дают прозвища, παρέντης[16] и тех и других называющие.

5. Различие же в наименованиях этих доставляют следующим: уменьшают ведь первый слог и таким образом, сокращенным – родителей, растянутым – подданных[1] обозначают.

---

[1] VI. 432-433.
[2] Quaestio – (лат.) исследование, рассмотрение, судебное расследование, следствие.
[3] Quaestionarius - (лат.) заплечных дел мастер, палач.
[4] Quaestus – (лат.) стяжание, добывание, приобретение прибыль, выгода, доход.
[5] Дифтонг -ae- (лат.).
[6] Que- вместо quae-.
[7] Queror – (лат.) жаловаться, издавать жалобные крики, подавать жалобу в суд.
[8] Μέμφομαι – (др.-греч.) порицать, бранить, упрекать, жаловаться, сердиться, быть недовольным.
[9] Querimonia – (лат.) жалоба, сетование.
[10] Querela – (лат.) жалобный вопль, судебная жалоба.
[11] Данные слова - не Гая (Gaius), а Помпония (Pomponius), Enchiridium (Dig. I tit., II.22-23).
[12] На Законы 12 таблиц.
[13] Ἐις τόν νόμον τοῦ δυοκαιδεκαδέλτου.
[14] Ψηφίσασθαι.
[15] Parricidium - (лат.) злодеяние, государственная измена, предательство; убийство ближайших родственников, родителей.
[16] Parentes.

(27) 1. В двести [сорок] третий[2] год консулов, в консульство Регула и Юния, когда римляне решили вести войну с союзниками Пирра Эпирота, была приготовлена экспедиция и назначены так называемые κλασσικοί[3] (как если бы навархи) числом 12[4] κυαίστωρες, каковые – казначеи и собиратели денег; чем же отличается квестор от квезитора, мы определили.

2. И сохранен такой обычай и собирание средств как консулами, так и преторами, находящимися вне отечества.

(28) 1. О квесторах Палатия чему бы то ни было тяжело подвергнуться тлению благодаря законоведу Ульпиану[5] - говорит ведь [он] в единственной книге «О квесторах должности»[6]: «Только выбирались квесторами κανδιδάτοι Кесаря; они ведь единственно книг в Сенате чтению посвящали досуг, и письмами царскими услуживали[7]».

2. κανδιδάτους[8] же, одетых в белое[9], римлянам обычай [есть] называть. Никто же речь, какую бы то ни было, не будет читать, особенно от лица василевса, не в белых одеждах приступая к чтению.

3. κανδιδάτοι же и намеревающиеся к провинциальным магистратурам быть допущенными назывались, потому что и они в белое одетые выходили, этим проявляя, что к магистратуре стремятся.

4. И свидетель этого – каждый, кто не лишен [знания] римской истории.

5. Ведь, что ни один из магистров другим, кроме [надеваемого] в праздники, платьем не пользовался, всякому известно; и не только в Риме, но и в провинциях такую же силу имело это, [как] я упоминал, до тех пор, пока местные советы управляли городами, вместе с их общей гибелью постепенно исчез и вид этого.

(29) 1. Что такие магистраты римлянами управляли во времена царей в течение двухсот сорока трех лет, сколько цари правили, общая история передает. А после, как во тьме, свободы просияло имя.

Консульства и их знаки отличия

(30) 1. Эллины консулов высокими и великими[1] называют, не стремясь к истинному обозначению имени. Ведь κόνσουλ[2], как италийцы [его] природу передали, не высокого, но председателя совета обозначает.

---

[1] Parens – (лат.) 1) родители, предки, родоначальник, основатель, родственник 2) послушный, покорный, подданный.

[2] 267-266 г. до н.э.

[3] Classicus – (лат.) относящийся к флоту, флотский, морской.

[4] Считается ошибкой – скорее всего 2, связано с сочетанием ΤΩΙΑΡΙΘΜΩΙΒ, где предпоследняя буква – подписная йота дат. ед. в слове «числом», а последняя – число «2» (τῷ ἀριθμῷ Β), что было прочитано как «12».

[5] De Officio Quaestoris (Dig. I tit. XIII).

[6] Περί τῆς τοῦ κυαίστωρος τάξεως.

[7] Codex Theodosianus 1.8, 6.9, 7.62.

[8] Candidatus.

[9] Candeo – (лат.) быть белым, блестящим, блистать, сиять; candor – (лат.) белизна, блеск, сияние, яркость, чистота.

2. Κόνσος[3] ведь ими Посейдон считался. Скрыт же он, и под водой, и как поэтам нравится [обозначать], Энносигей и Эносихтон[4]; если же что-то тайное, это оставлено скрытым.

3. Таким образом, и κονσίλια[5] – советы и тайные обсуждения называются у вышеуказанных, от κόνδερε[6] как если бы «утаивать»[7], и κόνσουλ – «скрывающий свои мысли»[8], оттого, что заранее обдумывает и во имя республики наблюдая, бодрствует.

4. Таким образом, и κονσουάλια[9] конные скачки называли древние: ведь миф называет Посейдона Конным.

5. Нечто такое об италийских консулов обозначениях.

(31) 1. Так как среди всех не узнал ни один имена первых, бывших консулами, немного слов о Бруте нужно сказать.

2. Юний – собственное имя этого мужа было, Брутом же его в соответствии с обычаем прозвищ называли от глупости, объясняемой этим: βροῦτον[10] ведь глупость италийцы обычно издревле называли [так] от тяжести ума.

3. Он, как я сказал, бесхитростность изображая, искал удобный случай Тарквиния, мужа некогда из тиранов жесточайшего, изгнать от власти.

4. Как же, замедлившись в Афинах по причине законов с теми, кто с ним для этого римлянами послан, попросил бога путь указать и содействовать ему в нем, ответило ему божество, что если на родину вернувшись, перед всяким устроением [дел] мать обнимет и пылко заключит [в объятьях], то достигнет желаемого.

5. И действительно, прибыв в Рим и землю [в объятья] заключая (она же мать всех), [он] освободил римлян от тирании, магистратуру изобретя, ни одному народу не известную, даже если у евреев Даниил, [среди] пророков божественнейший, у ассирийцев некогда появившихся, ὑπάτων упоминает[11].

6. Ничего этого ведь он сам не оставил на еврейском языке, как Аристей говорит[12]: но толкователи священных изречений у Птолемея некогда вместо «вельможи»[13] и «советники»[14] ὑπάτους говорили, – тогда еще не поднялась у римлян магистратура в новом во всем могуществе своем удивительном.

---

[1] Ὑπάτος – (др.-греч.) – самый высший, высочайший, верховный; ср. ὑπάτος – (др.-греч.) консул.
[2] Consul.
[3] Consus - (лат.) древнеримское божество земледелия, впоследствии отождествленное с Нептуном.
[4] Ἐννοσίγαιος, ἐνοσιχθών – (др.-греч.) досл. потрясатель, колебатель земли, эпитеты Посейдона.
[5] Consilia.
[6] Condere (лат.) укрывать, прятать, хранить, таить, таиться.
[7] Κρύπτειν.
[8] Κρυψίνους.
[9] Consualia – (лат.) Консуалии, ежегодные празднества с состязаниями в Риме в честь божества Consus (21 августа и 15 декабря).
[10] Brutus – (лат.) тяжелый, косный, тупой, бессмысленный.
[11] LXX Septuaginta, Daniel III.2.
[12] Epistula Ad Philocratem (ed. P. Wendland 157).
[13] Δυνάστης – (др.-греч.) могущественный человек, правитель, повелитель, царь, вельможа.
[14] Βουλευτής – (др.-греч.) советник, член совета.

7. Таким образом, рассмотрев это, должно сказать об инсигниях консульства.

(32) 1. Белые фелони, доходящие до пят, и κολοβοί[1], умеренно по сравнению с фелонью поднятые вверх, обозначенные широкой пурпурной полосой, от каждого из двух плеч, у фелони – спереди, а у колобия – сзади;

2. и обувь белая (ἀλούταν[2] от квасцовой [обработанной и обезжиренной солями] кожи называют римляне, потому что ἄλυμεν[3] у них «квасцы»[4] говорится);

3. и платок белый из льна с правой стороны – инсигния консулов была (μάππαν[5] и φακιόλην[6] туземцами названные, так как φακίης[7] у них «наружность»[8] называется);

4. и секиры предшествовали им, поднятые вверх, и множество мужей, пучки несущих, из которых ремешки, пурпурным цветом окрашенные, свешивались, – от диктатора Серрана, кто в лесах деревья рубил, и топор естественно неся и пучки, вожжами соединенные, в процессии на повозке быков к римской магистратуре перемещался, как Персий римский сатирик говорил[9], и потому секира – власти есть выражение:

5. в пользу этого и сидение (σέλλαν[10] ее вышеуказанные называют) из слоновой кости, – на них сидящих консулов граждане, деревянные жерди продолговатые подкладывая, переносили появляющихся.

(33) 1. Что же не властью одного бесстыдной власть консула явилась, – два и на один только год [консулы] избирались, как говорится, – Брут – свободы [защитник] карающий, с кем Пупликола (имя же народного вождя обозначает[11]): им было позволено и законы писать, и самовластно войны вести, одним за все управление отвечавшим.

2. Когда Брут окончил жизнь, всенародной скорбью почтили мертвого и βρούτας своих жен назвали от него по причине скромности[12]; другой же, еще живой, второго первым надгробным стихотворением почтил. Называется же у них эпитафия νηνία[13], от эллинской скорее этимологии, так как νήτην[14] последнюю на кифаре струну эллины называют.

---

[1] Colobum – (лат.) туника с короткими рукавами; κολοβός – (др.-греч.) изувеченный, покалеченный, поврежденный.
[2] Alutas - (лат.) квасцовая кожа, изделие из квасцовой кожи.
[3] Alumen – (лат.) квасцы.
[4] Στυπτηρία.
[5] Mappa – (лат.) салфетка, платок.
[6] Fasciola – (лат.) небольшая повязка, бинт.
[7] Facies – (лат.) внешний вид, образ, наружность.
[8] Ὄψις.
[9] Saturae I. 73-75.
[10] См. 7.5.
[11] См. 22.1.
[12] Σωφροσύνη – (др.-греч.) здравомыслие, благоразумие, рассудительность, умеренность, воздержание, скромность.
[13] Nenia - (лат.) погребальная жалостная песня.
[14] Νήτη – (др.-греч.) последняя самая высокая струна.

Пятое достоинство: децемвиры и префект города

(34) 1. Гай[1], законописатель, после квесторов децемвиров магистрат показывает, речами в переводе же такими: «Когда же смятение от многих законов, ведь не письменно положены, а из обстоятельств возникали – из-за магистратов и народа вражды, – общим решением Сената и народа все магистраты были преобразованы, десяти же только мужам заботу о государстве передали».

2. Они же отправляют (история говорит[2]) в Афины Спурия Постумия, Авла Марция и Пуплия Сульпиция.

3. Когда же на трехлетнее время там [они] задержались, и пока оставленные афинянами законы на десяти таблицах перенимали, десять назначил народ мужей, возлагая на них общественные дела, из которых первый военным защитником[3] именовался, у нас – πολίαρχος[4].

4. Инсигнией же власти его были двенадцать пучков, для остальных же не так, но оруженосец для каждого один и только.

5. Ну и полиарху же штат мужей, носящих тогу, и ликторы, и связки, и [все] что видим, доставлялись.

6. Содержали же их владельцы приносящей плоды собственности: откуда γλέβης перенимали имя, так как γλέβαν[5] ровную землю вместо «плодоносной [земли]»[6], римляне зовут.

7. Ведь σκρινίον[7] дел не был от начала, – Август привнес магистрату, в Риме базилику возведя, как Транквил говорит[8] ученый.

8. Когда [выше]указанные магистраты к заносчивости стали возвышаться и тиранически стали вести себя, возмущенный народ город покинул и у холма, называемого Авентин, поселился: это место тянет свое название от одного из Гераклидов, как римлян поэт передал[9].

9. И пребывал там народ, возмущенный из-за очень многого, но особенно из-за Вергиния и его дитя, недавно подвергнутых насилию. Предполагаю, что история эта известная.

(35)[10] 1. Потом, снова когда вражда между избранниками и народом [разгорелась], консулов изгнали, голосованием общим десяти номофетам [законоустановителям] наблюдение общественных дел поручили.

---

[1] Данные слова не Gaius, а Pomponius, (Dig. I tit., II.24).
[2] Livius III.31.
[3] Τῆς πόλεως φύλαξ.
[4] Praefectus Urbis.
[5] Gleba – (лат.) пашня.
[6] Κάρπιμον.
[7] Scrinium – (лат.) круглый ящик, ларец, хранилище.
[8] Suetonius, fr.13 (ed. C.L. Roth).
[9] Vergilius, Aeneis VII.655-658.
[10] Главы 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45 перегруппированы по сравнению с традиционным греческим текстом (боннского издания XIX в. и французского издания 2006 г.) по изданию: *Bandy A.C.* Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State. Edwin Mellen Press, 2013 – по смыслу в соответствии с содержанием: гл. 45 переходит в гл. 35, гл. 35 – в гл. 36, гл. 36 - в гл. 37, гл. 37 - в гл. 38, гл. 38 – в гл. 39, гл. 39 – в гл. 40, гл. 43 – в гл. 41, гл. 40 – в гл. 42, гл. 41 – в гл. 43, гл. 42 – в гл. 44, гл. 44 – в гл. 45.

2. От шестидесятого года консулов[1] на пятьдесят лет, когда хилиархи[2], когда же интеррексы назначались, были приведены в замешательство [общественные] дела.

3. Тогда хлебное общественное содержание солдатам впервые выдали ограниченно, [так как] прежде [они] сами себя содержали в войнах.

4. Оттуда в анархии было несчастным государство на пятилетнее время: и снова консулы, потом четыре смотрителя рынка из патрициев и казначея[3] два, и πραίτωρ[4] второй, и опять народ назначил пять птицегадателей[5], четырех же иерофантов[6].

5. На двести шестьдесят третий год консулов[7] был другой назначен претор, чтобы чужестранцами управлять. В это же год преторы к власти не приступали. До Кесаря же консулы - войнами, а касающимися же [внутренней жизни] отечества делами управляли магистраты.

(36) 1. Архонты же эти, кроме как если кого не было, и называемые у них ποντίφικας[8] (вместо ἀρχιερεῖς νεωκόρους[9]), к магистратам причислить захотели – по определению ведь своему и решению законы записывали древние и товары [регулирующие] составляли: откуда aediles[10] смотрителям рынка еще и ныне случается называться, согласно тому, что храмы римляне ἀίδης[11] называют.

2. После же изгнания царей и введения консулов, когда смятение началось, как говорится историками на каждом из двух языков, – хилиархи около пятидесяти лет дела вели. Потом в пятилетней анархии было несчастным государство, и затем из-за внутренних смут случилось, что три номофета и судьи было назначаемо в течение короткого времени.

Шестое достоинство, называемое «диктатура»

(37) 1. Таким образом, итак, римлянам, когда сотрясаемы были общественные дела, содействовало [то], что так называемая была учреждена δικτάτωρα[12], когда «не благо многовластия»[13].

---

[1] 449 г. до н.э.
[2] Tribuni militari – (лат.) военные трибуны, начальники легиона; tribunus – (лат.) трибун, глава каждой из трех римских триб.
[3] Quaestor.
[4] Praetor – (лат.) претор (первоначальный титул консулов и диктаторов, с 366 г. до н. э. второй после консула сановник, осуществлявший верховную судебную власть; с 247 г. до н. э. их двое).
[5] Augur – (лат.) авгур, жрец-птицегадатель; ὀιωνοσκόπος – (др.-греч.).
[6] Pontifex maximus.
[7] 246 г. до н.э.
[8] Pontifex – (лат.) понтифик, жрец (их коллегия — collegium pontificum — состояла сначала из 4, впоследствии из 8 и, наконец, из 15 человек, с р. maximus во главе, и ведала всеми вопросами культа).
[9] Ἀρχιερεύς νεωκόρος – (др.-греч.) досл. верховный жрец -блюститель храма.
[10] Aedilis – (лат.) эдил, главные обязанности эдилов - организация народных зрелищ, городское благоустройство, надзор за общественными зданиями, полицейский надзор и регулирование продовольственного снабжения.
[11] Aedis – (лат.) храм, комната, жилой дом, здание.
[12] Dictatura – (лат.) диктатура, диктаторство.
[13] Homerus, Ilias II.204; Aristoteles, Politica 1292A13; Plutarchus, Antonius 81.

2. Двойной, итак, заботой мучились [римляне] – и царя боясь имени, чтобы не принять снова Тарквиниев новых, случайно попадающих, или чтобы многими несогласными властями не быть расточенными. Полагалось ими поэтому, как говорится, чтобы так называемая δικτάτωρα (вместо междуцарствия[1] [говорится]) была введена. Шестью, и только, месяцами власть ее [была] ограничена.

3. И к этому времени мне кажется разумным объяснить эллинам наименование δικτάτωρος[2].

4. По-отечески, итак, римляне временную монархию таким образом называют, не письменными[3] законами подвластными управлять поставленную, так как в короткое время власть [ее] прекращается. Справедливо ведь власть эту называют не всецелой, но к пользе общественных дел на короткое время данной, чтобы, когда выпрямлялось бы то, что неуравновешенно, – после этого выдвинутые [на должность диктатора] к прежней судьбе могли вернуться. Ведь как только о том, что требовало трудов, позаботился диктатор, – одновременно с тем прекращалась [его] власть.

(38) 1. Избирают[4], итак, диктатором первым римляне Тита Марция, который одновременно с принятием власти двух консулов назначил.

2. Не определил, однако, время, в которое бы консулы избирались: более новое ведь - в месяце январе предоставлять [власть] консулу.

3. Только на год он доверил консулу почетную должность, и с тех пор повсюду римляне радуются.

4. Все же царской власти инсигнии доставлялись диктатору, исключая венец: это и двенадцать секир, и пурпурная мантия, и σέλλα[5], и копья, и [все остальные] инсигнии, по которым царя узнавали[6].

5. И гиппархом первым Спурия Кассия правитель себе назначил, подобно тому, как Ромул Келера τριβοῦνον[7] конницы.

6. Предшествовали же ему ликторские пучки прутьев[8] длинные, без гривы – этого именно еще и ныне обычай, хотя не понимаемый, сохраняется:

7. ведь когда командира конницы выдвигают, никто уже больше с пучками ему не предшествует, как в древности, а сзади один копьеносец длинные пучки, равномерно связанные, по обычаю проносит, не потому что он знает основания пронесения, но лишь следуя привычке.

---

[1] Μεσοβασιλεία.

[2] Dictator – (лат.) диктатор, в Риме носитель временной неограниченной власти, избиравшийся в чрезвычайных случаях.

[3] Dicto – (лат.) часто говорить, повторять, диктовать; от dico – (лат.) сказать, говорить, произносить, возвещать, провозглашать.

[4] Χειροτονοῦσι.

[5] См. 7.5, 32.5.

[6] См. 7-8.

[7] Tribunus.

[8] Fasces – (лат.) plur. пучки прутьев с топором, знаки достоинства магистратов, носимые шествовавшими впереди ликторами.

8. А из всех магистратов государства гиппарх власть бо́льшую имел, и не было никакого указа его, который обжалованный на апелляцию мог быть послан.

9. Больше же, чем на шесть месяцев, ни один из диктаторов власть монархическую не перенимал, но многие – на более короткий срок, даже на один-единственный день.

10. И нет ничего тяжелого в том, чтобы [всех] этих диктаторов припомнить, и сколько их было, и на сколько времени.

(39) 1. Первый диктатор Тит Марций, он первых консулов Тита и Валерия снова выдвинул. Но когда восстание возникло, и консулы отказались [от должности], диктатор других вместо них назначил в сентябрьские καλάνδαις[1].

2. В семнадцатый год консулов[2] возмущение возникло и немалое между Сенатом и народом – двух народ назначил демархов[3], чтобы они управляли народом, и за форумом наблюдали: они к надменности возвышались и не краснея [от стыда] против самих патрициев голоса подавали.

3. В двадцать третий год консулов[4] на три части власть разделена была, на [власть] консулов, городского префекта и народа: консулы вели войны, народ служил в войске, ну а префект город охранял, custos urbis[5] прозванный, как если бы страж города[6].

4. В двадцать восьмой год консулов[7], когда враждовали народ и Сенат, Авл Семпроний был назначен диктатором, который из Сената Гая Юлия, а из народа же – Квинта Фабия консулами назначив, оставил диктатуру.

5. Снова в сорок восьмом году консулов[8] был выдвинут диктатор Гай Мамерк.

6. Когда народ снова восстал, были выдвинуты три хилиарха: из-за сотрясения общественных дел провозглашен диктатором Тит Квинтий, который лишь в тринадцать дней успокоив бунт, оставил власть.

7. В семьдесят четвертый год консулов[9], когда из-за тирренов пришли в замешательство общественные дела, из-за величины войны был провозглашен диктатором Марк Эмилий; после него Публий, который за шестнадцать только дней с тирренами проведший войну, оставил [власть].

8. Когда же снова народ поставил хилиархов, и Сенат противостоял [им], был провозглашен диктатором Квинт, который за восемь дней примирив город прекратил [власть]; после него же Публий Корнелий Косс, после него Квинтий.

9. От сто тридцать шестого года консулов[10] до сто третьей олимпиады начала[1] – в анархии город пребывал в течение пятилетнего времени.

---

[1] Kalendae – (лат.) календы, у римлян первый день месяца.
[2] 492 г. до н.э.
[3] Tribunus.
[4] 486 г. до н.э.
[5] Custos urbis – (лат.) страж города.
[6] Φύλαξ τῆς πόλεως.
[7] 481 г. до н.э.
[8] 461 г. до н.э.
[9] 435 г. до н.э.
[10] 373 г. до н.э.

10. Когда снова были выдвинуты консулы, назначены были из патрициев четыре агоранома, и два казначея, и претор как стратег, ληγάτοι[2] как помощники стратега, и двенадцать хилиархов по причине предполагаемого военного похода Александра Македонского на римлян.

11. Будучи в тревоге же, римляне Папирия Курсора военачальником против Александра избрали[3], также выдвинули птицегадателей и иерофантов – ясно же, что ожидают поражения те, кто в опасной войне к молитвам прибегают.

12. На двести шестьдесят третий год консулов[4] претор второй был назначен, называемый ̓ουρβανός[5] вместо «гражданский»[6], и называемый πɛρɛγρῖνος[7] как если «гостеприимец»[8]. Когда народ на четыре класса и тридцать пять фил делился – к упоминаемым было добавлено три других претора.

13. В [двухсот] девяностый год консулов[9], когда Ганнибал напал на Италию, из-за бремени войны не только диктатор, но и заместитель диктатора[10], а также гиппарх, как и заместитель гиппарха[11], назначены, чтобы один другого решением сопровождался, дабы от единовластного самоволия вред не нанести государству.

14. Этих и единственных диктаторов или междуцарствия воспоминание несет римская история. После них Гай Юлий Кесарь против Сената и Помпея гибельную для общественных дел возбудил войну, он самого себя монархом объявил, Лепида [как] гиппарха используя[12].

Цензоры

(40) 1. Народ издревле и весь вообще государства в армии служил, и даже жрецы против неприятеля выходили: и все содержали сами себя.

2. Было необходимо, итак, римлянам назначать называемых у них κήνσωρας[13], они граждан имущество записывали, для издержек в войне: еще никогда ведь, как ныне, государственная казна не принимала на себя издержки на солдат, так как не существовало прежде налог уплачивающих.

3. Оттуда κήνσωρας эллины оценщиков[14] в переводе называют.

---

[1] 368 г. до н.э.

[2] Legatus – (лат.) легат, посол, помощник главнокомандующего.

[3] Ἐψηφίσαντο.

[4] 246 г. до н.э.

[5] Urbanus – (лат.) городской.

[6] Πολιτικός.

[7] Peregrinus – (лат.) иноземный, чужой.

[8] Ξɛνοδόκος – (др.-греч.) гостеприимец, хозяин; но есть разночтения: ξɛνοδόκης, ξɛνοδίκης.

[9] 219 г. до н.э.

[10] ̓Αντιδικτάτορ – (др.-греч.); prodictator – (лат.).

[11] ̓Ανθιππάρχος.

[12] 46-44 гг. до н.э.

[13] Censor – (лат.) цензор, один из двух крупных магистратов древнего Рима, на обязанности которых лежали: проведение цензовой переписи, наблюдение за правильным поступлением налогов, сдача на откуп государственных доходов и надзор за благонравием населения; избирались сначала на 5 лет, с 434 г. до н.э. - на полтора года.

[14] Τιμητής.

(41) 1. Тяжелые кто, и также бесстыдные, как и суровые характером цензоры для распутников были, – ни судьба, ни достоинство не изымали вину. Что истина это – свидетель история, которая говорит следующим образом:

2. «Первым Аппий Клавдий цензором был назначен. Магистратура же эта была величайшей: занятием же ее [было] как исследовать, так и судить жизнь граждан, и приводить к наказанию виновных со всем могуществом, и никто не был вне цензора власти. Имеющими силу же были цензоры также, чтобы занятиями общественными приводить в порядок город».

(42) 1. Тогда Тиний, римский сочинитель комедий, миф показал в Риме.

2. Миф делится на два [типа], на трагедию и комедию, из которых трагедия также делится на два [типа]: κρηπιδάταν[1] и πραιτεξτάταν[2], из которых κρηπιδάτα греческое, положенное в основание содержание, а πραιτεξτάτα– римское.

3. Однако комедия делится на семь, на παλλιάταν, τογάταν, Ἀτελλάνην, ταβερναρίαν, Ῥινθωνικήν, πλανιπεδαρίαν и μιμικήν: и παλλιάτα же есть эллинское содержание имеющая комедия[3]; τογάτα же - древнеримское[4]; Ἀτελλάνη[5] же есть так называемых эксодиариев[6], а ταβερναρία[7] – сценическая или театральная комедия, Ῥινθωνική – извне пришедшая[8], πλανιπεδαρία – скромная одежда[9], μιμική – очевидно, единственная ныне сохранившаяся, художественного ничего не имеющая, словом единственным множество людей к смеху приводящая[10].

(43) 1. Полагая, что необходимо замедлиться [на этом] речью, приложу также и это.

2. Ритона, и Аскера, и Блеса, и других пифагорейцев знаем, – немалого учения, которое зародилось в Великой Элладе, наставников; и распространял [его] Ритон, который гекзаметром первым комедию записал: от него первым беря средства, римлянин Лукил героические стихи начал представлять в виде комедий.

3. После него и тех, кто [был] после него, – те, кого зовут римляне σατυρικούς[11], более новые, Кратина и Эвполида чертам подражавшие, Ритона стихотворным размером и вышеупомянутых насмешками пользующиеся, - сатирическую укрепляли комедию: Гораций, не вне искусства шел, а Персий же, поэту Софрону подражать желая, превзошел Ликофрона неясностью;

---

[1] Κρηπίς – (др.-греч.) башмак, полусапог – символ греческой культуры.

[2] Praetexta- (лат.) претекста, окаймленная пурпуром тога, которую носили магистраты и жрецы, а также мальчики свободных сословий – символ римской культуры.

[3] Palliatus – (лат.) одетый в паллиум (плащ); греческий (перен.).

[4] Togatus – (лат.) одетый в тогу, римский гражданин.

[5] Atellana – (лат.) род народной комедии, проникшей в Рим из Ателлы.

[6] Exodiarius – (лат.) эксодиарий, актер выступающий в эксодии; exodium – (лат.) исход, конец, заключение, эксодий, заключительный дивертисмент; ἐξόδιον – (др.-греч.) исход, окончание, окончание драмы, дивертисмент после трагедии.

[7] Tabernarius – (лат.) простецкий, грубый.

[8] Rhinton – (лат.) Ринтон, автор комедий, родом из Тарента, современник Птолемея I Египетского.

[9] Planipes – (лат.) танцор-босоножка.

[10] Mimicus – (лат.) мимический, актерский, шутовской.

[11] Satiricus – (лат.) сатирический, сатирик.

4. а Турн, и Ювенал, и Петроний тогда же бранью устремляющиеся, от сатирического закона отклонились. И это же о древних как комедиях, так и трагедиях.

(44) 1. Когда судьба римлян к вершине возносила, следовали, естественно, и неудачи, и распространялась роскошь, так что после двенадцати таблиц и роскоши закон, у коринфян издревле положенный, записали римляне. τίτλος[1], или заголовок закону – «De Nepotibus»; как если бы «О расточителях»[2],

2. потому что двойное значение имени их есть у римлян – νέποτας[3] ведь и потомков[4], и расточителей[5] омонимично называют, – решено мной вкраце разницу рассказать.

3. νέπως (ὁ νέος παῖς[6]) из эллинской этимологии потомок [внук] называется, как красиво Филоксен сказал. νέπως же и распутник, где это – образно.

4. И, в соответствии с исследованием, пожалуй, эллинское должно уступить [римскому], потому что скорпиона римляне по родному νέπαν[7] зовут, как если бы безногий[8], в соответствии с лишением (ведь **νε̅** слог отрицательным оборотом речи принимают римляне[9], как эллины νήλιπος[10], νήχυτος[11], νηγρέτος[12], νήδυμος[13]), – от этого в соответствии с [его] природой добавляется животному[14].

5. Ведь зимней порой и сам отступает скорпион в землю, подобно тому, как другие из пресмыкающихся, как мертвый лежа, ничем другим кроме нее не питаясь.

6. Когда, итак, [находящуюся] вокруг него всю годную в пищу землю на себя самого расходует, – собственных щупалец касается и все их незаметно уничтожает [поедая].

7. Когда весна призывает его вместе с другими к свету по закону природы, восстанавливает конечности, и к растению каламинту [кошачья мята] приходя, единственным прикосновением травы восстанавливает острое [жало] и защищается, подобно тому, как змея от укропа[15] –

8. откуда νέπεταν[16] каламинт римляне зовут.

---

[1] Titulus.
[2] Περὶ ἀσώτων.
[3] Nepos - (лат.) 1) внук, праправнук, потомок, племянник, росток, побег; 2) кутила, мот, расточитель.
[4] Ἔγγονος.
[5] ἀσώτος.
[6] «Новое», молодое дитя.
[7] Nepa – (лат.) скорпион, рак.
[8] Ἄπους – (др.-греч.) безногий.
[9] Ne – (лат.) арх. non: не, нет; отрицание в конъюнктиве.
[10] Νηλίπους – (др.-греч.) необутый, босоногий.
[11] Νήχυτος – (др.-греч.) непролитый, обильный.
[12] Νηγρέτος – (др.-греч.) непробудный, крепкий.
[13] Νήδυμος – (др.-греч.) сладостный.
[14] Nepos – по Иоанну Лиду? этимология слова происходит от греко-латинского смешения: ne + πούς, - что дословно «безногий».
[15] Plinius, Naturalis Historia VII.17.
[16] Nepeta – (лат.) котовик, кошачья мята; Иоанн Лид выводит название растения от латинского названия скорпиона.

9. Поэтому νέπωτας[1] скорпионов дают прозвище они, так как [они] собственные члены уничтожают. Нечто такое, отклоняясь от цели, я мог сказать об этом.

Трибунат

(45) 1. Итак, когда таким образом тиметы[2] возмутили подданных и более сурово преследовали граждан, и особенно бесстыдно были расположены кредиторы к должникам, избрал[3] народ двух δημάρχους[4] самим себе, Гая Ликиния и Луция Альбина, бывших судьями-посредниками народу и агору[5] наблюдавших.

2. Эти же демархи кинжалами опоясывались, общественных же домашних рабов для службы имели, кого называли βερνάκλους[6] (обозначает же их имя рожденных дома рабов);

3. при них умеренность народ преступал и постановлял закон, чтобы самих эвпатридов можно было призвать к ремесленникам на суд, так что консул для заботы о народе закон внес – чтобы не позволено было магистратам несогласно с постановлением[7] демархов наказывать граждан.

Когда они впервые учредили так называемых «солдат на душу населения» (capitum)

(46) 1. В 365 году [основания] города [8], когда Луций Генуций и Квинт Сервилий [были] консулами, когда вели войну с Вейями – соседями римлян, необходимость возникла не только летом, но, конечно, и зимой с врагами [войну вести]. Тогда впервые было постановлено, чтобы казна доставляла солдатам издержки для коня, называемые καπιτά[9]: так из лозы корзину же называли, от κάπερε[10] как если бы «вмещать в себя»[11]. Оттуда уменьшительно так называемые καπιτούλια[12] по-отечески римляне именуют.

2. С тех пор как издревле весь народ в войске служил, обратили внимание, чтобы ограниченное и хорошо приготовленное составить вспомогательное войско, отряды же из трехсот щитоносцев, кого называют κοόρτης[13], ἄλας же (вместо ил [конных отрядов]) из шестисот всадников, βηξιλλατίωνας[14] из пятисот всадников, τούρμας[15] из пятисот конных лучников, и λεγιῶνας[1] из шести тысяч пехотинцев и вышесказанных всадников.

---

[1] Расточителям.
[2] Цензоры.
[3] Ἐχειροτόνησεν.
[4] Δημάρχος – (др.-греч.) начальствующий над народом, демарх, народный трибун; tribunus – (лат.).
[5] Forum – (лат.) форум, центральная площадь, торжище, рынок, рыночная площадь.
[6] Vernaculus – (лат.) туземный, местный, отечественный, римский.
[7] Ψήφου.
[8] 388 г. до н.э.
[9] Capitum – (лат.) корм для скота, фураж.
[10] Capere, capio – (лат.) вмещать.
[11] Χωρέιν.
[12] Capitulia.
[13] Cohors – (лат.) когорта.
[14] Vexillatio – (лат.) отряд вексиллариев, конный отряд.
[15] Turma – (лат.) конный отряд из 30-32 человек.

3. Части же легионов следующие:
илы из 600 всадников
вексиллатии из 500 всадников
турмы из 500 конных лучников
легионы из шести тысяч пехотинцев
4. τριβοῦνοι[2] – демархи
ὀρδινάριοι[3] – таксиархи
σιγνηφέροι[4] – знаменосцы
ὀπτίωνες[5] – избранные, или писцы
βηξιλλάριοι[6] – копьеносцы
μήνσωρες[7] – предварительно измеряющие
τουβίκινες[8] – трубачи пехотинцев
βουκινάτωρες[9] – трубачи конников
κορνίκινες[10] – горнисты
ἀνδαβάται[11] – закрытые латами всадники
μητάτωρες[12] – землемеры
ἀρκύτης и σαγιττάριοι[13] – лучники и носящие метательные копья
πραιτωριανοί[14] – относящиеся к полководцу
λαγκιάριοι[15] – копьеметатели
δεκέμπριμοι[16] – десятники [отрядов всадников]
βενεφικιάλιοι[17] – для попечения βετερανῶν[18] назначенные
τορκουᾶτοι – цепеносцы, носящие ожерелье на [шее]
βραχιᾶτοι или ἀρμιλλίγεροι – носящие браслеты
ἀρμίγεροι – оруженосцы
μουνεράριοι – служители
δηπουτᾶτοι – особые
ἀυξιλιάριοι – телохранители [помощники]

---

[1] Legio - (лат.) легион, римское воинское соединение (насчитывавшее при Ромуле 3000 чел. пехоты и 300 всадников, при Сервии Туллии — 4 200 чел. пехоты и 300 всадников, позднее - 4200 - 6000 чел. пехоты и 300 всадников; впоследствии легион стал чисто пехотным соединением; легион делился на 10 когорт = 30 манипулам = 60 центуриям).
[2] Tribuni.
[3] Ordinarii.
[4] Signiferi.
[5] Optiones.
[6] Vexillarii.
[7] Mensores.
[8] Tubicines.
[9] Bucinatores.
[10] Cornicines.
[11] Andabatae.
[12] Metatores.
[13] Arcus, sagittarii.
[14] Praetoriani.
[15] Lancearii.
[16] Decemprimi.
[17] Beneficiarii.
[18] Veteranus – (лат.) старый опытный солдат, ветеран.

κουσπάτωρες – [тюремные] стражники, κούσπους[1] ведь римляне деревянные оковы называют, как если бы сказать κουστώδης πέδουμ[2] - как если бы колодки на ноги или ног охрана.

5. ἰμαγινιφέροι[3] – носящие изображение [императора на знамени]

ὀκρεᾶτοι[4] – пехотинцы, железом голени окружавшие [защищая]

ἀρματοῦρα πρῖμα[5] – вооруженное войско первое

ἀρματοῦρα σημισσάλια[6] – вооруженное войско лучшее

ἁστᾶτοι[7] – копьеносцы

τεσσεράριοι[8] – они пароль во время битвы множеству [сражающихся] распространяют

δρακωνάριοι[9] – дракона [на знамени] переносящие

ἀδιούτωρες[10] – помощники

σαμιάριοι[11] – те, кто оружие делает блестящим

βαγινάριοι[12] – делающие ножны

ἀρκουάριοι[13] – делающие луки

πιλάριοι[14] – копьеметатели

βερουτάριοι[15] – дискометатели

φουνδίτωρες[16] – пращники

βαλλιστάριοι[17] – катапультисты: катапульта же есть вид [машина для метания стрел] гелепола, зовется же народом ὄναγρος[18]

βινεάριοι[19] – штурмующие стены

πριμοσκουτάριοι[20] – защищающие щитом, кто ныне зовется προτίκτορες[21]

πριμοσαγιττάριοι[22] – первые лучники

κλιβανάριοι[23] – все покрытые железом, κηλίβανα[1] ведь римляне железное покрытие[2] зовут, вместо κηλάμινα[3].

---

[1] Cuspus.
[2] Custodes pedum – (лат.) стражи ног.
[3] Imaginiferi.
[4] Ocreati.
[5] Armatura prima.
[6] Armatura semissalia.
[7] Hastate.
[8] Tesserarii.
[9] Draconarii.
[10] Adjutores.
[11] Samiarii.
[12] Vaginarii.
[13] Arcuarii.
[14] Pilarii.
[15] Verutarii.
[16] Funditorii.
[17] Ballistarii.
[18] Дикий осел, онагр (др.-греч.); лат. onagrus, onager.
[19] Vinarii.
[20] Primoscutarii.
[21] Protector – (лат.) страж, телохранитель, охранитель, защитник.
[22] Primosagittarii.
[23] Clibanarii.

7. φλαμμουλάριοι[4] – у кого на вершинах копий пурпуровые лоскуты привешены

εξπεδίτοι[5] – легко вооруженные, [быстрые], не защищенные, готовые к битве

φερεντάριοι[6] – легковооруженные стрелки-застрельщики, [метающие копья издали]

κιρκίτωρες[7] – они около сражающихся перемещаются и доставляют им оружие, еще не знающие, как сражаться

ἀδωράτωρες[8], βετερανοί[9], τίρωνες[10]: о них широко, полагаю, нужно указывать.

(47) 1. Адораторами римляне [уже] не принимающих участие в боях зовут: ἀδωρέα[11] ведь у них называется военная слава, от полбы[12] и чести, [даваемых] некогда почитателями им; ветеранами же состарившихся солдат (свидетели и Цельс, и Патерн, и Катилина, но не заговорщик, а другой; перед ними Катон Старший, и Фронтин, после которых также Ренат, римляне все. Из эллинов же Элиан и Арриан, Эней, Онасандр, Патрон, Аполлодор в «Полиоркетиках»[13], после которых Юлиан василевс в «Механиках»[14], о которых Фронтин в «De Officio Militari[15]», – вместо «О стратегиях»[16], –упоминание делает; и Клавдиан, являющийся же пафлагонцем, поэт, в первой [книге] «Энкомия Стилихону»[17]);

2. τίρωνας же зовут низкого звания [солдат], таких, каковыми быть случилось в наше время так называемым трибаллам: таким же образом бессов Арриан в «Об Александре»[18] назвал.

3. Ведь из-за бедности и единственной отдавали самих себя так называемые τίρωνες на службу тем, кто действительно в войске служил, право, не достойные прежде солдатами называться или вообще в их число прежде быть поставленными, очевидно из-за нищеты в судьбе и неопытности в битве. Ни одному ведь не позволено было за родину, если же не эвпатрид, сражаться.

4. Действительно, Диодор во второй [книге] «Библиотек»[19] говорит[1], что Солон, в Египте научившийся, закон афинянам написал такой, что на три части

---

[1] Celibana.
[2] Σιδηρᾶ καλύμματα.
[3] Celamina – (лат.) рельефная чеканная работа, резьба, гравировка.
[4] Flammularii.
[5] Expediti.
[6] Ferentarii.
[7] Circitores.
[8] Adoratores.
[9] Veterani.
[10] Tirones.
[11] Adorea – (лат.) награда, награждение, слава, хвала.
[12] Ador – (лат.) полба.
[13] Τοῖς Πολιορκητικοῖς.
[14] Τοῖς Μηχανικοῖς.
[15] О военных должностях.
[16] Περί στρατηγίας.
[17] Τῶν Στιλικῶνος ἐγκωμίων.
[18] Περί Ἀλεξάνδρου.
[19] Βιβλιοθηκῶν.

гражданство делится: первая – эвпатриды, которые около мудрости и слова досуг проводят, вторая же – земледельцы и одновременно сражающиеся в первых рядах воины, третья – ремесленники и художники, после этих лишенная гражданских прав [часть], из нее, очевидно, более полезные те, кто с [частью] земледельцев и воинов рядом находились, обслуживая их, а также воевать и обрабатывать землю учась. Их италийцы τίρωνας называли от «мучаться»[2] и «терпеть бедствие»[3] в [рабском] услужении.

5. Афинянам ведь во всем римляне подражали – и также они народ устроили. Поэтому ведь и τρίβους филы называют вследствие того, что на три[4] части гражданство разделено.

(48) 1. И они же из дополнительных [сил] составлены, как некоторые из историков говорят, Марием, после ставшим тираном.

2. Те же, кто издревле сопровождал гиппарха, προμώται[5] равномерно прозывались, соединенные в четыре тагмы: βιάρχους[6], δουκηναρίους[7], κεντουρίωνας[8] [и κεντηναρίους[9]]…

{После κεντουρίωνας 2 листа рукописи потеряны, в них обсуждается термин praetor}

[10] Так называемые τουρμάχαι[11] на службу полководцами поставлены. Обозначает же такое достоинство [командиров], имеющих в подчинении себе солдат: носящих луки пятьсот, и пельтастов триста, и стрелков-телохранителей[12] сотню.

3. Всех десять демархов, два же консула и десять и восемь[13] преторов и шесть агораномов[14] в городе судьи оставались и единственные».

4. Это Помпоний сказал[15], как кажется, громадности и запутанности истории избежавший.

5. Ульпиан же в сочинении, озаглавленном «Протрибуналии»[16], подробно о преторах излагает слова, их же tutelarios[17] и fideicommissarios[1] называли: бу-

---

[1] I. 28,98.

[2] Τείρεσθαι – (др.-греч.) мучаться, страдать.

[3] Ταλαιπωρεῖν – (др.-греч.) терпеть несчастие, мучиться, страдать.

[4] Τρεῖς, τρία – (др.-греч.) три; tres, tria – (лат.) три.

[5] Promoti.

[6] Biarchus.

[7] Ducenarius.

[8] Centurio.

[9] Centenaries.

[10] Этот отрывок цитируется по Константину VII Порфирогенету (X в. н.э.) в его сочинении “De Thematibus” («О фемах») I. 47.13-16, будучи взятым у Иоанна Лида, но не сохранившийся в оригинале.

[11] Turmachus – (лат.) – командир турмы.

[12] Δεξιολάβος – (др.-греч.).

[13] 18.

[14] Эдилов.

[15] Digesta I tit., II. 34.

[16] Προτριβουναλίοις.

[17] Tutelarius – (лат.) хранитель.

дучи однажды в состоянии досуга, я не обратил внимание на то, чтобы упомянуть их.

(49) 1. О стольких магистратах от начала римского государства до гуманнейшего царствования Тита упоминания в историях нашедший, конец полагаю слову.

2. Но ведь ни о Домициана двенадцати полиархах, ни о Бассиана, прозванного Каракаллой, нововведениях я не обратил внимание, чтобы упоминание сделать – ведь при дурно царствовавших [правителях] появившееся, даже и будучи полезным, пусть презирается.

Префект вигилий

(50) 1. Тревиры, народ галатский, на берегах Рейна обитающий, где и Τρίβυρις город (Συγάμβρους его италийцы, но галаты Φράγκους в наше время называют), при Бренне некогда в Альпах поодиночке бродя, на Италию выступили по бездорожью и тернистым пустошам, как говорит Вергилий[2].

2. Потом по канализационным каналам в Рим вошли и самим Капитолием завладели, когда в святилище от гусей, встревоженных варварами глубокой ночью явившимися, полководец Манлий пробужденный (по соседству же был) варваров устрашил – гусям же празднество и конные скачки проводят римляне, собакам же – гибель, когда солнце в [созвездие] Льва перемещается.

3. Этим рожденный, итак, тогда закон был установлен, вводящий φύλακας τῶν νυκτῶν[3], и на столь длинное время, что было бы полезно нам ранее их упомянуть;

4. но после того как не магистратами государства и по мысли закона считается эта [должность], системой же и телом является служб, для чего задумывалась, – справедливо, действительно, в конце магистратов [ее] поставить.

5. Ведь не только город от набегов и скрытых нападений врагов невредимым, а также свободным от внутриплеменного вреда сохраняли, но и от пожаров вреда пострадавшим оказывали помощь.

6. И свидетель Павел[4] законодатель, такими словами в переводе, итак, сказавший: «Система, состоящая из трех мужей, у древних была по причине пожаров установлена: и они νυκτερινοί[5] от занятий назывались.

7. И вместе с ними агораномы и демархи помогали, κολλήγιον[6] (вместо «система»[7]), они же возле ворот города были устроенными и городских стен, так чтобы по зову необходимости легко находимым сбежаться».

8. Это же Павел сказал;

---

[1] Fideicommissarius – (лат.) передаваемый / наследуемый в порядке фидеикоммисса.
[2] Aen. VIII. 657.
[3] Custos nocturnus – (лат.) ночной страж.
[4] De Officio Praefecti Vigilum, in Digesta I tit. XV.1.
[5] Nocturnus – (лат.) ночной.
[6] Collegium – (лат.) коллегия.
[7] Σύστημα.

9. что истинное же слово есть – и ныне, если нечто такое где-либо случается (пусть не случается!) в городе, те из них, кто благоприятным случаем [там] находятся, кричат на родном римлян языке «omnes collegiati, concurrite»[1], что сказать «все товарищи, сбегайтесь!»

(51) 1. Когда эти [магистраты] были учреждены, семьсот шесть лет прошло городу[2]. Кесарь же, единовластвующий, прекратил все магистраты, всей силой властей препоясавшийся единственный: и три года удерживаясь, был в сенате уничтожен[3], затем [правил] Кесарь младший, вышеупомянутого племянник, после которого власть перешла к Кесарям.

ФУЛЬГЕНЦИЙ. МИФОЛОГИИ КНИГА I. 16, 18-22[4]

Перевод **Д.В. Можеляна** под ред. **Н.Н. Болгова**

1.16. Басня о Фаэтоне

Сказано, что любовь Аполлона и нимфы Климены породила Фаэтона, который добравшись до отцовской колесницы, разжег огненную погибель самому себе и всей земле. Поныне соединение солнца и воды неизменно взращивает определенных существ, которые по причине их появления переплетенными из земли называются призраками *(fanontes), fanon* на греческом значит появление. И хотя все существа поглощаются разрушительностью тепла, эти создания вынуждены искать солнечное тепло для собственного роста. Его сестры Аретуса и Лампетуса оплакивали огненную погибель брата мерцающими слезами, украшенными драгоценными камнями, и проливали золотистый янтарь со своей рваной коры; поскольку сестры были отпрысками лишь растения, они также были порождены союзом тепла и жидкости. Итак, эти деревья, которые источают янтарь, когда солнце излучает тепло – пока их фрукты зреют в палящих месяцах июне и июле – и достигает знаков Рака и Льва, с могучим бурлением сквозь их разделенную кору эти самые деревья проливают в реку Эридан свою жидкую живицу, чтобы та затвердела в его водах.

1.18. Басня о Меркурии

Если боги взяли под покровительство воров, не было необходимости в судье для их преступлений, покуда у них есть небесный создатель их проступков. Они говорили, что Меркурий руководил торговлей, носил жезл или кадуцей,

---

[1] Все коллеги, сбегайтесь! (лат.).

[2] 47 г. до н.э.

[3] 44 г. до н.э.

[4] Публикуются оставшиеся главы книги I (кроме Пролога) и вся книга II. Ранее опубликованы: *Гусейнов Г.Ч.* Истолкование мифологии на рубеже античности и средневековья: из книги латинского грамматика Фульгенция // Античность как тип культуры. М.: Наука, 1988. С. 325-333 (перевод части Пролога к кн. I, а также главы I. 2, 5-6, 12-15, 17); Фульгенций. Мифологии (I. 1, 3-4, 7-11) / Пер. Д.В. Можеляна под ред. Н.Н. Болгова // Классическая и византийская традиция. 2012. Белгород, 2012. С. 224-226.

переплетенный змеями, был оснащен пернатыми пятами, и был божественным посредником и вором. Они выбрали ему имя Меркурий из-за *mercium curum,* за что Меркурий может быть назван совершенным торговцем.

Почему с перьями.

Его пята покрыты перьями, поскольку ноги торговцев в спешке везде словно окрыленные.

Почему с жезлом.

Они добавили жезл, переплетенный змеями, поскольку коммерция иногда одаривает властью и скипетром, а иногда ранит подобно змеям.

Почему с колпаком и петухом.

Он изображен с головой, покрытой колпаком, поскольку любая коммерция всегда утаивается. Они также поместили петуха под его защиту, или поскольку любой торговец всегда на страже, или поскольку под его кукареканье они начинают вести свои дела.

Почему Гермес.

На греческом от также зовется Гермесом, в честь *ermeneuse*, что на латыни мы называем переводом, по той причине, что свободное владение языками есть необходимость для торговца. Говорят, что он проходит через оба царства, верхнее и нижнее, поскольку он то гонится ввысь сквозь ветер, то круто спускается, разыскивая нижний мир сквозь бури.

Почему Вор, Почему зовется Стремительным.

Они также выбрали этого бога покровителем воровства, поскольку в торговле для вора нет разницы между грабежом и ложными сведениями, или между хищением и кощунством. Звезда, которая зовется Стильбоном на греческом, и которую язычники ассоциируют с ним, благодаря чему они также использовали его имя для одного из дней, следует более скорому курсу, нежели остальные планеты, он завершает свой цикл за семь дней, что Сатурн проделывает за 38 лет, а Юпитер за 12; благодаря чему Лукан также высказался: «И Меркурий приостанавливается из-за собственного стремительного движения».

Почему он убил Аргуса.

Затем говорят, что он убил Аргуса, опоясанного множеством глаз, столь широкое обилие глаз на одном теле, мерцавщих по мере оживления бдительности, было скошено единственной раной, одним ударом гнутого лезвия косы, носимой Меркурием. Что же еще может значить столь фантастическая мысль греков, как не то, что коварный удар косой и хитрость вора и торговца оказались лучше целой сотни стражников и столького же числа искусных, но бесполезных без связи меж собой глаз, отсюда Аргус и зовется на греческом бездействующим. Это обычная манера, в рамках которой Греция и ее поэтическая болтовня всегда приукрашивается ложью, и все же, ссылаясь на подобные выдумки, она лжет с благими намерениями,

1.19. О Данае

тогда как Даная была соблазнена золотистым дождем, не из капель, а из монет,

1.20. О Ганимеде

и Ганимед был схвачен орлом, но не настоящей птицей, а военным трофеем. Он был похищен для Юпитера – как писал древний автор Анакреон – когда он начал войну с Титанами – сыновья Титана были Сатурну братьями – и принес жертву на небесах, в знак победы, которую он видел близкой, находящейся под сенью знаменательного полета орла. Будучи осчастливленным этим предзнаменованием, особенно после того как победа действительно случилась, он сделал золотого орла своим военным знаменем и освятил его могуществом своей защиты, благодаря чему среди римлян также принято носить подобные знамена. Он захватил Ганимеда под предводительством этих знамен, подобно тому, как Европа была унесена на быке, то есть на корабле под знаменами быка, подобно Исиде с тельцом, таким же образом на корабле с подобными знаменами. Соответственно, вы определенно знакомы с тем фактом, что египтяне почитают барку Исиды.

1.21. Басня о Персее и Горгонах

Говорят, что Персей был убийцей Медузы Горгоны. При этом подразумевалось, что было три Горгоны – первая из них Сфено; вторая Эвриала; третья, Медуза – и поскольку их история была написана Луканом и Овидием, поэтами, которых в совершенстве знают уже на первых этапах обучения у школьных учителей, я счел излишним повторять сказку подробно. Феокнид (Theocnidus), историк древностей, рассказывает, что существовал царь Форкий, оставивший трех своих дочерей в богатстве. Из них Медуза, бывшая наиболее сильной, приумножила свое богатство правлением, культивированием растений и земледелием; отсюда она зовется Горго, в честь *georgigo*, а по-гречески *georgi* есть имя для землепашца. Она также описана как обладательница змееподобной головы, поскольку она была довольно коварной. Персей, возжелавший её богатых владений, убил её (он назван крылатым, поскольку прибыл на парусных кораблях); и захватив её голову, что значит её имущество, он разбогател на охране её обширных территорий. Затем, вторгшись в царство Атланта, он заставил его бежать в горы, отсюда он считался обращенным в гору, как это было со всеми, кто столкнулся с головой Горгоны, что значит с ее имуществом. Позвольте мне объяснить, что же греки, склонные приукрашивать, хотели выразить этой ловко закрученной фабрикацией. Они подразумевали трех Горгон, что значило три типа страха: первый страх – это тот, что действительно ослабляет разум; второй, тот что наполняет разум страхом; третий – тот, что не только усиливает давление на разум, но также и омрачает лицо. От этих представлений Горгоны взяли свои имена: первая, Сфено в честь *stenno,* ослабление по-гречески, отсюда мы зовем болезнь *астенией;* вторая Эвриала, что значит широкий размах, отсюда Гомер говорил: «Троя с её широкими улицами»; затем Медуза, в честь *meidusam*, поскольку никто не может смотреть на неё. Таким образом, Персей с помощью Минервы, что значит мужественность, поддерживаемая мудростью, уничтожила эти страхи. Он бежал далеко с отвёрнутым лицом, поскольку мужество никогда не рассматривает страх. Он также нёс зеркало, поскольку страх отражается не только на сердце, но и во внешнем проявлении. Он рожден из крови Пегаса, вы-

кован по форме славы; благодаря чему Пегас указан имеющим крылья, поскольку слава окрылена. Поэтому и Тибериан говорил: «Пегас ржёт, проходя сквозь верхние небеса». Затем он также описан как выбивший для Муз источник своей пятой, поскольку Музы либо следуют собственным методам описания славы героев, либо указывают на это у древних.

1.22. Басня об Адмете и Алкестиде

Нет ничего более благородного, чем благожелательная жена, и ничего более дикого, чем агрессивная. Благоразумная жена предлагает собственную душу как залог безопасности её мужа, в той же степени зловредная жена считает свою жизнь ничем в сравнении с его смертью; таким образом, вышедшая замуж жена принимается за дела либо с медовой сладостью всех приятных способов, либо со злобной желчью, пребывая в постоянном самоутешением или в бесконечных мучениях. Адмет, царь Греции, искал брака с Алкестидой; её отец выпустил указ, что тот, кто сможет впрячь двух противоборствующих животных в его колесницу, сможет жениться на ней. Этот Адмет попросил Аполлона и Геракла, и они впрягли льва и дикого кабана в его колесницу, и так он женился на Алкестиде. Когда же Адмет слег в болезни и понял, что умирает, он просил предотвратить это, умоляя Аполлона, который ответил, что не может ничего сделать с его болезнью, покуда Адмет не найдет родственника, готового добровольно принять смерть вместо него.

Его жена обязалась это сделать; и Геракл, спустившись оттащить трехголового пса Цербера, освободил её из подземного мира. Адмет объясняется как аллегория разума, и он был назван Адметом как тот, кого страх (*metus*) способен захватить (*adire*). Также он желал Алкестиду в жёны, за *alce,* это слово на аттическом диалекте греческого значит помощь, отсюда Гомер говорит; «Нет иной силы разума, и нет иной помощи». Таким образом, разум надеется на помощь двух противоположных диких зверей в своей колеснице – что является адаптацией сил разума и тела – лев как сила разума, и дикий кабан как сила тела. Затем он просил помощи Аполлона и Геракла, что означает мудрость и силу. Вместо его души помощница в лице Алкестиды предает себя смерти, но сила спасает помощницу от мрака, как Геракл поступил с Алкестидой, хотя она ослабевает под угрозой смерти.

КНИГА II

Пролог

Внимательный к вашим уважаемому руководству, Господин, я, в своем нуждающемся состоянии совершил эту глупость свою на ваше осуждение, подвешенный на рогах дилеммы о том, похвалит ли читатель то, что я собрал воедино, или ниспровергнет то, над чем я работал. Но пока это имеет значение, нет иного пути превознести мою репутацию или скрыть мои недочеты (в том смысле, что если читатель улучшит свои знания ими, он сможет признаться Богу за предоставленные ему улучшения; но если он найдет худшую глупость в них, он сможет порицать за это того, кто её совершил), поэтому эти вещи не наш, а Его

подарок, и любые возможные улучшения будут дарами Бога, не человека. Поскольку умалчивание об известных вещах есть признак злого умысла, нет вины в том, чтобы объяснить то, что я понял. Поэтому, если вы узнаете больше по этим вопросам, восхваляйте искренность разума, который не удерживал то, чем владел; и если вы были несведущи в этих вопросах ранее, по крайней мере, из моих усилий вы возымеете поле для тренировки ваших умственных способностей.

2.1. Сказание о Суде Париса

Философы различали триединую жизнь человечества, под которой они подразумевали первую как вдумчивую; вторую как практическую и третью как чувствительную – или как мы зовем ее на латыни, созерцательную, активную и сластолюбивую – как провозглашал пророк Давид, «Благословен тот человек, что ходит в совет безбожников, не стоит на пути грешников и не сидит на месте презренных», что значит, не идет, не стоит и не сидит. Для первой, или созерцательной жизни характерен поиск знаний и правды, в наши дни такую жизнь ведут епископы, священники и монахи, а в старые времена – философы. У таких нет ни жадности до денег, ни безумной ярости, ни ядовитой злобы, ни смрада похоти; и если озабоченность в выслеживании правды и раздумья о том, что правильно, делают их исхудавшими, то их славные имена украшают их, а надежды кормят. Второй тип ведомой жизни - активный, жаждущий превосходства, восприимчивый к украшениям, ненасытный к владениям, коварный в их захватывании, усердный в их охране; желает скорее узнать, как больше получить, нежели ищет самих знаний, и не думает о том, что есть правильно, когда хватает, что под рукой; такой тип не имеет стабильности, поскольку он не поступает с вещами достойно; в старые времена определенные деспоты вели такую жизнь, а среди нас весь мир её ведёт. Жизнь удовольствий, всецелого предания вожделению, есть грешный тип существования, рассматривающий всё достойное не заслуживающим внимания, а поиск лишь развращенного образа жизни делает человека либо женоподобным от похоти, либо кровавым от убийств, либо сгоревшим от краж, либо испорченным от зависти. Подобная жизнь по Эпикуру или ориентированная на удовольствия, согласно древним, казалась естественным образом жизни между нами, а не подлежащей наказанию провинностью: пока никто не преследует добрых намерений, добро не может быть произведено. Поэты объясняют такими терминами существующее соревнование между тремя богинями – то есть, между Минервой, Юноной и Венерой – соперницами в превосходстве и совершенстве их красоты. Они говорили, что Юпитер не смог рассудить их, возможно, поскольку они не осознавали, что суждения этого мира имеют предопределенные границы, а они верили, что человек был создан со свободой воли; поэтому, если Юпитер судил как бог, то осуждая два типа жизни, он поддержит словом лишь один тип. Но они доверили принятие решения человеку, которому доверили свободный выбор. Но пастух Парис, будучи ни прямым как стрела, ни надежным как копье, ни красивым лицом, ни мудрым умом, совершил глупую вещь и, следуя пути диких зверей и скота, повернул свой взор к

похоти, нежели к избранным добродетелям или богатствам. Но позвольте мне объяснить, что эти три богини должны были сказать себе о трех типах жизни.

О Минерве

Первую или разумную жизнь мы зовем в честь созерцательной мудрости; поэтому говорят, что она была рождена из головы Юпитера, поскольку разум расположен в мозге; и она была вооружена, поскольку она полна ресурсов. Ее связывают с Горгоной, носили ее на груди как символ страха, точно как мудрый человек переносит трепет в своей груди, защищаясь от врагов. Они дали ей шлем и оперение, поскольку разум мудрого человека вооружен и благороден; отсюда Плавт в своем «Тринумме» (Trinummus) объявляет: «он определенно имеет голову наподобие гриба, покрывает ее полностью». Она также была закутана в мантию в три оборота, либо поскольку любая мудрость многосторонняя, либо поскольку она остается скрытой. Они также носила длинное копье, поскольку мудрость бьет своими заявлениями на большие расстояния. Одеяние также имело три оборота, поскольку любая мудрость утаена от внешнего мира и редко видима. Они также выбрали сову под ее попечение, поскольку мудрость вспыхивает молнией посреди ночи. Тем временем, также провозглашают, что она была основательницей Афин, и ведь Минерва на греческом зовется Афиной, за *athanate parthene*, что значит бессмертная дева, поскольку мудрость не может погибнуть или быть совращена.

О Юноне

Они также расположили Юнону во главе активной жизни, ибо Юнона названа в честь движения вперед (*a iuuando*). Говорилось, что она правила владениями, поскольку такой тип жизни так хорошо соответствует богатствам; она также изображена со скипетром, поскольку богатства и владения – близкие родственники. Они говорят, что голова Юноны была спрятана, поскольку богатства всегда спрятаны, они выбрали её богиней деторождения, поскольку богатства всегда плодотворны и иногда неудачны. Они также расположили павлина под её покровительство, поскольку полная стяжательства властная жизнь всегда ищет украшений во внешности; и как павлин украшает свой внешний вид, разводя дугой усыпанный звездами размах своего хвоста, тем самым бесстыдно выставляя свой зад, так и стремящиеся к богатствам и славе завлекают на момент, но в конечном итоге обличают себя; отсюда Теофраст в своем нравственном писании провозглашает: «Обращайте внимание на то, что оставляете позади»; и Соломон: «И лишь в конце человека раскрытие его дел». Они также связывали ее с Иридой, радугой мира, поскольку, подобно тому, как человек, раскрашивающий различные орнаменты для текущего момента, бежит по изгибу радуги, так и удача хоть и светит вначале яркими цветами, совсем скоро угасает.

О Венере

Они выбрали Венеру третьей, как символ жизни в удовольствии. Венеру объясняли либо как все хорошие стороны жизни, согласно эпикурейцам, либо как все пустые вещи жизни, согласно стоикам, поскольку эпикурейцы восхваля-

ли удовольствия, а стоики порицали его; первые культивировали распущенность, вторые не хотели быть ее частью. Отсюда она зовется Афродитой, по-гречески *afros* есть обозначение пены, либо поскольку похоть иногда подобна пене и превращается в ничто, либо поскольку эякуляция семени подобна пене. Далее поэты рассказывают, что когда гениталии Сатурна были отрезаны серпом и брошены в море, Венера была рождена из них – этот образец поэтической глупости, означает просто-напросто то, что Сатурн зовется Кроносом на греческом, а по-гречески слова *chronos* обозначает время. Силы времен года означают урожаи, полностью выкошенные косой и брошенные в жидкости живота, как будто в море, ибо желания производят похоть. Избыток насыщения создает похоть, и как Теренций говорит: «Венера охладевает без Цереры и Бахуса». Также они рисуют её нагой, либо поскольку она выставляет своих поклонников голыми, либо поскольку грех похоти никогда не прикрыт, или поскольку он соответствуют лишь наготе. Они также считали розы находящимися под ее покровительством, поскольку розы растут красными и имеют шипы, подобно тому, как похоть краснеет к возмущению скромности и колет жалом греха; и как роза приносит удовольствие, но сметается скорой сменой сезонов, так и похоть приятна лишь моментом, но потом исчезает навсегда. Также они отдали голубей под её покровительство по той причине, что птицы этого рода неистово распутны в любовных утехах; с ней они также связывают три Грации (*Carites*), две из них повернуты к нам, и одна повернута в сторону, поскольку любая благодать отправляются в одиночку, а возвращается вдвоём; Грации обнажены, поскольку ни одна благодать не имеет и части утонченных украшений. Они также изображают её плавающей в море, поскольку любая похоть терпит кораблекрушение в своих делах, отсюда Порфирий в своих Эпиграммах заявляет: «Переживший кораблекрушение моряк Венеры гол и обездолен». Она также изображается носящей ракушки, поскольку, как отмечает Юба в своих трактатах по психологии, организм такого типа всегда связан в открытом сочленении сквозь все его тело.

2.2. Сказание о Геракле и Омфале

Судьи, я прошу вас, будьте скромны в трудах, которыми вы предаете людей. Будь то чувства ребячества или изнеженности, замешанные в его любви, добродетели Геракла упорно сражались против похоти. Влечение к женщине сильнее всего мира, поскольку величие мира не смогли одолеть в нем жёсткую тягу к похоти: она нанесла удар через женское зло, чему его добродетели не могли противостоять по своей природе. Геракл влюбился в Омфалу, убеждавшую его смягчить нежные и сморщенные части волокна и хорошенько покрутить круг веретена своим большим пальцем. Геракл зовется по-гречески так в честь *eroncleos*, что на латыни мы зовем славу сильного мужчины, отсюда Гомер говорит: «Мы слышали лишь слух». Также говорили, что он был сыном Алкея, в честь *alee,* что по-гречески переводится как принятие власти; и у него была мать Алкмена, в честь *aimera*, что на греческом значит солёный. Итак, от огня разума, от Юпитера, принявшего власть, от своего внука Алкея и соли мудрости, от Алкмены, что еще может родится как не слава и доблесть? Хотя он был покорен

похотью, а *onfalon* на греческом значит пупок, и похоть управляется женщиной, как говорит Святое Писание: «Пупок не был перерезан», что значит: «Твой грех не был отрезан». Утроба жестко привязана к этому, отсюда пуповинное ядро расположено здесь же для защиты новорожденных. Это показывает, что похоть может покорить даже добродетель, до сих пор не покоренную.

2.3. Сказание о Каке и Геракле

Поскольку воры испускают дым, любой сможет обнаружить расхитителя, даже когда тот отрицает это. Потому как он выталкивает черноту дыма, чтобы не быть обнаруженным, так и имущество, добытое воровством, исчезает в дыму. Говорили, что Как увел у Геракла часть скота и утаил его, оттащив его за хвосты в свою пещеру; но Геракл задушил его. *Cacon* по-гречески значит то, что мы называем злом. Так как любое зло испускает дым, что значит, выставляет либо то, что противоречит правде или свету, либо то, что оскорбительно смотрящему, так же, как вреден дым глазам, или подобно мрачной шутке. Зло, в своих разнообразных формах двулико и не прямолинейно; зло также вредит тремя путями, либо явно и агрессивно, либо тонко, подобно другу-предателю, либо секретно, подобно невидимому вору. Так он уводит скот, утаскивая его, чтобы замести следы, поскольку каждый злой человек для того, чтобы захватить чужое имущество, заботится об его охране и заметании следов. Так он возжелал имущество Геракла, поскольку всё зло противоположно добродетели. В итоге он прячет его в своей пещере, поскольку зло не бывает честным и с открытым лицом; а добродетель убивает зло и возмещает собственное имущество.

2.4. Сказание об Антее и Геракле

Антей объясняется как одна из форм похоти, отсюда на греческом мы говорим *antion* – вопреки; он был рожден из земли, поскольку похоть зарождается во плоти. Он также вышел более проворным, сохраняя соприкосновение с землей, как и похоть поднимается злорадней, когда разделяет плоть. Он также был побежден Гераклом и силой его славы, он гибнет, оторвавшись от земли, поднявшись ввысь, он более не мог рассчитывать на помощь матери; своими делами он показал свою явную легендарность. Когда добродетель упорно тянет ввысь разум и побеждает желания плоти, тогда и рождается победа. Поэтому также он сильно вспотел и долго боролся, поскольку тяжело бороться, когда борьба идет с похотью и пороками, как Платон говорит в своих философских писаниях: «Мудрый человек ведет скорее войну со своими врагами в лице пороков, а не людей». Также говорил и Диоген-киник, когда его мучила боль в легких, и видел он людей, пробегающих мимо амфитеатра: «Что за человеческая глупость: они торопятся увидеть бой человека с тенью, но пробегают мимо меня, сражающего с болью природного характера».

2.5. Сказание о Тиресии

Тиресий увидел двух спаривающихся змей; когда же он поразил их своим посохом, то был обращен в женщину. Спустя некоторое время он снова увидел их спаривающимися и в своей манере поразил их снова, и был восстановлен в

своем прежнем поле. Юнона и Юпитер имели спор о степенях удовольствия друг друга в соитии и выбрали его арбитром. Он сказал, что мужчина обладает тремя двенадцатыми удовольствия, а женщина оставшимися девятью частями. В ярости Юнона лишила его зрения, но Юпитер пожаловал ему божественность. Какой бы чудовищной не была эта выдумка греков, она может быть объяснена. Они взяли Тиресия в качестве аллегории времени, в честь *teroseon,* что значит вечное лето. Весеннее время, которое мужского рода, поскольку в этом сезоне заключены закрытие и неподвижность растений, когда он увидел перед собой спаривающихся существ и ударил их посохом – что значит, в пылу гнева, он обратился в женский пол, что значит в летнюю жару. Они выбрали лето как форму женского начала, поскольку в этом сезоне цветущие растения порождают свои листья ввысь. И поскольку есть два сезона для спаривания, весна и осень, остановив свою беременность, он вернулся в предыдущее состояние. Осень раздевает все вещи, оставляя их в мужском облике, с текущим по венам деревьев живительным соком, проверив всё еще раз, и вытягивается, чтобы снова распустить сеть из листьев, оно в итоге подавляет свою опадающую оголенность. Затем его попросили быть судьей между двумя божественными элементами – огнем и воздухом в их споре о смысле любви. Он предоставил честнейшее судейство: цветущие растения требуют в два раза больше и воздуха и огня, поскольку воздух, соединяясь с землей, помогает произвести листья и пропитать всходы, а солнце служит созреванию посева. В доказательство этому он был ослеплен Юноной, поэтому в зимнее время чернеет от темных облаков в воздухе, но Юпитер помогает зачать будущие ростки, даря внутренние силы, то есть, предвидение, по этой причине январь изображается с двумя лицами, таким образом он может видеть и прошлое и то, что грядет.

2.6. Сказание о Прометее

Не было защиты земле, пока воровство, наконец, не достигло небес; там отсутствовало серебро и золото, но огонь мог быть украден. Говорят, что Прометей создал человека из глины, но оставил его без души и чувств. Минерва в своем восхищении обязалась помочь ему, и если что-нибудь из божественных подарков могло ему помочь, то он мог это попросить; если это было бы возможно она бы подняла его к богам и затем, если бы он там увидел что-нибудь полезное для своей глиняной мастерской, поскольку он обладал более отточенным глазом в своем деле. Она унесла работника, подняв его в небо между складками ее щита с семью покрытиями; и когда он увидел небесных существ, замешанных в пылающих парах, он втайне прикрепил пучок укропа к колесам колесницы Феба и украл огонь; подложив его в хилую грудь человека, которому он дал телесную жизнь. Описывают, как он был привязан на бесконечное истязание его печени стервятником. И хотя Никагор в своей книге *Distemistea* описывает, как он впервые был изображен и объясняет истязание его печени стервятником как представление враждебности, сравните с Петронием Арбитром, который говорит:

Стервятник отбирает печень внутри
И пробует грудь и внутренности

Но это не он, чье имя поэты зовут,
А злоба и разврат внутри сердца;

и Аристоксен в своей книге *Lindosecemarium* делает похожее предположение. Я все же считаю Прометея названным в честь *proniantеu*, что на латыни мы зовем божественное предвидение. Таким божественным предвидением и великой мудростью Минервы и был создан человек, и божественным огнем они хотели объяснить нам божественное вдохновение души, которая согласно язычникам, была взята с небес. Печень Прометея, что была пожираема стервятником – это то, что мы зовем сердцем, поскольку немалое количество философов гласили, что мудрость обитает в сердце, отсюда Ювенал говорит: «Деревенская молодежь не чувствует трепета в левой стороне груди» Также они объясняют стервятника как аллегорию к миру, поскольку мир вращаем случайными поспешными полетами и кормится бесконечными потоками трупов и новорожденных. Так кормится и поддерживается мудрость божественного поведения, не имеющая своего конца, и мир в любом случае не сможет отказаться от такой пищи. Затем было сказано, как была вылеплена Пандора, которая по-гречески значит подарок для всех, поскольку душа дарована всем и повсеместно.

2.7. Сказание о Прелюбодеянии Венеры

Солнце раскрывает прелюбодеяния Венеры, в то время как Луна привыкла их утаивать. Венера возлегла с Марсом, и Солнце, обнаружив ее, предало её мужу Вулкану, выковавшему стальные оковы, и приковало обоих божеств, выставив их лежать в своем стыде. Будучи в горе, она (Венера) воспламенила в любви пятерых дочерей Солнца – Пасифаю, Медею, Федру, Кирку и Дирку. Давайте взглянем, куда нас может завлечь эта болтовня поэтов. В настоящее время определенно остались полные свидетельства этому сказанию. Овидий в пятой книге своих *Metamorphoses* говорит: «Этот бог был первым увиденным». И эта доблесть была испорчена похотью, она позорно удерживалась узоподобной хваткой пыла. Так она породила в огне пять дочерей Солнца, что есть пять человеческих чувств, посвященным свету и правде, и сделаны они были из испорченного солнечного выводка. По этой причине были выбраны эти пять имен для дочерей Солнца: Пасифая, первая увиденная, в честь *pasinfanon*, что мы на латыни называем очевидной для всех, поскольку зрение смотрит на остальные четыре чувства, когда они изрекают высказывания, отмечает, что можно потрогать, смотрит, что можно попробовать, и указывает, что можно понюхать; вторая, Медея, в честь слышимого *medenidean,* что на латыни мы называет непросматриваемое, поскольку голос пуст в теле; третья, Цирцея, в честь прикосновения, что по-гречески зовут *cironcrme,* а на латыни мы зовем суждение рук; четвертая, Федра, или пахучая, или как если бы сказали *feronedon*, за перенос сладостей; пятая, Дирка, судит по вкусу, в честь *drimoncrine,* что на латыни мы зовет суждение по горькости.

2.8. Сказание об Одиссее и Сиренах

Сирены названы обманщицами греков, их заманивание к любви объясняется тремя способами – пением, взглядом, и привычкой: некоторых созданий

любят за удовольствие от их пения, некоторых за красоту их внешности, а некоторых за приятные привычки. Спутники Одиссея прошли их, заткнув уши, а он проплывает мимо них привязанный. Одиссей на греческом *olonxenos*, что значит странник для всех; и поскольку мудрость есть странник для всех вещей на земле, Одиссей был назван ловким. Он и видит, и слышит, признает и оценивает, но все же проходит мимо Сирен, то есть завлечение удовольствиями. А умирают они, поскольку они были услышаны, в том смысле мудрый мужчина отставляет в сторону снисходительные чувства к себе. Они также окрыленные существа, поскольку они могут быстро входить в разум любящих; в то же время, у них куриные лапы, поскольку потакание похоти рассеивает всё имущество. Наконец, они названы Сиренами, поскольку *sirene* на греческом есть предательство.

2.9. Сказание о Сцилле

Утверждают, что Сцилла - самая красивая дева, созданная Главком, сыном Анфедона. Кирка, дочь Солнца, думала о нем много и начала ревновать к Сцилле, положила магические травы в ванну, где она привыкла мыться. Когда она погрузилась туда, ее пояс наполнился волками и дикими морскими псами. Сцилла на греческом зовется в честь *exquina,* что на латыни мы зовем насилием. А что есть насилие как не похоть? Главк любит похоть, а Главк на греческом есть одноглазый, отсюда мы зовем слепоту глаукомой. Любой, кто падок на разврат, слеп. Он назывался сыном Анфедона, поскольку Анфедон на греческом *antiidon,* что на латыни мы называем видение противоположного; так и воспаление глаз порождается противоречием зрения. И Сцилла объясняется как символ блудницы, поскольку весь её похотливый пах должен быть наполнен собаками и волками; и она действительно ими наполнена, поскольку она не может удовлетворить свои интимные части вторжениями или чем-нибудь другим. Но говорилось, что Цирцея ненавидела её. Цирцея, как было написано выше, названа в честь *cironcrine*, суждения умелой руки, как говорит Теренций: «От изнурения от удовольствия, она приняла предложение и впоследствии установила торговлю». Одиссей также проплыл мимо неё нетронутым, поскольку мудрость презирает похоть; у него была целомудренная жена Пенелопа, поскольку целомудрие связано с мудростью.

2.10. Сказание о Царе Мидасе и реке Пактоле

Царь Мидас попросил Аполлона, чтобы все, к чему он прикоснется, обращалось в золото; поскольку он заслужил это, но благо обернулось наказанием, и его начали мучать плоды его желаний, ибо всё то, к чему он прикасался, действительно превращалось прямо в золото. Поэтому это было озолоченной нуждой и бедностью посреди богатства, поскольку еда и питье затвердевали в золотую субстанцию. И он просил Аполлона изменить эту злую волю и получил ответ, что ему следует погрузить голову трижды в руки реки Пактол. От этого деяния Пактол постоянно стряхивала золотые пески. Очевидно, этим поэты прозорливо заманивают к алчности, по причине того, что любой следующий алчности, когда, наконец, устанавливает нужную цену, умирает от жадности, как и царь Мидас; но величайший вклад в его благосостояние, как пишут Соликрат и Кузин

в своих книгах по истории, было то, что всем своим доходом царь Мидас отвернул реку Пактол, однажды текшую в море, через бесчисленные оросительные каналы, что он опустошил жадностью те территории, которые она делала плодородными. Мидас или *medenidon* на греческом, значит ничего не знать, быть жалким и глупым, не способным себе помочь.

2.11. Сказание о Минерве и Вулкане

Когда Вулкан создал молнии для Юпитера, он получил от Юпитера обещание, что сможет взять все что пожелает. Он попросил руки Минервы; Юпитер приказал ей с оружием в руках защищать свою девственность. Когда они возлегли на брачное ложе, Вулкан в борьбе пролил свое семя на пол, и так был рожден Эрихтоний с ногами змеи, в честь *eris*, что на греческом есть яростная атака и *ctonus,* что есть название земли. Минерва спрятала его в корзине, доверила его змее, ставшей ему защитником, двум сестрам Аглавре и Пандоре. Он был первооткрывателем колесницы. Они объясняли Вулкана как огонь ярости, отсюда Вулкан назван пылающим в желаниях; он создал молнии, то есть встряхнул свою ярость. Они выбрали его мужем Минервы, поскольку ярость обеднена мудростью. Она защищала свою девственность силой оружия, что значит, что мудрость защищает от ярости целостность своих обычаев силой разума. Эрихтоний действительно был рожден, *eris* по-гречески значит яростную атаку, а *tonos* значит не только землю, но также значит зависть, отсюда Фалес из Милета говорит: «Зависть есть пожиратель мировой славы». А что еще, как не нападение зависти, может ослабить ярость, что производит мудрость? Мудрость, то есть Минерва имела ее в корзине, что значит утаивание в сердце, поскольку мудрый человек утаивает свою ярость в сердце. Минерва расположила рядом змею как защитника, что значит разрушение, которое она доверила двум девам, Аглавре и Пандоре. Пандора названа подарком для всех, Аглавра названа в честь *acouleron,* что значит позабыть о грусти. Поскольку мудрый человек доверяет свое горе или доброте, которая является подарком для всех или для позабывших, как говорит Цезарь: «Вы, кто ничего не забываете, кроме ошибок, что вы совершили». Когда Эрихтоний подрос, что он изобрел? Ничего кроме ипподрома, где всегда есть место ярости или зависти, как говорит Вергилий: «Эрихтоний первым пожелал соединить колесницу и четырех лошадей». Отметьте, что заслуга в соединении целомудрия и мудрости, над чем даже бог огня не смог превозмочь.

2.12. Сказание о Дионисе

Юпитер возлег с Семелой, которой был рожден Отец Свободы, он взревел и обратился против нее с молниями; благодаря чему отец отказался от ребенка и, расположив его на собственном бедре, позже отдал его под уход Маро. Было названо четыре сестры, включая Семелу, Ино, Автоною и Агаву. Давайте выясним, что символизирует это сказание. Есть четыре стадии опьянения – первая есть переизбыток вина, вторая есть забывание вещей, третья есть похоть и четвертая – безумие – отсюда они четверо приняли имя от Вакха; Вакх назван так за его ярость (*baccantes*) в вине. Первая Ино, в честь *inos,* как на греческом мы зовем вино, вторая, Автоноя, в честь *autenupoe*, в честь ее высокомерия; третья

Семела, в честь *somalion,* что мы на латыни зовем раскрепощенное тело, ее роль в качестве матери Отца Свободы значит рождение похоти опьянением; четвертая, Агава, сравнима с безумием, поскольку ярость вина освобождает человеческие мысли; говорится, что он смог завоевать жителей Индии, поскольку первенство определенно отдано вину, в двух отношениях, первое в том, что неистовая солнечная жара заставляет их пить, другое в том, что в той части света, где вино подобно Фалерну, или Мероэ, в котором заключена такая сила, что даже признанный пьяница едва ли выпьет четверть за весь месяц; поэтому Лукан говорит: «Фалернское, к которому добавили Мероэ, вынуждает бродить свою неподатливую натуру», и оно никаким способом не может быть разбавлено водой. Уход за Дионисом был доверен Маро, иначе Меро, (названной) в честь *merum,* что значит поддержание в опьянении. Также говорили, что он скакал верхом на тиграх, поскольку любое опьянение сопровождается дикостью; и разум под воздействием вина размягчается, он также назван Лиэем (Lyaeus), отличным в мягкости. Дионис изображен молодым, поскольку опьянение не бывает взрослым; и он изображен голым, либо поскольку любой пьяница подвержен ограблению, либо, поскольку пьяница лежит, оголяет тайны своего разума.

2.13. Сказание о Лебеде и Леде

Хотя тяга похоти позорна для всех мужчин, нет ничего хуже, если она сопряжена с честью. Неизвестно, что приводит в движение отношения похоти и чести, всегда противопоставленные достоинству. Он, ищущий того желаемого божественного, должен остерегаться того, чтобы оно стало тем, чем не было. Юпитер, обратившись лебедем, возлег с Ледой, отложившей яйца, из которых родились трое: Кастор, Поллукс и Елена Троянская. Эта легенда имеет привкус аллегорического толкования. Юпитер толкуется как символ правды, Леда в честь *lide,* что мы на латыни зовем оскорбления или ругань. Так все силы вовлекаются оскорблениями, меняющими их великодушный внешний вид. Он обратился в лебедя, поскольку натуралисты, в особенности Мелит и Эвбея, излагавших мнения всех ученых естественных наук, провозгласили, что птицы этого вида настолько наполнены руганью, что когда птица галдит, оставшиеся кругом птицы умолкают. По этой причине он также назван *olor*, выведенным из *oligoria,* что на латыни мы зовем оскорблением. Часто благородство оборачивается оскорблениями, или при обязательном участии оскорблений. Но давайте рассмотрим, что производится от этого союза, не меньше яйца, лишь яйцо, ибо вся грязь, смываемая при рождении, остается внутри, таким образом, в мире ругани все остается нечистым. Но из яиц родились трое: Кастор, Поллукс и Елена, не меньше чем рассадник скандалов и распрей, как я однажды писал: «Прелюбодеяние расшатывает миры и горе». Кастора и Поллукса объясняют как символы разрушения, отсюда объясняются символы (*signa*) Кастора в море созидающим опасности; они говорят, что оба возвысились и пали попеременно, поскольку гордость всегда командует, но всегда падает; отсюда на греческом слово *iperefania* значит гордость. *Iperefania* прямое определение внешности наверху, поскольку в этих двух созвездиях, названных в честь братьев, один появляется наверху, а другой тонет внизу, как Люцифер и Антифер; на греческом Поллукс

назван в честь *apo tu apollin*, что значит, поиск разрушения, а Кастор в честь *cacon steron*, что значит конечное зло.

2.14. Сказание об Иксионе

Тот, кто ищет стремиться к большему, чем заслуживает, останется с еще меньшим, чем имеет сейчас. Так Иксион искал брака с Юноной, он украсил облако по ее подобию, и в своей любви к ней он породил Центавра. Как нет ничего более привлекательного римской правды, так и нет ничего более причудливого, чем греческая ложь. Они объясняли Иксиона Аксионом, поскольку на греческом ценность зовется *axiota*. Юнона богиня владычества, поэтому, как я ранее объяснял, ценность, стремящаяся к владычеству, заслуживает облака, что есть, по крайней мере, симуляция ценности. Владычество длится вечно, а мимолетная временная власть завистлива и поспешна в овладении крыльями, дающими скорее иллюзию мимолетных достижений, нежели их истину, дает лишь пустой взгляд подобный качеству ветра. Ватиний провидец привык говорить, что почести различных городов разыгрывались во сне подобно городскому фарсу; и хотя каждый из них провозглашал свое безразличие, все же почести Рима казались превосходящими, поскольку они были частично истинным почетом, покуда остальные были смешны и мимолетны. Я верю, что он прочел настроения Клеобула философа, когда тот сказал: «Жизнь – это фарс». Теперь позвольте нам исследовать эту легенду. Дромокрит в своей Теологии пишет, что Иксион первым достиг славы в греческом царстве, и первым из людей собрал себе сотню всадников, отсюда сотня вооруженных людей зовется Кентавром (они должны были зваться *centippi*, поскольку они изображены как полулошади), а также как настоящая сотня вооруженных людей. Этот Иксион, в короткое время захвативший авантюристское владение, лишился правления им; отсюда они говорят, что он был осужден к колесованию, поскольку полный круг колеса уносит вниз то, что было наверху. Этим хотят показать, что все, кто стремится овладеть мечом и насилием, в один момент остается наверху, а в следующий - сброшен вниз, как колесо, не имеющее твердой вершины.

2.15. Сказание о Тантале

Тантал гигант хотел проверить сверхъестественную силу богов, представив своего сына Пелопса в качестве блюда к столу; за это он был жестоко наказан. Они говорят, что в подземном мире он находился в водоеме, манящие воды которого лишь вскользь касаются его губ, и фрукты появлялись, свисая прямо над его лицом, но любое прикосновение обращало их в пепел. Казалось, он процветал, но на деле у него ничего не было: манящие воды оставляли его в жажде, и фрукты делали его голодным. Петроний кратко объясняет эту сказку, говоря:

Бедный Тантал, хоть и побужден своими желаниями,
Не может ни пить воду вокруг него, ни схватить висящий фрукт.
Это будет изображением великого и богатого человека, имеющего всё в изобилии,
И все же проглатывающего лишь свой голод пересохшим ртом.

2.16. Сказание о Луне и Эндимионе

Луна избрана быть Прозпериной в подземном мире, либо поскольку она светится в ночи, либо поскольку следует нижнему кругу и восседает над землей, в том смысле, что не только земля, но и камни, и умы живых существ, и – во что гораздо труднее поверить – даже испражнения, выброшенные в садах ко времени восходящей луны, производят маленьких червячков, как ответ всех их на ее убывание и восхождение. Они также выбрали Диану, луну, править лесами, поскольку она способствует росту живицы деревьев и фруктов. Далее, также леса, обрезанные светом восходящей луны, гниют с опилками в норах жуков. Говорили, что она влюбилась в пастуха Эндимиона по одной из двух причин, либо поскольку Эндимион был первым мужчиной, открывшим путь луны, изучав за всю жизнь лишь это открытие, он спал 30 лет (Мнасей относил это в своей первой книге к Европе), либо что она влюбилась в пастуха Эндимиона, поскольку влага ночной росы, которая является выдохом звезд, и животворящая луна смачивают живицу травы, оказывая овцам хорошую услугу.

ИОАНН МАЛАЛА. ХРОНОГРАФИЯ
КНИГА IX

Перевод **К.О. Попкова** под ред**. Н.Н. Болгова**

Время консулов Рима

1. (P. 214)[1]Римское государство управлялось прежде консулами, 464[2] года, до Юлия Цезаря, диктатора. Он не был рожден обычно – после того, как его мать умерла на 9 месяце, ее чрево вспороли и вытащили младенца[3]. Поэтому его и назвали Цезарем, ибо в римском языке Цезарь означает «рассеченный».

2. Когда он вырос и возмужал, он был назначен триумвиром с Помпеем Магном и Крассом. Римское государство управлялось ими троими. После гибели Красса, захваченного персами в битве на персидской земле, Цезарь, диктатор, остался сражаться со своей армией в западных регионах. Когда он был лишен консульства, а значит и триумвирата, после особого совета Сената[4] [P. 215] и его тестя Помпея Магна, Юлий Цезарь разгневался и восстал против римлян. Одержав победу над врагами империи, он начал кампанию против римского Сената и Помпея Магна. Он достиг Рима, захватил его и убил всех сенаторов. Помпей выступил против него, но увидел, что не в силах сражаться с ним[5], поэтому покинул западные земли и устремился на Восток, намереваясь удержать эти земли. Юлий Цезарь диктатор стал единовластным хозяином Рима и всех западных зе-

[1] Здесь и далее подобным образом указаны ссылки на страницу первого издания.
[2] В славянской версии 465 лет, у Георгия Кедрина и Георгия Амартола–364 года, в Пасхальной хронике – 393.
[3] В рукописи Ba: «вытащили его как младенца»
[4] В славянской версии: «Советом всех боляр римских». В Пасхальной хронике: «советом всех членов Сената».
[5] Дополнение из Славянской версии: «или сопротивляться ему».

мель и начал кампанию против Помпея Магна. Когда он настиг Помпея, он убил его в земле Египетской, как премудрый Лукан написал об этом[1].

Этот Цезарь был первым, кто получил единоличную власть над римлянами среди великого страха, и он претендовал на всю власть. Ибо после Селевка-Никатора македоняне были слабы и оставили вавилонские земли, позволив персам назначить себе царя. Также они позволили евреям утвердить тетрархию от римского Сената.

В это время жил Ливий, премудрый римский историк, который многое написал о римлянах.

3. После этого Юлий Цезарь, диктатор, то есть монарх, управлял всем высокомерно и единолично в течение 18 лет[2]. Он изобрел високосный год и [P. 216] установил законы для римлян, и назвал месяц в свою честь. Назначал же он каждый год консулами тех, кого сам хотел.

4. В это время премудрый римский поэт Вергилий написал повесть об Энее и Дидоне[3], которая была из Финикии, деревянном коне и захвате Трои.

5. Новости были немедленно разосланы о пришествии Юлия Цезаря диктатора, то есть монарха, мятежника, который захватил Рим, уничтожил Сенат и стал монархом. Эдикт достиг города Антиохии 12-го Артемисия-мая следующего индикта. Эдикт о Свободе города (с тех пор, как он стал частью Рима), посланный Юлием Цезарем, был прочитан в Антиохии 20-го Артемисия. Эдикт был провозглашен и звучал следующим образом: «В Антиохию, священную, нерушимую, автономную метрополию, управляющую и руководящую Востоком, Юлия Галия Цезаря и далее». Юлий Цезарь, диктатор, вошел в Антиохию[4] 23-го Артемисия. Он построил базилику, которую назвал Кесарион, напротив храма Ареса, который был переименован в Марцеллум, и установил здесь бронзовую статую римской Тихэ. Также он построил на месте, называемом акрополем, на горе Антиохии Великой, общественную баню для жителей акрополя [P. 217], проведя воду из известных рек, впадающих в Лаодикею, через построенный им акведук. Он также построил здесь Мономахион и театр, восстановил Пантеон[5], который был почти разрушен, и переустановил алтарь.

6. Отправившись в Александрию Великую, Цезарь построил здесь здания в честь сына от Клеопатры, которую он любил, ибо была она прекрасна собой. Он узнал, что Клеопатра была отправлена в Фивы ее братом Птолемеем, разгневанным на нее. Цезарь соблазнил ее, и она забеременела; она родила сына, которого назвала Цезарион. Юлий Цезарь построил Кесарион в Александрии, назвав его таким образом в честь своего сына. После изгнания брата Клеопатры, Птолемея, из Египетского царства, Цезарь дал ей то царство Египетское и казнил

---

[1] Дополнение из славянской версии: «и позднее Евсевий Памфил писал о том же в своей книге».

[2] Та же цифра (18 лет) в Славянской версии и у Георгия Амартола. В Пасхальной хронике и у Феодора Скутариота: «4 года и 7 месяцев с 4-го дня перед майскими идами 1-го индикта». Однако эта версия вряд ли восходит к Малале.

[3] В славянской версии: «Элисса».

[4] Дополнение из Славянской версии и Пасхальной хроники: «Великую».

[5] Дополнение из Славянской версии: «в Антиохии».

двух евнухов[1], которые вынудили Птолемея изгнать Клеопатру в Фивы. Сын Клеопатры и Цезаря умер в детстве.

7. После прибытия в Рим[2] Цезарь[3] был убит вторым Брутом и другими сенаторами, составившими заговор с ним, во время консульства Исаврика[4]и, во второй раз, Антония[5]. Антиохия Великая потому исчисляет свой первый год от Гая Юлия Цезаря, в его честь[6].

8. (P. 218) После[7] Цезаря Гая Юлия сенат Рима выбрал Августа Октавиана, родственника Цезаря, и Антония, зятя Августа через его сестру, и Лепида[8]. Трое стали триумвирами и управляли Римским государством[9] самостоятельно, назначая консулов каждый год.

9. На 15-м году триумвирата Октавиана Августа египтяне и Клеопатра восстали. Она построила в Александрии Великой Фарос, маяк на острове, называемом Протея[10], в двух милях[11] от Александрии; она насыпала землю и камни на всем расстоянии, чтобы звери и люди ходили по морю до этого острова и Фароса. Клеопатра выполнила эту огромную работу с помощью инженера Дексифана Книдского, превратившего море в землю. Когда вести о восстании египтян и их царицы Клеопатры достигли римлян, Антоний собрал войско и отправился из Рима на Клеопатру и египтян, а также на персидские земли, ибо они тревожили Восток[12].

10. Антоний вторгся в Египет с большой силой. Прибыв в Александрию Великую, он окружил и осадил ее [P. 219], отправив Клеопатре письмо с приказом сдать город, ибо он знал ее прежде, когда приходил в Египет вместе с Юлием Цезарем. Клеопатра отправила обратно Антонию обольстительное письмо, сообщая, что желает его. Антоний был обманут и, охваченный страстью, влюбился в нее и покорился ей. Клеопатра была маленького роста, но очень красива и обладала мистическими знаниями. Она впустила Антонина и его войско в город и вышла за него замуж. Затем Антоний, после женитьбы на ней, присоединился к ее восстанию против римлян. Пренебрегнув своей женой, сестрой Октавиана Августа и отвергнув ее, и собрав еще большую армию, он одержал победу над персами, отдав им многочисленные обещания. Также он построил множество быстрых лодок и либурнийских военных кораблей[13] и отплыл из Алексан-

---

1 В славянской версии: «сыновей».
2 Дополнение: «из Антиохии».
3 В Пасхальной хронике: «Гай Юлий Цезарь».
4 В рукописи Ba: «Хрисаврик».
5 41 г. до н.э.
6 Отрывок Пасхальной хроники дает чтение: «Поэтому это исчисляется как 1-й год Антиохии Великой, в честь эдикта о ее свободе и 1-й год 15-летнего цикла индиктов исчисляется от 1-го года Гая Юлия Цезаря».
7 В пасхальной хронике и Славянской версии: «После смерти».
8 В рукописи Ba: «Лепидий». В Славянской версии: «Леонид».
9 В Славянской версии дополнение: «до их смерти».
10 В Славянской версии: «Кеус».
11 В Славянской версии, Пасхальной хронике, у Георгия Кедринаи Иоанна Никиусского: «4 мили».
12 В Славянской версии: «они тревожили Восток весь смутами».
13 В Славянской версии: «колесниц военных».

дрии. Он выступил против римлян с Клеопатрой, ибо сам хотел захватить Рим, и намеревался достигнуть Рима[1] по пути через землю, называемуюЭпиром.

Когда вести об этом восстании Антония и Клеопатры достигли Рима, Октавиан незамедлительно собрал войско против них для блага Рима и из-за оскорбления своей сестры, ибо Антоний отверг ее. Октавиан взял властного стратига, выбрав из Сената человека по имени Марк Агриппа, и женил свою сестру Октавию на нем. Он выступил из Рима вместе со стратегом Агриппой и его военными силами. Когда он прибыл в земли Эпира, на мысе, известном как Левкаты, он сразился [P. 220] с Антонием и Клеопатрой в великом морском сражении, как премудрый Вергилий написал в его «Повести о Щите»[2] в восьмой книге. Воины обеих армий покрыли землю и море. Многие из воинов Антония и Клеопатры[3] были убиты в битве, так что морская вода смешалась с кровью, и ничего не было видно кроме волн крови. После победы Октавиан Август убил Антония, а Клеопатру пленил, заковал в цепи и отпраздновал триумф. Он приказал, чтобы она под охраной была доставлена в Рим в качестве пленницы и была проведена во время триумфа. Но Клеопатра покончила с собой и умерла, будучи укушенной коброй, ибо она перевозила кобр и других змей[4] в ее кораблях для сражения. Пока она охранялась воинами, она умерла, будучи укушенной коброй, не желая быть привезенной в Рим живой. После смерти ее тело забальзамировали и привезли в Рим в качестве подарка сестре Октавиана Августа[5], как премудрый Феофил написал**.** Те, кто написал местную хронику Александрии Великой, говорят, что Клеопатра была захвачена[6] в Египте, а также другие вещи, которые противоречат римским писателям.

11. После этой великой победы Октавиан Август вместе со своим стратегом и зятем Агриппой оставил землю [P. 221] эпирскую и отправился подчинять землю египетскую и праздновать триумф в честь победы. На обратном пути он со своим войском починил другие земли и упразднил их топархии. Октавиану было 18 лет, когда он стал триумвиром. Египетская же война длилась много лет.

12. Пройдя всю Европу, Август Октавиан перешел через Византий в Халкедон, город в Азии. Он сразу же назначил наместником Вифинии человека по имени Луца, выбрав его из числа своих сторонников, свергнув владеющего страной Динара[7], который был ранее назначен его дядей Цезарем. Вифиния уже имела наместника, потому что до этого Помпей Магн захватил Вифинию после смерти ее топарха Никомеда, который был из македонского рода. Когда он умер, он отдал ее римлянам.

13. Август Октавиан покорил Галатию, одолев тетрарха Дейотара[8]. Он укрепил деревню, называемую Арсин и превратил ее в город, который он назвал

---

[1] Вариант: «города Рима».
[2] Энеида.
[3] В рукописи Deinsid: «великое множество с обеих сторон».
[4] В рукописи Deinsid и в Славянской версии: «в кувшинах».
[5] В Славянской версии: «сестре Августа Октавии». De insid: «Октавиану Августу и его сестре».
[6] В рукописи Ba: «осталась».
[7] Возможно, имеется в виду Домиций Агенобарб, наместник Антония в Вифинии в 40-34 гг. до н.э.
[8] В рукописи Ba: «Дениотар».

Анкира, потому что она находилась между двух морей, Понтийского и Левантийского. Принеся в жертву девственницу по имени Грегория в качестве обряда очищения, он создал провинцию Галатия, оставив здесь галльских солдат защищать местность и город, и он назвал как местность [P. 222], так и реку Галлией в честь них. Также он захватил управляемые Дейотаром провиции Ликию и Памфилию, подчинив их римлянам и послал своего стратега по имени Квириний[1] с огромным войском. Он сделал Фригию Пакатиану, которая была частью тетрархии Дейотара, частью Рима и отправил своего стратига Пакатиана с войском. Он также захватил Ликаонию, чьим топархом был Ликаон, сын Каписа[2], который смиренно преклонился Цезарю. После победы над ним, Цезарь взял его с собой в Египет, ибо был он доблестным человеком[3]. Сирия и Киликия ранее были присоединены римлянами при Юлии Цезаре.

14. Прибыв в Сирию, Август вошел в Антиохию Великую, чтобы отпраздновать триумф со своим зятем Агриппой в честь победы над Антонием[4] и Клеопатрой. Агриппа был очарован городом и построил общественную баню за городом, около горы, обнаружив там источник. Он назвал его в свою честь Агриппиананом; сейчас это место известно как баня Ампелиона[5]. Он также построил группу домов и бань, назвав весь этот район Агриппиновым. Агриппа из-за многочисленного населения также построил дополнительную трибуну в театре Антиохии, расположив ее над первой.

15. Оттуда Август отправился в Лаодикею, [P. 223] город в Сирии. В этом городе он построил огромный театр, установив в нем собственную мраморную статую. Он также построил в городе огромный тетрапилон, который до этого был небольшим и украсил его колоннами, отделав их мрамором и мозаикой и отпраздновав здесь триумф в честь своей победы. Также он установил на тетрапилоне бронзовую статую с четырьмя конями.

16. Также он покорил Финикию[6], отправив своих стратегов Лукулла и Понтия с большой силой. Когда они разгромили топарха Тиграна, Август сделал ее провинцией. Он подчинил себе, то есть римлянам, область, называемую Аравией, которая управлялась царем сарацинских варваров Арабом. Он укрепил местность, которую назвал Бострой в честь отправленного им стартига Бостра, и покорил оставшиеся царства, кроме Каппадокии, чьим топархом был Архелай, и царства Ирода, то есть земли Иудейской, поскольку оба они преподнесли ему богатые дары.

17. Ирод, царь Иудейский, вымостил дорогу вокруг Антиохии Великой в его честь, ибо плохие были [там] дороги. Он вымостил их из белого камня. Оба топарха назвали[7] в честь Цезаря свои метрополии. Ирод, царь [P. 224] и топарх,

---

1 В рукописи Ba: «Курион».
2 В рукописи Ba: «Капноса».
3 В Славянской версии: «После победы над ним Август поручил ему свои владения и взял с собой в Египет».
4 В славянской версии дополнение: «мучителем».
5 Рукопись Bo: «Ампелинона».
6 В Славянской версии: «Финикийскую землю».
7 В Славянской версии: «Он приказал оба царства назвать».

переименовал в Кесарию город в Палестине, ранее известный как Башня Стратона. А царь и топарх Архелай переименовал в Кесарию город в Каппадокии, ранее называемый Мазака, ибо Цезарь был дядей Августа и позволил им управлять тетрархией до конца их дней[1].

18. Он покинул Палестину и захватил Египет. После его присоединения он вошел в Александрию Великую, отпраздновал триумф здесь в честь своей победы и подчинил Египет римлянам. Он первый назначил управлять египтянами в Александрии Великой наместника из числа своих союзников – человека по имени Корнелий Галл, дав ему титул августала, символа собственного имени.

19. Август пересек Египет[2] и возвратился в Рим, ликующий и гордый, ибо завоевал он весь мир. Восстав против Сената, он управлял самовластно и надменно. Он убил Брута – убийцу своего дяди Цезаря. Он пошел и обезглавил Брута, когда тот охранял с армией Фессалию[3], во время консульства Кальвина[4] и Поллия[5], как написал премудрый римский поэт Лукан.

20. В это время жил Сосибий, антиохийский сенатор, который возвратился вместе с Августом в Рим. Он умер[6], оставив свое состояние родному городу[7] с тем, чтобы каждое пятилетие в месяце Гиперберетее[8] [P. 225] в течение 30 дней здесь проводились состязания в театральных и драматических представлениях всех видов, а также атлетические соревнования и гонки на колесницах.

21. Зять Августа Агриппа отправился в Антиохию во второй раз. Он отчистил старый ипподром от валунов, которые оказались здесь после последнего землетрясения. Он посмотрел различные представления и ушел оттуда[9] в восторге. Квинт Марциан, царь римлян[10], прежде совершил строительство этого старого ипподрома, а также древнего дворца за свои средства, прибыл[11] в Антиохию Сирийскую посетить Филиппа Барипа, македонянина, правившего Антиохией, для того, чтобы договориться о дани, которую он должен был заплатить римлянам.

22. Божественный Август стал первым единоличным императором римлян, а также оргиофантом. Он именовал себя так: Август Цезарь Октавиан, триумфатор, Август, могущественный[12] император, верховный правитель. Август

---

[1] В Славянской версии: «до конца его дней».
[2] В Славянской версии: «Август пересек море».
[3] В Славянской версии: «Того же Брута оставили, чтобы стерег Фессалию, и послал Август воинов и отрубил Бруту голову».
[4] В рукописи Ba: «Кальвизиан».
[5] 40 г. до н.э.
[6] В Славянской версии дополнение: «в Риме».
[7] В Славянской версии: «поручил городу в память о себе».
[8] В Пасхальной хронике: «перитий». В Славянской версии неопределенность между этими двумя формами, но предпочтительнее Гиперберитий.
[9] В Славянской версии: «из Сирии».
[10] Гленвилл Дауни везде утверждает, что это искаженный вид от «Квинт Марций Рекс», см.: *Downey G.* Q. Marcius Rex at Antioch // Classical Philology. Vol. 32. No. 2. Apr., 1937. P. 144-151.
[11] В Славянской версии дополнение: «из Рима».
[12] В Славянской версии дополнение: «Феликс».

правил в течение 56[1] лет. Внешне он был небольшого роста, стройный, с прямыми[2] волосами, красивыми глазами и хорошим носом.

23. Во время своего правления он построил храм Зевса в Риме и перестроил Капитолий, сделав оба здания огромными.

24. [P. 226] На 39-м году и 10-м месяце своего правления он опубликовал декрет и провозгласил, что должна быть проведена перепись всех земель, присоединенных им, а также тех, которые были захвачены ранее, во время консульства Агриппы во второй раз, и Доната[3]; и вся земля, принадлежащая римлянам, была обложена налогом Евменом и Атталом, римскими сенаторами. Император внушил великий страх, ибо был очень вспыльчив.

25. После 41 года[4] и 6 месяцев своего правления, в воскресенье 25 дистра, во втором часу дня, архангел Гавриил принес добрую новость святой Деве и Матери Божьей Марии, в городе Назарете, в консульство Кирения и Лонгина[5], когда Вителлий[6], ранее назначенный Августом, был наместником Сирии.

ИОАНН МАЛАЛА. ХРОНОГРАФИЯ
КНИГА XI

Перевод **Н.Н. Болгова**

Время императора Траяна и Третьего Бедствия в Антиохии (Антонины)
Траян (1-12)

1. [P. 269] После правления Нервы, божественный Траян царствовал в течение 19 лет и 6 месяцев. Он был высок, увядший в теле, с темной кожей, с тонкими чертами лица, короткими седыми волосами и глубоко посаженными глазами.

2. На второй год его царствования Иоанн Апостол и Богослов стал учить в Эфесе в качестве епископа и патриарха. После этого он исчез из поля зрения, и больше не видел никто, и никто не знает, и по сей день, что случилось с ним, как написали ученейший Африкан и Ириней.

3. В том же году [P. 270] Меердот, царь царей персов, который был парфянского происхождения, и его брат Осдрой, царь армян, начали нападение и подступили с большой силой, чтобы учинить войну римскому государству. В сопровождении своего сына Санатрука он (Меердот) захватил города и разграбил многие области.

Во время опустошения района Евфратесии он был сброшен с коня в момент езды. Он был тяжело ранен и умер естественной смертью. Тогда на пороге

---

[1] В Славянской версии: «52».
[2] В Славянской версии дополнение: «с прямыми, темными волосами и тонким лицом».
[3] 27 г. до н.э. Ошибка Малалы – в этом году Агриппа действительно стал консулом во второй раз, но вторым консулом был Октавиан Август.
[4] В Славянской версии: «40 лет».
[5] Отрывок LM (Laterculus Malaliensis) дает чтение: «Кириния». Славянская версия дает чтение: «Куина». Возможно, под «Куинием и Лонгином» скрываются консулы-суффекты 2 г. н.э. Тит Квинтин Кримпин Валериан и Публий Корнелий Лентул Сципион.
[6] В рукописи Ва: «Утиллий».

смерти он сделал своего сына Санатрука «Аршаком», то есть, царем царей, и поставил на свое место, ибо по-персидски «Torkim» означает императора. Санатрук, царь царей персов, продолжал опустошать римскую территорию. Когда Осдрой, царь армян и брат Меердота, узнал о смерти брата, он также немедленно послал своего сына Парфемаспата из Армении с большим войском, чтобы помочь своему двоюродному брату Санатруку, царю царей персов, против римлян. Когда божественный император Траян узнал об этом, он немедленно начал кампанию в 12-м году своего царствования и отправился из Рима против них в месяце октябре-Гиперберетее. Когда они прибыли на место сбора, он выступил с большими силами солдат и сенаторов и отплыл на Восток. Среди сенаторов был Адриан, его родственник через брак его сестры. Он достиг Селевкии в Сирии в месяц Апеллей-декабрь на мощном корабле, прибыв с базы под названием Битиллон, который был естественной гаванью недалеко от Селевкии [P. 271] в Сирии. Персы захватили Антиохию Великую и заняли ее, на деле - не силой оружия, но мирным соглашением и договором, по которым они контролировали и охраняли ее для персидского царя царей Санатрука. Для антиохийских сановников были установлены согласованные с ними сроки для мира и сдачи через посольства персидского царя. Царь персов согласился и послал двух барзамантов (barzamanatai), чьи имена были Фортин и Гаргарис, с большой персидской силой в 3000 человек. Как только император Траян достиг города Селевкии в Сирии на быстром корабле, он тайно написал антиохийским сановникам и всем гражданам, объявив о своем прибытии и сказав: «Мы знаем, что ваш город имеет большое количество собственных мужчин, не считая солдат, размещенных там. Персидских врагов, которые находятся в вашем городе, очень мало по сравнению с вашим количеством. Итак, пусть каждый человек убьет персов, которые находятся в его собственном доме, воодушевившись сердцем от нашего прибытия, потому что мы пришли, чтобы отомстить за римское дело».

4. Услышав это, антиохийцы совершили ночью нападение на персов в их городе. Они бодрствовали и убили их всех. Захватив Фортина и Гаргариса, двух персидских полководцев, носивших титул барзамантов, они убили их тоже, и тащили их трупы по всему городу, скандируя о них: [P. 272] «Смотрите! Фортина и Гаргариса тащат вместе в честь победы владыки Траяна. Давай! Давай! Гаргарис, Фортин!» Те персы, которые смогли убежать в то время, как тащили этих полководцев, выскользнули из толпы и убежали. В ту ночь они устроили пожар и сожгли небольшой участок города в районе под названием Скепине. Услышав это, император Траян похвалил за храбрость граждан Антиохии. Флот экспедиции, прибыв из Селевкии, направился в священную рощу Дафне, чтобы помолиться и совершить жертвоприношения у храма Аполлона. И уже из Дафне Траян послал указы антиохийцам о том, чтобы трупы персов, которые были убиты, были убраны из города; они должны были быть свалены на некотором расстоянии от города и сожжены. Весь город должен был быть очищен, и там должны были разведены костры из лавровых ветвей в каждом квартале и на каждом перекрестке города, и много ладана надо было бросить в огонь из лавровых ветвей. Требовалось также бить в барабаны и через весь город прогнать злых духов из убитых персов, и всё это было сделано. Император Траян прибыл из Дафне и

вошел в Антиохию Сирийскую через так называемые Золотые ворота, то есть, Дафнейские ворота. Он нес корону из оливковых веток на голове. Это произошло в четверг 7-го Авдинея-января, в четвертом часу дня. [P. 273] Он приказал бить в барабаны каждую ночь в течение 30 дней, а также распорядился, что это должно делаться каждый год в то же время, как память о разрушениях персов. Это записал Домнин летописец.

5[1]. В то время как император Траян проводил время в Антиохии Сирийской, строя планы в связи с войной, Тибериан, губернатор провинции Первая Палестина, послал ему следующее сообщение: «Победному императору Цезарю, божественному Траяну. Я изнемог, наказывая и убивая галилеян, которые принадлежат к вере тех, которые известны как христиане, в соответствии с вашими указами, и они не останавливаются против оговора себя для того, чтобы быть преданными смерти. Таким образом, я очень много работал, советуя им, угрожая им, чтобы они не были настолько смелыми, предав себя мне, как приверженцы веры, упомянутой выше. Но они не стали сдаваться и подверглись преследованиям. Поэтому соизвольте издать указом мне решение на этот счет Вашего триумфального Величества». Траян приказал ему прекратить убивать христиан. Точно так же он дал этот приказ губернаторам везде, а не в будущем, чтобы убивать лишь тех, кто точно известны как христиане. И началась небольшая передышка для христиан.

6. Траян покинул Антиохию Великую и начал войну против персов. В этом деле он завоевал их полностью. Услышав, что произошла ссора между Санатруком, царем царей персов, и его двоюродным братом Парфемаспатом, [P. 274] император Траян направил послание Парфемаспату и предложил ему взятку, обещая передать ему державу персов, если он станет его союзником. Парфемаспат принял деньги и пришел к Траяну ночью. Приняв его и его войска на свою сторону, сам божественный Траян выступил против Санатрука, царя царей персов. Многие персы погибли, и он захватил Санатрука, царя царей персов, когда он бежал, и убил его. Траян сделал человека по имени Парфемаспат, сын Осдроя, царем царей персов, в соответствии с соглашениями, и персы, которые выжили, пали ниц перед ним. Траян написал в сенат в Рим: «Эта страна настолько неизмеримо обширна и отделена от Рима таким неисчислимым расстоянием, что мы не можем управлять ею, но давайте предоставим им царя при условии римской власти». Сенат написал ему из Рима, чтобы он сделал все, что он хотел, лишь бы считался с интересами Римской империи. Парфемаспат воцарился над персами. Наиболее узнал об этом

[1] Вариант перевода: Во время пребывания царя Траяна в Антиохии Сирийской, где он совещался о предстоящей войне [с парфянами], ему написал Тивериан, правитель первого палестинского народа: «Императору, непобедимому Кесарю, божественному Траяну. Отчаялся я карать и казнить галилеян по твоему постановлению о так называемых христианах, признавшихся под клятвой. Мне не перестают доносить об их убийствах. Ибо, презрев все мои увещевания и угрозы, они отважно являются в мое распоряжение, объявляя о своем вероисповедании, не страшась кары, и клянутся мне, что почитают за честь подвергнуться наказанию». И повелел ему Траян прекратить преследование христиан. Подобное распоряжение было разослано повсюду, - не истреблять всех тех, кого называют христианами. И наступило короткое затишье для христиан.

Арриан летописец, составивший сообщение о войне и победе божественного Траяна над персами; он исследовал это и записал все точно.

7. Император также построил метрополию Амида и создал провинцию Месопотамию, отделив ее от Осроэны, и придал ей губернатора и статус метрополии. Он также [P. 275] создал еще один провинцию на берегу реки Дунай, который он назвал Dacia Ripensis (Дакия Прибрежная).

8. Во время правления божественного Траяна Антиохия Великая близ Дафне претерпела свое третье бедствие, в воскресенье 13-го апеллея-декабря **(115 г.)**, сразу после [утренних] петухов в год 164-й по антиохийской эре, через два года после прихода божественного императора Траяна на Восток. Уцелевшие антиохийцы, которые остались в живых, построили храм в Дафне, на которых они написали: «Те, кто спаслись, возвели этот храм Зевсу Спасителю».

В ту же ночь, что Антиохия Великая пострадала, город острова Родос, который был частью Шестиградья (Hexapolis), потерпел второе бедствие от гнева Божия.

9. Благочестивый Траян возвел здания в Антиохии Великой, начав с постройки так называемых Средних ворот рядом с храмом Ареса, где ручей Пармений течет вниз, очень близко к тому, что теперь называется Мацелл, он вырезал над ним статую волчицы, кормящей молоком Ромула и Рема, так что следует признать, что это здание было римским. Он принес в жертву очень красивую девственницу - девушку из Антиохии по имени Каллиопа, во искупление и для очищения города, проведя для нее свадебную процессию. Он также восстановил сразу две великие колоннады, и построил много других сооружений в [P. 276] городе Антиохии, в том числе, общественные бани и акведук, который отводил воду, изливая ее из источников Дафне в так называемые [овраги] Агриай. Он назвал обе бани и акведук в честь себя. Также он завершил строительство театра Антиохии, которое оставалось неоконченным, и поместил в нем позолоченную бронзовую статую девушки, которую он принес в жертву. Статуя была помещена на четырех столбцах посередине нимфейона в проскении; она сидела над рекой Оронт, и венчала царей Селевка и Антиоха в облике Тихэ города. Император Траян жил в городе, когда гнев Божий поразил его.

10. Святой Игнатий, епископ города Антиохии, был замучен во время визита Траяна, ибо он навлек на себя гнев императора, оскорбляя его.

В то время Траян также арестовал пять человек, женщин-христианок из Антиохии, и допрашивали их, говорил: «Какова ваша надежда, что вы доводите себя до смерти?» В ответ они сказали: «Когда мы, убитые вами, воскреснем в теле, мы обратимся к вечной жизни». Он приказал сжечь их и смешал пепел от их костей с бронзой, а из этого металла он сделал сосуды с горячей водой в общественной бане, которую он построил. Когда баня вошла в обиход, у каждого, кто шел купаться туда, внезапно кружилась голова, и он падал, и тогда его выносили. Когда император Траян узнал об этом, он заменил эти бронзовые сосуды и сделал другие [P. 277] - чисто бронзовые, сказав: «Я был не прав, когда смешал пепел от их тел и загрязнил горячую воду». После того, как он сказал это, христиане стали резкими в нападках против эллинов. Он переплавил оригинальные

бронзовые сосуды и сделал пять бронзовых статуй женщин, говоря: «Посмотрите, это я воскресил их по своему слову, а не их бог». Эти статуи стоят в той общественной бане до настоящего времени. Он также приказал развести пламя в печи и приказал любому христианину, который этого хотел, броситься в нее сознательно. Многие бросились и стали мучениками. Именно в это время были замучены св. Дрозина и многие другие девы.

11. Он построил в Дафне храм Артемиды посередине рощи.

Император также создал две провинции в западных областях на другой стороне реки Дунай. Он назвал их Первой и Второй Дакией.

12. Тогда он был немедленно поражен болезнью и умер в возрасте 66 лет.

Адриан (13-20)

13. После правления Траяна Элий Адриан воцарился в консульство Аproниана и Нигера **(117 г.)**. Он правил в течение 22 лет и пяти месяцев. Он был среднего роста, крепкий, белокожий, с сединой в волосах, красивый, с густой бородой и серыми глазами, он был миролюбивым, красноречивым и набожным.

14. Он также построил в Антиохии Великой [P. 278] общественные бани и акведук своего имени. Он также построил «Театр[1] Родников» в Дафне и отвел воды, которые текли из оврагов Агриай. Он построил русла и сделал их весьма прочными при больших затратах, чтобы они выдержали силу воды и передавали ее через акведук, проведенный им в город Антиохию ради изобилия города. Он также построил храм Родников, из которого текли потоки воды в Дафне, и он поставил в храме нимф большую статую сидящего Зевса, держащего небесную сферу, в честь наяд; это было благодарственное приношение за завершение такой огромной задачи. Он заставил поток вод, что клокотал с весны под названием Сараманна, вытекать через канал и заливать русло, текущее весной в «Малый театр» ... Воды, выходящие из храма по пяти различным потокам, он назвал пентамодий, тетрамодий, тримодий, димодий и модий. Адриан праздновал фестиваль Источников на 23-й день месяца Десия-июня, и также там должны были состояться жертвоприношения. Он направляется в разрушенный весной Агриай, известный также как Паллас, и сооружает акведук для использования жителями священной [рощи] Дафне.

15. Перед тем, как Адриан воцарился, он был с императором Траяном, потому что он был связан с ним через родственный брак, когда великий город Антиохия пострадал от гнева Божия. Он был тогда сенатором. Многие сенаторы из Рима [P. 279] находились в городе Антиохии, когда он приказал им построить много жилых домов и терм в Антиохии.

16. Во время правления божественного Адриана, Кизик, который был крупнейшим городом провинции Геллеспонт, пострадал от землетрясения от гнева Божия в ночь на 10 ноября. Император оказал щедроты городу и восстановил его. Он предоставил деньги и чины уцелевшим гражданам. Адриан построил очень большой храм в Кизике, одно из чудес, и поставил там на крыше храма

---

[1] Храм.

мраморную статую, очень большой бюст самого себя, на котором было написано «Божественного Адриана», который сохраняется и поныне.

17. Адриан, возмущенный евреями, приказал эллинам обосноваться в Иерусалиме и изменил название города на Элия.

18. Во время своего правления Адриан также восстановил Колосс Родосский, который упал в результате землетрясения, гнева Божия, когда город острова Родос пострадал в прежние времена. Он лежал на земле в течение 312 лет, но ни одна из его частей не была потеряна. В процессе повторного возведения статуи, император поставил ее на своем месте, потратив три кентинария на машины, веревок и рабочих, как сообщается надписью о времени и расходах, связанных с этим событием.

19. Во время правления Адриана, человек по имени Маркион распространял омерзительную манихейскую веру, говоря, что сотворение мира прошло через некое злое существо. Он совратил [P. 280] много эллинов, евреев и христиан и обратил их в свое учение, как написал ученейший Климент.

20. Адриан построил город во Фракии, который он назвал Адрианополем. Им также был построен другой город, который он назвал Феры Адриана (Therai Hadrianou) (Охотничьи угодья Адриана). Он построил город в Египте, который назвал Антиноэ. Адриан опух от водянки и умер в Байях в возрасте 65 лет.

Антонин Пий (21-27)

21. После правления Адриана, Элий Антонин Пий Благочестивый царствовал в течение 23 лет. Он был высокого роста, с хорошей фигурой, светлой кожей, с серыми волосами и бородой, хорошим носом, широким лицом, виноцветными глазами и румяными щеками, он всегда улыбался и был очень великодушен.

22. Он построил в Гелиополе в Финикии Ливанской большой храм Зевса, и это тоже было одним из чудес. Он также построил форум в Лаодикее Сирийской, великое чудо, и Антониниановы общественные бани.

23. Он начал кампанию против египтян, которые восстали и убили августала Деинарха. После мести за него и победы он отправился в Александрию Великую и построил ворота Солнца и Луны и ипподром.

24. Когда он приехал в Антиохию Великую, он предпринял там мощение улиц великих колоннад, которые были построены Тиберием, [P. 281] и всего города. Он покрыл расходы, щедро используя камень из Фиваиды из его собственных ресурсов, а оставшиеся тоже внес из своего кармана. Он увековечил эту щедрость на каменной стеле и поставил ее у ворот, известных как ворота Херувимов, ибо именно там он начал. Этот памятник сохранился и по сей день, как свидетельство его великой щедрости.

25. Он также построил бани в Кесарии Палестинской, в Никомедии Вифинской и в Эфесе в Азии. Эти общественные бани он назвал в честь самого себя.

26. Когда он вернулся в Рим, он построил там большой акведук. Он сжег казначейские документы, в которых сенат имел письменное свидетельство эпохи Гая Юлия Цезаря, и его указ, которым сенаторам не разрешалось завещать имущество своим семьям, если они не передавали половину своего состояния правящему в то время императору. Благочестивый Антонин объявил своим священ-

ным указом, что каждый человек должен обладать своим имуществом и распоряжаться им, как он хотел.

27. Когда он был в Лории, Антонин заболел и в течение нескольких дней умер в возрасте 77 лет.

Марк Аврелий (28-31)

28. После правления Антонина, его сын[1] Марк Антонин, философ, царствовал в течение 18 лет и девяти месяцев. Он был небольшого роста, худощавый, со светлой кожей, имел короткие с сединой волосы, хорошие глаза, хорошую бороду, тонкие черты и длинный нос.

29. [P. 282] Император Марк обнародовал самый справедливый закон, по которому, в случае отсутствия завещания, отец должен был наследовать своим детям, и что четвертая часть имущества отца должна была быть уделена брошенным детям.

30. Во время своего правления он подчинил народ германцев. Не менее во время его правления были прославлены произведения великого Юлиана Халдея.

31. Император Антонин благоволил к факции Зеленых.

Он направился на территорию Паннонии, где заболел и скончался.

Вер (32-33)

32. После правления Марка Антонина, его сын Антонин Вер[2] царствовал в течение восьми лет. Он был хорошего роста, тучен, с кривым носом, имел хорошие глаза, темную кожу, короткие вьющиеся волосы, и бороду; он был великим бабником.

33. Он начал войну с одним из племен гуннов и, победив их, покорил многие другие племена без боя, потому что он был также щедрым. Он был убит в то время, как был процессором, в возрасте 39 лет.

КОРИПП. ПАГЕРИРИК ЮСТИНУ МЛАДШЕМУ ВСТУПЛЕНИЕ[3]

Прозаический перевод **Н.Н. Болгова**

... Бог даровал так, что все царства должны быть у тебя под ногами, и покорил (тебе) гордых царей, и прогнал прочь враждебные силы. Эти люди, известные авары, ужасные с их змеящимися волосами, страшного вида и жестокие в кровавой войне, (5) запросили мира посередине твоего дворца, умоляя с распростертыми волосами, признав твою власть и готовые служить, хотя и невозможно поверить в такое количество этих воинов, атаковавших римские знамена. Кто может

---

[1] В действительности не сын.

[2] Вер не был сыном Марка Аврелия.

[3] Стихотворный панегирик Кориппа открывается двумя Вступлениями – общим и мини-панегириком в честь квестора Анастасия. Основная часть состоит из IV песен. О произведении в целом см.: *Болгов Н.Н.* «Похвала Юстину Младшему» Кориппа и завершение традиции латинских императорских панегириков в Константинополе VI в. // Византия и византийское наследие в России и в мире. М.: МГУ, 2013. С. 26-29.

исчислить франков или гетов, так часто побеждаемых и побежденных в бою? Или тиранов, плененных и павших? Или свирепые народы лангобардов и гепидов, наносивших взаимные раны друг другу в своей свирепости на широких равнинах, когда удачей нашего императора были уничтожены две расы одна за другой, в то время как его собственные солдаты оставались в безопасности? В то время большое количество твоих врагов пало, наказанными собственным предательством. И теперь, после их борьбы, как победители, так и побежденные, служат во дворце. Ты лишь волей всемогущего Отца утвержден в высоком дворце и помещен на самый высокий трон. Твоя мать Вигилянция, источник твоих спокойных суждений, всегда в твоих глазах, как и та, которую ты носишь в целом своем сердце - милостивая императрица, Премудрость, разделяющая твое правление. И ты тоже, возводящий свое имя от названия Справедливости, держишь в твердой упряжке царей, которые должны быть подвластны. Все, что имеется в жизни, управляется этими тремя именами. Внешние народы борются друг с другом, спеша заключить договоры с Римом: из-за его справедливого правителя название Рима любят: каждый хочет жить в счастье под властью его благочестивого правителя. Даже тот, кто может похвастаться, что он друг солнца и следит за высокими рогами убывающей луны, и чтит и принимает предзнаменования от ночного блуждающего блеска звезд, покорился в страхе от тебя, и спешит согнуть свою гордую главу и опустить свою шею в подчинении. Почему я должен говорить о народах Ливии и сражениях в Сирте, уже описанных в моих книгах? Теперь есть под рукой время, чтобы петь о великих делах. Тот, кто благочестив, протяни правую руку к жаждущему старцу. Ты даешь мне подходящий материал для поэмы, которую я должен сочинить, ты даешь мне силу и энергию. Тебе предначертано победить непокоренные народы и повергнуть ниц варварские королевства, властвуй, молю тебя, яростью гнева моей судьбы, чтобы завоевать судьбу больше, чем завоевать в войне. Лишенный своих владений, и перенеся многие раны, я пришел к врачу, припадая к его благочестивой груди со своими мольбами, к врачу, который изгоняет болезнь одним словом, и кто стремится (уврачевать) раны без лекарств. По его словам, если подданные имеют лишь относительную лояльность, то я воздаю постоянную благодарность за его «лечение», и в качестве оплаты приношу мои стихи.

Панегирик в честь Анастасия, квестора и магистра

Когда я смотрю на великое древо твоих похвал, только один я изо всех сил стараюсь прикоснуться к высоким ветвям и выбрать крупные плоды с самых верхних пучков. Но я мал, а они слишком велики для меня; я не могу сделать то, что находится за пределами моих возможностей. Я смотрю на них издалека, и удивляюсь, как я их вижу, и протягиваю руки своим способностям и энтузиазму.

Плодородное дерево стоит в середине священной рощи, очень красивое на вид, раскинув свои плотные ветви по всему пространству земли, под тяжестью плодов всех видов даже вне сезона, и смешивая новые почки со спелыми фруктами. Его вершина касается звезд в вышних, а из-под его корней бьют ключи, и, напитавшись святыми водами, оно распространяет листву и свою вершину до облаков. Если это правильно сравнить малому среди великих, я в виде

дерева и родника предложил правильные образы. Но если бы я был должен думать, чтобы поступить иначе, почетный квестор, я просил бы о помиловании на основании моей простоты, не повинной злу. Ты - плодородное дерево, пьющее из императорского родника. Господь наш и общий благодетель является прекрасным родником при дворе, который обогащает всех, (20), кто раскидывает свои ветви над широкой землей, и пусть люди отдохнут в тени. Дай мне испить из этого источника. Ты сравниваешь меня с пищей, сладкой родниковой водой. Могу ли я с удовольствием питаться из этих источников и насытиться, могу ли я быть защищенным твоей тенью, (25) величайший из магистров, славой наших вождей, руководством мира, наблюдая за правом и справедливостью под эгидой императора, вождя справедливости, отца нуждающимся, стремясь смягчить все болезни благочестивыми суждениями, которыми ты отвергаешь взятки, повернуться спиной к жадности, а также отвергать желтое золото, [идущее] к квестору Анастасию, которого император видел преданным по дарам Христовым, и удостоил двойной должности. Счастлив весь мир с Юстином императором, счастлив этот век, в котором правила мудрости, счастливые люди с тобой, как судьи, люди, которых ты сам сделал радующимися (35) под властью благочестивых правителей. Хотя ты беспокоишься о мире в целом, несчастные африканцы особенно поднимают свои глаза и лица к тебе. Африка благодарит и уже чувствует твою помощь, и радуется, потому что граждане постоянно говорят о щедрых удобствах, которые они получили от Анастасия. (40) Сделай так, чтобы мне радоваться раньше, лучший из квесторов. Этот святой указ показывает, что мой труд дал мне, что благословил дальновидной бдительностью, заняв меня бессонными ночами, даже когда моя муза устала. Читай, почетный магистр, и внемли моей мольбе. Указ даст оценку (45) тебе и твоей службе. Из твоих струящихся источников, которые текут из-под земли, под твоим именем, я выполняю свой долг для императора. Жаль, что я устал от старости, и исцеляю свои раны твоим привычным благочестием, так что я могу поблагодарить тебя за счастье и провозгласить святые триумфы (50) непобедимому императору в счастливой песни.

КОРИПП. ИОАННИДА.
ПЕСНЬ I[1]

Прозаический перевод **Н.Н. Болгова**

Боевые знамена и командиров, ожесточенные народы и разрушения от войн я пою; предательство и гибель мужей, и жестокие труды. Я пою бедствия в Ливии и врага, сломанного в своей мощи, [когда] мужам голод приходилось терпеть и жажду, бросившие две армии в смертельную схватку. Я пою, как народы в беспорядке, павшие, восстали, и вождя, воспев его деяния с большим

---

[1] Всего в поэме VIII песен. Вступление опубликовано: *Болгов Н.Н., Болгов К.Н.* Кресконий Корипп и последний латинский эпос в Константинополе VI в. // Историческое произведение как феномен культуры. Сыктывкар, 2012. С. 182-189.

торжеством. Еще раз Музы хотят воспеть сыновей Энея. Мир восстанавливается в Ливии, и занимает свое место здесь, как [только] войны подходят к концу. Победа твердо стоит, сияя двумя крылами. Теперь Благочестие направляет свой взор на землю с вышних небес. Вместе со Справедливостью ее спутница, Гармония, радостные покровительницы, раскрывают обе руки в объятиях и восстанавливают мир.

Ты, Юстиниан, император, возвышающийся между ними, встаёшь с твоего высокого престола в своем триумфе и, как радостный победитель, даешь законы для этих поверженных тиранов; твой всем известный шаг наступает на всех этих царей, и теперь их пурпур с удовольствием служит римскому господству. Под ногами враг лежит, побежденный, суровые узы связывают племена, канаты стягивают племена, веревки спутывают их запутанные руки за спиной в тугой узел, и их жестокие шеи наказываются наложением цепей.

[Если бы я имел сто] уст, чтобы произнести песни ста сердец, мой дух будет слишком слаб, и мне бы не хватило таланта, необходимого, чтобы воспеть все это, начиная с опустошения обширных земель. И поэтому я коснусь лишь одной кульминации, и тех, кому принадлежат наивысшие похвалы.

Усталая Африка сотрясалась от великой опасности, диким безумием ввергнутая в огонь варварскими войсками, надменных в заговорах и железе, пламя и мужи заставляли гореть все города разграбленной земли и угоняли пленников из каждой части Африки. Теперь не делалось никакого различия; никто не мог избавить провидца или отблагодарить утомленного возрастом, захоронения которых требовал долг. Тогда каждый труп лежал, пронзенный мечами, и ни сыну не разрешалось поместить тело своего убитого отца в могилу, ни пролить горсть слез на его раны. Отец был убит, мать и дети были угнаны, а их имущество разграблено. Навалилась злая мощь Марса, и святые умерли, оставшись на пустынной земле. Благородные и бедные были ввергнуты в одну катастрофу. Горе раздавалось со всех сторон, ужас и печальный страх посетил весь народ, и вся земля была брошена в беспорядок тяжелых опасностей. Кто опишет слезы, разрушение, добычу, пожары и убийства, предательство, стоны и муки, узы и насилия; кто имеет власть для перечисления плачевных бед? Африка, треть мира, погибала в огне и дыму.

Теперь император в благости Божией рассматривает эти заботы в своем сердце, размышляя, кого он хочет отправить к нашим берегам в качестве начальника своих командиров и главного вождя своей армии, потому что он очень хотел избежать таких больших разрушений. Когда он рассмотрел все эти вещи, один Иоанн показался ему подходящим в доблести и совете, храбрым и мудрым. Одного его он считал в состоянии усмирить дикие племена и ревностно разгромить враждебные ему силы. Конечно, слава мужа, увенчанная выдающимися достижениями, победой в серьезной войне с надменным царством, была приятна ему: ведь он изгнал персов, и смертельный удар он нанес парфянам, которые когда-то были уверены, что превозмогут его всем своим множеством и тучами летящих стрел.

В те дни широкие поля Нисибина истекали кровью персов, и Набед (Nabedes), уступая только парфянскому царю, опираясь на свою дикую храбрость, вступил в бой с Иоанном, и потерял своих союзников в момент своей победы. Тогда, убегая, движимый страхом, он был едва в состоянии закрыть свои ворота и предотвратить прорыв римских всадников в центральную цитадель Нисибина, куда Иоанн в своей атаке ударил в высокие ворота персов копьем. Все эти храбрые поступки преданного человека были совершены на глазах императора. Он увидел и отразил это в своих трудах: как враг крупными силами поставил частокол вокруг Феодосиополя и начал опасную осаду, как стремительно сквозь тьму ночи пришел Иоанн и привез помощь укреплениям распадавшегося города, как через самую гущу врага он вошел в дружеские ворота, так что могучий Мермерой отступил в ужасе от стен; а затем, как тот же самый враг, еще более дикий, с сомкнутыми руками, осмелился подойти к Даре и испытал латинскую фалангу в бою; Даре, городу, который был окружен высокими зубчатыми стенами, и яркими как стены стали места, где командир вывесил свои знамена. Но потом, захватывая первый город у врагов своей бдительностью, вождь преследовал их, пока они бежали, и захватил дороги перед ними, и освободил все поля, чтобы дикие враги не испортили посевы и не сделали никому вреда.

Во-первых, он занял вал у высокой стены, и не понес длительной задержки. Осмелев, он решился сразу выступить против врага в середине поля и поразил бесчисленные их ряды в успешной битве. Затем он обратил в бегство их уважаемых вождей, племена, связанные союзом, и самого Мермероя, парфянского вождя, теперь побежденного и свергнутого. Наконец, все, кто воевал за персов, в страхе перед наступлением римлян, бежали и швырнули свои мечи и блестящие значки посреди боя. Персидские лезвия сверкали по всей равнине, а легкие ножны и копья, щиты и гребни, тела и лошади, и доспехи знаменосцев и командиров, еще недавно гордившихся своим вооружением, валялись на земле. Поэтому он также и лежавшего ниц на земле невеликого душой предводителя хотел взять живым. Это было поражение, однако, Мермерой, выступая лишь с несколькими товарищами, смотрел на высоко стоящий город. Тогда мудрый Урбикий, который, как его назначил Его Императорское Величество, был первым министром и доверенным советником в делах государства, и которого он избрал, чтобы править в этих вражеских землях, и чтобы узнать об опасностях, связанных с этой жестокой войной, встал в середине равнины и возблагодарил Господа. Когда он увидел, что победившие римляне стремятся вперед, и страшный враг проходит через опустошенные поля, он протянул обе ладони и глаза к небу и радостно воскликнул: «Вечная слава Тебе, Всемогущий Боже, потому что после всего этого времени я, наконец, заслужил созерцать поражение персов от доблести Иоанна, нашего вождя».

Император, перебирая эти достижения в своей голове снова и снова, решил, что в одиночку этот человек смог бы в то время попытаться преданно защитить Ливию в час ее угнетения. Без дальнейшего промедления он приказал полководцу прибыть из самых отдаленных уголков мира. Безмятежный, Иоанн попрощался как со страной, так и со своими врагами. Теперь ему было суждено

путешествие по водам на запад, он выполнил приказ императора в течение короткого времени, а затем, вернувшись, как победитель, ступил на золотой порог Римских врат. Радостно он стоял у ног императора, который смотрел сверху вниз на своего слугу с умиротворенным ликом. Иоанн был столь быстр, чтобы даровать радостные поцелуи на добрые ноги своего господина. Тогда император приказал, чтобы он дал краткий отчет о его делах на востоке. В своем ответе он заполнил уши господина спокойствием, отчитавшись о войнах, которые он довел до конца. И Его Императорское Величество, радуясь своим приемным сыном, выразил пожелание, чтобы он всегда мог побеждать таким же образом, и немедленно послал его на защиту Ливии.

По приказу императора корабли были загружены войсками, снаряжением и оружием, а также неквалифицированными новобранцами, которые должны были узнать битвы, и были отправлены под знаменем великого вождя, который должен был вскоре подавить восстание. И вот настал момент, когда ласковый ветер, наполняя паруса, сделал волны подходящими для плавания, и Фетида, обещая удачу, призвала моряков отправиться в море.

Но могучий император, в полноте своей набожности, напутствовал полководца такими словами: «При моей власти наши государственные блага вознаграждают соответственно заслуге выполненных задач. Это всецело помогает продвижению тех, кого мы видим выполняющими свой долг по защите земли и народа, до полновластных рангов. Теперь, слыша эти слова, это поможет вам, пожалуй, узнать причины моего поступка и держать их в уме. Плачет Африка, пав под бесчисленные опасности, посланный ею крик звучит в ушах, и долг заставляет меня принести помощь этой несчастной земле. Храбрый полководец, я принял решение. Ты, кажется, способен решить проблемы Ливии; поэтому установи свои знамена во время движения, и со всей возможной скоростью гони суда. Тогда, с твоей привычной доблестью, облегчи участь несчастных африканцев, и своими силами положи боевые линии восставших лагуатанов. Пусть их шеи согнутся под нашими ногами, как только они будут обузданы твоей доблестью. Также соблюдай древние заповеди наших предков: спасай униженных и уничтожь мятежных. Наше благочестие желает: пощадить тех, кто являются подданными. Слава нашей доблести заключается в том, чтобы покорить себе высокомерные народы. Удерживай их в повиновении мне, мой верный предводитель, и наблюдай за ними. Пусть Христос, Господь наш и Бог, и всего остального, изменит эту ситуацию к лучшему, и наставит тебя через все эти дела к своей пользе. И в твоих достойных поступках мы увидим твою славу, справедливо увеличившуюся еще большими титулами».

Полководец упал перед ним [на колени] и поцеловал его божественные ноги, поливая их потоком своих слёз. Отчий император, увидев выходящего полководца, присоединился к нему в своем горе, и благочестие склонило дух господина.

Когда подошел флот, великодушный вождь снискал аплодисменты моряков. Они двинули корабли, и мраморная поверхность воды почувствовала первые взмахи трепещущих весел. Быстро они развернули паруса, нажали [на весла]

с громкими криками и с ужасным скрипом ослабили тяжелые складки и распростерли лавины парусов. Теперь ветер своими мягкими порывами подхватил паруса, ударил в них, а кили, спрятанные глубоко под поверхностью вод, скрывали сотни судов.

Благоприятные ветры становились все более частыми, пока не поднялся западный ветер и с шумом не понес [корабли] вперед. Теперь, быстро плывя, они расщепляли воду задиристыми носами, и чертили борозды в ее мраморной поверхности клювами, а пенистые волны бормотали под длинными килями.

Флот проплыл через фракийские проливы, которые отщипнули [суши] по обе стороны побережья, где море отделяло Сест от полей Абидоса, и поспешил по волнам Сигея, уверенный в попутном ветре. Они проплыли мимо печального берега древней Трои, где снова читались знаменитые стихи поэта из Смирны[1], указав на земли его предков с высоких палуб. Здесь был дворец Приама, здесь - дом Энея, который пал в окружении древес, здесь жестокий Ахилл протащил тело Гектора за своей мчащейся колесницей. На том же берегу Эней, их победитель-предок положил могучего Демолея, Эней, чьим основополагающим деянием вознеслись высокие стены Рима, и чьим ярким именем блеск империи сияет и сохраняется, как угодно Господу, на всей широкой земле под их влиянием.

Они читали все сражения греческой войны: как Патрокл упал, сраженный копьем Гектора, как с помощью темноликого Мемнона были побеждены раны, нанесенные Ахиллу, и как в своей преданности Аврора оплакивала смерть своего могучего сына, а то как Пентесилея, дева-воин, пала на фоне своих войск, как ночью был убит Рес, как юный Троил встретился смелому Ахиллу, как по воле судеб победитель сам пал под стрелой Аполлона, пронзенный с тем, что и раненый Парис, похититель, опустился на землю. Впоследствии они рассказали об окончательном разгроме поверженной Трои и бегстве Энея: как после потери жены он нес своего сына, прославившегося под именем Юл, и своего отца вместе с ним, на свои корабли, раскинув парус над такими широкими синими водами.

Петр, благородный сын вождя, слышал, как они рассказывали о боях. Когда он услышал известное имя мальчика Юла, уже мальчишеское сердце горело дивным желанием прочитать эти вещи самому, потому что он хотел узнать о войнах. Он был тронут большим духом преданности и долга, воображал, что он Асканий, и что его матерью была Креуса. Она была дочерью царя, а его мать, в свою очередь, также очень долго была дочерью царя. Эней был отцом Аскания, а Иоанн – его самого. Он радовался, когда думал об этих вещах, и радость касалась его сердца. Он рассказывал им, отцу, слугам, всем воинам, что как только они пересекут крыльями парусов море, он, Петр, один будет радостью своего великого отца и второй надеждой Римской империи.

Не тревожимый штормами флот скользил по Эгейскому морю и таким же образом сокращал еще более быстрый путь через глубокие волны Адриатики, летя за попутным ветром. Вскоре они коснулись берегов Сицилии. Потом ветер оставил корабли, и все море лежало неподвижно, когда ветры умолкли. Мягкие

---

[1] Гомера.

волны никогда не ломались при ударе о любой берег. Двоеродная Сцилла молчала, как затем и стих лай [ее] собак. Также волны в своем движении и силе не могли пробить устье в скальной стене. Хотя край любого берега проходит вместе здесь, и [даже] нить с обеих сторон в замешательстве не могла быть продета по узкому проливу, Харибде, хотя никогда не усмиренная в прошлом, она вела свои волны неподвижно, и ни одна из них не выбросилась вперед, ни один пенный бурун не был втянут назад. Паруса упали свободно и, увеличившись без бриза, охватили свои мачты.

Затем, приказав своим товарищам ослабить канаты, вождь сказал: «Войдите в эту тихую гавань», – сказал он, и по его приказу матросы быстро полетели по всей оснастке. Один побежал, чтобы ослабить паруса, еще свернутые в свои валы, другой призвал своих радостных товарищей, и радостны были им сладкие звуки его легкой прозрачной песни. Мужи озвучил свое мужество своими криками, и их голос дал им помощь в их трудах и снабдил моряков и силой, и радостью.

Рядом лежали поля кавкиев сицилийского Пахина. Они образуют изогнутую береговую линию, чей порт, как якоря римского флота, поймали их, добавив укусов. Теперь вечер рассердил звезды, несущие волны на море, проведя опасную ночь в темноте над землей. В тот момент великий душой вождь Иоанн спал на палубе, без помощи, когда бдительный кормчий его корабля почувствовал слабый подъем ветра. Тогда, с поспешностью молодые моряки забегали тут и там по всем кораблям, готовя свое снаряжение. Они решили бросить канаты с берега, не дожидаясь команды своего вождя. Матросы подняли все паруса и распростерли их поверхности полностью против ветра.

Под воздействием ветра флот теперь достиг середины моря. Рассвет, мокрый от росы, поднимался из-за горизонта, ведя день вперед, когда мрачная физиономия заняла место пред ногами командира. Сродни темноте, его лицо казалось маврским, и, опасаясь темного цвета, он закатил глаза от пламени, охватившего его. «К какому берегу вы направляете свой флот?», – спросил он. «Неужели вы думаете, что вы так достигнете Ливии?» На это вождь ответил: «Ты видишь наши корабли пересекающими [море] и по-прежнему задаешь этот вопрос?» Тогда мрачный тип, хмурясь и продолжая закатывать ужасающие глаза с их сернистым ужасом, сказал: «Вы не должны пересечь [море]». Вождь понял, что это был падший ангел, давно свергнутый с небес. И все же, он не испугался этого, казалось бы, человеческого лица, и как водится, диких очертаний, но затем, побежав, попытался схватить его. Дух, однако, обдавая вождя мраком, смешанным с пылью, запутал вождя, войдя в облако грязного тумана.

Тогда отец Иоанна, с безмятежным ликом, сошел с высокого Олимпа, облеченный в белый со звездами хитон, и встал перед глазами Иоанна, когда тот искал свое оружие. Он оставил руки сына в своих руках, и из его святых уст вышли эти слова: «Пусть это безумие не провоцирует твой дух до такого гнева, но в твоем добре отвергнуть это зло. Беги от страшных происков этого злого духа и не бойся». Вождь ответил ему: «Благословенный отче и человек Божий, ты предлагаешь сражение и стремишься лишить нас средств для похода». Тогда

старик доброжелательно ответил: «Будь счастлив и, следуя за моими шагами, соверши свой путь со мной в качестве предводителя». Так он говорил, и, окутанный большим блеском, спокойно поднял вверх ослепительный огонь факела.

Тогда, заколебавшись, каждый рулевой остановился и, как беглец, повернулся спиной к ветру. Они признались, что все их мастерство было подавлено, и в своей убогости они не знают, куда обратить свои корабли. Рваные паруса не могли выдержать порывы [ветра] и валы [моря]. Они не имели уже никакой пользы, и поэтому моряки опустили их и отказались [от управления] судами, [доверив их] волнам и ветру. Они взяли различные курсы и были разбросаны по разным частям моря, где положились либо на случайность, либо на дальний ветер, или на ночные блуждания, которые привели бы их [к цели]. Фортуна угрожала жестоким кораблекрушением несчастным людям, которые потеряли всякую надежду на безопасность и отчаялись за свои жизни на фоне явных опасностей.

Печальный вождь застонал и поднял свое сердце к небесам. Руководствуясь благочестием, и так как сам страх побудил его, он обратился за помощью к Богу с наворачивающимися слезами. Поверженный ниц и как проситель в молитве, он начал такими словами: «Всемогущий Отец Мира, Творец всего сущего, начало без конца, и Боже, все элементы провозглашают Тебя и трепещут перед своим Создателем, своим Господом и своим Творцом. Пред Тобой трепещут ветры и облака, высокое небо звучит, и великие основы вселенной потрясаются и будут ввергнуты в беспорядок. Ты знаешь, Всемогущий Отче, Ты в Своем предвидении знаешь все. Не желая золота, и не потому, что я вижу какую-нибудь награду, я вынужден идти в Ливию, но, чтобы закончить войну и спасти несчастные души. Это мое единственное желание, все это тоска моего духа. В это место доброжелательная воля лишь одного императора посылает меня. С Тобой, как его господином, повелителем нашего повелителя, который сам признается, что просто слуга Твой по природе, благодаря Тебе. Ты подвергаешь всех нас к нему и заставляешь нас служить ему. Это Твоим наставлениям я следовал. Посмотри вниз, свят Господь, и вот наши тропы теперь, Самый добрый и спокойный, и в Твоей благости прийди нам на помощь в этот час великого разорения. Но если собственные преступления осудили Иоанна, как грешника, по Твоему мнению, то уничтожь меня любой другой смертью, но избавь нас теперь ради Петра, сына моего». Пока он говорил это имя, звуки, исходившие из уст и сердца отца, дрожали, руки и ноги упали на палубу, холоднее льда, и все его конечности были сотрясены. Он излил слезы, как река, и вознес могучий стон к звездам.

Когда он молился таким образом, Господь принял его слезы и его слова. Он приказал мощным ветрам успокоиться, и шторм был успокоен барьером гор. Быстро тучи очистились и истончились в небытие, обратились в бегство, возвратилось солнце, и добрый день вновь вырос вдруг ярко, как будто его розовые светильники появились в ясном небе. Безошибочный приказ Бога распространился на то, чтобы сгладить мраморное море, встали благоприятные ветры, и матросы радостно вскочили и с криком, запутавшись в командах, развернули свои паруса под слабый ветер. Валы были наполнены, а затем, со всех сторон, они встретили корабли со своими товарищами, пока [эта] картина не засияла по

всей дали моря. Теперь все ближе и ближе к берегу корабли летели, двигались вперед под взрывами ветра, разрезая голубую воду на курсе, который вел их к месту назначения.

В конце концов, вождь посмотрел на берега горящей земли и признал непобедимыми бразды войны. Знамение было сомнительно, но пожары он принял за истинное свидетельство. Ветры развернули клубы пламени, свернув их гребни и пепел, смешанный с дымом, и поднимались выше звезд, посыпая самую верхушку неба с крошечными искрами. Теперь огонь стрелял, прожигая свой путь в середине свода небес и обволакивая все силы выжженной земли. Посевы кормили бы народ, который стоял на каждой ферме, но [урожаи] были сожжены, а все деревья подпитывались разбушевавшимся огнем с их листвы, пока, не уничтожив себя, они не упали в пепел. Страдания городов были уничтожены, как их граждане были убиты, и их укрепления с разбитыми стенами и валами, стояли в огне. Этот путь Фаэтона прокатился вперед с пламенным дыханием его коней, спалил бы все в каждом уголке земли с колесницы, что никогда бы не было ему дано, так как всемогущий Отец, сжалившись над землей, распряг задыхавшихся небеснорожденных лошадей, вытащив ось и уничтожив огонь огнем.

Командующий был поглощен желанием помочь несчастной стране, и в ярости большей, чем даже его обычное чувство долга, его возбужденные щеки были орошены слезами. Его мужество зажгло его оружие, как он это знал за собой, и гнев побудил его направить свои стопы прямо в воду, еще до того, как суда достигли берега. Но природа сдерживала эти порывы, характер и умеренность, которые смешались с мужеством, и управляли всеми делами под его правлением, утверждая то, что является славным против того, что является незначительным. И поэтому он приказал своим кораблям повернуть и грести с большой поспешностью к берегу, и радостно прыгнул в пески, которые он так хорошо знал.

Море, размывающее сушу, не везде омывало берег Бизацены волнами одинакового размера. Один участок, так как он имеет более спокойные заливы, лежит гладкий, и так укреплен предоставляемой судам линией берега там, где соленые отмели образуют гавань, что является довольно спокойным. Там никакая сила южного ветра не сможет взбаламутить спокойную волну с ее движением, а также ветер не заставит дрожать прозрачное море. Другой участок, однако, избит волнами моря, которые, когда поток течет обратно на берег, ломает скалы. Воды, которые свершают свой путь, далеко звенят на скалах и рассеиваются над темными водорослями. Там набухшие [тучами] северный и восточный ветра, чреватые штормами, взбивают море до самых его глубин. Потеряв канаты, сорванные силой моря, незадачливые корабли гибнут, их доски лежат в жестоких полях и с ними, среди сорняков, часто лежат гнилые носы кораблей. Такова причина, почему моряки искусно избегают опасности этого места и останавливаются на безопасных отмелях спокойных частей [берега].

На то побережье римский флот, составленный в то время, когда Велизарий принял африканские области под свое управление, ступил на побережье

Ливии. Из-за очень различного характера региона и его окрестностей, моряки в прошлые века назвали эту гавань Глава Отмелей. Проезжая в том месте, великий душой вождь Иоанн, с мужеством, как у Велизария, также позволил своим парусам [здесь] упасть в слабину. «Счастливое» же действительно было место, которое предложило латинскому флоту безопасное и благоприятное убежище. Якорь, быстро совершив свое дело, закреплял свой корабль надежно на этом берегу. Отважный командующий узнал гавань и, радуясь в том месте, и, в то же время, на борту своего корабля, указал на него и обратился к своим товарищам с радостью в сердце своем. «Когда корабли тех, кто хотел отомстить, достигли этой прибрежной равнины, это было на этом пляже, куда я впервые ступил, уверенный в объятиях моей юности, потому что я был тогда одним из капитанов. Когда коварный Гейламир, тиран, достиг верховенства среди этих ливийских берегов, римское войско сделало свои первые шаги на этих песках, и здесь выпило воду Ливии.

В этот день армия, прибыв в непроверенной броне, расположило свои окопы на этой цепи. Вы видите, как тот курган, там, рядом с морем, поднимается в куче песка под непостоянным движением ветра с юга? Там командующий Велизарий стал станом на возвышенном месте со всеми его знаменами в поле зрения, и его командиры и трибун заняли свои места вокруг него. И я, в сопровождении моего благословенного брата, также поставил свой лагерь в этом месте. Увы, как тяжелая эта судьба много дает нам, как враждебны блага людей! Сколько радостных дражайших преданных братьев имеет жестокую смерть, которая, придя внезапно, вырывает [их из нас]! Когда я думаю о доблести, что порождена яростью моего брата, рожденного разить врага, думаю о мудрости, с которой хороший командир контролирует наших союзников, я понимаю, что великий человек оплакивал наше содружество. Но не такова была судьба войны, схватившая моего могучего брата вдали, на время, и он снова вернулся победителем из его встреч с нашим жестоким врагом. Увы, суровую смерть тебе преодолеть даже хорошо. Ты, Папп, был образом моего отца и моего сына; и у меня есть, как утешение, соизмеримость со злом, и настолько великое осознание того, что твоей победой ты смотришь с презрением на воды Стикса. Да, эти места напоминают мне о моем благословенном брате, и трогают меня до слез. Сколько кампаний герой довел до конца в эти былые годы! Может Сам Бог даст мне большего успеха, может, на этом месте, с Божьего благословения, повезет больше, чем в этом году. И все же, даже сейчас, в этот решающий момент в нашей кампании, форт, это место остается незавершенным и лишает многой безопасности. Если победа поможет нашим знаменам в этой войне, я должен буду завершить укрепления этого места, которое было начато раньше, и возвести его стены из крепкого камня».

Так он говорил, скорбя о городах, брошенных своими гражданами, о домах, лежавших пустыми. Потрясенный жалостью к опустошению Ливии, он застонал, приказал канаты бросить на берегу и развернул паруса под желанный

ветер. Затем, в момент, свет третьего дня представил глазам зрелище тирских стен и вернул командующему обессиленный город[1].

Не успел он ступить на тот берег, как приказал своим воинам высадиться и собраться на открытых пространствах города, поручил своим командирам организовать построения в ближайших местах, и приказал им выдвинуть знаменосцев вперед. Могучее горе перемешивает его гнев. Он не мог не скорбеть о разрушении страны, он сам видел и, скорбя, выдвинул свою армию в движение. Молодые солдаты взбадривают себя в послушании его заповедям, и, отбросив медлительность, двигаются быстро здесь и там. Все воины взяли свои мечи и с нетерпением приготовились к войне. Сурово звучащие песни медной трубы разожгли пожар ожесточенной борьбы.

Из девяти широких ворот некоторые из их защитников выбежали, выстроившись в линии, и все стены извергли закованные [в латы] отряды. С этой стороны подошла кавалерия; с той, тысячами разных путей, медленно двинулись пехота, и сухая земля застонала под их марширующими ногами. Таким путем правитель этого небольшого, но красивого царства, разбивает свой лагерь и приказывает плотным роям пчел выйти из своих ульев и двинуть их отряды на поиски золотого воска.

Они либо готовятся к бою, если он случится, смешав гнев с конкурирующим командиром, либо быстро летят в своем рвении держаться в стороне от опасных команд трутней. Один за другим, его ускоряющиеся воины, уважая его команды, покидают улей из всех его отверстий и дразнят своего врага своим суровым жужжанием. Не иначе, отдельные солдаты Иоанна совершают марш из каждой части Карфагена в поле, радуясь, чтобы выйти с высоко поднятыми знаменами. Здесь густая масса медных полков ощетинивается. Некоторые готовят луки и колчаны, в то время как на широкие плечи других ложатся сияющие доспехи. Копья и щиты блестят наряду с тяжелыми нагрудниками и высокими гребнями. Странное облако пыли поднимается ими, замешанное в густой туман, поступь копыт перемешивает терпеливую землю, и дым, как облако восходящей пыли, окутал воздух. Среди всего этого, поощряя ряды, ехал вождь и, вспоминая старые битвы в Персии, разжигал командиров, несших оружие, которое они несли тогда. Каким еще облаком он мог зажечь дух тех героев, но, восхваляя работу войны? Так даже Юпитер, как древние поэты говорят в языческой песни, когда злобный Флегрей стоял с оружием в руках против восстания гигантов, поручил небесным отрядам, какая судьба необходима им: кому-то ход его молнии его властью заложит основы низкой Земной расы, кому-то копье Марса будет пронзать и отрывать их конечности, как взглядом Горгоны, Афина вернула бы их в горы, кому-то плотный поток стрел Аполлона сеял бы уничтожение, а кто-то, как быстрая Диана, была бы скручена вместе с мальчиком.

---

[1] Карфаген.

Затем, на просторах широких равнин Бизацены армия поспешила по пути к месту, какое наши предки оставили под названием Лагерь Антония. Здесь Иоанн лишь только разбил свой лагерь, когда прибыли послы вражеского тирана. Благородный вождь приказал позвать их в его палатку, чтобы передать послание их жестокого господина. В этой связи, в ответ на его приказ, Макк, который знал язык римлян, ответил: «Великий душой вождь ожесточенного народа лагуатанов, герой Антала, сын Гуенфана, приказал нам говорить тебе, Иоанн, которого сила массилийцев знала во времена Соломона, наш бич, ты, кто был соседом нашей земле, бывший страж близлежащих песках вдоль моря, ты не слышишь, сколько войск Соломона пало с нами в том тяжком сражении? А теперь ты посмел напасть на племена, непокоренные раньше? Разве ты не знаешь, чем являются могущественные воины Илагуана, люди, чьи древняя и бессмертная репутация так известна? Максимиан, покоривший мир римской власти, был императором латинян, и имел опыт своих древних предков в войне. И ты сейчас сам балансируешь на грани уничтожения, смеешь даже выйти к лицу моих воинов с этой хилой силой? Сможете ли вы терпеть их могучие руки или, мой римский полководец, даже противостоять лицам моих воинов на поле боя? Повернитесь вместо этого, заберите свои знамена и отступите в страхе за свою жизнь.

Но если представить, что вы можете предпринять бой против меня, если это ваше удовольствие – погружаться в тень, и твой последний день теперь призывает нас, то почему бы вам не поставить ваши знамена с задержкой от усталости? Не отправить мне ни слова - ваша основная цель, но я приду туда, куда вы не хотите, и задержки судьбы больше не будет. Таково было сообщение, что нам передал наш храбрый вождь. Теперь дай обратно все, что тебе нравится, в ответ».

Затем, спокойно и с достоинством, равнодушным к гневу против врага, вождь ответил: «Мне не нужно отвечать на этот дикий крик противника сейчас. Тем не менее, сочтены дни, в течение которых я должен сделать сообщение вашему жестокому тирану, чтобы они принесли плоды. Я передам свое сообщение с вами позже ».

Так он говорил и приказал проводить их с частной стражей, в то время как он готовил свои смелые деяния. Кто бы мог надеяться, что все еще существует вероятность безопасности для тех людей? Как велико было терпение этого могучего вождя, как велики его чувство долга и способности командовать! Сердца варваров распухли и воспалились от безумной ярости, но он показал милосердие и издал свои акты в соответствии с латинским достоинством. У него не было никакого желания отомстить надменным, убивая их сразу, но желательно было спасти смиренных и восстановить угнетенных. Достоинство, явленное Римом, остается, таким образом, и всегда будет оставаться. Оно сохраняет тех, кого оно охватывает, и обещает им освобождение от его гнева.

Когда Люцифер поднялся из воды океана и принес с собой огонь, который превращает землю в красную с его лучами, вождь приказал всему лагерю нарушить [тишину] и дал команду тесно сдвинутым фалангам идти вперед. Звучит

сигнал с его скорбным взрывом, жесткая труба извергает страшные песни из своего медного жерла, и бежит сладкий сон из груди солдата. Когда их крики бросили их биваки на сцену запутанной деятельности, они привнесли мужество в их союзников, призвавших своих товарищей. Их слуги сорвали с земли палатки, которые они разбили, повели лошадей с их декоративной упряжью от их высоких стойл, и взяли все копья.

Но когда линия фронта начала наступление своими отрядами по порядку, тогда они начали показывать своих победоносных орлов на поле, тогда и сам вождь, и его сердце наполнились доброжелательной помощью, он построил все свои подразделения и предупредил своих командиров, обрисовав ситуацию и дав им инструкции: «О римское войско, самая надежная надежда нашего государства, вы, которые украшают мир храбростью, нашим величайшим утешением, верный оплот империи и наших испытаний вознаграждения, возможно, вы знаете, сколько доверия мы можем найти в этой стране. Тем не менее, позвольте мне напомнить их предательство, их мошенничество и лукавства, и предсказать, чего мы должны бояться, и показать то, что мы должны сделать.

В жестокой борьбе с этими людьми никогда не достаточно злого обмана. Нет, на первой линии войск мавры всегда вели войну через предательство, в засаде, уверенные в своем скрытом оружии. Одна эта ложь сохраняет власть массилийцев и заставляет их бороться, как трусы, при условии, что камни на горных вершинах, или реки с их крутыми берегами, обеспечат место для засады, во всех местах, где тянутся оливковые посадки, образуя рощи, ведь дуб с листвой в его верхней части высокими побегами убеждает в своей силе, чтобы скрываться в какой-то замаскированной тени.

С обманов эти мавры стремятся вступить в бой, так что, нападая стремительно на ничего не подозревающего врага, они могут запугать его и привести в замешательство, опираясь на свои собственные силы и на местность, и веря в своих обученных коней. Их следующий умный ход - отправить одного воина в одиночку на открытой равнине, чтобы спровоцировать бой и, убегая при виде врага, чтобы увеличить число преследователей. Перемещение [этого воина] быстро, он вращает железо наконечником копья и никогда не останавливается, поворачивая и тесно осаживая лошадь по кругу. Но когда враг выбегает, то он умело спешивается и проницательно рассеивает привлеченные им эскадроны, пока многочисленная группа не последует, считая себя победителями, и распространит свою колонну шириной через поля.

Не будучи воином, Мазак не вступает в сражение, играя в предательские игры, пока он не приводит вражескую колонну в засаду, где он удерживается в некотором отдалении от идущего в долине боя. Тогда его лукавство раскрывается и, как только жестокость развязана, выходят засадные группы, доселе скрытые со всех сторон. Как бы горько их не поражал страх, строй в первый момент приходит в замешательство, а затем, в своем высокомерии, мавр заканчивает дело жестокими ранами, от самого страха врага делаясь бесстрашным. Но если с непоколебимой силы воины твердо стоят, то ни одна группа не будет

преследовать тех, кто осмеливается бороться. Вместо этого они обращаются [назад] и сгибают послушные шеи своих лошадей. Это способ, которым они оставляют сражение. Вы видите строй, который избегает поражений, и будет стойко сопротивляться.

Фортуна будет подавлять страх и помогать тем, кто одновременно осторожен и смел. Ибо пересматривая многие [битвы] снова и снова, многие из них унесли пальму первенства от опасных действий такого рода. Пусть каждый из вас, предупреждаю, будет храбрым и жестоким, какими должны быть командиры, и покажет свою мощь в разгар битвы. Пусть это будет работа, требующая боевого духа. [Нужно] определить пути продвижения строя в отрядах и, строя свои войска, переместить все свои знамена вперед.

Больше всего будьте осторожны в проведении важнейшей обязанности – служить свое время в свою очередь. Таким образом, вы победите врага. В свою очередь, пусть каждый из трибунов и, время от времени, командиры выходят перед лагерем, чтобы сделать разведку подозрительных долин и контролировать подступы к свободным подходам.

Таким образом, вся армия будет в безопасности. Для врага [будет невозможно] ни взять бдительного командира врасплох, ни того, кто защищен своей стражей. Но если сила мавров, как и их обычаи, готовятся к войне с некой скрытой хитростью, то пусть быстрый посланник на коне доведет эту информацию до моих ушей, а затем мы быстро поднимем наши бдительные когорты к действию. Соблюдайте эти вещи, мои командиры, и надеемся на реальную безопасность».

Лишь только командующий закончил, как широкий строй командиров ответил [ему] благоприятными криками. Они хвалили его и рукоплескали, дав свое согласие, и радовались в своих сердцах [от того], как радостно он отдавал свои команды.

СИДОНИЙ АПОЛЛИНАРИЙ.
CARM. VI: ВСТУПЛЕНИЕ К ПАНЕГИРИКУ АВИТУ АВГУСТУ

Прозаический перевод **Н.Н. Болгова**

В то время как фракийская лира в руках исмарского певца[1] отмечала звонкой песней славное рождение Паллады, с ней столкнувшись оружием; в то время как реки, которые стояли, и земля, что побежала, толпились рядом в мосопиевом марафоне, и перо изливало свои сладкие ноты на струнах, богиня сказала, оценив ее похвалы этими дифирамбами: «Радуйся, божественная, которая при рождении с полным вооружением вышла из разверстой головы в момент войны гигантов, которую Латона родила не в глубинах Делосской пещеры, охотно закрепив блуждающие Киклады ради своего потомства; нет, ни та, в результате чего впереди Алкида в земле Кадма задерживается ее по-

[1] Архилоха.

двиг в течение трех ночей, ни та, чья башня была погружена в дождь металла, когда золото-рожденный сын был зачат янтарной матерью, но в то время как Флегра увидела, что Громовержец встревожен, корона на голове его раскрылась, и ты рухнул вперед со своей вершины; как грубая сила, и нечего было толкать богов на битву, их мощь и без тебя была весьма посрамлена, но после того, как глава отца твоего привела тебя сюда, о богиня мудрости, то боги, с тобою, чтобы помочь, одержали [такую] победу, как никогда раньше. Благодаря тебе, огромная сила уступила, которая построена теми страшными руками и, наконец, почти пронзила пылающий небосвод. Пинд, Офрис и Фолоя выпали из рук великанов; вниз, наконец, упала увесистая Осса из рук Рета; Эгеон слёг, и Бриарей, и Эфиальт, и Мимас, которые имели обыкновение лизать ноги полярной Медведицы. Энцелад упал на руку отца твоего, Тифоэй – своего брата; и теперь один поддерживает Эвбейскую гору, другой – Сицилийскую». Тогда Орфей изменил свою тему, сделав акцент своей песни на свою мать, и учил струны славить Каллиопу. Музы воздали в честь этого похвалу их сестре, и богиня обрадовалась еще больше преданности сына, чем его песне. Но если благоугодно воспеть мать, и если мне не хватает мощи, чтобы соответствовать древней лире, то в Авите, которому я пообещал мою песню, мы имеем отца своего народа, и, хотя моя муза слабее – моя тема больше.

ПЕРЕВОДЫ МАТЕРИАЛОВ

ЭПИЛОГ. СУДЬБА И РЕЦЕПЦИЯ ХОРИКИЯ И ЕГО ТРУДОВ[1]

Эудженио Амато (Нант, Франция)
Сокращенный перевод с англ. **О.С. Грудининой**

В отличие от известных нам позднеантичных историков, Хорикий никогда не упоминал в своих работах о своем успехе как оратора или профессора риторики, и не давал нам никакой информации о распространении своих работ, что затрудняет процесс восстановления и изучения его работ современниками, учитывая, при этом, отсутствие упоминаний его имени в эпистолярных собраниях того времени, особенно у его учителя Прокопия Газского, который почему-то никогда не упоминал о нем в своих письмах.

Но та важная роль, которую Хорикий, как преемник Прокопия, играл в образовательном и административном управлении местной школы риторики, а также его связь с важными современными представителями церкви и императорского трона, косвенно подтверждает значение его риторической и схоластической деятельности и успеха, который сопутствовал ему в повседневной жизни в Газе. Его известность доказывают имена людей, на которых были направлены его общественные усилия: Епископ Маркиан; военный предводитель и архонт Стефан; полководец Сумм; Мария, сестра Энея, епископа Газского и мать Маркиана; и император Юстиниан.

Так что вполне легко предположить, что привлекательность обучения у Хорикия заключалась в его образованности, и он вскоре был признан лучшим примером риторики, что позволило ему найти последователей и учеников в своем классе, и возможно, даже некоторые из его литературных и академических коллег оказались под его влиянием. Имея это в виду, возникает интерес для изучения Хорикия у Nachlass'а, который две анонимные монодии (рукописи) Лауренцианы LX, 6 приписывает Хорикию, как и первый редактор, исходя из стиля его языка, а не одному из его учеников, который подражал ему в середине VI века. Хорикий, безусловно, был еще молодой ритор, потому что он был страстным последователем Менандра, но его работы были не столь убедительны.

Это умозаключение приводит к вопросу, из какой рукописи первый анонимный составитель флорилегий Маркиана взял материал для своего собственного собрания, и, действительно ли он использовал ту самую старинную рукопись, принадлежащую Национальной Мадридской Библиотеке, которая единственная в настоящее время способна дать нам полное представление о собрании работ Хорикия, кроме 24 [XXXIX] и 25 [XLI] Вступительных Речей, и Orat. (= Decl. 12 [XLII]), дошедших до нас другими способами.

Простое наблюдение за цитатами из флорилегий приводит к выводу, с большой долей вероятности, что свидетельство, которое неизвестный состави-

---

[1] *Amato E.* Epilogue. The fortune and reception of Choricius and of his works // Rhetorical Exercies from Late Antiquity / Ed. R.J. Penella. Cambridge, 2009. P. 261-302.

тель антологии имел перед собой, не может быть связано с рукописью Matritensis, и не обязательно потому, что антология должна была быть адаптирована к его целям.

Кроме того, эта точка зрения находится в согласии с тем фактом, что существуют многочисленные случаи, в которых флорилегии расходятся с текстом Matritensis, и не являются важными, потому что специалист использовал в своих целях то, что имел в наличии.

Тогда мы можем вполне обоснованно предполагать, что доказательство существования флорилегия Маркиана опирается на возрождение историографических традиций относительно Хорикия Газского и проникновения его работ в поздневизантийский период, и на состояние, в котором находки более древних образцов работ Хорикия и их адаптация имели особое значение.

Ведь, если, как предполагалось выше, автором или заказчиком нашей уникальной сакрально-профанной коллекции должен был быть папа римский Иоанн VII Палеолог, в чье время и благодаря чьей помощи люди могли собственными глазами наблюдать концентрацию книг, собранных со всех частей империи в одном месте, которые раньше они не видели, то тогда нужно признать гипотезу, что одна или несколько работ, входящих в корпус Хорикия, и написанных от руки (как и в случае других священных книг), появились в Константинополе приблизительно в первой половине IX столетия.

Предпосылкой, на которой основывается официальное представление оратора из Газы в Византии, является усиление движения гуманистического обучения в литературе и филологии, связанное с именами Иоанна VII, императора Льва VI по прозвищу Философ (886–912), и особенно патриарха Фотия (810–893). Но не следует утверждать, что Византийская цивилизация вновь открыла Хорикия только на втором этапе борьбы с иконоборчеством, и что между VII-VIII вв. представитель Газской ораторской школы был вынужден прекратить свое учение. Хорикий принадлежит к числу уникальных античных авторов, не переживших литературное забвение на заре Средневековья, когда античная цивилизация пришла в упадок, не говоря уже о том, что его работы всегда были доступны читателям, за исключением времени правления Иоанна VII, несколько веков спустя, когда только Папа Римский и его ближайшее окружение имели доступ к рукописям Хорикия. И мы должны учитывать, что даже в так называемые «темные века» некоторая часть классической литературы продолжала составлять основу византийского образования.

Это подтверждается чтением кодекса № 160 из Библиотеки Фотия (издание 2, стр.121-123 Анри) – это самые древние очевидные доказательства того, что рукописи и речи Хорикия, в которых объединены традиции и самая ранняя информация, были популярны, и которые, в свою очередь, служат отправным пунктом для любого обсуждения и восприятия сочинений Хорикия в последующие столетия.

Давайте обратимся непосредственно к тексту кодекса:

«Я прочел некоторые выступления и разные собрания речей софиста из Газы - Хорикия. Он любит чистоту и ясность стиля. Если в некоторых случаях он дает развернутое описание, то делает он это с определенной целью и весьма

уместно, не нарушая восприятия информации. Тем не менее, расположение слов не всегда соответствует привычному порядку; привлекает он внимание благодаря исключительно занимательному использованию литературного языка, словно проникая в самую глубь поэтического искусства. Его работы интересны, прежде всего, в тех местах, где он совершенствует описания и восхваления. Хорикий является христианином: он соблюдает христианские обряды и чтит святые места. При этом, он весьма нелогично вводит в свои работы языческие письма и рассказы - я не думаю, что он делает это случайно, даже затрагивая священные темы. В обращении находится много видов его письменных работ: панегириков, погребальных песен, свадебных песен, политических опровержений и других подобных текстов. Он достиг пика своей карьеры во времена императора Юстиниана. Он был лучшим учеником Прокопия – лучшего и наиболее известного оратора, но не того Прокопия Кесарийского, работавшего над своими историческими произведениями в то же время, а другого Прокопия, софиста, уроженца того же города. Он, достигнув зрелого возраста, гордился Хорикием, который сменил его на посту руководителя ораторской школы. До нас дошли многие интересные и ценные работы Прокопия, среди них особое место занимает целая книга, в которой он пересказывает стихи Гомера в самых разнообразных формах; эта работа является лучшим доказательством ораторских способностей человека, которому подражал Хорикий, будучи его учеником. Они оба были истинными представителями христианства. И часто они в своих работах обсуждают изображения святых с большим уважением. Хорикий на похоронах учителя произнес целую речь».

Подробный анализ этого раздела Библиотеки, проведенный не так давно Жаком Шампом, говорит о том, что нет оснований не доверять источникам Фотия, которые он использовал для написания своей работы. Но нашу дискуссию необходимо начать с выводов, сделанных тем же ученым; и, таким образом, мы сможем восстановить культурное значение работ Хорикия в Библиотеке для того, чтобы определить роль Фотия в сохранении и распространении работ Хорикия в Византии, а также, чтобы объяснить причины использования им литературной критики и эстетики, которые не являются следствием суждений более поздних читателей.

Итак, давайте начнем с последнего пункта, которым открывается 160 кодекс. Введение Фотия, по сути, содержит личные формальные и стилистические суждения в отношении работ Хорикия, которого Фотий приближает к Гермогену. И, исходя из своих собственных представлений о христианском идеале, Фотий говорит о таких литературных чертах, как «ясность» и «чистота стиля», свойственные им обоим. Из двух главных фундаментальных элементов Гермогена, «ясность» является наиболее важным в осуществлении беседы. Что касается Фотия, то он приветствует это в литературном языке Хорикия, но говорит о некотором «усилении», которое не связано с эстетической ориентацией, преобладающей в Библиотеке, и поэтому Фотий обвиняет его в «многословии». Одна-

ко, свое осуждение он выражает достаточно осторожно, и ограничивает его стиль только фрагментарно, стараясь не нарушить полноты.

Если это суждение Фотия рассматривать на одном уровне с другими подобными, сформулированными для таких риторов и софистов как Иоанн Златоуст, Элий Аристид, Фемистий, Либаний, то можно было бы Хорикия представить константинопольскому императору как образцового христианина, регулярно обращающегося к различного рода афоризмам для выражения «характера» и излагаемой им «правды».

В этом отношении мы должны учитывать двойную, как говорит Фотий, семантику слова «характер». Но справедливости ради, надо сказать, что древняя риторическая традиция уже говорила об этом. Имеют большое значение в Библиотеке, выражая характер человека, и его моральные качества, как эстетическую его сущность. А эта тема, тема характера, была одной из семи идей Гермогена. Если мы будем придерживаться этой теории, то усилится связь между литературным и христианским идеалами. Отсюда мы получаем, что стиль и характер Фотия совпадают, а неизбежным следствием этого будет тезис о том, что «эстетическая модель выражает более глубокий идеал», который невозможен без религиозной подоплеки. Другими словами, характеристика стиля определенного автора, особенно когда она направлена на разоблачение, выражает моральные качества личности, в которых эстетика соединяется с этикой, и зачастую используются как синонимы. Тогда это и объясняет разочарование Фотия в употреблении христианином Хорикием языческих мифов и историй.

Похожее используется в аргументах Гимерия (cod. 165), стиль которого, по мнению Фотия, схож в некоторых случаях с Хорикием. Патриарх одобрительно относится и к стилю Гимерия, и к его словарному запасу. Но он также еще отмечает тенденцию к развитию стиля, что в некоторой степени вредит полной реализации. Этот беспорядок вызван злоупотреблением Хорикия «образным языком», который даже при том, что сопровождаемый точным выбором из всего словарного запаса, создает дефект («мерзлота»), так как это противоречит поэтической традиции, или, во всяком случае, противоречит привычному порядку слов.

Затем, поскольку затронута стилистическая категория «правды», мы должны особенно подчеркнуть тот факт, что это – единственный случай, за исключением кодекса 158.102б, 11 (Исократ), в котором Фотий определяет стиль Гимерия. Это должно выделить письма Хорикия, которые, должно быть, имеют большое значение, если побудили патриарха использовать термин, столь нехарактерный для «истинного» христианина.

И совершенно очевидно, что Фотий имел доступ к собранию писем Хорикия, и все его суждения об ораторском стиле последнего опираются на непосредственную работу с подлинниками. Сообщив о наличии различных композиций Хорикия, он подтверждает, что ему знакомы и другие виды речей (декламации, панегирики, выступления, опровержения и т.д.), а также ему знакомо и слово «прочитаны», находящееся у него в употреблении.

Тем не менее, кажется, что Фотий не дозволяет нам ориентироваться на уникальное собрание, зафиксированное до него (например, как мы знаем по *Matritensis*). Начиная со 160 кодекса, он говорит, что прочел несчетное количество выступлений и речей Хорикия. По моему мнению, под этим утверждением мы должны понимать, что будущий патриарх работал с рядом рукописей или отдельным собранием, но никак не с целым корпусом. Кроме того, это должно объясняться неполнотой, и в некотором смысле беспорядочностью 160 кодекса, сочетание некоторых частей которого не всегда выглядит согласованным.

Одним из доказательств, что Фотий многократно обращался к оригиналу рукописи, я полагаю, является сообщение кодекса 160, в котором содержится информация о том, что Хорикий являлся христианином, и здесь же есть рекомендация обратить внимание на работы обоих историков, а также Прокопия, и не в «несерьезном поведении», сакрализуя изображения. Кажется совершенно очевидным, что дополнительная информация, которой иконофил Фотий, возможно и не пренебрегал, взята из манускрипта, который побывал в руках комментатора, знатока искусства иконописания. Этот человек, в период между VI и VIII веками, в разгар иконоборческих споров, считал, что эта особенность Хорикия вызывает особый интерес, до такой степени, что он считал его человеком, достойным упоминания, но не намекая на его полемические позиции.

Кроме того, биографические данные здесь неуместны и особенно кажутся странными: они идут раньше, чем предшествующая информация о стиле и работах Хорикия, и они включают в себя библиографические ссылки на его учителя Прокопия, которому также посвящены кодексы 206-207. Любой может снова выдвинуть гипотезу о независимом происхождении целого блока текста, вероятно взятого из некоторой рукописи, скопированной в Газской школе.

Настолько похожий материал не только подтверждает гипотезу, что работы Хорикия находились в обращении у читателей и имели успех в предшествующие эпохе Ренессанса, так называемого Византийского гуманизма, века, но и приводит нас к необходимости обратить пристальное внимание и на гипотезу, что, возможно, транслитерация древнего манускрипта, содержащего части работ Хорикия и их последовательное собрание в единственный корпус является результатом копирования и транскрипции, выполненных в Константинополе в IX-X веках точно по тем же критериям, что и в канцелярской библиотеке и патриаршей академии, в которых, возможно, флорилегий Маркииана также был в обращении. И патриарх Фотий действовал как истинный защитник.

Действительно, если мы пойдем дальше, то будем утверждать, что *Matritensis* 4641 является первоначальным корпусом Хорикия, скомпилированным с соблюдением «круга читателей» Фотия самим желанием и интересом Фотия, однажды вошедшим в число лучших позднеантичных софистов.

ГАЗА – КУЛЬТУРНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЦЕНТР[1]

Флёр Деклерк (Гент, Бельгия)
Сокр. перевод **Н.Н. Болгова, А.М. Болговой**

В Газе уже в IV в. находилась ведущая риторическая школа, о которой уважительно говорил Либаний. Но кроме жития Порфирия, написанного Марком Диаконом, у нас нет ничего из литературы, начиная с IV в., о школе, и мы также не можем представить любую другую информацию о литературной продукции периода. Но со второй половины V в. литература Газы не содержит более белых страниц.

Одним из самых ранних авторов, который неявно прорывается сквозь белые пятна в обзоре литературы, был Зосим Газский (Аскалонский), который начал свою карьеру где-то в середине V в. Он был автором комментариев на Лисия и Демосфена.

Учеником этого писателя был софист Эней Газский, автор работы под названием «Теофраст». В этой работе философия Аристотеля дала себя убедить аргументам христианского бессмертия и воскресения, в результате чего человек (герой) покидает Академию. Эта работа изобилует влияниями Платона, Плотина, Григория Нисского. Кроме «Теофраста» у нас есть 25 писем Энея. Позднее Захария Схоластик, впоследствии епископ Митиленский, будет подражать диалогу Энея, написав свое сочинение под названием «Аммоний». Этот диалог показывает разговор между адвокатом и неоплатоником Аммонием о вечности мира, помещенный в буколическую обстановку Платоновского «Федра». Кроме того, Захария, вероятно, также является автором комментариев к работам Аристотеля.

В период правления Анастасия (491-518), Юстина (518-527) и Юстиниана (527-565) Газа достигает своего апогея вместе с литературной деятельностью Прокопия, Хорикия и Иоанна, вместе известных как собственно «школа Газы».

Прокопий был талантливым оратором, который был активен в основном при императоре Анастасии. Он был главой риторической школы Газы. В число его учеников включают Хорикия, Маркиана, который стал епископом Газы, и историка Прокопия Кесарийского. В своем надгробном слове о Прокопии Хорикий описывает его как отличного софиста: он был в состоянии в театре удивлять своих слушателей и направлять молодых студентов на учебу. Студенты Прокопия не переносили ничего, кроме чистого аттического языка, не любили посторонних мыслей и плохого ритма или композиции, когда ухо обижается. Среди его речей были и такие, где он как оратор удивительно показал, что юноши любят разглагольствовать, и он очаровывал своим словом даже прохожих. Хорикий считал его реинкарнацией Демосфена.

Среди 7 его сохранившихся речей – четыре этопеи, три собственно речи (две о весне, одна о розе), кроме того – панегирик императору Анастасию, отрывок из панегирика стратигу Азиатику, два экфрасиса в ритмической прозе (опи-

[1] Перевод выполнен по изданию: *Declercq F.* De Redenaar onthuld: Choricius Gazaeus' Rhetor: een vertaling en onderzoek naar de fictionaliteit binnen zijn discours. Gent, 2009.

сание картины «Федра и Ипполит», а также описание астрономических часов на рынке Газы). Монодии на землетрясение в Антиохии и на храм св. Софии считаются неподлинными.

Есть также 166[1] писем его руки, в которых он воспринимается как меценат и любезный учитель, который поддерживал хорошие отношения с его учениками. Его переписка также содержит много сведений об отношениях с коллегами профессорами, которые дают хорошее представление об академической среде в Газе и других интеллектуальных центрах, таких как Антиохия и Александрия.

Сочинения Прокопия составлены в классической риторической традиции. Он обращается к характерным топосам, таким как отношения между живописью и поэзией в его III слове, и показывает ясные влияния предшественников, таких как Исократа и Аристида, в его панегирике Анастасию, или Филострата старшего и Каллистрата в его экфрасисах. Он также написал Монодию на землетрясение в Антиохии и два экфрасиса в ритмической прозе.

В дополнение к ораторским талантам Прокопий был также набожным христианином и выдающимся богословом, который часто спорил с его богословами-коллегами. Таким образом, Прокопий, который очень хорошо знал Платона, пришел к полемике с неоплатоником Проклом.

Прокопий также написал несколько комментариев на Ветхий Завет. Он прокомментировал Октатевх, книгу Исаии, книгу Царей, Хроник, Притчи, Экклезиаст и Песнь Песней.

Для Библии Прокопий разработал систему экзегетических катен. Это был метод комментирования, при котором составитель комментариев также включает в них от себя выдержки из предыдущих комментаторов Священного писания. Актуальность и важность выписок при этом полностью зависит от таланта компилятора.

Другой литературной величиной из Газы был Иоанн, который был активен при власти императора Юстиниана (527-565). Его сохранившиеся сочинения не ограничиваются риторикой, потому что кроме экфрасиса Tabula Mundi, от него дошли шесть анакреонтических стихотворений. Поразительно в его сочинениях то, что они содержат сильную саморефлексию о своей позиции как грамматика, а также содержат некоторые гневные удары против некоторых отношений внутри интеллектуальных кругов в Газе.

В дополнение к этим литературным величинам были и другие авторы, хотя и меньшего калибра. Так Тимофей Газский написал трактат о животных в ритмической прозе, состоящий из четырех книг. Он также написал работу по синтаксису, в которой он упоминает литературную деятельность других писателей в Палестине. Например, он упоминает Зосима из Аскалона. Зосим написал риторический лексикон и комментарии на Лисия и Демосфена (см. выше).

В этот же период Мариан Схоластик, первоначально живший в Риме, который работал вместе с отцом, мигрировал в Палестину. Он переложил гекса-

---

[1] Википедия дает 162, в издании Амато – 174.

метрические композиции Феокрита, Аполлония Родосского, Каллимаха, Арата и Никандра в ямбические и написал шесть эпиграмм, включенных в Палатинскую Антологию.

Как видно из того, что мы упоминали об Иоанне, литература в VI в. в Газе не была софистической игрой, но она имела в различных областях удивительно прочные отношения с реальностью. Эта особенность, которая характерна для всей греческой литературы: литературное произведение, занятия литературой – это занятие, которое может себе позволить только элита. Это их собственное владение, которое они могут приобрести. Они сражаются между собой, но взаимно уважают друг друга. Благодаря этому, от литературы исходит доминирующий дух philotimia: литераторы стремятся приобрести и сохранить честь. Эта philotimia еще более усугубляется парадигмами чести и престижа, которые он принял в новом христианском обществе в процессе аккультурации. Примером может служить «Описание картин» Прокопия. Этот экфрасис, который он написал, побывав на представлении картины, которую он описывает здесь, заканчивается гимном донатору. Богатые граждане, которые пожертвовали суммы денег, чтобы получить желаемое уважение и похвалы, должны были почти кричать, чтобы о них услышали, и поэтому призвали оратора.

Кроме пожертвований была и другая сторона реальности, что наделяла экфрасис высокой специфичностью, то есть языковый стандарт. Заказчики часто просили речь или экфрасис по тому или иному поводу – например, что они организовали игры, и они были твердо уверены в том, что оратор такую речь произнесет. Ораторы сами делали в своих речах упоминание о присутствии этих лиц. Хорикий четко говорит в своей хвалебной речи о Маркиане, тогдашнем епископе Газы, что он не говорит о человеке с улицы, но он обращается к «первому из города.» Таким событием была также сцена, на которой шеренги из знати стояли друг напротив друга.

Сам город также организовывал соревнования, такие как, например, в πανήγυρις Ἀδριανή. Этот ежегодный фестиваль, установленный Адрианом, проводился в начале весны. В πανήγυρις давался организованный Адрианом праздник Розалий. В этот день, который имеет языческое происхождение, и который был первоначально посвящен Афродите, проводились ораторские конкурсы. Это было событие, которое не только пользовалось популярностью у жителей Газы, но и у жителей других частей Палестины, и гости съезжались со всего грекоримского мира в целом. Центральное правительство даже субсидировало местных организаторов. Розалии были идеальной возможностью для оратора, чтобы иметь возможность получить все, чтобы завоевать уважение и завербовать новых учеников.

Помимо приобретения престижа или новых студентов риторы также могли использовать эти случаи как рупор определенных условий или преобладающей манеры мышления в интеллектуальной и социальной среде Газы. Особенно у Иоанна и Хорикия мы читаем подспудный комментарий на социальную и интеллектуальную напряженность.

Они были в основном активны в то время императора Юстиниана, когда в христианском лагере во многих вещах возникает скептицизм, который имел свои истоки в языческих традициях. В 529 г. Юстиниан закрывает знаменитую Академию в Афинах. Тем не менее, этот акт не был попыткой Юстиниана заткнуть рот языческому классическому наследию, а был скорее попыткой объединения веры и культуры в Византийской империи. Юстиниан понял жизненную важность классической традиции, но он боялся, что классическое наследие может быть угрозой для христианства. Исходя из неправильного дидактического подхода, он поэтому решил, что классическая литература должна преподаваться христианскими учителями, чтобы ее не учили с ее же языческих позиций, и изучали лишь отдельные элементы. Хотя классическая литература с ее языческими элементами так поощрялись в качестве литературной традиции Юстинианом, из сочинений Иоанна и Хорикия видно, что в Газе среди христианского сообщества по отношению к этой классической традиции преобладал любой вид враждебности. Иоанн открыто не говорит, но дает понять, жалуясь, что он получает немного уважения в качестве преподавателя, а также неудовольствие от профессии. В свою очередь, Хорикий уделяет большое внимание идее вымысла в своих сочинениях, где он среди прочего стремится продемонстрировать, что языческая традиция литературы совместима с христианством.

ХРОНИКА

НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ БЕЛГУ «КЛАССИЧЕСКАЯ И ВИЗАНТИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ» В 2013 г.

Н.Н. Болгов, О.В. Алимова, О.С. Тринёва

В течение 2013 года научное направление «Классическая и византийская традиция» продолжало разрабатывать круг проблем, связанных с поздней античностью, историей и археологией античного Северного Причерноморья, Ранней Византией.

Диссертации 2013 г.

1. *Шенцов М.Е.* Культ Митры в Риме III в. и религиозная политика императора Аврелиана.
2. *Манохина О.А.* История богословского образования в Ранней Византии.
3. *Агаркова Ю.Н.* Мораль и нравы ранневизантийского общества (конец IV – V вв.).
4. *Болгов К.Н.* Латинский сегмент культуры Ранней Византии.

Конференции 2013 г.

Научным направлением были организованны и проведены следующие научные и научно–практические конференции и семинары:

- Художественная литература по истории (февраль).
- Белгородский диалог (март).
- Классическая и византийская традиция (октябрь).
- Кондаковские чтения – IV.
- Археологический сезон (октябрь).
- Славные даты года (ноябрь).
- Европа регионов (декабрь).
- Круглый стол «Италия-2013» (декабрь).

Гранты студентов и аспирантов 2013 г.

1. Н.В. Коломиец – победитель конкурса грантов ВКАС БелГУ 2013 г.
2. М.И. Дорохов – победитель конкурса грантов ВКАС БелГУ 2013 г.
3. Е.В. Репина – победитель конкурса грантов ВКАС БелГУ 2013 г.
4. В.Н. Кузнецов – победитель конкурса грантов ВКАС БелГУ 2013 г.
5. К.Н. Болгов – победитель конкурса грантов ВКАС БелГУ 2013 г.

РЕЙТИНГ НИРС ЗА 2013 ГОД. ОТДЕЛЕНИЕ «ИСТОРИЯ»[1]

П№	Ф.И.О. студента	Курс	Н. руководитель	Кол-во баллов
1	**СИНИЦА М.М.**	М1	Болгов Н.Н.	231
2	СУХАНОВ Е.В.	5	Сарапулкин В.А.	224
3	**ДОРОХОВ М.И.**	4	Болгов Н.Н.	216
4	**ТРЕТЬЯКОВА Н.Е.**	3	Болгов Н.Н.	154
5	**РУДНЕВА М.А.**	2	Болгов Н.Н.	138
6	**Тринёва О.С.**	3	Болгов Н.Н.	114
7	**Алимова О.В.**	2	Болгов Н.Н.	105
8	Безбородых В.И.	5	Сарапулкин В.А.	104
9	**Сулейманова А.Б.**	М1	Болгов Н.Н.	98
10	**Козьякова Е.Д.**	3	Болгов Н.Н.	95
11	**Гудов Д.С.**	3	Болгов Н.Н.	95
12	**Лопатина М.Ю.**	2	Болгов Н.Н.	93
13	**Манаков Д.В.**	3	Болгов Н.Н.	91
14	**Грудинина О.С.**	3	Болгов Н.Н.	89
15	Кириллов С.С.	М2	Шаповалов В.А.	72
16	**Казначеева А.А.**	4	Семичева Е.А.	70
17	Тимиряев Д.О.	М1	Шаповалов В.А.	69
18	**Гордиенко В.Н.**	4	Болгов Н.Н.	61
19	**Бабаян С.В.**	2	Болгов Н.Н.	60
20	Штаненко А.В.	4	Сарапулкин В.А.	49
21	**Ниминская А.С.**	2	Болгов Н.Н.	49
22	**Сапенко В.Ю.**	4	Рябцева М.Л.	49
23	**Бузанаков Ю.В.**	2	Прокопенко С.Н.	47
24	**Лужкова М.С.**	М2	Болгов Н.Н.	46
25	**Коломиец Н.В.**	5	Болгов Н.Н.	44
26	**Алымова С.В.**	4	Литовченко Е.В.	44
27	**Кочергина Я.А.**	2	Прокопенко С.Н.	43
28	**Скачко С.В.**	2	Болгов Н.Н.	42
29	**Гречухина А.А.**	4	Болгов Н.Н.	39
30	**Костюкович А.А.**	3	Болгов Н.Н.	39
31	**Наумов Д.В.**	3	Болгов Н.Н.	39

[1] Выделены жирным шрифтом студенты научного направления «КВТ».

Публикации аспирантов и студентов 2013 г.

Д.Е. Богданов

1. Личность Флавия Стилихона – «последнего римлянина» // Белгородский диалог – 2013. – Белгород, 2013. – С. 65-67.
2. Низвержение Руфина как начало реализации имперских амбиций Стилихона // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, К.К. Андреев, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2013. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. – Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader / http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/structure_15_2186.htm
3. Приход Стилихона к власти после смерти Феодосия Великого // Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2013. – С. 41-42.
4. Участие варваров в борьбе Восточного и Западного дворов Римской империи в последней четверти IV века // Проблемы истории и культуры средневекового общества. ТД XXXII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения». – СПб., 2013. – С. 211-213.
5. Конфликт полководцев Феодосия Великого (Промота, Абунданция и Тимасия) с «евнухом-консулом» Евтропием в изображении позднеантичных авторов // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 104-107.
6. «Последние дни Помпей» Э. Бульвер-Литтона // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 201-202.
7. Помпеи, Геркуланум и Стабии // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 262-265.
8. Роль готского военачальника Гайны в противостоянии Восточного и Западного дворов Римской империи // Молодежь – науке. 2013. Т. 1. – Псков, 2013. – С. 80-81.

А.Ю. Рышковская

1. Белгородчина в период «Смутного времени» // Патриотизм и единение общества в истории России. – Белгород, 2013. – С. 42-45.
2. Обобщающее исследование по истории ранневизантийской Палестины // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. № 15(158). Вып. 27. Белгород, 2013. С. 52-54

Е.А. Красникова

1. Представления о человеке на Боспоре: становление и эволюция // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск XI (IV). Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы Х Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общей редакцией В.И. Кузищина. – Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2013. – С. 23-27.
2. Методы интерпретации источников местной письменной и изобразительной традиции Боспора // Казанская наука. № 11. 2013. – Казань, 2013. – С. 29-34. (ВАК)
3. Предметно-этнографические элементы в искусстве Боспора: складывание этнического типа // Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2013. – С. 70-71.

4. Греко-варварский синтез в создании образа человека на Боспоре римского времени // Новые материалы и методы археологического исследования. – М.: ИА РАН, 2013. – С. 101-103.

5. Роль императорской семьи в становлении христианской религии при Феодосии II Малом // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 178-179.

6. Методы интерпретации источников местной письменной и изобразительной традиции Боспора // Казанская наука. № 11. 2013. – Казань, 2013. – С. 29-34 (ВАК)

С.С. Звягинцев

1. К истории ранневизантийской миссии на Кавказе: христианство и геополитика // Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2013. – С. 63-64.

2. Христианская миссия на Кавказ в ранневизантийское время // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, К.К. Андреев, М.В. Чистякова. [Электрон-ный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2013. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. – Си-стем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader / http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/structure_15_2186.htm

М.Е. Шенцов

1. К вопросу об интерпретации культа Sol Invictus императора Аврелиана в зарубежном и отечественном антиковедении // Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2013. – С. 103-104.

О.А. Манохина

1. Особенности развития духовного образования в Ранней Византии (IV-VI вв.) // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. № 1(144). Выпуск 25. – Белгород, 2013. – С. 19-27 (статья ВАК).

В.Н. Кузнецов

1. Феодосий I Великий в интерпретации христианских и языческих авторов // Белгородский диалог – 2013. – Белгород, 2013. – С. 71-72.

Л.В. Фирсова

1. Ценностный статус категории «богатство» в картине мира древних римлян по данным сатирических произведений (II в. до н.э. – II в. н.э.) // Казанская наука. № 9. 2013. – Казань, Казанский Издательский Дом, 2013. – С. 67-71 (статья ВАК).

2. Ценностный статус дихотомии «богатство-бедность» в «Эпиграммах» Марка Валерия Марциала // Научные ведомости БелГУ. № 22 (165). 2013. Выпуск 28. – С. 23-30 (статья ВАК).

3. Ценностный статус дихотомии «богатство – бедность» как индикатор социально-экономического и культурного состояния древних обществ // Тезисы XXVI Международной конференции «Плехановские чтения». М., 2013. – С.176-177.

4. Семантика категории «богатство» в римской нарративной традиции эпохи принципата // Тезисы 66-й международной конференции «Каразинские чтения». Харьков, 2013. – С. 101-102.

Е.В. Репина

1. Развитие экспорта Боспора в VI в. до н.э. – III в.н.э.// Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск XI (IV). Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы X Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общей редакцией В.И. Кузищина. – Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2013. – С. 39-43.

2. Боспорское царство как транзитный пункт греко-варварских торговых взаимоотношений в VI – 1-ой трети III в. до н.э. // Белгородский диалог – 2013. – Белгород, 2013. – С. 11-12.

3. Экспорт Раннего Боспора, как показатель социально-экономического развития Боспорского царства // Государство и общество: взаимодействие и противостояние. – Воронеж, 2013. – С. 297-300.

4. Экспорт Боспора в VI – первой трети III в. до н.э. (по материалам письменных источников) // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 22(165). Вып. 28. – Белгород, 2013. – С. 5-10

5. Греческие города, как торговые партнеры Боспора в VI – первой трети III в. до н.э. // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 51-53.

6. Торговые связи Раннего Боспора // Молодежь – науке. 2013. Т. 1. – Псков, 2013. – С. 76-77.

Е.В. Гущин

1. Роль полководца Велисария в сражении при Даре в восточной кампании Юстиниана I // Молодежь – науке. 2013. Т. 1. – Псков, 2013. – С. 81-84.

2. Римская империя к VI веку // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 131-135.

3. Роль полководца Велисария в сражении при Даре в восточной кампании Юстиниана I // Молодежь – науке. 2013. Т. 1. – Псков, 2013. – С. 81-84.

4. Роль полководца Велисария в восточной кампании Юстиниана I // Белгородский диалог – 2013. – Белгород, 2013. – С. 74-75.

О.В. Головина

1. Организация государственного управления в Италии при Теодорихе Великом (475-526 гг.) как реализация идеи единого готско-римского государства // Казанская наука. № 11. 2013. – Казань, 2013. – С. 39-43 (ВАК).

2. Италия при Теодорихе Великом (493-526 гг.): Остготское королевство как реализация идеи единого готско-римского государства // Проблемы истории и культуры средневекового общества. ТД XXXII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения». – СПб, 2013. – С. 220-222.

3. Готы в Константинополе: мятеж Гайны 399-400 гг. // Метаморфозы истории. Вып. 4. – Псков, 2013. – С. 173-184.

4. К истории готского мятежа в Малой Азии (399—401 г.) // Молодежь – науке. 2013. Т. 1. – Псков, 2013. – С. 77-80.

5. К вопросу о прерогативах власти Теодориха Великого как короля готов и италийцев // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 163-166.

6. Организация государственного управления в Италии при Теодорихе Великом (475-526 гг.) как реализация идеи единого готско-римского государства // Казанская наука. № 11. 2013. – Казань, 2013. – С. 39-43.

К.Н. Болгов

1. «Панегирик Юстину Младшему» Кориппа // София Киевская: Византия-Русь-Украина. – Вып. 3. – Киев, 2013. – С. 271-280
2. Латинская юридическая школа в позднеантичном Берите // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, К.К. Андреев, М.В. Чистякова. М., 2013.
3. Латинский панегирик императору Анастасию (491-518) грамматика Присциана // Белгородский диалог – 2013. – Белгород, 2013. – С. 79-80.

В.А. Дюкарев

1. Ценностный статус наемного труда в Древней Греции классического периода (по данным исторического нарратива) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – М., 2013. – № 4. С. 74-77.
2. Формирование ценностного статуса категории «труд» в античном обществе (на основе работ Гесиода) // Материалы 66-й международной конференции «Каразинские чтения-2013». – Харьков, 2013.
3. Труд в архаике: специфика ценностного статуса категории // Материалы международной научно-практической конференции «Наука в современном информационном обществе». – М., 2013.
4. Нормативно-статусное закрепление ценности труда в древнегреческом социуме классического периода // Классическая и византийская традиция 2013. - Белгород, 2013. – С.17-21.

В.А. Наумова

1. Категория «честность» в труде Фукидида // Материалы 66-й международной конференции молодых ученых «Каразинские чтения». – Харьков, 2013.
2. Ценностный статус честности в труде Фукидида. Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, К.К. Андреев, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2013.
3. Честность и лживость в «Истории» Геродота // Белгородский диалог – 2013. Материалы международного научного форума историков. – Белгород: изд-во БелГУ, 2013.

А.В. Курбанов

1. Христиане, язычники, иудеи и манихеи в Газской области VI в. (по материалам «Переписки Варсануфия и Иоанна Газских») // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 159-163.

Ю.Ю. Чуева

1. К вопросу о религиозных взглядах императрицы Феодоры // Молодежь – науке. 2013. Т.1. – Псков, 2013. – С. 74-76.
2. Пульхерия, Евдокия, Верина – византийские императрицы V в. // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 128-131.

А.В. Кобзева

1. О «Хронике» Иоанна Малалы // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 149-151.

А.А. Тельной

1. Иконография святых на миниатюрах Россанского кодекса // Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ». Вып. 5. – Белгород, 2013. – С. 107-109.

Д.Г. Эюпова

1. Феномен проституции в Ранней Византии // Науковий діалог «Схід – Захід». Ч. III. – Кам'янець-Подільський – Дніпропетровськ, 2013. – С. 17-19.

Д.Н. Баруткин

1. Гендерные особенности женской и мужской проституции в классической Греции // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 15-17.

2. Древнегреческая мизогиния классической эпохи в естественнонаучных трудах Аристотеля и Гиппократа // Молодежь – науке. 2013. – Т. 1. – Псков, 2013. – С. 65-68.

О.Н. Елисеева

1. Гипатия, её школа и гендерный подход в изучении истории образования и науки // Молодежь – науке. 2013. Т. 1. – Псков, 2013. – С. 62-65.

Т.Н. Прокопенко

1. Сиблинговые взаимоотношения в позднеантичном Египте // Белгородский диалог – 2013. – Белгород, 2013. – С. 77-78.

И.М. Ходыкин

1. Римско-карфагенские контакты с Македонией в IV-II вв. до н.э. // Белгородский диалог – 2013. Материалы международного молодежного научного форума. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2013. – С. 16-17.

М.М. Синица

1. Византийские эпиграммы AG I. 37-89 // Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2013. – С. 91-92.

2. Состояние провинциальных христианских могил в Римской империи в IV в. (по эпиграммам Григория Богослова) // Белгородский диалог – 2013. – Белгород, 2013. – С. 62.

3. Византийские эпиграммы AG I. 1-18 // Проблемы истории и культуры средневекового общества. ТД XXXII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения». – СПб., 2013. – С. 203-205.

4. Византийские эпиграммы AG I. 19-36 // Новый век: история глазами молодых: Межвуз. сб. науч. тр. молодых ученых, аспирантов и студентов. Вып. 12 / Под ред. Л.Н. Черновой. – Саратов, 2013. Вып. 12. – С. 3-9.

5. Истоки римской государственности в представлении византийской интеллигенции VI в. // Кондаковские чтения-IV. – Белгород, 2013. – С. 72-78.

6. Эллинские традиции отношения к матери в ранней Византии (III книга Палатинской антологии – Кизикские эпиграммы) // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. № 22(65). Вып. 28. – Белгород, 2013. С. 14-26

7. Формирование политической теории императорской власти в Византии в середине VI в. // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 136-145.

8. Научное направление «Классическая и византийская традиция» в 2012 г. // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 208-259.

9. Античные археологические отряды БелГУ 2013 г. // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 260-261.

10. К истории медиевистики в Белгороде // Vox Medii Aevi. № 3 (10). – СПб, 2013. – С. 31-35.

11. Эпиграммы Книги I Палатинской (Греческой) Антологии как исторический источник // Молодежь – науке. 2013. Т. 1. – Псков, 2013. – С. 69-70.

А.Б. Сулейманова

1. Этапы процесса эллинизации и романизации Пальмиры // Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2013. – С. 95-96.

2. Роль социально-политического фона в возвышении Пальмирского царства // Белгородский диалог – 2013. – Белгород, 2013. – С. 61-62.

3. Религиозная жизнь Константинополя в Хронике Марцеллина Комита // Проблемы истории и культуры средневекового общества. ТД XXXII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения». – СПб, 2013. – С. 43-45.

4. Кризис III в. в Римской империи как катализатор возвышения Пальмирского царства // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 38-41.

5. Образ Зенобии — «Царицы востока» // Молодежь – науке. 2013. Т. 1. – Псков, 2013. – С. 70-71.

М.И. Дорохов

1. Феномен появления военачальников «новой школы» в греческой наемной армии как следствие кризиса полиса // Белгородский диалог – 2013. – Белгород, 2013. – С. 13-14.

2. Дорохов М.И. Эней Тактик и внутренние противоречия в полисах Греции в период кризиса IV в. до н.э. // Вестник СНО БелГУ. Вып. XVII. – Белгород, 2013. – С. 70-75.

3. Критерии различия «старой» и «новой» военных школ стратегов-наемников в Греции IV в. до н.э. // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 21-24.

4. Научное направление «Классическая и византийская традиция» в 2012 г. // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 208-259

5. Античные археологические отряды БелГУ 2013 г. // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 260-261.

Н.Е. Третьякова

1. Византийская Африка в 540-545 гг. // Белгородский диалог – 2013. – Белгород, 2013. – С. 80-81.

2. Византийская Африка при полководце Соломоне по данным Марцеллина Комита (534-540 гг.) // Молодежь – науке. 2013. Т. 1. – Псков, 2013. – С. 71-72.

3. Маврусии в поэме Кориппа «Иоаннида» // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 156-159.

4. Ян Парандовский. «Эрос на Олимпе» // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 197-198.

5. Научное направление «Классическая и византийская традиция» в 2012 г. // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 208-259.

6. Античные археологические отряды БелГУ 2013 г. // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 260-261.

М.А. Руднева

1. Основные проблемы археологического исследования Александрии Египетской // Белгородский диалог – 2013. – Белгород, 2013. – С. 15-16.

2. Позднеантичная Александрия: проблемы топографии города // Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2013. – С. 89-90.

3. Основные проблемы археологического исследования Александрии Египетской // Белгородский диалог – 2013. – Белгород, 2013. – С. 15-16.

4. К вопросу о конфессиональной топографии в позднеантичной Александрии: язычники // Вестник СНО БелГУ. Вып. XVII. – Белгород, 2013. – С. 88-91.

5. Серапеум в Александрии Египетской // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 111-114.

О.С. Тринёва

1. Пороки и праведность женщины-матери («О девстве» Амвросия Медиоланского) // Молодежь – науке. 2013. Т. 1. – Псков, 2013. – С. 73-74.

2. Внешняя красота женщины в понимании византийцев на примере Феодоры // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 145-148.

3. Женские образы в византийском романе Евматия Макремволита // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 189-190.

О.В. Алимова

1. Ранневизантийская художественная школа в Сирии // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 183-185.

2. К истории археологического исследования памятника Золотое Восточное // Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ». Вып. 5. – Белгород, 2013. – С. 109-111 (в соавт.).

3. История любви, связавшая Старый и Новый свет, в произведении Сюзан Доннел «Покахонтас» // Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ». Вып. 5. – Белгород, 2013. – С. 117-119.

А.А. Казначеева

1. Частное и государственное гостеприимство в Греции V–IV вв. до н.э. // Классическая и византийская традиция 2013. – Белгород, 2013. – С.12-15.

2. Отношение граждан Афин и Спарты к негражданскому населению // Каразинские чтения (исторические науки): Тезисы 66-й Международной конференции молодых ученых «Каразинские чтения» - Харьков: ХНУ имени В.Н.Каразина, 2013. – С. 65.

3. Особенности правового статуса негражданского населения Греции V – IV вв до н.э. // Белгородский диалог – 2013: Материалы международного научного форума молодых историков «Белгородский диалог – 2013» – Белгород: изд-во «БелГУ», 2013. С. 10–11.

Е.Д. Козьякова

1. К истории хозяйства в Ранней Византии: виды и размеры заработка // Белгородский диалог – 2013. – Белгород, 2013. – С. 76-77.

2. Роберт Харрис. «Помпеи» // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 199-200.

3. Античные археологические отряды БелГУ 2013 г. // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 260-261.

Д.С. Гудов

1. Письма Либания как исторический источник // Белгородский диалог – 2013. – Белгород, 2013. – С. 70.

2. Речи Либания как исторический источник // Молодежь – науке. 2013. Т. 1. – Псков, 2013. – С. 72-73.

3. Жизнь Либания по его автобиографии «Жизнь, или О своей судьбе» // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 176-177.

М.Ю. Лопатина

1. Выдающиеся исследователи поздней античности // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 83-86.

2. П.А. Загребельный. «Роксолана» // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 202-203.

3. Античные археологические отряды БелГУ 2013 г.» // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 260-261.

Д.В. Манаков

1. Образ императора Валентиниана I в трудах античных авторов // Белгородский диалог – 2013. – Белгород, 2013. – С. 65.

2. Армейские реформы Валентиниана I // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 177-178.

О.С. Грудинина

1. Деятельность Юлиана в сравнении у Зосима и Аммиана Марцеллина // Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2013. – С. 58-59.

2. Сравнительная характеристика исторических событий «Истории» Аммиана Марцеллина и «Новой истории» Зосима // Белгородский диалог – 2013. – Белгород, 2013. – С. 63-64.

В.В. Гордиенко

1. Завоевания Деметрия I в Индии как причина раскола Греко-Бактрийского царства // Белгородский диалог – 2013. – Белгород, 2013. – С. 14-15.

2. Гордиенко В.Н. Искусство Бактрии в позднеахеменидский период // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 169.

С.В. Бабаян

1. Мозаичное искусство: древнеримская вилла Дель Казале // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 41-44.

2. И.А. Ефремов. «Эллинский секрет» // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 195-197.

А.С. Ниминская

1. Римский военный лагерь в свете принципов римской топографии // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 174-176.

Ю.В. Бузанаков

1. Сравнительная характеристика захоронений IV в. до н.э. некрополей Милета и поселения «Береговое 4» // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 49-51.

М.С. Лужкова

1. К историографии кризиса полиса IV в. до н.э. // Белгородский диалог – 2013. – Белгород, 2013. – С. 12-13.

2. Роль кризиса полисных отношений в Древней Греции в первой половине IV в. до н.э. // Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2013. – С. 74-75.

3. Социально-экономические последствия «открытия» Спарты после Пелопонесской войны (431—404 гг. до н.э.) // Молодежь – науке. 2013. Т. 1. – Псков, 2013. – С. 84-85.

Н.В. Коломиец

1. К вопросу о церковной политике Анастасия I // Белгородский диалог – 2013. – Белгород, 2013. – С. 73-74.

2. Церковная политика Анастасия I: взаимоотношения с Римом // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 124-128.

С.В. Алымова

1. Авзоний – «первый француз» в мировой поэзии // Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2013. – С. 30-31.

2. Авиан – римский баснописец // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 91-93.

3. Спартак. Бунт непокорных (Макс Галло) // Классическая и византийская традиция. 2013.- Белгород, 2013.- С. 191-192.

А.А. Гречухина

1. Религиозная политика Иовиана по данным исторических источников и в оценках историографии // Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2013. – С. 55-56.

2. Колин Маккалоу. «Женщины Цезаря» // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 192-194.

Я.А. Кочергина

1. Анализ визуальных образов на монетах Пантикапея VI – нач. III в. до н.э. // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 54-59.

С.В. Скачко

1. К истории городов ранневизантийской Палестины // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 185-189.

А.А. Костюкович

1. Патриарх Фотий I Константинопольский – политический деятель IX в. // Белгородский диалог – 2013. – Белгород, 2013. – С. 81-82.
2. Диодор, Дионисий, Геродиан и Косьма Индикоплов в «Библиотеке» Патриарха Фотия // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 166-168.

Д.В. Наумов

1. Личностные противоречия Аэция как крупнейшего полководца Западной Римской империи в период ее гибели // Белгородский диалог – 2013. – Белгород, 2013. – С. 67-68.
2. К проблеме союзнических отношений Рима с вестготами в IV – первой четверти V в. // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 107-111.
3. Римская империя в произведении А. Ладинского «В дни Каракаллы» // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 198-199.
4. Научное направление «Классическая и византийская традиция» в 2012 г. » // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 208-259

Н.О. Кривко

1. Ранневизантийские представления об эстетике // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 181-183.

К.А. Владимиров

1. Идеи митраизма в системе ценностей римского воина I–IV вв. // Классическая и византийская традиция 2013. – Белгород, 2013. – С. 33-38.

Н.А. Жданова

1. Образ Ламии в античной мифологической традиции. // Белгородский диалог – 2013. Материалы Международного молодежного научного Форума молодых историков «Белгородский диалог - 2012» (г. Белгород 27-29 марта 2013 г.). / [редкол.: Д.Е. Богданов]. – Белгород: ГиК, 2013. – С. 5-6.
2. Эмпуса в античной письменной традиции // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 5-7.

К.О. Попков

1. Римская империя I в. до н.э. – II в. н.э. в «Хронографии» Иоанна Малалы // Белгородский диалог – 2013. – Белгород, 2013. – С. 60-61.

Е.С. Минаев

1. К топографии ранневизантийского Константинополя: формирование комплекса Большого Императорского дворца // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 179-181.

З.В. Гусева

1. Античные мотивы, образы и сюжеты в творчестве В.Я. Брюсова // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 45-48.

Ю.И. Болдеску

1. Болдеску Ю.И. Домашнее воспитание в Раннем Риме до II в. до н.э. // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 170-171.

А.Е. Попов

1. Сравнительная характеристика личностей реформаторов: Солона, Клисфена и братьев Гракхов // Белгородский диалог – 2013. – Белгород, 2013. – С. 8-9.

Е.Г. Тимченко

1. Интерпретация образа коня в античной мифологии. // Белгородский диалог – 2013. Материалы Международного молодежного научного Форума молодых историков «Белгородский диалог - 2012» (г. Белгород 27-29 марта 2013 г.). / [редкол.: Д.Е. Богданов]. – Белгород: ГиК, 2013. – С. 6-7.

А.Э. Филатова

1. Институт римской семьи в период Республики. // Белгородский диалог – 2013. Материалы Международного молодежного научного Форума молодых историков «Белгородский диалог - 2012» (г. Белгород 27-29 марта 2013 г.). / [редкол.: Д.Е. Богданов]. – Белгород: ГиК, 2013. – С. 58-59.

А.В. Тарасова

1. IX и X книги «De Re Coquinaria» Апиция, как уникальный источник рецептов древности // Белгородский диалог – 2013. – Белгород, 2013. – С. 68-69.

О.Д. Павлова

1. О влиянии Зосима из Панополиса на алхимиков Византии // Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2013. – С. 81-82.

2. Культурное влияние Зосима Панопольского за пределами алхимических кругов // Белгородский диалог – 2013. – Белгород, 2013. – С. 75-76.

Доклады на конференциях 2013 г.

Художественная литература по истории, февраль

1. *Третьякова Н.* «Эрос на Олимпе» Я. Парандовского, или Любовные похождения олимпийских богов.
2. *Лужкова М.* «Аспазия. Влиятельная куртизанка» Р. Гаммерлинга.
3. *Дорохов М.* «Тиран» К. Кэмерона.
4. *Бабаян С.* «Эллинский секрет» И.Е. Ефремова.
5. *Попов А*. «Гракхи» М. Езерскова.
6. *Алымова С.* «Спартак. Бунт непокорных» М. Галло.
7. *Гречухина А.* «Женщины Цезаря» К. Маккалоу.
8. *Манаков Д*. «Калигула» А. Камю.
9. *Богданов Д*. «Последние дни Помпей» Э. Бульвер-Литтона.
10. *Козьякова Е*. «Помпеи» Р. Харриса
11. *Наумов Д.* «В дни Каракаллы» А. Ладинского.
12. *Сулейманова А*. «Царица Пальмиры» Б. Смолл.
13. *Казначеева А*. «Королева легионов Афины» Ф. Гриффина.
14. *Тринёва О*. «Генрих IV» (ч. 1) У. Шекспира.
15. *Руднева М*. «Мария Стюарт» Э. Питаваля.
16. *Грудинина О*. «Незаконнорожденная» Р. Майлз.
17. *Лопатина М.* «Роксолана» П. Загребельного

Белгородский диалог 2013 г. , март

1. *Жданова Н*. Образ Ламии в античной мифологической традиции
2. *Тимченко Е.* Символизм образа коня в античной мифологии
3. *Кочергина Я*. Монеты раннего Боспора как изобразительный источник
4. *Попов А.* Сравнительная характеристика личностей реформаторов: Солона, Клисфена и братьев Гракхов
5. *Казначеева А.* Особенности правового статуса негражданского населения Греции V – IV вв. до н.э.
6. *Репина Е.* Боспор, как транзитный пункт варварских товаров на греческие территории в VI – первой трети III в. до н.э.
7. *Лужкова М.* К историографии полиса I в. до н.э.
8. *Дорохов М.* Феномен появления военноначальников «Новой школы» в греческой наемной армии как следствие кризиса полиса
9. *Гордиенко В*. Завоевания Деметрия I как причина раскола Греко – Бактрийского царства.
10. *Руднева М.* Основные проблемы археологического исследования Александрии Египетской
11. *Филатова А.* Институт римской семьи в период республики
12. *Ходыкин И.* Римско–карфагенские отношения с Македонией в IV – II вв. до н.э.
13. *Попков К.* Римкая империя I в до н.э. – II в. н.э. в «Хронографии» Иоанна Малалы

14. *Сулейманова А*. Роль социально–политического фона в возвышении Пальмирского царства

15. *Синица М.* Состояние провинциальных христианских могил в Римской империи в IV веке (по эпиграммам Григория Богослова)

16. *Гречухина А.* Личность императора Иовиана в «Римской истории» Аммиана Марцеллина и «Новой истории» Зосима

17. *Манаков Д*. Образ императора Валентиниана I в письменных источниках

18. *Богданов Д*. Личность Флавия Стилихона – «последнего римлянина»

19. *Наумов Д.* Личностные противоречия Аэция – крупнейшего полководца западной римской империи в период ее гибели

20. *Тарасова А.* IX и X книги «De Re Coqinaria» Апиция как уникальный источник рецептов древности

21. *Гудов Д*. Письма Либания как исторический источник

22. *Тринева О*. Образ женщины в византийском романе Евмания Маркемволита

23. *Кузнецов В*. Феодосий I велики в интерпретации христианских и языческих авторов

24. *Болгов К.* Латинский панегирик Императору Анастасию (491 – 518) Грамматика Присциана

25. *Коломиец Н*. К вопросу о церковной политике Анастасия I

26. *Гущин Е.* Роль полководца Велисария в персидской кампании Юстиниана

27. *Павлова О*. Культурное влияние Зосима Панопольского за пределами алхимических кругов

28. *Козьякова Е.* К истории хозяйства в Ранней Византии: виды и размер заработка

29. *Третьякова Н*. Византийская Африка в 540 – 545 гг.

30. *Костюкович А*. Патриарх Фотий I – Константинопольский – политический деятель IX века

Каразинские чтения, Харьков, апрель

1. *Болгов К.* Иоанн Лид и латынь в Константинополе VI в

2. *Богданов Д*. Приход Стилихона к власти после смерти Феодосия Великого

3. *Гречухина А*. Религиозная политика Иовиана по данным исторических источников и в оценках историографии

4. *Грудинина О*. Деятельность Юлиана в сравнении у Зосима и Аммиана Марцеллина. Сравнительный анализ

5. *Руднева М.* Позднеантичная Александрия: проблемы топографии города

6. *Синица М*. Византийские эпиграммы AG I. 37–89

7. *Сулейманова А*. Этапы процесса эллинизации и романизации Пальмиры

8. *Фирсова Л*. Семантика категории «богатство» в римской нарративной традиции эпохи принципата

9. *Дюкарев В*. Формирование ценностного статуса категории «труд» в античном обществе (на основе работ Гесиода)

10. *Казначеева А.* Отношение граждан Афин и Спарты к негражданскому населению

11. *Красникова Е.* Предметно-этнографические элементы в искусстве Боспора: складывание этнического типа
12. *Лужкова М.* Роль кризиса полисных отношений в Древней Греции в первой половине IV в. до н. э.
13. *Наумова В.* Категория «честность» в труде Фукидида
14. *Павлова О.* О влиянии Зосима из Панополиса на алхимиков Византии

Ломоносов-2013, Москва, апрель

1. *Болгов К.Н.* Латинская юридическая школа в позднеантичном Берите
2. *Богданов Д.Е.* Низвержение Руфина как начало реализации имперских амбиций Стилихона
3. *Звягинцев С.*С. Христианская миссия на Кавказ в ранневизантийское время

Псков, апрель

1. Елисеева О.Н. Гипатия, её школа и гендерный подход в изучении истории образования и науки
2. Баруткин Д. Н. Древнегреческая мизогиния классической эпохи в естественнонаучных трудах Аристотеля и Гиппократа
3. Тарасова А.В. Древнегреческая культура питания: гомеровские герои
4. Синица М.М. Эпиграммы Книги I Палатинской (Греческой) Антологии как исторический источник
5. *Сулейманова А.Б.* Образ Зенобии — «Царицы востока»
6. Третьякова Н.Е. Византийская Африка при полководце Соломоне по данным Марцеллина Комита (534—540 гг.)
7. *Гудов Д.С.* Речи Либания как исторический источник
8. Тринёва О.С. Пороки и праведность женщины-матери («О девстве» Амвросия Медиоланского)
9. *Чуева Ю.Ю.* К вопросу о религиозных взглядах императрицы Феодоры
10. Репина Е. В. Торговые связи Раннего Боспора
11. Головина О.В. К истории готского мятежа в Малой Азии (399—401 гг.)
12. Богданов Д.Е. Роль готского военачальника Гайны в противостоянии Восточного и Западного дворов Римской империи
13..*Гущин Е.В.* Роль полководца Велисария в сражении при Даре в восточной кампании Юстиниана I
14. Лужкова М.С. Социально-экономические последствия «открытия» Спарты после Пелопонесской войны (431-404 гг. до н.э.)

Классическая и византийская традиция 2013, октябрь

1. *Гордиенко В.Н.* Искусство Бактрии в ахеменидский период
2. *Наумова В.А.* Представления о честности в произведениях Софокла
3. *Казначеева А.А.* Частное и государственное гостеприимство в Греции V–IV вв. до н.э.
4. *Баруткин Д.Н.* Гендерные особенности женской и мужской проституции в классической Греции

5. *Дюкарев В.А*. Статус труда в древнегреческой институциональной традиции

6. *Дорохов М.И*. Критерии различия «старой» и «новой» военных школ стратегов - наемников в Греции IV в. до н.э.

7. *Болдеску Ю.И*. Домашнее воспитание в Раннем Риме (до II в. до н.э.)

8. *Ниминская А.С*. Римский военный лагерь в контексте принципов римской топографии

9. *Владимиров К.А.* Идеи митраизма в системе ценностей римского воина I-IV вв.

10. *Сулейманова А.Б*. Кризис III века в Римской империи как катализатор возвышения Пальмирского царства

11. *Бабаян С.А.* Мозаичное искусство: древнеримская вилла Дель Казале

12. *Гусева З.В*. Античные мотивы, образы и сюжеты в творчестве В.Я. Брюсова

13. *Бузанаков Ю.В*. Сравнительный анализ захоронений VI-IV вв. до н.э. некрополей Милета и поселения Береговой 4 хоры Патрэя

14. *Репина Е.В*. Греческие города как торговые партнеры Боспора в VI – первой трети III в. до н.э.

15. *Кочергина Я.А.* Анализ визуальных образов на монетах Боспора VI – нач. III вв. до н.э.

16. *Дорохов М.И*. Отчет о работе Китейской археологической экспедиции, сезон 2013 г.

17. *Козьякова Е.Д., Третьякова Н.Е., Руднева М.А.* Античные археологические отряды ИФ БелГУ в сезоне 2013 г.

18. *Лопатина М.И*. Современные исследователи Поздней античности и их труды

19. *Манаков Д.В.* Преобразования в римской армии в годы правления Валентиниана I

20. *Алымова С.В*. Авиан – римский баснописец

21. *Гудов Д.С*. Автобиография Либания как жанр позднеантичной литературы

22. *Кузнецов В.Н*. Nemo se hostiis polluant Феодосия Великого

23. *Богданов Д.Е.* Конфликт полководцев Феодосия Великого (Промота, Абунданция и Тимасия) с «евнухом-консулом» Евтропием

24. *Наумов Д.Е*. О роли и месте союзников в позднеримской армии

25. *Руднева М.А*. Серапеум в Александрии Египетской

26. *Стржалковская А.Д.,* к.и.н. Историческое развитие обряда принятия в оглашенные в I-VII вв.

27. *Манохина О.А.,* к.и.н. Богословская традиция в Александрии и ее значение для христианской науки и школы

28. *Красникова А.Н*. Роль императорской семьи в становлении христианства в правление Феодосия II Малого

29. *Коломиец Н.В*. Церковная политика Анастасия I: взаимоотношения с Римом

30. *Болгов К.Н*. «Панегирик Анастасию» Присциана и латинская панегирическая традиция

31. *Чуева Ю.Ю*. Пульхерия, Евдокия, Верина – византийские императрицы V в.
32. *Гущин Е.В*. Римская (Византийская) империя к VI в.: геополитическое и военное положение
33. *Синица М.М*. Истоки римской государственности в представлениях византийской интеллигенции в VI в. (Иоанн Лид)
34. *Тринёва О.С*. Внешняя красота женщины в понимании византийцев (на примере Феодоры)
35. *Кобзева А.В*. «Византийский логос» Иоанна Малалы
36. *Попков К.О*. Византийско-иранская война 528-532 гг. в «Хронографии» Иоанна Малалы и «Войне с персами» Прокопия Кесарийского
37. *Минаев Е.С.* К топографии ранневизантийского Константинополя: формирование комплекса Большого императорского дворца
38. *Тельной А.А*. Иконография святых на миниатюрах Россанского кодекса
39. *Кривко Н.О.* Ранневизантийские представления об эстетике
40. *Козьякова Е.Д*. Хозяйственная жизнь ранневизантийского города (по Юлиану Аскалониту)
41. *Алимова О.В*. Ранневизантийская художественная школа в Сирии
42. *Скачко С.В*. Города ранневизантийской Палестины
43. *Третьякова Н.Е*. Маврусии в событиях эпохи утверждения власти Византии в Африке
44. *Курбанов А.В.* Христиане, иудеи и язычники в Газской области VI в. (по материалам «Переписки Варсануфия и Иоанна»)
45. *Звягинцев С.С.* Ранневизантийская миссия в Нубию: монофизиты и ортодоксы
46. *Головина О.В*. К вопросу о прерогативах власти Теодориха Великого как короля готов и италийцев
47. *Рышковская А.Ю*. Патриарх Софроний Иерусалимский и женское монашество ранневизантийской Палестины
48. *Костюкович А.А*. Диодор, Дионисий, Геродиан и Косьма Индикоплов в «Библиотеке» патриарха Фотия
49. *Грудинина О.С.* «Археология» Фукидида и «Введение» Зосима: начало и завершение классической исторической традиции
50. *Агаркова Ю.Н.* Позднеантичные празднества в Ранней Византии (Брумалии, Розалии, Бриты)

Археологический сезон, октябрь 2013

1. *Кривко Н*. Об итогах археол. сезона 2013 на объекте «Полянка» ВКАЭ
2. *Калашникова К., Стародубцев С., Кривко Н*. Археологическая практика в составе ВКАЭ 2013 (Полянка)
3. *Лопатина М., Кочергина Я*. Работы отряда «Фратрия»-2013.
4. *Алимова О., Скачко С*. Жизнь и быт отряда «Фратрия» 2013 г.
5. *Репина Е.В., асп.* Раскопки на городище Тиритака в 2013 г.

6. *Коломиец Н*. Жизнь и быт экспедиции на Тиритаке 2013 г.
7. *Синица М., маг*. Работы Порфмийской экспедиции 2013 г.
8. *Козьякова Е*. Жизнь и быт Китейской экспедиции.
9. *Дорохов М*. Китейское городище, сезон 2013 г.

Славные даты года 2013, ноябрь 2013

1. *Алейникова А.Н*. Мастер оперного жанра (к 200 летию Дж. Верди).
2. *Грудинина О.С*. Политические взгляды Р.Вагнера в его музыкальных произведениях.
3. *Лопатина М.Ю*. Миланский эдикт (1700 лет свободы Церкви).
4. *Наумов Д.В*. Философские идеи Дени Дидро.
5. *Сапенко В.Ю*. Жизнь и деятельность Джузеппе Верди.
6. *Скачко С.В*. Жизнь и творчество Рихарда Вагнера.
7. *Тринёва О.С.* «1700 лет Медиоланскому эдикту».

Европа регионов, декабрь

1. Ниминская А.С. Регион Кампанья (Италия) в исторической ретроспективе

2. Наумов Д.Е. Эльзас и Лотарингия во франко-прусской войне 1870-1871 гг.

3. Манаков Д.В. Противостояние Северной и Южной Италии

4. Родина Е.О. Децентрализация в Греции: программа «Калликратис»

5. Дорохов М.И., Третьякова Н.Е., Козьякова Е.Д. Микрорегионы Крыма: Керченский п-ов

Курбатовские чтения, Санкт-Петербург, ноябрь

1. Головина О.В. Италия при Теодорихе Великом (493-526 гг.): Остготское королевство как реализация идеи единого готско-римского государства

2. Кузнецов В.Н. Образ Феодосия Великого у христианских и языческих авторов

3. Богданов Д.Е. Участие варваров в борьбе Восточного и Западного дворов Римской империи в последней четверти IV века

4. Синица М.М. Византийские эпиграммы AG I. 1-18

5. Сулейманова А.Б. Религиозная жизнь Константинополя в Хронике Марцеллина Комита

Краеведение на пересечении дисциплин: достижения и проблемы, ХНУ, Харьков, декабрь

1. *Тринёва О., Алимова О.* Работы отряда «Фратрия» БГНИУ в составе ВКАЭ РАН в сезоне 2013 г. на городище Золотое Восточное.

Актуальные проблемы социально–гуманитарных наук, Днепропетровск, декабрь

1. *Алимова О.В.* Проблема поздней античности в современной исторической науке
2. *Грудинина О.С.* Изучение работ Зосима на основе сравнения «Новой Истории» и работ Аммиана Марцеллина

Археологические экспедиции 2013 г.
ВКАЭ ИА РАН

1. **Семичева Е.А.**
2. Поленова М.Е.
3. **Попов А.**
4. **Казначеева А.**
5. Клименко А.
6. **Моргунова Е.**
7. Шикерина А.
8. Семичев К.
9. Бородкин И.
10. Пономарева Н.
11. **Гребенкин И.**
12. Алексеенко В.
13. Водяницкий С.
14. Жилин Р.
15. Кременев Д.
16. **Фирсова Л.**
17. **Наумова В.**
18. Замулин В.

Отряд «Фратрия» ВКАЭ

1. Прокопенко С.Н.
2. Репина Е.
3. Кучеренко М.
4. Шпак А.
5. Девкин А.
6. Тринёва О.
7. Шумов А.
8. Кочергина Я.
9. Зайченко И.
10. Бузанаков Ю.
11. Алимова О.
12. Лопатина М.
13. Скачко С.
14. Бабаян С.
15. Минаев Е.
16. Косов П.

Китейская экспедиция ИА НАНУ

1. Дорохов М.
2. Гусева З.
3. Руднева М.
4. Манаков Д.
5. Третьякова Н.
6. Козьякова Е.
7. Гордиенко В.
8. Лаздовская Е.

Порфмийская экспедиция ИИМК РАН

1. Синица М.

Тиритака (Боспорская экспедиция ИВ НАНУ)

1. Репина Е.
2. Коломиец Н.
3. Шумов А.
4. Сапогов А.
5. Глотов С.
6. Удовина Р.
7. Шарабарин С.
8. Костенко Я.
9. Фуртаева А.
10. Кохан А.

Осенняя стажировка в Италии

1. Прокопенко С.Н.
2. Богданов Д.
3. Лопатина М.
4. Третьякова Н.
5. Руднева М.
6. Бабаян С.
7. Соколовская И.
8. Мартыненко А.

Дипломные работы и магистерские диссертации 2013 г.

1	Богданов Дмитрий Евгеньевич	Роль Флавия Стилихона в борьбе Восточного и Западного дворов Римской империи
2	Гридасова Юлия Дмитриевна	Роль Аттилы в становлении империи гуннов, ее развитии и упадке
3	Литвинова Анна Юрьевна	Вклад И.М. Гревса в антиковедение и медиевистику
4	Павлова Олеся Дмитриенва	Античная и ранневизантийская оккультная традиция
5	Тарасова Алена Владимировна	Специфика кулинарной традиции античности и Ранней Византии
6	Шаталова Ольга Николаевна	Гендерные аспекты и «история женщины» в античности
7	Лядвина Алла Юрьевна	Развитие церковной архитектуры в Византии в VI-XII вв.
8	Семеняка Анна Александровна	Культ Кибелы (Великой Матери) в античном Северном Причерноморье
9	Филатова Алина Эдуардовна	Динамика семейных ценностей в древнеримском обществе
10	Владимиров Кирилл Александрович	Влияние религии на систему ценностей римского воина I-IV вв.
11	Синица Марина Михайловна	Византийские эпиграммы Палатинской антологии
12	Сулейманова Антонина Бадрутдиновна	Пальмирское царство как историко-культурный феномен
13	Ходыкин Иван Михайлович	Международные связи Римской и Карфагенской Республик в V-II вв. до н.э.

АНТИЧНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТРЯДЫ НИУ «БЕЛГУ» 2014 Г.

М.И. Дорохов, М.Ю. Лопатина

С 7 по 27 июля студенты отрядов «Китей» (рук. – д.и.н., проф. Н.Н. Болгов) и «Фратрия» (рук. – к.и.н., доц. С.Н. Прокопенко) отправились в увлекательное путешествие, теперь уже в российский Крым, в город Керчь. Маршрут выдался весьма нелёгким. Проведя 17 часов в пути, в Порт-Кавказе, расположенном на северо-восточном побережье Черного моря, отряды ожидала переправа в Керчь. Затем необходимо было добраться до автовокзала, где каждый отряд отправился бы в указанный пункт назначения. Для китейского отряда этот сезон оказался принципиально новым. Изменилось место проведения раскопок, значительно расширился круг любителей археологии. Помимо 6 практикантов, желание принять участие в исследовании античного памятника изъявили 18 человек, в том числе и преподаватели НИУ «БелГУ» и ЯрГУ (Е.С. Данилов).

Раскопки проводились на объекте Полянка (III-II, I вв. до н.э.). Здесь уже и раньше проходили полевые работы (начиная с 80-х г. XX в.). Традиционно, на протяжении многих лет здесь работал отряд ВКАЭ под руководством Е.А. Семичевой. В результате исследования 5-ти новых квадратов экспедицией были обнаружены кладки, представлявшие собой помещения жилого или хозяйственного характера, фрагменты мостовой достаточно хорошей степени сохранности. Что касается находок, то они весьма скудны: керамика импортного и местного производства, кости животных. Также было обнаружено несколько амфорных ручек с клеймами. Однако, находки не играли первостепенного значения, так как целью раскопок является составление плана городища. Так как еще одной особенностью «Полянки», помимо датировки, является то, что это сельское поселение, но окружено крепостными стенами. Необычно и местоположения памятника, поселение находится в бухте, со всех сторон закрытой холмами, что делает немного неясным использование крепостных стен ниже горизонта холмов и даже степного участка вокруг поселения. Пожалуй, самой яркой находкой было то, что стена, которая по первичным оценкам должна была ограждать город в районе 3 квадрата – неожиданно протянулась в сторону южной стороны поселения, причем на расстоянии 10 м от нее была найдена еще одна кладка. В следующем году будут продолжены раскопки южной оконечности поселения. Была также реконструирована стена на первом квадрате – ее часть обвалилась внутрь раскопа, но, к счастью камни кладки не тронули процессы перемешивания и оползания почвы, и было несложно восстановить часть обрушений. Среди основных находок – керамика импортного и местного производства; кости животных. Из красноглиняной керамики необходимо отметить грузила, ручки амфор, венчики, донца, стенки сосудов. Был найден сосуд полной сохранности не вполне ясного, вероятно, культового назначения. Также обнаружено несколько клейм. Наибольший интерес представляют клейма родосского и синопского происхождения. Археологические работы и свободное времяпрепровождение в лагере оставили море впечатлений для всех участников сезона. А.А. Масленниковым

была прочитана лекция о памятнике, о легендах этих мест. Состоялись традиционные праздники – День сломанной лопаты, Посвящение в археологи, в которых приняли участие первокурсники и «новички» отряда. Новое место пребывания отличается интересной географией. Для первокурсников участие в экспедиции традиционно стало первым опытом практической деятельности, и возможно, началом пути в науку.

В аналогичной ситуации оказался и отряд ВКАЭ под рук. к.и.н., доцента Е.А. Семичевой, которому пришлось также обустраиваться на новом месте. С 22 (23) июля по 7 августа данный отряд занимался проведением раскопок в станице Ахтанизовской (Темрюкский район, Краснодарский край). Античное поселение «Ахтанизовская 4», расположенное на восточной окраине станицы Ахтанизовская, исследуется Таманской археологической экспедицией Исторического музея с 2004 г. Всего в сезоне 2014 г. отрядом ВКАЭ была исследована площадь ок. 350 кв. м на глубину до 2,1 м (за исключением рва, глубиной более 4 м от поверхности раскопа). В сезоне 2014 г. основное внимание было уделено исследованию рва. Исследованная его глубина, на сегодняшний день, достигает более 3 м, ширина около 7 м. Были разбиты новые квадраты и вскрыты на глубину до 0,8 м. Важная особенность исследуемого памятника – обнаружение на нем некрополя позднего времени, относящегося к ногайско-черкесскому населению. Эти погребения, совершенные по мусульманскому обряду, перекрывают античные напластования в центральной части холма – «цитадели». Отрядом было вскрыто 24 погребения; исследовано 6 костяков. Работы продолжались с 6.30 до 14.00 с перерывом на завтрак с 9 до 10 ч. Особое впечатление на участников произвело посещение раскопов в Фанагории и Гермонассе, а также Таманского археологического музея, где хранится множество различных находок, в том числе и с местных раскопов.

Отряд «Фратрия» (рук. – к.и.н., доц. С.Н. Прокопенко) продолжил свою работу на городище Золотое Восточное, или Сююрташ. В этом году отряду исполнилось три года. За время работы удалось собрать значительный археологический материал, что позволило составить сводные таблицы количественного соотношения керамики из абсолютно различных областей. В короткий срок отряду удалось провести ряд важнейших работ по сохранению памятника и дальнейшему исследованию его хозяйственной составляющей. Найдено большое количество клейм, венчиков и горловин сосудов амфорного типа, лепной и чернолаковой керамики.

К сожалению, в этом году наши студенты, магистранты, аспиранты не приняли участие в других античных экспедициях – «Тиритака», «Порфмий», где в прежние годы было представлено наше научное направление.

Для тех же, кто впервые оказался в полевых условиях – это бесспорный опыт, как в практической археологической деятельности, так и в умении выстраивать взаимоотношения в коллективе.

Уже по сложившейся традиции, итоги сезона были подведены на ежегодной научно-практической конференции 7 ноября 2014 г., посвященной закрытию археологического сезона, и сопровождались выпуском традиционных стенгазет, подготовкой докладов, а также показом фильмов и презентаций.

РИМСКИЙ МИФ

Н.Н. Болгов, А.Н. Алейникова

С 18 по 27 октября 2014 г. группа студентов, аспирантов и преподавателей ИФФ БелГУ уже в третий раз приняла участие в стажировке по программе Везувианского института археологических и гуманитарных исследований. Для многих участников знакомство с Италией было первым.

Наверное, у каждого человека существует некий образ относительно той или иной страны, исторической эпохи и т.д. Но только историк может видеть и ощущить все исторические эпохи вместе, одновременно осознавая их, пребывая в стране. Насыщенность Италии культурой, наследием различных эпох, наверное, самая концентрированная в Европе. И это, пожалуй, главное, что ощущается в этой стране.

Эта поездка позволила познакомиться с целым рядом античных памятников – Помпеи, Геркуланум, Стабии, Путеолы, Байи, современными городами Неаполь, Сорренто, а также Везувием. Совсем рядом, в пределах видимости, остались Кумы, Нола, Капри, Искья. И «сверх плана» в этом году удалось увидеть Рим – и соотнести собственный «римский миф» с реальностью.

Наверное, нет более важного города в европейской культуре в целом, чем родина европейского государства и права, родина имперской идеи и спаситель античного наследия, родина европейского христианства и Возрождения, папская столица и город фонтанов, и многое-многое другое. И всё это вместе сосуществует в современном Риме в едином хронотопе.

Но все же, прежде всего, хотелось увидеть и ощутить образ имперского Рима. Первыми подступами к нему стали мавзолей Адриана (замок св. Ангела), ипподром Домициана (Пьяцца Навона), Пантеон – чудо, в котором бетонная Римская империя как бы обросла ренессансными и барочными цветами, оставшаяся на задворках колонна Марка Аврелия…

Он открылся неожиданно, с площади Венеции, обходя слева монументальное белоснежное палаццо эпохи Муссолини, пешеходная зона Форо Империале привела прямо на форумы. В очередной раз пришлось убедиться в том, что лучше один раз увидеть, чем сто раз прочитать… Форумы, переходящие один в другой, оказались в целом, в пределах археологической зоны, значительно больше, чем это представлялось «теоретически». Сакральная зона «справа» - Форум Юлия – почти спрятала за собой Капитолий, который трудно было угадать за чередой зданий. Конечно, он представлялся несколько иным, но ведь его образ в древности – это одно, а наши дни – другое. Поэтому ощущение места, конечно, посетило, но две реальности, два образа, совместились не во всем.

Открывшаяся слева колонна Траяна, конечно, в древности выглядела иначе, но в Вечном городе и здания XIX века становятся достойным обрамлением классики. Статуи императоров словно подсказывали, на каком форуме ты в данный момент находишься.

В какой-то момент совсем неожиданно открылся Колизей. Половина его отреставрирована, а другая половина обнажена до изначального камня. Наверное, главный символ Рима стал венцом погружения в эпоху.

Рядом располагались триумфальные арки. Еще далее – термы Диоклетиана, акведук. Уже по дороге, в сумерках, удалось не столько увидеть, сколько ощутить Большой Цирк, и все-таки увидеть катакомбы.

Если к этому добавить Ватикан (который, в принципе, оказался наиболее близок к образу, который существовал до личного знакомства, кроме собора св. Петра, оказавшегося все же роскошнее ожиданий), то можно сказать что личное знакомство с главным европейским мифом состоялось.

В красноватых лучах закатного солнца, под пронзительно голубым («адзурра») небом чернели темно-зеленые кроны пиний, которые так способствуют созданию местного колорита. Мы покидали Вечный город, до глубины души проникшись многовековой культурой, насыщенным воздухом «энтелехии», творческой энергии, которую в этих местах отдавали «городу и миру» многие великие люди. Эта энергия ныне заметно иссякает. Закат Европы совпал с закатом дня.

И всё же увидеть Рим – лучше поздно, чем никогда. Пусть у каждого окажется свой Рим, и пусть реальный город окажется еще одной гранью бесконечного римского мифа, Вечного города.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЗДНЯЯ АНТИЧНОСТЬ И ЛАТИНСКИЙ ЗАПАД

РАННЯЯ ВИЗАНТИЯ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

РЕЦЕНЗИИ

ПЕРЕВОДЫ ИСТОЧНИКОВ

ПЕРЕВОДЫ МАТЕРИАЛОВ

ХРОНИКА

Научное издание

КЛАССИЧЕСКАЯ И ВИЗАНТИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ. 2014

Материалы VIII международной научной конференции

План 2014 г.

Ответственный редактор-составитель:
Болгов Николай Николаевич

Компьютерная верстка
О.О. Петрова

Подписано в печать 02.12.2014. Заказ № 57. Тираж 200 экз.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 23,25. Гарнитура Times New Roman.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ООО «ЭПИЦЕНТР»
308010, г. Белгород, ул. Б. Хмельницкого, д. 135, офис 40.